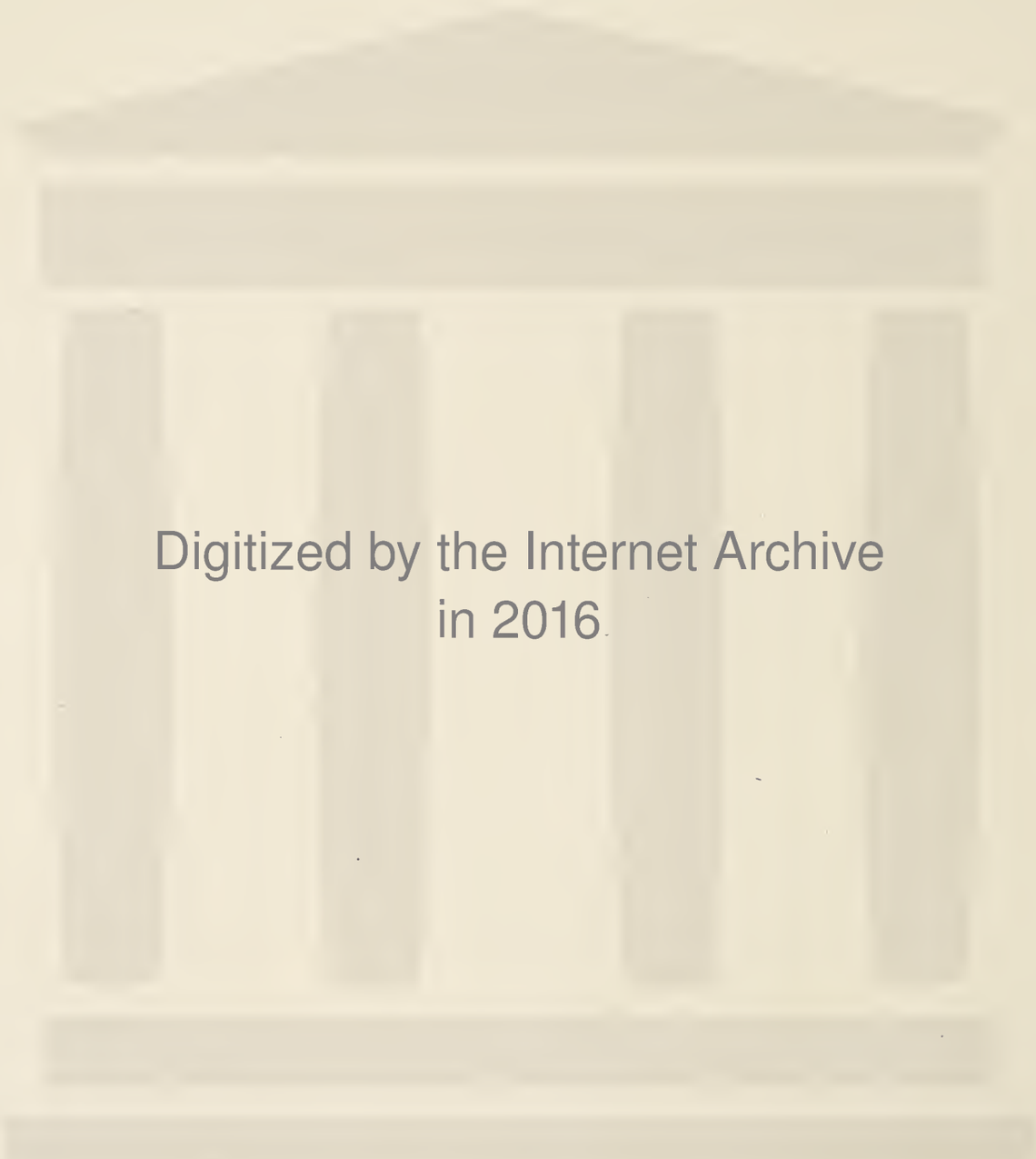


Digitized by the Internet Archive
in 2016

https://archive.org/details/trudysedmagoarkh01arkh

Travaux

ТРУДЫ

Du VIIe Congrès archéologique

СЕДЬМАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО СЪѢЗДА

tenu à Jaroslaf.

ВЪ ЯРОСЛАВЛѢ

1887

Подъ редакціей графини Уваровой

rédaction de la Comtesse Ouvaroff.

Томъ I

МОСКВА
Типографія Э. Лисснера и Ю. Романа, Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., д. Лисснера
1890

ТРУДЫ

VII АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО СЪѢЗДА

ТРУДЫ

СЕДЬМАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО СЪѢЗДА

ВЪ ЯРОСЛАВЛѢ

1887

Подъ редакціей графини Уваровой

Томъ I

МОСКВА
Типографія Э. Лисснера и Ю. Романа, Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., д. Лисснера
1890

Печатается на основаніи постановленія Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества.

Предсѣдатель графиня ***Уварова.***

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Бранденбургъ, Н. Е. О признакахъ курганныхъ могилъ языческихъ славянъ въ сѣверной полосѣ Россіи.. 1

Ушаковъ, Я. А. Расконки въ Мышкинскомъ уѣздѣ 1887 г. 24

Поливановъ, В. Слѣды курганной старины въ Симбирской губерніи. 35

Бережковъ, М. Н. Старый Холопій городокъ на Мологѣ и его ярмарка. 40

Миловидовъ, Н. О Костромѣ въ историко-археологическомъ отношеніи. 54

Бакалъй, Д. Н. „Что желательно для русской исторической географіи?“ 73

Троицкій, Н. Н. Берега рѣки Непрядвы въ историко-археологическомъ отношеніи. 80

Завитневичъ, В. Существовало ли славянское племя Суличи? 98

Верещагинъ, А. С. Заселена ли была Вятка новгородскими выходцами въ XII вѣкѣ? 104

„ Откуда почерпнуты и насколько достовѣрны вообще показанія „вятскаго лѣтописца („повѣсти о странѣ вятской?“) 117

Покровскій, Н. В. Стѣнныя росписи въ древнихъ храмахъ греческихъ и русскихъ:

Введеніе 135

Глава I. Стѣнныя росписи въ памятникахъ древне-христіанскаго періода. Мозаики римскія, равеннскія и др. Свѣдѣнія объ этомъ предметѣ въ памятникахъ древней письменности 142

Глава II. Памятники византійскіе. Мозаики въ храмахъ солунскихъ св. Георгія и Софіи. Мозаики Софіи константинопольской. Свѣдѣнія о стѣнныхъ росписяхъ VI в. въ похвальномъ словѣ Хорикія Маркіана. Роспись въ храмѣ св. Марка въ Венеціи и въ памятникахъ южной Италіи и Сициліи. Мозаика въ монастырѣ св. Луки въ Фокидѣ. Мозаика въ монастырѣ Дафни. Храмъ Спасителя въ Константинополѣ (Кахріе Джами). 157

Глава III. Древнѣйшія стѣнописи въ Россіи. Византійскій характеръ ихъ. Мозаика и фрески въ храмахъ кіевскихъ: Кіево-Софійскій соборъ, Михайловскій монастырь, Кирилловъ монастырь 170

Глава IV. Стѣнописи новгородскія: Софійскій соборъ; фрески въ церкви Спаса въ Нередицахъ, вопросъ о древности ихъ; церковь св. Георгія въ Старой Ладогѣ; ц. Успенія Пресв. Богородицы въ с. Волотовѣ, ц. Ѳеодора Стратилата, ц. Благовѣщенія въ Аркажѣ, ц. Благовѣщенія въ Городищѣ, ц. св. Николая на Липнѣ, ц. въ Гостинополѣ, обыденная церковь въ Звѣринѣ монастырѣ. Стѣнописи Мирожскаго монастыря въ Псковѣ 183

Глава V. Стѣнописи владиміро-суздальскія. Дмитровскій соборъ. Стѣнописи Успенскаго собора. Выводы изъ обозрѣнія памятниковъ византійскихъ и древнерусскихъ: характеристика общаго типа храмовой росписи, въ связи съ символическими воззрѣніями на храмъ и его составныя части въ сочиненіяхъ греческихъ литургистовъ 202

Глава VI. Греческія стѣнописи XVI — XVII вв. Новая эпоха въ исторіи греческаго искусства. Школа Панселина и ея значеніе. Аѳонскія стѣнописи XVI вѣка въ Протатѣ, въ лаврѣ св. Аѳанасія, въ Кутлумушѣ, Ксенофѣ, въ церкви св. Андрея въ Аѳинахъ. XVII вѣкъ: стѣнописи въ Аѳоно-Иверскомъ монастырѣ, въ Ватопедскомъ, Пантократорскомъ, въ Лаврскомъ параклисѣ св. Михаила и въ церкви свв. Архангеловъ въ Зографѣ. XVIII вѣкъ: стѣнописи въ Каракаллѣ, въ Хиландарскомъ соборѣ, въ Лаврскомъ параклисѣ Вратарницы, въ Дохіарскомъ параклисѣ Скоропослушницы, въ Филоѳеевскомъ соборѣ. Замѣчанія о спеціальныхъ росписяхъ Аѳонскихъ параклисовъ, фіаловъ и о росписяхъ XIX в. Стѣнописи саламинскія 214

Глава VII. Выводы объ основныхъ чертахъ греческой росписи въ этотъ періодъ въ связи съ нормальнымъ канономъ росписи въ грческомъ иконописномъ подлинникѣ 240

Глава VIII. Стѣнописи русскія XVI — XVIII вв. Общая характеристика ихъ. Стѣнописи московскихъ соборовъ. Стѣнописи въ Ярославлѣ; XVI вѣкъ: соборъ Спасопреображенскаго монастыря; XVII вѣкъ: Успенскій соборъ, Ильинская церковь, ц. Іоанна Предтечи въ Толчковѣ, ц. Николопадѣинская, ц. Николомокринская, ц. Ѳеодоровская, ц. Іоанна Златоуста въ Коровникахъ, ц. Христорождественская, ц. Петронавловская, ц. Богоявленская, ц. Димитрія Солунскаго, ц. Спасонагородская. XVIII вѣкъ: стѣнописи въ церквахъ Крестовоздвиженской и Варваринской. Стѣнописи Крестовоздвиженскаго собора въ г. Романовѣ и Воскресенскаго собора въ г. Борисоглѣбскѣ. Стѣнописи вологодскихъ храмовъ: Софійскаго собора и Іоанна Предтечи въ рощенѣ. Замѣчанія о стѣнописяхъ ростовскихъ и костромскихъ. — Выводы объ общемъ типѣ росписи этаго періода. Отношеніе стѣнныхъ росписей къ иконографическому содержанію русскихъ иконостасовъ 246

Перечень снимковъ.

А. Стѣнописи Спасонередицкой церкви.

Стран.

Таблица I. Богоматерь въ алтарной апсидѣ и уготованіе престола — въ алтарномъ сводѣ 188

„ II. Апостолы — въ барабанѣ купола 189

„ III. Св. діаконы Авивъ и Лаврентій — въ алтарѣ; вел. кн. Ярославъ Владиміровичъ на южной стѣнѣ храма 190

„ IV. Св. мученицы — въ діаконикѣ; Рождество Христово — на хорахъ . 191

„ V. Введеніе Богоматери во храмъ и срѣтеніе Господне — на сѣверной стѣнѣ храма; часть изображенія страшнаго суда (апостолы на престолахъ Судія въ ореолѣ, ангелы, уготованіе престола, праведные вѣсы, ангелъ свиваетъ небо; адъ) — на западной стѣнѣ 192

„ VI. Рождество Богородицы — на восточномъ фасѣ сѣвернаго столпа. Святый Несторъ. Крещеніе Господне — на южной стѣнѣ 193

„ VII. Продолженіе картины страшнаго суда: апостолы на престолахъ и ангелы, группы праведниковъ; Богоматерь въ раю среди ангеловъ и благоразумный разбойникъ 194

Б. Стѣнописи ярославскихъ церквей:

а) Ильинской.

„ VIII. Да молчитъ всякая плоть человѣча, — изображеніе въ алтарѣ; Нынѣ силы небесныя съ нами — въ малой юго-восточной апсидѣ . . . 259

„ IX. Вознесеніе Господне — въ западной части свода 262

„ X. Лоно Авраама — въ паперти надъ дверями . . . . . —

„ XI. Положеніе ризы Господней въ Успенскомъ соборѣ, — изображеніе въ придѣлѣ положенія ризы Господней 263

б) ц. Іоанна Предтечи.

„ XII. О тебѣ радуется, благодатная — на плафонѣ алтаря 264

„ XIII. Литургія — въ алтарѣ; чудесные разсказы изъ Цвѣтника 266

„ XIV. Продолженіе литургіи и разсказовъ Цвѣтника . . . . . —

Стран.

Таблица XV. Чудесное обращеніе жидовина и царя сарацинскаго въ христіанство, — изображенія въ жертвенникѣ 273
„ XVI. Святые русской церкви — въ діаконикѣ 274
„ XVII. Рождество Богородицы и благовѣщеніе — въ сводѣ. 275
„ XVIII. Премудрость созда себѣ домъ — въ западной части свода 276
„ XIX. Плоды страданій Христовыхъ, — изображеніе въ южной паперти . . 277
„ XX. Живой крестъ, — снимокъ съ картины XV в. изъ собранія Соммерара въ парижскомъ музеѣ Клюни 278

в) ц. Николомокринской.

„ XXI. Евхаристія — на западной стѣнѣ алтаря — надъ царскими вратами. 281
„ XXII. Воскресеніе Христово — въ самой апсидѣ — съ правой стороны алтаря. 282
„ XXIII. Вселенскіе соборы (1-й и 2-й) на южной стѣнѣ въ средней части храма. —

г) ц. Ѳеодоровской.

„ XXIV. Нѣкоторыя изображенія страстей Христовыхъ; чудо иконы Ѳеодоровской Богоматери во время пожара въ костромскомъ Успенскомъ соборѣ; видѣніе Темиръ-Аксака (изъ Исторіи иконы Влахернской Богоматери) — на стѣнахъ средней части храма 288

д) ц. Іоанна Златоуста.

„ XXV. Евангелистъ Лука пишетъ икону Богоматери; встрѣча иконы Владимірской Богоматери въ московскомъ Успенскомъ соборѣ; событія изъ жизни св. Іоанна Златоуста (рожденіе, крещеніе и др.); изгнаніе изъ храма торговцевъ 290
„ XXVI. Недреманное око. . . . . —

е) ц. Димитрія Солунскаго.

„ XXVII. Часть изображенія страшнаго суда — на западной стѣнѣ храма . . 294

О признакахъ курганныхъ могилъ языческихъ славянъ въ сѣверной полосѣ Россіи.

Н. Е. Бранденбургъ.

Предложенный настоящему съѣзду вопросъ о томъ — „могутъ ли быть нынѣ указаны какіе-либо существенные признаки отличія курганныхъ могилъ языческихъ славянъ, отъ таковыхъ же могилъ народностей финскихъ, въ сѣверной полосѣ Россіи“, слагается изъ двухъ частей: существуютъ ли вообще особые признаки для славянскихъ могилъ въ Россіи и какіе изъ этихъ признаковъ могутъ быть присущи могиламъ славянъ сѣверной полосы Россіи. Обѣ части эти приходится разсмотрѣть отдѣльно.

Попытки выяснить опредѣленныя черты, присущія могиламъ языческихъ славянъ, начались давно, ибо съ такимъ важнымъ вопросомъ должны были столкнуться первые же шаги доисторической археологіи въ области славянства, но во-первыхъ, попытки эти не дали никакихъ устойчивыхъ результатовъ, которые бы выдерживали научную критику (на что съ достаточною убѣдительностью и указано, напр., въ почтенномъ трудѣ г. Котляревскаго о тѣхъ же погребальныхъ обычаяхъ), а во-вторыхъ, онѣ относились лишь къ нѣкоторымъ территоріямъ славянъ западныхъ (Мекленбургъ, Померанія и др.), мало что еще освѣщающихъ въ томъ же вопросѣ относительно славянъ восточныхъ, т.-е. на нынѣшней территоріи Россіи, несмотря на родовую связь между обоими.

Что же касается собственно до могилъ славянъ восточныхъ, то хотя вопросъ о нихъ и бывалъ возбуждаемъ, но одинаково безъ всякихъ положительныхъ результатовъ. Такъ, между прочимъ, еще, напр., на разрѣшеніе перваго археологическаго съѣзда, т.-е. почти 20 лѣтъ тому назадъ, была поставлена задача опредѣлить — имѣютъ ли курганы славянскаго племени особые отличительные признаки, но задача осталась безъ рѣшенія и только какъ бы въ видѣ комментарія на нее было сдѣлано сообщеніе (впрочемъ въ изданныхъ трудахъ Съѣзда даже не появившееся) относительно современнаго состоянія вопроса о признакахъ славянскихъ могилъ, на основаніи сочиненій Воцеля, Тышкевича, Лелевеля и др., сообщеніе, во всякомъ случаѣ, слишкомъ общее и никакого конкретнаго представленія не дающее.

Такимъ образомъ, хотя важность вопроса объ опредѣленіи народности могилъ вообще, или славянскихъ въ частности, и была вполнѣ сознаваема, но тѣмъ не менѣе

самое рѣшеніе задачи, т.-е. въ данномъ случаѣ установленіе какихъ-либо отличительныхъ признаковъ могилъ восточныхъ славянъ, не подвинулось до сихъ поръ ни на іоту, несмотря на то, что въ тотъ же періодъ времени явились даже почтенные труды, спеціально посвященные славянской погребальной символикѣ, какъ напр., вышеупоминавшійся трудъ г. Котляревскаго. Мало того, о томъ же вопросѣ сложилось даже мнѣніе, что его слѣдуетъ, такъ сказать, сдать въ архивъ, ибо онъ долженъ быть причисленъ къ числу неразрѣшимыхъ и въ будущемъ!

Я полагаю, что въ настоящемъ случаѣ не будетъ излишнимъ коснуться нѣсколько причинъ указаннаго застоя, почему и позволю себѣ сказать нѣсколько предварительныхъ словъ по этому поводу.

По нашему мнѣнію, причина неудачи попытокъ къ уясненію признаковъ славянскихъ могилъ, заключается главнѣйшимъ образомъ какъ въ свойствахъ относящагося сюда археологическаго матеріала, который безъ колебанія можетъ быть названъ далеко неудовлетворительнымъ, такъ и въ самомъ методѣ установленія или выясненія погребальной символики въ данномъ случаѣ.

Останавливаясь нѣсколько на первомъ, т.-е. на оцѣнкѣ самого матеріала, мы сразу наталкиваемся на его существенную характеристику — на отсутствіе какой-либо системы въ его собираніи! Въ самомъ дѣлѣ нельзя не замѣтить, что производившіяся до сихъ поръ въ предѣлахъ Россіи курганныя раскопки имѣли совершенно иное направленіе и если касались мѣстностей, изстари заселенныхъ тѣми или другими славянскими племенами, то или совершенно случайно, только всколзь, или совершенно отрывочно и, во всякомъ случаѣ, въ далеко недостаточныхъ размѣрахъ. По причинамъ не совсѣмъ яснымъ, тѣ немногія, но вмѣстѣ съ тѣмъ весьма крупныя серіи курганныхъ раскопокъ послѣдняго времени были посвящены изслѣдованію двухъ инородческихъ племенъ Россіи, именно Мери и Води, хотя и имѣвшихъ, какъ элементы финскіе, широкое этнографическое значеніе въ племенномъ составѣ русскаго государства, но тѣмъ не менѣе представлявшихъ значеніе второстепенное; къ тому же и самые результаты этихъ раскопокъ многихъ тысячъ кургановъ частью обнародованы не въ достаточно желаемой полнотѣ, частью же даже лежатъ еще подъ спудомъ, ожидая изданія. Затѣмъ, какъ извѣстно, многолѣтніе труды были положены на изслѣдованіе южно-русскихъ памятниковъ Геродотовой Скиоіи, хотя и представлявшихъ высокій научный интересъ, но къ славянству отношенія не имѣющихъ, или развѣ лишь самое глухое, отдаленное. Занимались спеціальнымъ изслѣдованіемъ нашихъ окраинъ Беръ, Крузе и т. д.; все это цѣнные и крупные труды, но въ вопросѣ о славянскихъ могилахъ, какъ уже сказано, они могутъ имѣть лишь вспомогательное значеніе.

Далѣе слѣдуетъ цѣлый рядъ второстепенныхъ по объему и значенію изслѣдованій кургановъ, производившихся въ разныхъ и многихъ мѣстностяхъ Россіи, но не направленныхъ къ капитальному рѣшенію той или другой широкой задачи, или, по крайней мѣрѣ, въ размѣрахъ далеко для того недостаточныхъ; наконецъ имѣется множество изслѣдованій единичныхъ, бо́льшей частью не вызывавшихся какой-либо общей руководящей цѣлью, а представлявшихъ просто лишь частную случайную раскопку подвернувшагося подъ руку кургана. Какъ тѣ, такъ и другія нерѣдко касались и мѣстно-

стей, издревле занятыхъ славянскими поселеніями, напр., Полянъ, Сѣверянъ, Кривичей, Ильменскихъ славянъ и проч., но, во-первыхъ, о многихъ изъ нихъ не появлялось до сихъ поръ въ печати ничего, а, во-вторыхъ, во всякомъ случаѣ этотъ матеріалъ, нося болѣе характеръ случайнаго, является вполнѣ отрывочнымъ.

Отрывочность эта окажется еще болѣе ощутительною, если принять во вниманіе всю политическую и даже этнографическую рознь славянскаго племени, начало которой теряется еще во мракѣ доисторическаго періода. Разныя вѣтви славянъ, разсѣянныя на огромномъ пространствѣ, должны были, подъ вліяніемъ неодинаковыхъ условій своего быта, утратить свое этнографическое единство и получить разныя особенности даже въ такихъ существенныхъ чертахъ, какъ проявленія своей духовной жизни, напр., обрядахъ или вѣрованіяхъ; въ болѣе мелкомъ масштабѣ то же самое примѣняется и къ группѣ славянъ восточныхъ, представляющихъ ту же рознь даже на первыхъ страницахъ исторіи, такъ что среди древнихъ славянскихъ насельниковъ Россіи развились не менѣе существенныя этнографическія особенности, могущія обособливать каждое племя, какъ самостоятельную область для изслѣдователя.

Отсюда ясно, что указанная выше отрывочность наличнаго археологическаго матеріала для погребальной символики восточныхъ славянъ становится еще осязательнѣе, ибо собранный понынѣ матеріалъ въ каждомъ данномъ случаѣ имѣетъ только свое, такъ сказать, мѣстное значеніе; другими словами, если въ общей своей сложности весь запасъ собраннаго матеріала не можетъ, какъ указывалось выше, признаваться за удовлетворительный, то части его, приходящіяся на долю того или другого славянскаго племени въ отдѣльности, получаютъ еще менѣе значенія, ибо объемъ ихъ умаляется уже почти до значенія единичныхъ фактовъ, имѣющихъ мѣсто лишь въ той или другой этнографической области и не приложимыхъ къ третьей. Такъ, напр., выдѣляя изъ всей суммы курганныхъ раскопокъ въ Россіи тѣ, которыя приходятся на области древнихъ Кривичей, или, напр., Славянъ Ильменскихъ, мы получаемъ лишь весьма скудный археологическій матеріалъ для каждой изъ нихъ въ отдѣльности.

Въ виду этого можно, кажется, положительно утверждать, что, не отвергая даже частнаго значенія упоминаемыхъ раскопокъ, нельзя въ то же время никоимъ образомъ строить на основаніи ихъ какую-либо научную систему; это пока еще не болѣе, какъ скудные обрывки той загробной лѣтописи нашихъ языческихъ предковъ, которую могутъ возстановить только болѣе широкія и систематическія изслѣдованія.

Не менѣе указанной неудовлетворительности самого матеріала имѣетъ вліяніе въ данномъ случаѣ и тотъ методъ или пріемъ, помощью котораго могутъ быть дѣлаемы попытки опредѣленія народности тѣхъ или другихъ могилъ — въ частномъ случаѣ напр. могилъ Славянъ восточныхъ.

Методъ можетъ быть прилагаемъ двоякій: а) аналитическій, при которомъ культура и погребальная символика данной серіи могилъ подводятся подъ установленные уже признаки для той или другой народности и отсюда выводится соотвѣтственное заключеніе о принадлежности могилъ, вновь изслѣдуемыхъ, и б) синтетическій, при которомъ, наоборотъ, изъ длиннаго ряда наблюденій надъ культурой и символикой большаго числа могилъ одной мѣстности, въ связи съ данными географическими и хронологи-

ческими, выводятся и устанавливаются самые признаки, какъ присущіе той или другой народности.

Мы должны нѣсколько остановиться на оцѣнкѣ обоихъ, чтобы, по возможности, выяснить степень ихъ пригодности въ интересующемъ насъ вопросѣ.

Обращаясь къ методу аналитическому, приходится прежде всего рѣшить — откуда могутъ быть почерпнуты факты, необходимые для постройки извѣстнаго критерія, требуемаго этимъ методомъ? Единственнымъ источникомъ въ данномъ случаѣ, очевидно, являются только свидѣтельства исторіи, содержаніемъ которыхъ такимъ образомъ обусловливается и практичность или приложимость самого метода изслѣдованія.

Свидѣтельства эти подробно уже разобраны и оцѣнены литературою[1]), почему мы можемъ здѣсь ограничиться только самымъ общимъ ихъ сводомъ.

Извѣстно, что до насъ дошла цѣлая серія показаній арабскихъ писателей, съ начала X до половины XIV столѣтія, но такъ какъ большая часть ихъ только цитируетъ или повторяетъ другъ друга въ разбираемомъ отношеніи, то основными данными являются только показанія трехъ, а именно Ибнъ-Даста, Массуди и Ибнъ-Фодлана,— всѣ X вѣка.

Ибнъ-Дастъ говоритъ о Славянахъ, что они сожигаютъ трупъ своего покойника и, собравъ пепелъ съ огневища, складываютъ его въ сосудъ, который ставятъ на холмѣ. О знатныхъ же Руссахъ —, что ихъ погребаютъ въ могилѣ, куда помѣщаютъ и жену покойнаго; съ послѣднимъ кладутъ и разные предметы бытовой его обстановки.

Массуди передаетъ, что языческіе Славяне и Руссы сожигаютъ своихъ мертвыхъ вмѣстѣ съ ихъ женами и бытовой обстановкой.

Наконецъ изъ наиболѣе любопытнаго и обстоятельнаго разсказа Ибнъ-Фодлана видно, что Руссы сожигали покойника въ полномъ его нарядѣ и вооруженіи, а затѣмъ надъ кострищемъ насыпали холмъ, на которомъ воздвигалась какая-то деревянная постройка.

Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ вся суть основныхъ арабскихъ свидѣтельствъ. Къ двумъ первымъ изъ нихъ почти ничего существеннаго не прибавляется и въ самыхъ текстахъ ихъ авторовъ, такъ что сказанное выше почти дословно ихъ и исчерпываетъ. Что же касается третьяго, то хотя разсказъ Ибнъ-Фодлана и отличается весьма важными и дальнѣйшими подробностями обрядовой стороны видѣннаго имъ погребенія, но къ вопросу непосредственно объ устройствѣ могилъ, онѣ уже не имѣютъ отношенія.

Итакъ, въ итогѣ приведенныхъ показаній получается представленіе не вполнѣ ясное, ибо свидѣтельства сказанныхъ писателей не совсѣмъ сходятся между собою; напр. Ибнъ-Дастъ говоритъ о трупосожженіи съ положеніемъ костей въ сосуды, обстоятельство довольно существенное, а Ибнъ-Фодланъ, отличающійся, какъ очевидецъ, такими подробностями своего разсказа, что не упустилъ, напр., даже упомянуть о начертаніи имени усопшаго на его могилѣ, не говоритъ, между тѣмъ, о положеніи костей въ сосудъ ни слова! Изъ тѣхъ же источниковъ явствуетъ, что языческому славянству не былъ чуждъ и обычай обыкновеннаго погребенія.

---

[1]) *Котляревскій:* „О погреб. обыч. язык. славянъ“ и другіе.

Затѣмъ имѣется довольно опредѣленное извѣстіе нашей начальной лѣтописи, передающей, по крайней мѣрѣ, о нѣкоторыхъ славянскихъ племенахъ, что послѣднія сжигали своихъ покойниковъ на кострахъ и испепеленныя кости ихъ полагали въ сосуды, которые помѣщали на столпѣ (курганѣ). Но въ той же лѣтописи почерпается указаніе на существованіе у славянъ также и обыкновеннаго погребенія (напр. у Древлянъ и Полянъ).

Наконецъ, если сюда присоединить еще свидѣтельство Льва, діакона Калойскаго, объ извѣстномъ фактѣ сожженія воинами Святослава своихъ убитыхъ подъ Доростоломъ товарищей, при чемъ на могилѣ павшихъ были избиты плѣнные непріятели, то весь имѣющійся въ разбираемомъ отношеніи историческій матеріалъ оказывается исчерпаннымъ.

Замѣтимъ при этомъ, что мы уже оставляемъ въ сторонѣ всѣ сомнѣнія или разногласія, существующія напр. относительно того, о какихъ именно Славянахъ и Руссахъ идетъ рѣчь у арабскихъ писателей, хотя разногласія эти иногда настолько существенны, что напр. въ вопросѣ о Руссахъ, встрѣченныхъ пресловутымъ Ибнъ-Фодланомъ въ Болгаріи, одни видятъ въ нихъ русскихъ Славянъ, другіе — финское племя Мери, третьи, наконецъ, даже Тюрковъ. Для насъ это является обстоятельствомъ второстепеннымъ, потому что, какъ мы постараемся показать ниже, изъ самыхъ извѣстій, заключающихся въ приведенныхъ источникахъ не почерпается ничего, что бы было практически приложимо къ установленію отличительныхъ признаковъ славянскихъ могилъ.

Въ самомъ дѣлѣ, какіе же наглядные признаки послѣднихъ мы можемъ вывести изъ сказанныхъ свидѣтельствъ?

Трупосожженіе, въ общемъ смыслѣ, не исключавшее въ то же время, какъ мы видѣли, и погребенія обыкновеннаго? Но какъ то, такъ и другое одинаково и одновременно практиковалось и другими инородческими племенами Россіи, напр. финскими. Детали похороннаго обряда послѣ трупосожженія въ разныхъ мѣстностяхъ неодинаковы, для сравненія чего можно взять, напр., хоть курганы Смоленской губерніи и курганы приладожскіе, но эти различія обнаруживаетъ непосредственно сама же курганная практика, а изъ историческихъ свидѣтельствъ ихъ не видно.

Трупосожженіе съ положеніемъ костей въ сосуды, хотя и пріурочиваемое къ славянскимъ племенамъ также и нашей начальной лѣтописью, равнымъ образомъ не можетъ служить отличительнымъ признакомъ только могилъ славянскихъ; этотъ видъ погребальнаго обычая, какъ показали курганныя раскопки послѣдняго времени, одинаково имѣлъ мѣсто и у языческихъ инородцевъ древней Руси, какъ, напр., у финскихъ племенъ Води и Мери.

Человѣческія жертвоприношенія, сопровождавшія ту или другую форму погребенія, также не составляли исключительнаго обычая только языческихъ Славянъ; къ тому же слѣды этого обычая весьма затруднительны для наблюденія и легко могутъ или совершенно ускользнуть отъ послѣдняго, или же быть смѣшаны съ обстоятельствами совершенно посторонними.

Наконецъ помѣщеніе въ могилу различныхъ предметовъ бытовой обстановки, а равно и сооруженіе самой погребальной насыпи представляютъ погребальные пріемы, вездѣ повторяющіеся; при этомъ любопытно развѣ отмѣтить, быть можетъ, характерное

именно для славянскихъ могилъ показаніе Ибнъ-Фодлана относительно заключительнаго акта видѣнной имъ церемоніи, т.-е. о возведеніи на погребальномъ холмѣ какого-то деревяннаго сооруженія. Въ изслѣдованіи г. Котляревскаго указываются слѣды того же обычая и въ нашихъ отечественныхъ источникахъ, по которымъ обыкновеніе дѣлать особую надстройку надъ могилою свойственно было не только нашимъ языческимъ предкамъ, но не такъ давно еще существовало и въ наши дни между христіанскимъ населеніемъ нѣкоторыхъ русскихъ губерній. Очень можетъ быть, что подобное обстоятельство дѣйствительно могло служить однимъ изъ существенныхъ внѣшнихъ отличій славянскихъ могилъ, но, къ сожалѣнію, самое свойство этихъ деревянныхъ сооруженій, какъ памятниковъ далеко не долговѣчныхъ, лишаетъ приведенное свидѣтельство всякаго практическаго значенія.

Итакъ дошедшіе до насъ историческіе источники не сообщаютъ необходимыхъ данныхъ, на основаніи которыхъ могъ бы выработаться извѣстный, болѣе или менѣе точный критерій для распознаванія могилъ нашихъ языческихъ предковъ. Высказываясь въ этомъ смыслѣ, мы не думаемъ однако отвергать вполнѣ значеніе подобныхъ свидѣтельствъ, такъ какъ въ связи съ непосредственно археологическими изслѣдованіями они все-таки остаются важными документами, но повторяемъ, что, для постройки извѣстной археологической системы, ихъ совершенно недостаточно; поэтому и самъ аналитическій методъ изслѣдованія, въ основаніе котораго они должны быть положены, не можетъ быть признанъ въ данномъ случаѣ цѣлесообразнымъ.

Посмотримъ теперь, какіе шансы на успѣхъ въ томъ же отношеніи можетъ имѣть методъ противоположный, т.-е. синтетическій.

Покойный графъ Алексѣй Сергѣевичъ Уваровъ, еще въ семидесятыхъ годахъ, косвенно проводилъ въ теоріи приложеніе послѣдняго, хотя въ сущности широко практиковалъ его много ранѣе, при своихъ курганныхъ изслѣдованіяхъ въ области древнихъ Мерянъ. Говоримъ косвенно потому, что въ своемъ трудѣ о существенныхъ и второстепенныхъ признакахъ народности могильныхъ насыпей *) онъ возсталъ собственно противъ заявленнаго нѣкоторыми учеными мнѣнія, будто результатъ изслѣдованій славянскихъ могилъ не оправдаетъ ни ожиданій, ни трудовъ, на это затраченныхъ, иначе говоря, что отъ изслѣдованія ихъ нельзя ожидать никакихъ даже положительныхъ результатовъ.

Полемизируя противъ подобнаго рѣшенія, подрывающаго тѣмъ самымъ и смыслъ синтетическаго метода, графъ Уваровъ показалъ, что сказанное мнѣніе заявлено совершенно a priori, почему приведенный приговоръ является вполнѣ преждевременнымъ. Опровергая послѣдній, графъ Уваровъ, очевидно, вмѣстѣ съ тѣмъ возлагалъ всѣ надежды въ данномъ случаѣ на тотъ же методъ синтезиса, который конечно считалъ единственнымъ приложимымъ, ибо вполнѣ сознавалъ вмѣстѣ съ своими опонентами всю скудость историческихъ фактовъ, при помощи которыхъ можно было бы разсчитывать на иное разрѣшеніе вопроса о славянскихъ могилахъ.

При объективномъ отношеніи къ дѣлу нельзя, правда, и не согласиться, что дѣйствительно мудрено произносить приговоръ надъ археологическими изслѣдованіями бу-

*) Древности (Труды Моск. Археол. Общ.) т. 3.

дущаго,— надъ изслѣдованіями о славянскихъ могилахъ, которыя у насъ можно считать собственно еще не начинавшимися, и для которыхъ даже самые памятники еще не приведены въ извѣстность; нельзя согласиться съ приговоромъ, основаннымъ лишь на однѣхъ чисто отвлеченныхъ соображеніяхъ, не оправдывающихся даже на практикѣ въ другихъ аналогичныхъ же случаяхъ, почему онъ долженъ быть устраненъ не только какъ преждевременный, но и какъ предвзятый.

Нѣтъ никакого основанія ожидать, что если обширныя изслѣдованія могилъ древнихъ Мерянъ, о которыхъ ранѣе ничего не было извѣстно,— изслѣдованія, шедшія по этому путемъ чисто синтетическимъ, привели къ такимъ обширнымъ результатамъ, какъ изложенные въ извѣстной монографіи графа Уварова *), то, чтобы могилы славянъ (при условіяхъ сравнительно лучшихъ, ибо съ ними исторія все-таки знакома) остались бы совершенно нѣмы. Наша начальная лѣтопись даетъ достаточно ясныя указанія на области разселенія разныхъ славянскихъ племенъ древней Руси, которыя должны быть приняты за исходные пункты для изслѣдованія, и, слѣдовательно, задачей археолога будетъ отыскать, такъ сказать, первоначальное ядро каждаго изъ этихъ поселеній, въ которомъ, безъ сомнѣнія, окажется матеріалъ сконцентрированный, присущій данному племени,— матеріалъ, не расплывшійся въ деталяхъ чуждаго, посторонняго вліянія. Послѣ обстоятельныхъ данныхъ, сообщенныхъ въ этомъ отношеніи тѣмъ же графомъ Уваровымъ **), намъ нечего говорить здѣсь болѣе, но замѣтимъ, что если его научныя соображенія основывались въ данномъ случаѣ непосредственно на указаніяхъ лѣтописныхъ и топографическихъ, то прибавимъ въ свою очередь, что ядро поселенія того или другого племени не замедлитъ само собой характерно обозначиться на общемъ фонѣ того археологическаго матеріала, который будетъ извлеченъ при раскопкахъ на извѣстной мѣстности; разъ же подобное ядро будетъ выдѣлено, критически провѣрено путемъ сопоставленія данныхъ хронологическихъ, историческихъ и археологическихъ (напр., монетъ, письменныхъ свидѣтельствъ и характера культуры), мы получимъ критерій для классификаціи и всего остальнаго попутнаго матеріала, въ массѣ котораго, безъ сомнѣнія, окажется не мало варіантовъ и даже элементовъ вполнѣ чуждыхъ найденному основному, по причинамъ всѣмъ легко понятнымъ.

Важно здѣсь соблюденіе и того условія, чтобы при оцѣнкѣ и группировкѣ добытаго матеріала идти къ основному заключенію безъ всякихъ предвзятыхъ положеній, имѣя въ виду лишь тотъ результатъ, который непосредственно вытекаетъ изъ самихъ фактовъ.

Такимъ путемъ должно состояться въ будущемъ рѣшеніе вопроса о признакахъ славянскихъ могилъ въ древней Руси. Изъ всего вышеизложеннаго можно видѣть, что какъ недостатокъ археологическаго матеріала и неудовлетворительныя свойства его, такъ и непримѣнимость аналитическаго метода, которымъ пытались уяснить упоминаемый вопросъ, надобно считать причинами, почему послѣдній не только до сей поры мертвъ, но даже причисляется нѣкоторыми учеными изслѣдователями къ разряду неразрѣшимыхъ и въ будущемъ!

*) Меряне и бытъ ихъ по курганнымъ раскопкамъ.

**) О существенныхъ и второстепенныхъ признакахъ народности могильныхъ насыпей.

Вотъ все, что мы хотѣли сказать здѣсь относительно общей части разбираемой задачи, предварительно перенесенія ее въ болѣе тѣсныя рамки, т.-е. въ область Славянъ сѣверной полосы Россіи, подъ которыми будемъ разумѣть собственно Славянъ Ильменскихъ.

Обращаясь непосредственно къ послѣднимъ, мы должны оговориться, что, въ силу вышеизложеннаго относительно недостатка археологическаго матеріала вообще по вопросу о славянскихъ могилахъ, исключенія изъ чего не составляютъ данныя и о Славянахъ Ильменскихъ, мы не можемъ здѣсь претендовать на полные, окончательные выводы; мы хотимъ только, пользуясь имѣющимся у насъ еще неизданнымъ матеріаломъ и оставаясь на почвѣ того же синтетическаго метода, постараться уловить хоть нѣкоторыя черты, которыя могли бы способствовать къ уясненію интересующаго насъ вопроса.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ намъ довелось начать серію курганныхъ раскопокъ близъ юго-восточнаго угла Ладожскаго озера, на узлѣ водяныхъ путей, представляемомъ сліяніемъ здѣсь трехъ большихъ рѣкъ: Свири, Паши и Ояти. Раскопки эти, постепенно разростаясь, вслѣдствіе интереса получавшихся результатовъ, охватили постепенно все южно-ладожское побережье, вплоть до западнаго Заволховья, гдѣ курганы прекращаются вовсе и не встрѣчаются далѣе на протяженіи болѣе полутораста верстъ къ западу. Такимъ образомъ раіонъ раскопокъ распространился на низовья рѣкъ Сяси и Волхова, захвативъ на послѣднемъ и Старую Ладогу съ ея окрестностями, т.-е. мѣстность, представляющую для насъ важный интересъ по своему значенію въ вопросѣ о могилахъ Славянъ Ильменскихъ.

Мы представимъ здѣсь вкратцѣ общіе результаты, получившіеся изъ всѣхъ изслѣдованныхъ въ упоминаемомъ раіонѣ кургановъ (которыхъ раскопано было болѣе полутораста); результаты эти могутъ быть сведены къ слѣдующему:

На всемъ пространствѣ между р. Пашею и Волховомъ, т.-е. въ восточной половинѣ южно-ладожскаго побережья (въ ширину на югъ около 25 верстъ) курганы представляютъ собою развалистыя конусообразныя насыпи, вышиною отъ 2—3 аршинъ, возведенныя изъ мѣстнаго, бо́льшей частью песчанаго грунта. Въ подошвѣ ихъ всегда замѣчался темный слой, представлявшій современную поверхность почвы, на которой они были насыпаны, иногда же этотъ слой былъ сѣраго цвѣта и состоялъ изъ смѣси песка съ золой, или пепломъ, съ вкрапинами угля, такъ что какъ будто поверхность материка была на этомъ мѣстѣ выжжена, или усыпана золой. Всѣ курганы, за весьма рѣдкими исключеніями, расположены по теченію рѣкъ, близъ береговъ, и частью тянутся цѣпью вдоль послѣднихъ, частью же соединяются въ небольшія группы или кладбища. Обкладка каменьями кругомъ подошвы встрѣчена только, какъ исключеніе, въ очень немногихъ случаяхъ; вообще же ее не было,—равнымъ образомъ какъ и самый составъ насыпей представлялъ также сплошной однородный грунтъ, въ которомъ даже одиночные камни попадались очень рѣдко.

По внутреннему своему содержанію курганы заключали въ себѣ могилы съ погребеніемъ обыкновеннымъ и съ трупосожженіемъ, но въ количественомъ отношеніи

первые значительно преобладали; въ немногихъ случаяхъ въ одной и той же насыпи встрѣчались и оба вида погребенія, но общимъ правиломъ являлось во всѣхъ курганахъ, что какъ скелетъ, такъ и сожженныя кости, находились всегда выше упоминавшагося темнаго и пепельнаго слоя въ подошвѣ, т.-е. выше уровня почвы. Весьма часто въ серединѣ подошвы оказывался родъ небольшаго очага, или огневища, состоявшаго изъ слоя углей, или нерегорѣвшихъ полѣнницъ, на которомъ бывали находимы разные предметы домашней утвари, какъ-то: желѣзные котлы, сковороды, лопаты и сковородники, а также попадались изрѣдка и кости домашнихъ животныхъ, вѣроятные слѣды поминокъ, или тризны.

Въ могилахъ съ погребеніемъ обыкновеннымъ костяки, за исключеніемъ двухъ, трехъ единичныхъ случаевъ, оказывались всегда положенными на спину, но въ направленіяхъ крайне разнообразныхъ; положеніе рукъ также неодинаково: иногда онѣ скрещены на животѣ, иногда правая на груди, лѣвая на тазѣ, иногда наоборотъ и т. д. Въ ногахъ встрѣчались глиняные горшки, а на костякахъ и при нихъ различныя принадлежности наряда, почти всегда бронзовыя и очень рѣдко серебряныя, а также предметы вооруженія (подвязки, бусы, гребни, фибулы, кольца височныя и ручныя, огнива, копья, топоры, ножи, стрѣлы и проч.). Замѣчательно, что при всѣхъ найденныхъ скелетахъ браслетъ, гривна и мечъ были встрѣчены только по одному разу, хотя тѣ же предметы въ могилахъ съ трупосожженіемъ попадались гораздо чаще. Далѣе — остатки дерева, могущіе намекать на слѣды гробовъ, встрѣчались очень рѣдко, въ видѣ лишь особыхъ исключеній, равнымъ образомъ было нѣсколько случаевъ находокъ скелетовъ, покрытыхъ въ грудной части корой, или берестой, но на различныхъ предметахъ, преимущественно на предметахъ украшеній, остатки той же бересты замѣчались гораздо чаще. Наконецъ при костякахъ нерѣдко находились и монеты, иногда съ приклепанными ушками какъ подвѣски, иногда же безъ ушковъ, просто положенныя около покойника. Монеты всѣ принадлежатъ къ извѣстнымъ типамъ западныхъ X—XI стол., напр. англосаксонскія, аугсбургскія, страсбургскія, фрисландскія, утрехтскія, богемскія и др., а изъ числа восточныхъ найдены аббасидскія VIII-го и самапидскія X-го вѣка*). Наконецъ упомянемъ еще, что въ курганахъ этого же типа оказывались иногда отдѣльно и кости домашнихъ животныхъ, какъ-то: коровы, свиньи и собаки, а также и лисицы, но всѣ лишь разрозненными и притомъ въ небольшомъ количествѣ.

Въ могилахъ съ трупосожженіемъ кальцинированныя кости были находимы всегда въ видѣ небольшаго слоя, весьма разнообразныхъ размѣровъ, но не болѣе какъ до одного квадр. аршина, при толщинѣ слоя отъ 1—2 вершковъ, при чемъ, очевидно процессъ трупосожженія происходилъ не здѣсь же, а гдѣ то въ другомъ мѣстѣ, и, кости здѣсь оказывались только перенесенными и уложенными, но не самое кострище. Подобныхъ слоевъ нерѣдко встрѣчалось нѣсколько въ одномъ и томъ же курганѣ, но всегда они лежали непосредственно въ грунтѣ насыпи, безъ помѣщенія въ какіе-либо сосуды. На поверхности слоя обнаруживались различные предметы бытовой обстановки

*) По опредѣленію Ю. Б. Иверсена и барона В. Г. Тизенгаузена.

покойника, обыкновенно разныя металлическія (бронзовыя и желѣзныя, серебряныя же очень рѣдко) украшенія, какъ-то: подвѣски, гривны, фибулы, браслеты, кольца, цѣпочки и проч.; предметы вооруженія, какъ-то: мечи, топоры, ножи, копья, стрѣлы и разныя вещи домашняго обихода — ведра, замки и др. Все это носило очевидные слѣды предварительнаго нахожденія въ пламени погребальнаго костра, большею частью перегорѣло и полурасплавилось, но вмѣстѣ съ тѣмъ не свалено грудою, а разложено на костяхъ въ болѣе или менѣе систематическомъ порядкѣ и, судя по замѣчавшимся иногда на вещахъ слѣдамъ бересты, было покрыто послѣднею. Любопытно, что въ могилахъ этой категоріи бывали случаи находокъ такого легкоплавкаго вещества, какъ куски воска, очевидно избѣжавшаго почему-то процесса сожженія, а также нерѣдки находки весьма мелкихъ предметовъ, какъ напр. отдѣльныхъ перегорѣлыхъ бусъ, которыя, казалось бы, весьма трудно было подобрать въ остаткахъ такого большаго костра, каковой требовался для полнаго сожженія трупа; не позволительно ли поэтому предположить, что, быть можетъ, самый трупъ сожигался на какой-нибудь огнеупорной подстилкѣ?

Находки монетъ въ могилахъ съ трупосожженіемъ бывали очень рѣдки, такъ какъ онѣ конечно легко исчезали въ пламени, но все-таки нѣсколько экземпляровъ удалось встрѣтить, хотя и въ сильно поврежденномъ видѣ; экземпляры эти, по отзывамъ спеціалистовъ, восточные, именно аббасидскіе и саманидскіе VIII—X столѣтій.

Въ курганахъ той же категоріи встрѣчались сожженныя кости, не человѣческія, а конскія, при чемъ при нихъ бывали находимы нѣкоторые предметы конскаго снаряженія, напр. удила; въ другихъ случаяхъ кальцинированныя кости разныхъ животныхъ, домашнихъ и недомашнихъ, оказывались примѣшанными къ сожженнымъ костямъ человѣка. Такъ не говоря уже о довольно обыкновенныхъ фактахъ находокъ медвѣжьихъ фалангъ, что быть можетъ слѣдуетъ объяснить употребленіемъ мѣха этого звѣря на одежды, въ костяхъ человѣческихъ попадалась примѣсь сожженныхъ же костей конскихъ, собаки, коровы, медвѣдя, зайца, лисицы и разныхъ птицъ и мелкихъ грызуновъ. Подобное обстоятельство, какъ выражающее собою внѣшнее, обрядовое проявленіе извѣстныхъ вѣрованій, заслуживаетъ по нашему мнѣнію самаго серіознаго вниманія при курганныхъ изслѣдованіяхъ; но къ сожалѣнію остатки сожженныхъ костей далеко не всегда подвергаются подробному и тщательному опредѣленію, такъ что эти данныя нерѣдко пропадаютъ для науки, а между тѣмъ они быть можетъ способствовали бы пролить свѣтъ на народность самихъ могилъ. Причина тому конечно кропотливость и обширность подобнаго труда, требующаго притомъ еще особыхъ спеціальныхъ знаній, но въ научныхъ изслѣдованіяхъ она не можетъ приниматься въ уваженіе, тѣмъ болѣе, что всякое подобное упущеніе уже является непоправимымъ въ виду дальнѣйшаго уничтоженія самаго матеріала*).

Вотъ въ краткихъ чертахъ характеристика кургановъ въ восточной половинѣ южно-ладожскаго побережья, т.-е. между рѣками Пашей и Волховомъ; совсѣмъ не то

*) Опредѣленіемъ костей при нашихъ изслѣдованіяхъ въ Приладожьѣ мы обязаны любезности извѣстнаго знатока своего дѣла Ю. Е. Ананова (препаратора Зоологическаго музея Академіи Наукъ), которому считаемъ долгомъ заявить здѣсь глубокую признательность.

уже встрѣчаемъ мы на берегахъ послѣдняго, составляющихъ, какъ уже сказано, рубежъ, за которымъ слѣдуетъ длинная полоса, не имѣющая кургановъ вовсе.

Вошедшіе въ районъ нашихъ раскопокъ курганы на Волховѣ, лежатъ на низовьяхъ послѣдняго, начиная отъ извѣстныхъ его пороговъ и главнымъ образомъ группируются около Старой Ладоги, ближе же къ устью ихъ нѣтъ совсѣмъ. При первомъ взглядѣ на нихъ, курганы эти и по внѣшнему виду даютъ впечатлѣніе иное, чѣмъ тѣ, о которыхъ мы говорили выше, такъ какъ въ значительномъ большинствѣ представляютъ грандіозныя насыпи съ весьма крутыми скатами, по которымъ съ трудомъ можно выбраться. Наибольшіе изъ нихъ достигаютъ 5 саженъ отвѣсной вышины, но такихъ гигантовъ впрочемъ не много, средняя же высота насыпей можетъ считаться отъ 4—8 аршинъ; есть какъ исключеніе нѣсколько и малыхъ, не превышающихъ $1\frac{1}{2}$ аршина. Замѣтимъ кстати, что къ сожалѣнію большинство волховскихъ кургановъ сохранилось въ весьма плохомъ видѣ, какъ по причинѣ эксплоатаціи ихъ и уничтоженію мѣстными обывателями, такъ и отъ порчи обвалами въ рѣку, плитными ломками и т. под., почему въ настоящее время трудно даже найти насыпи вполнѣ цѣлыя.

Значительныя матеріальныя затрудненія, сопряженныя съ основательнымъ изслѣдованіемъ такихъ крупныхъ кургановъ, не дозволили намъ произвести раскопки въ болѣе или менѣе широкомъ размѣрѣ, такъ что въ разныхъ пунктахъ удалось изслѣдовать лишь 14 насыпей всѣхъ трехъ категорій. При этомъ выяснилось, что почти всѣ вскрытые курганы обнаружили одну общую имъ особенность въ конструктивномъ отношеніи и въ большей части сверхъ того особый видъ погребальнаго обряда; какъ то, такъ и другое однако не выражается въ нихъ всегда одинаково, но въ однихъ курганахъ выступаетъ болѣе ярко и характерно, въ другихъ же слабѣе, съ меньшей отчетливостью, тѣмъ не менѣе въ общей совокупности получается отличіе вполнѣ рѣзкое, при сравненіи ихъ съ прочими курганами южнаго Приладожья.

Существенной чертой разницы ихъ, по отношенію къ погребальному обряду, является нерѣдкое присутствіе въ могильныхъ насыпяхъ на Волховѣ погребальныхъ урнъ, заключающихъ сожженныя кости покойника, чего въ другихъ пунктахъ южнаго Приладожья не встрѣчено ни разу, въ отношеніи же конструктивномъ — что въ волховскихъ насыпяхъ постоянно оказывались какія-то неизвѣстнаго назначенія каменныя сооруженія, иногда въ видѣ прямыхъ или круглыхъ невысокихъ стѣнокъ, иногда въ видѣ правильно сложенныхъ помостовъ или площадокъ, иногда же наконецъ просто въ видѣ каменныхъ массъ или грудъ, разной величины. Наконецъ, какъ еще на особенность, значенія впрочемъ второстепеннаго, укажемъ на крайнюю бѣдность культурныхъ остатковъ, или вещественныхъ находокъ, обнаружившуюся при самыхъ тщательныхъ раскопкахъ тѣхъ же кургановъ и обманывавшую не разъ самыя основательныя ожиданія изслѣдователя.

Для нѣкотораго разъясненія вышесказаннаго, мы должны остановиться нѣсколько на частностяхъ или варіантахъ упоминаемыхъ отличій и иллюстрировать самые курганы хотя краткимъ описаніемъ наиболѣе выдающихся и типичныхъ ихъ представителей. Трупосожженіе съ положеніемъ костей въ сосуды обозначается въ волховскихъ курганахъ иногда вполнѣ отчетливо и рельефно, иногда же выражается лишь болѣе или

менѣе явными слѣдами, вслѣдствіе вліянія какихъ-то особыхъ, не совсѣмъ уловимыхъ условій. Такъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ упомянутыя погребальныя урны, или выражаясь прозаичнѣе — глиняные горшки съ сожженными костями, оказывались болѣе или менѣе въ цѣлости, прикрытые положеннымъ на нихъ обломкомъ плиты; въ другихъ же — кальцинированныя кости оказывались разбросанными на пространствѣ примѣрно около квадратнаго аршина и только присутствіе между ними нѣсколькихъ горшечныхъ черепковъ могло указывать, что, вѣроятно, кости первопачально помѣщались въ самомъ сосудѣ. Въ силу какихъ именно причинъ происходило подобное явленіе, рѣшить трудно, но конечно значительную роль въ нихъ должны играть грунтовыя условія, напр. неравномѣрная осадка различныхъ частей насыпи, быть можетъ отъ присутствія въ послѣдней тѣхъ же вышеупоминавшихся каменныхъ сооруженій; такъ напр. въ одномъ случаѣ урна съ костями была найдена въ вершинѣ кургана въ полулежачемъ положеніи, при чемъ покрывавшая ее плита оказалась въ небольшомъ отдаленіи, съѣхавшею, но въ томъ же соотвѣтственномъ урнѣ наклонѣ, такъ что послѣдняя очевидно приняла новое положеніе послѣ помѣщенія ея въ насыпь. Другой разъ подобное перемѣщеніе выразилось еще рѣзче, — урна оказалась лежащею вверхъ дномъ, раздавившеюся, при чемъ кости расплылись подъ нею на пространствѣ около аршина. Въ обоихъ указанныхъ случаяхъ условія, обставлявшія положеніе этихъ сосудовъ въ насыпи, напр. цѣлость и сохранность послѣдней, исключаютъ однако всякую мысль о какихъ-либо внѣшнихъ причинахъ упомянутыхъ пертурбацій (разореніе могилы кладоискателями и т. под.), такъ что упоминаемыя перемѣщенія должны были зависѣть исключительно отъ одпѣхъ причинъ внутреннихъ; въ числѣ послѣднихъ свою вѣроятность можетъ имѣть и дѣятельность мелкихъ землеройныхъ животныхъ, нѣкоторые виды которыхъ, какъ извѣстно, даже растаскиваютъ изъ могилъ различные металлическіе предметы*).

Относительно вышеуноминавшихся каменныхъ кладокъ ввутри погребальныхъ насыпей, приходится замѣтить тоже, что иногда онѣ выражены вполнѣ характерно и опредѣленно, подъ часъ даже въ грандіозныхъ размѣрахъ, иногда же такъ сказать болѣе идейно, т.-е. представляютъ какъ бы лишь намекъ или только обозначеніе самой кладки. Такъ напр. въ одномъ случаѣ встрѣчаемъ въ основаніи насыпи родъ каменнаго плоскаго возвышенія или сплошнаго помоста, въ другомъ же послѣдній какъ бы лишь изображенъ или намѣченъ отдѣльно положенными булыгами; иногда какое-нибудь сооруженіе въ насыпи, въ родѣ каменной стѣнки, выведено въ нѣсколько рядовъ и ярусовъ булыгъ, иногда же она какъ бы только обозначена однимъ рядомъ отдѣльно положенныхъ камней. Чѣмъ это обусловливалось сказать положительно трудно, но вѣроятно размѣръ средствъ, имѣвшихся при сооруженіи могилы, а быть можетъ и степень усердія или участія къ праху погребаемаго имѣли здѣсь свою долю вліянія.

О формахъ этихъ каменныхъ кладокъ мы уже говорили вскользь, что онѣ встрѣчались въ видѣ площадокъ или помостовъ, стѣнокъ и простыхъ каменныхъ грудъ.

---

*) Напр. любопытный экземпляръ особыхъ хомячковъ-археологовъ былъ доставленъ изъ Красноярска на петербургскій съѣздъ оріенталистовъ въ семидесятыхъ годахъ, при чемъ характеристикой этихъ хомячковъ выставлялась привычка ихъ стаскивать въ свои норы различныя изъ курганныхъ могилъ металлическія вещи.

Первыя изъ нихъ бывали разнаго вида — треугольныя, прямоугольныя, а иногда и неопредѣленной формы, при чемъ какъ размѣры, такъ и толщина ихъ также разнообразны, въ одинъ, два и три слоя крупныхъ и мелкихъ булыгъ, и отъ нѣсколькихъ квадратныхъ футовъ, до нѣсколькихъ саженъ величиною. Встрѣчались онѣ главнымъ образомъ въ подошвѣ насыпи, но бывали и на другихъ уровняхъ, совмѣстно съ подошвенной; иногда въ основаніи кургана таковыхъ площадокъ находилось не одна, а даже три или четыре. Относительно другого вида тѣхъ же кладокъ, который мы называемъ стѣнками, можно добавить, что онѣ состояли изъ двухъ, или трехъ ярусовъ камней, такъ что достигали въ вышину около аршина и бывали прямыя, полукруглыя и въ видѣ прямого угла, но вообще размѣровъ небольшихъ, около $1\frac{1}{2}$ аршина длиною; встрѣчались онѣ также главнымъ образомъ близъ середины подошвы кургана, но иногда и выше послѣдней. Наконецъ относительно простыхъ каменныхъ грудъ замѣтимъ, что и въ нихъ обнаруживалась своя извѣстная правильность укладки, — груды представляли родъ полушарной или конусообразной кучи булыгъ въ центрѣ подошвы насыпи; въ одномъ курганѣ напр. подобная полушарная куча (около сажени въ окружности и аршина вышиною) была сложена изъ камней и плитъ такъ, что внутри ея оказалась пустота, заполненная тѣмъ же грунтомъ насыпи.

Трудно рѣшить, какую именно цѣль имѣли всѣ подобныя сооруженія, оказывавшіяся, какъ уже сказано, почти во всѣхъ курганахъ на Волховѣ. Можно ожидать замѣчанія, что мы имѣемъ здѣсь ничего болѣе, какъ слѣды извѣстныхъ стараній придать насыпи бо́льшую прочность, монументальность, но съ этимъ нельзя согласиться по многимъ причинамъ: во-первыхъ, грунтъ насыпей волховскихъ кургановъ почти во всѣхъ случаяхъ представлялъ пастольно крѣпкій суглинокъ, особенно въ нижнихъ частяхъ, что при нашихъ раскопкахъ его постоянно приходилось разбивать помощію ломовъ, слѣдовательно подобныя свойства его не вызываютъ никакой надобности еще въ особомъ скрѣпленіи насыпи, во-вторыхъ — въ большинствѣ случаевъ самый характеръ упоминаемыхъ сооруженій, вовсе не соотвѣтствуетъ подобному ихъ назначенію, ибо они и по размѣрамъ и по своему относительному расположенію не могли отвѣчать сказанной цѣли; наконецъ, въ третьихъ, мы встрѣчаемъ напр. груды камней, какъ въ большихъ, такъ и въ самыхъ малыхъ насыпяхъ, слѣдовательно техническое значеніе первыхъ тутъ не при чемъ. Въ виду всего этого, по нашему мнѣнію, надобно въ описанныхъ каменныхъ сооруженіяхъ искать скорѣе какое-либо значеніе символическое, слѣды какого-нибудь обряда или вѣрованія той народности, которая воздвигла эти курганы съ указанными ихъ своеобразностями.

Что касается до послѣдней, хотя и второстепенной особенности волховскихъ кургановъ, представляемой, какъ выше уже указано, крайней бѣдностью ихъ культурнаго содержанія, то наглядное понятіе объ этомъ можетъ дать краткое описаніе трехъ изъ нихъ наиболѣе выдающихся, которое мы здѣсь приведемъ, какъ иллюстрацію ко всему вышеизложенному, — кургановъ, къ тому же наиболѣе сравнительно богатыхъ по сдѣланнымъ въ нихъ вещественнымъ находкамъ.

Курганъ № 1. Верстахъ въ $1\frac{1}{2}$ выше Старой Ладоги, по лѣвому берегу Волхова, на урочищѣ, называемомъ Побѣдище; насыпь весьма крутая, съ небольшой

впадиной въ вершинѣ; отвѣсная вышина 6 аршинъ, грунтъ — крѣпкій суглинокъ. Окружность подошвы 85 шаговъ. Въ самой вершинѣ насыпи, на глубинѣ 1 аршина, найдено немного разбросанныхъ сожженныхъ человѣческихъ костей и съ ними массивный бронзовый бубенчикъ; на $^1/_2$ аршина глубже, но значительно южнѣе, встрѣченъ полуразвалившійся глиняный горшокъ, нѣсколько повалившійся на бокъ, а рядомъ съ нимъ, въ томъ же наклонномъ положеніи, кусокъ плиты, которымъ горшокъ очевидно былъ накрытъ прежде. Въ горшкѣ и около него сожженныя человѣческія кости, съ которыми найденъ небольшой ножъ, три обломка горѣлой бронзы и нѣсколько кусковъ расплавившихся и спекшихся въ огнѣ бусъ. Ниже горшка на $^1/_2$ аршина, около середины насыпи слой размѣщенныхъ группами каменьевъ, разной величины.

Подъ всей подошвой кургана черноватый слой съ слѣдами угля; на аршинъ выше его, въ серединѣ подошвы, родъ короткой стѣнки около аршина вышиною, составленной изъ ряда булыгъ въ два и три яруса, въ которой устроена какъ бы ниша, отгороженная еще съ одной стороны поставленной на ребро плитою, а въ нишѣ небольшой глиняный горшокъ, покрытый также плитою. По разборѣ этого столь тщательно и заботливо укрытаго сосуда, въ немъ оказался вложеннымъ еще маленькій горшечекъ и въ послѣднемъ сожженныя кости ребенка, въ которыхъ найдены два звена проволочной бронзовой цѣпочки, четыре отдѣльныхъ такихъ же колечка и нѣсколько частицъ перегорѣлыхъ бусъ. Любопытно, что въ числѣ этихъ костей оказался кальцинированный позвонокъ змѣи и нѣсколько костей птицъ, изъ породы величиною примѣрно съ голубя.

Внутри насыпи восточная половина подошвы оказалась окаймленною полукруглой стѣнкой, сложенной въ два-три яруса изъ крупныхъ и мелкихъ булыгъ, но въ западной половинѣ та же стѣнка была какъ бы лишь намѣчена дугообразно положеннымъ рядомъ отдѣльныхъ камней; вся вышина стѣнки около аршина. У сѣвернаго конца ея, съ внутренней стороны, находился родъ треугольной, выстланной мелкими булыгами площадки, а близъ послѣдней (съ восточной стороны) родъ печища, ок. $1^1/_2$ арш. діам., изъ угля и обгорѣлыхъ булыжниковъ. Близъ восточнаго края стѣнки, съ внутренней стороны, встрѣчена еще могила, въ видѣ большого скопленія сожженныхъ костей, лежавшихъ слоемъ вершка въ четыре толщиною и около $1^1/_4$ арш. въ квадратѣ; кости оказались смѣшанныя — человѣческія съ конскими — и въ нихъ нѣсколько разновидныхъ бронзовыхъ бляшекъ, вѣроятно отъ конскаго же набора, четыре фрагмента обдѣланной кости, два горѣлыхъ обломка желѣза, остатки желѣзной пряжки и довольно много безформенныхъ остатковъ расплавившейся бронзы; въ костяхъ же оказались еще семь медвѣжьихъ фалангъ и слѣды бересты, вѣроятно покрывавшей перечисленные предметы, такъ какъ на кусочкѣ ея сохранился отпечатокъ одной изъ вышеупоминавшихся бронзовыхъ бляшекъ.

Наконецъ въ этой же сторонѣ насыпи, между описанными могилой и печищемъ, найденъ еще перегорѣлый обломокъ повидимому ножеваго черенка, съ нѣсколькими фрагментами горѣлой бронзы, и кромѣ того близъ поверхности насыпи на разныхъ уровняхъ — желѣзный ножъ и еще ножевой черенокъ, но послѣдніе, по условіямъ своего мѣстонахожденія, быть можетъ попали въ курганъ и случайно. Болѣе не встрѣчено ничего.

Курганъ № 2. Между Старой Ладогой и Никольскимъ монастыремъ, въ отдаленіи съ $^1/_2$ версты отъ Волхова. Насыпь овалообразная, въ сѣверной части круче, чѣмъ въ остальныхъ, отвѣсная вышина около 3 аршинъ; грунтъ — песокъ. По изслѣдованіи оказалось:

Подъ всей подошвой кургана черноватый слой и на немъ въ серединѣ три большихъ камня. Въ ю.-в. части подошвы встрѣченъ небольшой слой несчанистой глины и на немъ полураздавленный глиняный горшокъ, покрытый плитою; въ горшкѣ сожженныя человѣческія кости, между которыми немного обломковъ сожженныхъ же костей неизвѣстнаго животнаго и птицы и нѣсколько обгорѣлыхъ предметовъ домашняго обихода: призматическій оселокъ, остатки костянаго гребня, родъ желѣзной трубочки съ ушкомъ и продольнымъ прорѣзомъ и нѣсколько мелкихъ бусъ. Горшокъ съ одной стороны окруженъ довольно большимъ количествомъ (до 8 фунт.) сожженныхъ же костей, лежавшихъ слоемъ почти въ $1^1/_2$ аршина шириною и быть можетъ помѣщавшихся ранѣе въ особомъ сосудѣ, судя, по крайней мѣрѣ, по разновидности черепковъ, собранныхъ около упомянутой плиты. Въ числѣ этихъ разсыпанныхъ костей, оказавшихся человѣческими, находились кальцинированныя же мелкія кости разныхъ животныхъ, между прочимъ коровы и лошади, а также два хвостовыхъ позвонка кошки и двѣ кости росомахи, изъ вещественныхъ же паходокъ лишь маленькій обломокъ желѣза и часть обдѣланной кости, повидимому головка бедра младенца.

Близъ с.-в. края описанной могилы, на томъ же уровнѣ, оказался еще скелетъ, погребенный обыкновеннымъ образомъ, но кости его лежали въ такомъ необычномъ порядкѣ, что необходимо допустить или какое-нибудь ихъ случайное перемѣщеніе, или что покойникъ былъ зарытъ въ какомъ-нибудь необыкновенномъ положеніи; находокъ при немъ не оказалось никакихъ.

Наконецъ *третій и послѣдній курганъ* который мы здѣсь опишемъ, находился верстахъ въ восьми выше Старой Ладоги, на лѣвомъ же берегу Волхова, у села Михаила Архангела. Это была огромная, въ видѣ усѣченнаго конуса насыпь, въ $4^1/_2$ сажени отвѣсной вышины и 46 саженъ въ окружности, съ очень крутыми скатами и порядочной (до 3 саж. діам.) наверху площадкой; грунтъ насыпи — твердый суглинокъ.

Изслѣдованіе этого кургана обнаружило его слѣдующія конструктивныя особенности:

На пяти-аршинной глубинѣ отъ вершины встрѣчены двѣ небольшихъ (отъ $^1/_2$—1 арш. вышиною) груды камней и родъ вымощенной плитами площадки; всѣ онѣ расположены приблизительно по прямой линіи (съ ю.-в. на с.-з.), въ юго-западной половинѣ насыпи.

На глубинѣ 8 аршинъ оказалось, также на одномъ уровнѣ, пять отдѣльныхъ плоскихъ грудъ, или каменныхъ помостовъ, сложенныхъ изъ булыгъ въ два яруса; всѣ онѣ группировались въ восточной половинѣ насыпи, по направленію съ сѣв. на югъ и были разныхъ размѣровъ, при чемъ наибольшая находилась въ серединѣ прочихъ и имѣла до 5 арш. въ длину и 2 арш. въ поперечникѣ; толщина этихъ помостовъ достигала отъ 1—2 аршинъ.

Наконецъ на глубинѣ 13 аршинъ, т.-е. въ основаніи кургана, встрѣчено семь отдѣльныхъ каменныхъ грудъ, изъ конхъ шесть находились на южной половинѣ и одна

въ сѣверной, при чемъ нѣкоторыя лежали въ самой подошвѣ, другія же нѣсколько выше послѣдней. Однѣ изъ нихъ имѣли болѣе правильную поверхность, въ родѣ помостовъ, другія же представляли кучи громадныхъ булыгъ и достигали до 3-хъ аршинъ въ вышину; форма и размѣры всѣхъ также не одинаковы, — нѣкоторыя приблизительно четыреугольныя, другія продолговатыя, одна даже дугообразная, бывшая длиною болѣе 9 аршинъ; почти всѣ занимали по нѣскольку квадратныхъ сажепъ и въ общей совокупности свидѣтельствовали объ огромномъ количествѣ затраченнаго здѣсь труда и матеріала.

По самой подошвѣ подъ всей насыпью разстилался черноватый слой, съ вкрапинами угля, на которомъ между упомянутыхъ каменныхъ грудъ встрѣчены отдѣльно лежавшія четыре обгорѣлыхъ бревна; наконецъ вся подошва кургана оказалась обпесенною каменной оградой, въ два аршина толщиною, но скрытой подъ насыпью и имѣвшей довольно своеобразную конструкцію: наружную ея сторону составлялъ рядъ огромныхъ валуновъ, опоясывавшій кругомъ всю насыпь, а внутреннюю — тонкая стѣнка изъ сложенныхъ насухо плитъ, пустое же въ аршинъ между ними пространство забито мелкимъ камнемъ съ щебенкой и сверху прикрыто плашмя плитами. Вышина самой стѣнки не одинакова: въ западной части она была въ $1^1/_2$ аршина, въ южной же нѣсколько болѣе.

Таково было внутреннее устройство этого огромнаго кургана, которое въ сжатомъ описаніи конечно не производитъ никакого исключительнаго представленія, но надо видѣть на дѣлѣ всѣ эти огромныя массы камня, эти груды громадныхъ (болѣе аршина въ поперечникѣ), нагроможденныхъ другъ на друга валуновъ, чтобы составить себѣ настоящее внечатлѣніе о всей градіозности подобнаго сооруженія и размѣрѣ труда и средствъ, потребовавшихся на его выполненіе. Тѣмъ поразительнѣе является несоотвѣтствіе культурнаго содержанія такого величаваго памятника, потому что и здѣсь всѣ возлагавшіяся на него ожиданія оказались обманутыми. Во всей этой монументальной насыпи, которую разрывали 15 человѣкъ почти въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, найдено лишь слѣдующее: на самомъ верху кургана, почти у поверхности, нѣсколько разбросанныхъ мелкихъ обломковъ сожженныхъ костей и съ ними обломокъ желѣза и кусочекъ бронзовой проволоки; затѣмъ на 5 аршинъ глубже, рядомъ съ одной изъ находившійся здѣсь каменныхъ грудъ, развалившійся глиняный горшокъ, изъ грубаго, дурно обожженнаго мѣсива, между черепками котораго находились куски какой-то черной обугленной массы (животнаго угля, б. м. отъ сожженнаго мяса), съ приставшими къ нимъ остатками коры или бересты, вѣроятно покрывавшей горшокъ, и наконецъ въ подошвѣ кургана (въ восточной половинѣ) встрѣченъ небольшой, въ $^1/_2$ квадр. аршина, слой сожженныхъ костей, въ которыхъ также не оказалось болѣе ничего!

Такой поразительно несоотвѣтственный результатъ раскопки положительно приводилъ въ недоумѣніе, и оставалось предположить, нѣтъ ли въ курганѣ подпочвенной могилы, хотя никакихъ признаковъ ея въ подошвѣ не обнаруживалось, да и вообще подобнаго примѣра въ Приладожьѣ не встрѣчено еще ни разу. Для устраненія однако всякаго сомнѣнія, раскопка была еще углублена въ материкѣ, но здѣсь на глубинѣ трехъ аршинъ дно траншеи уперлось уже въ материковый пластъ дикой плиты,

которою какъ извѣстно изобилуютъ берега Волхова, и такимъ образомъ вопросъ о культурномъ содержаніи окончательно оказался исчерпаннымъ.

Описывая этотъ курганъ, мы не можемъ пройти молчаніемъ еще слѣдующаго любопытнаго обстоятельства. Снаружи насыпи, съ ю.-в. стороны, у самаго ея подножія оказалось расположеннымъ цѣлое языческое могилище, заключавшее въ себѣ 14 погребенныхъ труповъ. Могилище это, надъ которымъ не было никакого возвышенія, имѣло продолговатую форму и своей длинной стороной какъ бы огибало закругленіе подошвы кургана, такъ что и ряды лежавшихъ скелетовъ, положенныхъ всѣ по длинѣ могилища, постепенно измѣняли свое направленіе, какъ бы заворачивая соотвѣтственно кривизнѣ насыпи; поэтому направленіе первыхъ костяковъ было ногами на востокъ, а послѣднихъ уже на с.-в. Всѣ они лежали приблизительно на одномъ уровнѣ, на глубинѣ 1—1$^1/_2$ арш., въ обыкновенномъ положеніи, навзничь, но съ различно сложенными руками: напр. одна рука на груди, другая на тазѣ, у иныхъ обѣ скрещены на тазѣ, у третьихъ загнуты отъ локтя къ плечамъ и т. д. Около одного изъ скелетовъ оказалась устроенной какъ бы ограда или родъ гробницы изъ поставленныхъ стоймя плитъ, которыми скелетъ былъ огороженъ отъ головы до пояса, въ головахъ же былъ положенъ большой плоскій камень; наконецъ при нѣкоторыхъ скелетахъ встрѣчены слѣды дерева или коры и найдено нѣсколько штукъ желѣзныхъ гвоздей. Кромѣ того выдавалось еще относительное положеніе двухъ костяковъ, положенныхъ такъ, что лѣвая половина одного лежала на правой другаго, и черепъ перваго покоился на плечѣ послѣдняго; между костями же ихъ замѣчены остатки древесной коры, которою вѣроятно были раздѣлены оба трупа. Замѣчательно при этомъ, что у нижняго изъ нихъ — черепа не оказалось на своемъ мѣстѣ, а онъ былъ найденъ на аршинъ въ сторонѣ, при чемъ лежалъ какъ бы брошеннымъ (чашкой внизъ), шейные же позвонки всѣ были на мѣстѣ при скелетѣ. Прибавимъ еще, что изъ числа погребенныхъ труповъ два принадлежали женщинамъ, одинъ старику и еще одинъ молодому (лѣтъ 15-ти) юношѣ. Наконецъ при нѣкоторыхъ оказались и кое-какіе предметы украшеній, какъ-то: немного бусъ, нѣсколько колецъ изъ бронзовой проволоки ручныхъ и височныхъ, кусочекъ рѣзной кости, а также нѣсколько небольшихъ ножей, костяной гребешокъ (совершенно такой, какой употребляется и понынѣ нашими крестьянами), бронзовая пряжка и обломокъ монеты XI вѣка (Вендки).

Такимъ образомъ рождается любопытный вопросъ, существуетъ ли какая связь между описаннымъ могилищемъ и самимъ курганомъ, или же такое тѣсное ихъ сосѣдство не болѣе какъ простая случайность? Если бы вопросъ этотъ могъ быть рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ, то, быть можетъ, передъ нами явился бы воочію важный фактъ человѣческихъ жертвоприношеній на могилѣ усопшаго, но къ сожалѣнію для такого рѣшенія не имѣется достаточныхъ данныхъ, утверждать же голословно мы не будемъ. Скорѣе приходится склониться даже къ отвѣту отрицательному, потому что иначе необходимо доказать во-первыхъ одновременность кургана съ могилищемъ, а во-вторыхъ одновременность всѣхъ погребеній въ послѣднемъ. Противъ вѣроятности перваго можетъ говорить сравнительно нѣсколько позднее происхожденіе могилища, которое, судя по упомянутой находкѣ монеты, не восходитъ ранѣе XI вѣка (по на-

шему же мнѣнію, опо еще значительно позднѣе), а въ это время хотя христіанство на сѣверѣ еще прочно не утвердилось, но все-таки мало вѣроятнымъ является сооруженіе такой монументальной погребальной насыпи, какъ описанный курганъ, который скорѣе надо считать представителемъ цвѣтущей эпохи мѣстнаго язычества. Противъ вѣроятпости же одновременности всѣхъ погребепій въ самомъ могилищѣ возражаютъ такія обстоятельства, какъ упомянутая находка скелета безъ черепа, который видимо былъ отдѣленъ случайно и притомъ значительно спустя послѣ погребенія трупа, потому что шейные позвонки при скелетѣ сохранили въ могилѣ свое должное положеніе: такой случай легко могъ имѣть мѣсто напр. при вторичномъ, гораздо позднѣйшемъ здѣсь же погребеніи. Кромѣ того на разновременность послѣдняго можетъ намекать и то обстоятельство, что напр. кости одного скелета въ могилищѣ, приходились въ одномъ случаѣ подъ каменьями, лежавшими въ изголовьѣ другаго. Все это по крайней мѣрѣ можетъ приводить въ сильное сомнѣніе въ разбираемомъ отношеніи.

Возвращаясь къ вопросу о бѣдности культурнаго содержанія волховскихъ кургановъ, которая ясно выразилась уже въ этихъ трехъ вышеприведенныхъ описаніяхъ наиболѣе выдающихся кургановъ, мы можемъ прибавить, что въ остальныхъ одиннадцати, нами изслѣдованныхъ, вещественныя находки оказались не только еще скуднѣе, но просто вполнѣ ничтожны, ибо заключались лишь въ двухъ — трехъ экземплярахъ желѣзныхъ ножей, нѣсколькихъ обгорѣлыхъ бусахъ и нѣсколькихъ мелкихъ обломковъ горѣлой бронзы.

Таковы болѣе или менѣе существенныя стороны, характеризующія погребальныя насыпи на Волховѣ, по крайней мѣрѣ на основаніи данныхъ, добытыхъ непосредственно изъ нашихъ раскопокъ. По ограниченности послѣднихъ желательно было бы пополнить ихъ свѣдѣніями изъ другихъ источниковъ, но и изъ таковыхъ можетъ быть почерпнуто очень немногое, хотя упоминаемая мѣстность привлекала на себя вниманіе многихъ изслѣдователей. Любопытно, что именно здѣсь даже произведены были самыя первыя курганныя изслѣдованія въ Россіи, или вѣрнѣе сказать первыя попытки заглянуть въ могилы русской языческой древности, относящіяся еще къ началу прошлаго столѣтія. Мы разумѣемъ здѣсь раскопки близъ Ладоги евангалическаго пастора Толле, произведенныя около 1710 года, извѣстіе о которыхъ помѣщено въ одномъ современномъ описаніи Петербурга[1]), съ приложеніемъ даже перечня сдѣланныхъ находокъ. Изъ этого извѣстія видно однако не много: въ нѣсколькихъ раскопанныхъ Толле курганахъ, опъ нашелъ, говоря словами перечня, — древнія готскія языческія урны съ золою, какія-то погребальныя и жертвенныя орудія, пароянскій пфеннигъ, двѣ языческія монеты (Hol-Muntze) и нѣсколько такихъ же монетъ (Hol-Münze), предполагаемыхъ авторомъ за лифляндскія. Изъ этого впрочемъ довольно глухого извѣстія, въ которомъ не совсѣмъ отчетливо видно даже, что именно найдено въ самыхъ курганахъ и что относится къ числу случайныхъ паходокъ въ почвѣ, мы можемъ заключить только, что вѣроятно Толле попались тѣ же курганы съ трупосожженіемъ, о которыхъ говорили мы выше, и затѣмъ, что въ нихъ же имъ была найдена несомнѣнно восточная монета, которую, по нѣко-

[1]) Exacte relation von Festung und Stadt St.-Petersburg. H. G. Лейпцигъ, 1713.

торымъ признакамъ (указаннымъ въ текстѣ упомянутаго перечня), спеціалисты относятъ къ числу такъ называемыхъ Испегбеди второй половины VIII столѣтія[1]); остальное остается темнымъ. Что же касается конструкціи разрытыхъ имъ насыпей, то, къ сожалѣнію, объ этомъ важномъ обстоятельствѣ въ описаніи не упоминается ни слова

Затѣмъ мы знаемъ, что спустя болѣе ста лѣтъ, въ 1824 г., Ладогу посѣтилъ извѣстный Ходаковскій и произвелъ здѣсь съ мѣстнымъ землевладѣльцемъ Томиловымъ раскопку двухъ кургановъ, изъ коихъ одинъ громадный (до 5 саж. вышиною) находится у бывшаго Ивановскаго монастыря и до сихъ поръ слыветъ у мѣстныхъ жителей подъ названіемъ „полой сопки“. Изслѣдователи не нашли однако ничего замѣчательнаго, такъ какъ въ обоихъ, по разсказу самого Ходаковскаго[2]), оказались лишь груды камней и остатки углей, а въ бо́льшемъ курганѣ встрѣчено еще „нѣсколько сожженныхъ костей и часть двойной кости отъ руки (os antibrachii), изъ вещественныхъ же находокъ — лишь желѣзная стрѣла; это впрочемъ вполнѣ соотвѣтствуетъ и изложеннымъ выше нашимъ изслѣдованіямъ, хотя нельзя сказать, чтобы раскопка Ходаковскаго была сдѣлана вполнѣ основательно, ибо, какъ по его же словамъ, такъ и по существующимъ еще нынѣ остаткамъ этого гигантскаго кургана, въ немъ была изслѣдована лишь середина насыпи до ея подошвы[3]).

Любопытно, что, на основаніи своихъ археологическихъ наблюденій надъ курганами ладожскими и близъ Новгорода, Ходаковскій устанавливаетъ параллель между ними и говоритъ, что вообще всѣ эти курганы устроены такъ: „на нетронутой поверхности земли положенъ сначала вѣнецъ изъ камней, послѣ клали въ серединѣ крупнѣе камни и на оные насыпали песокъ и щебень, взятый у берега рѣки“. Замѣчаніе это, хотя и сдѣланное на основаніи весьма незначительныхъ раскопокъ, оказывается довольно вѣрнымъ, ибо подтверждается и послѣдующими наблюденіями.

Наконецъ можемъ упомянуть еще, что нѣкоторыя насыпи около той же Ладоги (на правомъ берегу) описаны академикомъ Рупрехтомъ[4]), въ связи съ вопросомъ о древности чернозема, а также извѣстны еще отдѣльные факты раскопокъ послѣдняго времени (напр. гг. Прохорова, Европеуса и графа Уварова), но результаты ихъ остались неизданными, по крайней мѣрѣ не извѣстны намъ лично.

Вотъ все что мы можемъ почерпнуть о волховскихъ кургановъ изъ другихъ источниковъ, носящихъ болѣе или менѣе характеръ извѣстной достовѣрности, такъ какъ на другихъ, мало правдоподобныхъ, останавливаться едва ли стоитъ; къ числу таковыхъ можно отнести напр. разсказы Штрандмана о найденныхъ въ Старо-Ладожскихъ курганахъ костяхъ великановъ, о случаѣ находки въ курганѣ человѣческаго остова верхомъ на лошади и т. д. Какъ видимъ эти дополнительныя свѣдѣнія весьма скудны, и болѣе существенное значеніе изъ нихъ имѣетъ лишь сообщеніе Ходаковскаго, въ главныхъ чертахъ не расходящееся и съ нашими собственными работами.

---

[1]) Извѣстія Имп. Археол. Общества, т. VI, Смѣсь 103.

[2]) Русскій Историч. Сборникъ, т. III.

[3]) Надо замѣтить еще, что упоминаемый курганъ былъ уже нѣсколько поврежденъ кладоискателями, ранѣе раскопки Ходаковскаго.

[4]) См. Mélanges biologique tirés du Bullet. de l'Acad. Imp. des Sciences, т. V, 488.

Этимъ мы закончимъ общее обозрѣніе языческихъ могилъ южнаго Приладожья, которое необходимо было привести какъ матеріалъ для интересующаго насъ вопроса. Матеріалъ нашъ конечно не особенно обширенъ, но все-таки въ общей сложности онъ составляетъ результатъ изслѣдованія болѣе полутораста кургановъ, не разбросанныхъ притомъ на большомъ пространствѣ, почему и можетъ пріобрѣтать уже извѣстное значеніе.

Посмотримъ теперь, нельзя ли попытаться хотя въ мелкомъ масштабѣ примѣнить сюда высказанный нами въ началѣ взглядъ на значеніе синтетическаго пути изученія фактовъ, какъ единственно приложимаго, по нашему мнѣнію, къ рѣшенію вопроса о признакахъ языческихъ славянскихъ могилъ въ Россіи, или въ частномъ случаѣ напр. относительно могилъ славянъ ильменскихъ.

Изъ вышеизложеннаго обозрѣнія ясно обнаруживается, что на общемъ фонѣ добытаго нами археологическаго матеріала, выдѣляются три главныхъ группы могилъ: а) съ погребеніемъ обыкновеннымъ, б) съ трупосожженіемъ и в) трупосожженіемъ, соединеннымъ съ положеніемъ костей въ сосуды; но такъ какъ уже многочисленными фактами въ археологіи установлено, что первые два вида, т.-е. погребеніе и простое трупосожженіе не доказываютъ еще разной народности могилъ, заключающихъ въ себѣ такія, хотя и рѣзкія обрядовыя противоположности, ибо факты показали, что оба обряда могли одновременно практиковаться въ средѣ одного и того же племени, то и мы не имѣемъ основанія разсматривать обѣ первыхъ группы какъ самостоятельныя, а потому, принимая ихъ въ данномъ случаѣ за одну, получаемъ въ Приладожьѣ собственно двѣ категоріи могилъ, которыя уже не могутъ быть смѣшиваемы, по ихъ дальнѣйшимъ, присущимъ каждой своеобразностямъ.

Раздѣливъ такимъ образомъ нашъ матеріалъ и присматриваясь къ археологическому содержанію кургановъ обѣихъ категорій, мы видимъ, что одна изъ нихъ не представляетъ новыхъ бросающихся въ глаза особенностей ни въ культурномъ, ни въ конструктивномъ отношеніяхъ; съ культурнымъ ея содержаніемъ археологія уже знакома изъ раскопокъ кургановъ Мери и Води, такъ какъ въ послѣднихъ она до извѣстной степени повторяется и слѣдовательно по всей вѣроятности мы въ курганахъ этой категоріи имѣемъ могилы финской же народности (быть можетъ племени Веси). Что же касается до другой, то она, какъ уже указано въ своемъ мѣстѣ, совершенно выдѣляется особнякомъ, главнымъ образомъ по конструктивнымъ деталямъ своихъ могильныхъ памятниковъ, почему именно на ней и должно остановиться наше вниманіе.

Но придерживаясь синтетическаго метода, мы должны сдѣлать оцѣнку тому же матеріалу и съ другой стороны, именно со стороны топографической, — не пріурочивается ли которая изъ упоминаемыхъ категорій къ мѣстности, имѣющей особое значеніе въ интересующемъ насъ вопросѣ, т.-е. не находится ли она тамъ, гдѣ мы имѣемъ право отыскивать могилы ильменскихъ славянъ.

Распредѣленіе нашихъ кургановъ является въ этомъ отношеніи такъ же довольно характернымъ, потому что именно та группа ихъ, которая главнымъ образомъ пріобрѣ-

таетъ для насъ особое значеніе, оказывается лежащею на такой мѣстности, т.-е. на берегахъ Волхова, прочіе же курганы, имѣющіе для насъ уже второстепенное значеніе, разсѣяны въ восточномъ Приладожьѣ по берегамъ рѣкъ Сяси, Воронеги и Паши.

Въ самомъ дѣлѣ, если географія начальной лѣтописи свидѣтельствуетъ о первомъ поселеніи ильменскихъ славянъ, что они—„сѣдоша около езера Илмеря“, то едва ли можетъ быть сомнѣніе, чтобы жилища ихъ не распространялись и по бассейну послѣдняго, т.-е. по берегамъ такихъ рѣкъ какъ Мста, Ловать, Шексна и Волховъ, узломъ которыхъ является Ильмень. Въ ближайшемъ сосѣдствѣ послѣдняго находился центръ, или ядро поселенія этихъ славянъ, но отсюда по упомянутымъ воднымъ артеріямъ былъ естественный ходъ его расширенію, такъ что несомнѣнно на берегахъ этихъ рѣкъ должны находиться и языческія могилы мѣстныхъ славянскихъ насельниковъ. Замѣтимъ, что дѣйствительно, согласно съ этимъ, распредѣляются и курганы близъ Ильменя, которые по отзыву лицъ, ихъ обозрѣвавшихъ, расположены главнымъ образомъ по бассейнамъ рѣкъ Шелони, Ловати и Мсты[1]).

Въ частности къ Волхову сказанное примѣнимо даже наиболѣе, потому что онъ представлялъ прямой торговый водный путь къ морю и по берегамъ его должна была направиться самая обильная струя славянской колонизаціи. Мы не упоминаемъ уже о легендарныхъ указаніяхъ, что напр. даже названіе свое Волховъ получилъ отъ доисторическихъ пришельцевъ славянъ, равно какъ и самое озеро Ильмень[2]), легендахъ представляющихъ славянъ какъ поселенцевъ самого Волхова. Если колонизація ильменскихъ славянъ достигала пунктовъ и несравненно болѣе удаленныхъ, не говоря уже напр. про Мерю, Весь и друг., то какъ же имъ было не осѣсть на берегахъ такой рѣки, какъ Волховъ, вытекавшей изъ самого ядра ихъ поселеній. Близъ устья его съ незапамятныхъ временъ находился даже повгородскій пригородъ Ладога, который уже въ первыхъ годахъ XII вѣка былъ обращенъ въ каменную порубежную твердыню противъ непріятельскаго вторженія; все это даетъ намъ право ожидать на берегахъ Волхова, не менѣе чѣмъ гдѣ либо, присутствія могилъ языческихъ славянъ и конечно встрѣтить ихъ во многихъ изъ тѣхъ могильныхъ насыпей, которыми окаймлено его теченіе.

Соображенія эти, оттѣнка болѣе теоретическаго, могутъ однако находить себѣ извѣстную опору и въ указаніяхъ непосредственно практическихъ, почерпнутыхъ изъ отрывочныхъ раскопокъ, напр. 1871 года, близъ Ильменя. Извлекаемыя отсюда данныя хотя и не обильны, но все-таки позволяютъ провести нѣкоторую параллель между могильными насыпями на притокѣ Ильменя, Ловати и изслѣдованными нами на Волховѣ, именно, что, по словамъ краткаго о первыхъ отчета[3]), на Ловати встрѣчены два типа кургановъ, одни „съ жертвенниками“, другіе безъ оныхъ, при чемъ самые „жертвенники“ описаны слѣдующими словами: „на нижнемъ слоѣ песка въ центрѣ кургана груда камней, покрытая однимъ большимъ камнемъ же въ формѣ плиты, такъ

---

[1]) *Ивановскій*, Матеріалы для изученія кургановъ Новгородской губерніи (Труды II съѣзда, вып. 2).

[2]) *Костомаровъ*, Сѣверно-русскія народоправства, т. I.

[3]) *Ивановскій*, Матеріалы для изученія кургановъ Новгородской губерніи (Труды II съѣзда, вып. 2).

что вся постройка производитъ впечатлѣніе стола, покрытаго и окруженнаго золою и углями".

Не знаемъ насколько близко къ истинѣ это уподобленіе груды камней жертвенніку, но для насъ важенъ самый фактъ присутствія въ упоминаемыхъ курганахъ тѣхъ же каменныхъ грудъ, на которыя мы указывали выше, какъ на типическихъ спутниковъ волховскихъ погребальныхъ насыпей; если мы здѣсь вспомнимъ еще о вышеприведенномъ замѣчаніи Ходаковскаго, относительно сходства кургановъ у Ладоги и Ильменя, то соображенія о тѣсной связи волховскихъ кургановъ съ разливомъ славянской колонизаціи могутъ получить, какъ кажется, достаточную устойчивость. Другими словами берега Волхова могутъ быть съ достаточнымъ основаніемъ причисляемы къ числу мѣстностей, на которыхъ мы должны отыскивать языческія могилы ильменскихъ славянъ.

Такимъ образомъ послѣ этой двухсторонней оцѣнки нашего приладожскаго археологическаго матеріала, мы настолько разобрались въ немъ, что въ общемъ составѣ его теперь выясняются элементы, непосредственно относящіеся и къ нашему вопросу о славянскихъ могилахъ, именно элементы, представляемые курганами на Волховѣ, такъ какъ послѣдніе приходится признать за славянскіе. Эта народность ихъ поддерживается и другими обстоятельствами: волховскіе курганы не могутъ принадлежать народности финской, въ силу вышеобъясненныхъ ихъ особенностей, выдѣляющихъ ихъ изъ среды остальныхъ кургановъ Приладожья; невѣроятно, чтобы они могли быть норманскими, ибо на то нѣтъ ни малѣйшаго намека въ культурномъ отношеніи, нѣтъ напр. и слѣдовъ оружія; при нашихъ раскопкахъ на рѣкѣ Пашѣ намъ доводилось встрѣчать могилы, которыя съ несравненно большимъ правомъ могли быть названы таковыми, ибо въ нихъ оказывалось оружіе и культура несомнѣнно происхожденія скандинавскаго, напр. мечи, совершенно тождественные съ образцами, находимыми въ Швеціи, таковыя же типичныя для Скандинавіи фибулы и т. под., но вмѣстѣ съ тѣмъ въ этихъ же могилахъ нѣтъ тѣхъ особенностей, на которыя мы указывали въ волховскихъ курганахъ. Къ какой же еще народности мы можемъ въ такомъ случаѣ причислить эти послѣдніе? Хронологическое опредѣленіе ихъ, насколько лишь оно здѣсь возможно, не позволяетъ также отнести волховскіе курганы и къ періоду предшествовавшему прибытію славянъ, ибо во-первыхъ на то могутъ отчасти намекать единичныя извѣстія о находкахъ монетъ, а во-вторыхъ слѣды культуры тѣхъ же кургановъ, въ обоихъ случаяхъ указывающія на сравнительно болѣе позднее происхожденіе послѣднихъ.

Съ другой стороны нельзя игнорировать и совпаденія встрѣченнаго въ нихъ обряда положенія сожженныхъ костей въ сосуды съ свидѣтельствомъ нашей лѣтописи о томъ же обычаѣ у Радимичей, Сѣверянъ, Вятичей и Кривичей, т.-е. племенъ славянскихъ же, при чемъ позволимъ себѣ кстати вспомнить и о своеобразномъ выраженіи, употребленномъ въ послѣднемъ случаѣ нашимъ лѣтописцемъ, что племена, эти предавъ сожженію мертвеца и положивши кости его въ сосудъ, ставили таковой *„на столпѣ"*.

Слово это въ буквальномъ своемъ значеніи не принимается, какъ извѣстно, никѣмъ, а толкуется въ переносномъ значеніи кургана; но для насъ особенно любопытно здѣсь, что нѣкоторые ученые, по поводу упоминаемаго выраженія лѣтописи, указываютъ корень слова „столпъ" въ санскритѣ, гдѣ онъ имѣетъ значеніе высокой могилы, возвышенія

изъ земли и *камней**); не возможно ли поэтому думать, что въ подобномъ значеніи погребальнаго монумента, именно монумента изъ земли съ *камнями*, слово *столпъ* и употреблено въ лѣтописи, а въ такомъ случаѣ волховскіе курганы могутъ являться практическимъ осуществленіемъ этого термина, и слѣдовательно отсюда извлекается еще черта въ пользу ихъ прикосновенности къ языческому славянству.

Итакъ вообще это послѣднее положеніе о происхожденіи волховскихъ кургановъ имѣетъ за собой достаточно основаній и не должно потому считаться лишь отвлеченнымъ предположеніемъ; если же это вѣрно, то изъ изученія упоминаемыхъ кургановъ мы получаемъ право сдѣлать хотя, быть можетъ, неокончательный (но ограниченности имѣющагося матеріала), но тѣмъ не менѣе имѣющій за себя много вѣроятностей выводъ, распространяющійся и на всю группу славянъ ильменскихъ. Таковымъ выводомъ въ данномъ случаѣ является, что, на основаніи постоянно повторяющагося въ волховскихъ курганахъ присутствія разнообразныхъ каменныхъ грудъ и кладокъ и славянскаго происхожденія самихъ кургановъ, мы считаемъ возможнымъ принять для сѣверной полосы Россіи, что *присутствіе въ могильныхъ насыпяхъ подобныхъ каменныхъ сооруженій составляетъ одинъ изъ признаковъ, присущихъ могиламъ именно языческихъ славянъ нашего сѣвера,* признакъ пока впрочемъ единственный, который возможно попытаться установить при современномъ положеніи курганнаго матеріала.

Мы не сомнѣваемся лично, что будущее, въ распоряженіи котораго окажется уже болѣе обширный археологическій матеріалъ, утвердитъ этотъ выводъ какъ окончательный, ибо спеціальное изслѣдованіе славянскихъ языческихъ могилъ займетъ же наконецъ надлежащее, скажемъ даже — первенствующее значеніе въ ряду прочихъ курганныхъ изслѣдованій въ Россіи, а пока заканчиваемъ душевнымъ пожеланіемъ, чтобы это осуществилось по возможности скорѣе. Намъ кажется, что подобный вопросъ настолько важенъ какъ для археологіи, такъ и для исторіи Россіи, что онъ бы могъ быть принятъ подъ особое покровительство нынѣшняго археологическаго съѣзда и намѣченъ въ число самыхъ капитальныхъ задачъ для съѣзда будущаго; было бы огромной заслугой послѣдняго, если бы онъ оказался въ состояніи сдѣлать богатый вкладъ въ русскую науку, путемъ предпринятія и изданія новыхъ, широкихъ съ этой цѣлью изслѣдованій въ тѣхъ мѣстностяхъ Россіи, гдѣ должны покоиться кости ея языческихъ славянскихъ насельниковъ.

1887 г.

---

*) *Котляревскій,* О погребальныхъ обычаяхъ славянъ, 122.

Раскопки въ Мышкинскомъ уѣздѣ 1887 года.

Я. А. Ушакова.

По предложенію Предварительнаго Комитета VII Археологическаго Съѣзда въ Ярославлѣ, я произвелъ раскопки болѣе 50 кургановъ, найденныхъ случайно въ окрестностяхъ города Мышкина, на лѣвомъ берегу Волги, въ дачѣ села Кривецъ помѣщика А. Д. Кожина, который съ удовольствіемъ изъявилъ согласіе на мою просьбу о дозволеніи раскопокъ.

Нынѣшнія мои раскопки кургановъ составляютъ продолженіе раскопокъ 1878 г., произведенныхъ въ Угличскомъ уѣздѣ для Московской антропологической выставки; описаніе ихъ находится въ изданныхъ въ 78 г. протоколахъ засѣданій комитета по устройству выставки № 34. Мѣстность гдѣ произведены раскопки 78 г. находится на правомъ берегу Волги, въ Угличскомъ уѣздѣ, но почти противъ г. Мышкина, верстахъ въ 5 отъ города, въ двухъ отдѣльно лежавшихъ группахъ кургановъ: одной близъ деревни Жукова, по р. Юхоти, впадающей въ Волгу, другой — близъ деревни Кирьянова, на самомъ берегу Волги. Нынѣшняго года раскопки произведены на противоположной сторонѣ Волги. Всего найдено около села Кривца, въ разстояніи какой-нибудь версты отъ него и въ 4-хъ отъ Мышкина, всего четыре отдѣльно лежащихъ группы кургановъ на пространствѣ не болѣе одной квадратной версты. Въ 1-й группѣ найдено 38, во 2-й — 27, въ 3-ей — 8 кургановъ и въ 4-й, въ полѣ дер. Черной Лужи, 8 кургановъ. Разстоянія между группами отъ 150 до 300 саженъ. Между тремя первыми группами съ одной стороны и 4-й — съ другой, проходитъ большая проѣзжая дорога съ телеграфной линіей отъ Мышкина до станціи „Волга“ Рыбинско-Бологовской желѣзной дороги, не болѣе какъ 2 часа ѣзды отъ города до станціи. Противъ дер. Черной Лужи, на правомъ берегу Волги находятся деревни Юрьевецъ, вблизи ея д. Золотуха, гдѣ также встрѣчаются курганы. Такимъ образомъ мѣстность около Мышкина и устья рѣки Юхоти несомнѣнно была обитаема и густо населена племенемъ, оставившимъ намъ краснорѣчивые памятники въ могильныхъ курганахъ. Задача изслѣдователя изучить эти памятники до мельчайшихъ подробностей. Въ Жуковской

группѣ кургановъ, входящихъ въ раіонъ описываемой мѣстности, найдены монеты: одна халифская абасидская чеканенная въ Багдадѣ въ 290 г. Геджры, другая монета, саманидская чеканенная въ Самаркандѣ въ 363 Геджры, третья монета также саманидская, четвертая — англо-саксонская, пятая — германская. Монеты эти найдены еще до моихъ раскопокъ 1878 года Е. И. Якушкинымъ, опредѣлены Бар.: Тизенгаузеномъ, и собственно указанію Якушкина обязаны какъ я, такъ и покойный А. И. Кельсіевъ [1]), произведшій и докончившій раскопки Кирьяновской группы, что мѣстность около устья рѣки Юхоти и Мышкина дѣлается извѣстною богатствомъ своихъ курганныхъ памятниковъ.

Счастливая, неожиданная находка, — 4 группы Кривецкихъ кургановъ, — открыта была почти наканунѣ собранія VII Археологическаго Съѣзда 24-го іюля, совершенно случайно, благодаря мальчику пастуху, который указалъ возлѣ парового поля дер. Кузминской въ лѣсу на бугры, обложенные камнями, оказавшіеся настоящими курганами одного типа съ Кирьяновскими. Въ тотъ же день крестьянами д. Кузминской указано было еще болѣе обширное курганное кладбище № 1-й, въ 38 саж. всего отъ большой дороги, по которой каждый день идутъ и ѣдутъ въ г. Мышкинъ, гдѣ ничего не было слышно о существованіи этихъ кургановъ, расположенныхъ на легкой, градусовъ въ 10, покатости, покрытой дровянымъ сосновымъ лѣсомъ. По разсказамъ старожиловъ, около 25 лѣтъ назадъ здѣсь росъ вѣковой дремучій боръ; отсюда послѣ вырубки окольные крестьяне возами увозили къ себѣ въ деревни камни, которыми обложены были могилы, и потому въ немногихъ только курганахъ уцѣлѣло полное устройство могильной насыпи.

Какое-то невольное чувство удивленія внушало къ себѣ кладбище, расположенное правильными четыреугольниками пространствомъ съ 565 квадр. саж. (здѣсь говорится о группѣ 1-й), усѣянное памятниками глубокой древности. Курганы вышиною отъ $1^1/_2$ до 3-хъ аршинъ шли рядами, имѣли форму полушарій и овальную, у нѣкоторыхъ основаніе опоясано и укрѣплено было двумя рядами камней; со стороны покатости къ большой дорогѣ въ курганахъ укрѣпленъ сыпучій грунтъ, песокъ, еще большими каменьями, пудовъ до 10 вѣсомъ, что, вѣроятно и послужило ихъ сохраненію [2]).

Произведенныя раскопки обнаружили обряды погребеній, существенныя черты, которыхъ состояли въ слѣдующемъ.

1) Изъ 50 кургановъ 1-й и 2-й группъ — въ 47 найдены костяки лежавшими головой на западъ, ногами къ востоку, т.-е. въ томъ же направленіи, какъ у насъ хоронятъ православныхъ христіанъ.

2) Большинство изъ нихъ найдены приблизительно лежавшими на поверхности грунта, засыпанными насыпью земли разной высоты, какъ сказано, отъ $1^1/_2$ до 3-хъ аршинъ, при чемъ замѣчено, что земля для насыпи бралась вокругъ могилы, вслѣдствіе чего отъ выемки возлѣ насыпи высота кургана увеличивалась.

[1]) О раскопкахъ въ Угличскомъ уѣздѣ А. И Кельсіева также напечатана статья въ протоколахъ комитета выставки въ 1878 г.

[2]) Камни для этого кладбища могли быть взяты и не съ берега Волги, находящейся отсюда въ $1^1/_2$ верстѣ, а скорѣе изъ близъ протекающаго ручья „Каменка“, изобилующаго до сихъ поръ дикимъ камнемъ. По имени ручья наз. дер. „Каменецъ“, находящаяся въ 1 верстѣ отъ группы № 1-й.

3) Во всѣхъ безъ исключенія курганахъ 4-хъ Кривецкихъ группъ у наружныхъ частей встрѣчались камни, дикарь, булыжникъ вѣсомъ отъ 10 пудовъ до $^1/_2$ пуда. Въ одномъ, лучше прочихъ сохранившихся, курганѣ № 1-й, было насчитано до 241 камня разной величины; въ прочихъ курганахъ у нижняго края встрѣчались обыкновенно большіе, въ срединѣ насыпей меньшей величины, камни. Отсюда не безъ основанія слѣдуетъ выводъ, что курганныя насыпи вообще укрѣплялись выстилкой камней, или правильной кладкой ихъ рядами.

4) Въ большинствѣ кургановъ замѣчены около костяковъ слѣды деревянныхъ гробовъ; по взятымъ, лучше другихъ сохранившимся, образчикамъ дерева видно, что они были сосновые; возлѣ попадались поржавѣвшіе гвозди, похожіе на костыли, у которыхъ шляпка загнута въ одну сторону.

5) Во всѣхъ почти безъ исключенія курганахъ встрѣчались черепки горшковъ, или кринокъ [1]). Въ 3-й группѣ, въ двухъ курганахъ найдено по кринкѣ, которыя удалось вынуть почти цѣлыми.

6) Внутри курганныхъ насыпей встрѣчались мѣстами древесные угли, и зола прослойками; но ни въ одномъ не было встрѣчено сплошнаго угля съ золою, или одной золы, которые указывали бы на сожженіе труповъ животныхъ, или костра, разложеннаго поверхъ засыпаннаго землей гроба на протяженіи цѣлаго слоя кургана.

7) Погребенные въ курганахъ въ большинствѣ имѣли руки протянутыя вдоль туловища; въ 4-хъ курганахъ замѣчены кости рукъ лежавшими сложенными на груди и на полости живота.

8) По измѣреніи роста отъ оконечности черепа до оконечности ногъ замѣчено, что самый большой костякъ имѣлъ 2 арш. 12 верш.

9) Въ 4-хъ курганахъ найдены по 2 и даже въ одномъ 3 костяка.

10) Наибольшая окружность кургановъ доходила до 12 саж., наименьшая до 4-хъ.

11) Замѣчено, что въ мужскихъ курганахъ украшенія попадались только въ видѣ колецъ на пальцахъ и у нѣкоторыхъ найдены около височныхъ костей только мѣдныя кольца отъ 6 до 3-хъ штукъ; затѣмъ въ 5 курганахъ найдено шесть топориковъ желѣзныхъ, лежавшихъ остріемъ въ сторону отъ костяка, у оконечностей ногъ, и у большинства непремѣнно ножикъ, болѣе или менѣе хорошо сохранившійся, напоминающій небольшой кинжалъ въ деревянныхъ ножнахъ и съ ручкой.

12) Самыя лучшія украшенія изъ бусъ, мѣдныхъ тонкихъ колецъ, перстней, браслетъ, медальоновъ, пряжекъ съ подвѣсками и фигурками въ видѣ птицъ, а также и ножики попадались въ женскихъ курганахъ.

13) Въ одномъ только курганѣ № 5-й, Кривецкой 2-й группы, найденъ костякъ

---

[1]) Здѣсь напомнимъ читателямъ, что появленіе черепковъ отъ горшковъ и кринокъ, при погребеніи умершихъ, есть фактъ, встрѣчающійся и понынѣ, по крайней мѣрѣ въ Ярославской губ. Покойника передъ погребеніемъ крестьяне обряжаютъ въ избѣ, для чего на полъ настилается солома, на которой обмываютъ тѣло изъ горшка или кринки, волосы расчесываютъ гребнемъ. Когда везутъ тѣло на погостъ, то по дорогѣ къ церкви, непремѣнно за деревней, гдѣ-нибудь въ лѣсу или въ отдаленныхъ полосахъ поля бросается солома, на которой обмывали, горшокъ, а также и гребень. Нерѣдко проѣзжающіе, незнакомые съ крестьянскими обычаями, удивляются этимъ брошеннымъ вещамъ; никто не подымаетъ ихъ. Повѣрья о томъ разныя: бросается между прочимъ для того, чтобъ покойникъ не вернулся назадъ въ деревню.

въ сидячемъ положеніи: обѣ ноги находились въ горизонтальномъ положеніи; кости же позвоночнаго столба, ребра, кости рукъ, и между ними голова въ вертикальномъ положеніи.

14) Въ одномъ изъ кургановъ найдены остатки истлѣвшей шерстяной ткани.

15) Въ 4-хъ кургапахъ встрѣчены 4 крестика — всѣ они равнобедренные и находились вмѣстѣ съ бусами около шейныхъ позвонковъ.

Въ нынѣшнюю раскопку не удалось найти ни одной монеты.

Въ курганахъ, въ 1-й группы — въ двухъ не оказалось ничего, вѣроятная потому, что они были потревожены, — положеніе костей крайне неправильно.

Въ болѣе сохранившихся кургапахъ раскопки производились послойной съемкой земли, что давало и лучшіе результаты при осмотрѣ костяковъ; но чаще всего, въ виду краткости времени и количества кургановъ, а также поврежденій нѣкоторыхъ изъ нихъ, опускались въ средину кургана колодцемъ при разной ширинѣ разъема, смотря по величинѣ насыпи.

Въ 1-й группѣ, кромѣ раскопки 38 кургановъ, обслѣдовано было на площади, занимаемой кладбищемъ, еще 12 разныхъ мѣстъ, но въ нихъ ничего, кромѣ какъ угля и пепла, не оказалось.

Во 2-й группѣ, находящейся къ сѣв.-зап., въ 100 саженяхъ отъ 1-й, изъ 27 кургановъ раскопано 12.

Въ 3-й группѣ, находящейся къ сѣверу отъ 2-й, въ разстояніи 100 саженъ отъ нея, изъ 8 раскопано 3 кургана; вещи изъ этихъ 3-хъ кургановъ составляютъ одну нераздѣльную коллекцію съ вещами первыхъ двухъ группъ и поступятъ также въ Московскій Историческій музей.

Наконецъ 4-я группа, состоящая изъ 7 кургановъ, вовсе осталась нераскопанною; она находится въ 70 саженяхъ отъ дер. Черной Лужи, въ крестьянскомъ полѣ; признаки кургановъ здѣсь сохранились худо: груды камней, бугры земли, но видъ и фигура ихъ едва остались замѣтны; рядомъ воздѣлываемое поле. Почва во всѣхъ 4-хъ группахъ песчаная.

Очеркъ найденнаго въ курганахъ 1-й Кривецкой группы.

Курганъ № 1-й. — Окружность 6 саженъ, высота $1^1/_2$ арш., форма — полушаріе. Поверхность покрыта дерномъ, изъ подъ котораго выдавались въ основаніи большіе камни пудовъ по 8 вѣсомъ. По снятіи дерна поверхность кургапа оказалась покрытою небольшимъ слоемъ, толщиной въ 4 вершка, обожженнаго песку, смѣшаннаго съ золой, подъ которымъ лежало 2 слоя сплошнаго булыжника. Подъ ними шли нѣсколько слоевъ песку съ мелкимъ булыжникомъ. Въ пятомъ, чисто песчаномъ слоѣ, найдено 2 костяка; золы и угля здѣсь не оказалось. Костяки имѣли направленіе отъ запада къ востоку, лежали въ разстояніи аршина другъ отъ друга на коренномъ грунтѣ. У 1-го костяка положеніе черепа правильное; кости частію сохранились; длина 2 арш. 2 верш.; ясно сохранились слѣды гроба. При костякѣ этомъ найдены: 1) 5 тонкихъ мѣдныхъ проволочныхъ колецъ около лѣваго уха; 2) три кольца около

праваго; 3) тридцать бусинъ около шеи и на груди; 4) разомкнутый браслетъ около локтя правой; 5) кольцо съ пальца цѣльное, спаянное.

У 2-го костяка черепъ лежалъ повернутымъ направо. Нижняя челюсть разломана, остальныя кости сильно истлѣли. Вещи: 4 проволочныхъ тонкихъ кольца у лѣваго уха; у правой тазовой кости 1 спаянное кольцо; 4 проволочныхъ кольца подъ челюстью лежали попарно. Одна подвѣска въ видѣ лапки.

Курганъ № 2-й рядомъ съ 1-мъ; форма — полушаріе, вышина 2 арш., окружность 6 саж. Срублено на немъ 4 сосны (возраста 25 лѣтъ), земля подъ дерномъ черная какъ въ 1-мъ курганѣ. Подъ первымъ верхнимъ слоемъ камни; ихъ сброшено до 75 штукъ. Нѣкоторые растрескались какъ бы отъ огня. Дальше книзу сняли 3 слоя песку. Съ краевъ у основанія лежало нѣсколько большихъ камней. Въ 3-мъ и 4-мъ слоѣ попадались черепки отъ горшка или криночки. Въ 5-мъ обнаружились 3 костяка, лежавшіе рядомъ на разстояніи 1 аршина другъ отъ друга.

1-й костякъ — крайне плохо сохранился — оставленъ на мѣстѣ. Ясные слѣды гроба: куски сгнившаго дерева, вершка въ 3 толщиной. Вещи: бусы 50 штукъ съ украшеніемъ въ видѣ крестика на груди; кольцо у лѣвой тазовой кости; пряжка, съ 5-ю подвѣсками въ видѣ лапокъ у пояса, на правой сторонѣ костяка.

2-й костякъ — истлѣлъ почти весь, украшеній не найдено.

3-й костякъ — хорошо сохранился. Черепъ лѣвой стороной лежалъ внизъ; руки сложены на животѣ. Длина всего костяка 2 арш. 12 вершк. При немъ: ножъ съ лѣвой стороны, клинкомъ подъ костями таза; кольцо на пальцѣ правой руки; около пояса куски темной матеріи, въ родѣ толстаго сукна, сильно погнившее.

Курганъ № 3-й находится почти въ срединѣ кладбища, форма его полушаріе; вышина 3 арш.; окружность 12 саж. (на немъ срублено 2 сосны). По снятіи дерна первый пластъ песку черный — казался точно обожженный, смѣшанный съ золою. Съ вершины снято 2 камня. Въ толщѣ насыпи попадались изрѣдка слѣды угля и золы. Раскапывали колодцемъ въ длину 4 с., ширину 3 арш. На глубинѣ $1^3/_4$ арш. отъ поверхности найденъ костякъ. Возлѣ согнутый подковой гвоздь на 4 вершка выше костяка; мѣдное кольцо около лѣваго плеча. Ножикъ у верхней части лѣваго бедра, 1 мѣдное кольцо съ частію дерева. Желѣзный топорикъ возлѣ правой ступни остріемъ наружу. Обломки гвоздя въ ногахъ. Обломки желѣзныхъ гвоздей въ головахъ. Попадались черепки кринки.

Курганъ № 4-й. — Форма — полушаріе, высота $1^1/_2$ арш., окружность $4^1/_2$ саж. У основанія кургана камни. На глубинѣ 2-хъ арш. отъ поверхности найденъ костякъ, голова на западъ, ноги къ востоку. Длина костяка 2 арш. 5 вершк., кости сохранились очень плохо; возлѣ черепа найдены 5 мѣдныхъ колецъ, тутъ же сохранилась прядь волосъ; бусъ до 20 — на груди; желѣзный ножикъ, похожій на кинжалъ, остріе клинка какъ будто вложено было въ деревянные ножны, ручка ножа отдѣляется отъ клинка замѣтно; ножъ найденъ у праваго бедра.

Курганъ № 5-й. — Форма — полушаріе, вышина $2^1/_2$ арш., окружность 10 саж. Найдено 3 костяка — всѣ въ одномъ направленіи отъ запада къ востоку. Костякъ 1-й почти весь истлѣлъ; найдено въ головахъ 3 желѣзныхъ гвоздя. Костякъ 2-й также

худо сохранился; въ головахъ 2 гвоздя; топорикъ у бедра съ лѣвой стороны. Костякъ 3-й также худо сохранился. Вещи при немъ: ножъ у лѣвой руки и топорикъ въ ногахъ, кольцо около лѣвой руки.

Курганъ № 6-й. Окружность 6 саж., высота $1^1/_4$ арш. Костякъ найденъ на глубинѣ $2^3/_4$ арш. очень плохо сохранившимся; положеніе рукъ вытянутое. Вещи: у праваго уха мѣдное тонкое колечко сломанное, у лѣваго — цѣльное колечко; на правой сторонѣ шеи 2 части сломаннаго шейнаго металлическаго кольца; тутъ же 7 бусъ; у кисти лѣвой руки часть витого браслета; подъ лѣвымъ бедромъ ножикъ; у праваго бедра витое колечко съ пальца; разные металлическіе обломки около черепа.

Курганъ № 7-й. Черепъ и кости худо сохранились. Изъ вещей найденъ одинъ ножикъ съ правой стороны возлѣ бедра.

Курганъ № 8-й. Окружность 5 саж., высота $1^1/_4$ арш., форма полушарія; внизу у основанія обложенъ большими камнями; сверху высланъ мелкимъ булыжникомъ. Внутри насыпи попадались угли и зола. Костякъ очень плохо сохранился; изъ вещей найдено 3 височныхъ кольца съ прядью волосъ и 1 желѣзный обломокъ.

Курганъ № 9-й. Окружность 8 саж., высота $1^1/_2$ арш.; на $^3/_4$ арш. отъ поверхности показался въ разрѣзѣ слой пепла и золы, толщиной въ 4 вершка; на глубинѣ $1^1/_2$ арш. лежалъ костякъ, головой къ западу, ногами къ востоку. Черепъ сохранился, остальные кости тоже. Длина костяка 2 арш. 8 вершк. Вещи: ножикъ около тазовой кости; въ ногахъ — 2 гвоздя, посрединѣ костяка — два обломка гвоздей, въ головахъ — 1 обломокъ, всего 5 желѣзныхъ гвоздей; около таза — куски почернѣвшаго отъ тлѣнія дерева и на немъ обломокъ тонкаго мѣднаго колечка; ножикъ лежалъ подъ костями таза, — ручкой обращенъ къ правому, остріемъ къ лѣвому бедру. Взяты: черепъ, кости рукъ, ногъ и позвопочнаго столба.

Курганъ № 10-й. Наружная форма овальная, 2 саж. длины и $1^1/_2$ ширины; вышина $1^3/_4$ арш. У основанія большіе камни. Раскопка произведена послойно. Вещи: возлѣ правой височной кости мѣдная фигурка, изображающая птицу, съ подвѣсками. На шеѣ украшеніе въ видѣ кружка, посрединѣ котораго крестикъ. Около шеи до 40 мелкихъ бусъ; около ушей по нѣскольку мѣдныхъ колецъ. Руки сложены на груди, на каждой по браслету, на пальцахъ — 2 кольца витыхъ сомкнутыхъ, вдоль правой руки — ножикъ.

Курганъ № 11-й. Былъ раскапываемъ раньше, кости плохо сохранились и найдены въ безпорядкѣ; изъ вещей попались остатки мѣдныхъ тонкихъ колецъ.

Курганъ № 12-й. Круглый, довольно плоскій, окружность 5 саж., вышина 1 арш., найдены слѣды дерева и много угольевъ. Кости едва сохранились. Съ правой стороны развалившагося черепа — большая проволочная мѣдная серьга; съ лѣвой стороны около височной кости — 2 серьги на кускѣ дерева; съ правой — тоже 2 серьги въ видѣ колецъ, одна большая, другая малая. Посрединѣ позвоночнаго столба мѣдная пряжка; на лѣвой рукѣ витой браслетъ, у пальцевъ правой — витое колечко; у лѣваго бедра — ножикъ.

Курганъ № 13-й. Костякъ найденъ на глубинѣ $1^1/_4$ арш. Черепъ сохранился изрядно; кости рукъ раздвинуты, положеніе нижнихъ конечностей неправильное; что

произошло вѣроятно отъ корней росшаго лѣса. Найденъ ножикъ у лѣвой руки. У основанія кургана — кампи.

Курганъ № 14-й. Полушаріе; высота $1^1/_2$ арш., окружность 8 саж. Кости худо сохранились. Вещи: браслетъ у лѣвой руки, тамъ же — украшеніе въ видѣ птицы; на лѣвомъ боку — пряжка; 10 бусинъ у шеи; у лѣваго бедра — ножикъ.

Курганъ № 15-й. Полушаріе; высота $1^1/_2$ арш., окружность 7 саж. Обложена была въ сторону покатости подошвы кургана большими камнями; въ толщѣ насыпи встрѣчались груды пепла и золы. Черепъ на западъ, ноги къ востоку. Кости сохранились. Положеніе рукъ согнутое къ тазовымъ костямъ; ножикъ около лѣваго бедра.

Курганъ № 16-й. Овальный: 2 саж. и $1^1/_2$ саж.; высота 1 арш. На глубинѣ $1^1/_2$ арш. — костякъ, порядочно сохранившійся. Длина костяка 2 арш. 3 вершка. Вещи: 3 кольца у правой височной кости, съ подвѣсками; большое кольцо у лѣваго уха; браслетъ съ большимъ украшеніемъ въ родѣ птицы, съ остаткомъ продѣтаго въ уши шнурка. Ножъ около лѣвой руки; перстень; 32 бусины около шеи.

Курганъ № 17-й. Полушаріе; вышина $2^1/_2$ арш., окружность 9 саж.; въ толщѣ насыпи попадались кусочки угля; костякъ на глубинѣ $2^3/_4$ арш. Имѣя обыкновенное направленіе отъ запада къ востоку, сохранился лишь въ тѣхъ частяхъ, гдѣ найдены были мѣдныя вещи; у лѣваго виска — 6 цѣльныхъ колецъ тонкихъ, съ частью волосъ; въ верхней части груди — 15 большихъ черныхъ бусъ и 5 сердоликовыхъ продолговатыхъ, длиной около дюйма; толщиной въ $^1/_4$ дюйма; у кисти правой руки — витой мѣдный браслетъ; у кисти лѣвой руки — 2 мѣдныхъ плоскихъ перстня, плоскій мѣдный браслетъ, рѣзная мѣдная, похожая на пѣтуха, фигура съ подвѣсками; ножикъ желѣзный; подъ вещами — остатки дерева.

Курганъ № 18-й. На глубинѣ 2 арш. найдены кости лежавшими неправильно; подъ черепомъ много угля; найдено 5 гвоздей; въ ногахъ, топорикъ желѣзный.

Курганъ № 19-й. Окружность 6 саж., вышина 1 арш.; въ верхнемъ слою насыпи до 20 камней булыжнику. На глубинѣ 2-хъ арш. найденъ костякъ, головой на западъ, сохранившійся удовлетворительно; длина его 2 арш. 6 вершк. Руки скрещены на груди. Вещи: 6 тонкихъ мѣдныхъ колецъ — у праваго виска, 4 — у лѣваго. У праваго бедра — ножикъ; на пальцѣ правой руки витое кольцо.

Курганъ № 20-й. На глубинѣ $2^1/_2$ арш. остатки костяка, и черепъ съ прядью волосъ со связкой тонкихъ мѣдныхъ колецъ.

Курганъ № 21-й. На глубинѣ $1^3/_4$ арш. костякъ. Въ толщѣ насыпи зола, пепелъ, уголья. Костякъ, длиной 2 арш. 5 вершк., лежалъ головой къ западу и порядочно сохранился; на пальцѣ правой руки кольцо; у бедра — ножикъ.

Курганъ № 22-й видимо потревоженъ раньше.

Курганъ № 23-й. Изъ вещей найденъ ножикъ и кольцо. Костякъ почти истлѣлъ.

Курганъ № 24-й оказался пустой.

Курганъ № 25-й. Костякъ едва сохранился. При раскопкѣ встрѣчались ближе къ поверхности кургана уголья. На глубинѣ $^1/_2$ арш. найденъ желѣзный обломокъ, ножикъ, 2 витыхъ кольца, 2 тонкихъ колечка.

Курганъ № 26-й. Окружность 8 саж., вышина 2 арш.: на поверхности попадалось много золы и угля; костяки почти совсѣмъ истлѣли.

Курганъ № 27-й. Окружность 4 саж., высота $^1/_2$ арш.; въ первомъ снятомъ слоѣ попадалось много угля, смѣшаннаго съ золою; поверхъ этого слоя вся насыпь устлана камнями. Кости не сохранились; найденъ одинъ браслетъ.

Курганъ № 28-й. Наружная форма — полушаріе. Окружность 6 саж., высота 2 арш. По снятіи дерна курганъ оказался весь вымощеннымъ мелкимъ булыжникомъ. Насыпь, какъ во всѣхъ прочихъ кривецкихъ курганахъ,— песокъ, изъ котораго состоитъ и окружающій грунтъ. На глубинѣ 1 сажени нашли костякъ: черепъ почти истлѣлъ; направленіе головы на западъ, ножъ съ лѣвой стороны у тазовыхъ костей.

Курганъ № 29-й. Окружность 5 саж., высота $1^3/_4$ арш. По снятіи дерна выстилка камнемъ-дикаремъ. По углубленіи колодцемъ въ разъемѣ $2^1/_2$ арш. длины и $1^1/_2$ арш. ширины, на глубинѣ одной сажени найденъ костякъ; у него лѣвая половина истлѣла и вся проросла корнями сосны, росшей на курганѣ. На подъемѣ ступни правой ноги, желѣзное кольцо, немного поодаль отъ него — другое; тутъ же желѣзный ножикъ.

Курганъ № 30-й. Окружность 4 саж., высота 1 арш., обложенъ рядомъ большихъ камней. На глубинѣ 1 арш. отъ верха кургана попался слой въ 4 вершка золы и угольковъ. Костякъ найденъ еще ниже, на глубинѣ $2^1/_4$ арш. отъ поверхности. Направленіе его обыкновенное, съ запада на востокъ; худо сохранился. Длина его 2 арш.; руки сложены на животѣ; у праваго виска — 2 тонкихъ кольца и нѣсколько обломковъ; то же самое у лѣваго; на шеѣ и груди — 37 мелкихъ бусъ и 7 болѣе крупныхъ металлическихъ; на груди — 2 бронзовыхъ медальона; у кисти лѣвой руки плоскій браслетъ, тамъ же ажурная металлическая подвѣска, фигурка птицы съ подвѣсками и желѣзный ножикъ; на пальцѣ лѣвой руки мѣдный перстень; около фигурки птички и браслета найдены 2 кусочка матеріи, похожей на шерстяную; у локтя правой руки — витой браслетъ со вставленной на концахъ смалтою; на пальцѣ правой руки — перстень.

Курганъ № 31-й. Кости найдены лежавшими въ безпорядкѣ, украшеній — никакихъ. Курганъ обложенъ камнями.

Курганъ № 32-й. Костякъ худо сохранился; приблизительная длина его $1^3/_4$ арш. Изъ украшеній — проволочный браслетъ; руки сложены на груди, ножикъ у праваго бедра.

Курганъ № 33-й. Одни слѣды костей; недалеко отъ остатковъ черепа ножикъ.

Курганъ № 34-й. За исключеніемъ черепа прочія кости сохранились изрядно. У лѣвой тазовой части — ножикъ.

Курганъ № 35-й. На $1^1/_2$ арш. отъ верха найденъ костякъ въ худомъ состояніи. Вещи: 12 бусинъ съ крестикомъ между ними около шеи и браслетъ. Ножъ около правой плечевой кости и мѣдный бубенчикъ съ ушкомъ и шарикомъ внутри.

Курганъ № 36-й. Окружность 8 саж., вышина $1^1/_2$ арш. Покрытъ сплошнымъ камнемъ. У основанія 8 камней, пудовъ по 20 вѣсомъ. Золы и угля въ толщѣ насыпи не встрѣчалось. Костякъ найденъ на глубинѣ 3 арш., направленіе обыкновенное — съ запада на востокъ, длина 2 арш. 6 вершк.; хорошо сохранился. Украшенія: на вискахъ по тонкому кольцу, на шеѣ и груди найдено 18 мелкихъ бусинъ; на обѣихъ рукахъ по кольцу. Руки сложены на груди.

Курганъ № 37-й. Окружность 5 саж., вышина $^3/_4$ арш.; костякъ найденъ на глубинѣ 2 арш. по обычаю съ запада на востокъ. Длина 2 арш. 6 вершк., хорошо сохранился; у лѣваго бедра — ножъ. Курганъ былъ выстланъ камнями.

Курганъ № 38-й. Костякъ истлѣлъ; изъ украшеній найденъ витой браслетъ, височное кольцо, 16 бусинъ.

Развѣдка въ 12 другихъ мѣстахъ этого кладбища, съ цѣлью напасть на разрушенные отъ разныхъ причинъ курганы и потому не бросающіеся сразу въ глаза, — показала, что изслѣдованіе группы № 1-й Кривецкихъ кургановъ должно быть окончено, такъ какъ болѣе ничего не попадалось въ вырытыхъ ямахъ кромѣ слѣдовъ пепла, угля, и камней.

2-я группа

состоитъ изъ 27 насыпей, имѣющихъ по преимуществу шарообразную форму и расположена близъ дороги въ дер. Кузминскую, Поводневской волости; деревня эта отъ кургановъ не болѣе $^1/_4$ версты. На курганахъ растетъ мелкій смѣшанный березовый и сосновый лѣсъ; едва замѣтна покатость по направленію къ Волгѣ. Раскопано всего 12 кургановъ. Грунтъ песчаный.

Курганъ № 1-й. Окружность 7 саж., вышина $2^1/_2$ арш., у основанія обдѣланъ рядомъ большихъ камней, сверху же выстилка мелкимъ булыжникомъ, костякъ плохъ. Изъ вещей найдено по 3 разныхъ размѣровъ серьги у височныхъ костей, 40 маленькихъ бусинъ; на правой рукѣ, около кисти — витой проволочный браслетъ; на лѣвой — мѣдное тонкое колечко, тутъ же двѣ металлическія фигуры въ родѣ грифовъ, у кисти руки — ножикъ.

Курганъ № 2-й. Окружность 6 саж., вышина 1 арш., обложенъ камнями. На глубинѣ $1^1/_4$ арш. — костякъ, направленіе его, по обычаю: на западъ — голова, къ востоку — ноги. Черепки криночки. У лѣвой височной кости — 8 тонкихъ мѣдныхъ колецъ. У таза слѣва — ножичокъ. Съ лѣвой стороны нижней челюсти — крестикъ съ бусиной. Подъ челюстью — 5 бусинъ.

Курганъ № 3-й. Окружность 6 саж., высота $1^1/_4$ арш. При снятіи второго слоя, попались черепки крипки; въ 3-мъ слоѣ мелкія уголья. На глубинѣ $1^3/_4$ арш. показался черепъ. Костякъ весь сохранился и взятъ. На правой сторонѣ, около руки ножикъ.

Курганъ № 4-й. Размѣры какъ у предыдущаго и также въ насыпи черепки крипки. Сохранились признаки гроба, костякъ равно какъ и черепъ истлѣлъ; между правой рукой и грудью ножичекъ и тутъ же подвѣска въ родѣ пѣтуха.

Курганъ № 5-й. Окружность 6 саж., высота $1^1/_2$ арш. При раскопкѣ его колодцемъ, нашли на днѣ кости ногъ съ тазовыми въ горизонтальной плоскости; позвоночный столбъ и кости рукъ по обѣимъ сторонамъ его въ вертикальной плоскости, надъ нимъ черепъ, порядочно сохранившійся; позвонки и вообще кости реберъ слѣдовали въ порядкѣ. Покойный видимо былъ погребенъ въ сидячемъ положеніи, почему и костякъ его найденъ въ такомъ именно видѣ. Ниже лѣвой руки — ножикъ тоже въ вертикальной плоскости, ручкой кверху, остріемъ внизъ. Нижняя челюсть разломана.

Подъ позвоночнымъ столбомъ найденъ камень; сверхъ головы встрѣчены были также камни. Ноги имѣли направленіе на востокъ, какъ будто погребенный смотрѣлъ въ ту же сторону. Вырыты кости ногъ на глубинѣ $1^1/_2$ арш. отъ поверхности кургана. Въ западномъ углу могилы около позвоночнаго столба попадались сложенныя другъ на друга камни, служившіе вѣроятно опорой погребенному. Попадался при раскопкѣ, на глубинѣ 2-хъ четвертей, слой угля, сильно смолистаго; встрѣчались также черепки отъ крынки.

Курганъ № 6-й. Окружность 6 саж., вышина $1^3/_4$ арш. На глубинѣ $1^1/_2$ арш. встрѣченъ черепъ безъ верхней челюсти, остальныя части костяка плохо сохранились; возлѣ лѣваго бедра — ножикъ. Курганъ обложенъ камнями.

Курганъ № 7-й. Окружность 7 саж., высота $1^3/_4$ арш. Основаніе обложено большими камнями; на глубинѣ $1^1/_4$ арш. — черепъ; слой угля попался въ одной плоскости съ костякомъ; тутъ же 2 черепка отъ крынки. Кости конечностей видимо были сдвинуты корнями деревъ; у лѣвой руки найденъ ножикъ, остріемъ не книзу, какъ вездѣ встрѣчалось, а обращенный къ головѣ.

Курганъ № 8-й. Въ немъ найдено только около нижней челюстю разомкнутая сережка и 5 бусинъ. Весь костякъ оказался негоднымъ.

Курганъ № 9-й. Костякъ почти истлѣлъ, найденъ ножикъ.

Курганъ № 10-й. Костякъ сохранился и взятъ; изъ вещей пайдены: ножикъ у правой руки, 2 кольца височныхъ, одна бусина и 1 кольцо у ноги.

Курганъ № 11-й. Кости плохо сохранились. Найдены: ножикъ и ручное кольцо.

Курганъ № 12-й. Найдена одна кость, и разломанный браслетъ.

Остальные 15 кургановъ этой группы остались не обслѣдованными.

3-я группа

находится саженяхъ въ 100 къ сѣверу отъ второй. Расположена она въ мелкомъ, смѣшанномъ лѣсу, саженяхъ въ 100 отъ большой дороги, ведущей изъ Мышкина на Волжскую станцію Рыбинско-Бологодской желѣзной дороги, на склонѣ, обращенномъ къ лѣвому берегу Волги. Группа отстоитъ отъ Мышкина на $4^1/_2$ версты, отъ Кузьминской 1 верста, отъ с. Кревцано 1 верста и состоитъ изъ 8 кургановъ, изъ которыхъ нѣкоторые окружены камнями. Преданій на счетъ кургановъ никакихъ не сохранилось. Крестьяне называютъ ихъ могилами и говорятъ, что при корчевкѣ пней въ окружающемъ лѣсу попадались желѣзные топоры, которыхъ, однако, разыскать не удалось. Курганы этой группы имѣютъ такъ же видъ полушарія, вышиной отъ $^3/_4$ до $1^1/_2$ аршина. Насыпи состоятъ изъ довольно твердаго, желтаго, мѣстами бѣловатаго песку; грунтъ земли глинистый. Сверху подъ дерномъ попадается тонкій темный слой, иногда съ примѣсью отдѣльныхъ угольковъ; затѣмъ на $^1/_2$ аршина надъ костякомъ встрѣчается болѣе или менѣе ровный слой сѣроватаго песку, толщиной въ 1—3 вершка, съ примѣсью золы и углей. Костяки и здѣсь лежатъ головой на западъ, ногами на востокъ. Вслѣдствіе встрѣчающихся остатковъ дерева и довольно многочисленныхъ и болѣе или менѣе правильно расположенныхъ гвоздей, можно предположить, что покойники и 3-ей группы хоронились въ гробахъ.

Курганъ № 1-й въ окружности 8 саженъ, вышины $1\frac{1}{2}$ аршина. Костякъ оказался въ южной части кургана, на глубинѣ $1\frac{1}{2}$ аршина. Выше его на полъ аршина, слой пепла и угля, толщиной вершка въ 3. Костякъ сохранился плохо. Изъ вещей найдены: у лѣваго бедра желѣзный небольшой ножикъ; подъ черепомъ 3 мѣдныхъ кольца; въ ногахъ небольшой горшочекъ, наполненный землей и маленькими угольками, и 5 гвоздей.

Курганъ № 2-й въ окружности 9 саженъ, вышины $1\frac{3}{4}$ аршина. Камней не оказалось. Съ самой поверхности попадались отдѣльные угольки; ниже замѣтенъ незначительный слой земли съ золой и угольками. На глубинѣ $1\frac{1}{2}$ аршинъ 2 костяка. Первый, верхній костякъ сохранился хорошо; длина остова 2 аршина 2 вершка. Второй, почти одного и того же размѣра сохранился плохо. Изъ вещей найдены: въ головахъ и ногахъ гвозди и желѣзный топоръ, такая же бляха и горшочекъ; у лѣваго бедра желѣзный ножикъ.

Курганъ № 3-й въ окружности 9 саженъ и вышины $1\frac{1}{2}$ аршина. Основаніе обложено однимъ рядомъ камней. На глубинѣ $\frac{3}{4}$ аршина попалось нѣсколько небольшихъ прослойковъ земли съ угольками. Костякъ найденъ на глубинѣ $1\frac{1}{2}$ аршина и сохранился плохо, при немъ вещи одинаковыя съ вышеописанными.

Слѣды курганной старины въ Симбирской губерніи.

В. Поливанова.

Среднее Поволжье, въ составъ коего входитъ нынѣшняя Симбирская губернія, представляется заселеннымъ съ глубокой древности. Памятники курганной старины встрѣчаются здѣсь на обширной площади. Важнѣйшія группы изъ нихъ находятся въ уѣздахъ: Сызранскомъ, Сенгилеевскомъ, Симбирскомъ и Буинскомъ [1]). Кромѣ того, въ недавнее еще время у пригородовъ Кашпира и Канадей, а также у с. Кременокъ, можно было видѣть развалины каменныхъ зданій, считавшіяся по мѣстнымъ преданіямъ за остатки татарскаго владычества. Къ сожалѣнію, въ этомъ краѣ не было никакой попытки къ серьезному изысканію и опредѣленію мѣстной старины. Во всякомъ случаѣ, близость къ великому водному пути и сосѣдство съ могущественной Булгаріей наводятъ на мысль, что существовавшіе здѣсь нѣкогда племенные союзы должны были при всей своей замкнутости подчинится до извѣстной степени вліянію сосѣдней имъ цивилизаціи. Но оказывается, если признать за аборигеновъ данной мѣстности, согласно арабскихъ извѣстій X вѣка — Буртасовъ и Ерзянъ, какъ двѣ родственныя вѣтви одного господствующаго финскаго племени Мордвы, мы встрѣчаемъ ихъ, по свидѣтельству тѣхъ же писателей, на самой низкой степени общественнаго развитія. Показанія эти впрочемъ расходятся нѣсколько по отношенію существованія городовъ. Такъ Ибнъ-Дастъ, Массуби и др. [2]) свидѣтельствуютъ, что Буртасы городовъ не имѣли, а жили селеніями и управлялись своими отдѣльными выборными старшинами; другіе же напротивъ говорятъ о существованіи буртасскихъ городовъ и между прочимъ указываютъ на города Буртасъ и Сиваръ. Насколько сомнительнымъ представляется первый въ смыслѣ центра общественнаго управленія, настолько возможнѣе допустить предположеніе, что Сиваръ или Сивазъ скорѣе былъ городомъ Булгаръ и что мѣстомъ его нахожденія могъ быть даже нынѣшній Симбирскъ, упоминяемый въ татарскихъ лѣтописяхъ подъ именемъ Синбира. Тѣмъ не менѣе, за недостаткомъ данныхъ, нельзя не согласиться съ г. Артемьевымъ, что мѣстоположеніе Сивара или Сиваза до сихъ поръ не узнано и только мимоходомъ задаютъ себѣ вопросъ, не на его ли мѣстѣ стоятъ нынѣшніе Симбирскъ или Свіяжскъ? [3]). Изъ скудныхъ указаній, оставленныхъ намъ арабскими писателями о Буртасахъ можно заключить, что жившія тогда въ грани-

[1]) У пригородовъ Кашпира, Канадеяхъ и с. Старыхъ Костычей, Сызранскаго уѣзда; при сс. Елаурѣ, Туктумѣ, Буеракѣ, Моровѣ, Сенькинѣ, Смольковѣ, Бестужевкѣ, Чириковѣ и Валуевкѣ, Сенгилеевскаго уѣзда; въ дачахъ у сс. Кременокъ, Кріушъ и по Казанскому тракту около сс. Ишеевки и Полдомасова, Симбирскаго уѣзда и у сс. Дудонова, Бездны, Чепкосовъ и Тигашева, Буинскаго уѣздв.

[2]) *С. М. Шпилевскій:* „Древніе города“. 1877 г., стр. 55.

[3]) Древній булгарскій гор. Жукотинъ въ Ж. М. Вн. Д. 1851 г. ч. XXXII.

цахъ Симбирской губерніи финскія племена не достигли государственнаго единства. Селились они по берегамъ преимущественно рѣкъ и имѣли зимой для своего жилья деревянные дома, а на лѣто — палатки. Живя въ мѣстности лѣсной, они занимались звѣринымъ промысломъ и на мѣстные рынки доставляли извѣстные буртасскіе мѣха, отправлявшіеся въ дальнія страны калифата. Въ XII столѣтіи, послѣ разгрома, произведеннаго нашествіемъ Монголовъ, являются въ здѣшнемъ краѣ Татары. Имя Буртасовъ, а затѣмъ и Булгаръ съ этихъ поръ совершенно исчезаетъ. Первые были отодвинуты на западъ, а послѣдніе, надо думать, мало-помалу слились съ татарами, особенно послѣ того, какъ они приняли Исламъ. Въ уѣздахъ приволжскихъ исключительно попадаются монеты и другія ордынскія вещи; здѣсь же встрѣчается наибольшее число урочищъ съ чисто татарскими названіями, наконецъ, и самое число татаръ оказывается въ этихъ уѣздахъ почти втрое болѣе, нежели въ уѣздахъ присурскихъ[1]). Вообще можно даже допустить, что значительная часть здѣшнихъ Татаръ преимущественно потомки отатарившихся Булгаровъ, искони склонныхъ къ домовитости. Послѣ этого интереснымъ становится опредѣлить, къ какой народности должны быть отнесены существующія здѣсь въ большомъ числѣ могильныя насыпи? Отвѣтъ на это могутъ дать лишь мѣстныя раскопки кургановъ и систематическое описаніе ихъ содержимаго. Имѣя неподалеку отъ моего имѣнія группу такихъ кургановъ въ Сенгилеевскомъ уѣздѣ, въ дачѣ г. Валуева, я, съ любезнаго разрѣшенія владѣльца, весною нынѣшняго года предпринялъ раскопку одного изъ самыхъ выдающихся по вышинѣ и окружности. Изслѣдованный курганъ находится въ Симбирской губерніи, Сенгилеевскаго уѣзда, въ 75 верстахъ отъ Симбирска, въ 5 верстахъ отъ с. Уваровки и 1 верстѣ отъ д. Валуевки и усадьбы, М. А. Валуева. Деревня Валуевка — поселеніе недавнее и составляетъ не болѣе 50 лѣтъ выселокъ изъ с. Уваровки. Площадь, на которой находится курганъ и другіе смежные съ нимъ, числомъ до 15-ти, занимаетъ пространство не болѣе 20 десятинъ хозяйственной мѣры (т.-е. 40 и 80 саженъ), при чемъ имѣетъ легкую покатость къ р. Свіягѣ, отстоящей отъ кургановъ не болѣе полуверсты. Разстояніе между курганами незначительно и колеблется отъ 10 до 25 саженъ. Вышина ихъ различна отъ 5 до 1 аршина отъ поверхности пашни и всѣ они, кромѣ изслѣдованнаго, распаханы и были въ этомъ году засѣяны рожью. Форма валуевскихъ кургановъ правильно полушарообразная и никакихъ особенностей не представляетъ. Воспоминаній у мѣстныхъ жителей относительно происхожденія курганныхъ насыпей не сохранилось. Кромѣ общаго названія кургановъ ихъ называютъ иногда буграми и шиханами, что отчасти намекаетъ на ихъ какъ будто татарское происхожденіе. Нѣкоторыя насыпи представляются за продолжительностью времени сильно распаханными, отчего возвышенность ихъ надъ уровнемъ поля едва замѣтна. Несмотря однако на это обстоятельство и существованіе здѣсь и въ округѣ весьма значительнаго числа кургановъ, мнѣ не удалось ранѣе видѣть ни одной курганной находки и даже слышать отъ мѣстныхъ владѣльцевъ и крестьянъ, чтобы что-нибудь тутъ вышахивалось или случайно попадалось при земляныхъ работахъ. Избравъ для

---

[1]) Симб. губ. списокъ населенныхъ мѣстъ по свѣдѣніямъ 1859 г. Центр. Ст. Комит. Мин. Вн. Дѣлъ.

раскопокъ, какъ я замѣтилъ, самый большій изъ кургановъ, извѣстный подъ названіемъ „Провальнаго Шишка“, 6-го мая съ 9-ю рабочими я, съ 7 часовъ утра, приступилъ къ работѣ. Считая болѣе успѣшнымъ скорѣе дойти до какихъ-нибудь результатовъ по величинѣ насыпи, я остановился на прорытіи сквозной траншеи чрезъ поперечникъ кургана до его основанія въ пяти-аршинную ширину. По предварительному осмотру и измѣренію оказалось, что изслѣдуемый курганъ, какъ уже было замѣчено выше, благодаря своей вышинѣ, никогда не пахался; вершину имѣлъ нѣсколько усѣченную вслѣдствіе нахожденія на ней 5 ямъ, сдѣланныхъ въ разное время кладоискателями и весь былъ покрытъ мелкимъ пырьемъ съ примѣсью дикаго чеснока. Кое-гдѣ попадался, въ сосѣдствѣ съ кустами бобовника, степной ковыль. Слѣдовъ рва или вала ни при одномъ изъ кургановъ не видно. Размѣры кургана слѣдующіе: окружность 56 саженъ 2 аршина 8 вершковъ; діаметръ въ основаніи приблизительно 19 саженъ и вышина до 5 аршинъ; грунтъ — насыпной черноземъ. Въ первый день, благодаря сильному вѣтру, работа подвигалась медленно, и только на глубинѣ $2^1/_2$ аршинъ найдено было нѣсколько углей. На второй день, 7-го числа, при томъ же количествѣ рабочихъ, около 5 часовъ утра, на саженной глубинѣ стали попадаться отъ края съ восточной стороны на разстояніи 6 саженъ 1 аршина и 4 вершковъ гнилушки березоваго дерева. Къ 8 часамъ открыта была зола. Спустя часъ работы, на томъ же мѣстѣ, на глубинѣ одной сажени и 7 вершковъ открыты были березовыя доски, сохранившія еще на себѣ бересту и правильную форму половаго теса съ знаками топорныхъ зарубовъ. Толщина досокъ мѣстами доходила до 1 вершка. При ударѣ по доскамъ заступомъ слышалась пустота, что навело меня первоначально на мысль, не былъ ли это сводъ надъ покоившимся тутъ костякомъ. Съ чувствомъ лихорадочнаго возбужденія я лично сталъ очищать доски и затѣмъ осторожно ихъ поднимать; но оказалось, что подъ ними никакой пустоты нѣтъ, а ничего болѣе, какъ довольно толстый слой золы. Продолжая траншею отъ восточнаго края къ западному, зола съ углемъ стала попадаться мѣстами и выше уровня досокъ; но сравнительно въ незначительномъ количествѣ. Затѣмъ, около 11 часовъ, открыты были на уровнѣ грунта къ западу вновь 3 березовыхъ доски, которыя, къ сожалѣнію, за ветхостью не представляютъ никакой возможности поднять въ цѣломъ видѣ. Подъ ними былъ тотъ же слой золы. Около 12 часовъ найденъ былъ оригинальный желѣзный инструментъ съ костяными обложками на рукояткѣ и вслѣдъ за нимъ нѣсколько мелкихъ костей и копскій зубъ. Того же 7-го числа, къ вечеру, былъ найденъ кусокъ необожженнаго черепка на глубинѣ 3 аршинъ къ восточному выходу. Вскорѣ затѣмъ открыты были еще два другихъ. Возлѣ нихъ попадались кампи, напоминавшіе формой своей каменныя орудія, наконечники стрѣлъ, мелкія кости и зубья. На третій день, 8-го числа, работа производилась 8-ю рабочими, и траншея дошла почти до окружности съ западной стороны. Утромъ этого дня, на глубинѣ 3 аршинъ, найдены были черепки изъ черной глины съ рисунками, очевидно составлявшіе часть одного и того же сосуда. За ними вскорѣ попались осколки изъ желтой глины и обожженныя кости. Къ 10 часамъ дошли опять до слоя золы и гнилушекъ по направленію къ сѣверо-западу. Такимъ образомъ вся работа по разрытію валуевскаго кургана продолжалась

3 дня. Избранный мною способъ изслѣдованія, я полагаю на этотъ разъ, можно признать цѣлесообразнымъ въ виду того, что послойная съемка земли представила бы здѣсь большой трудъ и совершенно, кажется, безполезный. Что же касается до рытья колодцемъ, то онъ примѣнимъ можетъ быть лишь въ случаяхъ исключительныхъ, когда опредѣленъ общій типъ могильныхъ насыпей и онъ не можетъ оставить въ изслѣдователѣ сомнѣнія въ отношеніи неразрытыхъ частей кургана. Если я и отступилъ въ настоящемъ случаѣ отъ инструкціи проф. Самоквасова, то единственно принялъ нѣсколько уже указанную имъ ширину траншеи. Полагаю впрочемъ, что уклоненіе это осталось безъ вліянія на результатъ моихъ раскопокъ, давшихъ, къ сожалѣнію, на первый разъ весьма скудный матеріалъ. Обращаясь затѣмъ къ общему выводу, слѣдуетъ прежде всего замѣтить, что описанный курганъ, какъ и вся, вѣроятно, прилежащая къ нему группа принадлежатъ народности, практиковавшей очевидно въ своемъ обычаѣ сожиганіе труповъ, почему и памятники эти имѣютъ право на глубокую древность. Способъ, который при этомъ примѣнялся, указывается ясно порядкомъ расположенія составныхъ частей насыпи. Уровень почвы служилъ основаніемъ костра, послѣ чего на образовавшейся пепелъ, какъ заключающій въ себѣ остатки праха умершаго накладывались березовыя доски, и поверхъ ихъ насыпалась земля. Интересно здѣсь замѣтить, откуда бралась земля для насыпи? Чтобы образовать бугоръ въ 5 аршинъ вышины при 56 саженяхъ въ окружности — земли надо не мало, а между тѣмъ, какъ кругомъ валуевскихъ кургановъ, такъ и въ большей части имъ подобныхъ, вблизи никакихъ признаковъ, чтобы земля бралась на мѣстѣ — нѣтъ. Невольно приходятъ на память разсказы о произведеніи нѣкоторыхъ насыпей при помощи горстей и шапокъ, которыя приносилъ каждый, какъ послѣднюю дань усопшему. Не въ этомъ ли слѣдуетъ видѣть и начало нашего обычая бросанія послѣдней горсти земли при погребеніи. Изъ произведенной мною раскопки выходитъ, что могильная насыпь эта, кромѣ своего археологическаго интереса, знакомитъ нѣсколько и съ бытовой стороною своего происхожденія. Въ самомъ отсутствіи какихъ-либо цѣнныхъ предметовъ утвари или вооруженія видно, что народность, оставившая намъ эти памятники, стояла на той степени духовнаго и матеріальнаго развитія, при которыхъ послѣднія не составляли еще необходимой принадлежности погребальнаго обряда. Найденные черепки изъ необожженной глины съ вытиснутыми узорами настолько типичны, что еще болѣе въ этомъ убѣждаютъ. Присутствіе же здѣсь оригинальной желѣзной утвари съ костяными накладками на рукояткѣ служитъ какъ бы указаніемъ на переходную эпоху времени, къ которому должны быть отнесены эти памятники. Затѣмъ для рѣшенія вопроса, кому они принадлежатъ, слѣдуетъ пока отнестись съ крайней осторожностью. Въ виду того, что правильныхъ археологическихъ изслѣдованій въ губерніи еще не было произведено, трудно опредѣлить, гдѣ соприкасались между собою жившія здѣсь племена. Какъ далеко шли внутрь страны границы волжскихъ Булгаръ и гдѣ начинались собственно владѣнія Буртасъ и Ерзы. Припоминая приведенныя выше арабскія извѣстія о характерѣ обитавшихъ здѣсь племенъ, приходится скорѣе предположить, что насыпи эти должны быть приписаны имъ, и только дальнѣйшими раскопками представится возможнымъ со временемъ установить ихъ вполнѣ точное опредѣленіе.

Фототипія Шереръ Набгольцъ и К° въ Москвѣ.

Замѣтка о происхожденіи мѣднаго сосуда изъ Сенгилеевскаго уѣзда, Симбирской губ.

Мнѣ остается еще сказать нѣсколько словъ о происхожденіи, представленнаго мною на археологическую выставку, литого мѣднаго сосуда. Проѣзжая осенью 1885 года по Сенгилеевскому уѣзду чрезъ с. Осоку, я узналъ случайно, что однимъ мѣстнымъ жителемъ-мельникомъ найденъ былъ при добываніи песку около рѣчки того же имени мѣдный сосудъ значительной величины. Заинтересовавшись этою находкою, я отправился на мельницу и, къ моему ужасу, нашелъ его разбитымъ на мелкіе куски и завязаннымъ, для удобства перевозки на сплавъ, въ мѣшокъ. По объясненію владѣльца онъ найденъ имъ въ октябрѣ 1884 г. совершенно цѣльнымъ, въ лежачемъ положеніи и наполненнымъ наносною землею. Ничего другого на этомъ мѣстѣ и по сосѣдству никогда не попадалось. Очевидно, что сосудъ былъ занесенъ сюда весеннимъ разливомъ. Когда зимой въ третьемъ году я былъ въ Петербургѣ, то, для опредѣленія происхожденія сосуда, я обратился въ Императорскую Археологическую Коммиссію, куда и передалъ весьма точный съ него снимокъ, а равно и къ другимъ нашимъ извѣстнымъ археологамъ; но до сихъ поръ еще ничего опредѣленнаго себѣ не выяснилъ. По странной случайности одновременно съ моимъ сосудомъ открытъ былъ такой же формы и приблизительной величины въ Вологодской губерніи съ тождественными украшеніями[1]). Въ рисункахъ къ труду г. Аспелина хотя и есть въ числѣ древностей нашего сѣвера нѣчто похожее на эту утварь; но между ними есть существенное различіе въ формѣ и положеніи ручекъ[2]). Въ первомъ случаѣ ручки представляются сдѣланными изъ тонкой круглой проволоки съ припаянными къ краямъ сосуда концами — тогда какъ въ представленномъ сосудѣ онѣ литыя и составляютъ съ нимъ одно цѣлое. Размѣры сосуда, вышина: 12 вершковъ, діаметръ 7, и вѣсъ 1 п. 3 ф. Матеріалъ, изъ котораго сдѣланъ сосудъ, чистой повидимому, мѣди, безъ всякой примѣси олова, наводитъ отчасти на мысль о возможности существованія и у насъ мѣднаго вѣка, предшествовавшаго бронзовому. Мѣдная руда встрѣчаясь въ природѣ гораздо чаще и легче, чѣмъ олово, могла быть доступнѣе въ продажѣ и употребленіи, чѣмъ послѣднее. Въ древности, сколько извѣстно, для сплава олово получалось изъ южнаго Китая; перевозъ его дѣлался моремъ и представлялъ не мало затрудненій. Выводъ французскаго ученаго Бертело[3]), сдѣланный изъ анализа мѣдной статуетки, найденной при раскопкахъ памятниковъ Месопотаміи, а также и другихъ западныхъ археологовъ[4]) можетъ въ этомъ отношеніи до извѣстной степени пролить свѣтъ и на наши доисторическія древности. См. табл. 1.

30 іюля 1887 г.
С. Акшуатъ.

---

[1]) Рисунокъ вологодскаго сосуда и сообщенія объ немъ я получилъ лично отъ г. Суслова, дѣлопроизводителя Коммиссіи.

[2]) Соч. объ Угро-финскихъ древностяхъ.

[3]) Проф. Бертело (авторъ „Органической химіи“.) См. Худож. Новости 1886 г. стр. 710., № 24.

[4]) Пульскій, Гроссъ и др.

Старый Холопій городокъ на Мологѣ и его ярмарка.

М. Н. Бережкова.

Верстахъ въ 50-ти отъ города Мологи, на рѣкѣ того же имени и рѣчкѣ Удрасѣ, стоитъ село Борисоглѣбъ, иначе называемое Старое Холопье, а встарину Холопій городокъ, Старый Холопій на Песку, или просто Холопій. Въ удѣльное время Московскаго государства здѣсь собиралась многолюдная ярмарка, самая значительная въ Поможьѣ да и во всемъ верхнемъ Поволжьѣ вообще. О ней я имѣю честь предложить нѣсколько историческихъ данныхъ и соображеній.

Но предварительно — о самомъ прозваніи „Холопьяго“ городка: откуда оно?

Поселенія и урочища съ прозваніемъ „Холопьихъ“ встрѣчаются чаще въ сѣверномъ поволжскомъ краѣ, рѣже въ другихъ мѣстахъ. Такъ въ Ярославской губерніи, въ томъ же Моложскомъ уѣздѣ, гдѣ Старое Холопье, есть еще три *деревни Холоповы*. Въ Новгородскомъ краѣ, по одному документу XIII-го вѣка, значится *Холопій городокъ* на Волховѣ, близъ Хутынскаго монастыря [1]). Большой холмъ съ земляным укрѣпленіемъ близъ Яма-Бронницъ, неподалеку отъ Новгорода, назывался въ прошломъ вѣкѣ, по извѣстію Татищева, *Холопьимъ городищемъ* [2]). Въ самомъ Новгородѣ, на Софійской сторонѣ, извѣстна *Холопья улица*. Близъ села Кимръ Тверской губерніи, по извѣстію того же Татищева, были видны въ его время курганы и два *городища*, изъ коихъ одно именовалось *Холопьимъ* [3]). Въ той же Тверской губерніи, въ Зубцовскомъ уѣздѣ, на рѣкѣ Шошѣ есть *городище Холопово*, да въ разныхъ уѣздахъ губерніи три *деревни Холоповы*. Не буду приводить примѣровъ изъ другихъ мѣстъ Россіи [4]).

---

[1]) Онъ названъ по-старонѣмецки *Drellenborch*, что̀ есть дословный переводъ русскаго „Холопій городъ“: см. латинскій проектъ договора нѣмецкаго купечества съ Новгородомъ 1269 года и замѣчанія о немъ у *Круга*, Forschungen, II, 632. О томъ же городкѣ ср. въ статьѣ *Ходаковскаго*, Отрывокъ изъ путешествія по Россіи: Русск. Историч. Сборникъ, III, стр. 162.

[2]) Лексиконъ россійскій, I, стр. 195, подъ словомъ „Бронницы“; ср. его же Исторія россійск., I, стр. 375 и Ходаковскаго въ указанной статьѣ стр. 168.

[3]) Лексик. росс., III, стр. 205, подъ словомъ „Кимра“; ср. его же Истор. россійск., I, стр. 332.

[4]) Просматривая „Списки населенныхъ мѣстъ“ разныхъ губерній Россіи, въ большинствѣ ихъ можно встрѣтить поссёлки, прозываемые Холоново, Холоповка, Хлопина, Хлопки, Хлапки, Хлопцово и т. п.

Русскіе книжные люди стараго времени, на мой взглядъ, задавались не праздным вопросомъ, когда донытывались узнать, откуда произошли и что значатъ эти прозванія Холоньихъ городковъ и городищъ. Но они рѣшили вопросъ слишкомъ по-книжному: они взяли Геродотовскій разсказъ о сраженіи скиоовъ съ рабами (въ началѣ IV-й книги Исторіи Геродота) да и стали пріурочивать его то къ одному, то къ другому Холоньему городку. Герберштейнъ даетъ первое указаніе о такомъ пріемѣ русскихъ лѣтописателей: въ топографіи московскаго государства, между городами Поволжья, онъ отмѣчаетъ и Холоній городокъ — Chlopigorod — при чемъ приводитъ разсказъ одной новгородской лѣтописи о происхожденіи его (ut annales eorum referunt). Когда новгородцы, по словамъ этой лѣтописи, осаждали въ продолженіе семи лѣтъ городъ Корсунь, то жены ихъ, соскучась ожиданіемъ мужей, потерявши наконецъ надежду на возвращеніе ихъ домой, вышли замужъ за своихъ холопей. Между тѣмъ новгородцы кончили осаду и возвращались къ себѣ, а холопы, опасаясь наказанія отъ своихъ господъ, рѣшились отразить ихъ силой; тогда новгородцы, по чьему-то совѣту, сложили съ себя оружіе, взяли палки да кнуты, хорошо знакомые рабамъ, и пошли на нихъ; тѣ обратились въ бѣгство и укрылись въ мѣстности Холоньяго городка на рѣкѣ Мологѣ, стали защищаться здѣсь противъ господъ, но подъ конецъ были побѣждены и получили достойное наказаніе. Таковъ вкратцѣ разсказъ Герберштейна на основаніи лѣтописи новгородской, ему извѣстной[1]). Ни въ новгородскихъ, ни въ другихъ русскихъ лѣтописяхъ, до насъ дошедшихъ и напечатанныхъ, нѣтъ такого разсказа, сколько мнѣ извѣстно; но что онъ дѣйствительно вносился въ старыя лѣтописи, свидѣтельство о томъ находимъ не у Герберштейна только. Славный историкъ и археологъ прошлаго вѣка, Татищевъ, имѣлъ въ своихъ рукахъ лѣтопись, которую онъ называетъ „исторія града Ростова“, гдѣ также заключалось повѣствованіе о холопьей войнѣ; при чемъ Татищевъ замѣчаетъ: „оная исторія не токмо ветха, но по письму и бумагѣ, мню, болѣе двухсотъ лѣтъ писана“, слѣдовательно въ началѣ XVI-го вѣка приблизительно[2]). Что эта ростовская лѣтопись была иная, а не та, которую читалъ въ свое время Герберштейнъ, видно изъ того, что въ разсказѣ ростовской лѣтописи есть значительныя отмѣны сравнительно съ разсказомъ автора „Московскихъ записокъ“: такъ напримѣръ въ ростовской лѣтописи Татищева сраженіе скиѳовъ съ холопами отнесено къ мѣстности Калязина монастыря а не къ берегамъ Мологи[3]).

Разные лѣтописатели русскіе, польскіе и западно-европейскіе стали повторять на разные лады старое Геродотовское сказаніе въ его новой русской передѣлкѣ и пріурочивать его къ разнымъ мѣстностямъ Россіи; оно очень понравилось авторамъ и читателямъ; археологи съ пылкой фантазіей усматривали изображеніе Геродотовскаго сюжета даже на старинныхъ русскихъ деньгахъ, принимали за кнутъ княжеское копье или мечъ[4])... Нѣтъ нужды и мало интереса слѣдить за варіаціями этой сказки у раз-

[1]) Rerum Moscovitarum Commentarii, ed. *Starczewski*, pag. 51. 53, Русск. переводъ *Анонимова*, стр. 114, 119.

[2]) Истор. россійск., I, стр. 377—378.

[3]) Татищевъ даетъ краткій перессказъ Ростовской лѣтописи о Холопьей войнѣ; по его же словамъ и въ Муромской лѣтописи (не дошедшей до насъ) какъ будто содержался подобный же разсказъ; впрочемъ текстъ въ данномъ мѣстѣ (стр. 378) напечатанъ не вполнѣ исправно.

[4]) Исторія Геродота, кн. IV, § 3—4. Герберштейнъ, R. M. C. p. 51. За Герберштейномъ сказаніе повто-

ныхъ повѣствователей: Татищевъ надлежащимъ образомъ оцѣнилъ ее, остроумно замѣтя о заимствованіи ея нашими книжными людьми, вѣроятно, отъ польскихъ писателей, что это заимствованіе похоже на то, „какъ если бы старые лоскутья стали пришивать для расщепренія къ своему новому платью“. Надобно замѣтить однако, что въ самыхъ условіяхъ древней русской жизни была почва для воспринятія античной сказки. Холопы — давнее явленіе въ русскомъ быту; уже древнейшіе памятники историческіе, законодательные и литературные много говорятъ о нихъ съ разныхъ сторонъ; случаи бѣгства холоповъ отъ господъ и погони господъ за бѣглыми холопами были довольно обычными; извѣстно поведеніе холоповъ въ смутныя времена государства. При такихъ условіяхъ въ русскомъ быту естественнымъ представляется интересъ лѣтописателей русскихъ къ Геродотовской сказкѣ и заимствованіе ея въ историческія сочиненія, тѣмъ болѣе, что мѣстомъ дѣйствія, по этой сказкѣ, служитъ Скиѳія-Русь. Знаменательно, что сказка раньше является въ новгородскихъ лѣтописяхъ: видно, что ее считали особенно подходящею къ новгородскому быту. Позволю себѣ сдѣлать одну догадку: въ сказаніяхъ объ уходѣ изъ Новгорода холоней не слышатся ли отголоски неудовольствія новгородцевъ на выселенцевъ разнаго рода, притомъ не столько холоповъ, сколько своевольныхъ молодшихъ гражданъ въ родѣ ушкуйниковъ и другихъ гражданъ, искавшихъ себѣ новыхъ мѣстъ поселенія? Извѣстно, напримѣръ, что новгородцы были недовольны уходомъ части жителей на Вятку, которыхъ и обзывали своими *бѣглыми рабами*[1]). Что старшіе города въ такихъ и подобныхъ случаяхъ готовы были смотрѣть на „мизинныхъ“ своихъ согражданъ, какъ на холоповъ, примѣръ тому представляетъ еще угроза ростовцевъ, обращенная ко владимирцамъ: „пожьжемъ и (т.-е. городъ Володимерь), паки ли а посадника въ немь носадимъ: то суть *наши холопы* каменьници“[2]). Не былъ ли и Холопій городокъ на Мологѣ выселкомъ изъ какого-нибудь стараго города, Новгорода или Ростова напримѣръ?

Обращаюсь къ историческимъ даннымъ о торговлѣ въ Холопьемъ городкѣ и въ другихъ мѣстахъ Помоложья.

По духовному завѣщанію великаго князя Ивана III Васильевича, городъ Угличъ, Молога и Холопій городокъ были назначены въ удѣлъ третьему сыну его, Димитрію Ивановичу, при чемъ относительно торговли на Мологѣ въ завѣщаніи читаемъ слѣдующія слова: „а что есми свелъ торгъ съ Холопья городка на Мологу, и тотъ торгъ торгуютъ на Молозе съезжаяся, какъ было при мнѣ, а сынъ мой Дмитрій емлетъ

рили: Стрыйковскій, Петрей, Витзенъ, Мартиньеръ и др. Ср. Карамзина, И. Г. Р. I, примѣч. 458. Стрыйковскій, передавши разсказъ по Герберштейну, кстати прибавилъ: „podobną же historyą opisuje Justyn po Trogu Pompeyu въ книгѣ второй, и Геродотъ въ книгѣ „Мельпомена“ о Татарехъ или Скиѳахъ“: Zbior dzejopisów polskich we szterech tomach zawarty, t. 2, pag. 129. О Геродотовскомъ сюжетѣ будто бы на монетахъ новгородскихъ см. замѣчаніе кн. Щербатова, Истор. россійск., I, введеніе, стр. 20—21.

[1]) Карамзинъ, И. Г. Р., III, прим. 31—33, гдѣ выписки изъ такъ назыв. Хлыновскаго лѣтописца впрочемъ позднѣйшаго времени. Составитель этой лѣтописи зналъ и сказаніе о холопахъ, сжившихся съ женами новгородцевъ во время ихъ отсутствія на семилѣтнюю осаду; но онъ прибавляетъ, что вятчане были не рабы, а граждане, отлучившіеся изъ Новгорода съ согласія старшихъ. — Нѣсколько интересныхъ соображеній о Хлыновской или Вятской лѣтописи, — о времени ея происхожденія и пріемахъ составленія ея, — можно найти въ статьѣ г. *Спицына:* „Одинъ изъ источниковъ исторіи вятскаго края“ (Извѣстія Общ. Археол., Исторіи и Этнографіи при Казанск. унив., VI, вып. 2).

[2]) Лѣтопись по Лаврент. сп. стр. 355 (по 2 изд. Арх. Ком.).

пошлины, какъ было при мнѣ, а лишнихъ пошлинъ неприбавливастъ пичего; а сынъ мой Василій и мои дѣти того торгу на свои земли песводятъ, пи заповѣди въ своихъ земляхъ нечинятъ къ тому торгу ѣздити“ [1]). Не видно, по какой причинѣ великій князь перевелъ торгъ изъ Холопьяго городка въ Мологу, по причинѣ ли песчаныхъ отмелей на извилистой рѣкѣ, затрудняющихъ плаваніе по ней вверхъ [2]), или по хозяйственнымъ соображеніямъ и интересамъ своей казны. Вѣроятнѣе, что переводъ ярмарки былъ сдѣланъ именно въ интересахъ казны великаго князя съ цѣлію сосредоточить торговлю Помоложья въ одномъ удобномъ мѣстѣ, при сліяніи Мологи съ Волгой, съ устройствомъ здѣсь таможни и вмѣстѣ съ запрещеніемъ торговли въ моложскихъ селахъ, вотчинахъ мѣстныхъ владѣльцевъ, потомковъ моложскихъ и ярославскихъ князей [3]); такихъ владѣльцевъ, еще несполна отказавшихся отъ старинныхъ удѣльныхъ правъ, въ томъ числѣ отъ права заводить въ своихъ вотчинахъ торжки и мыты, собирать пошлины торговыя, проѣздныя и иныя, при Іоаннѣ III было, конечно, еще больше, чѣмъ во времена Грознаго и князя Курбскаго. А что переводъ торговли на новое мѣсто былъ соединенъ съ устройствомъ въ немъ великокняжеской таможни и съ запрещеніемъ торговли въ окрестныхъ вотчинахъ мѣстныхъ владѣльцевъ, о томъ позволяютъ заключать распоряженія царя Іоанна Грознаго насчетъ моложской торговли, о которыхъ сейчасъ будетъ рѣчь. Однако оговорки, кои дѣлаетъ великій князь въ завѣщаніи, даютъ понять, что самъ онъ не считалъ моложскую ярмарку прочною; онъ предполагаетъ возможнымъ, что наслѣдникъ его, великій князь Василій Ивановичъ, и другіе сыновья будутъ оказывать препятствія углицкому удѣльному князю запрещеніями ѣздить на моложскую ярмарку, или даже переводомъ ея въ собственные ихъ удѣлы. И дѣйствительно ярмарка не успѣла прочно установиться на новомъ мѣстѣ, судя по слѣдующимъ указаніямъ. Сохранилась грамота, данная новымъ хозяиномъ углицкаго удѣла Кирилову Бѣлозерскому монастырю, не разъ подтвержденная впослѣдствіи царемъ Іоанномъ Грознымъ: по этой жалованной грамотѣ монастырь получалъ право ежегодно па Борисовъ день, 24-го іюля, посылать небольшое судно на Холопенскую ярмарку („па Холоней“) для безпошлинной здѣсь закупки товаровъ па сумму до двадцати рублей [4]). Другое

[1]) Собр. Гос. Гр. и Догов., I, стр. 396.

[2]) Въ частности у села Борисоглѣба находится одна изъ значительныхъ мелей: см. описаніе рѣки Мологи въ „Географич. словарѣ Росс. имперіи“ *Семенова,* III, стр. 296. И берега Мологи здѣсь сплошь песчаные; вѣроятно отсюда — старинное произваніе „Старый Холопій на Неску“: Ак. Эксиед., I, стр. 292.

[3]) Внукъ св. Ѳедора Ростиславича, вел. князя Ярославскаго и Смолепскаго, по произв. Чернаго, Михаилъ Давыдовичъ былъ первымъ удѣльнымъ княземъ Моложскимъ, „сѣлъ на удѣлѣ, на Молозѣ“, какъ сказано о немъ въ родословной книгѣ: *Карамз.* II. Г. Р., V, прим. 120. Сынъ его, сподвижникъ Донскаго на Куликовомъ полѣ, Ѳедоръ Михайловичъ, въ монашествѣ Ѳеодоритъ, скончался въ 1408 году, „и положенъ въ своей вотчинѣ, въ градѣ Мологѣ, въ соборной церкви“: тамъ же, прим. 254. Отъ его сына, Семена Ѳедоровича, пошли князья *Сицкіе,* а отъ другого сына, Ивана, — князья *Прозоровскіе:* Родословныя таблицы къ Истор. Россіи Соловьева, состав. *Шиловымъ,* табл. № 5. Былъ еще третій сынъ у того же князя, въ родѣ котораго можетъ быть оставалась Молога, какъ главный столъ; но крайней мѣрѣ въ таможенной весьегонской грамотѣ 1563 года упоминается „Моложскихъ князей вотчина“, т.-е. небольшая вѣроятно вотчина, оставленная за этими князьями, послѣ присоединенія Мологи къ Московскому государству при Іоаннѣ III. Къ сожалѣнію, я не могъ пользоваться статьей *Троицкаго,* „Исторія Моложской страны, княжествъ въ ней бывшихъ и города Мологи“, на которую есть ссылка въ Географич. словарѣ *Семенова,* III, стр. 297. О разныхъ вотчинникахъ въ Помоложьѣ, потомкахъ удѣльныхъ князей, см. ниже, въ примѣч. 22. (Таможенная весьегонская грамота 1563 года).

[4]) Акты Арх. Эксиед., I, № 228, Царская грамота холопенскимъ таможникамъ отъ 1551 года, въ коей воспроизводится прежняя грамота Углицкаго удѣльнаго князя Димитрія Ивановича. Ср. тамъ же № 206, грамоту

важное извѣстіе объ ярмаркѣ именно въ Холопьемъ, а не въ Мологѣ, находимъ у Герберштейна, дважды посѣщавшаго Москву въ княженіе Василія Ивановича, въ томъ числѣ первый разъ при жизни углицкаго удѣльнаго князя Дмитрія Ивановича († 1521 г.): Герберштейнъ какъ будто совсѣмъ не знаетъ о переводѣ холопенской ярмарки. „При устьяхъ Мологи, — говоритъ онъ, — стоитъ городъ съ крѣпостью того же имени, а въ двухъ миляхъ отъ него церковь Холопьяго городка: на этомъ мѣстѣ бываетъ ярмарка, наиболѣе посѣщаемая во всемъ владѣніи московскаго государя; сюда стекаются, *кромѣ* шведовъ, ливонцевъ и москвитовъ, татары и весьма многіе другіе народы изъ восточныхъ и сѣверныхъ странъ; они ведутъ торговлю только мѣновую, потому что эти народы рѣдко, или почти совсѣмъ не употребляютъ золота и серебра“ [1]). Такими чертами Герберштейнъ изображаетъ эту ярмарку. Выходитъ какъ будто, что холопенская ярмарка возвратилась изъ Мологи на прежнее мѣсто; во всякомъ случаѣ она собиралась не всегда въ устьѣ рѣки Мологи, какъ завѣщалъ было великій князь Иванъ Васильевичъ. Впрочемъ трудно обозначить съ точностью пунктъ главной ярмарки въ Помоложьѣ за первую половину XVI-го вѣка, отчасти по причинѣ неопредѣленности выраженій „Холопей“ и „Холопенскій торгъ“. Повидимому, именемъ „Холопьяго“ называлась тогда значительно бо́льшая часть берега Мологи, чѣмъ собственно у села Борисоглѣба; по крайней мѣрѣ, то несомнѣнно, что Троицкій Аѳанасьевскій монастырь въ городѣ Мологѣ, верстахъ въ двухъ или трехъ отъ устья рѣки, назывался въ XVII-мъ вѣкѣ *Холопьимъ* монастыремъ [2]). Весьма также вѣроятно, что ярмарка продолжала именоваться холопенскою и въ тѣхъ случаяхъ, когда собиралась при устьѣ Мологи: по старинѣ, по привычному словоупотребленію, говорили „холопенскій торгъ“ вмѣсто „моложскій“, какъ по старинѣ же говорятъ доселѣ „макарьевская“ ярмарка, вмѣсто „нижегородская“. Притомъ относительно Герберштейна слѣдуетъ замѣтить, что его показанія о мѣстоположеніи Холопьяго городка не отличаются точностью и опредѣлительностью: то онъ помѣщаетъ его въ двухъ миляхъ отъ Углича, то въ двухъ миляхъ отъ устья Мологи, что̀ въ обоихъ случаяхъ невѣрно; неточность текста отразилась и на картахъ, приложенныхъ къ знаменитому труду автора: тамъ Холопій городокъ показанъ близъ берега Волги, между устьями Мологи и Шексны, а городъ

1546 года углицкимъ и бѣлозерскимъ ямщикамъ, гдѣ говорится, что великокняжескіе посланники и разные приказчики ѣздили „на Холопей по казну и съ казною съ Холопья и на ярманку“.

[1]) „Eo loci nundinae in toto Mosci dominio, quarum etiam alias memini, sunt frequentissimae: eo etenim *praeter Suetenses, Livonienses, atque Moscovitas,* Tartari aliaeque quam plurimae gentes ex orientalibus septentrionalibusque partibus confluunt“ (Rer. Mosc. Com. 53). Но въ другомъ мѣстѣ сочиненія Герберштейна читаемъ нѣсколько противорѣчивое первому извѣстіе: „neque etiam cuique mercatori, praeter Lituanos, Polonos aut illorum imperio subjectos, Moscoviam venire liberum est. *Nam suetensibus, Livoniensibus et Germanis ex maritimis civitatibus, Nowogardiae duntaxat,* Turcis vero et Tartaris Chlopigrod oppido, quo nundinarum tempore diversi homines ex remotissimis locis confluunt, mercaturam exercere ac mercari concessum est (ibid. pag. 40). Изъ сопоставленія этихъ двухъ мѣстъ выходитъ, что у автора тутъ есть или обмолвки, или недостаточно точныя свѣдѣнія.

[2]) Въ книгѣ Большого Чертежа по одному списку читается: „а на усть рѣки Мологи монастырь Холопей“; болѣе обстоятельно по другому списку: „два посада дворцовые, а выше тѣхъ двухъ посадовъ на рѣкѣ Мологѣ, на правомъ берегу, обитель Пресвятыя и Живоначальныя Троицы Аѳанасіевъ монастырь, что̀ словетъ Холопей монастырь“ (Книга, глаголемая Большой Чертежъ, изд. *Спасскимъ*, стр. 134). Въ примѣчаніи къ этому мѣсту издатель безъ нужды смѣшиваетъ этотъ монастырь съ Колязинымъ: тамъ же стр. 268. Нынѣ этотъ монастырь — женскій.

Молога — къ сѣверу отъ него, на берегу Шексны[1]). Но извѣстіе его о многолюдности ярмарки у Стараго Холопьяго городка и первостепенномъ значеніи этой ярмарки въ Московскомъ государствѣ, въ началѣ XVI-го вѣка, заслуживаетъ нашего полнаго вниманія; сопоставляя это извѣстіе съ тѣмъ, что̀ сказано о моложской торговлѣ въ духовной Іоанна III, можно убѣдиться, какъ важна была ярмарка, собиравшаяся то у Мологи, то у Стараго Холопьяго; не будетъ, кажется, преувеличеніемъ сказать, что она равнялась по значенію низовой ярмаркѣ нижегородской, которая какъ разъ въ это время начинаетъ свое существованіе, именно при Василіѣ III Ивановичѣ, который перевелъ ярмарку изъ Казани къ Нижнему Новгороду изъ желанія обезопасить своихъ купцовъ и повредить татарамъ. Съ тѣхъ поръ московскимъ купцамъ было запрещено ѣздить подъ Казань: сначала Макарьевъ, а потомъ Нижній Новгородъ сталъ центромъ низовской торговли[2]). Постепенно развиваясь, новая ярмарка нижегородская пересилила старую моложскую и была, конечно, главною причиной послѣдующаго упадка ея.

Но еще ближе Нижняго Новгорода, въ самомъ Поможьѣ, именно въ монастырскомъ селѣ Веси Егонской, въ описываемое время образовался торговый центръ, который сталъ оттягивать къ себѣ холопенскую ярмарку. Названное село, нынѣ городъ Весьегонскъ на той же рѣкѣ Мологѣ, принадлежало въ XVI-мъ вѣкѣ московскому Симонову монастырю; въ 50-хъ и 60-хъ годахъ сего вѣка монастырь велъ длинную тяжбу объ ярмаркѣ съ князьями Прозоровскими, вотчинниками Стараго Холопья. Дѣло происходило слѣдующимъ образомъ[3]).

Въ 1557 году симоновскій архимандритъ Филоѳей съ братіей билъ челомъ царю, чтобы монастырю были отданы на откупъ таможенныя пошлины въ селѣ Веси Егонской на томъ основаніи, что прежніе таможники, бѣжецкіе посадскіе и крестьяне, державшіе на откупу весьегонскую таможню, оказывали-де монастырскимъ крестьянамъ Веси разныя притѣсненія, какъ-то: ставились насильно въ ихъ дворахъ, вымогали отъ нихъ деньги и т. под. Царь пожаловалъ, — исполнилъ просьбу: монастырь получилъ право держать своихъ таможниковъ, которые стали собирать тамгу и всякія торговыя пошлины въ пользу монастыря, за что̀ монастырь съ своей стороны обязался вносить въ царскую казну оброку ежегодно по тридцати пяти рублей. Но тутъ оказалось препятствіе монастырю со стороны Стараго Холопьяго: прикащики князей Прозоровскихъ, желая поддержать прежнюю торговлю въ вотчинѣ своихъ государей, построили у себя новые лавки и кабаки и перезывали къ себѣ проѣзжихъ купцовъ — угличанъ, ярославцевъ, костромичей, — въ чемъ конечно успѣвали безъ особаго труда: ибо купцы издавна привыкли къ торговлѣ въ Старомъ Холопьемъ. Для монастыря оказались невыгодныя слѣдствія: уменьшеніе торговли въ Веси Егонской и недоборъ таможенныхъ

---

[1]) Rer. Moscov. Com. p. 53; русск. перев. стр. 119. Весьма интересныя географическія карты Герберштейна воспроизведены въ книгѣ профессора г. *Замысловскаго*, Герберштейнъ и его историко-географическія извѣстія о Россіи, въ „Приложеніяхъ“.

[2]) Rer. Moscov. Com., p. 67; русск. перев. стр. 150 Ср. *Карамз.* II. Г. Р., VII, 81, *Замысловскаго*, Герберштейнъ и его „Ист.-геогр. изв. о Россіи“, стр. 463.

[3]) Излагаю его вкратцѣ по „Акт. Экспедиціи“, I, №№ 262 и 263.

денегъ. Монастырь обратился съ жалобой къ царю, — и въ вотчину Прозоровскихъ былъ посланъ указъ, чтобы торгу у нихъ не было; когда же прикащики оказали непослушаніе, то были позваны на судъ въ Москву. Здѣсь они дали на себя зарядную запись въ 70-ти рубляхъ въ томъ, чтобы впредь имъ не держать торгу въ Старомъ Холопьемъ; въ противномъ случаѣ они подвергали себя штрафу въ названной суммѣ въ пользу монастыря, сверхъ таможеннаго недобору. Однако владѣльцы Стараго Холопьяго не могли легко разстаться съ давнимъ, вѣковымъ торгомъ въ ихъ вотчинѣ: въ 1561 году самъ князь Михаилъ Ѳедоровичъ Прозоровскій билъ челомъ государю о позволеніи имѣть въ Старомъ Холопьемъ ярмарку на день св. Бориса и Глѣба, такъ какъ-де крестьяне его не имѣютъ близкаго сбыта для своихъ произведеній, ибо Холопье отстоитъ отъ Веси Егонской на 70 верстъ, а отъ другихъ городовъ на 90 верстъ[1]). Царь пожаловалъ, — позволилъ дать вотчиннику на откупъ ярмарку въ его селѣ за три рубля въ годъ, но съ оговорками, если село Прозоровскихъ отстоитъ дѣйствительно на показанное разстояніе отъ городовъ и иныхъ мѣстъ торговыхъ, и если притомъ отъ холопенской ярмарки не будетъ убытка весьегонской таможнѣ. Эта послѣдняя оговорка, очевидно, клонится въ пользу монастыря, который незамедлилъ ею воспользоваться, чтобы не допустить въ Старомъ Холопьемъ даже небольшой ярмарки на храмовой праздникъ[2]); монастырь успѣлъ представить дѣло въ такомъ видѣ, что „Прозоровскіе вылгали у царскихъ казначеевъ таможенную грамоту неподѣльно“, послѣ чего прикащики Прозоровскихъ должны были сполна отказаться на будущее время держать у себя какой нибудь-торгъ. По таможенной весьегонской грамотѣ 1563 года строго запрещается торговать какимъ бы то ни было товаромъ во всѣхъ селахъ и деревняхъ по рѣкѣ Мологѣ и по сторонамъ ея, въ вотчинахъ царскихъ и царицыныхъ, монастырскихъ и боярскихъ, какъ-то: въ вотчинахъ князей Моложскихъ, Прозоровскихъ, Сицкихъ и Палецкихъ[3]); торговать позволяется только въ Веси

---

[1]) Итакъ Молога уже не считается городомъ, а какъ видно, просто посадомъ, или дворцовыми посадами, какъ значится по книгѣ Большого Чертежа: см. выше, примѣч. 16.

[2]) Судя по незначительности откупной платы, надо полагать, что князь Прозоровскій хлопоталъ о позволеніи торга въ его вотчинѣ не больше, какъ во дни храмоваго праздника, когда въ Старое Холопье стекались богомольцы и заѣзжали купцы. До сихъ поръ въ селѣ Борисоглѣбѣ, расположенномъ на правомъ берегу Мологи, бываетъ небольшая ярмарка на 24-е іюля, мѣстный храмовой праздникъ; встарину ярмарка располагалась конечно какъ на правомъ, такъ и на лѣвомъ берегу, болѣе пологомъ, еще болѣе удобномъ для постройки шатровъ и лавокъ. На этомъ же лѣвомъ берегу, близъ рѣки, находится довольно большой городокъ, т.-е. возвышенная надъ поймою земляная насыпь, въ окружности до тысячи шаговъ; по краямъ городка видны полузасыпавшіяся ямы или землянки, которыя могли быть мѣстами для лавокъ: такъ мнѣ по крайней мѣрѣ это показалось при осмотрѣ городка, въ августѣ 1887 года. Нѣкоторыя подробности объ этомъ городкѣ можно читать въ статьѣ г. *Ивановскаго,* Отчетъ о раскопкѣ кургановъ въ Моложскомъ уѣздѣ (Древности — Труды Моск. Археолог. Общ. IX).

[3]) Вотъ исчисленіе вотчинъ мѣстныхъ князей въ Поможьѣ, потомковъ князей удѣльныхъ, въ таможенной весьегонской грамотѣ 1563 года. „А около села Всеи Егонской въ царевыхъ и великаго князя подклѣтныхъ селѣхъ, и у| Архангела Михаила, и у Пятницы святые въ Ясеницѣхъ, и во княжь Семеновскомъ селѣ Палецкаго у Пречистые на усть Себлы, и во княгининѣ Огрофенинѣ селѣ Сицкого, въ Ярославскомъ Горинскомъ приселѣ, и у Спаса на рѣкѣ на Себлѣ, о девятой и десятой Пятницѣ не торговати никакимъ торгомъ. А какъ торговые люди съ товаромъ, и безъ товару скупщики поѣдутъ рѣкою Мологою въ Весь, въ Петрово говѣйно, на Петровской торгъ, и имъ ѣдучи въ Прозоровскихъ князей вотчинахъ — во княжь Ивановѣ вотчинѣ Андреевича Прозоровскаго и дѣтей его, во княжь Васильевѣ, да во княжь Александровѣ, да во княжь Никитинѣ Ивановичевъ, да во княжь Михайловѣ да во княжь Ѳедоровичевъ Прозоровскихъ, и на усть рѣки Ламы, и въ Моложскихъ князей вотчинѣ, и у Леонтія святого на усть рѣки Чеснавы, и по инымъ селомъ и деревнямъ, и по берегу по обѣ стороны рѣки Мологи, отъ

Егонской, на петровской ярмаркѣ и вообще въ лѣтнее время, съ уплатою таможенныхъ пошлинъ, въ грамотѣ установляемыхъ; монастырь понрежнему держитъ на откупу таможню въ своемъ селѣ и уплачиваетъ въ царскую казну оброкъ, на этотъ разъ съ прибавкою трехъ рублей, что̀ вносили князья Прозоровскіе за ярмарку въ ихъ селѣ, всего, слѣдовательно, 38 рублей. Таможенная весьегонская грамота, одна изъ важнѣйшихъ грамотъ этого рода въ XV—XVII вѣкахъ, любопытна перечисленіемъ купцовъ, съѣзжавшихся лѣтомъ на Мологу: кромѣ купцовъ ближайшихъ мѣстностей грамота называетъ еще москвичей, тверитянъ, новгородцевъ, псковичей, рязанцевъ и казанцевъ. Въ отношеніи платы тамги они различаются какъ уѣздные городецкаго уѣзда, т.-е. Бѣжецкаго Верха, къ которому Весь Егонская относилась, потомъ иногородные и иноземные. Изъ товаровъ въ грамотѣ называются: воскъ, медъ, хмель, соль, рыба, икра, сыры, яйца, мясо, скотъ, птица домашняя и дичь, зайцы, хлѣбъ зерновый разнаго рода, солодъ, крупы, ленъ, лукъ, чеснокъ, орѣхи, яблоки, макъ, зола, деготь, мѣха и кожи, сукна и холсты, колеса, сани, дровни — обычныя произведенія сельской и городской промышленности того времени[1]). Мы лишены указаній, какъ долго монастырь держалъ на откупу таможню въ своемъ селѣ послѣ изданія этой грамоты; но вѣрно то, что жители Помоложья и пріѣзжіе купцы не легко переносили привилегію Симонова монастыря: по старинѣ они хотѣли болѣе свободной торговли въ моложскомъ краѣ, особенно же въ Старомъ Холоньемъ, вѣковомъ торговомъ пунктѣ, и дѣйствительно торговали по берегамъ Мологи, на пути до Весьегонска, ибо не далѣе какъ черезъ годъ потребовалось подтвержденіе таможенной грамоты 1563 года, и новое приказаніе, чтобы купцы торговали только въ Веси Егонской[2]). Однако въ духовномъ завѣщаніи Грознаго понрежнему называется „Холоній съ торгомъ“, — знакъ, что торговля здѣсь опять возобновилась[3]).

Весь эпизодъ торговли въ помоложскомъ краѣ, въ удѣльную пору Московскаго государства, вкратцѣ вышеизложенный, представляется, на мой взглядъ, знаменательнымъ въ томъ отношеніи, что на немъ, какъ частномъ примѣрѣ, можно видѣть характеръ экономической дѣятельности, московскихъ государей. Въ сущности дѣйствительность великихъ собирателей русской земли была *хозяйственная дѣятельность* въ обширномъ и разнообразномъ значеніи сего слова.

Въ заключеніе позволю себѣ остановиться на извѣстіяхъ о моложской торговлѣ и о моложской старинѣ вообще одного позднѣйшаго автора, а именно московскаго діакона Тимоѳея Каменевича-Рвовскаго, жившаго въ концѣ XVII-го и началѣ XVIII-го вѣка въ Мологѣ, въ Троицкомъ Аѳанасьевскомъ монастырѣ, по прозванію Холоньемъ. Названный авторъ, одинъ изъ первыхъ ярославскихъ любителей старины, интересовался мѣстными древностями и, по мѣрѣ силъ, поработалъ надъ разъясненіемъ ихъ; онъ задумывался надъ значеніемъ городковъ и городищъ съ прозваніемъ „Холоньихъ“, а

Моложскихъ деревень вверхъ рѣкою Молотою до Симоновскаго села Веси, такожъ и назадъ поѣдутъ изъ Веси съ торгу, не торговати имъ въ тѣхъ князей вотчинахъ одиначно никакимъ товаромъ“. Акты Экспедиціи, I, стр. 296.

[1]) Въ добавокъ къ этому перечню ср. въ запискахъ Герберштейна: „vestes factas, acus, cultellos, cochlearia, secures, aliaque ejusmodi ut plurimum pellibus permutant“. R. M. C. p. 53; рус. перев. стр. 119.

[2]) Ак. Экспед., I, № 269.

[3]) Дополн. къ Акт. Историч., I, № 222, стр. 386. 388.

также кургановъ въ поволжскомъ краѣ; онъ читалъ кромѣ русскихъ еще польскія и и западно-европейскія хроники и самъ сдѣлалъ опыты въ историческомъ родѣ. Правда, эти опыты вышли мало удачными и мало цѣнными въ историческомъ отношеніи: они — не болѣе какъ наивное упражненіе въ сочинительствѣ; они наполнены произвольными выдумками да забавными мудрованіями и несноснымъ многословіемъ; авторъ сочинилъ длинную и нескладную исторію о старыхъ холопахъ новгородскихъ, очевидно, раскрашивая лѣтописныя извѣстія о новгородскихъ ушкуйникахъ. При всемъ томъ однако у Каменевича есть страницы, не лишенныя исторической важности: вѣроятно, кромѣ мѣстныхъ преданій устныхъ, онъ пользовался еще старыми записями; самъ Карамзинъ не усумнился внести въ свою исторію преданіе о моложской ярмаркѣ, сообщенное Каменевичемъ-Рвовскимъ [1]). Прилагаю здѣсь два отрывка изъ его неизданной рукописи, хранящейся въ Московской Синодальной библіотекѣ подъ № 964-мъ. Статья имѣетъ у автора слѣдующее заглавіе: „Историчествующее и древнее описаніе и сказаніе всѣмъ вамъ есть о семъ во указаніе о началѣ родовъ московскаго рода и словенороссійскаго превеликаго народа“. Сначала излагается побудительная причина къ сочиненію труда: она заключается въ томъ, что много людей того времени много спорили о томъ, какой городъ древнѣе, Москва или Новгородъ; авторъ доказываетъ древность Москвы, построеніе ея Мосохомъ, сыномъ Іафета, тогда какъ-де Словенскъ и другіе города новгородской земли были основаны потомками Мосоха, Словенонъ и Русомъ; сіи два князя, желая добыть себѣ славы и владѣній, рѣшились воевать, для чего стали собирать охочую рать, назвавшуюся „старыми новгородскими холопами“, и завоевали съ нею почти весь свѣтъ; только уступая убѣжденіямъ Александра Македонскаго, старые холопы возвратились въ Новгородъ. Съ этого момента начинается предлагаемый первый отрывокъ изъ названнаго сочиненія Каменевича-Рвовскаго, занимающій въ подлинной рукописи листы 510—514. Другой отрывокъ содержитъ извѣстіе о моложской ярмаркѣ; въ подлинникѣ онъ занимаетъ послѣднюю страницу 517 листа; былъ напечатанъ у Карамзина, И. Г. Р. IV, примѣч. 323, но недословно, а съ пропусками или въ пересказѣ. Эти два отрывка показались мнѣ наиболѣе содержательными въ отношеніи историко-археологическомъ, имѣющими свою цѣну для исторіи и археологіи ярославскаго края.

---

[1]) Ист. Гос. Росс., IV, стр. 149; примѣч. 323. Историографъ относитъ ярмарку еще ко временамъ Ивана Даниловича Калиты; древность ея конечно несомнѣнна. Что же касается замѣчанія Карамзина, будто на устьѣ Мологи существовалъ Холопій городокъ, то оно сдѣлано на основаніи Герберштейнова описанія, въ данномъ случаѣ неточнаго: см. выше примѣч. 17. Ни въ русскихъ, ни въ иныхъ, кромѣ Герберштейна, источникахъ нѣтъ указаній на существованіе городка съ такимъ именемъ при устьѣ Мологи, на ряду съ другимъ, который лежитъ на 50 верстъ выше устья рѣки, т.-е. Старымъ Холопьимъ городкомъ или Борисоглѣбомъ. Не смѣшалъ ли здѣсь Герберштейнъ монастырь Холопій съ городкомъ того же имени? Наконецъ домыселъ Каменевича-Рвовскаго, что торгъ издавна былъ при устьѣ Мологи, раздѣляемый и Карамзинымъ, не есть основательный домыселъ: иначе, что бы значилъ переводъ ярмарки изъ Стараго Холопьяго городка на устье рѣки Мологи, сдѣланный при Іоаннѣ III Васильевичѣ и документально засвидѣтельствованный (въ его духовной)?

ПРИЛОЖЕНІЯ.

(Изъ рукописи Каменевича-Рвовскаго.)

I.

„Изоставшіи же тогда и прехрабіи, и старособраніи, и призванъніи старіи холопи ихъ и слуги вѣрныя собрашася вси отъ всея вселенныя въ свою землю словенскую, и водворишася посреди великаго Новаграда своего, и начаша жити со всѣми новогородцы въ совѣте и любви, въ Холопіи превелицѣй своей улицѣ, тако даже и доднесь по званію ихъ наречемой, есть во градѣ ихъ та улица холопья, и прочіи иніи такожде и инудѣ гдѣ по всему граду великому, кому гдѣ годѣ, прежительствоваху. И по мнозѣхъ времѣнехъ і лѣтѣхъ, напослѣди того всего всемірнаго ихъ устроенія и установленіа, егда тиі жъ изоставшіися старіи холопи вся своя премногая иждивенія и корысти велия, принадобытыя имъ на свѣтѣ, вся произдпуриша і изжиша, и тако они, холопи, начаша уже безъ воеванія своего оскудѣвати, и нужды премногія отъ недостатковъ хлѣбныхъ и денежныхъ себѣ воспріимати, понеже јалаѳы[1]) ихъ воинскія и оброчныя, со всей земли въ прокоръмленіе тѣмъ прежде бывшія, начаша имъ новгородцы, якоже и прежде бысть, уже не подавати. Они же старіи холопи ихъ, отъ таковыя нужды недостаточныя своея, наченше въ Новѣградѣ и индѣ гдѣ, повсюду тайно и явно многихъ людей своихъ грабити и смертно убивати: ибо обыкоша испервa руки ихъ воинскія кровь человѣчю, якоже и воду, проливати. И того ради разбойства ихъ и похищенія въ самомъ томъ и въ великомъ Новѣградѣ, таже и въ предѣлехъ его отъ холопства того старого, воста крамола немала, и вражды, и ненависть на нихъ, и свары и мятежи, и междоусобныя и частыя брани во градѣ ихъ, и смертная убійства отъ сего премногая многимъ быша. Тиі же стародавніи холопи предреченніи, всепремного разъярившеся на новгородцовъ и на всю словенороссійскую ихъ землю, и совѣтъ свой между себе таковъ, крамолы тоя ради, предложиша, и изъ великаго Новаграда собравше жены своя и дѣти, сами вси вонъ изыдоша, и прочь отъ града своего отступиша во предѣлы новоградскія, и во иная мѣста пустая, и въ дебри непроходимыя всея земли своея словенскія, ярости же своея на великій Новградъ отнюдь они, холопи, неоставиша, но ко отмщенію обидъ своихъ, яже они, новгородцы, и вся земля сотвориша имъ, вельми премного и прегнѣвно поощряющеся въ совѣте своемъ до времене ихъ. И тако холопи тѣ тогда начаша особо поселитися, и грады ставити,

[1]) Въ другомъ мѣстѣ рукописи (листъ 507 на оборотѣ) это слово объясняется слѣдующимъ образомъ: „воспріяша отъ всего словенороссійскаго рода своего людей *ίалафу* новгородскую, то-есть *казну* премногую денежную, на службу свою, якоже и нынѣшнія салдаты московскія конныя и пѣшія“. У Карамзина то же слово (алафа) объясняется въ смыслѣ жалованья вообще: И. Г. Р., IX, примѣч. 245.

и валы высокія, и осыпи земляныя, по лѣсамъ и по рѣкамъ, къ житію своему сыпати и устрояти крѣпкія. И тогда начаша собою въ премногихъ мѣстахъ по всей земли разно жительствовати, якоже и донынѣ знаки тѣ есть градковъ ихъ и селитвъ премногихъ таковыхъ, по рѣкѣ Волхову, и по рѣкѣ Мологе, и по славной и превелицѣй рѣцѣ Танаису, то есть Волгѣ, до всего нашего крещенія всесвятаго тако зовомой, и по инымъ премногимъ великимъ и малымъ рѣкамъ и по высоко раменистымъ мѣстамъ, и по езерамъ, и по многимъ же лѣснымъ и приугоднымъ дубровамъ, и всепрекраснымъ рощамъ оніи холопи разыдоша и поселишася на тѣхъ мѣстахъ премногихъ своихъ, таже и по Камѣ рекѣ, и индѣ премного вездѣ, за умноженіе ихъ веліе старохолопское, тогда пребывшее сихъ, якоже и на юстіи Мологи реки два града возсоздаша, и на Старомъ Холопіи валъ земляный велій навалиша, и курганы великія приустроиша, и холмы своя превысокія и идолопоклонныя себѣ ссыпаша, и на сихъ сами жертвоваша, и ямы земляныя и велия и премногія на селитву жительства своего при рѣкахъ тѣхъ на брегахъ, и поляхъ, и лугахъ глубокія себѣ содѣваху, и въ нихъ кидаръски, то есть татарски, преживаху. Таже потомъ паки сами вси древніи холопи, собравшеся во едино, и въздумавше совѣтъ свой таковъ положше, во еже бы имъ всѣмъ ити на великій Новградъ, и тако утвердившеся и охрабрившеся, идоша и поплѣниша весь великій Новградъ, и новоградцкая имѣнія вся побраша себѣ, и жены ихъ обругаша, и премного зла по всей земли словенстѣй содѣваху, грабяще и убивающе. Тогда же собравшеся новгородцы вси, и ростовцы, и весяне, и юстюжане, и иныхъ всепремногихъ градовъ ихъ и жительствъ людіе вси, со всею словенскою землею, совѣтъ крѣпкій сотворше и утвердившеся, собравшеся силою превеликою и съ ними, холопми своими старыми, крѣпкую брань составиша, и грады ихъ и села начаша разоряти, и самѣхъ ихъ изъ всей области новгородцкія и изъ иныхъ разныхъ всѣхъ мѣстъ ихъ, изъ городковъ и изъ селъ, начаша вонъ изгоняти отъ всея земли своея, не дающе имъ у себя мѣста нигдѣ же, а иныхъ холопей по разнымъ мѣстамъ начаша всѣхъ побивати, и осыпи, и валы, и вся крѣпости ихъ начаша повсюду разрушати всею землею своею, первое волховское ихъ поселеніе и жительство все разрушиша и разсыпаша, таже Помоложье все, на немъ же стоитъ Старое Холопье, и Бреитово, и Черкасово, и Высокое, и Плессо, и Илоломна, и Становo, и прочія ихъ мѣста, и весь Молого-станъ: все бо се селеніе было Хамово, сіи рѣчь холопское, оное жительство Помоложское, иже напослѣди бысть княжество особое христіанское, и монастырь Холопій, на юстіи рѣки Мологи. И тако тѣ холопей своихъ премногихъ сами словяне у себе побиша и погубиша и грады и жительства ихъ вся разориша, и оставшихъ всѣхъ холопей старыхъ изъ земли своея вонъ изгнаша; но уже бо тогда малое число изостася ихъ живыхъ сущихъ, но токмо яко бы тысящи четыри ихъ, или мало больши изостася. Въ старохолопство жъ на Волге по Медвѣдице рекѣ превышше городище, селища и заволской старой станъ, и иная и всепремногая и преразличная по многимъ мѣстамъ прозванія же и урочища престарая, и поселенія ихъ предревняя, знатна суть есть по всей земли словенстѣй. А послѣ сихъ старыхъ холопей, уже во крещеніе наше христіанское, и во княженіе великихъ нашихъ князей Московскихъ и всеа Россіи, на тѣхъ же ихъ старохолопскихъ и изоставшихъ селитвахъ премногихъ, которые были до конца не раз-

сыпаны и не разрушены тогда отъ всѣхъ словянъ и изосташася, жиша на нихъ послѣ сихъ баскаки: баскаки же се суть есть, сіи рѣчь, крымскихъ и ордынскихъ царей поганыхъ данщики, или прикащики татара быша, кои съ насъ, со всей земли, выходъ брали и мучили насъ и гнали премногое время свое; такожъ по Волгѣ Цимберское городище, и наддубенское, и выше Дубны, по Волгежъ, два городища збуграми и холмами и древами, и по рѣкамъ Яхромѣ и Сестрѣ, и Тѣсношское мѣсто на озерѣ, и Рогаловъ станъ, и Молого-станъ, — вси сіи кумиропоклонницы быша, и предпочитаху боги идольскія и истуканы своя: Велеса златоуса, и Дажба, и Мовжа, и Молоха страньскаго и иноязыческаго, во всемъ Помоложіи. Въ рѣку же убо Мологу въпадоша двѣ рѣки: Мелека и Мелеча, проименованныя по имени жены и дѣвицы, и тако, по слогу сихъ именъ и бога Молоха страньскаго, наречеся сия великая рѣка Молога, на ней же изначала живяху прежде усѣдцы родъ свой, и именовахуся людіе молоси вси живущіи по Молозѣ рецѣ, яко же и Шексна рѣка наречеся по имени перваго на ней жителя Шека и жены его, богатырки сильныя сущія, Сны рекомыя, и тако проименованіемъ ихъ обоихъ сихъ, наречеся Шекъсна, иже и течетъ она въ Волгу же рѣку великую.

И вси убо сіи жители новгородстіи и старохолопстіи изъ всея словенскія земли надъ мертвыми своими тризны творяху, то есть памяти своя по нихъ содѣваху, и могилы превысокія надъ мертвыми и надъ именитыми своими, высокія жъ холмы и бугры въ память ихъ созидаху, и сыны своя на нихъ отъ великія жалости и плача своего по нихъ жряху, и лица своя до кровей своихъ драху, и смертно на гробѣхъ ихъ сами между собою убивахуся, о нихъ же и псалмографъ святый предрече сице: въ холмахъ своихъ и во истуканныхъ своихъ прогнѣваша Гда Бга, и препожроша сыны и дщери своя бѣсовомъ, а не Богу богомъ.

Якоже по сихъ, такожде сотвори еще прежде святаго нашего крещенія всеа земли россійскія великая княгиня Ольга, по убіеніи мужа своего, великаго князя Игаря Люриковича, убіеннаго бывша отъ древлянъ; тогда она иде въ деревскую земли и отмсти имъ смерть мужа своего, пріятъ премудростію разума своего крѣпкій градъ ихъ Скоростѣнъ, и многихъ древлянъ поби и посѣче, и мужа своего великаго князя Игаря тамо погребе, и велію тризну такожъ сотвори, по обычаю поганскому и ссыпа надъ нимъ могилу высокую вельми. Потомъ же начатъ государствовати сама во всей словенороссійстѣй земли съ сыномъ своимъ великимъ княземъ Святославомъ Игаревичемъ, младу бо ему еще сущу тогда бывшу, яко дести лѣтъ сущу; и начатъ Ольга Княгиня плесковитянка сама ѣздити по всей земли словенстѣ, и дани и оброки брати, и ловища и перевѣсы уставляти, по Волгѣ и по Мстѣ рѣкѣ, и по инымъ многимъ мѣстамъ; бывши же ей тогда и на семъ мѣсте, именуемымъ Золоторучье, идѣже есть даже и до днесь камень великій, во имя ея названный, на Волге камень Ольгинъ, разстояніе иматъ отъ устія Моложскаго вверхъ Волгою, яко поприще едино. Тогда же и сынъ ея Святославъ Игаревичъ, изволилъ утѣшеніе творити, и иде на езеро, иже близъ устия Моложскаго, и начатъ тамо соколы, и орлы, и кречеты, и ины птицы имати, и тако возлюби езеро то за многое прибытіе тогда сущихъ птицъ, на немъ бывшихъ, и нареченое езеро то утѣшное во имя свое Святославле езеро, даже и доднесь отъ жителей тамошныхъ зовется свято езеро. Егда же отъ ловцовъ его възогнашася птицы тѣ,

и полетѣша съ езера то за Волгу рѣку, въ перевѣсища и тенета, на мѣсто селенія весокъ, отъ сего убо и Вески зовутся даже и до сего дне, и тако тогда многія птицы уловлены быша на езерѣ томъ Святославлѣ: такожде напослѣди, и во иныя многая времена, даже и донынѣ, таковыя птицы тѣ царьскія тамо обрѣтаются, и всяко отъ сокольниковъ поножми и иными премногими хитростями уловляются, и въ дары честныя и превелія воспріемлются.

Сей убо родъ нашъ Московскій — скиѳскій, сіи рѣчь, славянороссійскій раздѣлися на семнатцать ордъ, то есть родовъ, или рещи колѣнъ и земель, якоже о семъ прежде и вышше сего возъявися, въ нихъ же бяше 25 усѣдковъ инородныхъ, или назвать пришельцовъ къ намъ иноплеменныхъ и чужеколѣнныхъ. Сіи же усѣдцы пріидоша убо отъ всеа вселенныя, и уселишася съ нами въ Скифіи и Московіи превелицѣй и преславнѣй, и сочтошася и соединишася, и приусвоишася, и быша съ нами едины тоземцы сущіи сіи людіе, иже гдѣ по Молозѣ сѣдоша и индѣ; и звахуся тако людіе молоси родъ свой, и кіиждо особо сице: весяне, ехене, имауры, бѣловодцы и меряне, то есть старо ростовцы и вси прочи съ ними 25 усѣдка по своимъ мѣстамъ преименовахуся. Сіи же усѣдцы кромѣ 17 колѣпъ суть родовъ нашихъ славенороссійскихъ быша, и сами собою жиша, въ крещеніи же всеа россійскія земли при великомъ князѣ Ярославѣ Владимировичѣ, сынѣ Владимировѣ крестившаго всю россійскую землю святымъ крещеніемъ за вѣру всепресвятаго и истиннаго христіанскаго греческаго закона и въ правое намъ познаніе всѣхъ Бога (т.-е. крестились).

И егда убо государствующу сему великому князю Ярославу во градѣ Ростовѣ, тогда созда великій князь Ярославъ Владимировичъ въ свое имя градъ Ярославль Поволскій, на устіи Которости; тогда же и на устіи Мологи созда два града и монастырь Холопей, и посади князей во градѣхъ тѣхъ на удѣлы въ Ярославле и на Мологе; и быша сіи грады тогда подъ державою великаго и стараго княженія Ростовскаго. Потомъ же великій князь Ярославъ начатъ государствовати въ великомъ Новѣградѣ, на великомъ княженіи, и тогда жъ послѣди его владѣлъ единъ князь грады сими, ярославскій и моложскій именовася, а въ Ростовѣ тогда государствуя великій князь святый Борисъ, благовѣрный страстотерпецъ.

Таже потомъ наста великое княжество Смоленское и Ярославское, а Моложское бысть собою удѣльное. По прешествіи же многихъ лѣтъ потомъ, великій князь Михаилъ тверскій повоевалъ Мологу, грады моложскія пожже, и люди посѣче, и монастырь Холопи разори, тако преименованный по древнему своему званію въ сего жительства сего старохолопскаго и моложскаго, и града ихъ стараго Холопья, что стоитъ вверху по рекѣ по Мологе, и Илоломну сожже у Петра святаго и Павла, идѣже былъ князя Ѳомы Констаитиновича моложскаго рыбной ловецкой дворъ, и княжской утѣшной Высокогорской садъ, тамъ же и осмерица деловая княжа, луга и заводи рыбныя и преугодныя многія, заостровица, и старица, и иныя. И оттолѣ опустѣ княженіе моложское все, токмо посады именовахуся, а стола княжества Моложскаго уже къ тому не бысть, даже и доднесь...“

II.

...„Тако жъ на устіи славныя Мологи рѣки древле были торги великія и преславныя, даже и до днiй грознаго господаря и царя московскаго и всея россіи великаго к. Василіа Василиевича Темпаго, усмирившаго русскую землю всю отъ разбоевъ, и отъ та... и отъ всякого воровства, всѣхъ таковыхъ злыхъ правдою скиптродержавства своего и премудро... умнымъ мужествомъ своимъ преукротившаго. И во время же его, прежде Шемякина суда бывшаго на него, великаго государя, сребро тогда съ торговъ тѣхъ превеликихъ моложскихъ въ пошлинахъ збирали и в.... вѣсили. Приѣзжали торговать купцы многихъ государствъ и изъ окрестныхъ... царствъ нѣмецкихъ, и польскихъ, и литовскихъ, и грецкихъ, и римскихъ, глаголютъ же... свицкихъ и иныхъ съ ними земель многоразличныхъ. И тогда во премногихъ ямяхъ, прежде холопскихъ и моложскихъ, тавары своя предрашя и различныя, всѣ ипостранныя купцы и гости всяческія клали, и питія преузорочная и красная виноградная, и прочая вся сокровища своя содержали, и надъ ними торговали. Нынѣ же то наше купечество моложское раздѣлися по инымъ великимъ и малымъ, въ царствіи нашемъ Московскомъ, премногимъ торгамъ, первое къ славному городу Архангельскому, такъ и на Свинскую предбывшую славную ярманку, потомъ и Желтоводцкую, и въ Весь Ехонскую, и на Тихвину повгородцкую, и по инымъ многимъ градамъ государства нашего Московскаго тотъ моложской превеликой, и первостарой, и преславной торгъ разно разыдеся, якоже изоставшіи и престаріи первіи насъ тогда бывшіи наши роди пресказаша намъ, сия же вѣдомость и наша днешныя слухи достиже.

Рѣка же та великая Молога полна судовъ была въ пристани своей на юстіи широкомъ, и яко по судамъ тогда бес перевозовъ и преходили всѣ людіе рѣку ту Мологу и рѣку Волгу па лугъ моложскій, великій и прекрасный, иже иматъ величество свое лугъ той во округъ свой семь верстъ. Сребро же то събирающееся пошлинное пудовое по 100 и 80 пудовъ, или по 70,000 деньгами и больши, собираху въ казну великаго князя, яко же бывшіи тогда въ память свою намъ о семъ повѣдаша, иже отъ отецъ своихъ слышаша. Тогда же на Мологѣ 70 кабаковъ винныхъ и питій всякихъ было; торговали же безъ разъѣздовъ по четыри мѣсяцы всѣ купцы и гости.

„Еже отъ древнихъ слышахъ и се въ память по насъ изоставшимъ родомъ всѣмъ и восписахъ“.

О Костромѣ въ историко-археологическомъ отношеніи.

И. Миловидова.

Имѣя честь быть приглашеннымъ на археологическій съѣздъ въ качествѣ члена Костромской Архивной Коммиссіи, долгомъ считаю сообщить о результатахъ моихъ археологическихъ и историческихъ изысканій и работъ. Результаты моихъ еще непродолжительныхъ начальныхъ работъ по исторіи Костромы слѣдующіе:

Предшествующіе труды по исторіи Костромы, особенно въ отдѣлѣ начальнаго періода ея исторіи, оказались не выдерживающими критики. Думаю, что достаточно привести здѣсь на выдержку начальныя строки труда князя Козловскаго „Взглядъ на исторію Костромы 1840 г., гдѣ говорится, что страна, занимаемая теперь Костромою, вѣроятно, была обитаема народами славянскаго поколѣнія, именовавшимися Меря. Очевидна здѣсь крупная историческая ошибка въ названіи Мери племенемъ славянскимъ вмѣсто финскаго, хотя безспорно, что еще въ древнѣйшую доисторическую пору между мерянами были славянскіе колонисты, скоро съ ними слившіеся. Князь Козловскій, впрочемъ, не оговариваетъ этого. Не останавливаясь на мѣстныхъ остаткахъ отъ племени Мери, не указывая на сохранившіяся отъ него названія нѣкоторыхъ мѣстностей, городовъ и рѣкъ, не предложивъ хотя краткой характеристики быта Мерянъ по недостатку, конечно, въ его время археологическихъ данныхъ, князь Козловскій пытается установить взглядъ на начальную исторію города Костромы и объяснить названіе города Костромою. Попытка оказывается неудачной, потому что основывается на произвольныхъ предположеніяхъ и толкованіяхъ. Князь Козловскій говоритъ, что гг. Кострому и Галичъ построилъ князь Суздальскій Юрій Долгорукій. Мнѣніе это произвольно. Въ лѣтописяхъ не говорится, чтобы Юрій Долгорукій построилъ эти города. Изъ лѣтописи, правда, извѣстно, что Юрій Долгорукій былъ колонизаторомъ Ростовско-Суздальской земли и строителемъ городовъ въ ней, но изъ этого никакъ не слѣдуетъ еще заключать, чтобы онъ сооружилъ всѣ города въ Ростовско-Суздальской землѣ. Мы должны слѣдовать сказаніямъ лѣтописцевъ, между тѣмъ они говорятъ о построеніи Юріемъ Долгорукимъ только городовъ въ Ростовско-Суздальской землѣ слѣдующихъ: Дмитрова, Боголюбова, Юрьева-Польскаго, Ксиктина или Константина при впаденіи большой Нерли въ Волгу, Москвы

(по сказанію Тверской лѣтописи въ 1156 г.), о перенесеніи Переяславля отъ Клещина на другое мѣсто и о заложеніи этого города больше прежняго.

Татищевъ въ Россійской исторіи въ кн. III-й на стр. 76-й говоритъ, что Юрій Долгорукій „зачалъ строить въ области своей многіе города, созывая людей отовсюда, въ которые, приходя множество болгаръ, мордвы, венгровъ, кромѣ русскихъ, селились“. Заключать отсюда, какъ дѣлаетъ князь Козловскій, что въ числѣ этихъ многихъ городовъ были построены Юріемъ Долгорукимъ Кострома и Галичъ, произвольно. Наши историки: Карамзинъ, Соловьевъ, Д. И. Иловайскій и др. не высказываются ясно о времени построенія или возникновенія городовъ Костромы и Галича. Г. Соловьевъ напр.: говоритъ только, что Кострома построена въ эпоху стремленія сѣверныхъ князей распространять колонизацію внизъ по Волгѣ. „Города строились съ расчетомъ при главныхъ изгибахъ рѣки и при устьяхъ значительныхъ ея притоковъ; такъ построена Кострома при поворотѣ Волги на югъ при впаденіи въ нее рѣки Костромы, Юрьевецъ Поволжскій при слѣдующемъ большомъ колѣнѣ или поворотѣ Волги на югъ, при впаденіи въ нее р. Унжи, наконецъ Нижній-Новгородъ при впаденіи Оки въ Волгу. Здѣсь на время остановилось естественное стремленіе сѣверныхъ князей внизъ по Волгѣ къ предѣламъ Азіи“ (Истор. Сол. I т. стр. 31). Итакъ, ни лѣтописцы, ни историки не даютъ яснаго и опредѣленнаго отвѣта на вопросъ: когда, т.-е. въ какомъ вѣкѣ возникли гг. Кострома и Галичъ или кѣмъ они построены? Лѣтописцы упоминаютъ о нихъ какъ о городахъ, уже существовавшихъ въ Ростовско-Суздальской землѣ при разсказѣ объ историческихъ событіяхъ, коснувшихся и ихъ. Такъ о Костромѣ въ первый разъ упоминается въ спискахъ лѣтописей Воскресенской и Тверской, подъ 1213 г., при разсказѣ объ усобицѣ между сыновьями великаго князя Всеволода III-го, Константиномъ Ростовскимъ и Юріемъ Владиміро-Суздальскимъ, когда Кострома была сожжена Константиномъ и жители ея были отведены въ плѣнъ въ Ростовъ. О Галичѣ въ разныхъ лѣтописяхъ въ первый разъ упоминается подъ 1237 г. при разсказѣ о нашествіи татаръ на Суздальскую землю: „и тѣ (татары) понлѣнили всѣ грады по Волгѣ и до Галича мерскаго“, въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ сказано: „до Галича володимирскаго“. Изъ первоначальныхъ лѣтописныхъ упоминаній о Костромѣ и Галичѣ мы заключимъ только, что въ первой половинѣ XIII в. эти города существовали въ Ростовско-Суздальской землѣ, и такъ какъ о Костромѣ упомипается еще въ началѣ XIII в., то мы вправѣ заключить, что онъ, какъ городъ приволжскій, существовалъ въ Суздальской области въ концѣ, по крайней мѣрѣ, и XII вѣка, равнымъ образомъ то же предположительное заключеніе можно сдѣлать и о Галичѣ. Возводить же древность этихъ городовъ далѣе въ глубь, на основаніи приведенныхъ лѣтописныхъ сказаній, мы не можемъ. Такимъ образомъ вопросъ остается открытымъ: когда возпикли гг. Кострома и Галичъ?

При развитіи въ настоящее время русской археологіи, можно найти ключъ къ рѣшенію этого любопытнаго вопроса въ трудахъ и изыскапіяхъ археологовъ. Капитальный трудъ въ области русской археологіи — это изслѣдованіе графа Уварова „о бытѣ мерянъ по курганнымъ раскопкамъ“ (Москва 1872 г.). Въ немъ на стр. 47 читаемъ: „Городища, мы полагаемъ, можно причислить къ памятникамъ того же народа, т.-е. мерянъ. Найденные въ Городищахъ желѣзные предметы неоспоримо пріурочиваютъ эти

насыпи къ эпохѣ желѣзнаго вѣка, слѣдовательно, къ тому уже времени, когда эти мѣстности заняты были мерянскимъ племенемъ". Впрочемъ графъ Уваровъ обычай насыпать городищи не усвояетъ только мерянамъ, но говоритъ, что это былъ общенародный обычай у всѣхъ племенъ желѣзнаго вѣка. „Городища, продолжаетъ графъ Уваровъ, находятся большею частію возлѣ селеній или урочищъ, доселѣ сохранившихъ названія: Городище, Городокъ и т. п. Потомъ самое названіе Городище перешло въ наименованіе селеній и сохранило память о прежней насыпи. Мы полагаемъ, говоритъ графъ Уваровъ, что Городища, занимая центральное положеніе и, вѣроятно, самое лучшее, возвышенное мѣсто по срединѣ мерянскихъ поселеній служили, укрѣпленными мѣстами для самыхъ жилищъ обитателей. Прямая уже связь нѣкоторыхъ городищъ съ городами какъ бы подтверждаетъ догадку, что въ древнѣйшія времена городища были населены и составляли первоначальный центръ осѣдлости для будущихъ городовъ. Такимъ образомъ Переяславль перенесенъ изъ теперешняго села Городища на устье р. Трубежа, Суздаль тоже вѣрно находился прежде у сельца или теперешній кремль его занимаетъ мѣсто древняго городка; замѣтно, что внутренняя часть городищъ была занята жилищами, но какого они были рода: были ли это землянки или деревянныя постройки, мы ничего положительнаго не знаемъ. Раскапывая городище, мы находили только груды углей, множество разбитыхъ черепковъ и кое-какіе слѣды сгнившаго дерева. Въ сказаніяхъ восточныхъ писателей встрѣчаются нѣкоторыя свѣдѣнія о способѣ и формѣ построекъ у руссовъ, подъ которыми арабскіе писатели разумѣли всѣхъ обитателей Руси или иностранцевъ, приходившихъ изъ Руси торговать въ Болгарахъ, были то варяги, славяне или обрусѣвшіе финны (Меря, Мурома, Весь и др.). Арабскій писатель Ибнъ-Дастъ разсказываетъ, что холодъ въ ихъ (славянъ) странѣ бываетъ до того силенъ, что каждый изъ нихъ выкапываетъ себѣ въ землѣ родъ погреба, къ которому придѣлываетъ деревянную остроконечную крышку и на крышку накладываетъ землю. Въ такіе погреба переселяются со всѣмъ семействомъ и, взявъ нѣсколько дровъ и камней, зажигаютъ огонь и раскаляютъ камни до высшей степени, обливаютъ ихъ водою, отъ чего распространяется паръ, нагрѣвающій жилье до того, что снимаютъ уже одежду. Въ такомъ жилищѣ остаются до весны. Городищъ разбросано много въ области, занимаемой въ старину мерянами. Въ Ярославской губерніи ихъ насчитываютъ 12. Кромѣ этихъ двѣнадцати, существуетъ еще много селеній, такъ же называемыхъ городищами, возлѣ которыхъ несомнѣнно прежде находились земляныя насыпи. Пять селеній съ такими насыпями и названіями представляютъ цѣпь по берегамъ Волги въ Калязинскомъ уѣздѣ (Тверской губерніи), Угличскомъ, Рыбинскомъ, Ярославскомъ и Костромскомъ уѣздахъ". Но Костромскія и Нижегородскія городища по мнѣнію графа Уварова еще мало изслѣдованы и мало извѣстны. Приведенное мѣсто изъ труда графа Уварова даетъ, какъ мы сказали, ключъ къ рѣшенію поставленнаго нами вопроса о началѣ г. Костромы. Противъ г. Костромы, на противоположномъ правомъ берегу Волги, на возвышенномъ холмѣ, расположено селеніе Городище. Въ виду интереса, какой можетъ имѣть эта мѣстность для начальной исторіи г. Костромы, мы отправились туда, чтобы осмотрѣть ближе мѣстность и узнать преданія, связанными съ нею, узнать, не найдено ли здѣсь какихъ-нибудь вещественныхъ памятниковъ старины. При бѣгломъ осмотрѣ мѣста, можно

замѣтить, что возвышеніе, на которомъ находится церковь и сельцо, господствуетъ надъ окрестностью и даетъ поводъ предполагать, что оно не сполна, по крайней мѣрѣ, естественное, но увеличено еще и насыпною землею. Потомъ мы узнали отъ одного сторожила этого сельца, что когда онъ рылъ подъ горой по направленію къ Волгѣ, то нашелъ въ землѣ какой-то срубъ въ родѣ погреба, находилъ черепки (остатки посуды), каменья и наконецъ, когда распахивалъ поле по юго-восточному склону горы, то нашелъ здѣсь шесть серебряныхъ монетъ. У него сохранились только три монеты. Двѣ монеты оказались съ надписями на одной сторонѣ, а на противоположной имѣются какія-то украшенія. На третьей монетѣ, очевидно, болѣе поздняго періода, надписи нѣтъ, а на другой сторонѣ — всадникъ Георгій Побѣдоносецъ. Двѣ первыя монеты, по имѣющимся на нихъ надписямъ, хотя не совсѣмъ явственнымъ и полнымъ, слѣдуетъ относить, мы думаемъ, къ началу XIV в. На одной монетѣ сохранились остатки имени князя Юрія Даниловича и на другой какъ будто царя Озбяка (ханъ Узбекъ нач. XIV в.). Любопытно было бы видѣть три монеты, которыя у обладателя ихъ затерялись. Онѣ, по его словамъ, были размѣромъ больше этихъ сохранившихся монетъ, ходившихъ по Руси въ удѣльный періодъ. На основаніи сохранившихся монетъ, по нашему мнѣнію, начала XIV в., найденныхъ въ мѣстности близъ нынѣшняго сельца Городища, можно полагать, что въ началѣ XIV в. эта мѣстность была населенная и торговымъ людомъ. Находки же здѣсь въ землѣ остатковъ отъ построекъ и черепковъ отъ посуды еще болѣе подкрѣпляютъ это предположеніе и наводятъ на мысль, что Гордище это было такое же, можетъ быть, мерянское, о какихъ говоритъ и графъ Уваровъ. Сколько мы могли узнать, сохранилось немного преданій, связанныхъ съ нынѣшнимъ селеніемъ Городище, такъ напр.: будто городъ (Кострома) назначался здѣсь первопачально, т.-е. основатель болѣе поздняго города Костромы предполагалъ основать его на мѣстѣ стараго городка, вѣроятно, находившагося здѣсь. Хотя церковь городищенская по стилю не очень древняя, тѣмъ не менѣе въ ней есть нѣсколько старинныхъ предметовъ церковной утвари, а на одномъ церковномъ оловянномъ блюдѣ XVIII в. мы видѣли такую надпись: „сіе блюдо г. Костромы церкви св. Иліи, что на Городищѣ“. Между тѣмъ городищенская церковь причисляется къ городскимъ церквамъ. Очевидно, что въ XVIII в. было живуче преданіе о существованіи на этомъ мѣстѣ въ древности г. Костромы. Иначе почему бы называть церковь эту церковью г. Костромы, когда она не относилась къ городскимъ церквамъ подобно церквамъ селъ Никольскаго и Спасскаго на этой же противоположной сторонѣ Волги. Вещественные памятники и преданія, о которыхъ намъ пришлось узнать при первомъ и бѣгломъ осмотрѣ мѣста, занимаемаго нынѣ сельцомъ Городище противъ г. Костромы, даютъ поводъ думать, что прежде основанія г. Костромы на нынѣшнемъ его мѣстѣ въ древности былъ городокъ, можетъ быть, мерянскій, на противоположной сторонѣ Волги, на возвышеніи, занимаемомъ нынѣ сельцомъ Городище. Эта мѣстность оставалась, вѣроятно, населенною продолжительное время, и селеніе сохраняло свое прежнее значеніе городка, вѣроятно, долго спустя послѣ основанія или, вѣрнѣе, перенесенія Костромы на настоящее ея мѣсто. Иначе какъ объяснить присутствіе въ землѣ близъ Городища старинныхъ монетъ? Можетъ быть, кромѣ найденныхъ случайно монетъ, еще нѣсколько ихъ находится доселѣ въ землѣ и, можетъ быть, болѣе ранняго періода. По нашему

мнѣнію, возвышенная мѣстность, занятая сельцомъ Городище, требуетъ и ждетъ изслѣдованія. Возможная находка здѣсь памятниковъ старины много содѣйствовала бы уясненію начальной исторіи г. Костромы. Упомянемъ здѣсь кстати еще объ одномъ селеніи противъ нынѣшней Костромы, находящимся на правомъ же берегу Волги съ названіемъ, свидѣтельствующимъ также о его древности, это селеніе, теперь называемое Селище (названіе съ окончаніемъ на ище свидѣтельствуетъ о древности селенія), въ старину же именуемое Новое село или Новоселки. Оно упоминается въ историческихъ актахъ еще въ XIV ст., какъ прикупка Іоанна Калиты. Нѣтъ сомнѣнія, что оно существовало и ранѣе этого князя. Не свидѣтельствуетъ ли и оно, что мѣстность по горной, правой сторонѣ Волги была въ старину заселена, что были здѣсь въ старину и пригороднія слободы и селенія? Мы не хотимъ этимъ сказать того, что лѣвая сторона Волги была совершенно пустынною. Очень можетъ быть, что и здѣсь были же поселенія, особенно при устьѣ рѣки Костромы. Но это мы можемъ только предполагать; утверждать же съ такою очевидностью, какъ относительно праваго берега, не имѣемъ основаній, потому что въ настоящее время на лѣвомъ берегу Волги или въ предѣлахъ нынѣшняго города Костромы мы не находимъ ни одной мѣстности съ названіемъ, которое свидѣтельствовало бы о ея древности, напр. съ названіемъ: Городище, Городокъ, или какъ напримѣръ въ Ярославлѣ: „Рубленый городъ“.

Изслѣдованія археологовъ свидѣтельствуютъ о существованіи многихъ городковъ въ Ростовско-Суздальской землѣ, населенной въ древности большею частію мерянами. Въ Ярославской губерніи насчитываютъ 12 городковъ, изъ коихъ Ростовскіе городки, расположенные не въ дальнемъ одинъ отъ другого разстояніи, представляютъ какъ бы оборонительную цѣпь, протянутую въ длину верстъ на восемьдесятъ между Переяславлемъ и окрестностями Ростова. Изслѣдователи полагаютъ, что они служили для защиты первоначальныхъ мерянскихъ жилищъ у обоихъ озеръ, т.-е. Неро и Клещина. Во Владимірской губерніи тоже много находится остатковъ древнихъ городковъ. Г. Соловьевъ говоритъ: „по нашему лѣтописцу видно, что финны имѣли города, подобно славянамъ терпѣли отъ родовыхъ усобицъ по изгнаніи варяговъ, вслѣдствіе чего вмѣстѣ съ ними и призвали князей. Болѣе ясное упоминаніе о существованіи городовъ у древнихъ обитателей сѣверной и сѣверо-западной Руси мы находимъ у лѣтописца Псковскаго подъ № 854, „всташа же Новгородци и Кривичи и Меря и Чудь на Варяги и изгнаша ихъ за море и начаша владѣти сами себѣ и городы ставити и бысть межю ими рать, градъ на градъ и не бяше правды“. У другихъ лѣтописцевъ говорится только: „начаша городы ставити“, но выраженіе (всташа) градъ на градъ замѣнено другимъ: родъ на родъ. Если мы обратимся къ названію г. Костромы, то оно также должно наводить насъ на мысль о древнѣйшемъ возникновеніи этого города. Князь Козловскій названіе города Костромы производитъ совершенно произвольно отъ г. Костра, бывшаго въ Ливоніи, недалеко отъ нынѣшняго Дерпта, или отъ замка Кострума, гдѣ послѣ построенъ г. Ревель. Основаніе для названія города Костромою отъ замка Кострума князь Козловскій видитъ въ сходствѣ мѣстоположенія Костромы съ мѣстоположеніемъ этого замка. Не трудно замѣтить всю несообразность такого словопроизводства. Такимъ способомъ можно названіе Костромы

произвести нетолько отъ замка или города въ Ливоніи, а пожалуй откуда нибудь и подальше, даже изъ Африки, если бы тамъ нашлась сходная мѣстность и съ названіемъ подобнымъ. Впрочемъ князь Козловскій присоединяетъ и молву старожиловъ, что названіе города происходитъ отъ наименованія рѣки Костромы, а послѣдняя будто бы получила свое названіе отъ заготовляемаго зимою при берегахъ ея величайшими кострами лѣса, сплавляемаго весною въ г. Кострому. Графъ Уваровъ въ томъ же изслѣдованіи „О бытѣ мерянъ по курганнымъ раскопкамъ“, предлагаетъ такое словопроизводство названія города Костромы: онъ говоритъ, что въ Костромской и смежныхъ съ нею губерніяхъ донынѣ въ народѣ употребителенъ языкъ, не похожій на славянскій или русскій, оставшійся въ народѣ таинственнымъ подъ названіемъ въ Нерехтѣ Элтонскаго (отъ слова Элтышъ — безмѣнъ, языкъ безмѣнниковъ). Этому языку одолжены названія здѣшнихъ городовъ: Костромы и др. Костръ, Кострыга — городъ съ присоединеніемъ къ этому слову мордовскаго масъ — красивый, образуется названіе города Костромы — красивый городъ. — Вѣрно ли такое словопроизводство, рѣшительно сказать трудно. Сомнѣніе въ вѣрности этого словопроизводства можетъ возникнуть потому уже, что приходится составлять названіе города Кострома изъ двухъ словъ; одного изъ языка такъ называемаго теперь Элтонскаго, другаго Мордовскаго, что едва ли отвѣчаетъ дѣйствительности, такъ какъ трудно составить одно слово изъ двухъ нарѣчій, тѣмъ болѣе, если они принадлежали и двумъ отдѣльнымъ народностямъ. — Обратимся къ древнерусской миѳологіи. Въ числѣ языческихъ праздниковъ и обрядовъ, въ которыхъ выразилась мысль о замирающихъ силахъ природы, былъ обрядъ, совершавшійся въ лѣтнее время, соотвѣтствовавшее нынѣшнему первому воскресенью послѣ Петрова дня, — обрядъ, извѣстный въ народѣ подъ названіемъ похоронъ Костромы, Лады, Ярилы. По всему вѣроятію, эти обряды въ старину принадлежали къ купальскимъ игрищамъ. Похороны Костромы въ Пензенской и Симбирской губерніяхъ совершались такимъ образомъ: прежде всего дѣвицы избирали изъ среды себя одну, которая обязана была представлять Кострому; затѣмъ подходили къ ней съ поклонами, клали ее на доску и съ пѣснями несли къ рѣкѣ. Тамъ начинали ее купать, при чемъ старшая изъ участвовавшихъ въ обрядѣ сгибала изъ лубка лукошко и била въ него, какъ въ барабанъ; послѣ этого возвращались въ деревню и заканчивали день въ хороводахъ и играхъ. Въ Муромскомъ уѣздѣ соблюдалась иная обрядовая обстановка. Кострому представляла кукла, которую дѣлали изъ соломы, наряжали въ женское платье и цвѣты, клали въ корыто и съ пѣснями относили на берегъ рѣки или озера; собравшаяся на берегу толпа раздѣлялась на двѣ половины: одна защищала куклу, а другая нападала и старалась овладѣть ею. Борьба оканчивалась торжествомъ нападающихъ, которые схватывали куклу, срывали съ нея платье и перевязи, а солому топтали ногами и бросали въ воду, между тѣмъ какъ побѣжденные защитники предавались неутѣшному горю, закрывали лица свои руками и какъ бы оплакивали смерть Костромы. — Должно думать, что кукла эта приготовлялась не только изъ соломы, но также изъ сорныхъ травъ и прутьевъ и что именно поэтому она получила названіе Костромы. Въ областныхъ говорахъ слово Кострома означаетъ: прутъ, розгу и ростущія во ржи сорныя травы. Въ Саратовской губерніи

Костромою называется куча соломы, сожигаемая подъ Новый годъ (Аѳанасьевъ. Поэтич. воззрѣнія славянъ на природу). О. Ѳ. Миллеръ „въ Христоматіи къ опыту историческаго обозрѣнія русской словесности“ говоритъ: (стран. 6) „Кострубелькой въ Малороссіи назывался Веснякъ, божество весны (въ украинскомъ просторѣчіи Кострубъ значитъ Нечесъ, Кудлай, что заставляетъ предполагать, что Веснякъ изображался кудрявымъ). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Великороссіи имя это передѣлалось въ Кострому. Въ этомъ послѣднемъ божествѣ видятъ женскую форму Кострубоньки, похороны котораго въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совпадали съ временемъ похоронъ Костромы. Хотя графъ Уваровъ и говоритъ, что названіе Костромы повторяется въ трехъ различныхъ формахъ во Владимірской губерніи: Костромино — деревня въ Александровскомъ уѣздѣ недалеко отъ р. Дубны, Костромиха — Суздальскаго уѣзда по р. Мерли и Костромиха — въ Гороховецкомъ уѣздѣ и изъ этого дѣлаетъ выводъ, что только одинъ и тотъ же народъ (т. е. Меря) могъ, раскинувъ свои селенія на обширномъ пространствѣ, повторять тѣ же имена или давать названія одинаковаго этимологическаго происхожденія; но мы, въ видѣ возраженія послѣднему выводу, можемъ привести одно мѣсто изъ лѣтописи по Ипатьевскому списку, гдѣ упоминается подъ 1258 г. одно урочище теперь въ Волынской губерніи, сходное по корнесловію съ названіемъ Костромы, именно урочище Кострyга: „о нѣмъ же (Литвѣ) притекшимъ супротивъ Кострузѣ, сразившимся не стерпѣша, но на бѣгъ обратишася“. Область теперешней Волынской губерніи въ древности имѣла населеніе славянское. Названіе и обрядъ погребенія Кострубоньки или Костромы — божества весны — были распространены какъ на югѣ, такъ и на сѣверѣ Руси. Изъ этого слѣдуетъ заключить, что слово Кострома славянскаго происхожденія и не чуждо духу славянскаго языка, точно такъ же, какъ не чуждо ему слово костеръ*). Упоминаемыя графомъ Уваровымъ поселенія во Владимірской губ. съ измѣненнымъ названіемъ Костромы расположены, какъ мы видѣли, при рѣкахъ. Городъ Кострома расположенъ при двухъ рѣкахъ: Волгѣ и Костромѣ. Обрядъ же купанія дѣвушки, изображавшей Кострому, или потопленія чучела божества Костромы совершался въ рѣкахъ или озерахъ. На этомъ основаніи мы вправѣ заключить, что названіе города и поселеній, упомянутыхъ нами ранѣе, Костромою или именемъ одного съ него корня — славянское отъ имени этого языческаго божества весны или Весняка. Такъ какъ славянская колонизація финскихъ племенъ, по бассейну верхней Волги и ея притоковъ началась еще до образованія Русскаго государства, то мы можемъ быть увѣрены, что и обряды языческой религіи нашихъ предковъ могли въ глубокой древности совершаться въ приволжскомъ краѣ. Мы знаемъ, что въ Ростовѣ былъ идолъ бога Велеса или Волоса. Что въ Костромскомъ краѣ совершались въ старину празднованія и обряды въ честь языческихъ божествъ: Купалы, Ярилы, Костромы, яснымъ доказательствомъ этого служатъ сохранившіеся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ еще и доселѣ или сохранявшіеся долгое время спустя послѣ принятія христіанства языческіе праздники и обряды. Народъ чтилъ боговъ: Ярилу, Купалу, Лада, водяныхъ

*) Мы уже раньше говорили, что и въ Саратовской губ. Костромою называется куча соломы, сожигаемая на Новый годъ.

русалокъ. Въ честь каждаго изъ этихъ миѳическихъ существъ учреждены были праздники, изъ которыхъ многіе недавно уничтожены. Въ Костромѣ только въ 1771 году уничтоженъ праздникъ въ честь Ярилы. Ярилу представлялъ избранный міромъ человѣкъ, котораго, предъ заговѣньемъ Петрова поста, обвязывали разными цвѣтами, лентами и колокольчиками и, надѣвъ на голову высокій колпакъ съ лентами, водили съ плясками по городу. Въ Костромѣ и до сихъ поръ въ всѣхсвятское заговѣнье гулянье народное извѣстно подъ названіемъ яриловки. Въ настоящее время народное гулянье въ Костромѣ въ честь Ярилы не сопровождается уже какими-нибудь обрядами, сохранившимися отъ старины; игры больше новѣйшаго происхожденія. Пѣсенъ старинныхъ съ характеромъ миѳическимъ также мы не слыхали. Если можно, что, считать остаткомъ или слабымъ проблескомъ языческой и миѳической старины, то это обычай составлять круги, какъ бы символизируя тѣмъ форму солнца, и выходъ съ двухъ противоположныхъ сторонъ молодца и дѣвицы, при чемъ они или берутъ другъ друга за руки, или ударяютъ другъ друга по ладонямъ какъ бы въ знакъ обоюднаго согласія. Вліяніемъ старины, вѣроятно, нужно объяснить и подборъ пѣсенъ, распѣваемыхъ народомъ во время гулянья; всѣ пѣсни имѣютъ содержаніемъ или взаимную любовь между лицами двухъ половъ, или говорятъ объ измѣнѣ съ которой-нибудь стороны. Словомъ, общій мотивъ пѣсенъ — любовь. Къ нѣкоторымъ пѣснямъ еще присоединяется древній припѣвъ „Лемо“ — названіе древняго и языческаго божества любви плодородія. Этими слабыми проблесками старины еще выдерживается и до сихъ поръ древній характеръ праздника въ честь Ярилы, какъ божества лѣтняго жара и, въ переносномъ смыслѣ, любви. Въ Галическомъ уѣздѣ и теперь еще сохраняется обычай на одной горѣ Поклонной, гдѣ, по преданію стоялъ идолъ Ярилы, гулять въ то же всѣхсвятское заговѣнье. Многія изъ женскаго пола, какъ мы слышали, являются на гулянье въ особыхъ старинныхъ костюмахъ. Гулянье въ честь Ярилы бываетъ въ Кинешмѣ, въ рощѣ по р. Кинешемкѣ, близъ Нерехты и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Нерехтскаго уѣзда. Около Галича указываютъ мѣсто другаго идола Купалы (отъ корня куп, кип, отсюда кипѣть, олицетвореніе лѣтняго жара) около озера, куда и въ настоящее время стекаются 24 іюня городскіе жители гулять по берегу и кататься по озеру съ пѣснями; гулянье оканчивается обливаніемъ другъ друга водою и купаньемъ въ озерѣ*). Такъ какъ у нашихъ предковъ божества: Купало, Ярило, Кострома были если не тождественны, то сходныя, олицетворявшія однѣ и тѣ же живительныя силы природы, то, кромѣ празднованія въ честь Купалы и Ярилы, въ старину, вѣроятно, совершался въ Костромскомъ краѣ и обрядъ похоронъ Костромы, описанный нами раньше. И вотъ отъ имени языческаго божества весны „Костромы“ получили названіе какъ городъ, жителями котораго этотъ обрядъ, вѣроятно, совершался, такъ и рѣка, впадающая близъ этого города въ Волгу. Волга уже имѣла общее въ старину названіе „ра“ — Принимая въ соображеніе мѣсто лѣтописи, гдѣ говорится, что Новгородцы, Кривичи, Чудь, Меря, по изгнаніи варяговъ 854 г., начали ставить города и управляться сами, — но всталъ градъ на градъ, — мы приходимъ къ тому выводу, что

*) Кржиоблоцкій. Мат. для географіи и статист. Россіи, Костр. губ., стр. 512, 598.

городокъ, получившій названіе Костромы, который, вѣроятно, существовалъ на мѣстѣ нынѣшняго сельца Городища, былъ основанъ если и мерянами, то въ пору сліянія этого племени съ славянскимъ или въ пору распространенія между мерянами славянской колонизаціи, какъ того же мнѣнія изслѣдователи и о городищахъ Ярославской губерніи. Они относятъ ихъ основаніе къ переходной эпохѣ сліянія первоначальныхъ туземцевъ (мерянъ) съ славянами. Костромской же городокъ, отстоящій недалеко отъ селенія Ярославской губерніи, извѣстнаго подъ именемъ Дѣева Городища, служитъ какъ бы продолженіемъ по Волгѣ цѣпи городковъ. Населеніе въ этихъ городкахъ могло быть уже смѣшанное изъ финновъ и славянъ. Основаніе древняго городка Костромы первоначально на правомъ берегу Волги могло быть вызвано условіями мѣстности, такъ какъ правый берегъ Волги болѣе гористъ, нежели лѣвый, и менѣе поэтому подверженъ затопленію водою во время весенняго разлива Волги, особенно если принять въ расчетъ то, что рѣки наши и въ частности Волга въ старину были полноводнѣе, чѣмъ нынѣ, по обилію лѣсовъ, къ нимъ прилегающихъ, да къ тому же лѣвый берегъ могъ быть затопляемъ и впадающей въ Волгу р. Костромою. Итакъ, о началѣ г. Костромы мы приходимъ къ такому выводу: первонально былъ основанъ городокъ на мѣстѣ нынѣшняго Городища на правомъ берегу Волги въ пору начавшагося сліянія мерянъ съ славянами; онъ имѣлъ населеніе, уже смѣшанное изъ мерянъ и славянъ, и получилъ названіе отъ имени божества весны у языческихъ славянъ — Костромы. Время возникновенія этого городка приблизительно можно полагать въ началѣ второй половины IX вѣка. — Мы остановились на рѣшеніи вопроса о происхожденіи г. Костромы и о его названіи и не говорили о г. Галичѣ потому, что условія мѣстности Костромы намъ извѣстнѣе, чѣмъ Галича. Въ Галичѣ, какъ извѣстно намъ изъ описанія, есть мѣстность, самая возвышенная въ городѣ, именуемая Столбище, получившая названіе въ христіанскую пору по церкви Симеона Столпника, находившейся здѣсь, — мѣстность съ остатками валовъ и рвовъ. Всѣ данныя говорятъ за то, что въ древности здѣсь былъ городокъ, подобный Костромскому, еще въ языческую пору нашей исторіи, такъ какъ доселѣ указываютъ на горахъ мѣста, гдѣ стояли идолы Эрилы и Купалы. Названіе городка Галичемъ могло быть усвоено ему позднѣе, можетъ быть Юріемъ Долгорукимъ, болѣе укрѣпившимъ его, который могъ перенести сюда и названіе съ Галича южнаго, если только Галичъ сѣверный не есть измѣненное древнее названіе Галивонъ. Сохранились отрывки Галицкой лѣтописи, правдивость сказаній которой хотя и подлежитъ сомнѣнію, тѣмъ не менѣе она упоминаетъ о Галичѣ, какъ городѣ, еще въ XII вѣкѣ.

Въ настоящее время г. Кострома — не на правомъ, а на лѣвомъ берегу Волги. Если мы пришли къ выводу, что первоначально Кострома находилась на правомъ берегу Волги, гдѣ нынѣ сельцо Городище, то естественно рождается вопросъ: когда и кѣмъ перенесена Кострома на лѣвый берегъ Волги и на какое именно мѣсто? На этотъ вопросъ такъ же, какъ и на первый, не находимъ отвѣта въ лѣтописяхъ. Если бы это перенесеніе сдѣлалъ Юрій Долгорукій, то лѣтописцы непремѣнно упомянули бы объ этомъ, какъ упомянули они о перенесеніи Юріемъ Долгорукимъ на новое мѣсто Переяславля Залѣсскаго, или, по крайней мѣрѣ, въ настоящее время можно бы было отыскать гдѣ-нибудь въ Костромѣ

хотя слабые намеки на это, напр. въ названіяхъ старинныхъ церквей или придѣловъ при нихъ, при сооруженіи или устроеніи городовъ, устраиваемыхъ часто князьями въ честь своего ангела, какъ въ Юрьевцѣ Поволжскомъ, основанномъ Юріемъ Всеволодовичемъ, была сооружена имъ церковь св. Георгія, или во Владимірѣ губернскомъ доселѣ есть древняя Георгіевская церковь, сооруженная княземъ Юріемъ Долгорукимъ. Въ Юрьевѣ Польскомъ есть древній Георгіевскій соборъ. Въ Костромѣ не открыто покуда слѣдовъ отъ построекъ Юрія Долгорукаго и нѣтъ данныхъ приписывать этому князю переселеніе или устроеніе г. Костромы на настоящемъ его мѣстѣ. Въ лѣтописяхъ, повторяемъ, Кострома упоминается въ первой четверти XIII вѣка при разсказѣ объ усобицѣ между сыновьями князя Всеволода, Константиномъ и Юріемъ, изъ-за великокняжескаго владимірскаго стола, отданнаго отцомъ ихъ второму сыну Юрію за непослушаніе Константина, который не поѣхалъ во Владиміръ и требовалъ Владиміра въ придачу къ Ростову, гдѣ онъ княжилъ. Когда сѣлъ на владимірскій столъ Юрій, Константинъ началъ замышлять рать противъ брата. Юрій съ другими братьями идетъ на Константина къ Ростову. Тогда Константинъ послалъ полкъ свой на Кострому. Кострома была выжжена, а жители ея были уведены въ плѣнъ въ Ростовъ. Вотъ первое упоминаніе въ лѣтописяхъ о Костромѣ, въ однихъ подъ 1213, въ другихъ подъ 1214 г. Въ нѣкоторыхъ очеркахъ исторіи Костромы говорится, что будто о Костромѣ и Галичѣ упоминаетъ Карамзинъ во время княженія великаго князя владимірскаго Всеволода Георгіевича (сына Юрія Долгорукаго и брата Андрея Боголюбскаго) между 1176—1212 гг. Карамзинъ нигдѣ не упоминаетъ ясно объ этихъ городахъ. Не извѣстно опредѣленно о какихъ городахъ говоритъ онъ, слѣдуя неопредѣленному лѣтописному сказанію о томъ, что Всеволодъ, призвавъ къ себѣ старшаго сына Константина изъ Новгорода, далъ ему въ удѣлъ Ростовъ съ пятью городами. Нѣкоторые очерки исторіи Костромы въ число этихъ пяти городовъ непремѣнно хотятъ помѣстить Кострому и Галичъ, но на какомъ основаніи, не извѣстно. Мы не допускаемъ въ числѣ этихъ пяти городовъ, приданныхъ Константину къ Ростову, Костромы и Галича. Князь Всеволодъ выдѣлилъ Константину изъ Ростовско-Суздальской земли значительную часть, почти половину, лежащую на сѣверо-западѣ. Юго-восточная половина составила собственно Владиміро-Суздальскую область. Пять городовъ, приданныхъ Константину къ Ростову, были, вѣроятнѣе тѣ, которые находились въ сѣверо-западной части Ростовско-Суздальской земли, а именно: Ярославль, Бѣлозерскъ, Углече поле, Кснятинъ (Константинъ) и или городокъ на Мологѣ или еще какой-нибудь изъ приволжскихъ городковъ, о существованіи которыхъ мы знаемъ изъ сказанія Тверской лѣтописи подъ 1149 г.: „пойде князь Изяславъ на своего дядя Юрія Володимерыча Долгорукаго къ Суздалю и Ростову за Новгородскую обиду и съ нимъ братъ его Ростиславъ съ Смоляны и Новгородцы и Псковичи и Корѣляне, и совокупишася на Волгѣ на устьи Медвѣдицы, и поидоша къ Снятину (т.-е. Кснятину Константину) и къ Углечю полю и къ Молозѣ и много воеваша людей Юрьевыхъ, даже и до Ярославля по Волгѣ и взяша шесть городовъ и воюючи и жгучи“. Итакъ отъ Кснятина до Ярославля включительно по Волгѣ взято было шесть городовъ. Изъ этихъ шести четыре и съ присоединеніемъ къ нимъ Бѣлозерска — пять городовъ и были приданы Константину къ Ростову. Кострома и Галичъ оставались во владѣніи князя Влади-

мірскаго и Кострома, вѣроятно, находилась близъ границы областей Ростовской и Владиміро-Суздальской. Это очевидно и изъ сказаній лѣтописныхъ о посылкѣ княземъ Константиномъ на Кострому полка своего, который сжегъ ее. Если бы Кострома входила въ область Ростовскую Константина, то какая была бы цѣль жечь ему свой городъ? Очевидно въ этомъ фактѣ выразилась его месть и злоба по отношенію къ брату Юрію. Въ лѣтописцѣ Переяславскомъ сказано такъ объ этомъ походѣ: „отъ я (Константинъ) у Гюргя соль Великую, а Кострому пожже, у Ярославля отья Нерехту". Очевидно, что здѣсь разграничиваются владѣнія Юрія и брата его Ярослава и притомъ лѣтописецъ точно указываетъ, что у Юрія было взято только и что сожжено. Кстати замѣтимъ здѣсь, что въ этомъ сказаніи лѣтописи въ первый разъ упоминается о Нерехтѣ. (Названіе города, очевидно, измѣненное Мерехта, т.-е. мерянскій городъ). Изъ приведенныхъ доводовъ съ очевидностію заключаемъ, что Кострома и Галичъ входили въ составъ Владиміро-Суздальской области, а не Ростовской, какъ то неправильно говорится въ очеркахъ исторіи Костромы, и что Карамзинъ не могъ разумѣть въ числѣ пяти городовъ, приданныхъ отцомъ, князю Константину, къ Ростову, Костромы и Галича. Рѣшивъ этотъ вопросъ, мы не рѣшили еще перваго вопроса о времени сооруженія Костромы на лѣвомъ берегу Волги и о томъ, кто изъ князей перенесъ ее съ праваго берега на лѣвый. Изъ лѣтописныхъ данныхъ мы можемъ заключить, что Кострома не была значительнымъ городомъ въ VIII вѣкѣ, по крайней мѣрѣ, такимъ значительнымъ, какъ другіе новые города, сооруженные Юріемъ Долгорукимъ. При разсказѣ о нашествіи татаръ на Суздальскую область, бравшихъ и опустошавшихъ города, лѣтописцы не именуютъ Костромы отдѣльно подобно тому, какъ поименовываютъ: Переяславль, Юрьевъ, Дмитровъ, Москву. Не переименовывая всѣхъ незначительныхъ городковъ по Волгѣ, лѣтописцы вообще говорятъ о нихъ: „и по Волгѣ всѣ грады поплѣниши (татары) и до Галича Мерскаго", въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ: „и до Галича володимерскаго". Послѣднимъ выраженіемъ, замѣтимъ кстати, лѣтописецъ точно опредѣляетъ отношеніе Галича къ Владиміру. Галичъ наименованъ здѣсь лѣтописцами потому, что онъ былъ конечнымъ пунктомъ или крайнемъ городомъ района, опустошеннаго татарами. Если во время нашествія татаръ Кострома была незначительнымъ городкомъ по Волгѣ, то слѣдовательно она была изъ числа старыхъ городковъ въ Суздальской землѣ и оставалась еще на правомъ берегу Волги. По нашему мнѣнію и княземъ Константиномъ ростовскимъ была сожжена и татарами взята еще старая Кострома, находившаяся на мѣстѣ нынѣшняго сельца Городища. Нынѣшняя Кострома на лѣвомъ берегу Волги устроена, по нашему мнѣнію, послѣ разгрома Батыя, когда старая Кострома была или сожжена, или разрушена и опустошена татарами. Мнѣніе это наше не произвольное, но подкрѣпляется очевидными данными. Послѣ разгрома Батыева кто обновилъ и успокоилъ землю Суздальскую? Кто возобновлялъ прежніе города и устраивалъ ихъ на новыхъ мѣстахъ? Кто изъ владимірскихъ князей былъ русскимъ Камилломъ? Великій князь владимірскій Ярославъ Всеволодовичъ, сѣвшій на великое княженіе послѣ погибшаго на рѣкѣ Сити брата своего Юрія Всеволодовича. О постройкѣ Ярославомъ Всеволодовичемъ городовъ не только на прежнихъ, но и на новыхъ мѣстахъ послѣ разгрома Батыя мы имѣемъ ясное свидѣтельство лѣтописи Воскресенской (стр. 245):

„Ярославъ Всеволодовичъ по батыевѣ плѣненіи прійде съ дѣтьми своими (на владимірское княженіе) и нача грады, раззоренные отъ Батыя, ставити по своимъ мѣстомъ и на Волгѣ постави градъ и воименова его Тверью по Тверцѣ рѣкѣ, а напереди сего въ томъ мѣстѣ градъ не былъ, и посади на Твери сына своего меньшаго Ярослава и оттолѣ наста великое княженіе Тверское“. Это сказаніе лѣтописецъ приводитъ предъ исчисленіемъ ряда тверскихъ князей и ему нужно было сказать и о началѣ тверскаго княжества. Древняя Тверь, какъ извѣстно, была на лѣвомъ берегу Волги при впаденіи въ нее рѣки Тверцы. О Костромѣ такого прямаго сказанія нѣтъ въ лѣтописяхъ; но фактъ перенесенія Ярославомъ Всеволодовичемъ Твери на новое мѣсто послѣ погрома татарскаго — аналогичный ; то же самое могъ сдѣлать Ярославъ Всеволодовичъ и съ Костромою. Намъ сейчасъ же скажутъ, что аналогія — не убѣдительное доказательство. Это совершенно справедливо. Кромѣ аналогіи, мы въ доказательство нашего мнѣнія о томъ, что Ярославъ Всеволодовичъ перенесъ Кострому на лѣвый берегъ Волги, приведемъ еще одно данное очевидное. Отъ того и затрудненіе въ рѣшеніи нашего вопроса, что на него нѣтъ прямаго отвѣта въ лѣтописяхъ. Приходится изыскивать разныя основанія, прибѣгая и къ домысламъ, основываемымъ, впрочемъ, на фактическихъ данныхъ. Фактическое данное въ этомъ случаѣ то, что древнѣйшая соборная церковь въ Костромѣ, упоминаемая въ лѣтописяхъ, была церковь св. Ѳеодора или въ честь Ѳеодора Стратилата. Замѣтимъ здѣсь, что намъ пришлось отъ одного спеціалиста, современнаго историка, слышать весьма вѣское возраженіе: была ли эта церковь соборною, такъ какъ соборныя церкви въ древней Руси, за исключеніемъ цер. св. Софіи въ Кіевѣ и въ Новгородѣ, были въ честь Господнихъ или Богородичныхъ праздниковъ? — Что древнѣйшая церковь въ Костромѣ св. Ѳеодора была соборною, очевидное доказательство этого имѣемъ въ надписи, на колоколѣ нынѣшней церкви Богоотцовской или собственно Ѳеодоровской же въ честь иконы Ѳеодоровской Божіей Матери, сооруженной на мѣстѣ древней соборной церкви Ѳеодора Стратилата. Надпись эта гласитъ: „вылитъ сей колоколъ въ бывой Ѳедоровской соборъ, а нынѣ къ ружной церкви во имя Пресвятой Богородицы 1794 г. апрѣля 3 дня“. Преданіе о томъ, что соборная церковь св. Ѳеодора въ Костромѣ въ древности находилась на этомъ мѣстѣ, существуетъ и доселѣ, — такъ что этотъ фактъ несомнѣнный. — Мы еще раньше высказаннаго намъ возраженія задались вопросомъ: почему древняя соборная церковь въ Костромѣ была во имя Ѳеодора Стратилата? — Въ исторіи мы имѣемъ нѣсколько примѣровъ тому, что князья русскіе и позднѣе цари, при основаніи или устроеніи новыхъ городовъ, первыя церкви строили въ честь своего ангела. Изъ древней исторіи имѣемъ такіе тому примѣры: Юрій Долгорукій въ новомъ тогда еще городѣ Владимірѣ на Клязьмѣ соорудилъ церковь во имя св. Георгія, которая существуетъ и доселѣ. Въ Юрьевѣ Польскомъ есть древній Георгіевскій соборъ. Великій князь Юрій Всеволодовичъ, построившій Юрьевецъ Поволжскій, соорудилъ на горѣ церковь во имя св. Георгія Побѣдоносца. Михаилъ Александровичъ Тверскій строилъ церкви въ честь Архангела Михаила. Въ новой русской исторіи имѣемъ крупный примѣръ: Петръ Великій въ крѣпости, заложенной имъ на островѣ Люстъ-Эйландѣ, или въ новомъ городѣ Петербургѣ, соорудилъ церковь во имя святыхъ апостоловъ Петра и Павла. — Изъ лѣтописи мы знаемъ, что великій князь

Ярославъ Всеволодовичъ при крещеніи названъ христіанскимъ именемъ Ѳеодора и, конечно, въ честь Ѳеодора Стратилата, такъ какъ онъ родился въ день памяти этого святого, именно 8-го февраля. Вотъ основаніе нашего мнѣнія, что древняя соборная церковь Ѳеодора Стратилата въ г. Костромѣ была сооружена великимъ княземъ Ярославомъ Всеволодовичемъ въ честь своего ангела. Какъ древнѣйшая и первая, можетъ быть, въ началѣ единственная церковь въ Костромѣ, такъ какъ въ лѣтописяхъ упоминается только объ ней одной, она могла быть сооружена при самомъ началѣ города. Слѣдовательно и самый городъ на этомъ мѣстѣ, т.-е. на лѣвомъ берегу Волги и именно при устьѣ р. Костромы могъ быть устроенъ тѣмъ же великимъ княземъ владимірскимъ Ярославомъ Всеволодовичемъ послѣ нашествія Батыя. Что первоначально городъ Кострома на лѣвомъ берегу Волги былъ устроенъ при устьѣ р. Костромы, на это наводитъ насъ во-1-хъ то, что мѣстность эта нѣсколько возвышеннѣе окрестностей, во-2-хъ, по преданію, здѣсь были, кромѣ Ѳеодоровской, и другія церкви. Тѣ данныя, какія намъ покуда удалось найти и сопоставить между собою, наводятъ на весьма вѣроятное предположеніе о томъ, что какъ Тверь, такъ и Кострома устроены на новыхъ мѣстахъ великимъ княземъ Владимірскимъ Ярославомъ Всеволодовичемъ послѣ нашествія Батыя на суздальскую землю и послѣ разоренія татарами старыхъ городовъ Твери и Костромы на противоположныхъ берегахъ Волги. Уступивъ эти города и возобновивъ, можетъ быть, и Галичъ, Ярославъ Всеволодовичъ роздалъ ихъ удѣлами своимъ сыновьямъ: Ярославу Ярославичу далъ Тверь, четвертому сыну Константину — Галичъ и наконецъ самому меньшему, девятому и послѣднему изъ сыновей, Василію, по прозванію Мизинному, далъ въ удѣлъ Кострому въ половинѣ XIII вѣка. Такимъ образомъ въ первой половинѣ XIII вѣка образовались княжества: Тверское, Галицкое и Костромское. Въ лѣтописяхъ, по крайней мѣрѣ, въ первый разъ въ это время являются названія князей: Ярославъ Тверскій, Константинъ Галицкій и Василій Костромскій.

Нашъ взглядъ на начальную исторію о Костромѣ мы можемъ резюмировать въ слѣдующихъ чертахъ: въ началѣ второй половины IX вѣка, въ пору начавшагося сліянія финскихъ племенъ съ славянами, на правомъ берегу Волги, на мѣстѣ нынѣшняго сельца Городища, былъ устроенъ городокъ, который имѣлъ уже смѣшанное населеніе*) изъ мерянъ и славянъ, получившій названіе отъ имени языческаго божества у нашихъ предковъ, Костромы, олицетворявшаго, какъ Купало и Ярило, живительныя силы природы. Можетъ быть, онъ былъ болѣе укрѣпленъ Юріемъ Долгорукимъ, но не устроенъ имъ вновь. Потомъ онъ подвергался двумъ бѣдствіямъ: въ первый разъ былъ сожженъ полкомъ князя Ростовскаго Константина, какъ городъ, принадлежавшій къ волости его брата Юрія и находившійся, по всему вѣроятію, близъ границы ихъ волостей; во второй разъ онъ былъ опустошенъ татарами. Въ разрушенномъ видѣ его и нашелъ Ярославъ Всеволодовичъ, обновитель суздальской земли послѣ разгрома Батыя. Ярославъ Всеволодовичъ, желая возобновить и устроить Кострому, перенесъ ее, по нашему заключенію,

*) О примѣси къ элементу финскому славянской расы еще до начала русскаго государства мнѣніе высказывалось нашими учеными; такъ они предполагаютъ, что и послы къ варягамъ отъ финскихъ племенъ были собственно не финны, а поселившіеся среди нихъ славянскіе колонисты.,

на новое мѣсто, болѣе удобное для сношеній при сліяніи р. Костромы съ Волгой, точно такъ же, какъ перенесъ онъ и Тверь, построилъ въ Костромѣ первую соборную церковь во имя св. великомученика Ѳеодора Стратилата, имя котораго онъ получилъ при крещеніи, и затѣмъ послѣднему, девятому изъ своихъ сыновей, Василію отдалъ Кострому удѣломъ, и съ этого времени, съ половины XIII в., получило начало Костромское княжество, нѣсколькими годами позднѣе Галицкаго, отданнаго Ярославомъ четвертому сыну Константину. Къ этому присоединимъ еще, что прежнее мѣсто Костромы не пришло въ совершенное запустѣніе, но здѣсь, вѣроятно, снова было устроено селеніе въ видѣ городка, существовавшаго и въ началѣ XIV вѣка, на что ясно указываютъ случайно найденныя здѣсь при раскопкѣ поля монеты, относящіяся, по сохранившимся остаткамъ надписей на нихъ, къ XIV в. Высказанный взглядъ на начальную исторію Костромы нашъ личный, какой мы могли установить по даннымъ, имѣвшимся въ нашемъ распоряженіи. Можетъ быть со временемъ найдутся новыя данныя, которыя заставятъ измѣнить этотъ взглядъ. Но это дѣло будущаго. Покуда новыхъ данныхъ нѣтъ.

Со времени образованія Галицкаго и Костромскаго княжествъ идетъ уже вполнѣ ясная и опредѣленная исторія этихъ княжествъ и городовъ по лѣтописямъ, археографическимъ актамъ и преданіямъ. Съ половины XIII в. города Кострома и Галичъ входятъ въ кругъ русской исторіи и имѣютъ въ ней немаловажное значеніе. Галичъ, впрочемъ, получаетъ въ исторіи болѣе важное значеніе, чѣмъ Кострома, и дальше Костромы пользуется самостоятельностію какъ отдѣльное княжество. Въ XIII в. Кострома получаетъ мѣсто въ исторіи во время княжества Василія Костромскаго.

Санкціей для новаго города и новаго княжества Костромскаго послужило явленіе св. иконы Ѳеодоровской Божіей Матери въ началѣ княженія князя Василія Ярославича Костромскаго. Явленіе св. иконы, по преданію, было самому князю, когда онъ находился на охотѣ въ разстояніи одной версты отъ города. Св. икона, составляющая священную древность Костромы, была торжественно внесена въ городъ и поставлена первоначально въ соборной церкви св. Ѳеодора. Вскорѣ начались чудотворенія отъ св. иконы, изъ коихъ одно имѣло и историческое значеніе, когда князь Василій съ этой иконой побѣдилъ татаръ или, вѣроятнѣе, бесерменъ, приходившихъ за данью. Побѣда эта была одержана княземъ Василіемъ при озерѣ, получившемъ отъ того названіе Святаго Вскорѣ князь Василій повелѣлъ соорудить новую соборную церковь въ Костромѣ Успенія Пресвятой Богородицы, такъ какъ древняя соборная церковь св. Ѳеодора предъ тѣмъ сгорѣла, но, икона, какъ повѣствуетъ сказаніе, „невредимою пребысть отъ огня“. Спустя нѣсколько лѣтъ, именно въ 1272 г., по смерти великаго князя Ярослава Ярославича Тверскаго, по праву старшинства, Василій князь Костромскій вступаетъ на великокняжескій Владимірскій столъ. Какъ видно, этотъ князь возлюбилъ Кострому и, сдѣлавшись великимъ княземъ, не поѣхалъ въ стольный городъ Владиміръ, а остался жить въ Костромѣ. Такимъ образомъ Кострома въ теченіе великаго княженія Василія Костромскаго, съ 1272 по 1276 г. включительно, практически была столицей великаго княжества Владимірскаго. Василій занялъ столъ и Новгородскій, уступленный ему послѣ распри племянникомъ его, Димитріемъ Александровичемъ. Время великаго княженія Василія Костромскаго, какъ извѣстно, отличается въ исторіи соборомъ епископовъ, со-

званнымъ въ г. Владимірѣ, съ цѣлію обсудить разные церковные недостатки, для выработки правилъ церковныхъ, изысканія мѣръ къ исправленію и возвышенію нравственности духовенства и къ уничтоженію въ народѣ языческихъ обрядовъ и вѣрованій. Василій Костромскій скончался въ началѣ 1277 г. на 37 году жизни. Онъ торжественно былъ погребенъ въ церкви св. Ѳеодора, въ которой и былъ вѣнчанъ. Послѣ пожара церковь св. Ѳеодора, очевидно, была возобновлена. Впрочемъ нужно сказать, что мѣсто погребенія князя Василія доселѣ остается неизвѣстнымъ, то-есть неизвѣстно, въ какой именно церкви св. Ѳеодора онъ погребенъ, такъ какъ, кромѣ древней церкви св. Ѳеодора, была устроена княземъ Василіемъ придѣльная церковь во имя св. Ѳеодора Стратилата въ новой соборной церкви Успенія. Вѣрнѣе, все-таки, кажется, полагать, что онъ погребенъ въ древней возобновленной послѣ пожара соборной церкви св. Ѳеодора. Послѣ Василія Костромскаго Кострома непродолжительное время была самостоятельнымъ княжествомъ; поэтому было немного и Костромскихъ князей. Гораздо важнѣе въ этомъ отношеніи былъ Галичъ. Князь Василій Костромскій, по всему вѣроятію, не имѣлъ сыновей и потому послѣ его смерту Кострома переходитъ въ непосредственное владѣніе великаго князя Владимірскаго. Въ Галичѣ же княжатъ преемственно сыновья князя Константина Галицкаго, Давидъ и Василій. Во время усобицы сыновей Александра Невскаго, Димитрія и Андрея, Кострому получаетъ въ удѣлъ сынъ Димитрія, Іоаннъ Дмитріевичъ, который вскорѣ послѣ смерти отца своего получилъ въ удѣлъ свой родовой Переяславль, а въ Костромѣ, спустя нѣсколько лѣтъ, именно въ 1299 г. или въ 1300 сѣлъ сынъ Андрея Александровича Борисъ, княжившій въ Костромѣ до 1303 г. Только трое было самостоятельныхъ князей въ Костромѣ. Можно еще присоединить четвертаго, неудачно вокняжившагося здѣсь князя Бориса Даниловича, котораго прислалъ въ Кострому братъ его, князь Юрій Даниловичъ, начавшій знаменитую борьбу изъ-за великаго княженія съ княземъ Тверскимъ Михаиломъ Ярославичемъ. Такъ какъ Кострома была на сторонѣ Михаила Тверскаго, то Костромичи схватили князя Бориса и отправили его въ Тверь и при этомъ казнили нѣкоторыхъ бояръ, передавшихся Юрію. Юрій примирился было съ Михаиломъ у Костромы, но потомъ снова началъ борьбу, кончившуюся, какъ извѣстно, трагически мученическою смертію князя Михаила въ Ордѣ по наущенію князя Юрія Московскаго. Послѣдній получаетъ ярлыкъ отъ хана на великое княженіе — и Кострома волей-неволей подчиняется ему. По смерти Юрія Московскаго великимъ княженіемъ завладѣваетъ братъ его Іоаннъ Даниловичъ Калита; также послѣ борьбы съ Тверскимъ княземъ Москва становится стольнымъ городомъ и Кострома переходитъ во владѣніе Іоанна Калиты, великаго князя Московскаго, какъ городъ великокняжескій. Съ этого времени въ исторіи Костромы наступаетъ періодъ Московскій послѣ Владимірскаго. Въ началѣ княженія Іоанна Калиты, именно въ 1333 г. близъ Костромы, татарскимъ мурзой Четою, въ христіанствѣ получившемъ имя Захаріи, предкомъ Годуновыхъ, на мысу, близъ впаденія р. Костромы въ Волгу, былъ построенъ Ипатьевскій монастырь въ память явленія здѣсь Чету во снѣ Божіей Матери съ священномученикомъ Епископомъ Гаггрискимъ Ипатіемъ и съ святымъ апостоломъ Филиппомъ. Іоаннъ Калита купилъ у одного изъ потомковъ Константина Галицкаго г. Галичъ, какъ видно это изъ завѣщанія Димитрія Донскаго, но по смерти Калиты князья, по-

томки Константина, снова возвратили Галичъ, и онъ такимъ образомъ снова становится самостоятельнымъ княжествомъ, но ненадолго. Димитрій Донской, изгнавъ князя Димитрія изъ Галича, завладѣлъ послѣднимъ. Кострома въ это время терпѣла отъ нападеній ушкунцевъ новгородскихъ, которые разграбляли ее. За эти своевольства князь Димитрій Ивановичъ предпринималъ походъ на Новгородъ и взялъ съ Новгородцевъ большую пеню. Въ княженіе Димитрія Донскаго Костромичи участвуютъ подъ предводительствомъ воеводы Ивана Родіоновича Квашни въ Куликовской битвѣ, въ которой погибло, по сказаніямъ, до 20 костромскихъ бояръ. Во время нашествія Тохтамыша и Эдигея на Москву, Кострома, какъ городъ великокняжескій и безопасный по своему положенію, укрывалъ внутри себя великаго князя Димитрія Донскаго и его преемника, сына Василія Дмитріевича, соорудившаго въ 1410 г. городъ Плесъ, какъ оплотъ противъ набѣговъ татаръ. Въ 1413 г. Кострома была опустошена пожаромъ, истребившимъ до 30 церквей. Отсюда мы заключаемъ, что въ XV вѣкѣ Кострома была уже большимъ городомъ. Вскорѣ постигли Кострому и другія бѣдствія: моровое повѣтріе и голодъ. Димитрій Донской далъ своему сыну Юрію удѣлы: Звенигородъ и Галичъ. Юрій Дмитріевичъ поднимаетъ знаменитую послѣднюю усобицу въ Рюриковомъ домѣ изъ-за нарушенія правъ старшинства на великокняжескій столъ, когда братъ его Василій Дмитріевичъ благословилъ на великое княженіе своего старшаго сына Василія Васильевича, прозваннаго впослѣдствіи Темнымъ. Во время этой усобицы, продолженной и сыновьями Юрія, Василіемъ Косымъ и Димитріемъ Шемякой, князьями Галицкими, Галичъ вмѣстѣ съ Костромою занимаетъ въ русской исторіи видное мѣсто. Походы князей совершались чрезъ Кострому. Во время одного похода князь Московскій Василій былъ взятъ въ плѣнъ княземъ Юріемъ и, въ видѣ особой милости, отпущенъ изъ плѣна и получилъ въ удѣлъ Коломну. Великимъ княземъ сѣлъ князь Галицкій Юрій Дмитріевичъ, но ненадолго. Его положеніе въ Москвѣ было непрочно, когда служилые люди оставили его и перешли на сторону Василія Васильевича. Князь Юрій отступился отъ великаго княженія въ пользу племянника и самъ ушелъ опять въ свой Галичъ. Борьба между дядей и племянникомъ вскорѣ снова возгорѣлась вслѣдствіе измѣны князя Галицкаго. Великій князь Василій пошелъ ратью къ Галичу, взялъ и сжегъ его. Князь Юрій отомстилъ великому князю, разбилъ его вскорѣ въ Ростовской области, потомъ взялъ Москву и снова сѣлъ на великое княженіе. Великій князь Василій, бѣжавшій было въ Новгородъ, возвратился оттуда — и борьба опять возобновилась. Вскорѣ умеръ князь Юрій Дмитріевичъ. Послѣ него борьбу продолжали съ великимъ княземъ Василіемъ сыновья Юрія. На великомъ княженіи Московскомъ сѣлъ сынъ Юрія, Василій Косой, но вскорѣ и онъ долженъ былъ оставить Москву, которую опять занялъ Василій Васильевичъ. Василій Косой прибылъ въ Кострому и, собравъ здѣсь рать, двинулся на великаго князя къ Москвѣ, но былъ разбитъ послѣднимъ. Недолго спустя Косой опять пошелъ ратью къ Костромѣ. Великій князь принужденъ былъ итти противъ него. Обѣ рати расположились на противоположныхъ берегахъ р. Костромы при устьи ея. Впрочемъ боя не послѣдовало — и соперники заключили миръ, по которому Василій Васильевичъ удержалъ за собой великое княженіе. Косой затаилъ злобу на великаго князя и опять начинаетъ борьбу съ нимъ. Наконецъ Косой

былъ взятъ въ плѣнъ великимъ княземъ, отправленъ въ Москву и ослѣпленъ. Послѣ Косаго въ Галичъ сѣлъ братъ его Димитрій Красный, вскорѣ скончавшійся здѣсь. Послѣ него Галичъ переходитъ во владѣніе его брата Димитрія Шемяки, князя Углицкаго и управляется его намѣстниками. Шемяка замыслилъ овладѣть великимъ княженіемъ и схватить великаго князя Василія. Замыселъ вполнѣ удался. Клевреты Шемяки нашли удобный случай схватить великаго князя въ Троицкомъ монастырѣ, и великій князь былъ ослѣпленъ и сосланъ въ Угличъ. Великимъ княземъ московскимъ сѣлъ Димитрій Шемяка. По ходатайству митрополита Іоны, князь Василій Васильевичъ Темный былъ освобожденъ Шемякою изъ Углича и получилъ въ удѣлъ Вологду. Въ Москвѣ, между тѣмъ, была сильная партія, державшая сторону князя Василія; Шемяка же былъ ненавидимъ народомъ, особенно за несправедливость. Князь Василій, при помощи своихъ приверженцевъ, завладѣваетъ скоро Москвою, а Шемяка бѣжитъ сначала въ Галичъ. Когда всѣ усилія склонить Шемяку къ примиренію оказались тщетны, великій князь Василій пошелъ на него ратью къ Галичу, но дошелъ только до Костромы, гдѣ Шемяка заключилъ миръ съ великимъ княземъ. Впрочемъ миръ былъ непродолжителенъ. Шемяка съ большою ратью подступилъ къ Костромѣ, какъ городу великокняжескому, долго бился подъ Костромою съ войсками великаго князя или великокняжескою заставою, но взять городъ не могъ. Тогда великій князь снова выступилъ въ походъ противъ Шемяки. Въ 1450 году, января 27, произошла подъ Галичемъ знаменитая битва великаго князя Василія Темнаго съ Димитріемъ Шемякой. Шемяка былъ разбитъ на-голову и бѣжалъ въ Новгородъ, гдѣ вскорѣ и погибъ отъ отравы. Мы кратко изложили ходъ этой знаменитой усобицы изъ-за великаго княженія, указавъ тѣ моменты ея, въ которые занимаютъ видное мѣсто въ исторіи города Кострома и Галичъ. — Въ XV вѣкѣ Галичъ и Кострома много терпѣли бѣдствій отъ набѣговъ казанскихъ татаръ, противъ которыхъ великій князь Іоаннъ III предпринималъ походы, для отмщенія имъ за набѣги. Во второй половинѣ XV вѣка и первой XVI-го Кострома и Галичъ не имѣютъ важнаго значенія въ русской исторіи. Набѣги казанскихъ татаръ на костромскіе и галицкіе предѣлы продолжались и вызывали со стороны правительства необходимость строить новые города или укрѣпленія противъ нихъ, какъ, напримѣръ, Буй и Кадый (нынѣ Костромской губерніи). Костромичи предпринимали походы противъ Казанцевъ и нерѣдко разбивали ихъ. Особенно прославилъ свое имя въ исторіи побѣдой надъ Казанцами при р. Язовкѣ костромской воевода Яковлевъ. Въ царствованіе Іоанна Грознаго Галичъ въ числѣ нѣкоторыхъ другихъ городовъ какъ напримѣръ, Чухломы, Унжи и Юрьевца, былъ назначенъ для содержанія опричнины. Въ послѣдующія царствованія за царствованіемъ Іоанна Грознаго Кострома и Галичъ рѣдко упоминаются въ исторіи. Въ царствованіе Бориса Годунова отмѣтимъ фактъ преслѣдованія имъ бояръ Романовыхъ, которыхъ Годуновъ считалъ для себя опасными соперниками. По ложнымъ обвиненіямъ въ злоумышленіи противъ царя, Романовы были сосланы въ отдаленныя мѣста, но вскорѣ сестру Ѳедора Никитича, дѣтей его и сноху Борисъ велѣлъ перевести въ Юрьевецкій уѣздъ (нынѣ Костромской губерніи) въ ихъ вотчину село Клинъ. Здѣсь отрокъ Михаилъ, будущій вѣнценосецъ Россіи, лишенный отца и матери, на попеченіи родственниковъ дожилъ до смерти Борисовой. Въ концѣ

царствованія Бориса, какъ вѣнецъ бѣдствій, постигшихъ тогда Россію, является первый самозванецъ. Кто былъ онъ? Откуда происходилъ и чья была креатура? Эти вопросы доселѣ еще не рѣшены окончательно. Слѣдуя вполнѣ вѣроятнымъ сказаніямъ русскихъ лѣтописей и свидѣтельству актовъ, нужно допустить, что первый лже-Димитрій былъ бѣглый монахъ Григорій, уроженецъ гор. Галича, происходившій изъ мелкихъ служилыхъ дворянъ, жившихъ въ предѣлахъ Галича, именно изъ рода дворянъ Отрепьевыхъ. Вопросъ о происхожденіи перваго самозванца требуетъ спеціальнаго изслѣдованія. Мы упоминаемъ о немъ здѣсь потому, что, по свидѣтельству русскихъ источниковъ, 1-й самозванецъ имѣетъ самое близкое отношеніе къ г. Галичу, какъ его уроженецъ. Въ пригородьи Галицкіе 1-мъ самозванцемъ были сосланы трое князей Шуйскихъ: Василій, Димитрій и Иванъ. Настунило царствованіе Василія Шуйскаго. Приближенные къ 1-му самозванцу были сослапы: Вишневецкій въ Кострому, нѣкоторые въ Галичъ. Вскорѣ явился второй самозванецъ, старавшійся насиліемъ и лестью привлечь къ себѣ города. Городъ за городомъ сдались ему. Въ числѣ ихъ были Кострома и Галичъ. Кинешма была подчинена силою *). Въ Юрьевцѣ поволжскомъ собрались дружины, вѣрныя Василію Шуйскому, и съ сотникомъ Ѳедоромъ Краснымъ и изъ Рѣшмы съ крестьяниномъ Григоріемъ Лапшею пошли къ г. Луху. Побивъ здѣсь литовскихъ людей, они пошли къ Шуѣ. Царь Василій Шуйскій разсылаетъ по городамъ грамоты, увѣщевая гражданъ отступить отъ самозванца и опять быть вѣрными ему. Призыву царя откликнулись города — и изъ нихъ Кострома и Галичъ. Тогда изъ стана самозванца выступили отряды поляковъ для усмиренія возставшихъ городовъ. Изъ предводителей отрядовъ особенно извѣстенъ Лисовскій, опустошившій Кострому въ 1608 г.; Галичъ въ 1609 г. также былъ взятъ тушинцами. Нѣсколько разъ Костромскія и Галицкія мѣста подвергались въ это время опустошенію отъ поляковъ и литовцевъ; — сраженія происходили и на улицахъ Костромы, когда пришли для освобожденія Костромы, и другихъ городовъ отъ поляковъ вѣрныя дружины сѣверныхъ городовъ. Поляки, потерпѣвъ пораженіе въ Костромѣ, заперлись въ Ипатьевскомъ монастырѣ и вотъ началась осада Ипатьевскаго монастыря воеводой царскимъ Давидомъ Жеребцовымъ. Тщетно Лисовскій, прибывъ изъ подъ Юрьевца нагорной стороной, пытался подать помощь полякамъ и русскимъ мятежникамъ, осажденнымъ въ Ипатьевской обители. Потерпѣвъ пораженіе отъ стрѣльбы съ Костромского кремля, Лисовскій съ яростью устремился отъ Костромы къ Троице-Сергіевой лаврѣ. Тогда предводитель поляковъ, Вельяминовъ, сдалъ Ипатьевскій монастырь воеводѣ Жеребцову. По свержепіи Василія Шуйскаго бѣдствія смутнаго времени еще болѣе усилились. Москва и Россія были наводнены поляками. Тогда города начали пересылаться грамотами, призывая другъ друга итти противъ враговъ. Въ Костромѣ съ воеводой Волконскимъ и въ Галичѣ собрались ополченія для очищенія Москвы отъ поляковъ. Но между вождями ополченій разныхъ городовъ не было единодушія и рати долгое время бездѣйствовали подъ Москвой. Накопенъ, по призыву Троицко-Сергіевой лавры, въ Нижнемъ-Новгородѣ составилось ополчепіе подъ предводительствомъ князя Пожарскаго и

*) О Кинешмѣ упоминается въ лѣтописяхъ въ 1-й разъ въ XV вѣкѣ.

гражданина Козьмы Минина, которое и двинулось къ Москвѣ по Волгѣ. Кострома имѣла счастіе встрѣчать это ополченіе и, снабдивъ его деньгами и всѣмъ нужнымъ, съ честью проводила его къ Ярославлю. Нижегородское ополченіе вмѣстѣ съ казаками очистило Московскій кремль отъ поляковъ, съ которыми томились тамъ юный бояринъ Михаилъ Ѳеодоровичъ съ матерью своею инокинею Марѳою. Вслѣдъ затѣмъ Михаилъ Ѳеодоровичъ съ матерью отправились въ свою Костромскую Домнинскую вотчину, гдѣ и жили до того времени, когда крестьянинъ Домнинской волости Иванъ Сусанинъ извѣстилъ ихъ объ угрожавшей имъ опасности отъ поляковъ. Сусанинъ заведя поляковъ въ противоположную отъ Домнина сторону, въ глухое Исупово болото, погибъ здѣсь мученически. Михаилъ Ѳеодоровичъ съ матерью скрылись тѣмъ временемъ въ Ипатьевскую обитель. Сюда вскорѣ прибыло многочисленное посольство изъ Москвы съ предложеніемъ Михаилу Ѳеодоровичу царскаго вѣнца. Послѣ долгаго колебанія со стороны матери Михаила Ѳеодоровича, инокини Марѳы, предложеніе наконецъ было принято, и Михаилъ Ѳеодоровичъ въ первый разъ возсѣлъ на стулѣ царскомъ и пріялъ въ руку жезлъ царскій въ Ипатьевской обители 14 марта 1613 г. Мы кратко обрисовали ходъ исторіи Костромы и Галича до царствованія Михаила Ѳеодоровича, но дальнѣйшая ихъ исторія еще бѣднѣе.

„Что желательно для русской исторической географіи?“

Д. И. Багалѣя.

Настоящее сообщеніе затрогиваетъ вопросъ, поставленный для обсужденія на Съѣздѣ проф. Н. А. Поповымъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что почтенный Директоръ Московскаго Архива Мин. Юст. разсмотрѣлъ бы его гораздо полнѣе и обстоятельнѣе меня. Изъ разговора съ нимъ я вывелъ заключеніе, что онъ желалъ обратить вниманіе членовъ Съѣзда на настоятельную потребность разработки русской исторической географіи за XV—XVIII стол., для чего считалъ необходимымъ привести въ извѣстность весь относящійся сюда матеріалъ какъ печатный, такъ и рукописный. Къ сожалѣнію, онъ не успѣлъ получить свѣдѣній о тѣхъ матеріалахъ, которые, по его предположенію, должны были храниться въ Императорскомъ Русскомъ Геогр. Обществѣ, и потому отложилъ свое сообщеніе на будущее время. Но такъ какъ возбужденіе этого вопроса на Съѣздѣ, гдѣ присутствуютъ и представители ученыхъ центровъ и провинціальные ученые, по моему мнѣнію, является крайне желательнымъ, (въ особенности въ виду открытія въ русскихъ университ. каѳедры географіи), то я рѣшился выступить здѣсь съ своимъ небольшимъ рефератомъ, единственнымъ достоинствомъ котораго будетъ только, по всей вѣроятности, его краткость.

Я не могу, къ сожалѣнію, долго останавливаться на тѣхъ пробѣлахъ, которые существуютъ въ научной разработкѣ русской исторической географіи; замѣчу только, что древній періодъ (до XV в.) разработанъ гораздо лучше послѣдующихъ — Московскаго и Императорскаго. И здѣсь, правда, многое оказывается неизвѣстнымъ, другое — не яснымъ, третье — не вѣрно разъясненнымъ; но преградой къ дальнѣйшей разработкѣ является скудость источниковъ, восполнить которую нечѣмъ; необходимо довольствоваться наличнымъ запасомъ данныхъ и стараться изучить ихъ возможно полнѣе и обстоятельнѣе. Мы имѣемъ прекрасную обработку историко-географическихъ матеріаловъ нашей древней лѣтописи въ извѣстномъ трудѣ профес. варшав. универс. Барсова („Очерки Русской Истор. геогр. Географія начал. лѣтоп.“). Но нельзя не пожалѣть, что эта работа не продолжена, и что такимъ образомъ не разсмотрѣны

областныя лѣтописи XII — XIV в. Работа И. Д. Бѣляева („О геогр. свѣд. въ древ. Руси“) устарѣла и не удовлетворяетъ современнымъ требованіямъ науки. Затѣмъ нельзя не пожелать, чтобы кто-нибудь исполнилъ аналогичную работу по отношенію къ иностраннымъ писателямъ о древней Руси, такъ какъ трудъ Аделунга отличается преимущественно библіографическимъ характеромъ. Работа эта потребуетъ много труда, критическаго таланта, начитанности, зато и результаты могутъ получиться весьма важные. Вопросы о нашихъ инородцахъ и о характерѣ колонизаціи разсмотрѣны болѣе или менѣе обстоятельно въ сочиненіяхъ гг. Иловайскаго, Корсакова, Голубовскаго и др., и теперь, можетъ быть, слѣдовало бы сдѣлать уже общую сводку. Таковы наши пожеланія относительно географіи древней Княжеской Руси.

Несравненно больше нужно сдѣлать для Московскаго и Императорскаго періода нашей исторіи. Намъ предстоитъ изучить и территорію Московскаго государства и его этнографію. До сихъ поръ какъ въ томъ, такъ и въ другомъ отношеніи сдѣлано очень мало. Необходимо познакомиться не только съ этнографическими особенностями русскаго племени, но и съ бытомъ инородцевъ и ихъ отношеніями къ намъ. Необходимо прослѣдить исторію постепеннаго распространенія русскаго государства въ связи съ исторіей русской колонизаціи.

Если теперь мы припомнимъ, что сдѣлано въ литературѣ по всѣмъ этимъ вопросамъ, то прійдемъ къ очень печальнымъ заключеніямъ. Есть хорошія работы, но ихъ, къ сожалѣнію, очень не много. На первомъ планѣ нужно поставить не такъ давно вышедшее въ свѣтъ сочиненіе проф. Е. Е. Замысловскаго („Герберштейнъ и его Ист.-геогр. свѣд.“), которое представляетъ такую же важность для Московскаго періода, какъ книга проф. Барсова для древняго Княжескаго. Содержаніе его шире заглавія: въ немъ мы находимъ обозрѣніе извѣстій всѣхъ важнѣйшихъ иностранцевъ, писавшихъ о Московіи въ XV—XVI стол. Анализъ сочиненій этихъ иностранцевъ далъ возможность проф. Замысловскому представить географическія условія быта Москвы и ея областей. Можно только пожелать, чтобы работа проф. Замысловскаго нашла себѣ продолжателей, чтобы такимъ же образомъ были анализированы сказанія иностранцевъ XVII — XVIII в. Не менѣе, если не болѣе, еще необходимо систематически изучить источники туземные — лѣтописи, акты и т. п. Между тѣмъ до сихъ поръ не изученъ самый важный русскій источникъ, заключающій въ себѣ исключительно географическія свѣдѣнія о Московскомъ государствѣ XVII в. — я разумѣю всѣмъ извѣстную книгу Большаго чертежа. Было бы очень полезно вновь издать*) этотъ памятникъ и изслѣдовать его на основаніи появившихся за послѣднія 40 лѣтъ истор.-геогр. матеріаловъ, такъ какъ комментаріи прежнихъ издателей во многомъ теперь оказываются несостоятельными и могутъ быть исправлены и дополнены при помощи мѣстныхъ топографическихъ данныхъ; тогда только можно будетъ опредѣлить всѣ тѣ мѣстности, которыя упоминаются въ книгѣ Чертежа, какъ это удалось сдѣлать

*) При этомъ новомъ изданіи долженъ быть принятъ во вниманіе списокъ книги Большаго чертежа, хранящійся въ библіотекѣ покойнаго графа А. С. Уварова, а также нѣкоторые ист.-геогр. матеріалы, хранящіеся въ архивѣ Мин. Юстиціи.

г. Огородникову относительно сѣверной Россіи и мнѣ — относительно Донецкаго бассейна*). Но и кромѣ книги Большаго чертежа найдется не мало памятниковъ, которые имѣютъ важное историко-географ. значеніе (напр. хожденіе въ Крымъ Тяпкина и Зотова въ 1681 г.) и требуютъ научнаго изслѣдованія. Больше всего работъ посвящено исторіи колонизаціи. Здѣсь мы имѣемъ почтенные труды гг. Фирсова, Перетятковича, Ядринцева, Соколовскаго, Скальковскаго и др., но несмотря на это, мы все-таки еще далеки отъ рѣшенія вопроса о характерѣ русской колонизаціи этого времени *вообще*. Только тогда удастся намъ рѣшить его во всей полнотѣ, когда мы будемъ имѣть исторію заселенія всѣхъ важнѣйшихъ областей нашего государства, а теперь работа только что началась.... Намъ нужно будетъ имѣть обстоятельную исторію заселенія Сибири въ связи съ этнографіею инородческаго ея заселенія; намъ мало извѣстна даже исторія колонизаціи С.-В. Европейской Россіи; то же самое нужно сказать о нашемъ Ю.-В., Ю. и Ю.-З. пограничныхъ — Уралѣ, Кубани, Донѣ, Новороссіи, правобереж. и лѣвобереж. Украйнахъ. Что касается XVIII в., то о немъ нечего и говорить: такъ мало еще сдѣлано для этого періода и такъ много предстоитъ сдѣлать впереди. Наконецъ, необходимо задаться цѣлью систематическаго изученія исторической этнографіи инородцевъ, именно тѣхъ, которые имѣли значительное вліяніе на нашу историческую жизнь. Это, напр., нужно сказать о татарахъ. Является настоятельная потребность въ изученіи татарско-русскихъ отношеній въ XVI—XVIII стол.; эта потребность, очевидно, чувствуется многими; это ясно видно изъ того, что въ настоящее время Императорское Рус. Истор. Общ. издало цѣлый томъ документовъ (подъ редакціей Г. Ѳ. Карпова), разъясняющихъ намъ отношенія Татаріи къ Московскому государству въ XV и отчасти XVI стол. И дѣйствительно, чѣмъ внимательнѣе изучаешь относящіеся сюда источники, тѣмъ яснѣе представляется важная роль татарскихъ ордъ въ нашей исторіи XVI — XVII в.

Все нами сказанное относится къ предѣламъ древней Руси и Московскаго государства; но мы не должны также игнорировать той Руси, которая съ XIV в. и даже раньше стала мало-по-малу переходить подъ власть Вел. Кн. Литов. и сдѣлалась источникомъ его политическаго могущества и культурнаго значенія. Я говорю о Малой и Бѣлой Руси, которыя сохранили неприкосновеннымъ драгоцѣннѣйшее наслѣдіе прошлаго — свою вѣру и народность. И вотъ намъ предстоитъ рѣшить вопросъ о томъ: каковы были географическіе предѣлы территоріи, занятой русскимъ народомъ въ исторической Польшѣ, а этотъ вопросъ самымъ тѣснымъ образомъ связанъ съ другимъ — кто былъ истиннымъ колонизаторомъ опустошенной во время Батыева нашествія южной Руси. Правда, польскіе историки на этотъ вопросъ даютъ опредѣленный отвѣтъ — они заявляютъ, что эту цивилизаторскую миссію выполнили поляки; но едва ли такое мнѣніе соотвѣтствуетъ исторической дѣйствительности; по крайней мѣрѣ въ этомъ заставляютъ насъ усомниться документальныя данныя — только-что изданные Кіевскою врем. коммис. акты о колонизаціи Ю.-З. края и напечатанныя раньше польскимъ

*) См. мои «Очерки изъ исторіи колониз. и быта степ. окр. моск. госуд.», стр. 21, 23, 24, 25.

историкомъ г. Яблоновскимъ иллюстраціи королевскихъ замковъ (самъ Яблоновскій впрочемъ дѣлаетъ изъ нихъ совсѣмъ иные выводы). Не менѣе важно для насъ и историко-этнографическое изученіе южно-русской и бѣлорусской народностей; намъ нужно изучить и опредѣлить тѣ особенности ихъ, которыя выработались всею совокупностію историческихъ обстоятельствъ и географическихъ условій мѣстности, а не однимъ только польскимъ вліяніемъ, какъ утверждаютъ нѣкоторые. Поставивъ цѣлію своею изученія *всю* Русь, мы не оставимъ, конечно, безъ вниманія и Галицкой Руси и будемъ продолжать историко-географическія работы, начатыя почтенными дѣятелями ея Я. Ѳ. Головацкимъ и др..

Таковы важнѣйшія desiderata, которыя можно высказать относительно дальнѣйшей разработки русской исторической географіи. Главное вниманіе мы должны обратить, какъ видно отсюда, на Московско-литовскій періодъ нашей исторіи. Но для того, чтобы получить дѣйствительно важные результаты, необходимо приступить къ *систематическому изученію* того громаднаго историко-географ. матеріала, который еще не изданъ и находится въ нашихъ архивахъ и др. хранилищахъ рукописей. Изслѣдователь историко-географическихъ вопросовъ часто не можетъ себѣ составить и приблизительнаго понятія о томъ, что онъ найдетъ въ томъ или другомъ архивѣ. Знали ли всѣ мы, до изданія прекрасной книги Н. Н. Оглоблина*), сколько драгоцѣнныхъ документовъ по русской исторической географіи находится въ архивѣ Мин. Юст.! Знали ли мы, что въ однѣхъ книгахъ Разр. архива мы найдемъ богатѣйшій матеріалъ, заключающій въ себѣ топографическія свѣдѣнія о городахъ, описаніе рубежей и уѣздныхъ населенныхъ мѣстъ, данныя объ естественныхъ произведеніяхъ и гидрографіи, а также о статистикѣ населенія разныхъ областей Московскаго государства. А между тѣмъ и теперь еще остаются не описанными столбцы Разр. архива, въ которыхъ мы найдемъ не меньше, а, можетъ быть, еще больше подобныхъ данныхъ. По крайней мѣрѣ, мнѣ самому пришлось извлечь немало ихъ изъ не описанныхъ Н. Н. Оглоблинымъ столбцовъ Бѣлгородскаго стола; а сколько ихъ заключается еще въ Московскомъ, Владимірскомъ столѣ и т.-д.? Мало того: Разрядный архивъ составляетъ только небольшую часть архива Юстиціи. Писцовыя и др. переписныя книги хранятся въ другомъ отдѣленіи Архива, точно такъ же какъ и сенатскія дѣла. Необходимо сдѣлать обозрѣніе ихъ на манеръ „Обозрѣнія“ Н. Н. Оглоблина; это было бы полезно во всѣхъ отношеніяхъ. Это, между прочимъ, могло бы приблизить насъ къ рѣшенію важнаго вопроса о способахъ изданія писцовыхъ книгъ. Въ архивѣ Мин. Иностр. дѣлъ, гдѣ сосредоточены дѣла стариннаго Посольскаго приказа, находится также громадное количество историко-географ. матеріаловъ; здѣсь же найдены были и самыя старинныя писцовыя книги; здѣсь же, наконецъ, хранятся извѣстные портфели Миллера, въ которыхъ собраны весьма важныя Сибирскія дѣла. Немало цѣнныхъ документовъ мы найдемъ въ архивѣ Главнаго Штаба и др. столичныхъ архивахъ. Не менѣе надеждъ возбуждаетъ рукописный отдѣлъ Императорской Публичной библіотеки и Импер. Академіи

*) „Обозрѣніе истор.-геогр. матер. XVII и нач. XVIII в., хранящихся въ книгахъ Разряднаго приказа“.

наукъ. Богатѣйшій матеріалъ для исторической географіи литовской (южной и западной Руси) мы найдемъ въ литовской метрикѣ, которая передается теперь въ вѣдѣніе Московскаго архива Мин. Юст. и составитъ въ немъ самостоятельный отдѣлъ.

Но не ограничиваясь центральными хранилищами, мы должны будемъ произвести розысканія и въ областныхъ и въ провинціальныхъ архивахъ. Гдѣ же, какъ не въ нихъ, искать матеріаловъ для историко-геогр. описанія разныхъ областей и губерній? Кіевскій, Виленскій и Витебскій центральные архивы хранятъ драгоцѣннѣйшіе источники для изученія историческаго прошлаго территоріи и народности южной и западной Россіи.

Недавно возникшія, по мысли покойнаго Н. В. Калачева, губернскіе архивы, также, навѣрное, заключаютъ въ себѣ мѣстные документы историко-геогр. характера. Пусть будетъ приведенъ въ извѣстность весь этотъ матеріалъ, тогда изслѣдователи мѣстной старины узнаютъ, что у нихъ есть дóма и что имъ нужно искать въ центрахъ; съ другой стороны такіе указатели мѣстныхъ историко-геогр. матеріаловъ пригодятся и присяжнымъ, такъ сказать, ученымъ, живущимъ въ центрахъ.

Чтобы иллюстрировать свою мысль о необходимости составленія обозрѣній историко-геогр. матеріаловъ, хранящихся въ областныхъ и губернскихъ архивахъ, я приведу только одно указаніе фактическаго характера, въ надеждѣ, что и его будетъ совершенно достаточно. Я попытаюсь сообщить краткія свѣдѣнія о тѣхъ историко-географ. матеріалахъ, которые хранятся во второмъ отдѣленіи Харьковскаго историческаго архива — именно харьковскомъ, и не коснусь совершенно тѣхъ, которые находятся въ Черниговскомъ его отдѣлѣ (въ дѣлахъ быв. Малорос. коллегіи). Большая часть этихъ дѣлъ мною переписана и войдетъ въ составъ приготовленнаго къ печати II тома „Матер. для истор. колониз. и быта степ. окр. моск. госуд.“. Правда всѣ эти документы поздняго времени (XVIII стол.), но по богатству своего содержанія представляютъ значительный научный интересъ. Сохранился цѣлый рядъ описаній городовъ и уѣздныхъ посѣленій Харьков. губ. разныхъ годовъ и разнообразнаго содержанія; таково „Хронико-географ. описаніе городовъ и знатнѣйшихъ мѣстечекъ въ провинціяхъ Слободской губерніи 1767 г., по 1773 г.“ заключающее въ себѣ свѣдѣнія объ основаніи и топографіи городовъ, о состояніи ихъ укрѣпленій, о рѣкѣ и рыбныхъ ловляхъ, дикихъ культурныхъ растеніяхъ, дикихъ и домашнихъ животныхъ, о разстояніи между разными городами, о томъ, когда замерзаютъ рѣки, когда бываетъ слышенъ громъ и и т. д. Затѣмъ идутъ статистическія данныя о населеніи.

Почти такія же свѣдѣнія заключаются въ другомъ документѣ, содержащемъ въ себѣ отвѣтные пункты на вопросы, присланные изъ Екатерининской Коммисіи для составленія проекта новаго уложенія.

Къ сожалѣнію, оба эти документа захватываютъ только часть Харьков. губ. но сохранился еще одинъ документъ, который обнимаетъ всю Харьковскую и части сосѣднихъ Кур. и Ворон. губ. — это „Описаніе Слободско-Украинской губ.“, составленное для извѣстнаго путешественника, академика Гюльденштедта. Этотъ послѣдній, какъ извѣстно, путешествовалъ по порученію Академіи по южной Россіи, и прежде чѣмъ явиться въ Харьковскую губ., затребовалъ отъ мѣстной Слобод.-Украин. губернской канцеляріи свѣдѣнія о провинціяхъ и коммиссарствахъ этой губерніи, о состоящихъ

въ нихъ мѣстечкахъ и числѣ жителей въ нихъ, съ подраздѣленіемъ на сословія. Интересно, что въ представленныхъ провинціальными канцеляріями вѣдомостяхъ мы впервые находимъ статистическія данныя о числѣ женщинъ; такъ какъ женщины не облагались налогами, то ихъ и не заносили въ прежнія переписи. Не буду останавливаться на содержаніи другихъ документовъ, а сдѣлаю только краткій перечень ихъ. Данныя о населеніи и переселеній ихъ заключаютъ въ себѣ слѣдующія дѣла: 1) вѣдомости, на берегахъ какихъ рѣчекъ расположены селенія и сколько въ нихъ душъ обоего пола; 2) вѣдомость о мѣстечкахъ, селахъ и деревняхъ Харьковскаго полка и о живущихъ въ нихъ козакахъ; 3) о выходящихъ изъ Польши россійскихъ подданныхъ; 4) о козакахъ и крестьянахъ, уходящихъ въ разныя мѣста изъ своихъ селъ и деревень; 5) о великороссіянахъ, обитающихъ въ предѣлахъ Харьковскаго полка; 6) о высылкѣ запорожцевъ изъ предѣловъ Харьковскаго полка; 7) переписныя книги г. Чугуева и его уѣздъ. Немало дѣлъ мы имѣемъ о пограничныхъ поземельныхъ отношеніяхъ; сюда относятся слѣдующіе документы: 1) разграниченіи русскихъ владѣній отъ турецкихъ; 2) объ отмежеваніи слободскихъ полковъ отъ Украинской линіи; 3) о разграниченіи земель Слободско-Украин. губ. отъ Новороссійской и Бѣлгородской; 4) объ отмежеваніи земель Слобод.-Укр. губ. отъ Екатерининской провинціи. Наконецъ послѣдняя группа дѣлъ заключаетъ въ себѣ свѣдѣнія о разныхъ укрѣпленныхъ пунктахъ въ связи съ воинскою службою козаковъ; таковы: 1) о строеніи Украинской линіи; 2) о содержаніи на ней казаковъ для прикрытія Славяно-Сербіи; 3) о командированіи для карауловъ казаковъ въ Бахмутъ, Торъ, Изюмъ, на устье р. Самары и т. п. Не стану останавливаться на отдѣльныхъ документахъ, хотя нѣкоторые изъ нихъ содержатъ въ себѣ очень важныя данныя историко-геогр. характер.; такова, напр. вѣдомость объ окружныхъ земляхъ; таково дѣло „объ отводѣ ландмиліціонерамъ лѣсовъ для гонки смолы“, объ устройствѣ дорогъ и т. п.

Полагаю, что и приведенныхъ фактовъ совершенно достаточно для того, чтобы доказать необходимость обозрѣнія въ историко-геогр. отношеніи и другихъ областныхъ и провинціальныхъ архивовъ.

Я кончилъ, и въ заключеніе позволю себѣ обратиться съ нѣсколькими пожеланіями къ тѣмъ гг. членамъ Археологическаго Съѣзда, которые близко или даже непосредственно стоятъ у архивнаго дѣла, я вижу здѣсь какъ бы цѣлую семью архивистовъ: и представителей Московскаго архива, иностранныхъ дѣлъ и уважаемаго директора Виленскаго центральнаго архива, Я. Ѳ. Головацкаго, и, наконецъ, почти всѣхъ представителей губернскихъ архивовъ и ученыхъ Архивныхъ Коммиссій, которые впервые явились на этотъ Археологическій Съѣздъ и немало способствовали его оживленію. Я счастливъ, что имѣлъ возможность прочесть свое сообщеніе въ такой аудиторіи, и буду считать свою цѣль достигнутою, если, благодаря моему реферату, появится нѣсколько указаній на историко-геогр. матеріалы, хранящіеся въ нашихъ архивныхъ собраніяхъ. Не касаюсь здѣсь, боясь утомить ваше вниманіе, практической стороны дѣла. Нужно думать, что С.-П-бургскій Археологическій Институтъ согласится помѣщать въ своемъ печатномъ органѣ обозрѣнія документовъ губернскихъ архивовъ; могутъ они находить себѣ мѣсто и въ „Трудахъ Археологическихъ Съѣздовъ“.

Для изданія всѣхъ этихъ документовъ необходимо предварительное ихъ изученіе; до сихъ поръ въ дѣлѣ изданія элементъ случайности игралъ, къ сожалѣнію очень важную роль; Ученыя Губернскія Коммиссіи легко могутъ впасть въ ту же ошибку и потому пусть раньше онѣ *изучатъ* свои матеріалы и тогда уже займутся систематическимъ изданіемъ ихъ; историко-геогр. матеріалы составятъ въ этомъ случаѣ отдѣльную самостоятельную группу. Къ документамъ, извлеченнымъ изъ мѣстнаго губернскаго архива можо было бы присоединить и тѣ матеріалы, которые хранятся въ центральныхъ архивахъ и относятся къ данной мѣстности; такимъ путемъ удобнѣе всего было бы издать и писцовыя книги разныхъ губерній Россіи; иначе онѣ не увидятъ свѣта еще цѣлые десятки лѣтъ. А когда количество изданныхъ матеріаловъ увеличится и они будутъ обработаны ученымъ образомъ, тогда можно будетъ преступить къ составленію подробнаго историко-географ. словаря и атласа.

Берега рѣки Непрядвы въ историко-археологическомъ отношеніи.

Н. И. Троицкаго.

Въ числѣ притоковъ рѣки Дона, заключающихся въ предѣлахъ теперешней Тульской губерніи, находится и рѣка Непрядва. Рѣка эта получила громкую извѣстность со времени знаменитой битвы Московскаго великаго князя Димитрія Іоанновича съ Мамаемъ, окончившейся блистательною побѣдой русскихъ надъ татарами на Куликовомъ полѣ, при устьѣ Непрядвы. Благодаря этой извѣстности, правый берегъ Непрядвы — Куликово поле или точнѣе „Куликовы поля“ каждое лѣто намѣренно или мимоѣздомъ посѣщаются разными любителями историческихъ воспоминаній, но скорѣе для пріятныхъ прогулокъ, нежели для научныхъ наблюденій и разысканій. Между тѣмъ берега р. Непрядвы имѣютъ свой немаловажный историко-археологическій интересъ.

Какъ на юго-западѣ Дунай и Днѣпръ, такъ на юго-востокѣ Волга и Донъ служили главными дорогами для всякихъ передвиженій, а верховья и притоки этихъ главныхъ рѣкъ — мѣстами тѣснѣйшихъ сближеній и уже неизбѣжныхъ столкновеній разныхъ племенъ съ самой отдаленной древности и, сравнительно, въ позднѣйшее время (историческое въ тѣсномъ смыслѣ). Такъ, если южный, напр., Кіевскій князь направлялъ свой походъ на сѣверо-востокъ, то, подойдя къ верховьямъ Оки и Зуши, онъ долженъ былъ проходить „сквозѣ Вятичи“. Если татарскій ханъ велъ свое полчище на сѣверную Русь, то, прійдя къ верховью Дона, онъ вынужденъ былъ дать сраженіе на берегу его притока — Непрядвы. Вотъ почему берега верхнихъ притоковъ такой рѣки, какъ Донъ, въ историческомъ прошедшемъ и давнопрошедшемъ времени должны были оставлять и оставили слѣды прохожденія, пребыванія и столкновеній разныхъ племенъ. Таковы именно берега р. Непрядвы.

Но какіе слѣды и какихъ племенъ остались на берегахъ знаменитаго притока „великой рѣки“ — Дона? — вотъ, въ частности, тотъ вопросъ, которымъ опредѣлялся, но не весь исчерпывался, интересъ моихъ научныхъ розысканій и разслѣдованій по берегамъ р. Непрядвы. За этимъ возникалъ другой, еще болѣе интересный вопросъ,

именно: въ мѣстахъ, гдѣ было столько столкновеній разныхъ народовъ и племенъ, гдѣ такъ долго господствовало язычество, какимъ образомъ и когда водворилось христіанство и воцарилась русская народность? — Съ цѣлію разъясненія этихъ вопросовъ и обстоятельнаго изученія береговъ р. Непрядвы, я предпринялъ туда три поѣздки: въ 1884-мъ, 1886-мъ и настоящемъ 1887-мъ годахъ. Вообще говоря, мною найдено здѣсь историческихъ памятниковъ не очень много, однако и эти немногіе, при сопоставленіи ихъ съ другими подобными и при освѣщеніи ихъ нѣкоторыми историческими документами, имѣютъ немаловажный научный интересъ.

Рѣка Непрядва протекаетъ около сорока верстъ первоначально съ запада на востокъ, затѣмъ поворачиваетъ на сѣверо-востокъ и подъ прямымъ угломъ сливается съ Дономъ.

По всей вѣроятности, въ первобытныя времена, была покрыта водою вся пеширокая долина, по которой простирается ложе рѣки, теперь быстро зарастающее: только изрѣдка болотистый лугъ напоминаетъ о ширинѣ прежняго русла рѣки. То крутые, то отлогіе, но вообще возвышенные берега Непрядвы, въ первобытное время были покрыты разнообразнымъ лѣсомъ, отъ котораго теперь остались только бѣдныя рощицы и жалкіе кустарники. Береговая подпочва представляетъ валунный слой (глина, известнякъ), подъ которымъ, иногда на незначительной глубинѣ, находятся залежи первобытной растительности: въ руслѣ глубокихъ овраговъ иногда можно видѣть выступы каменно-угольнаго слоя (напр. близъ с. Непрядиваго), который относится къ Московско-Ряжскому бассейну и разрабатывается въ шахтахъ по линіи селъ: Малевка, Оболенское, Обидимо. — На ряду съ первобытной растительностію по берегамъ Непрядвы встрѣчаются остатки и до-исторической фауны. Такъ въ с. Монастырщинѣ, близъ самаго устья р. Непрядвы, въ берегу суходольнаго оврага, близъ мѣстной церкви, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, былъ найденъ коренной зубъ мамонта; такой-же зубъ найденъ и въ приходѣ с. Буйцъ, на лѣвомъ берегу Непрядвы, въ деревнѣ Даниловкѣ; на среднемъ теченіи Непрядвы, въ суходольныхъ оврагахъ, близъ с. Непрядиваго, также нерѣдко находятъ разныя кости мамонта, въ такъ называемой лощинѣ Платошиной. Наконецъ, въ верховьѣ Непрядвы, въ с. Никитскомъ, въ маѣ прошлаго 1886 года найденъ бивень мамонта значительныхъ размѣровъ.

На отлогихъ, но возвышенныхъ и прежде лѣсистыхъ берегахъ Непрядвы, безъ сомнѣнія, очень рано нашелъ себѣ пріютъ и первобытный человѣкъ. — Слѣды до-исторической культуры здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, каменныя орудія и мы находимъ ихъ довольно часто въ изучаемой нами мѣстности. Нѣсколько образчиковъ такихъ орудій, найденныхъ въ окрестностяхъ с. Никитскаго, при верховьѣ Непрядвы, удалось мнѣ пріобрѣсти для Тульскаго Епархіальнаго Древлехранилища. Пріобрѣтенныя орудія — шесть наконечниковъ стрѣлъ разной формы и различнаго матеріала, всѣ шлифованные и, по принятой классификаціи графа Уварова, относятся къ неолитической эпохѣ.

Но оставивъ въ сторонѣ эпоху каменнаго періода и, обращаясь ко временамъ болѣе близкимъ къ исторіи, выскажемъ предположеніе, что по берегамъ Непрядвы жили въ эти времена финны, а потомъ вятичи.

Характеризуя бытъ и религію финновъ, извѣстнѣйшій изъ современныхъ нашихъ историковъ, Дм. Ив. Иловайскій, говоритъ: „Языческая религія финновъ вполнѣ отражаетъ на себѣ невеселый ихъ характеръ, ограниченное міросозерцаніе и лѣсную или пустынную природу, ихъ окружавшую... Это религія первобытнаго идолопоклонства; преобладающее у арійскихъ народовъ человѣкообразное представленіе о богахъ было мало развито у финновъ. Божества являлись ихъ воображенію еще въ видѣ или неясныхъ стихійныхъ образовъ, или неодушевленныхъ предметовъ и животныхъ; отсюда поклоненіе камнямъ, медвѣдямъ и т. д.“[1]). Если же финны дѣйствительно покланялись камнямъ, то, само собою понятно, что не всякіе же камни были предметомъ ихъ чествованія; эти камни должны быть въ какомъ-либо отношеніи особенными и на особыхъ мѣстахъ (какъ то обыкновенно было на Востокѣ). Посему, предполагая пребываніе финновъ на пространствѣ отъ Оки до Непрядвы, я обратилъ особое вниманіе на тѣ камни или скалы, съ которыми связаны какія либо преданія или народныя сказанія. Таковыхъ оказалось здѣсь нѣсколько. Прежде всего близъ верховья Непрядвы, на землѣ казенныхъ крестьянъ с. Никитскаго, на такъ называемомъ „Красномъ холмѣ“ есть нѣсколько камней изъ сѣраго песчаника, съ которыми соединяется преданіе мѣстныхъ жителей о Кудіярѣ, Мамаѣ и т. п. Потомъ на среднемъ теченіи Непрядвы, близъ слободы Грачевки, на правомъ берегу суходольной лощины „Дубикъ“, впадающей въ р. Непрядву съ юга, также легендарный камень — жерновой песчаникъ, вросшій въ землю, значительнаго объема (въ окружности 8 арш.); о камнѣ этомъ, сообщается не мало разсказовъ, проникнутыхъ чувствомъ безотчетнаго страха. Въ разсказахъ объ этомъ камнѣ часто сближаются два понятія — „камень“ и лошадь“ вопросъ интересный потому что камней носящихъ прямо съ названіемъ „конь-камень“ на пространствѣ Тульской губерніи находятся нѣсколько. Такъ, на берегу другаго замѣчательнаго притока Дона — р. Красивой Мечи, верховье которой очень близко къ верховью Непрядвы, есть „конь-камень“, въ с. Козьемъ, Ефремовскаго уѣзда, съ которымъ соединены разные легендарные разсказы. Также въ с. Дупнахъ, Чернскаго уѣзда, находятся два камни подъ названіемъ „кони-камни“; это названіе упрочилось за ними здѣсь такъ, что отъ нихъ получили свое наименованіе двѣ приходскія деревни: деревня „Большой Конь“ и деревня „Малый Конь“. Эти и подобные камни по своему виду теперь нимало не напоминаютъ фигуры коня, хотя бы грубо обработанной, — признакъ, что они настоящее свое значеніе получили въ отдаленной древности. Безспорно, лучшій представитель этого рода памятниковъ громадный „конь-камень“, стоящій близъ Коневскаго монастыря, что на одномъ изъ острововъ Ладожскаго озера въ Финляндіи: монастырь этотъ, основанный преподобнымъ Арсеніемъ въ 1393 году во имя Рождества пр. Богородицы, однако, доселѣ носитъ прозваніе „Коневскаго“, конечно отъ „Коня-камня“. Отсюда вѣроятно, что и тѣ „кони-камни“, какіе встрѣчаются на пространствѣ Тульской губерніи и подобные имъ на берегахъ р. Непрядвы, могутъ быть относимы ко времени пребыванія здѣсь финновъ, для которыхъ они служили предметомъ религіознаго поклоненія, какъ теперь еще служатъ предметомъ суевѣрныхъ до-

[1]) Д. Иловайскій, Исторія Россіи. Т. I-й, ч. 2-я. Москва, 1880 г. Стр. 156-я.

мысловъ. Имѣя въ виду, что такіе кампи въ Тульской губерніи поставлены на избранныхъ мѣстахъ, большею частію на высокихъ берегахъ рѣкъ или на такъ наз: „красныхъ холмахъ“, можно предполагать, что они имѣли значеніе представителей чего-то высокаго, верховнаго, можетъ быть солнца (какъ на Востокѣ). Итакъ, въ до историческую эпоху первыми обитателями береговъ Непрядвы были финны, которымъ, конечно, принадлежитъ и самое названіе рѣки — Непряд-*ва*, какъ названіе рѣкъ: Москва, Нева и др.

Съ теченіемъ времени славянское племя — вятичи, оттѣсняя финновъ на сѣверъ, заняли ихъ область на пространствѣ отъ береговъ Непрядвы на югѣ, межъ верховьевъ Дона на востокѣ и верховьевъ Зуши и Оки на западѣ до средняго теченія Оки на сѣверѣ, — область, въ центрѣ которой былъ уже лѣтописцу извѣстный городъ Дѣдославль, позднѣе уѣздный городъ Дѣдиловъ, теперь село Дѣдлово, въ Богородицкомъ уѣздѣ, на р. Шиворонѣ (притокъ Упы).

Лѣтописецъ, характеризуя Вятичей, между прочимъ, говоритъ: „браковъ у нихъ не было, но были игрища между селами; сходясь на эти игрища, на плясанья и на всякія бѣсовскія игры, они умыкали (т.-е. уводили, похищали) здѣсь себѣ женъ, (каждый) ту, съ которой сговорился прежде“. О. Архимандритъ Леонидъ въ своемъ „Изслѣдованіи о древней области Вятичей“, въ примѣчаніи къ этому сказанію лѣтописи говоритъ: „Доселѣ сохранились въ Калужской губерніи урочища, напоминающія этотъ обычай; такъ въ Козельскомъ уѣздѣ, на берегу р. Серены, удоліе между береговыми возвышенностями, по склону которыхъ ростутъ веселыя березовыя рощицы и протекаетъ рѣчка Сеженка, между селеніями Юдинки и Дерягино, слыветъ въ народѣ подъ именемъ „Царевнина игрища“. Въ окрестностяхъ села Бурнашева, также на берегу рѣчки Серены, въ береговой рощѣ, есть старинное „игрище“, куда на Троицынъ день собирается молодежь обоихъ половъ изъ окрестныхъ деревень завивать вѣнки и вообще погулять на просторѣ. Сюда являются даже продавцы деревенскихъ лакомствъ, орѣховъ, стручковъ, пряниковъ и проч. Хороводы, пѣсни и пляска коротаютъ время, а чрезъ недѣлю собираются сюда же развивать вѣнки, при чемъ гадаютъ, бросая въ воду вѣнки. Мѣсто сего „игрища“, по преданію, извѣстно изъ древности и напоминаетъ самымъ названіемъ его назначеніе. Такихъ „игрищъ“ немало и по другимъ уѣздамъ, и всѣ они, надобно полагать, указываютъ мѣста древнихъ игрищъ между селами, упоминаемыми лѣтописцемъ“ [1]).

Рис. № 1.

Такое же мѣсто „игрища“ найдено мною и на берегу р. Непрядвы между селами: Непрядивымъ, — на лѣвомъ берегу рѣки, и Ростовымъ — на правомъ берегу; это — пологій холмъ, составляющій лѣвый берегъ лощины, называемой „Платошина“, а самый холмъ называется по мѣстному произношенію „веселàя горка“. При весеннемъ раз-

[1]) Церковно-историческое изслѣдованіе о древней области Вятичей. Составилъ І. Л. (Іеромонахъ, нынѣ Архимандритъ Леонидъ). Москва. 1862 г., стр. 5-я; прим. 13-е.

ливѣ, въ берегахъ лощины находятъ иногда слѣды березевыхъ старыхъ пней, а при распахиваніи „веселой горки“, разные предметы древняго быта, изъ которыхъ мнѣ удалось пріобрѣсти для Тульскаго Епархіальнаго Древлехранилища, серебряную серьгу см. рис. № 1-й). Она состоитъ изъ стержня, согнутаго въ формѣ ушной раковины, нижній конецъ его обвитъ тонкой проволокой, къ которой прицѣплена крючкомъ вертикальная подвѣска изъ проволоки, на которую нанизаны одна стекляная зеленая буса и двѣ металлическія бусы - бородки, раздѣленные колечкомъ; другая такая же подвѣска оторвана и затеряна. Описанная здѣсь серьга имѣетъ большое сходство съ двумя серьгами, находящимися въ Тверскомъ музеѣ и описанными А. К. Жизневскимъ подъ №№ 650 и 651-мъ его „Каталога“. Одна изъ этихъ серегъ (№ 651-й) принадлежала индійцу — огнепоклоннику Намджоги, который умеръ въ С.-Петербургѣ при Александрѣ 1-мъ; другая найдена въ 1874-мъ году близъ деревни Мазловой, Корчевскаго уѣзда, въ 45-ти верстахъ отъ г. Кашина, при вырытіи пня, въ полусогнившей кожаной кубышкѣ, вмѣстѣ съ деньгами великаго князя Ивана Васильевича и царя Бориса Ѳеодоровича. Оканчивая свое описаніе названныхъ серегъ, г. Жизневскій замѣчаетъ: „означенное сходство серегъ, найденныхъ въ д. Мазловой и носимыхъ въ царствованіе Бориса Ѳеодор. Годунова, судя по найденнымъ вмѣстѣ съ ними монетамъ этого царя, съ сергами, носимыми огнепоклонниками (гвебрами или парсами), послѣдователями религіи Зороастра, сохранившими свои древніе обычаи, по всему вѣроятію, указываетъ на сношеніе нашихъ предковъ съ Индіею, а быть можетъ и на занесеніе подобныхъ серегъ во время переселенія славянъ изъ Азіи“ [1]). По моему мнѣнію, изъ того, что серьга № 650-й найдена вмѣстѣ съ монетами XVI — XVII го вѣковъ, еще нельзя заключать, что она „носилась“ въ это время. Въ одномъ и томъ же кладѣ, по разнымъ обстоятельствамъ, могутъ находиться вещи даже разныхъ эпохъ. А сходство этой серьги съ серьгою огнепоклонника Намджоги рѣшительно говоритъ за восточное происхожденіе такого рода серегъ, хотя при этомъ нельзя утверждать, что такія серьги, находимыя въ предѣлахъ Руси, прямо „указываютъ на сношеніе нашихъ предковъ съ Индіей“; на Востокѣ у разныхъ племенъ и въ разныя времена такія и подобныя серьги были въ употребленіи. Такъ, съ одной стороны, такія серьги найдены г. Нефедовымъ и г. Фишеромъ при курганныхъ раскопкахъ въ Тургайской Области [2]), съ другой — они употребляются доселѣ, напр., у Аравійскихъ племенъ. Что касается серьги, найденной на „веселой горкѣ“, то она, по сходству ея съ серьгами Тверскаго музея, также должна быть восточнаго происхожденія, а по мѣсту нахожденія, несомнѣнно, должна быть отнесена ко времени до-христіанской эпохи этого края, и, всего вѣроятнѣе, ко времени перваго сближенія славянъ - Вятичей съ монголами.

Вятичи, въ свою очередь, тѣснимые монголами - татарами, принуждены были оставить берега Непрядвы и отступить на сѣверъ.

Со времени нашествія татаръ и Куликовской битвы, берега р. Непрядвы полу-

---

[1]) Описаніе Тверскаго музея. Стр. 40 — 42. Въ „Трудахъ Импер. Московскаго Археологическаго Общества. Т. 11-й. Вып. 1-й. Москва. 1886 г.

[2]) Эти серьги можно было видѣть въ витринѣ № 17-й на выставкѣ при VII-мъ Археологическомъ Съѣздѣ въ Ярославлѣ.

чаютъ большую историческую извѣстность, по причинѣ нерѣдкихъ, а позднѣе и очень частыхъ столкновеній русскихъ съ татарами (въ особенности Крымскими). Разсказы объ этихъ столкновеніяхъ передаются намъ исторіей и потому я остановлюсь преимущественно на памятникахъ, оставшихся на берегахъ Непрядвы отъ этой эпохи [1]).

Въ прошедшемъ 1886-мъ году, при обозрѣніи Куликова поля, въ верховьѣ рѣчки Смолки, по руслу которой ручьемъ лилась христіанская и мусульманская кровь въ день блистательной побѣды Донскаго, мною осмотрѣнъ курганъ, окружность котораго при основіи имѣетъ до 42 саженъ; поперечникъ насыпи 12-ть саженъ. Я пріобрѣлъ здѣсь отъ протоіерея В. Ѳ. Никольскаго, бердышъ, найденный въ окрестностяхъ села [2]). Точно такой же бердышъ былъ еще прежде найденъ на Куликовскомъ полѣ и описанъ извѣстнымъ археологомъ И. П. Сахаровымъ въ числѣ „находокъ на Куликовскомъ полѣ“. Сахаровъ, говоритъ: „въ 1819 году, весною, при обработываніи земли подъ сѣвъ, на полѣ Куликовомъ, было выпахано старинное оружіе — бердышъ. Онъ принадлежитъ къ разряду среднему, найденъ безъ древка; сдѣланъ весь изъ стали и содержитъ въ себѣ вѣса 4 фунта. Для насаживанія на деревянную рукоять проведенъ отъ него сквозной обухъ, и на самомъ затылкѣ сего обуха пробито три скважины для прикрѣпленія гвоздями. Ширина бердыша, считая отъ затылка обуха къ срединѣ острія, съ небольшимъ 3 верш.; отъ сего мѣста желѣзо бердыша простирается вверхъ на 9 вершковъ и сведено остріемъ, которое можно употреблять вмѣсто штыка. Книзу желѣзо простирается на 10-ть вершковъ, и отъ самаго конца выковано довольно толстымъ протяженіемъ еще на 2 вершка длиною; на концѣ опять скважина, для прикрѣпленія желѣза гвоздемъ къ деревянной рукояти. Все остріе бердыша имѣетъ длины 1 арш. съ четвертью, и вообще фигуру продолговатаго полумѣсяца. Близъ обуха, не далѣе осьмой доли вершка, въ нижней части бердыша пробито десять скважинъ (изъ коихъ одна запаяна), а книзу еще восемь. Употребленіе скважинъ неизвѣстно“ [3]). Бердышъ пріобрѣтенный мною почти точно такой же. Общая длина его 1 арш., 1 верш.; ширина лезвія $1\frac{1}{2}$ верш., а съ обухомъ $3\frac{1}{4}$ верш.; ширина обуха $\frac{1}{2}$ верш., вышина $1\frac{3}{4}$ верш. По толстому краю лезвія, ниже обуха 19-ть щелей (одна запаяна), выше — 24, на затылкѣ обуха три, на стержнѣ, къ которому прилегаетъ и прикрѣпляется рукоять, — одна. Относительно „употребленія

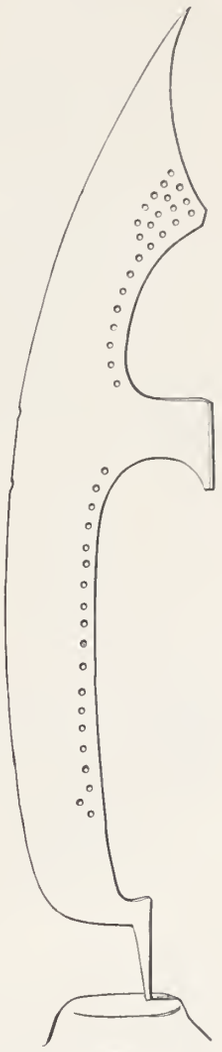


Рис. № 2.

[1]) Мѣсто битвы вел. князя Димитрія Іоанновича Донскаго съ Мамаемъ описано между прочемъ И. Афремовымъ въ его: „Куликово поле“. Москва. 1849 г. Но описаніе г. Афремова историческое, а не археологическое; притомъ и въ историческомъ взглядѣ недостаточно обоснованное, что̀, какъ видно, будетъ далѣе, и породило нежелательныя недоумѣнія.

[2]) Теперь находится въ Тульскомъ Епархіальномъ Древле-хранилищѣ, подъ № 34-мъ.

[3]) И. П. Сахаровъ. Памятники Тульской губерніи. С.-Петербургъ. 1851 г. стр. 55-я.

скважинъ“ можно думать, что онѣ служили для лучшаго прикрѣпленія желѣза къ рукояти тонкими ремнями или проволокой. Иначе, при частыхъ и сильныхъ боевыхъ взмахахъ и ударахъ, бердышъ едва ли бы и могъ держаться на рукояти (см. рисун. № 2-й). На томъ же Куликовомъ полѣ, близъ села Монастырщины, найдена серебряная золотоордынская монета XIV-го в. съ надписью на лицевой сторонѣ: „Султанъ Великій Узбекъ — ханъ“, а на оборотѣ: „Абу-Бекръ“ и: „нѣтъ Бога, кромѣ Бога. Мохаммедъ: посланникъ Бога“. Съ тамгой. Годъ и мѣсто чекана неизвѣстны [1]).

Отъ времени битвъ съ татарами на Куликовомъ полѣ и его окрестностяхъ осталось и дошло до насъ также нѣсколько христіанскихъ памятниковъ: образки — складни и натѣльные кресты. Изъ этой коллекціи подобныхъ крестовъ пріобрѣтенныхъ мною для Тульскаго Епархіальнаго Древлехранилища особенно примѣчательны: 1) мѣстный, двустворчатый складень. На лицевой сторонѣ — одной створки Голговскій крестъ, на внутренней ея сторонѣ — Св. Троица въ видѣ трехъ ангеловъ — странниковъ; на внутренней сторонѣ другой створки — Знаменіе Пр. Богородицы. То и другое лицевое изображеніе въ кругу. Складень сохранился превосходно. По типу и стилю своихъ лицевыхъ изображеній онъ имѣетъ точное сходство съ костяными панагіями или т.-наз. панагіаріями XV-го вѣка. 2) Четвероконечный крестъ, составляющій нижнюю створку креста — складня, съ закругленными концами, на которыхъ въ кружкахъ помѣщены: поясное изображеніе Святыхъ (вѣроятно Евангелистовъ), а въ срединѣ — изображеніе Святаго въ ростъ. Всѣ изображенія въ нимбѣ. Между изображеніями подпись: буквы размѣщены по древнему подставному (или византійскому) способу письма. 3) Четвероконечный натѣльный крестъ съ расширенными и закругленными концами. Въ срединѣ — Распятіе, по сторонамъ — по два лика предстоящихъ, вверху — Св. Троица въ видѣ трехъ ангеловъ — странниковъ, внизу, повидимому, сошествіе Христа во адъ. На оборотной сторонѣ, на самомъ перекрестіи изображено Знаменіе Пр. Богородицы — въ четвероугольникѣ, углы котораго расположены по направленію концовъ креста; на концахъ — по два лика святыхъ, на нижнемъ, три лика; на мочкѣ, съ лицевой стороны — изображеніе Нерукотворенаго образа Спасова. (см. № 3-й). [2]).

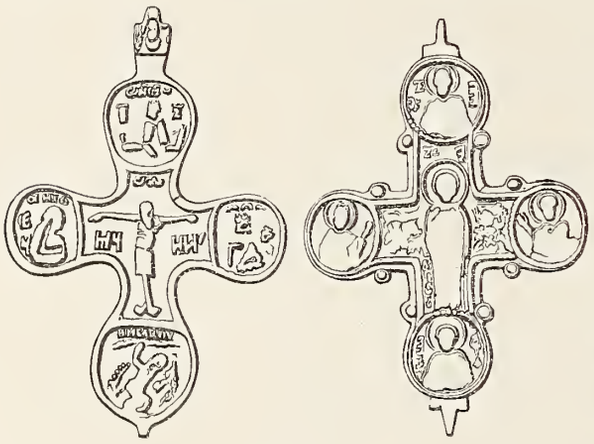


Рис № 3.

Въ этихъ крестахъ и складняхъ замѣчается то соотношеніе, что на тѣхъ и другихъ являются изображенія св. Креста, св. Троицы, въ видѣ трехъ ангеловъ-странниковъ, и Пр. Богородицы — „Знаменія“. Въ совмѣщеніи именно этихъ изображеній позволительно усматривать связь по идеѣ. Изъ Библейской Исторіи извѣстно, что три

[1]) Находится въ Тульскомъ Епар. Древлехранилищѣ. Надпись прочитана В. К. Трутовскимъ.

[2]) Описанные складень и кресты находятся въ Тул. Епарх. Древлехранилищѣ.

странника, бывшіе подъ дубомъ Авраама (образъ тріипостаснаго Бога), совершили судъ и казнь надъ проклятымъ Содомомъ; а откровеніе о рожденіи Еммануила отъ Дѣвы было возвѣщено пр. Исаіей, какъ „знаменіе“ того, что царствующій „Домъ Давида“, находившійся при самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ, когда союзные цари сирійскій и израильскій рѣшили погубить династію Давида, — не погибнетъ, потому что въ его нѣдрахъ — залогъ его спасенія, Еммануилъ, Мессія. Не таковы ли были и обстоятельства великаго князя Московскаго и всея Руси въ страшную годину, въ лѣто 1380-е? — И если самъ князь, идя въ бой, читалъ псаломъ Давида: „Богъ намъ прибѣжище и сила...“ то, понятно, почему и христолюбивые сподвижники его осѣняли свою грудь изображеніемъ великаго „Знаменія“ — Богородицы съ *Еммануиломъ, еже есть сказаемо: „съ нами Богъ!“*

Таковы памятники, сохранившіеся въ землѣ на Куликовомъ полѣ и его окрестностяхъ отъ времени Мамаева побоища; другихъ христіанскихъ памятниковъ, относящихся къ тому времени (XIV—XV-му вв.) здѣсь нѣтъ, да и не могло остаться: и послѣ Куликовской битвы татары не разъ приходили сюда и истребляли все огнемъ и мечомъ. Вотъ тому документальное свидѣтельство. — Въ „Писцовой книгѣ по Епифанскому уѣзду, 1571—1572 годовъ“ написано: „Слобода Болахнинская, на р. на Сукромнѣ, подъ Сукроменскимъ лѣсомъ, а въ той слободѣ былъ монастырь Рожество Пречистые Богородицы, и тотъ монастырь и кельи сожгли Крымскіе люди въ приходъ Крымскаго царя въ 79 (т.-е. 7079 или 1571-мъ году), а старцовъ всѣхъ Крымскіе люди побили, а иныхъ въ полонъ поймали, осталось на монастырѣ 1 келья да бойница дубовая рублена въ 1 стѣну на 4 углы, вышина еѣ 3 сажени по кровлю, а крестьянскихъ дворовъ 9 да 13 селищъ дворовыхъ сожгли Крымскіе люди...“[1]) Названная слобода Болахнинская, гдѣ былъ сожженъ Рождественскій монастырь (теперь село Болахна, Богородицкаго уѣзда), находится на разстояніи около двадцати верстъ отъ устья Непрядвы на сѣверъ. И если въ концѣ XIV-го вѣка отъ этого монастыря остались одна келья да бойница, то что же могло здѣсь быть и остаться въ XV-мъ вѣкѣ?! Та же „Писцовая книга“ говоритъ, что даже и въ концѣ XVI-го вѣка здѣсь были только починки и слободки, но „въ сошное письмо тѣ слободки и починки не положены для того, что стоятъ на полѣ съ приходу отъ Крымскихъ людей и крѣностей у нихъ никакихъ нѣтъ, затѣмъ ихъ дѣти боярскіе и въ помѣстья не имали, а садилися тѣ люди и крестьяне при князѣ Иванѣ Ѳедоровичѣ Мьстисловскомъ на лготѣ на дикомъ полѣ“[2]).

Итакъ, должно рѣшительно утверждать, что по причинѣ постоянныхъ разорительныхъ набѣговъ и даже продолжительнаго пребыванія татаръ на берегахъ Непрядвы, русскаго православнаго, мирнаго, осѣдлаго, земледѣльческаго населенія здѣсь не было до второй половины XVI-го вѣка, т.-е. до времени основанія въ этомъ краю такъ называемыхъ „остроговъ“ и около нихъ „крѣпостей“ или — до основанія города Епифани.

Во второй половинѣ XVI-го и въ XVII-мъ вѣкѣ въ исторіи мѣстнаго края произошла существенная перемѣна. Съ этого времени на р. Непрядвѣ и въ недалекихъ

[1]) Писцовыя книги XVI-го вѣка. Отдѣленіе II. Изданіе Импер. Рус. Географическаго Общества. С.-Петербургъ 1877 г. Стр. 1588-я.

[2]) Писцовыя книги XVI-го в. Отд. II-е. 1877 г. Стр. 1588-я.

отъ нея предѣлахъ возникаютъ крѣпости и города. — Къ числу „крѣпостей“ должны быть отнесены прежде всего городища. Существованіе городищъ на берегахъ Непрядвы предполагалось мною по слѣдующему соображенію. Изъ списка городищъ по Тульской губерніи, составленнаго И. П. Сахаровымъ, извѣстны: а) городище на р. Таболѣ (восточный притокъ верхняго Дона), недалеко (верстъ 7—8-мь) отъ устья Непрядвы, называемое Дороженъ, въ приходѣ с. Суханова; б) городище на лѣвомъ берегу Красивой Мечи (западнаго притока Дона), недалеко отъ истока Непрядвы, въ приходѣ с. Солодилова[1]). Кромѣ этихъ двухъ городищъ г. Сахаровъ не упоминаетъ ни одного другаго въ данной мѣстности чего однакожь невозможно было предположить въ виду важности этаго крайняго и спорнаго рубежа Московскаго княжества. Мною осмотрѣно еще два городища на самыхъ берегахъ Непрядвы, именно — въ с. Буйцахъ-Никольскомъ, Епифанскаго уѣзда и въ с. Никитскомъ, Богородицкаго уѣзда. — Городище въ с. Буйцахъ сохранилось въ своемъ нетронутомъ видѣ. Оно расположено на высокомъ угольномъ холмѣ, на лѣвомъ берегу рѣки, которая здѣсь дѣлаетъ крутой поворотъ на сѣверъ. Одну сторону городища составляетъ почти отвѣсный обрывъ берега, а другую — глубокій суходольный оврагъ, прозываемый мѣстнымъ населеніемъ „раемъ“ (вѣроятно отъ слова „яръ“). Двѣ стороны городища на сѣверѣ замыкаются криволипейнымъ валомъ и рвомъ. Вышина вала или щита, совнѣ или со стороны рва — 7 арш., длина его при основаніи до 17 саженъ; вышина внутри или съ площади городища — 11 аршинъ. Длина всего городища, отъ основанія вала до вершины угла, 29 саженъ. Поверхность площади городища ровная. Съ западной стороны или отъ оврага въ городищѣ выкапывается хорошій древесный уголь. Это городище по своему типу (при сравненіи его съ другими, напр. Дѣдловскимъ въ Богородицкомъ уѣздѣ) можетъ быть отнесено даже ко временамъ до-татарской эпохи. Имѣющія быть раскопки этого городища откроютъ, конечно, точнѣе время его построенія и, пожалуй, національность его первыхъ насельниковъ. — Въ селѣ Никитскомъ, также на лѣвомъ берегу Непрядвы, есть отлогій холмъ, поросшій лѣсомъ, который доселѣ носитъ исключительное названіе „городища“. Пространство всего мѣста, занятаго лѣсомъ, равняется 32 десятинамъ 1320 кв. саженямъ. При двукратномъ обслѣдованіи этой мѣстности, мнѣ не пришлось найти ни малѣйшихъ признаковъ, землянаго укрѣпленія, но что холмъ этотъ служилъ мѣстомъ поселенія въ давнее время, на это указываютъ нѣсколько довольно глубокихъ ямъ, какія встрѣчаются обыкновенно на площади городища-вала. Противъ описываемаго холма-городища, на противоположномъ берегу рѣки, нерѣдко вымываются водою оружіе и военные снаряды (между прочимъ куски свинца), въ чемъ мнѣ пришлось убѣдиться лично при первой своей поѣздкѣ. Въ виду того, что здѣсь мною не найдено настоящихъ земляныхъ укрѣпленій, какъ въ Буйцахъ-Никольскомъ, я склоненъ признать Никитское городище по времени позднѣйшимъ и отнести къ разряду „сторожевыхъ“, какія въ этомъ краю дѣлаются извѣстными только съ конца XVI-го вѣка — съ основанія города Епифани.

---

[1]) И. П. Сахаровъ. Памятники Тульской губерніи. С.-Петербургъ. 1851 г.

Въ Писцовой книгѣ по Епифанскому уѣзду 1571—1572 гг. говорится: „Въ Епифановѣ лугу острогъ на р. на Дону, у Епифанова болота, внизъ по Дону на лѣвой сторонѣ, поставленіе князя Ивана Ѳедоровича Мстиславскаго... А крѣпостей около Епифанскаго посада по обѣ стороны р. Дону заповѣднаго лѣсу Епифанова болота отъ рѣчки отъ Лютые къ р. къ Дону и по р. по Дону внизъ на 3 версты, а поперегъ четверть версты, а индѣ менши, а индѣ болши... да отъ устья рѣчки Непрядвы отъ Дону вверхъ по Непрядвѣ дубровы въ длину на 7 верстъ, а поперегъ на версту“ [1]).

Дѣйствительно, доселѣ за одной слободой въ приходѣ с. Монастырщины, при устьѣ Непрядвы, сохранилось названіе „Сторожевая Дуброва“. — Кромѣ „Сторожевой Дубровы“, изъ нѣсколькихъ актовъ упразднепнаго Тульскаго Предтечева монастыря, относящихся къ мѣстностямъ по берегамъ Непрядвы, извѣстны еще дубровы: Толстая, Буецкая и др. и лѣса Требушинской, Засѣчной и пр.[2]). Отъ этихъ дубровъ и лѣсовъ теперь, впрочемъ, не осталось даже и названія. Въ прошедшемъ году срублены и послѣдніе остатки знаменитой „Зеленой Дубровы“, гдѣ скрывался засадный полкъ — рѣшитель Куликовской побѣды.

Городища и сторожевыя дубровы сами собою наводятъ на мысль объ остаткахъ въ нихъ древняго оружія или снарядовъ. По этой части мнѣ удалось пріобрѣсти для Тул. Епар. Древлехранилища три чугунныхъ литыхъ артиллерійскихъ ядра, одно съ отверстіемъ, остальныя два массивныя; первое выпахано на огородѣ въ Зарѣчной слободѣ, въ приходѣ с. Никитскаго [3]). Всѣ подобные снаряды находятся только на лѣвомъ, т.-е. сѣверномъ берегу Непрядвы. Подобные спаряды могутъ быть относимы къ XVI-му вѣку и, можетъ быть, не ранѣе времени отступленія арміи Крымскаго хана Дивлетъ-гирея, разбитаго Темкинымъ-Ростовскимъ подъ стѣнами Тульскаго кремля въ 1552 году.

По мѣрѣ того, какъ укрѣплялся этотъ край, то и населеніе его увеличивалось и пріобрѣтало болѣе прочную осѣдлость. Обыкновенно царь давалъ извѣстную часть земли въ „Куликовыхъ поляхъ“ въ вотчину тому или другому монастырю, находящемуся въ вѣдѣніи извѣстнаго епархіальнаго начальства, а монастыри на этихъ жалованныхъ земляхъ селили своихъ крестьянъ, которые впервые распахивали „дикое поле“ и строили церковь: такъ возникало монастырское село. Или на „Государевой десятинѣ“ селились крестьяне и также строили храмъ и возникало „Его, Государя, дворцовое село“. Въ „Челобитной“ Тульскихъ гражданъ, поданной царямъ Іоанну Алексѣевичу, Петру Алексѣевичу и царевнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ въ 1688-мъ году, челобитчики говорятъ: „Въ прошлыхъ, Государи, годѣхъ, до московскаго разоренья і въ московское разоренье, въ Королевичьевъ приходъ, прадѣды и дѣды наши побиты на вашихъ государскихъ службахъ, а иные отъ ранъ померли, и дѣды наши по отцахъ своихъ, а по нашихъ прадѣдахъ, и отцы наши по своихъ отцахъ, а по нашихъ дѣдахъ, давали на Тулѣ для поминовенія вкладу крестьянъ, и построили на Тулѣ, въ Деревянномъ

---

[1]) Писцовыя книги XVI-го вѣка. Стр. 1588-я и 1595-я.

[2]) Акты Предтечева монастыря изданы мною въ сборникѣ: Матеріалы для историко-статистическаго описанія Тульской епархіи. Тула. 1884 г.

[3]) Находятся въ Тульскомъ Епар. Древлехранилищѣ.

городѣ, монастырь и церковь Божію воздвигнули во имя святаго Іоанна Предтеча, для того, что прадѣды и дѣды наши въ томъ монастырѣ погребены тѣла ихъ, и тѣ наши вкладанья крестьяне, которые даваны по душамъ прадѣдовъ и дѣдовъ нашихъ, поселены были въ епифанскомъ уѣздѣ, на дикомъ полѣ, что дано по указу отца вашего великихъ Государей, царя і великаго князя Алексѣя Михайловича... и тѣ крестьяне ту землю дикое поле распахали и дворы на той землѣ построили и церковь Божію воздвигнули“ [1]). Конечно, подобнымъ образомъ возникали здѣсь и другія монастырскія села.

Весьма вѣроятно, что такимъ образомъ отдана была часть земли на Куликовыхъ поляхъ прежде всего при самомъ устьѣ Непрядвы, потому что здѣсь была „сторожевая дуброва“ и вмѣстѣ съ тѣмъ ратная охрана. Здѣсь впервые поселены были монастырскіе крестьяне; поселокъ ихъ, какъ первыхъ по ту сторону рѣки Непрядвы, т.-е. „съ приходу Крымскихъ людей“, получилъ наименованіе Монастырщина, конечно, въ отличіе отъ крестьянъ боярскихъ, селившихся по сю сторону рѣки, къ сѣверу, по Дону и получавшихъ свои наименованія отъ фамилій князей и бояръ-вотчинниковъ. Таковы села въ томъ же Епифанскомъ уѣздѣ и не въ дальнемъ разстояніи отъ с. Монастырщины, именно: Милославщина, Вадбольщина-Покровское, Одоевщина-Таболо, Хаванщина-Архангельское, Хитровщина-Рождествено и Волконщина-Муравьянка.

Въ отношеніи села Монастырщины-Рождествена историко-археологическій интересъ имѣютъ три вопроса: 1) къ какому времени можно отнести первоначальное поселеніе крестьянъ при устьѣ Непрядвы? — 2) къ какому времени относятся сохранившіеся здѣсь церковно-археологическіе памятники? — 3) какому монастырю или епископу принадлежали крестьяне с. Монастырщины?

Вышеприведенное свидѣтельство Писцовой книги 1571—1572 годовъ прямо говоритъ, что при устьѣ Непрядвы „отъ Дону вверхъ по Непрядвѣ дубровы въ длину на 7 верстъ, а поперегъ на версту“; а поселка на Непрядвѣ „Писцовая книга“ не называетъ ни одного. — Около Епифани „Писцовая книга“ называетъ немногіе „починки и слободки“, при чемъ свидѣтельствуетъ, что „садилися тѣ люди и крестьяне при князѣ Иванѣ Ѳедоровичѣ Мьстисловскомъ на лготѣ на *дикомъ полѣ*“. — Въ помянутой выше „Челобитной“ Тульскихъ гражданъ 1688-го года прямо говорится, что крестьяне Тульскаго Предтечева монастыря при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ „поселены были въ епифанскомъ уѣздѣ, на *дикомъ полѣ*“. А поселокъ этихъ крестьянъ, потомъ село Покровское, былъ при устьѣ р. Ситки, впадающей въ Непрядву съ юга, гдѣ теперь слобода Покровская, въ приходѣ с. Михайловскаго, что на среднемъ теченіи Непрядвы, иначе — на Куликовомъ полѣ. — Въ Межевой книгѣ по „Выписи“ 1675 г., сохранившейся въ архивѣ Тульскаго Предтечева монастыря, прямо говорится, что монастырское село Покровское находилось въ Епифанскомъ уѣздѣ, за рѣкою Непрядвой, на Куликовыхъ поляхъ[2]). Итакъ, въ концѣ XVI-го, даже въ первой половинѣ XVII-го

---

[1]) „Челобитная“ издана мною въ сборникѣ: „Матеріалы для историко-статистическаго описанія Тульской епархіи“. Тула. 1884 г. Т. I. Стр. 75-я, № 26-й.

[2]) Межевая выпись 1675 г. издана мною въ сборникѣ: „Матеріалы для историко-статистическаго описанія Тульской епархіи“. 1884 г. Стр. 63—66-я. № 20-й. Весь текстъ этого важнаго документа вполнѣ излагается далѣе.

вѣка Куликово поле, точнѣе та часть его, которая составляетъ правый (южный) берегъ Непрядвы, представляла собою „дикое поле“, гдѣ развѣ временно только могли пребывать хищники-татары съ одной стороны, да ратная сторожа — съ другой, но отнюдь не осѣдлое православное населеніе. Должно замѣтить, что за одной слободой въ приходѣ с. Монастырщины, расположенной именно на правомъ берегу Непрядвы доселѣ сохранилось не русское (татарское?) прозваніе „Курмышъ“. Если же поселеніе Монастыршинскихъ крестьянъ рѣшительно нельзя относить ко времени ранѣе конца XVI-го или даже начала XVII-го вѣка, то, само собою понятно, что въ этомъ селѣ не могло быть и сохраниться мѣстныхъ церковныхъ памятниковъ болѣе глубокой древности.

Къ древнѣйшимъ церковнымъ памятникамъ, сохранившимся въ Рождественскомъ храмѣ с. Монастырщины, слѣдуетъ причесть: а) Напрестольное Евангеліе и б) Царскія врата. — Г. Афремовъ, видѣвшій это Евангеліе въ сороковыхъ годахъ настоящаго столѣтія, дѣлаетъ слѣдующее описаніе онаго: „святое Евангеліе оправлено оловомъ; оно писано уставомъ съ употребленіемъ древней буквы „юса“, на заглавномъ листѣ можно прочесть: „въ лѣто 7113 (1605 г.), на память святаго...“ Надпись эта относится ко времени царей Бориса и Ѳеодора Годуновыхъ или Димитрія самозванца“ [1]). Къ этому описанію должно прибавить: что счетъ листовъ въ Евангеліи отмѣченъ славянскими буквами внизу страницъ; что на окладѣ въ клеймахъ по срединѣ — Распятіе, а по угламъ Евангелисты; что въ настоящее время заглавнаго листа нѣтъ и что Г. Афремовъ ошибочно принялъ крупный печатный текстъ Евангелія за уставное письмо.

О царскихъ вратахъ г. Афремовъ говоритъ слѣдующее: „Въ придѣлѣ св. Архангела Михаила помѣщенъ иконостасъ прежней небольшой церкви, и замѣчательныя древнія царскія врата, рѣзныя изъ липовой коры, они замалеваны и расписаны образами Благовѣщенія и четырехъ Евангелистовъ и сверхъ всего покрыты тончайшею, искусной работы, похожею на филигранъ, мѣдною сѣтчатою ризою; надъ вратами сими изображенъ рѣзной домъ царя — пророка Давида. Врата эти, по древнему преданію, принесены сюда въ даръ святымъ преподобнымъ Сергіемъ Радонежскимъ, еще при жизни великаго князя Димитрія Донскаго (?)“. — Сообщивъ это преданіе, какъ „древнее“, г. Афремовъ ставитъ знакъ вопроса и далѣе высказываетъ свое основательное сомнѣніе въ справедливости онаго [2]). — Между тѣмъ извѣстіе Афремова о „древнемъ преданіи“ получило себѣ нѣкоторое довѣріе и, соединенное съ именемъ преподобнаго Сергія, нашло неблизкое распространеніе. Въ недавнее время проповѣдникомъ этого преданія о вратахъ (будто бы) Преподобнаго Сергія явился священникъ села Монастырщины М. Казанскій: врата были отправлены въ Петербургъ и здѣсь нашли защитника своей (будто бы глубокой) древности въ лицѣ архитектора Н. В. Султанова, который выска-

[1]) Ив. Афремовъ. Куликово поле. Москва. 1849. Стр. 62–63.

[2]) Г. Афремовъ соображаетъ такъ: „Утвердительно можно было бы сказать объ этомъ, если бы мы знали, что грозный завоеватель Тамерланъ, 1395 года проходя здѣсь къ верховью Дона, оставилъ знаменитую святыню эту невредимою?!... Равномѣрно сохранилась ли она при второй частной Куликовской битвѣ 1542 года, когда войска Іоанна Грознаго разбили здѣсь Крымскихъ татаръ?“ Куликово поле. Москва. 1849 г. Стр. 62-я.

залъ мнѣніе, что древность ихъ восходитъ даже до XIV-го вѣка. Основанія этого мнѣнія изложены г. Султановымъ въ рефератѣ, читанномъ въ „Обществѣ любителей древней письменности“, и напечатанномъ въ Правительственномъ Вѣстникѣ въ 1884 году, въ № 54-мъ.

„Чтобы опредѣлить эпоху сооруженія Монастырщинскихъ царскихъ вратъ, говоритъ въ статьѣ Правительственнаго Вѣстника Н. В. Султановъ, я разсмотрѣлъ многія царскія врата XVII и XVI вѣковъ (около 20 образцовъ, рисунки и фотографическіе снимки съ которыхъ были выставлены въ засѣданіи Общества любителей древней письменности). Изъ этого разсмотрѣнія оказалось, что царскія врата какъ XVI, такъ и XVII в. не представляютъ собою тѣхъ общихъ формъ и орнаментики, которыя имѣются на вратахъ церкви с. Монастырщины, слѣдовательно, эти послѣднія относятся не къ XVII и не къ XVI вѣку, а принадлежатъ эпохѣ болѣе ранней. Для болѣе точнаго опредѣленія времени ихъ сооруженія послужили слѣдующіе признаки: а) стрѣльчатая кривая линія, составляющая верхнее очертаніе вратъ, — б) верхнее украшеніе образныхъ клеймъ въ видѣ трехугольнаго щипца съ вогнутыми наклонными сторонами, увѣнчаннаго трилистникомъ, и в) орнаментика. — Стрѣльчатая кривая линія представляетъ собою явленіе довольно рѣдкое и, такъ сказать, разбросанное въ русскомъ искусствѣ, но тѣмъ не менѣе относящееся къ довольно ранней эпохѣ — XIV вѣку; какъ на образцики ея, можно указать на входныя двери св. Петра и Павла въ Новгородѣ, на образки оклада Евангелія, хранящагося въ Московскомъ Архангельскомъ соборѣ и проч. Трехугольные щипцы надъ клеймомъ ближе всего подходятъ къ тѣмъ щипцамъ, которые употреблялись для украшенія оконъ и дверей въ западной Европѣ въ XIV—XV столѣтіи. Орнаментика вратъ представляетъ собою видоизмѣненіе древне византійскаго мотива, который неоднократно повторяется на многихъ нашихъ древнихъ вещахъ. Для примѣра было указано на воздвизальный крестъ епископа Антонія (1212 г.), братину XV в., окладъ рукописнаго евангелія Симеона Гордаго 1344 г. и басменный окладъ изъ музея Коробанова (описаніе Г. Д. Филимонова). — Послѣдніе образцы представляютъ собою даже тожественное повтореніе орнаментовъ царскихъ вратъ церкви с. Монастырщины. — На основаніи всѣхъ этихъ признаковъ эти врата должны относиться къ XV вѣку, а можетъ быть даже и къ концу XIV вѣка“ [1]).

Выводъ, сдѣланный на основаніи изложенныхъ археологическихъ данныхъ и критическихъ соображеній, представляется вѣроятнымъ; тѣмъ не менѣе, въ виду документальныхъ историческихъ свидѣтельствъ о томъ, что даже въ концѣ XVI-го вѣка при устьѣ р. Непрядвы была только сторожевая дуброва, а въ окрестностяхъ — „дикое поле“, необходимо признать временемъ сооруженія царскихъ вратъ с. Монастырщины не XIV-й и не XV-й, а развѣ самый конецъ XVI-го или, вѣроятнѣе, даже начало XVII-го вѣка, къ которому относится и напрестольное Евангеліе. Этому не противорѣчатъ и вышеуказанныя „признаки“ древности царскихъ вратъ. Въ интересѣ археологическомъ, вышеизложеннымъ соображеніямъ и основаніямъ для нихъ можно противопоставить слѣдующія данныя и соображенія. — а) Хотя „стрѣльчатая кривая линія,

[1]) Правительственный Вѣстникъ. 1884 г. мартъ, 8-е. № 54-й. Стр. 2—3-я.

составляющая верхнее очертаніе царскихъ вратъ, представляетъ собою явленіе довольно рѣдкое", однако нельзя утверждать, что она относится только къ XIV-му вѣку. Криволинейное-стрѣльчатое очертаніе встрѣчается на окладахъ Евангелій XVII-го вѣка: съ такимъ очертаніемъ, напр., угольныя клейма на окладѣ напрестольнаго Евангелія 1689 года, хранящагося въ ризницѣ Спасо-Преображенскаго монастыря, въ Ярославлѣ и др. — Криволинейное-стрѣльчатое очертаніе вверху имѣютъ царскія врата въ храмахъ не только XV-го, но и XVI-го и XVII го вѣковъ: таковы царскія врата въ Пятницкой церкви въ с. Городищѣ, на правомъ берегу Оки, въ Каширскомъ уѣздѣ. И вообще, криволинейное-стрѣльчатое очертаніе верха царскихъ вратъ въ сущности есть тотъ же криволинейный-стрѣльчатый кокошникъ, который обыкновенно служитъ украшеніемъ наличниковъ на окнахъ и дверяхъ храмовъ XVII-го вѣка. б) Трехугольные щипцы надъ клеймами царскихъ вратъ подходятъ къ щипцамъ, которые „употреблялись для украшенія оконъ и дверей въ западной Европѣ въ XIV—XV столѣтіи"; но изъ такого сближенія нельзя сдѣлать ни малѣйшаго научнаго вывода: нельзя же предполагать, чтобы строитель Монастырщинскихъ царскихъ вратъ, русскій мастеръ, въ XIV—XV вѣкахъ подражалъ въ данномъ случаѣ западно-европейскимъ образцамъ. б) Наконецъ, „орнаментика царскихъ вратъ представляетъ собою видоизмѣненіе древне-византійскаго мотива" но такое видоизмѣненіе орнаментики весьма разнообразно и тотъ или другой ея образчикъ можно находить какъ въ древнѣйшихъ, такъ и, сравнительно, позднѣйшихъ произведеніяхъ искусства, въ особенности церковнаго: таковъ, напр., растительный орнаментъ въ видѣ виноградной лозы, получившій начало въ первые вѣка христіанства и повторяющійся доселѣ; таковъ и травчатый орнаментъ въ видѣ побѣга, вьющагося кольцами, обрамленный веревочкой, — его образчики встрѣчаются на предметахъ XVI и XVII-го вѣка, напр., одинъ и тотъ же орнаментъ на окладѣ напрестольнаго Евангелія 1568 года, хранящагося въ Московскомъ Благовѣщенскомъ соборѣ, и на напрестольномъ крестѣ 1612 года, хранящемся въ ризницѣ Тульскаго архіерейскаго дома. — Такимъ образомъ и въ этомъ случаѣ оказывается справедливымъ положеніе, что „сравненіе еще не есть доказательство".

Кромѣ Евангелія и царскихъ вратъ, въ той же церкви с. Монастырщины сохранился оловяный потиръ: чаша его въ видѣ правильнаго полушарія. По своей формѣ онъ можетъ быть отнесенъ къ XVII-му вѣку.

Итакъ, всѣ церковные памятники, сохранившіеся въ с. Монастырщинѣ, не восходятъ ранѣе начала XVII-го или, въ крайнемъ случаѣ, конца XVI-го вѣковъ.

На вопросъ, кому принадлежало село Монастырщина, у Афремова находится слѣдующій отвѣтъ: „Иноки Успенскаго монастыря Ѳеодосіевскаго городища, въ Епифани, конечно, первые усвоили себѣ поселокъ этотъ въ монастырское владѣніе, отъ чего и получило село это второе названіе Монастырщины (а первое, разумѣется, Рождествено). — Когда же при царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ и правителѣ Борисѣ Ѳедоровичѣ Годуновѣ, 1591 года, по освобожденіи Москвы отъ Крымскаго Хана Казы-Гирея, для торжества знаменитому образу Донской Богородицы, бывшему съ Димитріемъ Донскимъ на Куликовской битвѣ, былъ поставленъ въ Москвѣ Донской монастырь; то и село Рождествено-Монастырщина было по указу патріарха Іова, или по возобновленіи

монастыря этого 1688 года, указомъ патріарха Адріана приписано къ Донскому монастырю и оставалось за нимъ по 1764 годъ, до поступленія монастырскихъ отчинъ въ вѣдомство коллегіи Экономіи". Въ основаніе этихъ сбивчивыхъ и нерѣшительныхъ предположеній г. Афремовъ полагаетъ слѣдующее преданіе: „Заслуженный епифанскій дворянинъ И. А. Савельевъ въ долговременную службу свою по Епифани лично слыхалъ отъ Рождественскихъ старожиловъ, что село ихъ принадлежало къ Донскому монастырю; бывшій здѣсь при битвѣ и построеніи церкви, 1380 года, знаменитый образъ Донской Богоматери подтверждаетъ (?) показаніе это. Тульскій писатель Ѳ. Покровскій въ своемъ „Димитріѣ Донскомъ" 1823 года и извѣстный московскій археологъ, покойный М. Макаровъ въ брошюрѣ своей о селѣ Рождественѣ-Монастырщинѣ 1826 года, оба относятъ село это къ вѣдомству Крутицкаго монастыря, но безъ всякихъ доказательствъ [1])." Предположеніе г. Афремова, основанное на „показаніи старожиловъ с. Монастырщины", записанномъ со словъ епифанскаго дворянина Савельева, оказывается совершенно несправедливымъ, а мнѣніе гг. Покровскаго и Макарова, хотя высказано и „безъ всякихъ доказательствъ", тѣмъ не менѣе можетъ быть доказано положительно. — По свидѣтельству подписей на церковно-богослужебныхъ книгахъ, доселѣ сохранившихся въ Рождественской церкви с. Монастырщины, крестьяне этого села въ XVIII и XVII вѣкахъ были вотчинными епископовъ Сарскихъ и Подонскихъ иначе — Крутицкихъ. Книги эти слѣдующія:

а) Тріодь цвѣтная, издана въ Москвѣ, повелѣніемъ... Ѳеодора Алексѣевича и пр., благословеніемъ же куръ Іоакима патріарха и пр. 1680 года; по мѣстамъ (съ 5 по 39-й) хорошо сохранилась слѣдующая подпись: „Лѣта 7193-го года марта... падона сия книга треоть тветная епиѳанского уѣзду села рожественнаго въ церковь рожества пресвятыя Богородицы а прислалъ сию книгу Преосвященный Варсоноѳіи митрополитъ сарѣскиі и подонскиі вприкладъ вдомовую вотчины всело рожественное в церковь рожества Богородицы Аминь".

б) Минея мѣсячная. Февраль. Издана 1750 года. По листамъ подпись: „Сия книга глаголемая месечная минея Епифанскаго уѣзду вотчины святѣйшаго правительсвтующаго Синода члѣна Преосвященнаго Иларіона енископа Сарскаго и подонскаго села Рожествена церкви Рожества пресвятыя Богородицы что стоитъ при реке непрядве куплена вцерковь Божію на церковныя денги а подписалъ сию книгу тояжь церкви діаконъ Симеонъ Никитинъ своею рукою".

в) Минея мѣсячная. Мартъ. Съ точно такою же подписью и съ хронологической датой въ ней: „мѣсяца марта 15 числа 1760 году".

Митрополиты и епископы Сарскіе и Подонскіе, какъ извѣстно, жили въ Москвѣ на Крутицахъ (— крутомъ холмѣ между двухъ потоковъ Сары и Подона), отъ чего и епархія ихъ называлась крутицкою. Этой-то епархіи и принадлежало село Рождествено, а будучи вотчиной епископа и состоя въ зависимости отъ архимандритовъ, завѣдывавшихъ вотчиною, иначе селомъ монастырскимъ, оно названо Монастырщиной въ отличіе отъ селъ боярскихъ.

---

[1]) И. Афремовъ. Куликово поле. Москва. 1849 г. Стр. 60 – 61-я и примѣч. 422-е.

Наконецъ на то, что часть земли на Куликовомъ полѣ, именно по правому берегу Непрядвы, отъ устья рѣчки Ситки къ устью Непрядвы, принадлежала епископу Сарскому и Подонскому, паходится прямое указаніе въ межевой книгѣ, съ которой сохранилась точная „Выпись“ 1675 года въ числѣ актовъ упраздненнаго Тульскаго Предтечева монастыря. Вотъ полный и орфографически точный текстъ этого весьма важнаго документа.

„Лѣта 7183 (т.-е. отъ Р. Хр. 1675 г.) сентября въ 20 день по Государеву цареву и великого князя Алексѣя Михайловича всеа великия и малыя и бѣлыя Росіі самодержца именному указу і по грамоте ис помеснаго приказу за приписью дьяка Ивана Протопопова столникъ и воевода Стефанъ Еоремовичъ Нелединской пріѣхавъ въ Епифанской уѣздъ за реку Непрядву на Куликова поля на устья речки Ситны по обѣ стороны і взялъ с собою тутошныхъ сторонпихъ людей і при техъ попятыхъ отмежевалъ изъ дикого поля земли Тулы города Предтечеву монастырю по обѣ стороны речки Ситенки до устья нодъ дворы тридцать пять местъ крестьянскихъ да подъ монастырской дворъ і подъ огороды і подъ огуменники десять да па выгонъ земли дватцать десятинъ да на пашню двести десятинъ въ поле, а в дву потомужь сепа по реке Непрядве і по речке Ситенке на двести па пятдесятъ копенъ вмѣсто той земли, которая земля по именному великого Государя указу взята у Предтечева монастыря гъ Богородицкому городу, а межа той вотчинной земле Тулы города Предотечева монастыря села Покровского почепъ отъ реки Непрядвы, а подле реки столбъ на немъ двѣ грани подле ево яма, а тотъ столбъ стоитъ противъ крутова верха, а отъ того столба и отъ ямы прямо хъ крутому верху і тѣмъ верхомъ въ верхъ на березу на ней двѣ грани, а отъ столба до березы одиннадцать длинниковъ полпятадесятъ саженъ, а отъ тоі березы темъ же верхомъ на березужъ, на ней двѣ грани подле ее яма, а отъ березы до березыжъ два длинника сорокъ четыре сажени, а отъ той березы і отъ верху направо вкруте черезъ степъ па столбъ на немъ двѣ грани подле ево яма, а отъ березы до столба два длинника тридцать шесть саженъ, а отъ того столба на столбъ же на немъ двѣ грани подле ево яма, а отъ столба до столба три длинника, а отъ того столба на столбъ же на немъ двѣ грани подле ево яма, а отъ столба до столба три длиппика, а отъ того столба на столбъ же на немъ двѣ грани подле ево яма, а отъ столба до столба три длинника, а тотъ столбъ стоитъ у верха на горе, а отъ того столба черезъ верхъ на столбъ же на немъ двѣ грани подле ево яма, а отъ столба до столба три длиппика, а отъ того столба на столбъ же на немъ двѣ грани подле ево яма, а отъ столба до столба три длиппика, а отъ того столба на столбъ же на немъ двѣ грани подле ево яма, а отъ столба до столба три длинника, а отъ того столба на столбъ же на немъ двѣ грани подле ево яма, а отъ столба до столба три длиппика, а отъ столба на столбъ же а тотъ столбъ стоитъ у верха на берегу противъ грани, что на березе за верхомъ вотчинной земли преосвященного Іосиѳа, архиепископа коломенского і коширского, а па томъ столбе двѣ грани подле ево яма, а отъ столба до столба пять длинниковъ, а отъ того столба направо темже верхомъ подле граней преосвященного Іосифа, архиепископа коломенского і коширского до речки Ситенки до столба, что у речки Ситенки, а тотъ столбъ стоитъ опчей межъ вотчин-

ной земли Тулы города Предтечева монастыря села Покровскаго і межъ вотчинной земли преосвященного Іосиѳа, архіепископа коломенского і коширского направе земля і лугъ и сенныя покосы и всякия угодья Тулы города Предтечева монастыря села Покровскаго, а налеве земля і лугъ и всякия угодья домовые вотчины преосвященного Іосиѳа, архіепископа коломенского і коширского, а отъ того опщего столба черезъ речку Ситенку на олху, а та олха стоитъ на берегу речки Ситенки межъ вотчинной земли преосвященного Іоны, митрополита ростовскаго і ерославскаго і межъ вотчинной земли Тулы города Предтечева монастыря села Покровского а отъ той олхи вверхъ темже верхомъ по опщимъ гранямъ межъ вотчинной земли преосвященного Іопы митрополита ростовского і ерославского да Тулы города Предотечева монастыря села Покровского до первой грани что стоитъ на берегу у реки Непрядвы і отъ той олхи до того столба что у реки Непрядвы по опщимъ гранямъ направе земля і лугъ и всякия угодья Тулы города Предтечева монастыря села Покровского а налева земля і лугъ и всякия угодья преосвященного Іоны митрополита ростовского і ерославского а для безлесья в леса воѣзжать Предтечева монастыря крестьяномъ въ дубровы что отписаны на великого государя къ селу Михайловскому із описной земли Андрея Щепотева что осталось за дачами преосвященного Павла митрополита сарскаго і подонского і преосвященного Іосиѳа архіепископа коломенского і коширского по верховьямъ речкамъ Дубинамъ і по отвершкамъ в техъ же урочищахъ а на межеванье были Богородицкого города пушкари Иванъ Камаевъ Лука Выдринъ Прохоръ Дропинъ да богородицкого уезду великого государя волосные крестьяпя села Михайловского староста Ісай Ивановъ да крестьянинъ Ананья Ивановъ да домо́вые вотчины преосвященного Іосиѳа архіепископа коломенского і коширского староста Тарасъ Васильевъ да крестьянинъ Ѳедоръ Ломовъ а дана ся выпись впредь для спору с розными помѣщики і для земляного владѣнья тульского Предтечева монастыря Ігумену Корнилию з братьею у сей выписи столникъ і воевода Стеѳанъ Еѳремовичъ Нелединской приписалъ своею рукою Столникъ Стеѳанъ Нелединской“ *).

Такимъ образомъ, по указанію Выписи съ межевой книги, 1675 года, разграниченіе монастырскихъ вотчинъ на Куликовыхъ поляхъ было слѣдующее: а) Прямо отъ устья р. Ситки, по обѣ стороны, вотчина Тульскаго Предтечева монастыря. Здѣсь было село Покровское, теперь деревня Покровская и деревня Ситки. б) Вправо отъ вотчины Предтечева монастыря, къ устью Непрядвы — дачи митрополита Сарскаго и Подонскаго. Здѣсь с. Рождествено-Монастырщина. в) Налѣво отъ вотчины Предтечева монастыря или вверхъ по Непрядвѣ — земля Ростовскаго митрополита, гдѣ теперь с. Ростово. г) Южнѣе вотчины Предтеченской и Ростовской, но сопредѣльно съ ними — земля Коломенскаго архіепископа, гдѣ нынѣ с. Коломенское (на правомъ берегу Ситки). д) На противоположномъ, сѣверномъ или лѣвомъ, берегу Непрядвы, прямо противъ устья Ситки — „царская десятина“ или дворцовое село Михайловское, существующее доселѣ.

---

*) Подлинная „Выпись“ — на свиткѣ (длины 1 арш. 6 верш.), хранится въ числѣ документовъ Предтечева монастыря въ Тульскомъ Епархіальномъ Древлехранилищѣ. Напечатана въ сборникѣ: „Матеріалы для историко-статистическаго описанія Тульской епархіи“, т. 1-й. Тула. 1884 г. Стр. 63—66-я. № 20.

Итакъ, только въ концѣ XVI-го в. могли быть, а въ XVII-мъ вѣкѣ дѣйствительно явились на берегахъ Непрядвы села съ русскимъ православно-христіанскимъ населеніемъ. Эти села принадлежали большею частію епископамъ разныхъ епархій, какъ вотчины, и отчасти государю. Монастырскіе крестьяне впослѣдствіи перешли въ вѣдомство Коллегіи Экономіи. Объ этомъ, между прочимъ, свидѣтельствуетъ одна надпись на колоколѣ с. Ростова; эта надпись слѣдующаго содержанія: „1774 году епіоанскаго уѣзду вѣдомства калеги економи села Спаскаго церкви Преображенія Господня. вѣсу 39 пуд.“ Внизу рельефными буквами: „лилъ мастеръ Семенъ Можжухинъ“. На колоколѣ вылиты изображенія: вверху херувимы, на сторонахъ — Іисусъ Христосъ и апостолъ Іоаннъ.

По всѣмъ вышеописаннымъ памятникамъ, приведеннымъ свидѣтельствамъ и изложеннымъ соображеніямъ очевидно, что берега р. Непрядвы въ собственно-историческое время имѣли прямую и тѣсную связь съ такими центрами Русскаго государства, какъ Москва и Ростовъ Великій. Находясь въ полной зависимости — государственной и церковной — отъ Московскаго государя царя и господина патріарха, а также отъ подвластныхъ имъ городовъ и каѳедръ, населеніе береговъ р. Непрядвы вело упорную и успѣшную борьбу какъ съ иновѣрными враждебными племенами, такъ и съ разнообразными вліяніями ихъ культуры, почему и сохранило доселѣ твердо неизмѣннымъ свой родной бытъ, православно-народный духъ и велико-русское парѣчіе.

Существовало ли славянское племя Суличи?

В. Завитневича.

Между славянскими племенами, вошедшими въ составъ русскаго государства, есть одно, которое въ различныхъ лѣтописныхъ спискахъ носитъ различное названіе: Улучи, Уличи, Улици, Угличи, Улутичи, Лютичи, Лутичи, Лучане, Суличи. Несовсѣмъ согласно указано въ лѣтописяхъ и географическое положеніе этого племени. Въ Лаврентьевскомъ спискѣ читаемъ: „а Улучи, Тиверьци сѣдяху по Днѣстру, присѣдяху къ Дунаеви; бѣ бо множество ихъ, сѣдяху бо по Днѣстру, оли до моря, суть гради ихъ и до сего дне. Да то ся зваху отъ грекъ Великая Скуѳь“ (П. С. Р. Л. т. I, стр. 5). Напротивъ, въ спискахъ Ипат., Радз. и Троицк. сказано, что они жили „по Бугу и по Днѣпру“. Никоновская лѣтопись, сказавъ о покореніи ихъ Игоремъ, добавляетъ: „И бѣша сѣдяше Угличи по Днѣпру внизъ; и по семъ пріидоша межи воинъ дѣстръ, и сѣдоша тамо“ (т. IX, стр. 26; сравн. также варіанты: т. V, стр. 97 и т. VII, стр. 277). Эти данныя послужили основаніемъ для цѣлаго ряда догадокъ и предположеній какъ относительно самаго названія этого племени, такъ и относительно его географическаго положенія. Татищевъ, принявъ въ основаніе варіантъ „Угличи“, полагаетъ, что они жили по лѣвому притоку Днѣпра-Орели, „его же, по словамъ Ипат. лѣтописи, Русь зоветъ Уголъ“ (т. II, стр. 128). Шлецеръ, предпочитая варіантъ „Суличи“ всѣмъ остальнымъ, готовъ былъ бы производить это названіе отъ р. Сулы; но его смущаетъ извѣстіе лѣтописи о томъ, что Суличи, вмѣстѣ съ Тиверцами, „сѣдяху по Днѣстру, присѣдяху къ Дунаеви“ (Несторъ, ч. II, стр. 280). Карамзинъ тоже признаетъ чтеніе Суличи и считаетъ ихъ народомъ, жившимъ по р. Сулѣ и родственнымъ черниговскимъ сѣверянамъ. Но онъ не игнорируетъ и другіе варіанты. Лутичи, напр., вмѣстѣ съ Тиверцами, по его мнѣнію, „жили по Днѣстру до самаго моря“. Угличи („если это не описка Суличи“), по его мнѣнію, „обитали нѣкогда близъ р. Орели и поселились наконецъ недалеко отъ Переяславля и Кіева, гдѣ былъ городъ Пересѣченъ“. Сообразно съ этимъ и выраженіе Никоновской лѣтописи: „межи воинъ дѣстръ“ онъ предлагаетъ читать: межи Воинъ и Днѣпръ, ибо —

добавляетъ онъ — Воинемъ называлась рѣка или мѣсто за Переяславлемъ на востокъ (Истор. Г. Р. 1842 г. т. I, стр. 77 и примѣч. 301 и 362). Совершенно иначе смотритъ на дѣло Шафарикъ. Варіантъ „Суличи“ онъ категорически отвергаетъ на двухъ основаніяхъ: во-первыхъ потому, что „жители Сулы были сѣверяне“, во-вторыхъ потому, что названіе Суличи, если его производить отъ р Сулы, будетъ *необыкновеннымъ;* правильная же его форма должна быть *Суляне* (Слав. Древн. т. II, кн. I, стр. 209). Изъ другихъ же варіантовъ Шафарикъ предпочитаетъ *Угличи* и думаетъ, что племя это жило по обѣимъ сторонамъ р. Буга, до самаго Днѣпра. Послѣ, вѣроятно, тѣснимые Печенѣгами, вышли они (Угличи) оттуда въ Сѣверную землю, на р. Воинъ, называемую теперь Вьюнкою, и впадающую слѣва въ Остеръ (нѣкогда, можетъ быть, Естеръ, откуда испорченное въ рукописяхъ Дестръ, Дрестръ, Днѣстръ), ниже Нѣжина, въ губерніи Черниговской (ib. стр. 210). Оба эти возраженія Шафарика противъ варіанта „Суличи“ не имѣютъ теперь значенія. Послѣ произведенныхъ недавно въ Посульскомъ краѣ археологическихъ раскопокъ о племенномъ тождествѣ посульцевъ съ Сѣверянами, какъ увидимъ ниже, не можетъ быть и рѣчи. Мнѣніе же, что названіе Суличи не могло произойти отъ рѣки Сулы, основано на ошибочномъ предположеніи, будто бы форма на „ичи“ можетъ быть только въ названіяхъ народныхъ, происшедшихъ отъ именъ родоначальниковъ колѣнъ (nomen patronymicum) и никогда будто бы не встрѣчается въ именахъ тоническихъ или мѣстныхъ, происшедшихъ отъ названій краевъ, острововъ, городовъ, горъ, рѣкъ и озеръ. Мнѣніе это опровергается существованіемъ массы именъ, не подходящихъ подъ это правило. Таковы, напр., Боровичи, Деревичи, Дорогожичи, Горыничи, Мѣстичи, Низовичи, Онополичи, Березовичи, Дреговичи или Дрягвичи, Москвичи, Псковичи, Тверичи, Пермичи, Тотмичи, Вымичи, Сысоличи и проч. Послѣднія два названія взяты изъ документа, въ которомъ идетъ рѣчь о населеніи, занимавшимся рыбнымъ и другими промыслами по рѣкамъ Выми и Сысолѣ.

Изъ мнѣній позднѣйшихъ ученыхъ по этому вопросу отмѣтимъ слѣдующія. Ф. К. Брунъ принимаетъ чтеніе „Угличи“ и производитъ это названіе отъ *угла,* образуемаго нижнимъ теченіемъ рѣки Днѣпра и западнымъ берегомъ Азовскаго моря, гдѣ, по его мнѣнію, жили Угличи. Надеждинъ тоже принимаетъ это чтеніе, но думаетъ, что Угличи занимали степную часть теперешней Бессарабіи, т.-е. *Уголъ*, или изгибъ Черноморскаго побережья между устьями Днѣстра и Дуная, который до сихъ поръ называется турецко-татарскимъ словомъ Буджанъ, что значитъ *уголъ*. Вообще это чтеніе сдѣлалось въ настоящее время господствующимъ, хотя его не знаетъ ни одна изъ древнѣйшихъ лѣтописныхъ редакцій. Н. П. Барсовъ, возражая противъ мнѣенія Надеждина, замѣчаетъ, что въ древней Руси заливы и вообще изгибы морскаго побережья, назывались *лукою моря*, *лукоморьемъ;* въ виду этого онъ склоненъ принять чтеніе „Улучи“ (Улучци) и производитъ его отъ слова „лука“ — изгибъ, заливъ: Улучи — жители излучистаго поморья (Очерки Русск. Ист. Географ. Изд. второе, стр. 96—97 и примѣч. 162). А. Ѳ. Бычковъ находитъ, что всѣ варіанты этого имени указываютъ на то, что вѣроятное ихъ написаніе было „Ульци“ (Уличи).

Ошибка всѣхъ этихъ ученыхъ въ данномъ случаѣ заключается въ томъ, что, отдавая предпочтеніе тому или другому варіанту, они слишкомъ большое значеніе при-

дают тому, насколько слово поддается объясненію, осмысленію, забывая при этомъ, что всѣ эти варіанты могли произойти именно отъ того, что переписчики, находя первоначальное чтеніе непонятнымъ для себя, стали придумывать свои собственныя названія племени, болѣе поддававшіяся объясненію. Возможно поэтому, что, осмысливая тотъ или другой варіантъ, мы этимъ лишь устанавливаемъ тотъ уголъ зрѣнія, подъ которымъ смотрѣлъ на него самъ первый изобрѣтатель. Въ виду этого мы находимъ, что научнѣе будетъ искать рѣшенія этого вопроса путемъ сопоставленія между собою параллельныхъ мѣстъ, взятыхъ изъ различныхъ лѣтописныхъ редакцій. Въ этомъ отношеніи особеннаго вниманія заслуживаетъ извѣстіе, записанное лѣтописцемъ подъ 885 годомъ, гдѣ упоминается и разсматриваемое нами племя. Въ различныхъ лѣтописныхъ редакціяхъ мѣсто это читается различно. Въ Радзивильскомъ и Академическомъ спискахъ оно читается такъ. Перечисливъ племена, которыми уже владѣлъ Олегъ, лѣтописецъ добавляетъ: „а съ суличи и тиверцы имяше рать“. Въ Троицкомъ спискѣ оно читается такъ: „а по суличи...“; въ Лаврентіевскомъ: „а суличи“; въ Ипатіевскомъ и Переяславскомъ: „а со оуличи“. Непосредственно очевидно, что всѣ эти варіанты произошли отъ исполненія какого-то одного первоначальнаго чтенія. Какой же изъ этихъ варіантовъ слѣдуетъ признать первоначальнымъ? Конечно тотъ, изъ котораго легче всего объяснить происхожденіе другихъ. Такимъ варіантомъ мы признаемъ чтеніе Радз. и Акад. списковъ. Благодаря стеченію здѣсь двухъ одинаковыхъ согласныхъ — „с“ (а съ суличи), одно изъ нихъ легко могло быть пропущено переписчикомъ. Дѣлая такое предположеніе, мы не допускаемъ ничего произвольнаго. Пропускъ предлога „съ“ предъ словомъ, начинающимся согласною „с“, въ древнѣйшихъ памятникахъ письменности встрѣчается часто. Вотъ примѣры. Въ смоленскомъ договорѣ съ Ригою 1229 г. читаемъ: „застанете своею женою“ — вмѣсто *съ своею женою;* въ Полоцкой грамотѣ, писанной въ Ригу около 1300 года: „стою своими дѣтми“ — вмѣсто *съ своими дѣтми;* въ евангеліи XIII—XIV в. (Рум. Муз. № 107): „начнеши студомъ держати“ — вмѣсто *съ студомъ держати* (см. „Лекціи по Исторіи Русскаго языка“ А. И. Соболевскаго. Кіевъ 1888 г.). Такимъ же точно образомъ вмѣсто „а съ суличи“ получился варіантъ Лавр. списка — „а суличи“ или „а соуличи“, такъ какъ составное „оу“ писалось не только въ началѣ словъ, но и въ срединѣ. Слѣдующій же переписчикъ, принявъ начальное „со“ за предлогъ, оттянулъ его отъ существительнаго „соуличи“ (при чемъ составное „оу“ расчленилось) и такимъ образомъ получится варіантъ Ипат., Переясл. и Хлѣбниковскаго списковъ — „а со уличи“. А такъ какъ въ началѣ словъ всегда писалось „оу“, а не „у“, то чтеніе „со уличи“, при дальнѣйшей перепискѣ, должно было перейти въ „со оуличи“, Что же касается чтенія Троицк. списка — „а по суличи“, то на него слѣдуетъ смотрѣть какъ на простое искаженіе чтенія „а съ суличи“, исполненія, не лишеннаго нѣкоторой тенденціи. Возможно, что существовали лѣтописныя редакціи, въ которыхъ разсматриваемое мѣсто читалось — „а съ по-суличи“, т.-е. съ посулянами, на что, повидимому, и намекаетъ чтеніе Троицк. списка.

Итакъ, чтеніе *Суличи* имѣетъ всѣ права на то, чтобы за нимъ признано было право на существованіе. Чтеніе это, во-первыхъ, встрѣчается въ четырехъ древнѣйшихъ лѣтописныхъ спискахъ: Лавр., Радз., Акад. и Троицк.; во-вторыхъ, изъ этого

чтенія совершенно естественно, безъ малѣйшихъ натяжекъ, объясняются варіанты другихъ древнихъ списковъ: Ипат., Хлѣбн. и Переясл.; въ третьихъ, наконецъ, чтеніе *Суличи,* какъ увидимъ ниже, совершенно естественно объясняется фактомъ существованія въ Посульскомъ краѣ особаго племени, которое, какъ показали позднѣйшія археологическія раскопки, существенно отличалось отъ сосѣднихъ Сѣверянъ и которому всего естественнѣе было называться Суличами.

Нашъ начальный лѣтописецъ, говоря о разселеніи славяно-русскихъ племенъ, между прочимъ замѣчаетъ: „а другіи сѣдоша по Деснѣ, и по Семи, по Сулѣ, и нарекошася Сѣверъ“. Здѣсь ясно сказано, что область разселенія Сѣверянъ не ограничивалась системою Десны и Семи, а простиралась далеко на югъ, въ область Сулы. На основаніи этого извѣстія въ нашей исторической литературѣ издавна утвердилось мнѣніе, что жители Посулья были Сѣверяне. Но въ настоящее время отъ этого мнѣнія приходится отказаться. На основаніи данныхъ, заимствуемыхъ частію изъ лѣтописи, частію добытыхъ путемъ археологическихъ раскопокъ, типъ сѣверянской народности съ нѣкоторыхъ сторонъ достаточно уясненъ. Въ начальной лѣтописи о Сѣверянахъ, совмѣстно съ Радимичами и Вятичами, между прочимъ сказано: „И Радимичи, и Вятичи, и Сѣверъ одинъ обычай имяху:... аще кто умряше, творяху трызну надъ нимъ, и по семъ творяху кладу велику, и возложахуть и на кладу мертвеца, сожьжаху, а по семъ собравше кости, вложаху въ судину малу и поставляху на столпѣ на путехъ, еже творятъ Вятичи и нынѣ“ (П. С. Р. Л. т. I, стр. 6). Это прямое свидѣтельство нашего древняго лѣтописца о сожиганіи Сѣверянами своихъ покойниковъ въ настоящее время вполнѣ подтверждено археологическими данными, добытыми Д. Я. Самоквасовымъ путемъ раскопокъ, произведенныхъ имъ въ области, отведенной тѣмъ же лѣтописцемъ для сѣверянскихъ поселеній (Сѣверянскіе курганы. См. Труды третьяго Археологич. Съѣзда въ Россіи. Кіевъ 1878 г. Т. I). Но на-ряду съ этимъ типомъ кургановъ въ этой же области встрѣчается другой, существенно отличный отъ сѣверянскаго, главный центръ котораго отодвигается въ систему р. Сулы, тогда какъ главная масса кургановъ перваго типа сосредоточивается въ системѣ р. Десны. Изъ могильниковъ этого втораго типа болѣе другихъ изслѣдованъ *липовскій,* расположенный по р. Ромну, правому притоку Сулы. Трудами Д. Я. Самоквасова, С. А. Мазараки и г. Кибальчича въ этомъ могильникѣ раскопано до 150 кургановъ. Форма погребенія здѣсь покойниковъ служитъ несомнѣннымъ доказательствомъ того, что мы имѣемъ дѣло съ типомъ, существенно отличнымъ отъ сѣверянскаго. Область распространенія кургановъ, тождественныхъ съ липовскими, насколько теперь извѣстно, простирается до самаго Днѣпра, гдѣ она широко раскинулась въ направленіи съ сѣвера на югъ: болѣе 500 кургановъ въ окрестностяхъ г. Чернигова, болѣе 1000 кургановъ у г. Переяславля Полтавской губеніи, до 30 кургановъ въ Новгородѣ-Сѣверскомъ уѣздѣ, у села Лариновки и до 50 кургановъ у села Мериновки, подъ Стародубомъ, будучи, какъ это засвидѣтельствовалъ Д. Я. Самоквасовъ, (Антропол. Выст. Общ. Любит. Естествозн. Т. II, стр. 243) „совершенно сходны по формѣ и величинѣ насыпей, по устройству могилъ, положенію остововъ въ могилахъ и вещахъ, при нихъ найденныхъ“, въ то же время, какъ оказалось, совершенно сходны въ разсматриваемомъ отношеніи съ курганами липовскими, занимающими громадное про-

странство въ десятинъ 80. Вотъ какъ, напр., г. Самоквасовъ характеризуетъ вышеупомянутые черниговскіе курганы: „во всѣхъ курганахъ костяки были находимы ниже земной поверхности, въ могилахъ на глубинѣ отъ одного аршина и трехъ четвертей до трехъ аршинъ, съ головами, обращенными на западъ, лицомъ вверхъ и руками, сложенными на груди или на животѣ, безъ украшеній или съ бѣдными украшеніями, состоявшими изъ сережекъ, ушныхъ колецъ, бусъ, привѣсокъ, ручныхъ колецъ, желѣзныхъ ножиковъ, пряжекъ, пуговокъ, серебряныхъ позументовъ“ и пр. (ibid.). Читая эту характеристику, можно подумать, что она извлечена изъ неизданныхъ еще дневниковъ г. Мазараки, составленныхъ при раскопкѣ кургановъ липовскихъ. Такъ разительно сходство между этими отдѣльными группами. По свидѣтельству же г. Кибальчича, и курганы у города Канева Кіевской губерніи „по формѣ и содержанію тождественны съ курганами у села Липоваго и города Ромны“ (ibid. стр. 98). Есть также много общаго между названными курганами и бѣлогородской группой, расположенной въ Суджанскомъ уѣздѣ, въ Миропольской волости, у Бѣлогородской Николаевской пустыни, на возвышенномъ берегу р. Псла, хотя г. Самоквасовъ и затрудняется признать эти группы тождественными (ibid. 180).

Въ виду того, что курганы обоихъ разсматриваемыхъ типовъ переплетаются, такъ сказать, между собою географически, — не слѣдуетъ ли сдѣлать заключеніе, что оба эти типа принадлежали одному и тому же Сѣверянскому племени? У нѣкоторыхъ славянскихъ племенъ дѣйствительно одновременно существовали обѣ эти формы погребенія, т.-е. сожженія и зарыванія въ землю покойниковъ. Но гдѣ это практиковалось, тамъ, во-первыхъ, оба эти типа погребенія встрѣчаются въ однихъ и тѣхъ же могильникахъ, такъ что въ сосѣдствѣ съ курганомъ, заключающимъ въ себѣ кострище, можно встрѣтить курганъ, насыпанный надъ погребеннымъ покойникомъ; во-вторыхъ, въ могильникахъ этого рода, кромѣ разсматриваемой черты, во всемъ остальномъ курганы бываютъ сходны между собою; и кострища и костяки, напр., находятся въ одномъ и томъ же положеніи относительно поверхности земли; находимыя въ курганахъ вещи принадлежатъ къ одному и тому же типу и т. д. Намъ лично пришлось встрѣтить могильникъ такого рода въ окрестностяхъ г. Рѣчицы Минской губерніи. Съ совершенно другимъ явленіемъ встрѣчаемся въ данномъ случаѣ. Могильниковъ, въ которыхъ встрѣчались бы курганы съ обѣими формами погребенія (сожженія и зарыванія покойниковъ) здѣсь вовсе не встрѣчается; Суличи погребали своихъ покойниковъ въ глубокихъ ямахъ; сѣверянскія кострища всегда находятся выше уровня земли; въ сѣверянскихъ курганахъ можно встрѣтиться съ богатымъ оружіемъ, состоявшимъ изъ мечей, кольчугъ, шлемовъ, топоровъ, ножей, съ слитками не только серебра, но и золота, съ монетами византійскихъ императоровъ и пр., между тѣмъ какъ въ курганахъ второй категоріи, хотя ихъ раскопано не меньше первыхъ, ничего подобнаго не найдено. Отождествлять послѣ этого Черниговскихъ Сѣверянъ съ Переяславскими Суличами, это значитъ противорѣчить непосредственно очевидной истинѣ. Итакъ, лѣтописныя свидѣтельства и данныя археологіи, будучи сопоставлены между собою, приводятъ къ несомнѣнному убѣжденію, что вопросъ о существованіи славянско-русскаго племени Суличей долженъ быть рѣшенъ утвердительно.

Но признавая чтеніе *Суличи,* мы тѣмъ не менѣе нисколько не расположены доказывать, что всѣ другіе варіанты (напр.: Лютичи, Лучане, Угличи и др.) произошли непремѣнно путемъ искаженія этого первоначальнаго чтенія. Наши Суличи составляли конечно лишь отдѣльную вѣтвь племени Антовъ, жившаго, по словамъ Прокопія, къ сѣверу отъ Меотиды и дѣлившагося на „безчисленные роды“, изъ которыхъ каждый могъ носить свое собственное названіе. Впослѣдствіи большая часть этихъ мелкихъ родовъ могла утратить свою самостоятельность и слиться съ другими; но имена ихъ могли еще долго сохраняться въ народной памяти. Вотъ эти то имена и могли сбивать съ толку позднѣе жившихъ лѣтописцевъ и ихъ переписчиковъ. Не нужно также забывать и того, что перемѣна народомъ мѣста жительства могла сопровождаться и перемѣной его имени. Извѣстно, напр., что Древляне получили свое названіе отъ того, „зане сѣдоша въ лѣсѣхъ“. Такъ могло случиться и въ данномъ случаѣ. Разсматриваемое нами племя, пока оно жило въ системѣ р. Сулы, называлось Суличами. Когда же потомъ оно, или часть его, переселилось на югъ, къ берегамъ излучистаго поморья, то стало называться Улучами, Улучичами, Улутичами и пр. Часть этого же племени могла выдѣлиться подъ предводительствомъ родоначальника Люто и получила названіе Лютичей. Словомъ, большая часть разсматриваемыхъ варіантовъ могла имѣть свое реальное основаніе, смыслъ котораго впослѣдствіи былъ утраченъ. Въ этомъ обстоятельствѣ всего естественнѣе видѣть объясненіе того, что не только въ различныхъ лѣтописныхъ редакціяхъ, но въ различныхъ мѣстахъ одной и той же редакціи, одно и то же, повидимому, племя называется различными именами.

Заселена ли была Вятка новгородскими выходцами въ XII вѣкѣ?

А. С. Верещагина.

Въ русской исторической литературѣ уже давно установилось мнѣніе, что Вятка еще въ XII вѣкѣ заселена была новгородскими выходцами, и такое мнѣніе вошло въ учебныя книги и иллюстрируются въ историческихъ учебныхъ атласахъ.

Первые печатно высказали такое мнѣніе „о древности Вятской страны“ отецъ и сынъ Рычковы, одинъ въ прибавленіи къ своему „Опыту Казанской исторіи“ (1767 г.) подъ заглавіемъ — „О началѣ россійскихъ жилищъ по р. Вяткѣ“, 187—196), другой — въ „Дневныхъ Запискахъ“ своего путешествія (1770 г.) въ главѣ: „О древности г. Хлынова и всей Вятской страны“ (29—50). Оба извѣстія о „древности Вятки“ представляютъ, первое — краткій, второе — болѣе многословный и съ нѣкоторыми добавленіями пересказъ повѣсти „О странѣ Вятской“, по спискамъ этой повѣсти, сходнымъ съ такъ называемыми „Миллеровскимъ“ и „Толстовскимъ списками[1]).

Карамзинъ, высказавъ въ предисловіи къ „Исторіи Государства Россійскаго“ сожалѣніе о томъ, что еще не изданъ былъ въ его время лѣтописецъ вятскій, разсказываетъ „о первомъ населеніи Вятки россіянами“ по рукописи этого лѣтописца такъ называемой „Миллеровской“, которая заключаетъ въ себѣ ту же самую „повѣсть о странѣ Вятской“, которою пользовались Рычковы[2]). „Въ 1174 г., въ послѣдній годъ княженія Андрея Боголюбскаго, — пишетъ Карамзинъ, — нѣкоторые жители области новгородской, отчасти наскучивъ внутренними раздорами, отчасти тѣснимые возрастающимъ многолюдствомъ въ ихъ предѣлахъ, рѣшились выѣхать изъ отечества и, Волгою доплывъ до Камы, завели селеніе на берегу ея. Зная, что далѣе къ сѣверу обитаютъ народы дикіе въ странѣ лѣсной, изобильной дарами природы, многіе изъ сихъ выходцевъ обратились вверхъ до устья Осы, обратились къ западу, дошли до Чепцы и, плывя ею внизъ, покорили бѣдныя жилища вотяковъ; наконецъ вошли въ р. Вятку и на правомъ берегу

[1]) Пересказъ Рычкова-сына перепечатанъ въ VI т. Словаря Щекатова, 1808 г., подъ словомъ *Хлыновица*, 752—765.

[2]) Исторія Государства Россійскаго, изд. Эйнерлинга, III. прим. 31.

ея, на горѣ высокой, увидѣли красивый городокъ, окруженный глубокимъ рвомъ и валомъ. Мѣсто полюбилось россіянамъ: они захотѣли овладѣть имъ и навсегда тамъ остаться: нѣсколько дней говѣли, молились и, призвавъ на помощь св. Бориса и Глѣба, на память ихъ, іюля 24, взяли городъ. Жители скрылись въ лѣсахъ. Сіе укрѣпленное селеніе называлось Болванскимъ: завоеватели дали ему имя Никулицына и построили въ немъ церковь Бориса и Глѣба. Между тѣмъ, — продолжаетъ Карамзинъ, — оставшіеся на Камѣ товарищи, можетъ быть, *опасаясь сосѣдственныхъ болгаровъ*, рѣшились также искать другаго жилища; пришли на судахъ къ устью Вятки, плыли сею рѣкою вверхъ до черемисскаго города Кокшарова (нынѣ Котельнича) и завладѣли имъ. Утвердясь въ странѣ Вятской, россіяне основали новый городъ близъ устья рѣчки Хлыновицы, назвали его Хлыновымъ и, принявъ къ себѣ многихъ двинскихъ жителей, составили маленькую *республику*, особенную, *независимую* въ теченіе 278 л., наблюдая обычаи новгородскіе, повинуясь сановникамъ избираемымъ и духовенству“ [1].

Согласно съ разсказомъ Карамзина и съ примѣчаніями къ нему въ „Исторіи Государства Россійскаго“, въ которыхъ приведены буквальныя выписки изъ вятскаго лѣтописца, разсказываютъ о заселеніи Вятки Новгородцами въ XII вѣкѣ почти всѣ послѣдующіе русскіе историки.

Калайдовичъ, писавшій впрочемъ еще до изданія въ свѣтъ исторіи Карамзина, „о породѣ повгородскихъ славянъ по Волгѣ въ 1175 г. (?) для избранія удобнаго для жительства мѣста“ говоритъ то же, что и Рычковъ — сынъ въ своихъ „Дневныхъ Запискахъ“, которыя Калайдовичъ и цитуетъ. Только при разсказѣ о начальномъ заселеніи Вятки Новгородцами Калайдовичъ прибавляетъ: „Новгородскіе выходцы построили г. Хлыновъ и утвердили свое владычество надъ *всею* Вятскою землею. Сей славянскій народъ до временъ Василія III составлялъ *республику*, а въ 1459 г. покоренъ симъ княземъ: при немъ такимъ образомъ разрушилась Вятская *республика*, 278 л. управлявшаяся своими гражданами и древними законами отцовъ своихъ, которые они принесли съ собою изъ Новгорода“ [2]).

Погодинъ утверждаетъ даже, что „Печора, *Вятка*, Пермь принадлежали къ древнѣйшимъ владѣніямъ новгородскимъ — *до Нестора*. — „Граница Новгорода къ востоку“, по словамъ Погодина, „шла (въ XII в.) по нынѣшнимъ границамъ между Вологодской и Костромской до Вятской губ., между Вологодской и Вятской до Пермской: эта граница опредѣляется *извѣстіемъ вятскаго лѣтописца*, помѣщеннымъ у Карамзина, гдѣ урочищами, находившимися за прежнею границей новгородской, а потомъ вошедшими во владѣніе русскаго новгородскаго поселенія, показываются Сарапулъ (?), рр. Оса, Чепца, Вятка, с. Никулицыно и Кокшаровъ городокъ“ [3]). „Новгородское княжество, замѣчаетъ Погодинъ въ другомъ мѣстѣ, граничило съ финскими племенами *за* Вологдой, Вяткой, Пермью“ [4]).

Соловьевъ, разсказавъ о гибельномъ исходѣ похода новгородцевъ на Югорьскую землю въ 1193 г. съ Ядрейкомъ во главѣ, прибавляетъ: „Если новгородскіе данники

[1]) Тамъ же III, 22, 23.
[2]) Труды и Записки Общества Исторіи и Др. Росс. 1815 г. I, 156.
[3]) Изслѣдованія, Замѣчанія и пр. Погодина, III, 275, 323.
[4]) Тамъ же IV, 325.

не всегда были счастливы въ своихъ заволоцкихъ походахъ, за то новгородскимъ выходцамъ, принужденнымъ по разнымъ причинамъ оставить родную землю, удалось въ послѣдней четверти XII вѣка утвердиться въ странѣ при-камской, на берегахъ рѣки Вятки, гдѣ они основали независимую *общину,* ставшую на сѣверо-востокѣ притономъ всѣхъ бѣглецовъ, подобно южному Берладу и Тмутораканю“ [1]).

Мнѣніе Костомарова о заселеніи Вятки, которую онъ причисляетъ къ „сѣверно-русскимъ народоправствамъ“, каковы Новгородъ и Псковъ, на столько извѣстно, что не представляется никакой надобности здѣсь повторять это мнѣніе. Замѣтимъ только, что изъ всѣхъ изслѣдователей даннаго вопроса Костомаровъ излагаетъ первоначальную исторію Вятки по рукописи вятскаго лѣтописца, какъ и Карамзинъ, только не по „Миллеровской“, которую имѣлъ подъ руками Карамзинъ, а по рукописи гр. Толстаго, которая впрочемъ не заключаетъ въ себѣ особенно важныхъ отличій отъ „Миллеровской“.

По словамъ Бестужева-Рюмина, „чрезвычайно оригинальное явленіе въ XII вѣкѣ представляется намъ на сѣверо-востокѣ Россіи: здѣсь въ этомъ вѣкѣ осповалась новгородская *колонія,* между рр. Вяткою и Камою, и продолжала существовать независимо до половины XV в. Колонисты появились здѣсь въ 1174 г. Изъ Камы сухимъ путемъ прошли они въ Чепцу, впадающую въ Вятку, и на Вяткѣ основали свое первое поселеніе Никулицынъ; другая партія, разбивъ черемисовъ, построила г. Кошкаровъ; затѣмъ обѣ партіи соединились и основали вмѣстѣ новое центральное поселеніе — Хлыновъ. Вмѣсто городскихъ стѣнъ служили у нихъ дома, плотно поставленные одинъ къ другому, задними стѣнами на внѣшнюю сторону“ и т. д. передается разсказъ о первоначальной судьбѣ Вятки по вятскому лѣтописцу, при чемъ хотя и цитуется уже изданная въ Вяткѣ въ 1866 году печатная „повѣсть о градѣ Вяткѣ“, перепечатанная изъ Казанскаго Вѣстника 1824 г., и представляющая копію съ рукописи Миллеровской, но, кажется, и этой печатной повѣстью Бестужевъ не пользовался, руководясь болѣе книгою Костомарова [2]).

Историки русской церкви начало христіанства въ Вятской странѣ относятъ также къ XII вѣку и, слѣдуя Карамзину, разсказываютъ о поселеніи христіанъ новгородскихъ по имѣющимся въ примѣчаніяхъ къ „Исторіи Государства Россійскаго“ выдержкамъ изъ вятскаго лѣтописца. „Въ 1174 г.“, пишетъ Филаретъ Черниговскій, „нѣсколько сотенъ новгородцевъ рѣшились поселиться въ Вятской области. Начали дѣло благочестіемъ: нѣсколько дней молились, говѣли, призывали на помощь св. Бориса и Глѣба, и въ день памяти ихъ получили то, что желали, — взяли укрѣпленный на горѣ (вотяцкій) городокъ Болвановскъ. Въ то же время другая часть тѣхъ же выходцевъ построила г. Хлыновъ съ храмомъ Богоматери. Выходцы поручили власть надъ своею республикою духовенству, и христіанство стало мало-помалу распространяться между грубыми жителями той страны“. Затѣмъ Филаретъ, какъ и другіе писатели, цитуетъ выдержки изъ „хлыновскаго лѣтописца“ у Карамзина [3]).

---

[1]) Исторія Россіи, III, 242 и 243.

[2]) Русская Исторія Бестужева-Рюмина, 384—386, сравн. 26.

[3]) Исторія русской церкви Филарета (1857 г.) I, 28.

По исторіи русской церкви преосв. Макарія, „первыя сѣмена св. вѣры на Вятку принесены новгородскими поселенцами, которые въ 1174 г., завладѣвъ Вятскою областью, построили въ ней городъ и села съ христіанскими церквами“. Такое рѣшительное, хотя и кратко высказанное, мнѣніе и пресв. Макарій, какъ видно изъ цитаты, основываетъ на показаніи „хлыновскаго лѣтописца“, приведенномъ у Карамзина[1]).

Вслѣдъ за учеными историками, составители учебниковъ по русской исторіи въ нѣсколько сокращенномъ видѣ, внесли въ свои руководства разсказы о заселеніи Вятки новгородцами въ XII в., на основаніи указаній исторіи Карамзина и слѣдующихъ ему ученыхъ. Уже болѣе четверти вѣка ученики и ученицы нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній, то по руководству напр. Иловайскаго, то по руководству Рождественскаго, заучиваютъ наизусть, что „въ 1174 г. дружина новгородскихъ *повольниковъ* изъ Волги завернула въ Каму, потомъ попала въ Вятку, увидѣла на берегу ея городокъ, плѣнилась имъ, дала зарокъ ни ѣсть, ни пить, пока не возьметъ городка, говѣла, молилась и — взяла городокъ; затѣмъ новгородцы *колонисты,* по выраженію Иловайскаго, *заложили* городъ, назвали его Хлыновымъ и составили особую общину, которая имѣла новгородское устройство и управлялась *вѣчемъ,* съ тѣмъ только различіемъ, что здѣсь никогда *не было* князей“ [2]).

Послѣ того, какъ установилось уже столь твердо мнѣніе о заселеніи Вятки новгородскими выходцами въ XII в., высказанное корифеями нашей исторической науки[3]), представляется нѣсколько самонадѣяннымъ выраженіе сомнѣнія въ дѣйствительности такого, повидимому, несомнѣнно признаннаго компетентными людьми, историческаго факта. Поэтому съ нѣкоторымъ опасеніемъ и ожиданіемъ недовѣрія приходится высказывать поводы къ такому сомнѣнію, а поводы эти, по нашему мнѣнію, представляются довольно уважительными.

Прежде всего слѣдуетъ указать на то, что всѣми историками мнѣніе о заселеніи Вятки новгородцами въ XII в. высказывается *единственно* на основаніи такъ называемаго „вятскаго лѣтописца“, или иначе — „повѣсти о странѣ Вятской“. Рычковы, Карамзинъ, Костомаровъ разсказываютъ о заселеніи Вятки по рукописямъ этого лѣтописца, а прочіе ученые обыкновенно ссылаются на Карамзина, на его извлеченія изъ вятскаго лѣтописца въ примѣчаніяхъ къ „Исторіи Государства Россійскаго“, или — на Костомарова. Такимъ образомъ въ настоящемъ вопросѣ приходится имѣть дѣло не съ учеными историческими изслѣдованіями, а съ простымъ показаніемъ вятскаго лѣтописца, принятымъ Карамзинымъ и другими учеными.

Заслуживаетъ ли безусловнаго довѣрія такое показаніе свидѣтеля, именуемаго вятскимъ лѣтописцемъ? Не будемъ пока говорить о самомъ „лѣтописцѣ“ и о томъ, на-

---

[1]) Исторія русской церкви, Макарія, III, 20.

[2]) Отечественная Исторія, Рождественскаго (1874 г.), 39. — Краткіе очерки русской исторіи, Иловайскаго (1868), 47. — Такое же извѣстіе о заселеніи Вятки новгородцами изложено и въ новомъ ученомъ трудѣ Иловайскаго: „въ Исторіи Россіи“, II, 198.

[3]) Не приводимъ здѣсь мнѣнія Арцыбашева и другихъ историковъ, писавшихъ о заселеніи Вятки согласно съ Карамзинымъ, чтобы не растянуть слишкомъ настоящаго реферата. Что же касается до нѣкоторыхъ писателей, высказавшихъ о заселеніи Вятки, если не оригинальныя, то своеобразныя мнѣнія, напр. кн. Щербатова, Колосова и др., то мнѣнія ихъ требуютъ *особаго,* спеціальнаго разбора.

сколько достовѣрны вообще его показанія (объ этомъ мы предполагаемъ сказать въ слѣдующемъ рефератѣ); предположимъ, что этотъ лѣтописецъ — свидѣтель правдивый и хотѣлъ писать правду; но вѣдь и онъ *могъ ошибаться*. Подтверждается ли показаніе его о заселеніи Вятки новгородцами въ XII вѣкѣ другими какими-либо свидѣтельствами? Не противорѣчитъ ли оно другимъ несомнѣннымъ историческимъ фактамъ?

Въ 1174 г. новгородцы, по показанію вятскаго лѣтописца, Волгой и Камой направились къ Вяткѣ и въ 1181 г. уже стали твердою ногою на Вятской землѣ въ верховьяхъ р. Вятки. Но, кромѣ вятскаго лѣтописца, мы *нигдѣ* не находимъ никакихъ указаній на заселеніе Вятки новгородцами въ XII в. Казалось бы, такое событіе, какъ выходъ изъ Новгорода значительнаго числа новгородцевъ для отысканія себѣ мѣста для поселенія, не могло пройти не замѣченнымъ въ Новгородѣ; но новгородскіе лѣтописцы, и одинъ изъ нихъ современникъ (какъ видно изъ записи перваго новгородскаго лѣтописца подъ 1188 г.[1]), старательно записывавшій даже незначительные походы новгородскихъ молодцевъ, напр. 1186, 1187, 1191, 1197 гг., на Ямь, на Печору, за Волокъ, въ Югру, рѣшительно не замѣчаютъ выхода изъ Новгорода въ 1174 г. такой толпы новгородцевъ, что одна часть ея (какъ обстоятельно повѣствуется въ вятскомъ лѣтописцѣ) основываетъ городъ на низовьяхъ Камы, другая проникаетъ по Камѣ до „чусовскихъ мѣстъ“, обѣ побѣдоносно овладѣваютъ укрѣпленными городами, одна вотяцкимъ, другая черемисскимъ, и затѣмъ властвуютъ надъ обширной территоріей верховья Вятки. Такое невниманіе новгородскихъ лѣтописцевъ къ Вяткѣ тѣмъ болѣе представляется страннымъ, что они, внимательно слѣдя за каждымъ шагомъ новгородца по Двинѣ, Печорѣ, въ Югрѣ, знать не хотятъ Вятки и въ позднѣйшее время, именно — не дѣлаютъ ни малѣйшаго упоминанія о Вяткѣ въ теченіе цѣлыхъ 200 лѣтъ послѣ 1174 г. Нѣтъ упоминанія о походѣ новгородцевъ на Вятку въ 1174 г. и во всѣхъ другихъ лѣтописяхъ — не новгородскихъ. За исключеніемъ нашего вятскаго лѣтописца, ни одна лѣтопись, ни одинъ какой-либо договоръ, ни одинъ историческій или юридическій, или другой какой-либо письменный актъ не упоминаютъ о Вяткѣ въ теченіе цѣлыхъ двухъ столѣтій съ 1174 г., и въ первый разъ встрѣчается упоминаніе о Вяткѣ въ лѣтописяхъ ровно черезъ 200 лѣтъ, изъ года въ годъ, именно въ 1374 г. въ Воскресенской лѣтописи.

Но обратимся непосредственно къ самому вятскому лѣтописцу и приведемъ здѣсь подлинный разсказъ его о пришествіи новгородцевъ на Вятку: „Въ лѣто 6682 (1174) новгородцы самовласцы (желающе безмятежно жити и отъ новгородскаго междоусобія отъити) съ дружиною своею отдѣлишася отъ предѣлъ Великаго Новаграда и шедше ловяху въ судѣхъ на низъ по Волгѣ, и дошедше до рѣки Камы, поставиша на Камѣ градецъ малъ во обитаніе себѣ. И слышаху о Вяткѣ рѣкѣ и иже по ней живущихъ отякахъ, обладающихъ многими землями и угодіи, и земляные окопы и валы построиша (ившихъ) вокругъ жилищь своихъ, боящеся находу Руси, и отдѣлишася половина тѣхъ новгородцевъ и идоша вверхъ по Камѣ до Чусовскихъ мѣстъ, и сшедше на горы на страну ону, и дошедше рѣки Чепцы, и внизъ по ней пловуще, плѣняюще отяцкія жи-

[1]) Обзоръ русской дух. литературы, Филарета, 1884 г., 45.

лища, и окруженныя земляными валами ратію вземлюще и обладающе ими. Исплывше же рѣку Чепцу, внидоша въ великую рѣку Вятку, и плывше по ней мало болѣ 5 верстъ, и узрѣвше на высокой прекрасной горѣ устроенной градъ чудской, называемъ чудью Болванской городъ, ... (послѣ поста и молитвъ) той крѣпкій градъ взяша воинскимъ промысломъ въ лѣто 6689 (1181) іюля въ 24 день, и побиша ту множество чуди и отяковъ, и отъ того обладанія начаша множитися"... Объ этой побѣдѣ „виде въ слухъ оставшимся въ городкѣ на Камѣ новгородцемъ, и возставше внидоша по Камѣ въ устіе Вятки рѣки, и по ней вверхъ дошедше до Кокшарова городка, обладаема черемисою, и... (опять послѣ молитвъ и чуда) Божіею милостію той Кокшаровъ городъ взяша и обладаша. И тѣ новгородцы распространишася и начаша жити по *всей* Вятской странѣ... И, по общему согласію, сошедшеся (изъ Болванскаго и Кокшарова) народи мнози новгородцевъ (опять послѣ чудеснаго указанія) градъ устроиша и нарѣкоша его Хлыновъ рѣчки ради Хлыновицы, и начаша общежительствовати самовластвующе, правими и обладаеми своими жители, и нравы своя отеческіе и законы и обычаи новгородскіе имяху".

Не будемъ останавливаться на мелкихъ подробностяхъ сейчасъ выписанной „повѣсти", или — если угодно — „лѣтописца". Не будемъ указывать съ особеннымъ удареніемъ на то, что вотяки, какъ отдѣльное племя, еще не были извѣстны въ XII в., такъ какъ еще не выдѣлились тогда отъ прочихъ финскихъ племенъ — отъ „чуди", и только черезъ 300 лѣтъ послѣ 1174 г., именно въ 1469 г., въ первый разъ земля этихъ инородцевъ дѣлается извѣстною русскимъ подъ именемъ земли „вятцкой" [1]), а потомъ спустя 85 лѣтъ часть ея покоряется Курбскимъ, называющимъ это инородческое племя то народомъ „воитецкимъ", то арскимъ" [2]), и такимъ образомъ только въ XVI в. это племя получаетъ довольно твердо установившееся названіе „отяковъ" [3]).

---

[1]) Воскресенская, Никоновская, Львова лѣтоп. подъ 1469 г.

[2]) „Воитецкія або арскія". Сказанія Курбскаго, 8, 38.

[3]) Въ „Житіи св. Стефана Пермскаго", составленномъ вскорѣ послѣ его кончины Епифаніемъ († около 1420 года), такъ перечисляются сосѣдственные просвѣщенной св. Стефаномъ Перми обитатели: „Се имяна мѣстомъ и землямъ и странамъ и иноязычникомъ живущимъ въ кроугъ Перми: Двиняне, Устьюжане, Вилежане (т.-е. живущіе по р. Вилядѣ), Вычегжане, Пинежане, Южене, Сырьяне, Гайане, Вятчене, Лопь, Корѣла, Югра, Печера, Вогуличи, Самоедь, Пертасы, Пермь великая, глаголемая Чусовая". *Вотяки* здѣсь еще не указаны. Точно также не *поименованы* вотяки въ числѣ сосѣдей Перми и въ позднѣйшемъ спискѣ первой Софійской лѣтописи, принадлежавшемъ Царскому, гдѣ лѣтописныя извѣстія доведены до 1508 года, и гдѣ подъ 1396 годомъ перечисляются сосѣдственные Перми обитатели въ томъ же порядкѣ, какъ и въ „Житіи св. Стефана Пермскаго", только съ нѣкоторыми искаженіями. Но въ древней „Книгѣ глаголемой Космографіи", составленной не раньше конца XVI вѣка, по списку Уидольскаго (№ 704 въ Румянцевскомъ Музеѣ), въ перечнѣ сосѣдей Перми указаны и вотяки, а именно идетъ перечисленіе сосѣдей въ такомъ видѣ: Се имена, которыя покорны учинишася государю царю московскому, живутъ около Перми, иже суть сіи: Двиняне, Устюжане, Сіріяне, Гайане, Вятчене, Лопь кольская, Самоядь, Печера, Вагуличи, Пертасы сыроядцы, Гамаль (вм. глаголемая) Чусовая, *Вотяки,* къ тому же и царство Сибирское". Нензвѣстный авторъ „Исторіи о Казанскомъ царствѣ" (м. б. Глазатый) говоритъ, что во владѣніяхъ казанскихъ царей „бысть и другая Черемиса, зовомая Отяки, тоежъ глаголютъ (?) ростовскую черпь, забѣжавшимъ тамо отъ русскаго крещенія и вселившимся имъ въ болгарскихъ жилищахъ". Изъ древнихъ „вятскихъ актовъ" извѣстно, что а) часть жившихъ по Чепцѣ вотяковъ еще въ первой половинѣ XVI в. была подчинена татарамъ (мурзамъ), которые и въ актахъ и въ лѣтописяхъ называются то вятскими, то татарскими, то арскими князьями (но не вотяцкими); б) что въ то же время въ Слободскомъ уѣздѣ существовала волость *Сырьянская* (гдѣ нынѣ села Всесвятское-Сырьянское и Николаевское-Сырьянское), въ которой жили *вотяки,* и часть этихъ вотяковъ, именно 17 семей, приняли крещеніе въ 1557 г. (Памятники стар. русской литературы, Кут.-Безбородко, т. IV, 123. — Истор. Хрестоматія Буслаева, 747. — Полное собраніе русск. лѣтописей, V, подъ 1396 г. — Изборникъ изъ хронографовъ, Ан. Попова, 465. — Исторія о Казанскомъ царствѣ, 3.— Древніе Вятскіе Акты, 22—28, 30).

Не будемъ останавливаться на томъ, что вотяки, по разсказу „повѣсти“, боялись „находу Руси, тогда какъ бояться имъ „находу Руси“ тогда еще не было повода, потому что ни съ сѣвера — съ Устюга, едва ли тогда еще существовавшаго, ни съ юга — съ Камы, по которой до устья Вятки Русь тогда еще и не проникала (какъ доказано Шпилевскимъ), ожидать русскихъ аборигенамъ вятскимъ въ 1174 г. не было основанія. Не останавливаемся и на другихъ не столь важныхъ, хотя совершенно произвольныхъ, показаніяхъ „повѣсти“, напр. о томъ, будто Котельничъ называли Кокшаровымъ по несуществующей рѣчкѣ Кокшарѣ и т. п. — Останавливаемъ вниманіе на самомъ важномъ и существенномъ въ разсказѣ „повѣсти“.

Герберштейнъ, бывшій въ Россіи въ 1517 и 1525 гг., пишетъ (128—129), что въ его время „кратчайшая дорога отъ Москвы къ Вяткѣ шла чрезъ Кострому и Галичъ, но была трудна, потому что, помимо затрудняющихъ путь болотъ и лѣсовъ, между Галичемъ и Вяткою разбойничали черемисы; почему, въ его время (въ первой половинѣ XVI в.), ѣздили изъ Москвы въ Вятку чрезъ Вологду и Устюгъ — путемъ болѣе долгимъ, но за то болѣе легкимъ и безопаснымъ“. Нѣтъ ни малѣйшаго основанія сомнѣваться въ справедливости сообщенія Герберштейна: мы знаемъ напр., что даже по завоеваніи Казани икона св. Николая Великорѣцкаго, съ большими затрудненіями принесенная изъ Хлынова въ Москву чрезъ Казань, въ обратный путь была несена, по причинѣ черемисскихъ волненій (1556—1557 гг.), уже чрезъ Вологду и Устюгъ[1]). Между тѣмъ, если послушать „вятскаго лѣтописца“, какъ легко и удобно было путешествовать по волжско-камскому бассейну еще въ XII вѣкѣ! Какъ безпрепятственно можно было тогда плавать по Волгѣ, Камѣ, Чусовой, Чепцѣ и Вяткѣ! Какъ не трудно было переходить отъ устья Чусовой къ Чепцѣ, чрезъ горы, чрезъ немалыя пространства дикаго лѣса и топей, которыя мы представляемъ чуть не непроходимыми дебрями! Все это продѣлываютъ „новгородцы самовластцы съ дружиною своею“ еще въ 1174—1181 гг., и нигдѣ для нихъ нѣтъ никакой остановки, никакого препятствія. Миновавъ волжскій Городецъ, они спокойно вступаютъ въ предѣлы болгарскіе, плывутъ безостановочно по Волгѣ до Камы: здѣсь, въ *болгарской землѣ*, строятъ городъ, точно на своей собственной территоріи; затѣмъ, ожидая еще лучшихъ мѣстъ, плывутъ и плывутъ, одни по Камѣ, другіе по Вяткѣ, и останавливаются только потому, что имъ понравились два инородческіе городка, которыми они и овладѣютъ по-суворовски...

Но возможно ли, вѣроятно ли такое путешествіе? Возможно ли, вѣроятно ли, чтобы „новгородцы съ дружиною своей“ въ указанное время могли совершить столь безпрепятственно, столь удобно свой, не говоримъ — набѣгъ или ушкуйническій налетъ, но совершенно спокойный, съ произвольными остановками, походъ для завладѣнія самыми удобными мѣстностями на непріятельской территоріи? Какъ? Въ самый разгаръ упорной борьбы русскихъ съ болгарами, въ то самое время, когда русскіе князья только-что начали вбивать, такъ сказать, клинья въ среду приволжскаго инородческаго населенія, когда, сколько для охраненія предѣловъ русскихъ, столько же и для опоры въ движеніи противъ инородцевъ, *только-что* начали строить такія укрѣпленія, какъ Городецъ (волж-

[1]) Лѣтоп. Львова, V, 143 и др.

скій), почти за полвѣка до основанія Нижняго-Новгорода (1221 г.), въ это самое время русскіе устраиваютъ уже спокойно городъ на Камѣ, живутъ въ немъ около 8 лѣтъ, затѣмъ спокойно плывутъ по Камѣ и Вяткѣ вверхъ и покоряютъ живущихъ здѣсь инородцевъ? Да какъ же могли позволить все это болгары? Какъ могли они допустить „водвориться непріятелю въ самое сердце земли своея“, по выраженію одного историка?

Намъ кажется, мы высказываемъ здѣсь не праздное недоумѣніе, но сомнѣніе, оправдываемое довольно вѣскими соображеніями. Сомнѣніе или, по крайней мѣрѣ, недоумѣніе — въ частности относительно дѣйствительности разсказываемаго „повѣстью“ или „лѣтописцемъ“ вятскимъ построенія городка на Камѣ — высказано было въ печати не разъ, и такое недоумѣніе замѣтно даже у Карамзина. Карамзинъ имѣлъ большое довѣріе къ вятскому лѣтописцу: исторію заселенія Вятки новгородцами онъ разсказываетъ по тѣмъ мѣстамъ вятской лѣтописи, которыя имъ отмѣчены собственноручно чертами и крестиками въ „Миллеровскомъ“ спискѣ, и разсказываетъ, почти буквально держась рукописи; но и онъ, при всемъ довѣріи къ разсказу рукописи, дѣлаетъ при разсказѣ два характерныхъ отступленія, и одно изъ нихъ касается именно построеннаго новгородцами городка на Камѣ: разсказавъ буквально по рукописи о построеніи камскаго городка, онъ далѣе прибавляетъ свое соображеніе, что этотъ городокъ былъ оставленъ новгородцами „вѣроятно — потому, что они опасались сосѣдственныхъ болгаръ“. Еще до Карамзина, слишкомъ 80 лѣтъ тому назадъ, высказалъ недоумѣніе относительно новгородскаго городка на Камѣ мѣстный замѣчательный историкъ Вечтомовъ, который старался объяснить недоумѣнное для него построеніе и существованіе городка на Камѣ предположеніемъ, что или построившіе городокъ повгородцы выдавали себя болгарамъ купцами, пришедшими для торговли, и подъ этимъ предлогомъ успѣли водвориться на Камѣ, или же — новгородцевъ было много и болгары не смѣли нападать на нихъ, тѣмъ болѣе, что „тутошнія мѣста“, по словамъ Вечтомова[1]), не задолго разорены были войсками Андрея Боголюбскаго (1164 г.). Но, кажется, такія объясненія показываютъ въ вятскомъ историкѣ только желаніе отстоять во чтобы то ни стало показаніе „повѣсти“, — не болѣе. Во-первыхъ, что это за купцы, которые строятъ городъ въ Болгаріи и живутъ въ немъ многіе годы (1174—1181 гг.), ничѣмъ не торгуя? Во-вторыхъ, опустошеніе русскими болгарскихъ „тутошнихъ мѣстъ“ при Андреѣ Боголюбскомъ должно было раздражать „тутошнихъ“ болгаръ и побудить ихъ дать сильнѣйшій отпоръ новымъ русскимъ пришельцамъ, а не принимать ихъ съ опущенными руками. Что же касается того, *могли* ли болгары дать отпоръ хотя бы и многочисленной дружинѣ новгородцевъ, то вотъ что мы читаемъ въ лѣтописяхъ: „Въ лѣто 6680“ (1172), за два года до похода новгородцевъ, „посла князь Андрей (Боголюбскій) сына своего Мстислава на болгары, и Муромскій князь сына своего, и Рязанскій князь сына своего... И въѣхаша (князья отъ устья Оки) въ погапыя безъ вѣсти, взяша селъ 6, семое городъ. Слышавше же болгаре въ малѣ дружинѣ Мстислава пришедша, идуща съ полопомъ, доспѣша вборзѣ и поѣхаша по нихъ въ 6000, за малымъ не постигоша ихъ за 20 верстъ..., и возврати отъ него Богъ поганыя болгары, хрестьяны покрывъ рукою своею. Слы-

[1]) Вятская исторія въ Казанскомъ Вѣстникѣ 1825 г., XIII, 17—18.

шавше се наши прославиша Бога: заступи бо очивѣсть отъ поганыхъ св. Богородица и хрестьянская молитва; погапіи бо возвратишася вспять, а хрестьяне возвратишася во свояси, хваляще Бога“ [1]). Если за два года до похода новгородцевъ, Мстиславъ Андреевичъ и другіе князья „прославили“ Бога за то, что — sit venia verbo — убрались отъ болгаръ по-добру по-здорову, то ужели черезъ два года болгары не *могли* дать отпора новгородцамъ, желавшимъ утвердиться въ „самомъ сердцѣ земли ихъ“, по выраженію самого Вечтомова? — Изъ новѣйшихъ изслѣдователей г. Шпилевскій признаетъ „фактъ водворенія новгородцевъ въ низовьяхъ Камы страннымъ“, но, въ виду общаго довѣрія ученыхъ историковъ къ вятскому лѣтописцу, находится вынужденнымъ объяснить этотъ „фактъ“ и дѣлаетъ предположеніе, что „можетъ быть новгородцы остановились на Камѣ и съ согласія самихъ болгаръ, выраженнаго если не положительно, то отрицательно,— оставленіемъ новгородцевъ въ покоѣ и выжиданіемъ дальнѣйшихъ дѣйствій со стороны пришельцевъ“ [2]). Но чего же могли ожидать болгары (цѣлыхъ 8 лѣтъ) отъ русскихъ пришельцевъ? Того, что случилось послѣ? Т.-е. болгары не тревожили новгородцевъ, ожидая, что они пойдутъ *далѣе?* Но это еще менѣе могли допустить болгары, чѣмъ поселеніе новгородцевъ на Камѣ. Если странно поселеніе новгородцевъ на Камѣ — въ ея низовьяхъ, если представляется невозможнымъ, чтобы болгары допустили такое поселеніе въ центрѣ своихъ владѣній, то тѣмъ болѣе невѣроятно, чтобы болгары допустили новгородцевъ свободно разгуливать по среднему теченію Камы и Вятки, бить тамъ черемисъ и вотяковъ и строить укрѣпленные города. Если не могли болгары пустить врага въ средину своей территоріи, то тѣмъ не менѣе могли позволить ему зайти въ *тылъ* себѣ: это значило накликать себѣ неминуемую бѣду со стороны непріязненной Руси въ будущемъ. Самъ г. Шпилевскій высказываетъ мнѣніе, что „низовье Вятки было населено вотяками и черемисами, входившими въ составъ болгарскихъ владѣній“, что „восточные предѣлы болгарскихъ владѣній оканчивались близъ Яика“ [3]); какъ же болгары могли допустить, чтобы новгородцы, безпрепятственно миновавъ средину болгарскихъ владѣній, плыли, какъ разсказываетъ „повѣсть“, по Камѣ и Вяткѣ „плѣняюще отяцкія и черемисскія жилища и ратію вземлюще“, — какъ болгары могли предоставить на произволъ новгородцевъ подвластныхъ себѣ вотяковъ и черемисъ и не только не оградить послѣднихъ отъ врага, но и позволить этому врагу безпрепятственно укрѣпиться и покорять болгарскихъ подданныхъ (или, по меньшей мѣрѣ, союзниковъ), даже не оказавъ послѣднимъ никакой помощи?

Не менѣе недоумѣнія возбуждаетъ тотъ далеко не легкій перевалъ, который, по разсказу вятской „повѣсти“, совершили новгородцы отъ берговъ Чусовой къ берегамъ Ченцы. Стоитъ только бросить взглядъ на карту, чтобы представить себѣ всю затруднительность, по истинѣ — грандіозность такого перевала. Обыкновенно ушкуйники въ своихъ походахъ перетаскивали суда отъ одной рѣки до другой чрезъ переволоки, на своихъ плечахъ или на колесахъ. Но возможно ли было отъ Чусовой до Ченцы про-

---

[1]) Полное собраніе русскихъ лѣтописей, I, 345.

[2]) Древніе города Казанской губ., 129.

[3]) Тамъ же, 138, 159. — По Лаврентіевской лѣтописи (подъ 1229 г.) „Сакспни и половцы взбѣгоша изнизу къ болгаромъ передъ татары, и *сторожеве болгарскыи* прибѣгоша, бѣени отъ татаръ близь рѣки, ей же имя Яикъ“.

тащить свои суда новгородцамъ,— предоставляемъ судить другимъ... Карамзинъ ясно представлялъ себѣ несообразность разсказа „повѣсти“ въ настоящемъ мѣстѣ и, ради нѣкоторой вѣроятности, позволилъ себѣ поправку въ разсказѣ „повѣсти“. Въ Миллеровскомъ спискѣ „повѣсти“ Карамзинъ отчетливо прочиталъ, что новгородцы дошли до „чусовскихъ мѣстъ“; но онъ написалъ въ своей исторіи, что новгородцы дошли по Камѣ до „Осы“: ему казалось, что отъ Осы до Чепцы все же поближе и разсказъ „повѣсти“ о перевалѣ отъ Осы къ Чепцѣ выходитъ нѣсколько вѣроятнѣе...

Еще болѣе недоумѣній возбуждаетъ построеніе и существованіе на Вяткѣ городовъ въ послѣдней четверти XII вѣка. По вятской „повѣсти“, уже въ 1181 г. существовалъ градъ Никулицынъ и „абіе“ за нимъ явились Котельничъ и Хлыновъ. Древность почтенная!... И обитатели этихъ городовъ, усиленные, по словамъ „повѣсти“, выходцами съ Устюга, Двины и другихъ мѣстъ, „распространишася и начаша жити по всей Вятской землѣ и жительствовати самовластвующе... на лѣта многа, даже до обладанія князей россійскихъ“, или, какъ высчитывается въ „повѣсти“ далѣе, въ теченіе 278 лѣтъ (1181—1459). Но если довѣрять такому показанію повѣсти, то какъ могли вятскіе города усиливаться переселенцами съ Устюга, когда самый Устюгъ построенъ едва ли раньше Хлынова и упоминается въ первый разъ въ лѣтописяхъ подъ 1218 годомъ, когда былъ разоренъ болгарами[1])? Вѣроятно ли поэтому, что устюжане, а за ними двиняне и другіе, выселялись на Вятку въ послѣдней четверти XII вѣка? Того нельзя не признать, что многія мѣстности на Вяткѣ заселены устюжанами и двинянами[2]): но это доказываетъ только, что первоначальное русское населеніе шло на Вятку не съ юга, не съ низовьевъ Камы, какъ разсказываетъ „повѣсть“, а съ сѣвера — изъ Устюга и съ Двины и ея притоковъ, по торной дорогѣ, рр. Югу и Моломѣ. Но увѣрять, что вятскіе города построены прежде устюжскихъ городковъ (какъ хочетъ увѣрить насъ „повѣсть“) — это почти то же, что увѣрять, что наприм. Свіяжскъ построенъ прежде

[1]) Полное собраніе русск. лѣтоп.: Новгор. IV, 26; Воскр. VII, 126. — Никон. II, 340. — Архангел. 65.— Степен. I, 328. — Упоминается Устюгъ еще въ житіи преп. Кипріана Устюжскаго, гдѣ сказано, что въ 1212 г. Кипріанъ началъ строить храмъ въ Устюгѣ и монастырь. (Сказаніе о волог. святыхъ, Верюжскаго, 54. — Карамзина III, прим. 186). По сказанію Устюжскаго (позднѣйшаго) лѣтописца, Устюгъ существовалъ уже въ 1207 г., когда былъ отданъ вел. княземъ Всеволодомъ Юрьевичемъ сыну его Константину; но въ древнихъ лѣтописяхъ (Полное собраніе I, 183, 210; III, 30; IV, 19; V, 172; VII, 115). Устюгъ подъ 1207 годомъ не упоминается, а говорится только: „Всеволодъ Констяитину да Ростовъ и иныхъ 5 городовъ къ Ростову“; а въ лѣтописи Татищева названы и эти 5 городовъ, именно — Бѣлоозеро, Угличь, Ярославль, Кострома, Галичь. Если и признать Устюгъ однимъ изъ 5 городовъ, данныхъ вел. княземъ Всеволодомъ Константину въ 1207 г., то во всякомъ случаѣ приходится признать этотъ городъ еще очень неважнымъ поселеніемъ, которое давалось „въ придачу“ къ Ростову и которое поименовывать особо лѣтописцамъ представлялось излишнимъ. Съ какою, впрочемъ, осторожностію приходится относиться къ показаніямъ позднѣйшихъ лѣтописцевъ мѣстныхъ, вообще склонныхъ относить основаніе *своихъ* городовъ *къ сѣдой древности,* видно изъ того, что въ двухъ напр. спискахъ Устюжскаго лѣтописца Румянцевскаго Музея (одинъ описанъ Востоковымъ подъ ц. XXXII, а другой Большакова № 127) сказано, что Устюгъ достался „въ удѣленіе“ Георгію Всеволодовичу отъ брата его Константина Всеволодовича „въ лѣто отъ созданія міра 6700, а отъ Р. Х. *1192*“, когда Константину было 6, а Георгію 5 лѣтъ, и оставалось еще 20 лѣтъ до кончины ихъ отца вел. кн. Всеволода.

[2]) Въ вятскихъ писцовыхъ книгахъ начала XVII в. мы встрѣчаемъ множество Устюжьевыхъ, Устюжаниныхъ, Южаниныхъ, Лузиныхъ, Лузениныхъ, Вилежаниныхъ (съ Вилядн), Двиняниновъ, Двиняниновыхъ, Вычегжаниныхъ, Важениныхъ, Кокшаровыхъ (съ Кокшенги); даже поселенія вятскія носятъ одни и тѣ же названія съ устюжскими, напр. въ 40 верстахъ отъ Устюга по книгѣ Большого Чертежа находится по р. Югу г. *Орловъ,* а въ 40 в. отъ Хлынова по р. Вяткѣ — тоже г. *Орловъ;* зарѣчная слобода въ Устюгѣ называется *Дымкова,* и такая же зарѣчная слобода въ Хлыновѣ называется также *Дымкова* (Собраніе госуд. грамотъ и договоровъ, I, 205).

Васильсурска... Устюгъ и устюжскіе города упоминаются постоянно въ лѣтописяхъ въ XIII и XIV вѣкѣ, и мы встрѣчаемъ постоянно осязательныя, такъ сказать, доказательства ихъ существованія въ указанное время; знаемъ напр. имена нѣсколькихъ князей устюжскихъ за это время. Между тѣмъ вятскіе города, послѣ столь храбрыхъ подвиговъ, по сказанію нашей „повѣсти“, основанные новгородцами въ концѣ XII в., эти города... въ теченіе двухъ столѣтій какъ будто совершенно изчезаютъ съ лица земли и дѣлаются точно невидимками, въ родѣ раскольничьяго града Китежа: объ нихъ, повторяемъ, съ 1174 года мы не только не встрѣчаемъ никакихъ упоминаній въ лѣтописяхъ и другихъ письменныхъ памятникахъ въ теченіе двухъ сотъ лѣтъ, но не находимъ ни одного письменнаго или вещественнаго памятника, который бы намекалъ на ихъ существованіе въ указанное время; даже, напротивъ, еще въ XV в., какъ увидимъ далѣе, встрѣчаемъ въ документахъ безспорной исторической достовѣрности указанія, что въ началѣ этого вѣка на Вяткѣ существовали только *слободы:* города же вятскіе упоминаются не ранѣе 1434 г.

Сомнѣніе въ точности разсказа вятской „повѣсти“ о поселеніи новгородцевъ на Вяткѣ, само собою возникающее при разсмотрѣніи современныхъ этому поселенію обстоятельствъ, еще болѣе возрастаетъ при разсмотрѣніи послѣдующихъ историческихъ событій, происходившихъ въ сосѣдствѣ съ Вяткой.

Тотчасъ же послѣ построенія вятскихъ городовъ, если только они были построены въ указанное „повѣстію“ время, не далѣе, какъ въ 1182 или 1183 г., по свидѣтельству лѣтописи, болгары „около Городца, Мурома и Рязани великое раззореніе учинили“ [1]); почему въ слѣдующемъ году „иде на болгары князь великій Всеволодъ Юрьевичъ со многими князи и множествомъ русскихъ полковъ, и пріидоша въ землю болгарскую къ Великому городу серебряныхъ болгаръ“ (подъ которыми не безъ основанія нѣкоторые признаютъ болгаръ, жившихъ около низовьевъ Вятки [2]); при этомъ „окольніи городѣ болгарскіи Собѣкуляне и Челмата (жившіе, какъ оказывается по изслѣдованіямъ Шпилевскаго, по Камѣ, въ предѣлахъ Лаишевскаго и Мамадышскаго уѣздовъ, слѣдовательно недалеко отъ р. Вятки [3]), совокупившеся въ 5 тысящахъ, идоша на насады русскіе... И поможе Богъ руси, и побѣдиша болгары (при насадахъ). Всеволодъ же стоя около города десять дній, а болгары высылаху къ нему съ челобитіемъ, и смирився съ ними, поиде... въ лодіяхъ къ Володимерю“ [4]). Но, какъ видно, результатъ этого похода былъ нерѣшителенъ, и тотъ же Всеволодъ Юрьевичъ снова чрезъ два года, „въ лѣто 6694 (1186) посла на болгары воеводы своя (съ Городца), и взяша (у болгаръ) села многи и возвратишася съ полономъ“ [5]). Затѣмъ и еще тотъ же Всеволодъ Юрьевичъ „въ лѣто 6713 (1205) посла рать судовую на болгары волжскія и камскія, и ходиша по Возлѣ до Хомолъ, и много полона взяша, а другихъ изсѣкоша и учани многи разбиша, и товаръ многъ

---

[1]) Исторія росс., Татищева, III, 248.

[2]) Списки населен. мѣстъ Казанской губ., Артемьева, XXIX.

[3]) Древніе города Казанской губ., 142.

[4]) Полное собраніе русск. лѣтоп., I, 164—165; II, 125—126, 318; III, 18; V, 168; VII, 96, 97, 224; XV, 268, 269. — Никон. II, 242, 244. — Львова, I, 324, 326.

[5]) Полное собраніе русск. лѣтоп., I, 169; VII, 99.— Никон. II, 249.— Львова, I, 334.— Татищева, III, 272·

взяша“ [1]). Естественно возникаетъ вопросъ: если шла такая горячая борьба между русью и болгарами въ концѣ XII и въ началѣ XIII вѣка, то какъ же могли спокойно въ это время жить на Вяткѣ русскіе поселенцы, какъ могли они счастливо „умножаться и строить безпрепятственно свои города въ сосѣдствѣ съ болгарами? Ужели недостаточно было 5 тыс. этихъ же самыхъ Собѣкулянъ и Челматы, чтобы раздавить дерзкихъ пришельцевъ и уничтожить ихъ, только что заведенныя гнѣзда, если только онѣ существовали тогда на самомъ дѣлѣ?

Далѣе. — Въ концѣ ли XII вѣка или въ началѣ XIII построенъ Устюгъ. Какъ ни далеко, повидимому, стоялъ этотъ вновь возникшій городъ русскій отъ центра болгарскихъ владѣній, но болгары не потерпѣли поселенія русскихъ на устьѣ р. Юга: „въ лѣто 6726 (1218), говорятъ лѣтописи, взяша болгаре Устюгъ“ [2]). Если болгары въ 1218 г. не позволили русскимъ утвердиться на устьѣ Юга и были на столько сильны и рѣшительны, что взяли и разграбили отдаленный отъ нихъ Устюгъ, то какъ же они могли дозволить утвердиться русскимъ въ ближайшихъ къ себѣ мѣстахъ — по р. Вяткѣ, даже близъ средняго теченія этой рѣки (въ Котельничѣ), и ужели не были столь сильны и рѣшительны, чтобы раззорить города вятскіе, построенные не задолго предъ тѣмъ, по сказанію нашей „повѣсти“, новгородскими выходцами? Но этого мало. Въ Воскресенской, Никоновской и Устюжской [3]) лѣтописи мы читаемъ: „Въ лѣто 7626 (1218) пріидоша болгаре на Устюгъ, и взяша и лестію, и потомъ идоша ко Унжи“; стало быть, шли къ Устюгу болгары не по Унжѣ, а по другой дорогѣ, по другой рѣкѣ. По какой же? Шпилевскій основательно объяснилъ, что путь, по которому шли болгары къ Устюгу, шелъ „сначала вверхъ по Камѣ, потомъ р. Вяткою, отъ которой лежала извѣстная дорога къ Устюгу, бывшая путемъ русской колонизаціи Вятскаго края“ [4]). Прибавимъ къ этому, что путь этотъ шелъ отъ Вятки рр. Моломою и Югомъ, что этотъ путь изъ Болгаріи къ Устюгу представляется наиболѣе прямымъ и самымъ естественнымъ при самомъ поверхностномъ взглядѣ на карту, что этимъ же путемъ, какъ видно изъ постоянныхъ указаній въ лѣтописяхъ, обыкновенно ходили и русскія рати съ Двины и Устюга „въ Болгары“, а потомъ и на Казань. Опять самъ собою напрашивается вопросъ: „Шли болгары раззорить Устюгъ, плыли къ Устюгу по Вяткѣ мимо Котельнича... Какъ же они не раззорили этого Котельнича и сосѣднихъ вятскихъ городовъ, на походѣ къ Устюгу? Какъ могли они оставить эти города въ тылу у себя, намѣреваясь плыть изъ р. Вятки р. Моломой къ Устюгу“? И опять естественно является сомнѣніе: „Да полно — были ли на рѣкѣ Вяткѣ Котельничъ и Хлыновъ въ 1218 г., во время похода болгаръ на Устюгъ“?

Въ наказаніе болгаръ за раззореніе Устюга, какъ объясняетъ устюжскій лѣтописецъ, „въ лѣто 6728 (1220) вел. князь Юрій Всеволодовичъ посла брата своего Святослава на безбожныя болгары, а Василько Константиновичъ Ростовскій изъ Ростова полкъ

[1]) Никон. II, 291. — Татищева, III, 346: „много болгаръ, черемисъ, мордвы и камянъ побили“.

[2]) Полное собраніе русск. лѣт. IV, Академ. подъ 1218 г. — Арханг. 65. — Степен. I, 328. — Р. Временникъ, I, 90. — Продолж. Нестор. лѣт. 7.

[3]) Полное собраніе русск. лѣт. VII, 126. — Никон. II, 340. — Устюжскій лѣт. Большакова № 127 въ Румянцевскомъ Музеѣ: годъ въ Устюжскомъ означенъ не вѣрно. Въ Воскресенской годъ 1219.

[4]) Древніе города Казанской губ., 148, 149.

посла, а другій со Устюга вверхъ Камы“ — т.-е. опять, какъ объясняетъ Шпилевскій, черезъ рр. Вятку и Каму[1]). Во время похода Святославъ съ своими полками, пришедшими въ Болгарію по Волгѣ, сжегъ городъ Ошелъ, а „устюжане, внизъ идуще, взяша по Камѣ много городовъ, пожгоша все, люди изсѣкоша, а иныхъ въ плѣнъ поведоша“[2]). Что же вятчане? Помогали ли они устюжанамъ? Были ли жители вятскихъ городовъ въ войскѣ русскомъ, разорявшемъ Болгарію? Лѣтописцы, подробно описывающіе составъ воевавшей въ 1220 г. Болгарію русской рати, ни слова не говорятъ о вятскихъ городахъ: лѣтописцы, видимо, и не подозрѣвали существованія русскихъ городовъ на Вяткѣ въ это время...

И такое молчаніе о русскихъ поселеніяхъ на Вяткѣ, повторяемъ, продолжается ровно 200 лѣтъ, до самаго 1374 г. Вотъ что въ первый разъ мы читаемъ въ русской лѣтописи (Воскресенской) подъ этимъ годомъ: „Въ лѣто 6882 (1374) идоша на низъ р. Вяткою ушкунцы разбойницы, 90 ушкуевъ, и пограбиша Вятку, и шедше взяша Болгары, хотѣша и городъ зажещи, и даша имъ окупа 300 рублей; и оттуду раздѣлишася на двое: 50 ушкуевъ поидоша на низъ по Волзѣ къ Сараю, а 40 ушкуевъ поидоша вверхъ по Волзѣ, и дошедше Обухова, пограбиша все Засуріе и Морквашъ, и перешедъ за Волгу суды всѣ изсѣкоша, а сами поидоша къ Вяткѣ на конехъ, и много селъ по Ветлузѣ идуще пограбиша“.

Съ 1374 г. извѣстія о Вяткѣ мы начинаемъ встрѣчать уже нерѣдко. Въ 1391 г. Вятку разоряетъ, по повелѣнію ханскому, Бектутъ, что само собою объясняется тѣмъ, что съ указаннаго 1374 г., какъ видно изъ вышеприведенной лѣтописной записи, Вятка становится притономъ всякихъ „хлыновъ“, „самовластцевъ“ и ушкуйниковъ, становится излюбленною украйною, куда, какъ справедливо и мѣтко замѣтилъ Соловьевъ, подобно Берладу и Тмутараканю, шелъ всякій „бродникъ“, всякій повольникъ, всякій изгой, въ родѣ князя Семена Суздальскаго. Но тѣмъ не менѣе и этой вятской украйны въ концѣ XIV в. не теряли изъ виду великіе князья московскіе. Донской, какъ видно изъ договорныхъ грамотъ его сына и внука, считалъ Вятку своею волостью, можетъ быть, потому, что признавалъ ее колоніей своей волости — Устюга. Василій Димитріевичъ, по Татищеву, былъ самъ на Вяткѣ въ 1392 г.[3]), называлъ Вятку своею отчиною, что, какъ видно изъ новгородскихъ лѣтописей, признавали и новгородцы[4]); но онъ, какъ видно изъ договорныхъ грамотъ его сына Василія Васильевича, „пожаловалъ Вяткою“ своего брата Юрія Димитріевича, котораго, какъ видно, вятчане признавали своимъ законнымъ княземъ, потому что, по призыву Юрія и дѣтей его, постоянно являлись на борьбу ихъ, изъ-за велико-княжескаго стола, съ Василіемъ Васильевичемъ Темнымъ. Тѣмъ не менѣе, ни въ послѣдней четверти XIV в., ни въ первой четверти XV мы не встрѣчаемъ еще нигдѣ городовъ вятскихъ; вездѣ упоминается только „Вятка“, т.-е. жители береговъ Вятки, не болѣе. Только въ договорныхъ грамотахъ 1428 г. мы въ пер-

[1]) Тамъ же, 149.

[2]) Полное собраніе русск. лѣт. VII, 126—128.— Никон. II, 342—344.— Львов. I, 384—386.— Степен. I, 328.

[3]) Исторія росс., Татищева, IV, 370.

[4]) „Съ Вятки, изъ князь великаго (Василія Димитріевича) отчины“, сказано подъ 1417 г. въ новгородской первой и четвертой лѣтописи (П. С. Р. Л. III, 106, 107; IV, 115); стало-быть оба лѣтописца — новгородцы признаютъ Вятку пріобрѣтеніемъ отца Василія Димитріевича — Димитрія Донского.

вый разъ встрѣчаемъ *слободы* на Вяткѣ, а именно — въ договорной грамотѣ Василія Васильевича Темнаго съ его дядей, опять тѣмъ же Юріемъ Димитріевичемъ Галицкимъ, отъ 11 марта 1428 г., сказано: „что тя (Юрія Димитріевича) пожаловалъ отецъ мой великій князь Василей Димитріевичъ Вяткою и съ *слободами* и со всѣми мѣсты, и намъ (т.-е. великому князю Василію Васильевичу) въ Вятку не вступатися, и подъ твоими дѣтми; а тебѣ (т.-е. Юрію Димитріевичу) держати Вятка по отца моего грамотѣ великаго князя Василія Дмитріевича“ [1]). Только уже въ духовной грамотѣ этого самого Юрія Димитріевича Галицкаго, писанной около 1434 г., мы читаемъ: „а се даю тремъ сыномъ своимъ — Василью (Косому), Дмитрею (Шемякѣ) да Дмитрею Меньшому (Краспому) Вятку съ *городы* и волости; а тѣмъ ся дѣти мои подѣлятъ себѣ ровно“ [2]). Встрѣчается затѣмъ Вятка въ договорныхъ грамотахъ Шемяки съ великимъ княземъ Василіемъ Димитріевичемъ и другими князьями 1434, 1436, 1440, 1446 г. [3]), и въ посланіи русскихъ владыкъ къ Шемякѣ 1447 г. [4]); упоминаются *вятцкіе города* въ посланіи къ вятчанамъ митрополита Іоны 1452 г. [5]); но ни въ договорахъ, ни въ посланіяхъ не указывается, какіе въ то время были города на Вяткѣ; только подъ 1456 г. въ Степенной книгѣ въ первый разъ упоминается „Орловъ да Котельничъ“ [6]), а подъ 1459 г. упоминаются въ лѣтописяхъ также Орловъ, Котельничъ и еще Хлыновъ [7]).

Остается добавить еще, что новгородскіе поселенцы на Вяткѣ конца XII в., какими изображаетъ ихъ вятская „повѣсть“, представляютъ удивительный контрастъ съ тѣми „настоящими“ вятчанами, которые выступаютъ на арену исторіи русской въ концѣ XIV и въ XV вѣкѣ. Первые поселенцы на Вяткѣ XII в. представляются въ „повѣсти“ необыкновенно благочестивыми христіанами: ни одного шага они не дѣлаютъ безъ поста, молитвы и обѣтовъ, и всякій обѣтъ свой выполняютъ съ примѣрнымъ постоянствомъ. Но тѣ вятчане конца XIV и первой половины XV в., какими ихъ знаетъ безпристрастная русская исторія, являются далеко не въ такомъ привлекательномъ видѣ. Извѣстно, какими изобразилъ ихъ св. Іона, близко знавшій вятчанъ и заклеймившій ихъ названіемъ „злыхъ и кроволитныхъ человѣкъ“. Почти въ теченіе цѣлаго столѣтія, съ появленія своего въ русской исторіи и до окончательнаго своего усмиренія Іоанномъ III (1489 г.), дѣйствительные вятчане являются именно съ тѣмъ характеромъ, какой приличествуетъ еще недавнимъ обитателямъ отдаленной русской „украйны“, окруженной инородцами и неудобо-проходимыми дебрями, куда со всѣхъ сторонъ Руси стремились „хлыны“ и шестники“, имѣвшіе причины „шествовать“ подальше отъ законной власти, гдѣ христіанство не успѣло еще покорить суровыхъ душъ обитателей, а разнузданность и самоволіе не признавали иногда власти даже излюбленныхъ „ватамановъ“ [8]).

---

[1]) То же буквально повторяется въ обмѣнной договорной грамотѣ Юрія Димитріевича отъ 11 марта 1428 г. (Собраніе госуд. грамотъ и договоровъ, I, 86—90).

[2]) Тамъ же I, 105—106.

[3]) Тамъ же I, 107—137, 149.

[4]) Древніе вятскіе акты, 6—7.

[5]) Тамъ же, 10.

[6]) Степенн. II, 27.

[7]) Полное собраніе русск. лѣт., IV, 132, 148; V, 272; VI, 181; VIII, 147—148 и др.

[8]) Примѣръ — Костя Юрьевъ. Арханг. лѣтоп. подъ 1486 г.

Намъ кажется, что сдѣланныя нами извлеченія изъ лѣтописей и другихъ историческихъ актовъ далеко не говорятъ въ пользу разсказа вятской „повѣсти“ о первоначальномъ заселеніи Вятки новгородцами въ концѣ XII вѣка: они не только не подтверждаютъ разсказа „повѣсти“, но и прямо противорѣчатъ этому разсказу. Такимъ образомъ, если мы примемъ въ соображеніе, что общепринятое мнѣніе о поселеніи новгородцевъ на Вяткѣ въ XII вѣкѣ утверждается *единственно* на разсказѣ вятской „повѣсти“, то естественно приходимъ къ заключенію, что такое мнѣніе, несмотря на то, что оно такъ твердо установилось въ нашей исторіи, подлежитъ внимательному пересмотру, а пока подвержено сомнѣнію, и думаемъ — очень не безосновательному.

Является однако же самъ собою вопросъ: откуда же явилось такое категорическое показаніе вятской „повѣсти“ о заселеніи Вятки новгородцами въ XII в.? Чѣмъ объяснить, что „повѣсть“ опредѣленно указываетъ самый годъ прихода новгородцевъ въ Вятскую страну и время ихъ поселенія тамъ? — Мы дѣлаемъ попытку разъяснить этотъ вопросъ; но думаемъ, что разъясненіе вопроса значительно облегчится, когда познакомимся ближе съ самой „повѣстью о странѣ Вятской“ или глаголемымъ „вятскимъ лѣтописцемъ“, когда узнаемъ составъ его, источники, изъ которыхъ онъ почерпалъ свои показанія, и степень достовѣрности вообще сообщаемыхъ имъ извѣстій.

Откуда почерпнуты и насколько достовѣрны вообще показанія „вятскаго лѣтописца“ („повѣсти о странѣ вятской“)?

А. С. Верещагина.

Письменный памятникъ, извѣстный подъ названіемъ „вятскаго лѣтописца“, едва ли можетъ быть названъ *лѣтописцемъ* въ строгомъ смыслѣ. Самъ составитель его, какъ видно, не давалъ ему такого заглавія, такъ какъ во многихъ спискахъ этого заглавія нѣтъ, или же оно замѣнено другимъ заглавіемъ. Такъ въ спискѣ библіотеки гр. Толстого этотъ памятникъ имѣетъ простое заглавіе: „О странѣ Вятской“. Въ рукописи Синодальной (Патріаршей) библіотеки стоитъ болѣе приличное заглавіе: „Повѣсть о странѣ Вятской“. Въ рукописи, которою пользовался профессоръ Казанскаго университета Баженовъ, издавшій ее въ Казанскомъ Вѣстникѣ“ (1824 г.), заглавіе нѣсколько измѣненное: „Повѣсть о градѣ Вяткѣ“. Есть наконецъ списокъ, въ которомъ заглавіе такое: „Лѣтописецъ о странѣ Вяцкой“: это именно — списокъ „Миллеровскій“, которымъ пользовался Карамзинъ; но есть основаніе предполагать, что такое заглавіе дано этому списку не безъ нѣкоторой задней мысли.

Списковъ вятскаго „лѣтописца“ или „повѣсти“ въ прошломъ столѣтіи въ обращеніи у грамотнаго люда было не мало. Мы уже имѣли случай указать, что отецъ и сынъ Рычковы пользовались каждый особымъ спискомъ „лѣтописца“ или „повѣсти“: по словамъ Рычкова-отца[1]), „извѣстіе о Вятской странѣ выписано имъ изъ описанія геодезіи подпоручика Клешнина, отъ котораго въ 1739 году оно сообщено въ Казань къ географу Пестрикову, а отъ Пестрикова прислано въ Оренбургскую комиссію къ географическимъ дѣламъ“; по словамъ Рычкова-сына[2]), „лѣтопись, заключающая въ себѣ повѣствованіе о началѣ г. Хлынова, получена имъ отъ самихъ жителей этого города Хлынова“. Вечтомовъ, писавшій „Исторію Вятчанъ“ въ началѣ нынѣшняго столѣтія,

[1]) Опытъ Казанской исторіи, 188.

[2]) Дневныя записки путешествія капитана Рычкова, 29—30.

говоритъ[1]), что и въ его время „письменное извѣстіе о поселеніи при р. Вяткѣ новгородскихъ выходцевъ и ихъ дальнѣйшемъ при оной пребываніи и размноженіи ходило по *многимъ* рукамъ въ спискахъ безъ противорѣчій одного другому“. Арцыбашевъ, указавъ на три списка вятскаго лѣтописца, которыми онъ пользовался, говоритъ, что всѣ эти „противни (списки) вятскаго лѣтописца онъ имѣлъ чрезъ посредство профессора В. Я. Баженова, бывшаго до того учителемъ въ Вятской гимназіи“[2]). Нѣкоторые изъ названныхъ писателей, напр. Вечтомовъ[3]), высказывали мнѣніе, что повѣствованіе о заселеніи Вятки новгородскими выходцами „писано давно“; но ни одинъ изъ нихъ не утверждаетъ, что онъ пользовался *древнимъ* спискомъ вятскаго лѣтописца. Въ настоящее время извѣстно также нѣсколько списковъ вятскаго лѣтописца; но между извѣстными нѣтъ ни одного, который былъ бы *ранѣе XVIII вѣка*. Ученымъ изслѣдователямъ вятской старины наиболѣе извѣстны два списка, которыми пользовались, каждый въ свое время, Карамзинъ и Костомаровъ: это списки 1) Миллеровскій, 2) Толстовскій.

1) *Миллеровскій* списокъ лѣтописи вятской такъ названъ потому, что найденъ въ бумагахъ исторіографа Гер. Фр. Миллера, откуда поступилъ въ архивъ Коллегіи, потомъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, гдѣ и хранился въ первой четверти нынѣшняго столѣтія подъ № 73[4]). Изъ этого архива бралъ рукопись Карамзинъ, который оставилъ на ней слѣды своего пера, отмѣтивъ въ рукописи чертами и крестами тѣ мѣста, на которыя ему особенно нужно было обратить вниманіе при окончаніи первой главы III тома „Исторіи Государства Россійскаго“, гдѣ говорится о первоначальномъ „населеніи Вятки россіянами“. Около 1878—1879 гг. рукопись была въ Археографической Комиссіи, гдѣ въ каталогѣ рукописей значилась подъ № 118, и гдѣ мы имѣли возможность пользоваться ею (въ 1879 г.). Рукопись содержится въ сборникѣ, который написанъ *не ранѣе 1738 г.* и представляетъ слѣдующій видъ. Первою статьей сборника идетъ „Краткое описаніе царства Казанскаго, собранное изъ Казанской исторіи“ (лл. 1—32[5]); за ней слѣдуетъ „Лѣтописецъ о странѣ Вяцкой“ (лл. 33—37); третьей статьей идутъ отвѣты на запросы „О башкирскихъ обрядахъ“ (безъ начала лл. 38 и 39); затѣмъ четвертою статьею слѣдуетъ „Описаніе Пермской провинціи г. Кунгура“ (лл. 40—42[6]). Изъ этого описанія сборника (см. вып.[5] и[6]) очевидно, что помѣщенный въ немъ вятскій

---

[1]) Рукописная „Исторія Вятчанъ“ — въ библіотекѣ Вятской губ. гимназіи, отд. I, прим. 3.

[2]) Повѣствованіе о Россіи, Арцыбашева, I, 225, выноска 1293.

[3]) См. выше вып. 1.

[4]) И. Г. Р. III, прим. 31.

[5]) Здѣсь помѣщенъ списокъ архіереевъ казанскихъ, изъ которыхъ послѣднимъ показанъ Гавріилъ, съ добавленіемъ (л. 22), что онъ переведенъ въ 1738 г. въ Устюгъ на мѣсто Луки, переведеннаго изъ Устюга въ Казань; затѣмъ слѣдуетъ „Краткое о положеніи г. Казани описаніе“, потомъ (лл. 23—32) „ерлыки“, описаніе церквей казанскихъ, гостинаго двора и монастырей.

[6]) Въ началѣ четвертой статьи читаемъ:

„Г. Кунгура къ исторіи что принадлежитъ, извѣстіе, что могъ достать, объявляется...“

„А отчего та Пермь взяла званіе свое, про то извѣстія достать никакъ не могъ...“

„А на какой долготѣ и чѣмъ оные уѣзды (Соликамскій и Кунгурскій) разграничены, того еще мною не описано...“

„А въ прошломъ году построенъ оной (Кунгуръ) близь устья Иреня, и полигоны имѣетъ...“

„А сколько народа, о томъ требуется отъ Канцеляріи“ (Кунгурской — провиціальной)...

Прочіе отвѣты — въ этомъ же родѣ.

лѣтописецъ есть именно то извѣстіе (или по крайней мѣрѣ копія съ извѣстія) о Вятской странѣ, которое въ 1739 г. было геодезистомъ Клешнинымъ сообщено въ Казань Пестрикову, а Пестриковымъ прислано въ Оренбургъ, и которымъ пользовался Рычковъ-отецъ (на что намекаетъ и Карамзинъ въ одномъ изъ своихъ примѣчаній[1]). Понятно также, почему мы позволили себѣ высказать предположеніе, что въ Миллеровскомъ спискѣ повѣсть о странѣ Вятской озаглавлена „вятскимъ лѣтописцемъ“ можетъ быть не безъ задней мысли. Въ 1737 г. были разосланы В. Н. Татищевымъ геодезисты по разнымъ провинціямъ для собиранія самыхъ разнообразныхъ географическихъ, этнографическихъ и историческихъ свѣдѣній, по самой широкой программѣ, составленной самимъ Татищевымъ, и между прочимъ имъ наказано было, собирая повсюду историческія свѣдѣнія о той или другой мѣстности, заботиться по возможности объ отысканіи мѣстныхъ лѣтописцевъ[2]). Въ 1738 г. въ Хлыновѣ собственно лѣтописца не оказалось[3]), а нашлось то „извѣстіе“ о странѣ Вятской, которое въ нѣкоторыхъ спискахъ называлось „повѣстію“; что же удивительнаго, если вятскій геодезистъ, обрадованный такой находкой, чтобы еще болѣе угодить своему „жадному до лѣтописей“ принципалу, занимавшемуся тогда своей „Россійской Исторіей“, посылая Василію Никитичу чрезъ Пестрикова свою находку, вмѣсто „повѣсти“ озаглавилъ ее „лѣтописцемъ“?

2) Списокъ *Толстовскій* изъ Архангельской библіотеки гр. Ѳ. А. Толстаго поступилъ въ Императорскую Публичную Библіотеку, гдѣ значился сначала подъ № 103, когда пользовался имъ Костомаровъ, а потомъ подъ № 143. Въ 1878 г. онъ находился въ Археографической Комиссіи, гдѣ и снята была съ него, спеціально для насъ, точная копія[4]). Этотъ списокъ находится въ сборникѣ in 4-to, описаннымъ еще Калайдовичемъ и Строевымъ въ „Описаніи рукописей гр. Ѳ. А. Толстаго“ подъ № 432. Извѣстіе о „Вятской странѣ“ помѣщено здѣсь въ началѣ — на первыхъ листахъ (1—23) сборника, писаннаго скорописью разныхъ почерковъ XVIII в.; за повѣстью о Вятской странѣ идутъ выписки изъ лѣтописца Димитрія Ростовскаго (лл. 23 и т. д.); затѣмъ „лѣтописецъ о царствующемъ градѣ Москвѣ“ до 1730 г. (лл. 62—73); наконецъ „манифестъ“ или объявленіе отъ Верховнаго Тайнаго Совѣта „объ избраніи на престолъ Анны Іоанновны“ (л. 74 и д.). Какъ мы уже сказали, заглавіе здѣсь простое: „О странѣ Вятцкой“; но повѣствованію о странѣ Вятцкой въ Толстовскомъ спискѣ предшествуетъ еще статья: „Начало Великому Словенску, еже есть нынѣ Великій Новъградъ“. Это столь распространенное во второй половинѣ XVII вѣка, баснословное, повѣствованіе о „правнукахъ Афета Скиѳѣ и Зарданѣ“, о князьяхъ скиѳскихъ „пяточисленніихъ кровницѣхъ — Словенѣ, Русѣ, Болгарѣ, Команѣ и Истерѣ“, о построеніи Словеномъ (въ лѣто отъ сотворенія міра 3099) у озера Мойска на р. Мутной Великаго Словенска, а Русомъ — г. Русы, объ „украшенной всякими похвалами и злато-

[1]) Т. III, въ началѣ 31 примѣчанія.

[2]) Россійская Исторія, Татищева, I, 509. — Біографіи и характеристики, Бестужева-Рюмина, 147.

[3]) По крайней мѣрѣ въ 1721 г., на требованіе изъ Свят. Синода представить свѣдѣнія о мѣстныхъ лѣтописцахъ, изъ Хлынова послѣдовалъ отвѣтъ, что лѣтописцевъ здѣсь нѣтъ. (Описаніе документовъ и дѣлъ архива Свят. Синода, I, 708).

[4]) Благодаря глубокоуважаемому члену Археографической Комиссіи А. И. Тимоѳееву, въ 1878 г.

пернатыми письменами“ грамотѣ Александра Македонскаго къ князьямъ славянскимъ Великосану, Асану и Авелхасану, о запустѣніи Словенска и построеніи на его мѣстѣ Великаго Новгорода, о премудромъ князѣ Гостомыслѣ и пр. Очевидно, составитель извѣстія „о странѣ Вятской“, намѣреваясь составить повѣствованіе о судьбахъ повгородцевъ на Вяткѣ, желалъ украсить свое повѣствованіе и — такъ сказать — „возглавить“ его повѣстію о величіи предковъ вятскихъ новгородцевъ, о судьбахъ Великаго Словенска, а потомъ Великаго Новгорода, подобно тому, какъ дѣлали это другіе составители мѣстныхъ историческихъ повѣстей во второй половинѣ XVII вѣка, напр. Каменевичъ-Ростовскій [1]), составитель сибирскаго „лѣтописца вкратцѣ“ [2]), составитель лѣтописца, напечатаннаго Новиковымъ въ XVI томѣ „Россійской Вивліоѳики [3]), и др.; но тѣмъ самымъ составитель извѣстія „о странѣ Вятцкой“ далъ намъ поводъ соображать и относительно времени составленія самаго извѣстія о странѣ Вятцкой; помѣщенное въ Толстовскомъ спискѣ предъ этимъ извѣстіемъ „Начало Великому Словенску“ оказывается выписаннымъ буквально изъ *хронографа 1679 года,* въ которомъ оно помѣщено только подъ другимъ заглавіемъ — „О исторіи еже о началѣ Русскія земли и созданіи Новаграда и откуду влечашеся родъ словенскихъ князей“ [4]). Кромѣ этого „Начала Великому Словенску“, котораго нѣтъ въ Миллеровскомъ спискѣ, Толстовскій списокъ отличается отъ Миллеровскаго еще тѣмъ, что въ немъ находятся два мѣста, которыхъ нѣтъ въ спискѣ Миллеровскомъ, именно: а) о названіи р. Хлыновицы отъ крика птицъ „хлы-хлы“ [5]); б) о построеніи въ Хлыновѣ на ключѣ винокурни и земской избы, также — объ озерѣ и болотѣ на мѣстѣ (бывшей при составителѣ „повѣсти“) богадѣльни и ловлѣ тутъ птицъ [6]). Остальныя же разности въ спискахъ Миллеровскомъ и Толстовскомъ (въ годахъ и отдѣльныхъ словахъ) вообще незначительны и, кажется, не безъ основанія, могутъ быть приписаны писцамъ.

Прочіе, извѣстные нынѣ, списки „повѣсти о странѣ Вятской“ сходны буквально, съ нѣкоторыми незначительными разностями, происшедшими, вѣроятно, отъ писцевъ, большею частію со спискомъ Миллеровскимъ. Таковы:

3) Списокъ *Баженовскій,* писанный двумя почерками, изъ коихъ послѣдній почеркъ Баженовъ называлъ „новымъ“, слѣд. или — начала XIX или же конца XVIII вѣка. Этотъ списокъ, очень неисправный, изданъ проф. Баженовымъ въ Казанскомъ Вѣстникѣ 1824 г. (II, 5—25), откуда въ 1866 г. перепечатанъ въ Вятскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ (№№ 34 и 35) и затѣмъ — отдѣльнымъ оттискомъ. Списокъ сходенъ съ Миллеровскимъ, съ самыми незначительными перемѣнами въ славянскихъ словахъ на русскій ладъ, но изданъ Баженовымъ безъ баснословнаго начала и слѣдующихъ за нимъ повѣствованій о Ярославовыхъ грамотахъ, новгородцамъ данныхъ, о самовластіи новгородцевъ

---

[1]) Исторія Государства Россійскаго, Карамзина, т. I, прим. 70 и 91.

[2]) Напечатанъ въ „Продолженіи Россійской Вивліоѳики“, т. VII, 173—180.

[3]) Подъ заглавіемъ „Подробнѣйшая исторія государей россійскихъ“, 42—53.

[4]) Изборникъ славянскихъ и русскихъ сочиненій и статей, внесенныхъ въ хронографы, Андрея Попова, 442—447.

[5]) „Иніи жъ реша въ то время по рѣкѣ оной летѣвше птицы и крычавше хлы хлы и отъ того назвася та рѣка Хлыновица“.

[6]) „И гдѣ нынѣ на торгу земскій колодяжь и на томъ ключю построена была винокурня и земская изба: за Вознесенскою церковію гдѣ нынѣ богадѣльни было великое болото и езеро и на томъ мѣстѣ птицъ ловили“.

и ихъ междоусобіяхъ[1]); почему Баженовская „повѣсть о градѣ Вяткѣ“ какъ въ Казанскомъ Вѣстникѣ, такъ и въ вятскихъ перепечаткахъ изъ Казанскаго Вѣстника производитъ на читателя далеко не то впечатлѣніе, какое производитъ „повѣсть“ въ полномъ видѣ[2]). Этотъ значительный пропускъ изъ „повѣсти“ восполнилъ для вятскихъ читателей —

4) Списокъ *Блиновскій*. Когда „повѣсть“ была перепечатана изъ Казанскаго Вѣстника въ Вятскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ 1866 г., о. Н. Н. Блиновъ замѣтилъ, что „повѣсть“ напечатана безъ начала и сообщилъ въ Губернскія Вѣдомости, по бывшему у него списку, начало „повѣсти“, которое и было напечатано въ № 66 Губернскихъ Вѣдомостей того же 1866 г.[3]). Списокъ о. Блинова, по его словамъ, гораздо исправнѣе Баженовскаго, но вообще сходенъ съ Баженовскимъ и — стало быть — Миллеровскимъ. Этого и слѣдовало ожидать, потому что, по описанію о. Блинова, бывшій у него въ рукахъ списокъ есть копія съ копіи, снятой съ бывшей въ рукахъ казанскаго географа Пестрикова „лѣтописи[4]): съ присланной Пестриковымъ въ Оренбургъ „лѣтописи о странѣ Вятской“ здѣсь, въ Оренбургѣ, была снята копія въ іюлѣ 1751 г., а съ этой копіи въ свою очередь снялъ копію въ 1801 г. священникъ І. Г. Лопатинъ, и эта-то послѣдняя копія и была въ рукахъ о. Блинова въ 1866 г.[5]).

5) Списокъ *Синодальной* библіотеки, значащійся по каталогу подъ № 841. Это — рукопись конца XVIII в., писанная писарскою рукою, со многими описками, впрочемъ по мѣстамъ исправляющая невѣрныя чтенія другихъ списковъ. Въ этомъ спискѣ замѣчательны пропуски нѣкоторыхъ мѣстъ, находящихся въ другихъ спискахъ: оставлены безъ указанія нѣкоторые годы (напр. годъ грамоты Александра Македонскаго новгородцамъ, годъ взятія новгородцами Болванскаго городка), и нѣтъ послѣдовательно идущихъ одно за другимъ повѣствованій о неоднократныхъ нападеніяхъ на новгородскихъ вятчанъ со стороны россійскихъ князей и инородцевъ, объ устройствѣ домовъ и острога въ Хлыновѣ, о приходѣ на Вятку поселенцевъ съ Двины и съ Устюга[6]). Синодальный

---

[1]) Выпущено начиная отъ словъ: „Древле князи скифстіи, царицаеміи Словенъ и Русъ, возставше отъ Евксинопонта...“ и кончая словами: „мнози новгородцы о преселеніи отъ своихъ мѣстъ за умноженіемъ народа и нестроеніемъ междоусобныхъ браней мыслити начаша и...“

[2]) Если бы С. М. Шпилевскій имѣлъ возможность прочитать полную „повѣсть о странѣ Вятской“ въ рукописяхъ, а не Баженовское editio expurgata (безъ начала) въ Казанскомъ Вѣстникѣ, то, намъ кажется, едва ли бы онъ написалъ то, что говоритъ въ послѣднихъ строкахъ о „походѣ новгородскихъ ушкуйниковъ къ Вяткѣ въ 1174 г.“ (Древніе Казанскіе гор., 129).

[3]) Но отдѣльный оттискъ „повѣсти“ напечатанъ безъ присланнаго о. Блиновымъ начала ея, напечатаннаго въ № 66 Губ. Вѣд.

[4]) Вятскія Губ. Вѣд. 1866 г. № 66.

[5]) На заглавномъ листѣ этого списка написано: „Лѣтописецъ о странѣ Вятской“; на оборотѣ перваго заглавнаго листа: „Списанъ села Волковскаго свящ. Іоанномъ Гавриловымъ Лопатинымъ 1801 г. авг. мѣс.“; сверху второго листа: „Копія съ копіи“; далѣе на второмъ же листѣ послѣ заглавія („Лѣтопись о странѣ Вятской“): „Прислана въ Казань отъ поручика г. Клешнина изъ г. Хлынова въ 1739 г.“ Въ концѣ рукописи: „На подлинной подписано тако: На листахъ, Географъ Михайло Пестриковъ. — Списана сія лѣтопись во градѣ Оренбургѣ 1751-го года іюля 29 дня“. — По словамъ г. Спицына, Блиновскій списокъ нынѣ утраченъ (Вятскій Календарь на 1884 г., 147).

[6]) Этотъ значительный пропускъ (указываемъ по отдѣльному оттиску „повѣсти“) начинается со словъ: „во времена же тыя князи россійстіи имущія отдѣльныя грады прихождаху на Вятку...“ и оканчивается словами: „черемиса же и отяки и чюдь набѣгающе со стрѣлами и оружіемъ селитвы раззорляюще и плѣняюще“. Пропускъ равняется, по отдѣльному изданію „повѣсти“ (стр. 6—7), 44 печатнымъ строкамъ.

списокъ вообще сходенъ съ Миллеровскимъ, но въ предпослѣднемъ извѣстіи „повѣсти“ — о походѣ казанскихъ татаръ на Устюгъ чрезъ Вятку рѣкою Моломою — годъ показанъ 7008, согласно съ Толстовскимъ спискомъ, а не съ Миллеровскимъ, и число татаръ показано не 40000, а 4000. Рукопись по листамъ скрѣплена такъ: „Съ отпускомъ свидѣтельствовалъ коллегскій регистраторъ Тимоѳей Юферевъ“, и едва ли не была доставлена въ Москву „по перепискѣ здѣшнихъ духовныхъ лицъ съ Н. Бантышъ-Каменскимъ и А. Барсовымъ“, о которой упоминаетъ Вечтомовъ въ своей исторіи[1]).

Кромѣ указанныхъ здѣсь списковъ, въ недавнее время извѣстны были и другіе списки вятскаго „лѣтописца“ или „повѣсти“: такъ извѣстенъ былъ списокъ протоіерея Г. И. Пинегина, у котораго мы видѣли этотъ списокъ въ 1860 г., списокъ бывшаго секретаря статистическаго комитета В. А. Короваева, видѣнный нами въ 1864 г., списокъ свящ. Н. П. Орлова[2]). Но всѣ эти списки — новѣйшаго времени, и притомъ — снятые большею частію съ печатной „повѣсти“ въ Казанскомъ Вѣстникѣ. Такимъ образомъ оказывается, что нѣтъ ни одного списка вятскаго „лѣтописца“ или „повѣсти“ *древнѣе XVIII вѣка*[3]): обстоятельство достойное вниманія, которое, конечно, не даетъ еще твердаго основанія рѣшать окончательно вопросъ о времени составленія этого письменнаго памятника, но тѣмъ не менѣе, особенно въ связи съ другими достойными вниманія свѣдѣніями о немъ, наводитъ на соображенія далеко не въ пользу его *особенной древности*.

Несмотря на нѣкоторыя разности въ спискахъ, кратко здѣсь указанныя, во всѣхъ спискахъ одинаково мы встрѣчаемъ не мало анахронизмовъ, противорѣчій, извѣстій замѣчательныхъ по своей неправильности, странности или очевидной несообразности. По словамъ Вечтомова, „когда и кто писалъ сіе извѣстіе (о странѣ Вятской), неизвѣстно; но по малосмышленности и безсвязности заключать надобно, что оно писано простякомъ, или послѣ испорчено“[4]). Карамзинъ также замѣтилъ въ этомъ извѣстіи разныя неисправности и анахронизмы, а въ примѣчаніи къ своей исторіи выписалъ два такихъ анахронизма[5]). Вотъ эти анахронизмы: а) по вятской повѣсти „въ лѣто 6682 (1174) во дни великаго князя *Ярослава* сына *Владимірова* отдѣлишася отъ предѣлъ В. Новаграда новгородцы самовласцы“; между тѣмъ, по всѣмъ лѣтописямъ, в. князь Ярославъ сынъ Владиміровъ „преставися въ лѣто 6562“ (1054); б) по вятской повѣсти „въ лѣто 6689 (1181) іулія въ 24 день новгородцы, приступивше ко граду (Болванскому), вельми

---

[1]) Рукописная „Исторія Вятчанъ“ — въ гимназической библіотекѣ, отд. I, прим. 3.

[2]) Мы не упоминаемъ здѣсь о тѣхъ *извлеченіяхъ* изъ повѣсти о странѣ Вятской, которыя сдѣланы были, въ послѣдней четверти прошлаго столѣтія, въ мѣстныхъ присутственныхъ мѣстахъ по требованію *свыше:* о двухъ такихъ извлеченіяхъ, хранящихся въ архивѣ Вятской Городской Управы („Краткая выписка 1798 г. изъ партикулярной лѣтописи о заведеніи г. Вятки“) и въ архивѣ Губернскаго Правленія въ дѣлѣ 1781 г. за № 1231), уже сообщены краткія свѣдѣнія А. А. Спицынымъ въ Вятскомъ Календарѣ на 1884 г. (146—147). Но это — не *списки* „повѣсти“, а выдержки изъ нея, при томъ же — съ передѣлками.

[3]) Въ Вятскомъ Календарѣ на 1884 годъ (147) было сообщено, что имѣется въ Синодальной библіотекѣ списокъ повѣсти о странѣ Вятской епископа Лаврентія, при описи его имущества, написанный скорописью XVII *вѣка*; но это сообщеніе не точно: такого списка въ Синодальной библіотекѣ нѣтъ, какъ мы увѣрились въ томъ лично въ названной библіотекѣ.

[4]) Рукописная „Исторія Вятчанъ“, I, прим. 3.

[5]) Т. III, прим. 31.

жестоко и сурово призываху на помощь св. Бориса и Глѣба, глаголюще: яко же иногда новогородскому в. князю *Александру Невскому* даровали есте побѣду на супротивныя Шведы за рѣкою Невою, явистеся пловуще въ насадѣ, тако и нынѣ намъ способствуйте молитвами вашими"; между тѣмъ по лѣтописямъ и „житію" Александра Невскаго, св. Борисъ и Глѣбъ являлись ему на помощь въ 6748—6750 (1240—1242) гг., а *отецъ Александра Невскаго* — Ярославъ Всеволодовичъ родился только 6698 (1190) г.[1]). Оба эти анахронизма Карамзинъ, благосклонный къ вятскому лѣтописцу, приписалъ „глупымъ дополнителямъ", сказавъ рѣшительно, что самъ авторъ вятской лѣтописи *не могъ* написать такихъ анахронизмовъ[2]); но вскорѣ послѣ такого отзыва о вятскомъ лѣтописцѣ самъ Карамзинъ (какъ намъ ни прискорбно говорить о промахѣ славнаго исторіографа) допустилъ странную ошибку, благодаря именно автору вятской лѣтописи, котораго онъ такъ отличалъ отъ „глупыхъ дополнителей". Въ вятскомъ лѣтописцѣ Карамзинъ прочиталъ: „въ лѣто 6964 (1456) великій князь Василей Дмитреевичъ послалъ на Вятку весною съ княземъ Семеномъ Ряполовскимъ множество ратныхъ людей, и ничтоже успѣвъ воротились"; на основаніи такого извѣстія и Карамзинъ въ своей исторіи[3]) написалъ: „по Хлыновской лѣтописи, Василій Димитріевичъ посылалъ войско на Вятку съ княземъ Семеономъ Ряполовскимъ, но не могъ овладѣть ею". Но при этомъ Карамзинъ не обратилъ вниманія на *годъ* извѣстія въ вятской лѣтописи: въ 6964 (1456) г. *Василій Димитріевичъ* не могъ посылать С. Ряполовскаго на Вятку, потому что, по лѣтописямъ, „преставися въ лѣто 6933" (1426), и въ вятской лѣтописи великій князь, посылавшій Ряполовскаго на Вятку, неправильно названъ *Димитріевичемъ*, а не *Васильевичемъ* — какъ бы слѣдовало, что произошло (какъ увидимъ далѣе) отъ неумѣлаго пользованія составителя вятской лѣтописи своимъ источникомъ. Кромѣ указанныхъ здѣсь и другихъ анахронизмовъ, встрѣчается въ нашемъ лѣтописцѣ, во всѣхъ его спискахъ, не мало противорѣчій: напр. въ одномъ мѣстѣ говорится: „*прихождаху* князи россійстіи *на Вятку* съ различными воинствы въ великомъ собраніи", а въ другомъ мѣстѣ: „князи россійстіи посылаху на Вятку рати мнози и *ничтоже успѣвающе за разстояніемъ дальнаго пути*"; въ нѣсколькихъ мѣстахъ говорится, что вятчане проживали 278 (1181—1459) „никимъ обладаемы, самовластвующе по своей воли", а въ другомъ мѣстѣ сообщается извѣстіе, что Бектутъ (1391 г.) покорилъ Вятку; въ одномъ мѣстѣ говорится, что „оставшіеся въ Новѣгородѣ людіе вознегодоваша на вятчанъ зело, вадяще на нихъ княземъ россійскимъ, нарицающе ихъ изъ Новаграда *былецами*", а въ другомъ мѣстѣ говорится, что новгородскіе выходцы на Вятку „отлучишася изъ Новаграда" не только „съ согласія, но и за повелѣніемъ" самихъ новгородцевъ и пр. Не мало встрѣчается также и другихъ неправильностей и очевидныхъ несообразностей: напр., какъ мы уже говорили (въ первомъ рефератѣ), новгородскіе выходцы въ нашей лѣтописи еще въ XII в. воюютъ съ вотяками, которыхъ исторія въ XII в. рѣшительно не вѣдаетъ; вятскіе черемиса и вотяки въ XII в. „боятся паходу Руси", между тѣмъ какъ Русь до береговъ Вятки тогда еще не доходила. Кромѣ того въ лѣтописи нашей съ осо-

[1]) Полное собраніе русск. лѣтописей. I, 172, 205; III, 54; IV, 35; V, 3, 178, 181; VII, 101, 148, 151.
[2]) Т. III, прим. 31.
[3]) Т. V, 126.

бенною силою говорится о полномъ „самовластіи“ и совершенной „независимости“ вятчанъ (въ 1181—1459 гг.); между тѣмъ изъ лѣтописей и древнихъ актовъ мы знаемъ: а) что въ половинѣ XIII в. въ Устюгѣ жилъ для сбора татарской дани ясащикъ Бога[1]), что поэтому должны были быть такіе ясащики и на пути отъ татаръ въ Устюгъ — въ городахъ вятскихъ (если только такіе города русскіе существовали, какъ увѣряетъ наша лѣтопись, въ половинѣ XIII в.); б) что, по словамъ самихъ вятчанъ, ихъ „изневолилъ казанскій царь“[2]); в) что великій князь Василій Димитріевичъ Вятку, какъ свою волость, отдалъ своему брату Юрію Димитріевичу Галицкому, и вятчане въ первой половинѣ XV в. всегда съ готовностію являлись на брань по зову своихъ галицкихъ князей, сначала Юрія Димитріевича, потомъ его старшаго сына Василія (Косого), а затѣмъ — Димитрія (Шемяки). Страннымъ представляется, что вятчане еще въ XII в. получаютъ въ нашей лѣтописи названіе отъ рѣки Вятки, названіе которой не встрѣчается ни въ какихъ письменныхъ памятникахъ ранѣе XIV вѣка; не менѣе странно и то, что, не объясняя названія рр. Вятки и Чепцы, составитель лѣтописи называетъ взятый въ 1181 г. новгородскими пришельцами вотяцкій городокъ русскимъ именемъ „Болванскій“, а вотяцкое поле „Балаксовымъ“, т.-е. принадлежащимъ „Балаксѣ“, какъ будто на этомъ полѣ, еще до 1181 г., проживалъ какой-то новгородецъ „Балакса“[3])... Еще болѣе удивительнымъ представляется примѣненіе къ вятчанамъ басни о сожительствѣ новгородскихъ рабовъ съ женами отлучившихся на войну новгородцевъ: Герберштейнъ, а за нимъ Стрыйковскій передаютъ эту басню обстоятельно и съ подробностями, прилагая ее рѣшительно къ г. Холопьему въ 60 верстахъ отъ устья Мологи; а нашъ „лѣтописецъ“ слышанное или читанное имъ о „рабахъ г. Холопьяго“ примѣняетъ къ „бѣглецамъ г. Хлынова“[4]). Не распространяемся здѣсь о названіи въ лѣтописи Кокшарова по несуществующей рѣчкѣ Кокшарѣ, о курьезномъ объясненіи названія Хлыновицы и Хлынова отъ птичьяго крика „хлы-хлы“ и т. п. Вообще анахронизмовъ, противорѣчій и другихъ неисправностей въ нашемъ лѣтописцѣ оказывается столько, что если бы мы, слѣдуя Карамзину, стали ихъ выбрасывать, приписывая „глупымъ дополнителямъ“, то пришлось бы выкинуть, если не половину, то по крайней мѣрѣ треть всей, и безъ того не обширной (17 страничекъ въ 16 д. л.), вятской лѣтописи. Намъ кажется даже, что въ спискахъ позднѣйшихъ старались не только не дополнять, но даже очищать отъ неисправностей списокъ составителя лѣтописи: этой намѣренной „очисткѣ“, сдается намъ, можно приписать въ Клешнинскомъ или Миллеровскомъ спискѣ пропускъ о „хлы-хлы“ и извѣстія о винокурнѣ и земской избѣ (обличающаго недавнее составленіе лѣтописи), а также въ Синодальномъ спискѣ — пропускъ указанныхъ выше извѣстій, если только

---

[1]) Архангелогород. лѣт. подъ 6770 (1262) г. — Исторія Госуд. Рос.. Карамзина, IV, 55.

[2]) Лѣтоп. Софійская II, Воскресенская, Никоновская, Львова подъ 6976 (1468) г.

[3]) „Балакса“, „Балакша“ — прозвища у новгородцевъ. Извѣстенъ напр. новгородскій житель Василій Балакс(ш)а, встрѣчавшій Іоанна III въ селѣ Волмановскомъ въ 1476 г. (Полное собр. лѣт. VI, 200).

[4]) У Стрыйковскаго, цитующаго Герберштейна (л. 75), басня передана такъ: брали новгородцы Корсунь, долго отсутствовали, а жены безъ днихъ вышли за рабовъ, которые по возвращеніи мужей, бѣжали отъ бичей послѣднихъ na iedno błotne miesce nad Mologa od Uglicza dvie mili y tam sie okopali y zamek zbudovali (p. 138). И въ нашемъ лѣтописцѣ: „согласившася новгородцы устроили *замокъ* крѣпкій“.

справедливо предположеніе наше, что Синодальный списокъ былъ доставленъ въ Москву „по перепискѣ вятскаго архіерея съ московскими учеными...“

Помимо вопроса о томъ, составлена ли вятская лѣтопись неповиннымъ въ „глупыхъ дополненіяхъ“ авторомъ Карамзина, или — „малосмышленнымъ простякомъ“ Вечтомова, не малую важность представляетъ вопросъ о времени ея написанія. Когда же составленъ этотъ, занимающій не однихъ только мѣстныхъ изслѣдователей старины, письменный памятникъ?

Лѣтописецъ вятскій или повѣсть о странѣ Вятской — произведеніе не слишкомъ отдаленной древности. Правда, лѣтописецъ нашъ оканчивается 1553 годомъ, и это обстоятельство сначала внушительно дѣйствуетъ на читателя: можетъ быть это обстоятельство подѣйствовало и на Карамзина, который, какъ мы видѣли, отнесся къ лѣтописцу нашему съ большимъ вниманіемъ и довѣріемъ. Но окончаніе лѣтописи событія 1553 г. вовсе не доказываетъ, что она составлена въ XVI вѣкѣ; это обстоятельство совершенно случайное. Напротивъ, можно съ достовѣрностію сказать, что вятская лѣтопись составлена никакъ *не ранѣе конца XVII вѣка*. Это доказываетъ уже самый языкъ лѣтописи, неправильный славянскій, часто сбивающійся на разговорный русскій[1]); но особенно убѣждаютъ насъ въ этомъ нѣкоторые, вскользь сдѣланныя въ лѣтописи, замѣчанія о современныхъ ея составителю обстоятельствахъ. „И избраша новгородцы“, пишетъ составитель лѣтописи, „мѣсто прекрасно на высокой горѣ, иже нынѣ зовется Кикиморская“. Кикиморской горы мы не встрѣчаемъ въ Хлыновѣ ни въ дозорной книгѣ г. Хлынова кн. Звѣнигородскаго 1615 г., ни въ писцовой книгѣ Толочанова 1628 г., ни въ переписной книгѣ Отяева 1646 г., а встрѣчается гора Кикимерка (Кикиморка) въ первый разъ въ переписной книгѣ Воейкова 1678 г.[2]). Въ другомъ мѣстѣ составитель лѣтописи говоритъ: „Во градѣ Хлыновѣ, гдѣ нынѣ кремль городъ, построены (были) житія жителей кругомъ города...“ А по временнику вятскому (Л. Юферева), „Хлыновъ городъ земляной и кремль почалъ строить стольникъ и воевода князь Г. А. Козловской въ лѣто 7172 (1664) сентября въ 17 день, а строили три года“. Къ тому же заключенію приводятъ и другія, сдѣланныя вскользь составителемъ лѣтописи, замѣтки: „а гдѣ нынѣ на торгу земскій колодязь“, „а гдѣ нынѣ богадѣльни“, „гдѣ нынѣ выше винокурни словетъ Епиховъ потокъ“ и др.

Еще Вечтомовъ замѣтилъ[3]), что „письменное извѣстіе о поселеніи при р. Вяткѣ новгородскихъ выходцевъ, дальнѣйшемъ ихъ пребываніи и размноженіи до покоренія россійской власти, есть извѣстіе не полное, изъ безсвязныхъ отрывковъ состоящее“. Даже при самомъ поверхностномъ вниманіи можно замѣтить въ лѣтописи или повѣсти

[1]) Напр.: „Согласившеся, гдѣ бъ имъ устроить обще замокъ крѣпкій... Возвѣщающе гражане (такъ наз. черемиса) новгородцемъ, что имъ показася... Во отмщеніе укоризны приписаша, что будто... Обѣщашася жителіе приносить тотъ образъ въ Хлыновъ, встрѣчать и праздновать... За Вознесенскою церковію, гдѣ нынѣ богадѣльни, птицъ ловили, а далѣ того мѣста кругомъ лѣсъ былъ, и въ гору, гдѣ нынѣ Спецыпская улица, ходили въ чащи лѣса по ягоды... Взята городокъ той вопискимъ промысломъ... Призываху на помощь сродниковъ своихъ всероссійскихъ князей Б. и Г... Отъ Кокшарова городка, названномъ (наго) по р. Кокшарѣ“... Постоянное употребленіе окончанія — *моляше*, возсылаше, кричавше, вмѣсто моляху, возсылаху и т. д.

[2]) Вятка. Матеріалы для исторіи города XVII и XVIII в., изд. И. А. Николаевымъ (за счетъ А. Г. Кузнецова), 56.

[3]) Рукописная „Исторія Вятчанъ“, I, прим. 3.

нашей слѣдующія *четыре,* дѣйствительно не совсѣмъ связно соединенныя между собою, части: 1) какъ бы предисловіе, содержащее разсказъ о построеніи Словенска Словеномъ и Русомъ, о запустѣніи этого Словенска, о построеніи новаго Словенска и переименованіи его въ Новгородъ при Гостомыслѣ, объ уставныхъ грамотахъ, данныхъ Новгороду Ярославомъ, о новгородскомъ самовластіи, о происшедшихъ отъ самовластія новгородцевъ внѣшнихъ и внутреннихъ въ странѣ ихъ замѣшательствахъ и о желаніи многихъ изъ нихъ „преселиться отъ своихъ мѣстъ за умноженіемъ народа и неустроеніемъ междоусобныхъ браней“; 2) повѣсть о поселеніи новгородцевъ на Вяткѣ въ 1174—1181 гг., ихъ дальнѣйшемъ распространеніи по землѣ Вятской и самовластіи; 3) сказаніе о явленія чудотворной иконы святителя Николая на Великой рѣкѣ; 4) краткія лѣтописныя замѣтки или выдержки изъ русскихъ лѣтописей, всего числомъ 12, о замѣчательныхъ событіяхъ на Вяткѣ послѣ явленія чудотворной иконы святителя Николая до завоеванія Казани (1383—1553 гг.).

Первая часть вятскаго лѣтописца или, какъ мы назвали ее, — *предисловіе,* въ первой, баснословной, своей половинѣ (гдѣ говорится о Словенѣ, Русѣ, Гостомыслѣ и пр.) прѐдставляетъ очевидное заимствованіе изъ баснословныхъ издѣлій, какія „вборзѣ“ фабриковали досужіе книжники XVII в. Вторая же половина предисловія (гдѣ говорится о самовластіи новгородцевъ и Ярославовыхъ грамотахъ) представляетъ довольно замѣчательный взглядъ русскаго книжника позднѣйшаго времени на политическое устройство и историческія судьбы древняго Новгорода. Извѣстно, что вопросъ о Ярославовыхъ грамотахъ до сихъ поръ еще оказывается не рѣшеннымъ окончательно: одни изъ ученыхъ историковъ, какъ Соловьевъ и Бестужевъ-Рюминъ[1]), признаютъ, что этими грамотами даны были финансовыя льготы новгородцамъ; другіе же, какъ Бѣляевъ и Костомаровъ[2]), видятъ въ грамотахъ Ярослава политическій уставъ, данный имъ Новгороду. Вторая половина предисловія вятскаго лѣтописца оказывается благопріятною для послѣдняго мнѣнія (Бѣляева и Костомарова), чѣмъ и объясняется то удовольствіе, съ какимъ Костомаровъ эксплоатировалъ вятскаго лѣтописца въ „Сѣверно-русскихъ народоправствахъ“. Но взглядъ на Ярославовы грамоты и политическое устройство древняго Новгорода, изложенный во второй половинѣ предисловія къ вятской лѣтописи[3]), принад-

---

[1]) Объ отношеніяхъ Новгорода къ вел. князьямъ, 33. — Русская исторія, Бестужева-Рюмина, 315.

[2]) Разсказы изъ русской исторіи, Бѣляева, II, 229. — Сѣверно-русскія народоправства, Костомарова, I, 47.

[3]) „В. князь Ярославъ Великаго Новаграда жителемъ даде уставныя грамоты въ лѣто 6528, дани и правительства узаконн вѣчно (вѣчны — отъ „вече“?), и уставъ судебный предаде, еже не преходити *законовъ вѣчныхъ*. Егда же великаго Новаграда народи, самовластвующе по своей воли и изобилующе въ богатствѣ паче всѣхъ россіанъ, и призываху великихъ (?) князей къ себѣ ради отмщенія супостатовъ, имяху ихъ за повелѣніемъ своимъ, еже имъ прежнихъ предѣлъ не преходить и уставленныхъ съ нихъ даней, какъ они получили отъ вел. князя Ярослава, и жалованныхъ его грамотъ не перемѣнять. А елицы призванные князи нѣчто отъ того прежняго установленія премѣняху, или что по своей воли сотворять, сихъ начастѣ изъ В. Новаграда отсылаху, овыхъ и съ безчестіемъ, имѣнія ихъ отъемлюще; а инніи, не терпяще стыда и безчестія, сами избѣгаху. . И тако тіи народи, самовластвующе въ В. Новѣградѣ и въ предѣлѣхъ его, пріяша отъ отецъ своихъ обычай правити между собою своими градожители, тысяцкими и посадскими... И отъ вел. князей бранемъ умножившимся на В. Новградъ за самовластіе ихъ, наипаче же и зависти ради, яко изобилующе въ богатствѣ паче иныхъ... новгородцы, правими своими градожители, князей паки призываху къ себѣ по свой воли. И наипаче народу умножающуся, самовластву, нестроенію и безчинію настоящу... самовластцы В. Новаграда заратишася съ россійскими вел. князи, многія ихъ грады и страны раззоряюще, и воеваху по Волгѣ рѣкѣ, и которыя страны завоеваху, въ тѣхъ и жити изволяюще“... И т. д.

лежитъ книжнику уже XVII вѣка и едва ли — самому составителю вятской лѣтописи, такъ какъ это взглядъ книжника, хорошо знакомаго съ новгородскими лѣтописями, а составитель вятской лѣтописи, въ остальныхъ частяхъ ея, не обнаруживаетъ знакомства съ новгородскими лѣтописцами. Поэтому намъ кажется, что все предисловіе, т.-е. и баснословная, и небаснословная его части, заимствовано вятскимъ лѣтописцемъ изъ какого-нибудь письменнаго памятника XVII в. Это-то заимствованіе, видимо понравившееся составителю вятской лѣтописи разсказомъ о вольности новгородцевъ, и послужило для него поводомъ къ написанію и его повѣсти о вольности вятской, о вольности первоначальныхъ русскихъ поселенцевъ на Вяткѣ, пришедшихъ изъ Новгорода.

Самою важною для изслѣдователя представляется *вторая* часть вятской лѣтописи, собственно — повѣсть о заселеніи Вятки новгородцами, первоначальномъ ихъ пребываніи на Вяткѣ, построеніи ими первыхъ городовъ и храмовъ, и ихъ вольности или, какъ вездѣ выражается составитель лѣтописи, самовластіи. Спрашивается, какъ эта повѣсть, по какимъ источникамъ составлена? Составлена ли она по записямъ, современнымъ описываемымъ событіямъ? Составлена ли она по позднѣйшимъ записямъ или преданіямъ, записаннымъ книжниками, предшествовавшими составителю лѣтописи? Или вся эта повѣсть представляетъ только домыслъ ея составителя?

На первый вопросъ, намъ кажется, приходится отвѣчать рѣшительнымъ отрицаніемъ. Составитель повѣсти при разсказѣ описываемыхъ имъ событій, за исключеніемъ одного случая, да и то возбуждающаго сомнѣніе, рѣшительно *нигдѣ* не указываетъ года описываемыхъ событій; но возможно ли, чтобы современники событій, описывавшіе эти событія, не обозначали года того или другого замѣчательнаго на Вяткѣ событія? Да и кому было описывать тогдашнія (XII—XIII вв.) событія на Вяткѣ, при предполагаемомъ въ это время ея заселеніи новгородцами? Если и были съ этими поселенцами XII вѣка какіе-нибудь Легены[1]), т.-е. пришедшіе вмѣстѣ съ ними священники, то вѣдь такіе Легены не отличались грамотностію, а по описанію св. Іоны, вятскіе священницы и позднѣйшаго времени (XV вѣка), „зовущеся священницы, ни священства своего не знали“[2]). Всего вѣроятнѣе, что составитель вятской лѣтописи писалъ по преданіямъ, или слышаннымъ имъ отъ своихъ современниковъ, или можетъ быть и записаннымъ какими-либо предшествовавшими ему книжниками. Къ послѣдняго рода преданіямъ, кажется, можно отнести напр. разсказы о построеніи Волковской, Богоявленской, Воскресенской церкви. Правда, на Вяткѣ не вели записей даже о такихъ выдающихся церковныхъ событіяхъ, какъ явленіе чудотворной иконы свят. Николая на р. Великой, и составитель болѣе древней редакціи сказанія объ этой иконѣ говоритъ, что онъ не можетъ сказать, когда она явилась[3]). Но съ появленіемъ на Вяткѣ архіереевъ, особенно благодѣтельнаго для Вятки преосв. Іоны (1674—1700 гг.), начинается здѣсь и литературная дѣятельность; „за благословеніемъ архіерейскимъ“ начинаютъ составляться описанія явленія иконъ Спасителя и Николая чудотворца, упорядоченныя опи-

---

[1]) Въ 1193 г., во время похода Ядрейка, Югра „изсѣкоша попа Иванка Легена“, бывшаго въ отрядѣ Ядрейка (Новгор. первая лѣт. подъ 6701 г.).

[2]) Посланіе митроп. Іоны къ вятскому духовенству (Акты Истор. I, 490).

[3]) Повѣсть о явленіи чудотворнаго образа Великорѣцкаго — рукопись Синодальной библіотеки (XVII в., № 410).

санія чудесъ отъ сихъ иконъ, житіе преп. Трифона и другіе памятники мѣстной церковной письменности. Нельзя думать, чтобы этотъ добрый пастырь вятскій не захотѣлъ узнать, напр., когда и по какимъ причинамъ начались существовавшіе въ его время ходы съ иконами изъ Волкова, съ Великой рѣки и др. Мѣстное духовенство могло записать при этомъ тѣ или другія мѣстныя преданія о церковныхъ событіяхъ, и нѣтъ повода думать, что составитель нашей лѣтописи ничуть не пользовался и такими записями мѣстныхъ преданій. Но во всякомъ случаѣ такія записи были уже очень позднія, слишкомъ отдаленныя отъ времени событій, при чемъ самыя преданія, конечно, видоизмѣнялись, преувеличивались, относились ко времени древнѣйшему, чѣмъ самыя событія[1]). — Что же касается до разсказа составителя лѣтописи о самовластіи вятчанъ, то едва ли этотъ разсказъ не составляетъ домыслъ самого составителя лѣтописи, навѣянный чтеніемъ повѣствованія о Ярославовыхъ грамотахъ и вольности В. Новгорода. Такой домыслъ представляется на столько естественнымъ, что было бы даже странно, если бы его не оказалось въ вятской письменности. На Вятку пришли новгородцы, даже не просто лѣтописные „новгородци“, а *вольница* новгородская; какъ же, думаетъ лѣтописецъ, жили на Вяткѣ эти новгородскіе поселенцы? Конечно, такъ же, какъ и въ Новгородѣ, такъ же, какъ описано въ заимствованномъ имъ повѣствованіи о вольныхъ гражданахъ В. Новагорода. Аналогичный примѣръ такого домысла представляетъ любопытный отрывокъ изъ хранящейся въ вятской епархіальной библіотекѣ рукописной „исторіи Вятки“, составленной назадъ тому лѣтъ 50—60 любителемъ вятской старины, достопочтеннымъ протоіереемъ. Вотъ что мы читаемъ въ этомъ (л. 4) отрывкѣ: „Утвердясь въ странѣ Вятской, россіяне составили республику, особенную, независимую, наблюдая обычаи новгородскіе, повинуясь сановникамъ избираемымъ и священному чину (Это изъ Карамзина, а далѣе домыслъ о. протоіерея). Властелины жъ у вятчанъ были: одинъ степенной посадникъ; кто однажды такимъ былъ, тотъ во всю свою жизнь назывался посадникомъ или старымъ посадникомъ; также онъ могъ быть степеннымъ посадникомъ вторично, если по избранію признавали его того достойнымъ. Потомъ слѣдовалъ по силѣ его знатности тысяцкой, который наблюдалъ, чтобъ посадники не присвояли себѣ лишней власти надъ народомъ, и защищалъ народныя права, при военныхъ же дѣйствіяхъ предводительствовалъ; степеннымъ тысяцкимъ назывался тотъ, кто въ настоящій годъ отправлялъ сію должность, а другіе, бывшіе прежде въ семъ чинѣ, назывались просто тысяцкими и могли опять быть степенными, если ихъ выбирали. Послѣ сихъ слѣдовали вятскіе бояре, кои также избраніемъ производились въ сіе достоинство. Подъ сими были житые люди, изъ коихъ обыкновенно выбирались въ бояре: они были самые зажиточные. А послѣдніе были черные люди, въ числѣ коихъ находились всѣ художники, ремесленники и работные люди“. — Если въ XIX вѣкѣ возможны такія сказанія о бытѣ новгородскихъ выходцевъ на Вяткѣ, о вятскихъ посадникахъ, тысяц-

---

[1]) Можно даже высказать догадку, не составлена ли наша повѣсть, если не „за благословеніемъ архіерейскимъ“, то motu proprio, — лицомъ, которому было желательно уяснить вятчанамъ, что крестные ходы, совершаемые на Вяткѣ, о причинѣ которыхъ ходили тѣ или другія преданія, учреждены по поводу самыхъ замѣчательныхъ на Вяткѣ событій, на что составитель повѣсти обращаетъ вниманіе съ нѣкоторою настойчивостью, 4 раза въ краткой своей повѣсти (См. отдѣльный оттискъ повѣсти, стр, 4—5, 6, 7—8)

кихъ и т. п., то какъ же не естественны были подобные домыслы въ XVII вѣкѣ, вѣкѣ Каменевичей-Ростовскихъ и ему подобныхъ книжниковъ?

Относительно *года* прибытія новгородцевъ на Вятку, такъ опредѣленно указаннаго во второй части лѣтописи, слѣдуетъ замѣтить, что и это показаніе года, — единственное указаніе времени во всей этой части вятской лѣтописи, — не во всѣхъ спискахъ лѣтописца оказывается устойчивымъ. Арцыбашевъ замѣчаетъ[1]), что онъ въ двухъ спискахъ хлыновской лѣтописи прочиталъ: „лѣта 6689 (1181) іюля въ 24 день новгородцы пріидоша жити на Вятку“, и на основаніи этого извѣстія относитъ время прихода новгородцевъ не къ 1174, а къ 1181 г.; въ Синодальномъ же спискѣ годъ взятія Болванскаго города не указанъ. Позволяемъ себѣ высказать догадку: не имѣетъ ли здѣсь мѣста простая *описка?* Въ первый разъ Вятка встрѣчается въ Воскресенской лѣтописи подъ 6882 (1374) г. Какой-нибудь грамотный читатель вятскій замѣтилъ этотъ годъ и записалъ кратко для памяти извѣстіе о приходѣ новгородцевъ на Вятку въ 6882 г. Такая старая запись со временемъ могла подвергнуться легко измѣненію, даже не намѣренному: позднѣйшій переписчикъ или не разобралъ хорошо этой краткой записи или замѣтки, или описался, и вмѣсто 6882 (1374) года написалъ 6682 (1174) г., а этой послѣдней записью воспользовался составитель нашей лѣтописи. Или же возможно и такое измѣненіе: составитель лѣтописи нашелъ *запись старую* (сдѣланную на основаніи записи Воскресенской лѣтописи подъ 1374 г.), что новгородцы пришли на Вятку въ 6882 (1374) года; но это показалось составителю лѣтописи *не достаточно древнимъ,* и онъ отодвинулъ событіе еще на 200 лѣтъ въ древность... Дѣлаемъ послѣднюю догадку потому, что и Уральцы, въ своихъ преданіяхъ, на цѣлыхъ 2 столѣтія признаютъ болѣе древнимъ поселеніе первыхъ русскихъ на Уралѣ, чѣмъ оно случилось на самомъ дѣлѣ, по изслѣдованію г. Витевскаго[2]).

Третью часть вятскаго лѣтописца составляетъ сказаніе о явленіи чудотворнаго образа святителя Николая на р. Великой и перенесеніи его съ р. Великой въ г. Хлыновъ. Извѣстно отдѣльное сказаніе о явленіи образа св. Николая, притомъ въ двухъ редакціяхъ: одна болѣе древняя и простая, въ которой составитель сознается, что не знаетъ даже года, когда явилась икона св. Николая[3]); другая витіеваго написанная, уже „за благословеніемъ архіерейскими“, т.-е. уже въ концѣ XVII вѣка, при преосв. Іонѣ[4]). Нѣкоторыми выраженіями своими изложеніе вятскаго лѣтописца объ иконѣ св. Николая очень близко подходитъ къ позднѣйшей редакціи сказанія; но въ вятскомъ лѣтописцѣ нѣтъ и упоминанія о двухъ чудесахъ, изложенныхъ въ обѣихъ, указанныхъ выше, редакціяхъ отдѣльнаго сказанія: о чудѣ при построеніи храма на Великой рѣкѣ и чудѣ при перенесеніи иконы съ Великой р. въ Хлыновъ. Такое умолчаніе довольно знаменательно. Оно показываетъ, насколько можно догадываться, что составитель лѣтописи или не хотѣлъ разсказать чуда, бывшаго при построеніи великорѣцкаго храма, потому что оно было точно такое же, какое уже было имъ описано при построеніи Хлынова,

[1]) Повѣствованіе о Россіи, I, 225 (вып. 1293).
[2]) Въ Русскомъ Архивѣ 1879 г.
[3]) Рукопись Синодальной библіотеки, XVII в., № 410.
[4]) Есть списокъ этой редакціи въ вятской епархіальной библіотекѣ.

и составителю лѣтописи приходилось повторять и дважды разсказывать одинаковое чудо; или же составляя свою повѣсть не по записямъ, а по преданію, со слуха, авторъ ея можетъ быть смѣшалъ одно чудо съ другимъ и бывшее при построеніи великорѣцкаго храма чудо отнесъ къ построенію Хлынова[1])...

Послѣдній — *четвертый* отдѣлъ вятскаго лѣтописца составляютъ, какъ выше сказано, краткія выдержки, повидимому изъ разныхъ лѣтописей, о событіяхъ на Вяткѣ послѣ 1383 г. по 1552 годъ. Мы сказали — „повидимому изъ разныхъ лѣтописей“, потому что послѣ заглавія „Повѣсти о градѣ Вяткѣ“ сдѣлано примѣчаніе, будто повѣсть „выписана изъ древнихъ хронографовъ“, которое даетъ понять, что составитель повѣсти пользовался многими древними хронографами. На самомъ же дѣлѣ, если онъ и выписалъ что изъ хронографовъ, и конечно не древнихъ, то развѣ „Начало великому Словенску“; послѣднія же лѣтописныя замѣтки, всѣ 12, о событіяхъ вятскихъ съ 1383 до 1553 г., цѣликомъ выписаны изъ вятскаго временника Луки Юферева. Когда оказалась для насъ возможность въ первый разъ (въ 1879 г.) ознакомиться съ названнымъ сейчасъ Юферевскимъ временникомъ, мы были удивлены тѣмъ, что одно несомнѣнно невѣрное извѣстіе вятской лѣтописи оказалось и во временникѣ Юферевскомъ. Это побудило насъ внимательнѣе сравнить извѣстія о вятскихъ событіяхъ лѣтописи и временника. При сравненіи оказалось, что извѣстія о вятскихъ событіяхъ съ 1383 до 1553 года въ лѣтописи и временникѣ *буквально сходны,* и въ лѣтописи мы встрѣчаемъ тѣ же самыя неправильности и ошибки, какія и во временникѣ. Такъ напр. убитъ на Вяткѣ Анфалъ по всѣмъ лѣтописямъ[2]) въ 6926 г. (1418), а по лѣтописи и временнику вятскимъ — въ 6929 (1421); приходилъ на Вятку кн. Семенъ Ряполовскій по всѣмъ лѣтописямъ[3]) въ 6966 г. (1458), а по лѣтописи и временнику вятскимъ — въ 6964 (1456) г. Затѣмъ извѣстіе подъ 7050 года, о походѣ казанской татарской рати чрезъ Вятку на Устюгъ и избіеніи этой рати на Моломѣ подъ Котельничемъ, не встрѣчается въ прочихъ лѣтописяхъ, а встрѣчается только въ вятской лѣтописи и временникѣ Юферевскомъ. Наконецъ извѣстіе о набѣгѣ вятчанъ на Сарай въ 6979 (1471) г. передается съ совершенно одинаковыми ошибками какъ въ вятской лѣтописи, такъ и въ вятскомъ временникѣ, вопреки согласному показанію всѣхъ другихъ лѣтописей. Въ вятской лѣтописи и временникѣ это извѣстіе передается такъ: „вятчане шедше Волгою рѣкою въ судѣхъ на низъ и взяша Сарай, и много товаровъ взяли и поѣхали; *и пришедшу велику вѣтру, и потопи все, и струги и люди: ни единъ человѣкъ не вышелъ*“. Между тѣмъ во всѣхъ русскихъ лѣтописяхъ[4]) это извѣстіе передается совершенно иначе, именно — говорится,

---

[1]) Чудо въ томъ, что при построеніи Хлынова около 1181 г. новгородцы свезли матеріалы для постройки на гору Кикиморку, но „заутра возставше обрѣтоша нѣкакимъ Божіимъ промысломъ все изготовленіе пренесено на паче пространнѣйшее поле Балаксово (Балясково)“. Замѣтить надобно, что такого чуда при построеніи Хлынова вятская церковь не отмѣчаетъ какимъ-либо церковнымъ воспоминаніемъ, и что такое же чудо, по преданію, было еще при построеніи г. Нолинска.

[2]) Полное собраніе русск. лѣт. III, 138; IV, 118; V, 261; VI, 141; VIII, 90. — Никон. V, 71 — Львова II, 262. — Архангелог. 131.

[3]) Тамъ же IV, 147; V, 272; VI, 181; VIII, 147. — Никон. V, 284. — Львова II, 353. — Русск. Временн. II, 31. — Татищева IV, 590.

[4]) Полное собраніе русск. лѣт. IV, 133; VI, 193; VIII, 168. — Никон. VI, 33. — Русск. Временн. II, 78—79. — Львова III, 21. — Татищева V (изд. Бодянскимъ въ „Чтеніяхъ“), подъ 6979 г.

что вятчане, сдѣлавъ набѣгъ на Сарай, счастливо возвратились домой, пробившись сквозь враговъ близь Сарая и близь Казани; въ Архангельскомъ же лѣтописцѣ[1]) прибавляется къ тому еще подробность, что воеводой у вятчанъ въ набѣгѣ на Сарай былъ Костя Юрьевъ и этотъ самый вятскій „ватаманъ“ или воевода потомъ (1486 г.) убѣжалъ отъ вятчанъ къ великому князю изъ-подъ Осиновца. Такое буквальное сходство указанныхъ извѣстій лѣтописи и временника, конечно, нельзя объяснить ничѣмъ инымъ, какъ тѣмъ, что эти извѣстія заимствованы однимъ изъ нихъ другаго. Предположить, что извѣстія временника заимствованы изъ вятской лѣтописи никакъ нельзя уже потому, что во временникѣ эти извѣстія о вятскихъ событіяхъ передаются въ ряду и связи съ другими обще-русскими событіями, которыя почерпнуты временникомъ изъ какого-нибудь русскаго лѣтописца и отнюдь не изъ вятскаго, потому что никакихъ такихъ „обще-русскихъ“ событій въ вятскомъ лѣтописцѣ нѣтъ. Притомъ же, если бы составитель временника пользовался вятскимъ лѣтописцемъ, то во временникъ неминуемо было бы внесено изъ вятскаго лѣтописца извѣстіе о поселеніи новгородцевъ на Вяткѣ подъ 1174 г., а во временникѣ объ этомъ поселеніи новгородцевъ не сказано ни слова. Остается одно заключеніе, что извѣстія о событіяхъ 1383—1552 гг. внесены въ вятскую лѣтопись изъ Юферевскаго временника. При этомъ нельзя не замѣтить, что и перенесены эти извѣстія изъ временника въ лѣтопись недостаточно аккуратно. Такъ напр. подъ 6964 (1456) года во временникѣ[2]) въ началѣ страницы записано: „въ лѣто 6964 (1456) великій князь московскій послалъ съ княземъ Семеномъ Ряполовскимъ рать на Вятку“; а составитель лѣтописи, видя, что въ слѣдующемъ извѣстіи подъ 6967 (1459) года упоминается уже великій князь Василій Васильевичъ полнымъ именемъ, сообразилъ, что должно быть посылавшій рать на Вятку въ 6964 г. „великій князь московскій“ былъ отецъ Василія Васильевича, и потому слова временника „великій князь московскій“ замѣнилъ словами „великій князь Василей Димитріевичъ“, чѣмъ, какъ мы видѣли, ввелъ въ ошибку и Карамзина.

Когда извѣстны источники, изъ которыхъ составитель вятской лѣтописи бралъ свои извѣстія, вопросъ о степени довѣрія къ этой лѣтописи или повѣсти, какъ вообще, такъ и къ каждому отдѣлу ея въ частности, намъ кажется уже нѣсколько выясненнымъ. Не касаясь третьей части этого произведенія (о явленіи иконы Великорѣцкой), какъ заимствованной изъ особаго отдѣльнаго сказанія, мы, конечно, можемъ довѣрять, за указанными исключеніями, послѣдней — четвертой части лѣтописца, извлеченной изъ русскихъ лѣтописей чрезъ посредство Юферевскаго временника. Что касается до первыхъ двухъ частей лѣтописи, то изъ нихъ первая (или предисловіе) можетъ служить развѣ для характеристики книжниковъ XVII вѣка, а ко второй части (собственно —

---

[1]) Подъ 6979 и 6994 гг. — Въ Юферевскомъ временникѣ ошибка произошла отъ того, что составитель временника, выписывая извѣстія 1471 г. изъ своего источника (вѣроятно Воскресенской лѣт.), не замѣтилъ, что листы источника перепутаны и, прочитавъ на концѣ листа въ своемъ источникѣ первую половину извѣстія о набѣгѣ вятчанъ на Сарай 1471 г., потомъ началъ читать не тотъ листъ, гдѣ помѣщена вторая половина извѣстія о сарайскомъ набѣгѣ, а прочиталъ конецъ извѣстія о гибели новгородцевъ отъ бури на озерѣ Ильменѣ подъ тѣмъ же 1471 г. Это обстоятельно объяснено въ изслѣдованіи о временникѣ Юферевскомъ (Вятск. Епарх. Вѣд. 1879 г., № 11, 275—278).

[2]) Вятск. Епарх. Вѣд. 1879 г., № 11, 322—323.

повѣсти о первыхъ русскихъ поселенцахъ на Вяткѣ), намъ кажется, приходится относиться съ особенной осторожностію. Если уже составленная гораздо раньше ея „исторія о Казанскомъ царствѣ“ (Глазатаго) Соловьеву и другимъ ученымъ представляется источникомъ „смутнымъ“, то „повѣсть о странѣ Вятской“, во второй ея части, составленной на основаніи не провѣренныхъ пока преданій, едва ли можетъ быть признана источникомъ „свѣтлымъ“. Не послѣдовать ли лучше въ настоящемъ случаѣ примѣру нашего „перваго историческаго писателя?“ Не слѣдуетъ ли и отнестись къ „повѣсти о странѣ Вятской“ такъ же, какъ отнесся къ ней В. Н. Татищевъ? Вѣдь одинъ изъ списковъ повѣсти въ 1739 году предназначался для „Оренбургской комиссіи по географическимъ дѣламъ“, былъ *посланъ* Клешнинымъ чрезъ Пестрикова въ эту комиссію, т.-е. въ руки Татищева, и невѣроятно, чтобы этотъ списокъ миновалъ рукъ составителя первой „россійской исторіи“; а между тѣмъ Татищевъ въ свою исторію *не внесъ ни одного* извѣстія изъ „повѣсти о странѣ Вятской“... Въ своей исторіи Карамзинъ не разъ допускалъ шутливую иронію надъ исторіей Татищева, особенно за довѣріе послѣдняго къ лѣтописи Іоакимовской; а намъ кажется, тѣнь Татищева имѣла бы поводъ подобнымъ же образомъ отнестись къ тѣни Карамзина за особенное довѣріе послѣдняго къ лѣтописи Вятской...

Стѣнныя росписи въ древнихъ храмахъ греческихъ и русскихъ.

Н. В. Покровскаго.

Православный храмъ не есть простое сооруженіе, предназначенное исключительно для цѣлей практическихъ: въ своемъ внутреннемъ и внѣшнемъ убранствѣ онъ отражаетъ возвышенную идеальную мысль, подобно тому, какъ и отдѣльные предметы и принадлежности православнаго богослуженія имѣютъ свое символическое значеніе и отчасти обнаруживаютъ слѣды этого символизма въ своихъ внѣшнихъ формахъ. Символизмъ обычный спутникъ церковнаго искусства. Міръ греко-римскій выставилъ блестящіе образцы убранства общественныхъ и частныхъ зданій и утвердилъ обычай украшать живописью плафоны и стѣны, преслѣдуя при этомъ цѣли эстетическія и сообщая этимъ живописямъ по преимуществу характеръ декоративный. Искусство древне-христіанское удержало этотъ обычай, восприняло установившіеся декоративные мотивы[1]), но уже очень рано стало вносить въ общепринятыя формы элементъ животворящей христіанской мысли. Добрый пастырь въ сводахъ римскихъ катакомбъ, историческія и символическіе сцены и знаки на стѣнахъ, напоминая своимъ мѣстоположеніемъ древній греко-римскій обычай убранства помѣщеній и допуская на ряду съ собою многочисленныя декораціи въ стилѣ и манерѣ греко-римской, переносятъ уже мысль христіанина изъ области эстетики въ область вѣчной христіанской истины. Такимъ образомъ уже здѣсь въ катакомбахъ, въ самомъ зародышѣ христіанскихъ храмовъ, дана мысль объ идеальномъ значеніи христіанскаго храма и наглядное опроверженіе извѣстнаго, созданнаго путемъ теоретическимъ, воззрѣнія на храмъ въ крайнемъ протестантизмѣ. Вопросъ о значеніи катакомбной символики, объ отношеніи ея къ задачамъ церкви и погребенію,— вопросъ спорный; но его рѣшеніе не входитъ въ нашу задачу, такъ какъ, указывая на убранство катакомбныхъ церквей, капеллъ и криптъ, мы не думаемъ искать здѣсь генезиса для послѣдующей росписи христіанскихъ храмовъ, но отмѣчаемъ лишь традиціонный пріемъ, получившій

[1]) Характеристика ихъ въ сочиненіи: Über den decorativen Styl in d. altchr. Kunst. v. Ir. Portheim. Stuttgart. 1886.

со временемъ иной видъ и характеръ. Ни въ характерѣ христіанства катакомбнаго періода, ни въ наличныхъ художественныхъ силахъ, ни во внѣшнемъ положеніи христіанской религіи не было благопріятныхъ условій для развитія и образованія той сложной системы храмовой росписи, какая явилась въ періодъ византійскій. Въ IV вѣкѣ несомнѣнно уже существовали многочисленные христіанскіе храмы, богато украшенные живописью. Памятники эти въ цѣломъ видѣ до насъ не дошли, а дошедшіе очень немногіе или не даютъ никакого понятія объ ихъ древней росписи, или представляютъ въ своихъ мозаикахъ лишь зачатки этой росписи, въ которыхъ нѣтъ болѣе или менѣе цѣльнаго символическаго воззрѣнія на храмъ. Но до насъ дошли свѣдѣнія о живописяхъ этихъ древнѣйшихъ храмовъ въ сочиненіяхъ древнихъ авторовъ, изъ которыхъ можно видѣть, что уже въ то время зарождался циклъ изображеній, пригодныхъ для христіанскаго храма, выражающихъ до нѣкоторой степени его идеальное значеніе. Отъ V-го и слѣдующихъ столѣтій дошли до насъ и самые памятники древне-христіанскаго зодчества, украшенные мозаикою; это храмы продольнаго или базиличнаго типа. Но какъ архитектурныя формы ихъ, такъ равно и то, что этотъ типъ храмовъ перешелъ главнымъ образомъ въ достояніе запада, довольно равнодушнаго въ средніе вѣка къ запросамъ художественно-религіозной мысли и бѣднаго художественными силами, не могли благопріятствовать широкому развитію христіанской символики во внутреннемъ убранствѣ храмовъ этого типа. Античная традиція, проходящая весьма замѣтною полосою въ этихъ храмахъ, требовала мраморной отдѣлки внутри храма; нѣтъ здѣсь достаточнаго простора для живописной символики; не было притомъ и необходимой энергіи и даже настойчиваго спроса на этотъ предметъ. Замѣтное исключеніе представляютъ храмы равеннскіе; но сравнительною широтою своего иконографическаго содержанія храмы эти обязаны сильному воздѣйствію со стороны Византіи; то же слѣдуетъ замѣтить и относительно позднѣйшихъ храмовъ, примыкающихъ къ этому архитектурному типу въ южной Италіи и Сициліи. Цѣльное и полное выраженіе символической идеи храма находится въ стѣнописяхъ храмовъ византійскихъ. Архитектурное единство ихъ, при всей сложности составныхъ частей, какъ нельзя болѣе пригодно для широкаго развитія христіанской идеи о церкви единой со всѣми ея подраздѣленіями: алтарь и стѣны храма, куполъ и паруса сводовъ, притворъ доставляютъ удобныя мѣста для живописи. Каждая часть храма имѣетъ здѣсь свое опредѣленное назначеніе, сообразно съ которымъ усвояется ей и символическое значеніе; и это значеніе наглядымъ образомъ выражается въ церковныхъ стѣнописяхъ. Отъ этого византійскаго источника получили свое начало древнія стѣнописи русскія и греческія эпохи возрожденія греческаго искусства въ XVI—XVII вв. Взаимоотношеніе ихъ можетъ быть опредѣлено посредствомъ сравнительнаго обозрѣнія и оцѣнки уцѣлѣвшаго доселѣ матеріала. Матеріалъ этотъ заключается отчасти въ памятникахъ древней письменности, главнымъ же образомъ въ сохранившихся до насъ вещественныхъ памятникахъ древности. Памятники древней письменности отмѣчаютъ лишь общія черты храмовой символики; но не даютъ полнаго понятія о цѣльныхъ иконографическихъ циклахъ, не обозначаютъ точно распредѣленія изображеній по различнымъ частямъ храма и, за весьма немногими исключеніями, не описываютъ характера иконографическихъ сюжетовъ. Съ этой стороны, повидимому, гораздо бо́льшую важность,

сравнительно съ другими памятниками письменности, могъ бы имѣть греческій иконописный подлинникъ. Представляя собою цѣльную теоретическую систему церковной живописи, предполагающую уже несомнѣнную устойчивость иконографическихъ формъ и ихъ опредѣленность, гарантированную отъ личнаго произвола, исполнителей, объединяя въ себѣ всю совокупность правилъ, пріемовъ и объясненій, выработанныхъ продолжительною практикою многихъ поколѣній художниковъ, греческій подлинникъ дѣйствительно заключаетъ въ себѣ особый отдѣлъ о распредѣленіи стѣнописей въ храмахъ. Тѣмъ не менѣе его важность въ этомъ отношеніи не велика. Во-первыхъ, заключая въ себѣ лишь конечные результаты многовѣковой работы, онъ не дастъ указаній ни на первоначальное возникновеніе той системы, которую рекомендуетъ, ни на ея постепенное сложеніе, элементы первоначальные здѣсь уравнены съ позднѣйшими, и нить къ историческому изъясненію предмета запутана; во-вторыхъ, заключаетъ въ себѣ такіе элементы, которые составляютъ результатъ новѣйшей изобрѣтательности, воспитанной на началахъ западной живописи, и отчасти прямо подражательные. Для историка искусства явленіе это представляетъ свой особый интересъ, но чистый образъ Византіи здѣсь уже утрачивается, и въ вопросѣ объ иконографіи византійской, какъ явленіи оригинальномъ, съ особыми ему только принадлежащими чертами, подлинникъ греческій уже не имѣетъ безусловно важнаго значенія. Подъ видомъ элементовъ греческихъ онъ передаетъ черты иноземнаго происхожденія. Изображенія Архангела Михаила *съ мечомъ* въ правой рукѣ, Ангела великаго совѣта, Еммануила и предтечи *на облакахъ* стоятъ въ тѣсномъ родствѣ съ новыми произведеніями западнаго искусства; изображенія Спасителя, Моисея и Аарона въ архіерейскихъ одеждахъ и митрахъ, обиліе надписей, восполняющихъ недостатокъ иконографической опредѣленности и прямо превращающихъ предметы художества въ предметы исключительно нравственно-религіознаго назиданія и наученія — все это суть черты очень поздняго происхожденія, явившіяся уже послѣ того, какъ византійскій геній закончилъ свою художественную исторію. Рѣшительное доказательство поздняго происхожденія подлинника получается изъ сравненія его съ наличными памятниками. Представляя собою отвлеченіе отъ наличныхъ фактовъ, подлинникъ можетъ быть провѣряемъ этими фактами; а эта повѣрка, хотя бы въ одной части подлинника, касающейся расписанія храмовъ, показываетъ, что онъ сходенъ отнюдь не съ памятниками византійскими, но съ поздне-греческими XVII—XVIII вв., и удерживаетъ всѣ главнѣйшія особенности этихъ послѣднихъ. Итакъ, подлинникъ по отношенію къ характеристикѣ памятниковъ византійскихъ не можетъ имѣть того руководственнаго значенія, какое усвоялъ ему Дидронъ[1]). Постепенное раскрытіе смысла храмовой символики, точное уясненіе того, откуда зачались и какъ дополнялись храмовыя росписи, какіе мотивы управляли мыслію богослововъ и художниковъ въ распредѣленіи живописей по извѣстнымъ частямъ храма, въ какомъ смыслѣ возможно говорить объ опредѣленномъ канонѣ расписыванія церквей, — въ смыслѣ ли опредѣленности и однообразія безусловнаго, или ограниченнаго основною мыслію росписи, но не простирающагося на подробности; возможно ли провести дѣйствіе одного и того же канона чрезъ всю исторію

[1]) Didron, Manuel d'iconogr. chv. p. XXXV.

византійскаго, поздне-греческаго и русскаго храмозданія — все это такіе вопросы, которые могутъ быть рѣшены при посредствѣ уцѣлѣвшихъ до насъ вещественныхъ памятниковъ византійскихъ и русскихъ. Памятники литературные также необходимо должны быть приняты въ соображеніе. Не говоря уже о томъ, что они иногда восполняютъ недостатокъ памятниковъ вещественныхъ и устанавливаютъ единственно надежныя опоры для правильнаго истолкованія отдѣльныхъ иконографическихъ сюжетовъ; они необходимы для точнаго уясненія внутренняго смысла храмовыхъ росписей въ ихъ цѣломъ видѣ и цѣльныхъ группахъ: безъ литургическихъ сочиненій патр. Софронія и Германа не совсѣмъ ясна будетъ для насъ общая идея византійскаго храма; безъ помощи „Цвѣтника“ и „Слова о литургіи“, приписываемаго св. Григорію Богослову, доселѣ еще неизвѣстнаго въ нашей литературѣ, мы не могли бы уяснить значеніе алтарныхъ стѣнописей въ нѣкоторыхъ храмахъ ярославскихъ.

Обозрѣніе церковныхъ стѣнописей въ широкомъ смыслѣ этого слова составляетъ одну изъ неотложныхъ задачъ церковной археологіи. Стѣнописи храмовъ древле-христіанскихъ и отчасти византійскихъ давно уже обратили на себя вниманіе спеціалистовъ: первыя изъ нихъ всѣ неоднократно изданы и описаны, изъ числа вторыхъ извѣстны доселѣ лишь нѣкоторыя. Стѣнописи греческія XVI—XVIII вв. доселѣ остаются неизданными, хотя бы даже въ образцахъ, если не считать случайно схваченныхъ нѣкоторыми отдѣльныхъ изображеній: но пять-шесть такихъ изображеній не даютъ почти никакого понятія о тѣхъ десяткахъ тысячъ ихъ, которыя находятся напр. въ однихъ храмахъ аѳонскихъ. До сихъ поръ нѣтъ даже болѣе или менѣе цѣльной характеристики и описаній этихъ памятниковъ. Иностранные и русскіе ученые въ своихъ изслѣдованіяхъ и отчетахъ объ Аѳонѣ предлагаютъ лишь отрывочныя замѣтки о стѣнописяхъ; такое отношеніе къ предмету проходитъ даже въ статьяхъ объ Аѳонѣ спеціалиста по греческой иконографіи Дидрона. Наиболѣе цѣнны, хотя также очень не полны, замѣчанія еп. Порфирія въ его изслѣдованіяхъ объ Аѳонѣ. Между тѣмъ важность аѳонскихъ стѣнописей признана у насъ уже давно; ихъ копированіе и изученіе составляло одну изъ задачъ экспедиціи г. Севастьянова: затрачено было не мало усилій и трудовъ, изготовлено множество снимковъ, но... на этой первой ступени дѣло остановилось: кальки, сложенныя въ ящики, безъ достаточныхъ указаній на оригиналы, до сихъ поръ лежатъ въ аѳоно-русскомъ андреевскомъ скитѣ, въ забвеніи, и уже не далеко время ихъ полнаго разрушенія. Нѣтъ при нихъ ни удовлетворительныхъ описаній, ни какихъ-либо характеристикъ. Стѣнописи русскихъ храмовъ извѣстны не болѣе, чѣмъ греческія: уже давно изданы мозаики и фрески Кіево-Софійскаго собора, но до сихъ поръ это дорогое изданіе остается безъ текста; изданы также мозаики Кіево-Михайловскаго монастыря, фрески Старо-Ладожской Георгіевской церкви, кое-какіе отрывки изъ важнѣйшихъ фресокъ нередицкихъ и нѣкоторыхъ другихъ; остатки стѣнописей Дмитріевскаго собора и большая часть фресокъ Успенскаго собора во Владимірѣ. Многочисленныя стѣнописи ярославскихъ, вологодскихъ и другихъ храмовъ московскаго періода не только не изданы и не описаны, но даже многія изъ нихъ совсѣмъ неизвѣстны въ литературѣ. Въ виду такого положенія дѣла и важности церковныхъ стѣнописей для исторіи русскаго искусства и религіознаго просвѣщенія, уже одно перечисленіе важнѣйшихъ памят-

никовъ этого рода, въ интересахъ будущихъ спеціальныхъ изслѣдованій, должно имѣть свое значеніе: нельзя ставить широкихъ задачъ изслѣдованія и обобщенія памятниковъ, если не извѣстно гдѣ, находятся эти памятники и каковы они. Личныя наблюденія надъ многими изъ стѣнописей въ Россіи, на Аѳонѣ, въ Греціи и на западѣ, доставили намъ обширный матеріалъ, который мы и предлагаемъ почитателямъ православной старины. Мы обратимъ особенное вниманіе на памятники малоизвѣстные и неизвѣстные, имѣя въ виду главнымъ образомъ символику храма, выражающуюся въ характерѣ его стѣнописей и ихъ распредѣленіи по разнымъ частямъ храма. Не столь давно предметъ этотъ поставленъ былъ на очереди нашими археологическими обществами и даже возникало предположеніе организовать археологическую экспедицію для обслѣдованія стѣнописей византійскихъ. Уясненію этого предмета и посвящается настоящій трудъ. Что касается детальнаго разбора иконографическихъ типовъ и сюжетовъ, подробностей символики византійско-русскаго искусства, то они войдутъ въ особое сочиненіе, уже давно нами приготовляемое. Безъ сомнѣнія, было бы весьма важно привлечь сюда всѣ безъ исключенія памятники стѣнописей, разсѣянные повсюду, но такая задача не по силамъ одного человѣка; между тѣмъ замѣченная нами повторяемость типовъ и сюжетовъ въ храмовыхъ росписяхъ разныхъ мѣстностей, но одной и той же эпохи, даетъ основаніе думать, что и собранный нами матеріалъ представляетъ собою цѣльность. Дополненія и поправки въ частностяхъ всегда возможны. Уже давно представители христіанской археологіи, обозрѣвая памятники средневѣковья, догадывались, что распредѣленіе стѣнописей въ храмахъ имѣетъ характеръ не случайный; и если Куглеръ не замѣтилъ послѣдовательно выдержанной основной идеи въ мозаикахъ собора св. Марка въ Венеціи[1]), все же онъ допускалъ возможность и дѣйствительность обычныхъ пріемовъ въ распредѣленіи стѣнописей по крайней мѣрѣ въ болѣе извѣстныхъ ему западныхъ храмахъ[2]); такъ же, и даже съ большею настойчивостью, проводилъ эту мысль и Дидронъ, утверждавшій, что въ средневѣковыхъ храмахъ запада восточная сторона указываетъ на явленіе Сына Божія во плоти, западная — второе пришествіе Христово, сѣверная — хладный законъ Моисеевъ, и южная — законъ горячей любви евангельской, и что соотвѣтственно тому распредѣлялись здѣсь и стѣнописи[3]). Признаютъ эту мысль по отношенію къ памятникамъ западнымъ и другіе[4]). І. Г. Миллеръ въ 30-хъ годахъ настоящаго столѣтія предпринялъ даже спеціальный трудъ изъясненія символики алтарной апсиды и тріумфальной арки въ западныхъ храмахъ отъ V до XIV в.[5]): трудъ довольно благородный, но весьма узкій по отношенію къ матеріалу, бывшему въ распоряженіи автора. Миллеръ имѣетъ въ виду почти исключительно храмы Рима, присоединяя сюда лишь мозаики равеннскихъ храмовъ свв. Виталія и Аполлинарія (in classe) и собора въ Капгрѣ. О памятникахъ византійскихъ авторъ совсѣмъ не говоритъ; онъ опускаетъ также мозаики и фрески южной Италіи и Сициліи.

---

[1]) Рук. къ ист. живописи, 55.

[2]) Ibid. 351.

[3]) Annales archéol. t. XI, p. 148—149 cf. Manuel d'iconogr. chr. p. XXXVII etc.

[4]) *Jalke,* Aus dem weiten Reiche der Kunst. 2. Aufl. 1889, S. 337 ff.

[5]) *I. G. Müller,* Die bildlichen Darstellungen im Sanctuarium der christl. Kirchen vom V. bis XIV. Jahrhundert. Trier 1835.

Нѣтъ нужды входить въ оцѣнку этого труда. Достаточно замѣтить, что весь продолжительный періодъ времени, отъ V до XIV вѣка, разсматривается здѣсь какъ одинъ неподвижный моментъ, хотя несомнѣнно между эпохою готики и пятымъ вѣкомъ — большая разница; и допущены нѣкоторыя ошибки въ истолкованіи иконографическихъ сюжетовъ[1]). По отношенію къ памятникамъ православнаго востока доселѣ не было сдѣлано даже и такой несовершенной попытки. Спеціалисты иностранные и русскіе, съ неодинаковою рѣшительностью, упоминаютъ объ извѣстномъ распорядкѣ стѣнописей въ храмахъ византійскихъ; назовемъ Дидрона, еп. Порфирія, И. Д. Мансветова, Е. Е. Голубинскаго, В. А. Прохорова и Н. П. Кондакова, но до сихъ поръ эти замѣчанія имѣли лишь характеръ отрывочный, высказывались мимоходомъ при оцѣнкѣ отдѣльныхъ памятниковъ.

Всю совокупность памятниковъ, подлежащихъ нашему обслѣдованію, мы сводимъ къ слѣдующимъ группамъ:

1) Памятники византійскіе отъ VI в. до паденія Константинополя.

2) Памятники русскіе византійскаго типа: сюда относятся главнымъ образомъ стѣнописи кіевскія, новгородскія и владиміро-суздальскія.

3) Памятники греческіе XVI—XVIII вв., преимущественно Аѳонской горы.

4) Стѣнописи русскія того же времени и особенно многочисленныя стѣнописи храмовъ ярославскихъ. Въ интересахъ полноты отмѣтимъ также наиболѣе важные памятники періода древне-христіанскаго.

Съ VI столѣтія, вмѣстѣ съ установкою основнаго типа византійскаго храма, начинаетъ слагаться коренной типъ стѣнной росписи. Прослѣдить шагъ за шагомъ процессъ этого развитія пока невозможно; вѣрно то, что памятники X в. представляютъ эту роспись въ видѣ законченнаго цѣлаго, и въ такомъ видѣ она переходитъ въ Россію, гдѣ и находитъ свое приложеніе въ указанныхъ группахъ памятниковъ. Византійскія стѣнописи и мозаики XII и слѣдующихъ вѣковъ представляютъ значительное расширеніе объема иконографическаго содержанія, но отраженія этого явленія въ стѣнописяхъ русскихъ мы не находимъ. Въ XVI в. слѣдуетъ возрожденіе греческаго искусства и постепенное склоненіе греческой живописи въ XVII в. къ формамъ западнымъ; необычайно широкое развитіе иконографическихъ темъ разнообразнаго содержанія и сильное осложненіе символики храма составляетъ характерную черту стѣнописей греческихъ этого періода. То же явленіе замѣчается и въ памятникахъ русскихъ того времени. Связь между греческими и русскими памятниками, весьма замѣтная въ XVI вѣкѣ, начинаетъ ослабѣвать въ XVII в.; когда русскіе живописцы, освобождаясь все болѣе и болѣе отъ древнихъ традицій, вступаютъ на путь подражанія западу и отчасти самобытнаго творчества: создаютъ и разрабатываютъ совершенно новые циклы изображеній, раскрываютъ идею литургіи во всѣхъ подробностяхъ и вносятъ въ храмъ частныя черты національныхъ вѣрованій, на ряду съ формами, заимствованными прямо съ запада. Несмотря впрочемъ на эти отличія, русскія стѣнописи въ основныхъ чертахъ храмовой символики все еще представляютъ замѣтное сходство съ греческими; а эти послѣднія могутъ и

[1]) См. стр. 23—24 и 26.

должны быть поставлены въ связь съ древними византійскими. Горушное зерно сильно развилось, видоизмѣнилось, но не утратило сполна всѣхъ своихъ свойствъ. Такова сила традиціи, лежащей въ основѣ византійской и древне-русской иконографіи и символики. Было бы ошибочно говорить о сходствѣ распредѣленія стѣнописей въ храмахъ во всѣхъ подробностяхъ и видѣть здѣсь господство *строго опредѣленнаго и непреложнаго канона*, убивающаго въ корнѣ всякую свободу личнаго художественнаго произволенія. Такого канона древность не знала; но главнѣйшія черты символическаго воззрѣнія на храмъ и его составныя части всегда находили болѣе или менѣе однообразное выраженіе въ церковныхъ стѣнописяхъ; въ этомъ только смыслѣ и возможно признать въ нихъ закономѣрность. Но мы не ограничиваемъ свою задачу исключительно рѣшеніемъ этого вопроса. Обзоръ стѣнописей въ порядкѣ хронологической послѣдовательности ведетъ къ уясненію художественныхъ идеаловъ, понятій и воззрѣній на задачи церковной живописи въ разныя эпохи, и такимъ образомъ даетъ матеріалъ для будущей исторіи русскаго искусства. Съ точки зрѣнія практической рѣшеніе относящихся сюда вопросовъ также далеко не безполезно; особенно въ виду нарождающагося у насъ стремленія возвратиться къ старинѣ и въ ней поискать руководственныхъ мотивовъ къ уясненію нѣкоторыхъ задачъ современности. Въ самомъ дѣлѣ, прежде чѣмъ созвать, по произволу, новое, полезно знать, что говоритъ намъ древность, вѣковой опытъ. Разсуждая даже a priori, невозможно допустить, чтобы прожитыя столѣтія не имѣли никакой цѣны въ начертаніи плановъ будущаго: не даромъ люди жили, думали и чувствовали, приводили въ систему религіозное міровоззрѣніе, устанавливали порядки церковно-практической жизни. Добытые усиліями вѣковъ результаты должны имѣть какое-нибудь значеніе, хотя бы оно было даже отрицательное; но они имѣютъ значеніе положительное. Кто съ уваженіемъ относится къ церковному преданію каноническаго, литературнаго и т. п. характера, тотъ не можетъ отрицать важности и преданій художественныхъ и иконографическихъ; если же это встрѣчается, то причина этой непослѣдовательности заключается во всякомъ случаѣ не въ самомъ предметѣ, но въ оригинальныхъ свойствахъ наивныхъ отношеній къ старинѣ. Само собою понятно, что наше обращеніе къ старинѣ не обрекаетъ насъ на неподвижность. Если бы русскіе художники, въ виду возвращенія нашей церковной архитектуры къ формамъ древнимъ, усвоили себѣ основныя черты и древней символической росписи храмовъ и такимъ образомъ, вмѣсто живописей разбросанныхъ въ храмѣ по случайной прихоти, стали бы давать нѣчто цѣльное, выражающее извѣстное воззрѣніе на храмъ, то получился бы весьма важный практическій результатъ изученія старинныхъ стѣнописей. Для полнаго нагляднаго ознакомленія съ древними росписями, мы даемъ фотографическіе снимки съ стѣнописей двухъ важнѣйшихъ эпохъ въ исторіи русскихъ стѣнописей: наиболѣе виднымъ представителемъ древнѣйшей эпохи служатъ фрески XII—XIII вв. въ церкви Спаса въ Нередицахъ, близъ Новгорода; эпоха позднѣйшая выражена сполна въ издаваемыхъ стѣнописяхъ ярославскихъ. Нельзя не пожелать, чтобы со временемъ изданы были въ хорошихъ образцахъ всѣ важнѣйшіе памятники греческихъ и русскихъ стѣнописей.

Глава I.

Памятники древне-христіанскаго періода.

Символическое воззрѣніе на храмъ получило свое начало уже въ древнѣйшую эпоху христіанства; но это воззрѣніе какъ въ своемъ объемѣ, такъ отчасти и въ характерѣ, отличается отъ византійскаго столько же, сколько отличается древне-христіанская литература отъ византійскаго богословія. Стоя въ связи съ искусствомъ катакомбнаго періода, древніе христіанскіе храмы въ своемъ внутреннемъ убранствѣ заключаютъ слѣды простой древне-христіанской символики, пользуются тѣми же иконографическими формами, которыя получили свое зачатіе въ эпоху катакомбъ. Христосъ Спаситель, апостолы и вѣрующіе являются здѣсь иногда въ видѣ агнцевъ; душа, жаждущая спасенія, въ видѣ оленя у источника; спасительныя страсти Христовы въ видѣ простого креста въ связи съ символомъ рыбы, четыре Евангелія въ видѣ четырехъ райскихъ рѣкъ. Но если христіанскіе мозаисты, украшая христіанскіе храмы, могли воспользоваться нѣкоторыми элементами искусства катакомбнаго періода, то для болѣе или менѣе цѣльной символики храма періодъ этотъ не давалъ подготовленной почвы, и вопросъ объ этой символикѣ въ IV в. явился однимъ изъ настойчивыхъ вопросовъ, требующихъ того или другого рѣшенія: гдѣ и что̀ слѣдуетъ изображать въ храмѣ? Отвѣтъ на эти вопросы нужно было вывести изъ общаго понятія о значеніи христіанскаго храма. Храмъ есть мѣсто собранія вѣрующихъ, въ которомъ невидимо присутствуетъ Самъ Богъ; онъ предназначается для молитвъ, поученія, совершенія таинствъ, особенно евхаристіи, указывающей прямо на искупленіе людей кровію Іисуса Христа. Въ этой основной мысли о спасеніи заключается отвѣтъ на поставленный вопросъ: стѣнописи должны напоминать о Богѣ и спасеніи людей и приводить волю и чувство зрителей въ соотвѣтствующее настроеніе. Но идея искупленія и спасенія людей допускаетъ весьма разнообразные формы и способы ея выраженія; въ то же время она столь широка, что обнять ее во всѣхъ подробностяхъ, во всѣхъ частныхъ формахъ ея проявленія, художникъ IV—V в. рѣшительно не могъ: въ то время еще не наступила пора для такой сложной богословско-художественной системы. Исторія религіознаго искусства показываетъ, что иногда идея искупленія выражалась въ искусствѣ въ формахъ пророчествъ и прообразовъ ветхаго завѣта, иногда прямо въ событіяхъ и чудесахъ особенно послѣднихъ дней земной жизни Іисуса Христа, иногда въ видѣ отдѣльныхъ изображеній тѣхъ священныхъ событій, которыя отмѣчены установленіемъ важнѣйшихъ праздниковъ, иногда въ сложныхъ символическихъ формахъ литургическаго характера. Въ памятникахъ позднѣйшихъ нерѣдко можно встрѣтить всѣ эти формы и пріемы совмѣстно въ одномъ и томъ же храмѣ; въ храмахъ же древне-христіанскаго періода идея эта выражалась въ формахъ весьма простыхъ. Главнымъ мѣстомъ для изображеній въ этихъ храмахъ служили алтарная апсида и тріумфальная арка. Въ этой и другой центральное мѣсто принадлежитъ изображенію Спасителя въ разныхъ видахъ. Въ апсидѣ римской церкви Пуденціаны Спаситель представленъ въ нимбѣ, на тронѣ, съ книгою въ шуйцѣ и благословляющею десницею. По сторонамъ Его двѣ группы

людей безъ нимбовъ и двѣ женщины съ вѣпками въ рукахъ; выше — четвероконечный крестъ и символы евангелистовъ; на заднемъ планѣ городъ[1]). Іисусъ Христосъ, искупившій людей крестною смертію, основалъ церковь; сотрудники Его и управители церкви — апостолы, женскія фигуры означаютъ церковь изъ іудеевъ и язычниковъ, символы евангелистовъ указываютъ на распространеніе ученія Христова по четыремъ странамъ свѣта. Таковъ смыслъ этой росписи! Въ алтарной апсидѣ церкви Косьмы и Даміана въ Римѣ Іисусъ Христосъ и нѣсколько святыхъ мужей, внизу 13 агнцевъ (три уничтожены), означающихъ Спасителя и апостоловъ: Агнецъ-Христосъ стоитъ на горѣ, изъ которой текутъ 4 ручья — символы четырехъ евангелистовъ, съ правой стороны городъ[2]). Въ капеллѣ Венанція въ Римѣ: Іисусъ Христосъ среди двухъ ангеловъ, Богоматерь, Іоаннъ Предтеча, апостолы, Іоаннъ Богословъ, Петръ и Павелъ и святые[3]). Въ церкви св. Стефана (Rotondo) въ апсидѣ крестъ съ бюстомъ Спасителя и возлѣ него Прискъ и Фелиціанъ[4]); въ соборѣ въ Паренцѣ въ Истріи Богоматерь на тронѣ съ Божественнымъ Младенцемъ, какъ въ храмахъ византійскихъ, среди двухъ ангеловъ и святыхъ[5]); въ римской церкви Пракседы Іисусъ Христосъ и шесть св. мужей, внизу 13 агнцевъ[6]); въ церкви Маріи in Dominica Богоматерь въ сонмѣ ангеловъ[7]). Въ храмахъ продольныхъ, позднѣйшаго времени, какъ въ церкви св. Климента въ Римѣ и готическихъ, въ алтарной апсидѣ изображалось распятіе Спасителя. Итакъ, въ мозаикахъ алтарныхъ апсидъ является во-первыхъ Самъ Спаситель, иногда въ видѣ агнца, закланнаго за грѣхи людей; во-вторыхъ, устроители церкви — апостолы — также иногда въ видѣ агнцевъ; въ третьихъ представители небесной церкви святые и ангелы: искупленіе и основаніе церкви — коренная тема; Богоматерь съ Младенцемъ, въ апсидахъ храмовъ, посвященныхъ Богоматери, указываетъ на воплощеніе, какъ на одинъ изъ моментовъ искупленія; въ четвертыхъ райскія рѣки — символы четырехъ евангелистовъ, возвѣстившихъ людямъ ученіе Христово. Св. Агнеса въ апсидѣ церкви, посвященной ея имени, составляетъ понятное исключеніе. То же самое начало проходитъ и въ мозаикахъ тріумфальной арки. Въ церкви св. Павла за стѣнами Рима помѣщено было изображеніе Спасителя среди двухъ служащихъ ангеловъ, четыре символа евангелистовъ и 24 апокалипсическихъ старца[8]); въ церкви Косьмы и Даміана агнецъ на престолѣ съ апокалипсическимъ свиткомъ, запечатаннымъ семью печатями, по сторонамъ его, 7 свѣтильниковъ и символы евангелистовъ[9]); въ капеллѣ Венанція символы евангелистовъ, два города Іерусалимъ и Виѳлеемъ и изображенія святыхъ[10]); въ церкви Нерея и Ахиллеса Іисусъ Христосъ стоитъ въ ореолѣ, по сторонамъ Его святые, Богоматерь

---

[1]) *Garrucci*, Storia del'arte christiana tav. 208.
[2]) *Garrucci*, tav. 253.
[3]) *Garr.*, tav. 272—273.
[4]) Ibid. tav. 274.
[5]) Ibid. tav. 276.
[6]) Ibid. tav. 286, Ср. также мозаики въ церкви Цециліи и церкви св. Марка, ibid. 292, 294.
[7]) Ibid. tav. 293.
[8]) *Garr.* tav. 237.
[9]) Ibid. 253.
[10]) Ibid. 272—273.

на тронѣ съ Младенцемъ и Благовѣщеніе[1]), въ церкви Пракседы Іисусъ Христосъ, къ Которому приближаются святые съ вѣнками[2]); въ церкви Цециліи св. жены и мужи подносятъ Богоматери вѣнки[3]); въ церкви Maria in Domnica Іисусъ Христосъ среди двухъ ангеловъ и 12-ти апостоловъ)[4]; въ церкви св. Марка въ Римѣ бюстовое изображеніе Спасителя и символы евангелистовъ[5]); въ церкви Лаврентія (in Campo verano) Іисусъ Христосъ возсѣдитъ на сферѣ; по сторонамъ Его два апостола, четыре св. мужа и два города[6]). Здѣсь тѣ же главныя изображенія, что̀ и въ алтарной апсидѣ, наиболѣе видное дополненіе составляютъ сюжеты апокалипсическіе: старцы[7]), означающіе искупленныхъ и оправданныхъ людей Ветхаго и Новаго завѣтовъ; свѣтильники — апокалипсическія церкви[8]) въ смыслѣ дальнѣйшемъ означаютъ, и вообще церкви, просвѣщенныя свѣтомъ Евангелія, принесеннаго на землю Божественнымъ Агнцемъ[9]). Слѣдовательно и роспись тріумфальной арки указываетъ на искупленіе и основаніе церкви Іисусомъ Христомъ. Мысль о торжествѣ основанной церкви, вѣроятно, послужила мотивомъ и къ усвоенію этой церковной аркѣ наименованія: „arcus triumphalis“. Не представляютъ существенно отличій въ идеѣ и украшенія сводовъ въ храмахъ древне-христіанскихъ: въ бывшихъ мозаикахъ ораторіи Іоанна Крестителя въ Римѣ въ сводѣ изображенъ агнецъ и евангелисты съ символами[10]); въ баптистеріи св. Іоанна in fonte въ Неаполѣ — звѣздное небо, въ которомъ монограмма имени Іисуса Христа $\alpha \frac{P}{T} \omega$ и чудеса Іисуса Христа[11]); въ капеллѣ Зенона въ церкви Пракседы бюстовое изображеніе Іисуса Христа среди святыхъ[12]); въ церкви Прикса въ Капуѣ въ центрѣ свода семь небесныхъ сферъ, звѣзды и тронъ Божій, апостолы, пророки, мученики и птицы, пьющія изъ сосудовъ[13]). Здѣсь мысль о небесной церкви выражена уже съ бо́льшею опредѣленностью, и роспись напоминаетъ куполы византійскихъ храмовъ. Оригинальный характеръ имѣетъ мозаичная роспись свода въ церкви Констанцы въ Римѣ IV в.: ландшафтныя и миѳологическія сцены, пляшущіе сатиры, вакханки, сцены уборки винограда, купидоны и птицы въ виноградникѣ, затѣйливые узоры изъ цвѣтовъ, сосуды и роги изобилія выдѣляютъ эту роспись изъ ряда другихъ храмовыхъ росписей. Но мы не можемъ принять мнѣнія Андрея Фульвія, Фабриція, Шрадера и Чіампини, которые видятъ здѣсь рядъ сценъ, относящихся къ культу Бахуса. Изъясненіе ихъ новыми спеціалистами Вите, Мюнцемъ и Гарруччи также заключаетъ въ себѣ крайности, особенно замѣтныя у Гарруччи, который изъясняетъ ихъ въ смыслѣ христіанской символики. Намъ представляется

---

[1]) Ibid. 284.
[2]) Ibid. 285.
[3]) Ibid. 292.
[4]) Ibid. 292.
[5]) Ibid. 294.
[6]) Ibid. 271.
[7]) Апокал. IV, 4 и 10.
[8]) Апокал. I, 12 ср. 20.
[9]) Апокал. V, 6.
[10]) *Garrucci*, tav. 239. Ср. римскую церковь Іоанна евангелиста ibid. 238.
[11]) Ibid. 269.
[12]) Ibid. tav. 287, 288.
[13]) Ibid. tav. 255.

наиболѣе вѣроятнымъ видѣть здѣсь простую орнаментику въ греко-римскомъ стилѣ. Рѣдкое явленіе, въ отношеніи символики, представляютъ древніе храмы: римскій въ честь Богоматери Великой и равенскіе. Не говоря о мозаикахъ алтарной апсиды въ церкви Маріи Великой (коронованіе и успеніе Богоматери), какъ позднѣйшихъ, отмѣтимъ лишь мозаики V вѣка. Въ центрѣ тріумфальной арки находится здѣсь престолъ со свиткомъ и крестомъ; по сторонамъ евангельскія событія; Благовѣщеніе (по переводу съ рукодѣльемъ), Срѣтеніе (въ своеобразныхъ иконографическихъ формахъ), поклоненіе волхвовъ, двѣнадцатилѣтній Іисусъ Христосъ въ Іерусалимскомъ храмѣ поучаетъ народъ, волхвы предъ Иродомъ, избіеніе младенцевъ, Іерусалимъ и Вполеемъ въ видѣ двухъ городовъ. По стѣнамъ храма расположены изображенія, относящіяся къ ветхозавѣтной исторіи, именно событія изъ жизни Авраама, Іакова, Моисея и странствованія евреевъ[1]). Такимъ образомъ, здѣсь однѣ только мозаики тріумфальной арки выставляютъ на видъ личность Іисуса Христа, притомъ въ дѣтскомъ возрастѣ, вмѣстѣ съ Богоматерью; но ни въ этихъ мозаикахъ, ни тѣмъ менѣе въ мозаикахъ боковыхъ стѣнъ нѣтъ *ясныхъ и опредѣленныхъ* указаній на искупительную жертву и основаніе церкви. Роспись эта имѣетъ характеръ оригинальный, вызванный теченіемъ церковной жизни V вѣка. Эпоха, къ которой относится сооруженіе церкви Маріи Великой и ея мозаикъ, отмѣчена въ исторіи снорами о божествѣ Іисуса Христа и достоинствѣ Богоматери, и самый храмъ Маріи Великой былъ посвященъ Дѣвѣ Маріи въ обличеніе несторіанъ, унижавшихъ ея достоинство; отсюда и мозаики этой церкви направлены главнымъ образомъ къ выраженію мысли о высокомъ достоинствѣ Богоматери: Богоматерь поставлена здѣсь въ близкое отношеніе къ событіямъ изъ жизни Іисуса Христа, откуда слѣдуетъ, какъ выводъ, прославленіе не только Спасителя, но и Богоматери. Кстати замѣтимъ, что въ этихъ мозаикахъ дана одна изъ самыхъ первыхъ попытокъ христіанскихъ мозаистовъ перейти къ темамъ, относящимся къ дѣтству Іисуса Христа. Оставляемъ въ сторонѣ другія мозаики древне-христіанскаго періода, потому что для нашихъ цѣлей онѣ не представляютъ существеннаго интереса[2]).

На рубежѣ, раздѣляющемъ періоды древне-христіанскій и византійскій, стоятъ мозаическія *росписи храмовъ равеннскихъ*. Усиленіе равеннскаго экзархата и сближеніе его съ Византіею, особенно во времена Ѳеодориха, вызвали здѣсь оживленную художественную дѣятельность. Исторія не сохранила до насъ точныхъ указаній на національность равеннскихъ художниковъ, хотя нѣкоторыя имена ихъ извѣстны (Cuserius, Ianus, Paulus, Stephanus); тѣмъ не менѣе стиль равеннскихъ мозаикъ заключаетъ въ себѣ несомнѣнные слѣды византійскаго вліянія; *латинскія* надписи не противорѣчатъ этому, подобно тому, какъ таковыя же надписи въ мозаикахъ торчелльскихъ и сицилійскихъ не даютъ основаній оспаривать византійское происхожденіе этихъ мозаикъ. Каждая изъ трехъ важнѣйшихъ эпохъ въ исторіи Равенны имѣетъ своихъ представителей и въ ра-

---

[1]) Рис. *Garrucci*, tav. 211—222 cf. vol. I, p. 497 etc. Мозаики эти изданы были неоднократно. Мы цитируемъ ихъ, равно какъ и мозаики другихъ храмовъ, по изданію Гарруччи, которое при всѣхъ недостаткахъ въ воспроизведеніи художественнаго стиля памятниковъ, отличается значительною полнотою иконографическаго содержанія.

[2]) См. подробный перечень ихъ въ сочиненіи Поля: Die altchristl. Frescon. Mosaik-Malerei v. *Otto Pohl*, Leipzig, 1888.

веннскихъ мозаикахъ: къ эпохѣ Галлы Плакиды относятся мозаики католическаго вaптистерія (430 г.) и надгробнаго храма или мавзолея Галлы Плакиды (440 г.); ко времени Ѳеодориха мозаики аріанскаго вaптистерія (500 г.) и большая часть мозаикъ въ церкви Аполлинарія Новаго (504 г.); ко времени Юстиніана — мозаики въ церкви св. Виталія (547 г.) и св. Аполлинарія во флотѣ (549 г.). Иконографическое содержаніе мозаикъ *католическаго вaптистерія* соотвѣтствуетъ назначенію самаго зданія[1]): зданіе это — крещальня, съ необходимымъ для крещенія бассейномъ посрединѣ; отсюда и мозаики изображаютъ собою лицъ и событія, имѣвшія близкое отношеніе къ крещенію. Здѣсь, въ кругломъ медаліонѣ купола, надъ центромъ крещальнаго резервуара помѣщена прекрасная мозаика, изображающая крещеніе Спасителя. Спаситель обнаженный стоитъ по поясъ въ водѣ, съ лѣвой стороны Его на береговой скалѣ — Іоаннъ Креститель: правая рука его простерта надъ головою Спасителя[2]), въ лѣвой онъ держитъ крестъ — символъ христіанскаго исповѣданія. Сверху надъ головою Спасителя паритъ голубь, символъ Святаго Духа. Съ правой стороны выступаетъ изъ воды бородатая фигура Іордана съ подписью IORD..., тростникомъ въ лѣвой рукѣ и съ простынею. Всѣ указанныя три фигуры отличаются полною художественностію, естественностію положенія, моделлировки и контуровъ. Но античная постановка фигуръ Спасителя и Іоанна Крестителя носитъ въ себѣ уже нѣкоторый отпечатокъ христіанскаго идеальнаго воззрѣнія того времени. Длинные волосы ихъ локонами падаютъ на плечи, подбородки и щеки обрамлены бородами; выраженіе лицъ спокойное, величественное. Вообще по компановкѣ и выполненію картина эта представляетъ одно изъ древнѣйшихъ воспроизведеній евангельскаго разсказа о крещеніи. Вокругъ этого изображенія и нѣсколько ниже его въ стѣнахъ купола изображены 12 апостоловъ среди деревьевъ, въ туникахъ, съ вѣнками въ рукахъ: они представлены здѣсь въ одномъ изъ трудныхъ для живописи моментовъ въ движеніи. Однакожъ, художникъ довольно удачно преодолѣлъ трудности этого момента: ни одинъ изъ апостоловъ не спотыкается, всѣ выступаютъ мѣрнымъ шагомъ, и кромѣ того сохраняютъ индивидуальность выраженій. Волосы ихъ подстрижены, нимбовъ нѣтъ; отдѣлены одинъ отъ другаго растеніями, образующими сегменты круга и занавѣсами, падающими сверху. Ниже апостоловъ расположенъ рядъ изображеній, въ которомъ можно различить два вида: въ одномъ ясно выступаютъ шесть колоннъ, — четыре впереди и шесть на заднемъ планѣ, — группировка которыхъ обозначаетъ, повидимому, три нефа въ церкви; въ глубинѣ средняго нефа или въ алтарной апсидѣ поставленъ престолъ на которомъ лежитъ Евангеліе; въ боковыхъ нефахъ, оканчивающихся также полукружіями, — два сѣдалища. Второй видъ изображеній отличается отъ перваго тѣмъ, что въ центральномъ нефѣ изображенъ здѣсь украшенный драгоцѣнными камнями и тканями тронъ, на спинкѣ котораго четвероконечный крестъ въ кругломъ медаліонѣ; а въ боковыхъ нефахъ каменныя преграды невысокія,

---

[1]) Рис. *Garr.*, tav. 226—228.

[2]) *Примѣч.* Чашка, изъ которой онъ льетъ воду на голову Спасителя, здѣсь представляется неумѣстною, такъ какъ, во-первыхъ, по положенію Спасителя видно, что художникъ хотѣлъ представить крещеніе чрезъ погруженіе; во-вторыхъ, извѣстно по памятникамъ письменности и искусства, что крещеніе чрезъ обливаніе явилось гораздо позднѣе V в. По всему вѣроятію, чашка составляетъ здѣсь позднѣйшую прибавку.

лавровыя и дубовыя вѣтви. Группы эти, по всей вѣроятности, служатъ выраженіемъ трехнефной церкви V-го столѣтія: въ первой изъ нихъ въ центральномъ нефѣ престолъ съ Евангеліемъ, такъ было и въ дѣйствительныхъ церквахъ; въ боковыхъ нефахъ два сѣдалища, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ (Richter, Die Mos. v. Ravenna S. 15; cf. Diehl, Ravenne 48) означаютъ мѣста для епископа и государя: основаніе для такого предположенія заключается въ томъ, что еще и доселѣ въ греческой церкви Гроба Господня въ Іерусалимѣ существуютъ предъ алтаремъ троны патріарха іерусалимскаго и государя. Подобные примѣры извѣстны и у насъ въ Россіи[1]); но эта аналогія не уясняетъ разсматриваемаго изображенія. Во-первыхъ, древніе источники не говорятъ ничего о томъ, имѣлъ ли государь свой особый тронъ въ *алтарѣ;* вѣроятно, нѣтъ. Во-вторыхъ, сѣдалища эти отдалены отъ престола и находятся въ особыхъ нефахъ именно въ концѣ ихъ, гдѣ въ храмахъ византійскихъ устраивались жертвенникъ и діаконикъ; въ-третьихъ, троны царя и патріарха въ храмахъ позднѣйшихъ обращаются лицомъ къ алтарю; въ данномъ же случаѣ наоборотъ. Вѣрнѣе видѣть здѣсь если не столы для потребностей, соединенныхъ съ назначеніемъ жертвенника и діаконика (тѣмъ болѣе, что спинки видны неясно), то обычныя мѣста для служащихъ епископовъ и священниковъ, символически указывающіе на проповѣдь Евангелія. Въ группахъ втораго вида — тронъ отнюдь не есть сѣдалище епископа, но престолъ Божій: форма эта удержалась въ памятникахъ позднѣйшаго времени и получила специфическое наименованіе „ἑτοιμασία τοῦ θρόνου“ или уготованіе престола и потому значеніе ея не подлежитъ никакому сомнѣнію. Низкія преграды въ боковыхъ нефахъ означаютъ обычную въ древности низкую алтарную преграду въ храмахъ, лавръ же и дубъ, по остроумному замѣчанію Гарруччи, указываютъ на гробницы мучениковъ, увѣнчанныя знаками побѣды[2]). Совокупность этихъ изображеній имѣетъ спеціальное значеніе примѣнительно къ спеціальному назначенію самаго вантистерія. Средоточіе всего составляетъ Спаситель, освятившій таинство крещенія собственнымъ примѣромъ; подлѣ Него апостолы среди райскихъ деревьевъ, съ вѣнками, которыхъ они удостоены за то, что выполнили заповѣдь Спасителя о крещеніи всѣхъ народовъ и (иные изъ нихъ) запечатлѣли проповѣдь о крещеніи мученическою кончиною. Крещеніе открываетъ собою людямъ доступъ въ церковь Христову, въ которой невидимо присутствуетъ самъ Іисусъ Христосъ (на Своемъ тронѣ): церковь эта создана на основаніи апостоловъ, замѣненныхъ здѣсь книгами четырехъ Евангелій, и пророковъ. Такимъ образомъ, спеціальное значеніе этихъ мозаикъ не только не противорѣчитъ уже намѣченной выше идеѣ украшенія купола, а наоборотъ вполнѣ гармонируетъ съ нею. Въ центрѣ купола здѣсь все-таки удерживается Христосъ, какъ глава церкви и установитель таинствъ; ближайшими орудіями Его и членами небесной церкви являются апостолы, тутъ же и евангелисты, которые въ архитектурныхъ памятникахъ уже VI вѣка перешли въ паруса сводовъ, тутъ и пророки и въ дополненіе ко всему внѣшнее выраженіе Христовой церкви въ видѣ главныхъ чертъ христіанскаго храма. Подобная компановка сюжетовъ удержана и

[1]) Новгород. Соф. соб.; моск. Усп. соб. и др.

[2]) *Garrucci,* Storia IV, 36.

въ мозаикахъ *аріанскаго баптистерія*[1]): здѣсь то же крещеніе Спасителя (типъ юный) и тѣ же апостолы съ вѣнками, и среди нихъ тронъ (ἑτοιμασία) на которомъ утвержденъ четвероконечный крестъ. Безспорное различіе въ художественномъ стилѣ между этими мозаиками и мозаиками православнаго (или католическаго) баптистерія не позволяетъ признать первыя копіею послѣднихъ, но оно не исключаетъ тождества лежащей въ основѣ ихъ идеи[2]). Позднѣе по времени, но древнѣе по духу полусимволическое мозаическое убранство усыпальницы *Галлы Плакиды*[3]). Куполъ ея имѣетъ видъ звѣзднаго неба, въ срединѣ котораго утвержденъ крестъ: онъ замѣняетъ Спасителя, какъ символъ искупленія человѣчества и побѣды надъ смертію[4]). Съ четырехъ сторонъ его расположены символы четырехъ евангелистовъ; ниже въ люнетахъ купола между окнами— апостолы; ихъ отдѣляютъ другъ отъ друга группы изъ сосудовъ, стоящихъ между двумя голубями: мотивъ тотъ же, что и въ описаніи убранства церкви у Павлина Ноланскаго.

Crucem corona lucido cingit globo,
Cui coronae sunt corona apostoli
Quorum figura est in columbarum choro[5]);

въ двухъ боковыхъ люнетахъ (поперечныхъ) представлены два источника, къ которымъ подходятъ по два оленя, — символы христіанскихъ душъ, жаждущихъ воды живой[6]). Но самая лучшая мозаика находится здѣсь надъ входною дверью: — это символическое изображеніе Іисуса Христа въ видѣ Добраго Пастыря[7]), сходное по идеѣ съ соотвѣтствующими изображеніями эпохи катакомбъ, но уже получившее, подъ вліяніемъ христіанскаго мировоззрѣнія, своеобразную форму. Сцена представляетъ роскошный ландшафтъ съ деревьями, травою и горами; здѣсь пасутся шесть агнцевъ; въ срединѣ фигура Добраго Пастыря: онъ сидитъ на камнѣ, одѣтъ въ долматикъ, его глава съ длинными волосами и античное лицо украшены золотымъ нимбомъ, въ лѣвой рукѣ вмѣсто пастушескаго посоха онъ держитъ крестъ; правою ласкаетъ одного изъ шести окружающихъ его агнцевъ. Если сравнимъ это изображеніе съ изображеніями катакомбъ, то увидимъ, что оно носитъ въ себѣ совершенно ясные слѣды иного пониманія этого сюжета. Добрый Пастырь держитъ уже крестъ, но не посохъ, голова его окружена сіяніемъ, одежда указываетъ на высшее достоинство: простая идиллическая сцена переведена здѣсь въ возвышенное созданіе христіанства. Надъ изображеніемъ Добраго Пастыря изображена другая сцена: желѣзная рѣшетка, подъ нею костеръ, объятый пламенемъ, справа быстро приближается къ этой рѣшеткѣ мужская фигура съ золо-

---

[1]) Maria in Cosmedin, *Garrucci,* Storia tav. 241.

[2]) Въ баптистеріяхъ послѣдующаго времени изображались уже многія чудеса Евангелія. *Garr.* I, 586.

[3]) *Garr.,* tav. 229—233.

[4]) Ср. мозаика на сводѣ баптистерія неаполитанскаго, построеннаго еп. Северомъ, *Garr.,* tav. 269; также въ церкви Петра Хризелога въ Равеннѣ, ibid. tav. 223.

[5]) Epist. ad. Sever. Migne t. LXI S. 336.

[6]) Ср. tav. 278, гдѣ тотъ же сюжетъ имѣетъ надпись... vus desiderat ad fontes aquarum, ita desiderat anima mea ad te Deus. Мозаика въ церкви S. Maria ad praesepe; ср. также 290.

[7]) Рис. *Garr.,* tav. 233; ср. фототипическій снимокъ въ нашемъ сочиненіи о страшномъ судѣ (Труды одесск. археол. съѣзда, т. Ш).

тымъ крестомъ на правомъ плечѣ и съ книгою въ лѣвой рукѣ: — это одинъ изъ христіанскихъ мучениковъ, вѣроятно, Лаврентій, замученный на раскаленной рѣшеткѣ. Въ цѣломъ, куполъ здѣсь очевидно удерживаетъ значеніе неба, на которомъ возсѣдитъ Искупитель и Глава Церкви, основанной на Евангеліяхъ. Подъ символическою формою креста скрывается намекъ на высшую идею христіанства, что вполнѣ согласно съ характеромъ первоначальнаго христіанскаго искусства. Символическіе источники и монограммы имени Іисуса Христа (ХР) также близки къ эпохѣ первоначальнаго христіанства, но они имѣютъ здѣсь значеніе, вѣроятно, спеціальное, примѣнительно къ погребальному назначенію здапія. Кромѣ неба какъ элемента постояннаго въ украшеніи храма, хотя и не всегда выражаемаго въ однѣхъ и тѣхъ же фигурахъ (позднѣе — радуга), здѣсь является надъ дверями Добрый Пастырь: „азъ есмь пастырь добрый.... азъ есмь дверь; мною аще кто внидетъ, спасется, и внидетъ и изыдетъ и пажить обрящетъ“; здѣсь первый примѣръ утвердившагося впослѣдствіи обычая изображать надъ дверями храма Іисуса Христа, какъ это видно въ Софіи константинопольской и еще яснѣе въ храмѣ св. Марка въ Венеціи, гдѣ Іисусъ Христосъ держитъ Евангеліе, раскрытое на словахъ: ego sum janua... Изображеніе мученика, вѣроятно, имѣетъ связь съ изображеніемъ Добраго Пастыря: если въ лицѣ Добраго Пастыря представлено символическое начало христіанства, то въ лицѣ мученика — его торжество, такъ разсуждаютъ Кавальказелле и Кроу[1]); но въ послѣдующемъ канонѣ расписанія церквей это сопоставленіе не удержалось.

Мозаики въ церкви *Аполлинарія Новаго* представляютъ, послѣ церкви Маріи Великой въ Римѣ, блистательный образецъ росписанія средней части храма[2]). Цѣль мозаиста заключалась въ томъ, чтобы изобразить величіе и славу Іисуса Христа; къ этой мысли приводило его направленіе тогдашняго богословія, изслѣдовавшаго въ борьбѣ съ ересями вопросы о божествѣ Сына Божія; вмѣстѣ съ тѣмъ и тамъ же, вѣроятно, не безъ вліянія споровъ о достоинствѣ Богоматери, мозаистъ прославляетъ въ своемъ твореніи и Богоматерь. Мозаики расположены по стѣнамъ этого храма въ три ряда и представляютъ 26 изображеній, относящихся къ евангельской исторіи, 32 изображенія святыхъ и двѣ процессіи. Въ верхнемъ ряду по стѣнамъ расположены евангельскія событія: исцѣленіе разслабленнаго, исцѣленіе бѣсноватаго, исцѣленіе втораго разслабленнаго, отдѣленіе овецъ отъ козлицъ, лепта вдовицы, мытарь и фарисей, воскрешеніе Лазаря, бесѣда съ самаряпкою, грѣшница у ногъ Іисуса Христа, исцѣленіе двухъ слѣпыхъ, чудесный ловъ рыбы, чудо умноженія хлѣбовъ. На другой сторонѣ представлены событія страданія и воскресеніе Спасителя: тайная вечеря въ историческомъ переводѣ, Іисусъ Христосъ въ саду Геѳсиманскомъ среди спящихъ учениковъ, лобзаніе Іуды, взятіе Спасителя стражею въ Геѳсиманскомъ саду, Іисусъ Христосъ на судѣ предъ первосвященникомъ, предсказаніе Спасителя объ отреченіи Петра, (въ традиціонной композиціи, усвоенной византійскою миніатюрою, — съ пѣтухомъ на столбѣ), отреченіе Петра, раскаяніе Іуды, Іисусъ Христосъ предъ Пилатомъ, умывающимъ руки, шествіе на Гол-

[1]) Storia, I, 31.

[2]) *Garrucci*, tav. 242—252.

гоѳу съ Симономъ Киринеяниномъ, несущимъ четвероконечный крестъ, явленіе ангела двумъ мѵроносицамъ у гроба Господня, бесѣда Іисуса Христа съ двумя учениками на пути въ Эммаусъ и явленіе Іисуса Христа 12-ти ученикамъ при запертыхъ дверяхъ. Сравненіе мозаикъ первой категоріи со второю даетъ въ результатѣ одно характерное различіе въ типѣ Спасителя: въ первыхъ 13-ти изображеніяхъ Спаситель является въ видѣ юноши, безъ бороды, въ послѣднихъ — въ опредѣлившемся византійскомъ типѣ, но эта разность не можетъ служить доказательствомъ разновременнаго происхожденія мозаикъ; древность представляетъ не мало примѣровъ, гдѣ эти два типа являются въ одномъ и томъ же памятникѣ и относятся къ одному и тому же времени; объясненіе этого явленія заключается въ направленіи тогдашняго искусства, съ одной стороны близкаго еще къ древне-христіанскому искусству фресокъ и саркофаговъ, съ другой — вступившаго уже на путь самостоятельнаго развитія въ духѣ византійской образованности: эпохи переходныя, естественно, обозначаются въ искусствѣ колебаніемъ типовъ. Несмотря, впрочемъ, на эту неустойчивость въ типѣ Спасителя, общее направленіе разсматриваемыхъ мозаикъ проведено весьма послѣдовательно. Стоя на точкѣ зрѣнія богослова, художникъ избралъ рядъ сюжетовъ, наиболѣе пригодныхъ для достиженія преднамѣченныхъ цѣлей: онъ оставилъ въ сторонѣ событія дѣтства Іисуса Христа, не соблазняясь тѣми многочисленными темами, которыя предлагались ему распространенными въ его время сказаніями о дѣтствѣ Іисуса Христа, и остановился лишь на нѣкоторыхъ чудесахъ, съ очевидностію подтверждающихъ божественное величіе и славу Іисуса Христа; а затѣмъ — на послѣднихъ дняхъ Его земной жизни и воскресеніи. Въ самыхъ страданіяхъ Спасителя открывалось для него божественное достоинство Искупителя; лишь нѣкоторые моменты этихъ страданій (поруганіе Іисуса Христа, крестная смерть, снятіе со креста) мозаистъ скрылъ отъ взоровъ наблюдателя; возможно думать, что изображенія этого рода опущены здѣсь потому, что ихъ присутствіе вносило бы слишкомъ замѣтный разладъ въ основную мысль мозаиста; болѣе же вѣроятное объясненіе этого опущенія заключается въ томъ, что подробности страданій Іисуса Христа въ то время еще не были разработаны въ иконографіи: извѣстные римскіе саркофаги, на которыхъ представлено возложеніе на главу Спасителя терноваго вѣнка, двери Сабины въ Римѣ съ изображеніемъ распятія (V в.) и, можетъ быть, одна таблетка изъ слоновой кости, принадлежащая Британскому музею, описанная и изданная неоднократно Краузомъ, Рого де Флери, Доббертомъ и др., суть единственные представители этихъ сюжетовъ въ области иконографіи до VI вѣка. Въ среднемъ ряду между окнами помѣщены на стѣнахъ 32 изображенія отдѣльныхъ святыхъ; въ нижнемъ — двѣ процессіи — мужская и женская: въ первой 26 святыхъ мужей, въ туникахъ и тогахъ, украшенныхъ клавами, съ вѣнками въ рукахъ, торжественно выступаютъ изъ воротъ города Равенны (гдѣ вдали виденъ дворецъ) и направляются къ Іисусу Христу, сидящему на великолѣпномъ тронѣ, среди четырехъ ангеловъ съ жезлами, знаменующихъ воинство Небеснаго Царя; во второй 22 святыя дѣвы, съ вѣнками, въ роскошныхъ византійскихъ костюмахъ, выступаютъ изъ равеннской гавани и направляются къ Богоматери, сидящей на тронѣ съ Младенцемъ; по сторонамъ трона Богоматери находятся ангелы съ жезлами и волхвы съ дарами. Средоточнымъ пунктомъ въ этихъ мозаикахъ является Спаситель: Онъ соверши-

тель чудесъ и Искупитель рода человѣческаго; въ этой части разсмотрѣнныя мозаики пролагаютъ новый путь въ расписаніи храмовъ; сюжеты эти, по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ нихъ, будутъ удержаны въ византійскихъ храмахъ и войдутъ въ канонъ расписанія церквей, изложенный въ позднѣйшемъ иконописномъ подлинникѣ; изображенія отдѣльныхъ святыхъ также будутъ удержаны, какъ представители основанной Іисусомъ Христомъ Церкви; процессіи имѣютъ здѣсь, очевидно, спеціальное назначеніе и потому онѣ не могли войти въ обычную роспись церквей. Нельзя при этомъ не обратить вниманія на то, что чудеса и событія изъ жизни Спасителя находятся здѣсь на стѣнахъ средней части храма: то же мѣсто они удержали за собою и въ памятникахъ позднѣйшихъ.

Мозаики равеннской церкви *Аполлинарія во флоть*[1]) даютъ понятіе только объ украшеніи тріумфальной арки и алтарной апсиды: ихъ разновременное происхожденіе (VI и VII вв.) не мѣшаетъ разсматривать ихъ, какъ части одного цѣлаго. Здѣсь въ алтарной апсидѣ находится замѣчательное полусимволическое изображеніе Преображенія: роскошный ландшафтъ оживляетъ внутреннюю поверхность алтарной апсиды, и среди него представленъ равеннскій епископъ Аполлинарій въ долматикѣ, фелони, омофорѣ и нимбѣ съ воздѣтыми руками; у ногъ его 10 агнцевъ, означающихъ вѣроятно, равеннскую паству Аполлинарія. Въ верхней части апсиды въ овальномъ медаліонѣ, усѣянномъ звѣздами, — четвероконечный крестъ; въ центрѣ пересѣченія балокъ креста — миніатюрный медаліонный образъ Спасителя, по сторонамъ поперечной балки креста греческія буквы α и ω; на верху продольной балки монограмма $\iota\chi\vartheta\acute{\upsilon}\varsigma$; внизу подпись: Salus mundi. По сторонамъ креста, внѣ круга, въ облакахъ Моисей и Илія, — первый въ видѣ молодаго человѣка, второй въ видѣ старца[2]); сверху выступаетъ рука изъ облаковъ — символъ соизволенія Бога Отца; внизу три агнца. Эта полусимволическая композиція представляетъ собою Преображеніе Господне: на это указываютъ изображенія Моисея и Иліи и трехъ агнцевъ, означающихъ Петра, Іакова и Іоанна. Въ то же время, исходя изъ факта историческаго, мозаистъ порвалъ связь съ историческою обстановкою этого событія и представилъ славу преобразившагося Спасителя подъ образомъ звѣздъ. Въ обстановкѣ исторической является это событіе въ мозаикѣ на алтарной стѣнѣ церкви Преображенія на Синайской горѣ (VI в.), представляющей первый по древности примѣръ воспроизведенія этого сюжета въ искусствѣ. Представленія его въ алтарной апсидѣ не противорѣчитъ пріему расписанія византійскихъ храмовъ: въ важнѣйшей части храма отводится мѣсто все-таки Спасителю, въ одномъ изъ важнѣйшихъ моментовъ Его жизни; почему именно этотъ моментъ взятъ здѣсь рѣшить трудно. Можно лишь прямо утверждать, что система расписыванія церквей въ VI в. только еще зачиналась, но не была разработана; этимъ недостаткомъ развитія объясняется и то, почему мозаистъ помѣстилъ здѣсь въ апсидѣ и св. Аполлинарія[3]). Изображеніе Преображенія Господня остается

[1]) *Garrucci*, 265 – 266.

[2]) *Richter*, S. 99. Въ снимкѣ Гарруччи оба моложавые, безъ бородъ: tav. 265.

[3]) Ср. изображеніе Агніи въ мозаикахъ римской церкви Агніи, также изображеніе Прима и Фелиціана въ церкви, посвященной имени св. Стефана (Stefano rotondo Sul Celio): *Garrucci*, tav. 274.

и въ храмахъ послѣдующаго времени, но съ развитіемъ символики храма ему отводится мѣсто въ средней части; изображеніе святителя удержано въ самомъ алтарѣ, но ему дано иное значеніе: въ общей схемѣ естественно должны будутъ утратить свое частное значеніе отдѣльныя изображенія, вызванныя причинами частными, каково въ данномъ случаѣ изображеніе св. Аполлинарія. Въ нижней части алтарной апсиды паходятся здѣсь четыре изображенія святыхъ епископовъ съ книгами: св. епископы войдутъ въ послѣдующій канонъ расписыванія церквей. Въ боковой части апсиды направо — Мельхиседекъ за столомъ, съ хлѣбами предложенія; направо — Авраамъ съ сыномъ Исаакомъ; налѣво — Авель подноситъ Мельхиседеку агнца; здѣсь мы имѣемъ прообразы жертвы новозавѣтной, для изображенія которыхъ алтарь служитъ самымъ естественнымъ мѣстомъ. На лѣвой сторонѣ алтарной апсиды — группа изъ пяти клириковъ, въ числѣ которыхъ два діакона съ кадилами, пресвитеръ, повидимому епископъ и наконецъ архіепископъ Репаратъ (?) и три лица въ царскихъ одеждахъ; эта группа вызвана мѣстными побужденіями: въ храмахъ позднѣйшихъ для нея нѣтъ мѣста въ алтарѣ. На тріумфальной аркѣ медаліонное изображеніе Спасителя и четыре символа евангелистовъ: первое остается въ послѣдующихъ храмахъ на томъ же мѣстѣ, послѣдніе въ храмахъ купольныхъ переходятъ на паруса сводовъ. Ниже на той же аркѣ 12 агнцевъ выходятъ изъ двухъ городовъ: Іерусалима и Виѳлеема — это апостолы, мѣстомъ которыхъ позднѣе является трибунъ. Ниже на столбахъ арки два ангела съ рипидами, на которыхъ написано *αγιος:* ихъ мѣсто въ алтарѣ, гдѣ служатъ діаконы, означающіе ангеловъ. Еще ниже два евангелиста Матѳей и Лука. Итакъ, зачатки опредѣленной росписи церковной здѣсь можно видѣть въ изображеніяхъ Преображенія, епископовъ, Спасителя, апостоловъ, символовъ евангелистовъ и ангеловъ съ рипидами.

Въ церкви св. *Виталія въ Равеннѣ* (524—534 г.) имѣютъ для насъ значеніе мозаики алтаря и купола[1]). Мозаики алтарной апсиды выражаютъ мысль о голгоѳской жертвѣ, отчасти въ прообразахъ и пророчествахъ ветхаго завѣта: въ нижнемъ ряду алтарныхъ стѣнъ представлены прообразовательныя событія ветхаго завѣта, въ верхнемъ — новозавѣтныя. Въ полуциркульныхъ рамахъ, украшенныхъ сверху изображеніями двухъ летящихъ ангеловъ и крестомъ въ кругѣ, — мотивъ обычный для мозаикъ равеннскихъ синайскихъ и отчасти константинопольскихъ, — представлены съ одной стороны жертва Авеля и Мельхиседека, съ другой — св. Троица. Въ центрѣ первой группы помѣщенъ столъ, покрытый бѣлымъ покровомъ съ пурпуровою каймою; на столѣ сосудъ и два хлѣба; по сторонамъ престола Авель и Мельхиседекъ приносятъ дары Богу, — первый агнца, второй хлѣбъ; присутствіе Бога отмѣчено изображеніемъ руки, выходящей изъ облаковъ. Во второй группѣ подъ вѣтвистымъ деревомъ поставленъ столъ, за которымъ сидятъ три лица въ одинаковыхъ нимбахъ, но безъ крыльевъ; съ лѣвой стороны Авраамъ, одѣтый въ подпоясанную тунику, подноситъ къ столу тельца на блюдѣ, позади его — Сарра; съ правой стороны Авраамъ приноситъ въ жертву Исаака. Какъ внутренній характеръ сюжетовъ, такъ и композиція ихъ ясно показываютъ, что задача мозаиста заключалась здѣсь не въ точномъ воспроизведеніи историческихъ событій, но въ высшей

[1]) *Garrucci,* tav. 258—264.

идеѣ: онъ ставитъ рядомъ Авеля и Мельхиседека, явленіе Бога Аврааму и жертвоприношеніе Исаака, нисколько не смущаясь разновременностью событій и лицъ и стремясь лишь къ выраженію мысли о новозавѣтной жертвѣ: жертва Авеля, Мельхиседека и Авраама суть прообразы новозавѣтной жертвы (Евр. VII и XI); а явленіе Аврааму трехъ странниковъ соединено съ жертвоприношеніемъ, какъ моментъ, выражающій обѣтованіе Божіе о рожденіи Исаака, имѣющаго прообразовать новозавѣтную жертву. Въ верхнемъ ряду помѣщены изображенія евангелистовъ съ извѣстными символами и книгами въ рукахъ. Дополненіемъ къ изображеніямъ перваго ряда служатъ изображенія пророковъ Исаіи и Іереміи и троекратное изображеніе Моисея: пасущаго стада, снимающаго обувь предъ купиною и получающаго скрижали закона. Двѣ процессіи мужская и женская, въ которыхъ выдѣляются императоръ Юстиніанъ, императрица Ѳеодора и архіепископъ равеннскій Максиміанъ, расположены по боковымъ стѣнамъ апсиды. Изображеніе Спасителя въ видѣ молодаго человѣка, сидящаго на шарѣ среди двухъ ангеловъ — и епископовъ: Виталія и Екклезія, изъ которыхъ первый получаетъ изъ рукъ Іисуса Христа вѣнокъ, второй подноситъ модель церкви, — имѣетъ частное значеніе. На сводѣ церкви небесный агнецъ среди звѣздъ, въ кругѣ, поддерживаемомъ четырьмя ангелами. Этотъ агнецъ, въ видѣ прямаго изображенія Іисуса Христа, и евангелисты суть единственные элементы, отличающіеся устойчивостью въ позднѣйшемъ росписаніи церквей. Выраженіе въ живописяхъ алтаря идеи новозавѣтной жертвы получило со временемъ совершенно другой видъ.

Разсмотрѣнные памятники древне-христіанскаго періода указываютъ уже на довольно значительное расширеніе цикла христіанской иконографіи; замѣтно здѣсь также стремленіе выразить идею искупленія въ мозаикахъ алтарной апсиды, тріумфальной арки и свода, но строго опредѣленнаго и яснаго воззрѣнія на символическое значеніе частей храма, строгой символики, здѣсь еще нѣтъ. Личное воззрѣніе и цѣли художника нерѣдко колеблютъ слабые устои намѣченнаго практикою преданія и сообщаютъ росписи своеобразный характеръ. Иначе не могло и быть: въ эпоху IV—V вв. лишь намѣчались пути для храмовой символики; но и эти попытки иногда встрѣчали основательное противодѣйствіе со стороны церковной власти, какъ это видно изъ опредѣленія Эльвирскаго собора (305 г. прав. 36); замѣтно, что по мѣстамъ недоставало хорошихъ художниковъ, да и народъ, не совсѣмъ отвыкшій отъ идолопоклонства, склоненъ былъ къ боготворенію священныхъ изображеній. По отношенію къ храмамъ центральныхъ пунктовъ, Рима, Константинополя, такихъ неудобствъ не могло быть, но и здѣсь канонъ росписи еще не установился. Посмотримъ, что говорятъ объ этомъ памятники древней письменности, въ какомъ отношеніи стоятъ они къ разсмотрѣннымъ памятникамъ вещественнымъ? Въ актахъ VII вселенскаго собора находятся указанія (викаріевъ папы Адріана) на то, что еще при Константинѣ Великомъ на стѣнахъ базилики латеранской находились изображенія изъ ветхаго и новаго завѣта и между прочимъ изображенія Адама, изгоняемаго изъ рая, и благоразумнаго разбойника, входящаго въ рай[1]).

[1]) *Κωνσταντῖνος οἰκοδομῆσας ναὸν τοῦ Σωτῆρος ἐν Ρώμῃ ἐν τοῖς δοσὶ τοίχοις τοῦ ναοῦ ἱστορίας παλαιὰς καὶ νέας ἐνετύπωσεν. ἐνταῦθα τὸν Ἀδὰμ τοῦ παραδείσου ἐξιόντα, ἐκεῖσε, δὲ τὸν λῃστὴν εἰς τὸν παράδεισον εἰσιόντα.* Hard. acta concil. IV, 187.

Св. Никифоръ въ антирретикахъ противъ Копронима свидѣтельствуетъ, что императоръ Константинъ украшалъ храмы св. изображеніями, въ числѣ которыхъ отмѣчаетъ священные символы божественнаго домостроительства, чудеса Христовы, страданія Спасителя и мучениковъ[1]). Отцы собора также говорятъ, что въ виѳлеемскомъ храмѣ художники Константина Великаго изобразили Рождество Христово, поклоненіе пастырей и волхвовъ, срѣтеніе, крещеніе, чудеса Христовы, крестную смерть, воскресеніе Іисуса Христа, вознесеніе Его на небо и нѣкоторыя чудеса апостоловъ[2]). Свѣдѣнія эти, при предположеніи ихъ полной вѣроятности, имѣли бы большую важность, каковую дѣйствительно и усвояетъ имъ Гарруччи[3]), но для характеристики стѣнописей именно IV в. они едва ли могутъ служить надежнымъ источникомъ. Прежде всего остается въ данномъ случаѣ неизвѣстнымъ — на чемъ они основаны: представляютъ ли они точную передачу дѣйствительныхъ фактовъ, или же, будучи направлены противъ иконоборцевъ лишь для доказательства общаго положенія о существованіи иконъ во время Константина Великаго, не имѣютъ претензій на историческую точность. Послѣднее болѣе вѣроятно. Представляется съ перваго раза довольно подозрительною та полнота иконографическихъ цикловъ не только новаго, но и ветхаго завѣта, о которой говорятъ эти свидѣтельства; тутъ уже цѣльная, хорошо разработанная система, о которой едва могли мечтать художники временъ Константина Великаго; подобныя системы не создаются вдругъ; между тѣмъ эпоха предшествовавшая Константину Великому успѣла слегка намѣтить лишь нѣкоторыя основанія для этой системы. Въ частности изображеніе страстей, особенно крестной смерти Іисуса Христа, по всей вѣроятности, не существовало при Константинѣ Великомъ. Не говоря о томъ, что доселѣ не открыто ни одного распятія ранѣе V вѣка, оно не могло имѣть мѣста въ ту раннюю эпоху уже по одному тому, что распятіе на крестѣ продолжало еще оставаться казнію обыкновенныхъ преступниковъ. Вотъ почему въ приведенныхъ свидѣтельствахъ мы склонны видѣть лишь общее подтвержденіе мысли о существованіи священныхъ изображеній въ храмахъ при Константинѣ Великомъ. Достовѣрность ихъ въ этомъ смыслѣ не можетъ быть оспариваема: въ храмахъ IV в. могли быть и дѣйствительно были отдѣльныя изображенія изъ ветхаго и новаго завѣтовъ, но не было цѣльной системы ихъ, не было многихъ изъ перечисленныхъ подробностей, которыя такимъ образомъ мы относимъ на долю субъективныхъ соображеній авторовъ свидѣтельствъ, отправлявшихся отъ современной имъ практики росписанія церквей. Опираясь на авторитетъ древности, авторы имѣли въ виду оправдать эту практику, и потому весьма понятно, что при исчисленіи названныхъ иконографическихъ группъ выступалъ въ сознаніи ихъ образъ живой дѣйстви-

---

[1]) *Τὰ ἱερὰ σύμβολα τῆς μεγάγης τοῦ Θεοῦ οἰκονομίας, θαύματα τε καὶ θεοσηρίας καὶ παθήματα πρὸς δε γὲ καὶ τὰ τῶν ἁγίων ἀντοῦ σαφῶς καὶ πολυτελῶς ἐξεικονίζον διέγραφεν ἐν δε τοῖς ἱεροῖς σκεύεσι* etc. Antirreth. III. Ed. Migne, p. 520.

[2]) *Ἐν ταῖς ἐκκλησίαις... ταῦτα ἐν ζωγραφικοῖς χρώμασι διαχαράττων τήν ἐν Βεθφλεέμ γένησιν, τήν τῶν ποιμένων αὐτοψίαν, τήν τῶν Μάγον δωροφορίαν, τὸν τοῦ ἀστέρος δρόμον, τήν τοῦ δικαίου Συμεών εἰσδοχήν, τήν ὑνὸ Ἰωάννον βάπτισιν, τήν τῶν παραδόξων καὶ θεϊκῶν θαυμάτων ἀνάδειξιν, καὶ ἐκούσια παθήματα, τὴν ὑπερφυῆ καὶ ζωηφόρον ἀνάστασιν, τήν εἰς οὐρανόν θεϊκὴν ἀνάληψιν, καὶ τὰ ἀκόλουθα τῶν ἀποστόλων τερατους γήματα.* Ed. Conbefis. Manipol., p. 113. *Garr.* I, 443.

[3]) I, 443.

тельности. Указанія на храмовыя росписи у писателей IV и V вв., Іоанна Златоуста, Астерія Амасійскаго, Пруденція, Епифанія и др., довольно многочисленны; но всѣ они имѣютъ характеръ отрывочный, и точныхъ свѣдѣній о цѣльныхъ храмовыхъ росписяхъ не даютъ; сравнивая ихъ между собою и съ уцѣлѣвшими вещественными памятниками можемъ лишь видѣть, что христіанская иконографія въ IV-мъ, особенно же въ V в. получила значительное развитіе: разработаны были уже многія группы изображеній ветхаго и новаго завѣтовъ, сцены мученій. Съ особенною подробностію говоритъ объ этомъ предметѣ Павлинъ Ноланскій (354—431 г.); самъ онъ заботился о построеніи церквей въ Нолѣ и оставилъ описаніе ихъ. Церкви и мозаики ихъ до насъ не дошли; изъ описаній же Павлина видно, что мозаики эти въ своемъ внутреннемъ содержаніи повторяли тѣ же самыя темы, которыя отмѣчены нами выше по уцѣлѣвшимъ памятникамъ древне-христіанскаго періода. Въ алтарной апсидѣ базилики Феликса въ Нолѣ представленъ былъ крестъ на горѣ, изъ которой текли четыре ручья; у подножія креста Іисусъ Христосъ въ видѣ агнца; надъ нимъ св. Духъ въ видѣ голубя, отъ котораго шли лучи на агнца; выше начертаны были слова Бога Отца: „сей есть Сынъ Мой возлюбленный, о Немъ же благоволихъ“,— это символическое изображеніе Св. Троицы напоминаетъ намъ скульптурное изображеніе на извѣстномъ саркофагѣ Юнія Басса (IV в.) въ гротахъ ватиканскихъ. По сторонамъ агнца находились апостолы и вѣнцы, которые стяжалъ Іисусъ Христосъ своею кровію. Среди нихъ голуби — символы невинныхъ душъ, которымъ уготовано царство небесное. Пурпуровыя одежды и пальмы означали побѣду и небесную силу. Во второмъ ряду, повидимому, представленъ былъ Спаситель въ образѣ человѣческомъ на скалѣ, въ знакъ того, что онъ есть petra ecclesiae[1]). Въ апсидѣ базилики того же Феликса въ Фунди представленъ былъ рай съ цвѣтами и деревьями и въ немъ Агнецъ Христосъ у подножія креста; надъ нимъ Св. Духъ въ видѣ голубя, отъ котораго шли внизъ лучи; выше въ облакахъ рука, держащая вѣнокъ; затѣмъ здѣсь представленъ былъ Спаситель въ образѣ Добраго Пастыря[2]); по правую сторону Его четыре агнца, по лѣвую — четыре козла: ясный намекъ на отдѣленіе овецъ отъ козлицъ, имѣющее послѣдовать на страшномъ судѣ. Описанія эти стоятъ въ полномъ согласіи съ наличными памятниками древне-христіанскаго періода, гдѣ повторяются тѣ же самыя иконографическія темы. На ряду съ цикломъ символическимъ, Павлинъ Ноланскій упоминаетъ и о циклѣ историческомъ изъ ветхаго завѣта, изъ книги бытія, Іисуса Навина, Руѳи, Товита и Юдиѳи[3]). Далѣе идетъ Пруденцій (394—405), отмѣчая въ своемъ „Диттохеонъ“ иконографическія темы, близко подходящія къ темамъ мозаической росписи въ римской церкви Маріи Великой[4]). Неоднократно обращаясь въ своихъ сочиненіяхъ къ церковному искусству, Пруденцій на этотъ разъ предлагаетъ намъ сорокъ

---

[1]) Текстъ Павлина Ноланскаго не вполнѣ ясенъ и допускаетъ различныя толкованія по отношенію къ подробностямъ.

[2]) Августи полагаетъ, что выраженіе Павлина Ноланскаго, Пастырь Добрый относится не къ отдѣльному изображенію, но къ тому же агнцу. Beiträge, I, 177—178.

[3]) Patrol. curs. compl. *Ed. Migne;* S. l. t. LXI; cf. Augusti, Beiträge zur chr. Kunstgesch. u. Liturgik I, 147 ff.; II, 127—129.

[4]) Patrol. c. c. S. l. t. LX; cf. *Garrucci* I, 476—484. Свѣдѣнія о немъ и указанія на литературу въ ст. г. Цвѣткова: Прпб. къ Твор. св. о. 1888. III, 177 и дал.

девять четверостишій, относящихся къ 24 изображеніямъ ветхаго завѣта и 25 новозавѣтнымъ. Рядъ первыхъ начинается съ грѣхопаденія прародителей, за нимъ слѣдуютъ: жертва Каина и Авеля, ковчегъ Ноя, нѣкоторыя событія изъ исторіи Авраама, Іосифа, Моисея, странствованія евреевъ въ пустынѣ, Іисуса Навина, судей, царей и вавилонскаго плѣна. Новозавѣтныя четверостишія относятся въ благовѣщенію, рождеству Христову, поклоненію волхвовъ и пастырей, избіенію младенцевъ, крещенію Спасителя, искушенію, чудесамъ. Особенную важность имѣютъ упоминанія о страстяхъ Христовыхъ; отсюда мы узнаемъ, что въ одномъ изъ храмовъ начала V в. были изображены: село крови, домъ Каіафы, столбъ бичеванія, прободеніе ребра Іисуса Христа, гробница Іисуса Христа, гора Елеонская, наконецъ нѣкоторыя изъ событій Дѣяній Апостольскихъ и Апокалипсиса. Если вѣрно то, что эти четверостишія предназначены были служить объяснительными подписями къ изображеніямъ храма[1]), то нужно признать, что это былъ одинъ изъ лучшихъ храмовъ; по аналогіи съ другими храмами полагаемъ что изображенія изъ ветхаго и новаго завѣтовъ находились на стѣнахъ храма, а апокалипсическіе старцы — на тріумфальной аркѣ. Со стороны объема и содержанія живописей храмъ этотъ, какъ замѣчено, приближался къ римской церкви Маріи Великой и даже превосходилъ ее: въ немъ находился довольно сложный циклъ страстей, какого не было и нѣтъ не только ни въ одномъ изъ современныхъ ему храмовъ, но даже и въ храмахъ равеннскихъ VI вѣка. Необходимо впрочемъ замѣтить, что точныхъ и опредѣленныхъ указаній на иконографическія композиціи въ четверостишіяхъ Пруденція нѣтъ: содержаніе ихъ составляетъ передача библейскаго текста съ примѣчаніями автора, но не описаніе иконографическихъ сюжетовъ; и лишь путемъ сравненія четверостишій съ древними памятниками можно догадываться, какія именно композиціи, какіе моменты свящ. событій имѣетъ въ виду авторъ.

На ряду съ замѣчательными образцами внутренней росписи храмовъ, въ IV—V вв. встрѣчаются и такіе, въ которыхъ общеизвѣстная христіанская символика и иконографія уступаютъ первое мѣсто, повидимому, декоративнымъ элементамъ, унаслѣдованнымъ отъ искусства греко-римскаго. Мы упоминали уже о мозаикахъ Констанцы, представляющихъ одинъ изъ лучшихъ образцовъ декоративной орнаментики. Въ равеннскомъ вантистеріи Урсіана, по свидѣтельству Агнелла, представлены были изображенія людей и животныхъ (diversa hominum animaliumque et quadrupedum aenigmata). Эти пѣтухи, павлины, голуби, черепахи, зайцы, кролики, козы, серны, агнцы, львы, были вѣроятно лишь простою декораціею, не имѣющею символическаго значенія[2]). Подобную же орнаментику проектировалъ одинъ изъ византійскихъ сановниковъ V в., Олимпіодоръ для вновь сооружаемаго имъ храма: онъ хотѣлъ представить въ алтарѣ сцены охоты съ зайцами, козами, охотничьими собаками и охотниками и сцены рыбной ловли; въ средней части храма — предметы изъ міра растительнаго и животнаго — четвероногихъ, птицъ, пре-

---

[1]) Отсюда Гарруччи полагаетъ, что названіе Dittocheon происходитъ отъ *διτταχῶς*, потому что стихи написаны были на двухъ стѣнахъ храма; или отъ *διατοιχεῖον* кор. *διάτοιχος;* ср. жизнь Стефана младшаго, гдѣ говорится, что церковь св. Маріи Влахернской была украшена живописями „*διατοίχοις*“ на внутреннихъ стѣнахъ *Garr.* I, 476 ср. противоположное мнѣніе Гаха: Darstell. d. Verkünd. Maria. Zeitschr. f. kirchl. Wissensch. 1885.

[2]) Cf. *Garr.*, tav. 406; ср. Epist. Hieron. III ad Nepot.

смыкающихся и растенія. Олимпіодоръ былъ остановленъ Ниломъ, рекомендовавшимъ вмѣсто всѣхъ этихъ хитросплетеній изобразить въ алтарѣ одинъ крестъ, на стѣнахъ храма — событія ветхаго и новаго завѣта, чтобы неграмотные, не умѣющіе читать св. писаніе, могли поучаться добродѣтели тѣхъ, которые право служили истинному Богу, и старались подражать ихъ великимъ дѣламъ; въ притворахъ, по мнѣнію того же подвижника, достаточно помѣстить изображенія креста Господня[1]). Имѣла ли проектированная Олимпіодоромъ роспись символическое значеніе, какъ полагали нѣкоторые[2]), или просто декоративное[3]), во всякомъ случаѣ она свидѣтельствуетъ объ отсутствіи опредѣленнаго канона храмовой росписи въ древне-христіанскій періодъ и о возможности широкаго личнаго произвола по отношенію къ ней. Рѣшеніе Нила сдерживаетъ этотъ произволъ и направляетъ роспись храма къ тѣмъ новымъ темамъ, которыя уже намѣчались въ христіанскомъ искусствѣ. Разработка этихъ темъ и образованіе системы храмовой росписи составляетъ заслугу Византіи.

Глава II.

Памятники византійскіе.

Извѣстныя религіозно-художественныя преданія и формы древне-христіанскаго періода имѣли приложеніе не только на западѣ, но и на востокѣ. Несомнѣнно, что наибольшее число открытыхъ и обслѣдованныхъ доселѣ памятниковъ этого періода принадлежитъ западу, въ частности Риму; объясняется это весьма многими причинами, въ ряду которыхъ слѣдуетъ отмѣтить, между прочимъ, сравнительно большее вниманіе къ западу, чѣмъ къ востоку, со стороны спеціалистовъ. Но и востокъ христіанскій принималъ участіе въ общей религіозно-художественной жизни того времени и оставилъ намъ нѣкоторые вещественные памятники скульптуры, керамики, въ которыхъ проходитъ тотъ же стиль, та же символика, что и въ памятникахъ, найденныхъ на западѣ. Статуэтка Добраго Пастыря, золотыя бляхи (съ изображеніями евангельскихъ событій) въ Константинопольскомъ музеѣ, терракотовыя лампы и амиулы въ Аѳинскомъ политехникумѣ и проч. носятъ на себѣ всѣ слѣды того же греко-римскаго стиля и символическихъ воззрѣній христіанъ, что и въ Римѣ[4]). То же замѣчается и по отношенію къ памятникамъ архитектурнымъ[5]). Будущія изслѣдованія должны пролить свѣтъ на эту темную эпоху на востокѣ. Полагать нужно, что первоначальные храмы востока, въ частности константинопольскіе, донуская въ изобиліи мраморную облицовку внутреннихъ поверхностей, не особенно изобиловали священными изображеніями и во всякомъ случаѣ въ отношеніи полноты и цѣльности иконографичискихъ цикловъ стояли далеко отъ позд-

---

[1]) Nili ascetae epist. l. IV, ed. Allatii, Roma 1668 t. I l. IV, epist. 61, p. 791, ср. Augusti, Beiträge II, 92.

[2]) Ibid. S. 90 ср. Максветовъ, Труды моск. археол. съѣзда I, 274.

[3]) О декоративномъ характерѣ свидѣтельствуетъ то, что Нилъ называетъ эту роспись дѣтскою забавою глазъ: *νηπιῶδες ἂν εἴη καὶ βρεφοπρεπὲς περιπλανῆσαι τὸν ὀφθαλμόν*; п. 491.

[4]) Нѣкоторые изъ этихъ предметовъ изданы въ брошюрѣ Гольтцингера Kunsthistor. Studien. Tübingen 1886.

[5]) Ср. напр. Vogüé, La Syrie centr.

нѣйшихъ храмовъ византійскихъ: циклы эти намѣчались уже въ IV в., но наряду съ ними на первыхъ порахъ все еще очень ясно выступалъ элементъ декоративный. Доказательствомъ тому служитъ храмъ *св. Георгія въ Солуни*[1]). Время происхожденія мозаикъ этого храма не опредѣлено съ точностію; но съ полною вѣроятностью можно отнести ихъ къ IV—V вв. Мозаики купола, отличаясь блестящимъ декоративнымъ характеромъ, въ стилѣ живописей Помпеи и Геркуланума, не особенно богаты иконографическимъ содержаніемъ. 17 отдѣльныхъ изображеній святыхъ[2]), съ обозначеніемъ ихъ именъ[3]) и времени празднованія въ древнѣйшемъ кругѣ церковнаго года, представляютъ интересъ для агіологіи и исторіи церковнаго года; стиль ихъ, близкій къ античному, указываетъ одну изъ исходныхъ точекъ для исторіи византійскаго искусства и иконографіи въ искусствѣ греко-римскомъ; иконографическія подробности въ изображеніяхъ святыхъ своими уклоненіями отъ позднѣйшихъ таковыхъ же изображеній и описаній ихъ въ греческихъ и русскихъ подлинникахъ, а также и нѣкоторымъ сходствомъ съ ними даютъ понятіе о первоначальныхъ формахъ въ изображеніи святыхъ на востокѣ и входятъ какъ зачаточные элементы въ исторію подлинника. Возможно согласиться, что подъ мусульманскою штукатуркою находятся еще неизвѣстные доселѣ фрагменты мозаикъ[4]) Тѣмъ не менѣе обширной росписи въ этомъ храмѣ нѣтъ и не было. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ зачаточнымъ, основнымъ мотивомъ котораго служитъ не столько символика христіанскаго храма, сколько начало декоративное[5]). Художникъ еще не уяснилъ себѣ идеи храма, но подчинялся традиціонному пріему украшенія обширныхъ зданій, начало котораго восходитъ къ отдаленной эпохѣ греко-римскаго искусства, внося сюда лишь частныя черты, явившіяся въ искусствѣ собственно христіанскомъ. Явленіе это вполнѣ естественно для IV—V вв., когда еще не установились ни архитектурный типъ византійскаго храма, ни отдѣльныя иконографическія формы, и даже церковный годъ еще только начиналъ слагаться въ единое цѣлое. Не безъ причины и Евсевій, подробно описывая храмы, построенные Константиномъ Великимъ, не даетъ подробныхъ указаній относительно ихъ росписей. Но спустя одно — два столѣтія послѣ того, упомянутые недочеты были уже значительно выполнены: византійскій архитектурный типъ храма уже установился, и въ его росписи намѣчены именно тѣ основныя черты, которыя проходятъ во всѣхъ храмахъ византійскихъ. Памятниковъ стѣнной росписи VI в. до насъ дошло только два: оба неполные и находятся подъ мусульманскою штукатуркою. Первый изъ нихъ — мозаики св. *Софіи въ Солуни*. Уцѣлѣвшіе доселѣ фрагменты превосходныхъ мозаикъ этой церкви показываютъ слѣдующее: въ центрѣ купола здѣсь представленъ былъ кругъ, поддерживаемый 22-мя мозаическими ангелами и въ этомъ кругѣ Спаситель, возносящійся на небо (отъ него сохранились лишь ноги и часть плаща).

---

[1]) Старое предположеніе о томъ, что первоначально это былъ языческій храмъ, превращенный въ храмъ христіанскій чрезъ присоединеніе алтарной апсиды, подтверждается наблюденіями, сдѣланными въ прошедшемъ году при исправленіи храма.

[2]) По новѣйшему счету Бэйе: Memoire sur une mission au mont Athos, p. 320.

[3]) Романъ антіохійскій, Евкарпіонъ, Ананія, Василискъ, Примъ, Филиппъ, Ѳеритъ, Левъ патарскій, Филимонъ, Онисифоръ, Козьма и Даміанъ и др.

[4]) Ibid. p. 319.

[5]) Подроби. опис. тамъ же.

Ниже этихъ изображеній Богоматерь съ воздѣтыми руками, на подобіе кіевской перушимой стѣны, и по сторонамъ ея два ангела, изъ которыхъ одинъ лѣвою рукою указываетъ вверхъ на возносящагося Спасителя; мысль этого жеста выражена греческою подписью: *ἄνδρες γαλιλαῖοι τὶ ἑστήκατε ἐμβλέποντες εἰς τὸν οὐρανὸν*... Еще ниже, въ барабанѣ купола 12 апостоловъ съ книгами и свитками: нѣкоторые изъ апостоловъ смотрятъ вверхъ, другіе сохраняютъ спокойное положеніе. Основная мысль этой росписи купола совершенно ясна: здѣсь предъ нами вознесеніе Іисуса Христа на небо, съ тѣми подробностями, которыя удержались навсегда въ византійской и русской иконографіи. Простое и изящное выполненіе сюжета, монументальныя позы, ландшафтный аксессуаръ въ видѣ деревьевъ, отдѣляющихъ апостоловъ одного отъ другаго, индивидуальность типовъ и возвышенность идеи цѣлаго ставятъ эту мозаику въ рядъ древнѣйшихъ и лучшихъ произведеній византійскаго искусства. Идея церковнаго купола здѣсь опредѣлилась уже ясно: онъ означаетъ собою небо, гдѣ возсѣдитъ, вмѣстѣ съ Отцемъ и Св. Духомъ вознесшійся отъ земли, въ присутствіи апостоловъ, Сынъ Божій. Сходство въ очертаніи купола съ небесною твердью и его положеніе, господствующее надъ цѣлымъ храмомъ, служатъ ближайшимъ мотивомъ къ такой именно символизаціи купола. Но, углубляясь въ эту символику, художникъ здѣсь не могъ еще сполна отрѣшиться отъ мысли о вознесеніи, какъ фактѣ историческомъ. Строго говоря, онъ изображаетъ евангельское событіе въ его исторической опредѣленности, всѣ отдѣльныя лица ставитъ между собою именно въ ту связь, какая указана въ Евангеліи. Позднѣйшіе художники, какъ увидимъ, оставятъ въ сторонѣ эту связь и удержавъ тѣ же элементы, съ нѣкоторыми измѣненіями, представятъ здѣсь уже не событіе вознесенія, но торжествующую церковь Христову на небѣ: первоначальная идея изображеній купола будетъ расширена въ связи съ общимъ направленіемъ византійскаго церковнаго искусства въ послѣдующее время и его тенденціею къ разработкѣ отвлеченныхъ понятій. Остатки мозаическаго изображенія Богоматери, съ младенцемъ, на сводѣ алтарнаго полушарія заставляютъ думать, что помимо купола въ этомъ храмѣ былъ украшенъ мозаикою по крайней мѣрѣ алтарь; но какая мысль проходила въ цѣльномъ циклѣ этихъ мозаикъ, объ этомъ судить можно лишь предположительно, на основаніи росписей въ другихъ храмахъ. *Софія Константинопольская* представляетъ намъ уже значительное количество мозаикъ, а въ первоначальномъ храмѣ Юстиніана число ихъ, по всей вѣроятности, было еще болѣе значительно; но не всѣ уцѣлѣвшія здѣсь мозаики относятся къ одному и тому же времени и не всѣ доступны для изученія, потому что, по вѣроятному заключенію Н. П. Кондакова, даже въ лучшемъ изданіи ихъ у Зальценберга, онѣ переданы не всѣ[1]). Что мозаики св. Софіи не всѣ извѣстны намъ, это очевидно уже изъ того, что уцѣлѣвшія части ихъ не представляютъ собою никакого единства по отношенію къ убранству цѣлаго храма: онѣ разбросаны на разныхъ частяхъ храма и сами по себѣ не даютъ понятія о той идеѣ, которая управляла мыслію художника при расписаніи цѣлаго храма. Недостатокъ этотъ невозможно объяснить ничѣмъ инымъ, кромѣ предположенія объ утратѣ значительной части мозаикъ. Если въ Софіи Солун-

[1]) Виз. ц. и пам. Конст. 123—124.

ской данъ уже довольно прозрачный намекъ на идею купола, то невѣроятно, чтобы эта идея была развита въ Софіи Константинопольской менѣе, чѣмъ въ Солунской. Притомъ изъ числа уцѣлѣвшихъ мозаикъ Софіи Константинопольской собственно къ эпохѣ Юстиніана возможно отнести лишь изображенія ангела на алтарномъ сводѣ, херувимовъ въ парусахъ сводовъ и пророка Аввакума на южной стѣнѣ, если послѣдній не измѣненъ въ изданіи Зальценберга западнымъ художникомъ, и сошествіе Св. Духа — на хорахъ. Всѣ остальныя мозаики относятся къ позднѣйшему времени; окончательно реставрированы онѣ при Іоаннѣ Палеологѣ. Невозможно допустить ни того, что во время Юстиніана въ Софіи было только пять-шесть мозаическихъ изображеній, ибо это прямо противорѣчило бы непоколебимо установленной отъ временъ древнихъ мысли о величіи этого храма, ни того, что даже во время Іоанна Палеолога расписаніе византійскихъ храмовъ подчинено было случайной прихоти художниковъ и не представляло въ себѣ ни внѣшняго, ни внутренняго единства, ни наконецъ того, что недостатокъ мозаики былъ выполненъ фресковою живописью, ибо въ такомъ случаѣ пришлось бы допустить, что здѣсь иногда болѣе видныя мѣста, напр., алтарная апсида, отводились для фресокъ, а менѣе видная, напр., алтарный сводъ, для мозаикъ, что прямо противорѣчитъ византійскимъ понятіямъ о сравнительныхъ достоинствахъ мозаикъ и фресокъ. Остается предположить, что въ уцѣлѣвшихъ мозаикахъ Софіи мы имѣемъ лишь disjecta membra одного цѣлаго. Мраморная отдѣлка храма внутри, безъ сомнѣнія, суживала поле дѣятельности мозаиста, но она не могла повести къ совершенному пренебреженію установившимся пріемамъ расписанія церкви, основаннымъ на глубокомъ символическомъ истолкованіи цѣлаго храма и его частей. Изданныя Зальценбергомъ, а отчасти и не изданныя, но только указанныя имъ мозаики Софіи, даютъ слѣдующее понятіе о расписаніи этого храма. Въ куполѣ изображенъ былъ Господь Вседержитель[1]), въ парусахъ сводовъ — херувимы. Въ алтарной апсидѣ изображеніе Влахернской Богоматери на тронѣ, съ благословляющимъ Младенцемъ на рукахъ; на южной сторонѣ свода предъ алтарною апсидою — ангелъ съ державою и скипетромъ. На южной стѣнѣ храма вверху надъ окнами святители: Анѳимъ еп. Никомидійскій, Василій Великій, Григорій Богословъ, Діонисій Ареопагитъ, Николай Мирликійскій и Григорій просвѣтитель Арменіи. Выше представлены были пророки, изъ которыхъ уцѣлѣлъ одинъ Исаія. На сѣверной сторонѣ, въ соотвѣтствіи съ южною, сохранились лишь пророки Іеремія, Іона и Аввакумъ. Всѣ они изображены въ строго-византійскомъ стилѣ, во весь ростъ, съ греческими надписями, съ золотыми нимбами; святители въ фелоняхъ, съ благословляющими десницами и Евангеліями въ шуйцахъ, съ короткими волосами; пророки въ плащахъ, со свитками; на восточной перемычной аркѣ въ челѣ медаліонное изображеніе уготованія престола съ Богоматерію и Предтечею по сторонамъ: ниже — Іоаннъ Палеологъ; внутри западной арки медаліонное изображеніе Богоматери съ благословляющимъ Младенцемъ и по сторонамъ его — апостолы Петръ и Павелъ. На южной сторонѣ гиниканитовъ въ куполѣ — сошествіе Св. Духа. Въ нароиксѣ, надъ царскими дверями изображеніе Спасителя на тронѣ; по сторонамъ Его медаліонныя изображенія Богоматери и архангела, у ногъ —

[1]) Онъ разрушенъ. Salzenberg, Altchristl. Baudenkmal v. Constantin. S. 32.

колѣнопреклоненнаго императора. Вотъ и всѣ, извѣстныя доселѣ, мозаики св. Софіи. Ни идея купола, ни алтаря, ни средней части храма не выражены здѣсь надлежащимъ образомъ; событій Евангелія нѣтъ, между тѣмъ какъ появленіе въ иконографіи покрайней мѣрѣ многихъ изъ нихъ, предшествуетъ VI-му столѣтію; личность Спасителя не выступаетъ съ полною опредѣленностію и подробностями, между тѣмъ какъ она въ иконографіи того времени занимала наиболѣе видное мѣсто: Евангеліе прежде другихъ источниковъ древней письменности стало находить свое выраженіе въ искусствѣ. Изображенія Спасителя на рукахъ Богоматери, въ куполѣ въ картинѣ сошествія Св. Духа и въ нарѳиксѣ суть единственные здѣсь представители обширнѣйшаго цикла иконографіи Спасителя. Съ другой стороны, хотя по уцѣлѣвшимъ остаткамъ невозможно съ точностію опредѣлить циклъ находившихся здѣсь изображеній, тѣмъ не менѣе возможно съ полною вѣроятностію думать, что мозаистъ придерживался того же пріема въ распредѣленіи живописей, какой встрѣчается въ другихъ, отчасти современныхъ ему, отчасти позднѣйшихъ памятниковъ византійскаго искусства. Куполъ въ его сознаніи символически означалъ главу церкви Іисуса Христа, алтарь указывалъ на воплощеніе и искупительную жертву Іисуса Христа, поясненіемъ къ чему служитъ уцѣлѣвшій близъ алтарной апсиды дориносящій ангелъ, вошедшій въ символику храма и въ Россіи; средняя часть храма означаетъ церковь небесную въ лицѣ пророковъ и святителей.

Если вещественные памятники VI в. сохранились до насъ далеко не въ цѣльномъ видѣ и оставляютъ не мало пробѣловъ въ рѣшеніи вопроса о стѣнныхъ росписяхъ того времени, то этотъ недостатокъ можетъ быть значительно восполненъ на основаніи одного цѣннаго памятника письменности. Это похвальное слово современника Юстиніана, софиста Хориція епископу газскому Маркіану[1]). Описывая внутреннее убранство и красоту построеннаго Маркіаномъ храма въ честь мученика Сергія, Хорицій касается и его мозаикъ. Задачи автора не позволяютъ намъ предъявлять къ этому описанію строгихъ требованій археологической точности и опредѣленности. Мысль оратора, пробуждаемая изображеніями, выходитъ изъ предѣловъ внѣшняго описанія: то онъ изливаетъ свои чувства, то вспоминаетъ о такихъ подробностяхъ евангельскихъ событій, какихъ, быть можетъ, не было въ изображеніяхъ; опускаетъ иконографическія подробности, не представляющія важности съ его точки зрѣнія на предметъ, и такимъ образомъ даетъ намъ матеріалъ, имѣющій лишь вспомогательное значеніе. Прежде всего матеріалъ этотъ важенъ для насъ потому, что въ немъ находятся данныя для заключенія о широкомъ иконографическомъ циклѣ стѣнныхъ росписей VI вѣка; затѣмъ и о нѣкоторыхъ иконографическихъ композиціяхъ, легко угадываемыхъ посредствомъ сближенія этихъ описаній съ уцѣлѣвшими отдѣльными памятниками византійской и русской древности. Хорицій даетъ понять, что въ алтарной апсидѣ храма св. Сергія изображена была Богоматерь съ Младенцемъ въ нѣдрахъ и возлѣ нея сонмъ благочестивыхъ (*περιέστηκε δὲ*

[1]) *Ἐγκώμιον εἰς Μαρκιανὸν, ἐπισκόπον Τάζης.* Choricii gazaei orationes. Curante Io. *Fr. Boissonade* Parisiis 1846, p. 79 sq. Небольшой отрывокъ изъ этого слова въ Сборн. Общ. Древне-Русск. Иск. 1866 г., отд. II, стр. 118—119.

χορὸς ἀμφοτέρωθεν εὐσεβής). На сводѣ[1]) благовѣщеніе Пресвятой Богородицы: дѣйствіе происходитъ въ покояхъ *(εἰς παστάδα)* Богоматери; Благолѣпная Дѣва смущена; въ рукахъ Ея пурпуровая пряжа; предъ Нею, въ почтительномъ отдаленіи, крылатый ангелъ-благовѣстникъ. Встрѣча Богоматери съ Елизаветою: Елизавета припадаетъ къ груди Св. Дѣвы и хочетъ упасть предъ Нею на колѣни, но та удерживаетъ ее. Рождество Христово: ясли, въ которыхъ лежитъ Божественный Младенецъ; волъ и оселъ[2]); Богоматерь, возлежащая на одрѣ; лѣвая рука Ея подложена подъ локоть правой, а на правой покоится ланита; лицо Богоматери не измѣнилось, потому что Она родила неискусомужно. Явленіе ангела пастырямъ: пастыри въ разнообразныхъ положеніяхъ; одинъ изъ нихъ, старецъ, опирается на свой посохъ; всѣ они съ удивленіемъ прислушиваются къ ангельскому голосу и обращаютъ свои взоры туда, откуда онъ слышенъ; между тѣмъ, овцы, по природной глупости, не обращаютъ никакого вниманія на чудо: однѣ изъ нихъ припали къ водопою *(πρὸς τὴν πόαν)*, другія пьютъ изъ источника *(πίνει τῆς πηγῆς)*; напротивъ, собака какъ будто разсматриваетъ необычайное явленіе. Пастыри идутъ на поклоненіе родившемуся Спасителю; имъ предшествуетъ звѣзда. Срѣтеніе: Симеонъ — сгорбленный, но радостный старецъ; предъ нимъ Богоматерь, съ Младенцемъ въ объятіяхъ. Бракъ въ Канѣ Галилейской: въ храминѣ Іисусъ Христосъ; возлѣ Него женихъ; Іисусъ Христосъ, по просьбѣ Богоматери, превращаетъ воду въ вино; слуги наполняютъ сосуды. Исцѣленіе тещи Симоновой: Спаситель простираетъ Свою руку къ больной; при этомъ присутствуетъ ап. Петръ. Исцѣленіе сухорукаго и слуги сотника; воскрешеніе сына вдовы Наинской на пути къ мѣсту погребенія; гробъ сопровождаютъ плакальщицы *(αἱ γυναῖκες ὀλοφυρόμεναι)*. Іисусъ Христосъ прощаетъ женщину, взятую въ прелюбодѣяніи. Укрощеніе бури; исцѣленіе лунатика и кровоточивой; воскрешеніе Лазаря; тайная вечеря; судъ Пилата; поруганіе Іисуса Христа; распятіе Іисуса Христа среди двухъ разбойниковъ; стража при гробѣ Іисуса Христа; воскресеніе и вознесеніе на небо. Вокругъ свода, повидимому, изображены были пророки. Отсюда видно, что въ храмѣ св. Сергія представлены были довольно полно важнѣйшія событія Евангелія въ тѣхъ именно формахъ, въ какихъ являются они во множествѣ другихъ памятниковъ, византійскихъ и русскихъ. Декоративный элементъ, въ видѣ виноградныхъ вѣтвей, деревьевъ, птицъ, также нашелъ здѣсь примѣненіе. Это единственный памятникъ, опредѣляющій съ достаточною полнотою цѣльную роспись храма VI столѣтія.

Кромѣ того, нѣкоторыя указанія на византійскую роспись VI в. находятся также въ эпиграммахъ палатинской антологіи: здѣсь отмѣчены чудеса Евангелія, помѣщаемыя въ росписяхъ храмовъ Константинопольскихъ, безъ обозначенія мѣста, ими занимаемаго[3]). Позднѣе говоритъ объ этомъ предметѣ патріархъ Фотій, въ рѣчи на освященіе новой базилики, построенной Василіемъ Македонянином. Ораторъ восхищается великолѣпіемъ новаго зданія, его блестящими мраморами, красота которыхъ вызываетъ въ его

---

[1]) *Ὅθεν τὰς ἐπὶ τῶν τοίχων ἱστορίας παραδραμών,*
Ἐπὶ τὸν ὄροφον ἀναβήσομαι (p. 91).

[2]) Авторъ объясняетъ присутствіе ихъ глухою ссылкою на предсказанія древнихъ мудрецовъ *(παλαιοῖς σοφοῖς)* и быть можетъ имѣетъ въ виду пророчество Исаіи, I, 3.

[3]) Текстъ *Garr.* I, 542.

памяти знаменитыя имена древне-греческихъ художниковъ Фидіаса, Праксителя, Парразія и Зевксиса; о стѣнной же росписи упоминаетъ лишь въ краткихъ чертахъ. Въ куполѣ *(ὀροφή)* онъ отмѣчаетъ мозаическій образъ Спасителя, въ видѣ зрѣлаго мужа, какъ Создателя и Промыслителя міра, тамъ же *(τοῖς δε περὶ αὐτῇ τῇ ὀροφῇ τοῦ ἡμισφερίου τρήρασιν ἐγκύκλοις)* сонмъ ангеловъ дориносящихъ; въ алтарной апсидѣ Св. Дѣву съ простертыми руками (типъ оранты); лики апостоловъ, мучениковъ, пророковъ и патріарховъ, наполняющихъ храмъ и какъ бы восклицающихъ: „Коль возлюбленна селенія твоя Господи силъ“ и проч.[1]). Ораторъ ясно даетъ понять характеръ росписи купола и алтарной апсиды; но онъ не даетъ указаній на распредѣленіе остальныхъ изображеній и умалчиваетъ объ изображеніяхъ, относящихся къ Евангелію, — означаетъ ли это умалчиваніе то, что такихъ изображеній здѣсь совсѣмъ не было, какъ предполагаетъ проф. Кондаковъ[2]), сказать трудно.

Традиціи византійской росписи проходятъ также и въ мозаикахъ храма *св. Марка, въ Венеціи.* Еще не такъ давно извѣстный ученый, Францъ Куглеръ, говорилъ, что въ распредѣленіи стѣнописей въ церкви св. Марка трудно услѣдить послѣдовательно выдержанную основную идею, что здѣсь ничто не указываетъ на подобную общую идею, и кто сталъ бы искать ее здѣсь, тотъ долженъ бы напередъ самъ вложить ее. Когда, при самомъ началѣ, представлены рай, апокалипсисъ и сошествіе Св. Духа, а въ заключеніе, на самомъ святѣйшемъ мѣстѣ, Спаситель и пророки, то такой порядокъ не только противорѣчитъ принятому нынѣ распредѣленію подобныхъ общихъ церковныхъ украшеній, но также важнѣйшимъ примѣрамъ въ этомъ родѣ изъ послѣдней поры среднихъ вѣковъ[3]). Сооруженіе безпримѣрное въ исторіи византійскаго искусства по обилію мозаикъ, покрывавшихъ здѣсь собою площадь болѣе сорока тысячъ квадратныхъ футовъ, соборъ св. Марка не имѣлъ для себя ни одного соотвѣтствующаго образца, которымъ бы могъ руководиться мозаистъ въ распредѣленіи его мозаикъ: всѣ готовые образцы были для него недостаточны, и онъ долженъ былъ самъ обработывать систему размѣщенія мозаикъ; но въ трудѣ новомъ и столь обширномъ весьма возможна нѣкоторая невыдержанность. Въ данномъ случаѣ недостатокъ единства въ цѣломъ зависитъ въ значительной мѣрѣ и оттого, что мозаики св. Марка создавались въ разныя времена, въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій: дополнители и реставраторы не всегда были знакомы съ тѣми преданіями византійской старины, которыя руководили первыми византійскими мозаистами, и, внося частныя дополненія и исправленія, не сообразовались съ идеею цѣлаго. Но что и до сихъ поръ, несмотря на видимую разрозненность частей, здѣсь можно уловить идею цѣлаго, — это несомнѣнно. Самъ Куглеръ чувствовалъ, что въ нѣкоторыхъ группахъ и массахъ есть нѣкоторое соотношеніе; но это соотношеніе, эта связь частей становятся болѣе ясными при сравненіи росписи св. Марка съ росписями другихъ византійскихъ и русскихъ храмовъ, которыя были неизвѣстны Куглеру. Первый куполъ въ храмѣ св. Марка, въ отношеніи своей росписи, представляетъ полное сходство съ куполами византійскими и русскими: въ центрѣ его изобра-

---

[1]) Corp. script. hist. byz. Ed. Niebuhrii: *G. Codinus,* p. 198—200.

[2]) Виз. церкви и пам. Константинополя, стр. 62.

[3]) Руков. къ истор. живоп. стр. 55, 57.

женъ Іисусъ Христосъ; кругомъ расположены изображенія Богоматери, Давида, Соломона и одиннадцати пророковъ (ср. церковь Георгія въ Старой Ладогѣ): Исаіи, Іереміи, Даніила, Авдія, Аввакума, Осіи, Іоны, Софоніи, Аггея, Захаріи и Малахіи[1]). Іисусъ Христосъ (finis legis Christus) представленъ въ видѣ юноши, безъ бороды, съ длинными волосами, въ крестообразномъ нимбѣ, съ благословляющею десницею и свиткомъ въ шуйцѣ; пророки со свитками, въ которыхъ написаны изреченныя ими пророчества о лицѣ Іисуса Христа, какъ Спасителя міра. Въ пандантивахъ сводовъ символы евангелистовъ; сверхъ того, на восточной подпружной аркѣ Агнецъ Божій, съ крестомъ на древкѣ. Мысль этой группы изображеній совершенно понятна: здѣсь сопоставлены ветхій завѣтъ въ лицѣ ветхозавѣтныхъ пророковъ и царей, съ его предчувствіями и чаяніями Искупителя міра: Искупитель этотъ явился отъ Дѣвы Маріи; Онъ былъ закланъ, какъ агнецъ, за спасеніе міра и Своимъ вѣчнымъ закономъ истины и любви, распространеннымъ по всему міру посредствомъ евангелій, положилъ конецъ ветхому завѣту (finis legis Christus). Онъ есть дверь въ новозавѣтное царство благодати[2]). Но устраняя ветхій законъ и установляя новый, Онъ указалъ и средства къ его исполненію: Его земная жизнь была истиннымъ воплощеніемъ этого закона; затѣмъ законъ этотъ нашелъ свое изъясненіе въ проповѣди апостольской: все это представлено во второмъ центральномъ куполѣ, который являетъ Христа, какъ совершеннѣйшій образецъ добродѣтелей (Ipse perfectissimum exemplar virtutum), и олицетворенія добродѣтелей: prudentia, humilitas, benignitas, pietas, abstinentia, misericordia, patientia, castitas, modestia, constantia, charitas, spes, fides, justitia, fortitudo и temperantia; здѣсь же Божія Матерь среди двухъ ангеловъ, апостолы; а въ парусахъ сводовъ евангелисты. Дальнѣйшее развитіе этой мысли представляютъ изображенія чудесъ Іисуса Христа, помѣщенныя въ нижнихъ частяхъ храма, отчасти вблизи центральнаго купола, отчасти въ концахъ поперечнаго нефа, отчасти въ бочарномъ сводѣ, между вторымъ и пятымъ куполами. Углубляясь далѣе въ жизнь Іисуса Христа, мозаистъ представляетъ событія дѣтства Іисуса Христа въ лѣвой части поперечнаго нефа, отсюда естественнымъ образомъ переходитъ къ лицу Богоматери и излагаетъ въ правой части поперечнаго нефа исторію Іоакима и Анны. Послѣднія событія, относящіяся къ жизни Іисуса Христа на землѣ и основанію церкви, группируются вокругъ пятаго купола въ центральномъ нефѣ, ближайшаго къ входу въ храмъ: въ центрѣ этого купола представлено весьма замѣчательное мозаическое изображеніе сошествія Св. Духа на апостоловъ, куда введены присутствовавшіе при этомъ событіи народы въ національныхъ костюмахъ и типахъ: они расположены вокругъ купола; въ пандактивахъ изображены архангелы. Подлѣ этого купола, на бочарныхъ сводахъ и стѣнахъ, представлены дѣянія и страданія апостоловъ, а на бочарномъ сводѣ противъ входа, по стѣнамъ, сцены изъ апокалипсиса, относящіяся къ судьбѣ основанной Іисусомъ Христомъ церкви. Ветхій завѣтъ, какъ предверіе новаго, находитъ здѣсь свое мѣсто въ куполахъ малыхъ, прилегающихъ къ задней,

---

[1]) Organia, Pianta della bas. di San Marco.

[2]) Изображеніе Іисуса Христа на тронѣ съ предстоящими Богоматерью и св. Маркомъ, надъ входными большими вратами, съ надписью: janua sum vitae, per me mea membra venite.

входной, части храма; здѣсь представлены: твореніе міра[1]), событія изъ жизни Ноя[2]), Авраама[3]), Іосифа[4]) и Моисея[5]). Въ цѣломъ, такимъ образомъ, проходитъ прежде всего слѣдующая мысль. Ветхозавѣтная церковь, какъ подготовительная ступень въ исторіи домостроительства человѣческаго спасенія, утрачиваетъ свое значеніе съ явленіемъ предвозвѣщеннаго пророками Мессіи, который своими чудесами, жизнію, ученіемъ и крестною смертію, проповѣданными евангелистами и апостолами при содѣйствіи ниспосланнаго на нихъ Св. Духа, основалъ церковь новозавѣтную. Столпами этой церкви являются мученики и іерархи — преемники апостоловъ, многочисленныя изображенія которыхъ размѣщены по разнымъ частямъ храма. Въ этихъ послѣднихъ изображеніяхъ трудно отыскать точную связь между собою, хотя ихъ отношеніе къ цѣлому довольно ясно. Но въ вопросѣ объ основной мысли росписанія храма важно знать существенныя черты росписи; а они здѣсь находятся на-лицо и стоятъ не въ противорѣчіи, какъ говоритъ Куглеръ, но въ согласіи какъ съ росписями въ другихъ храмахъ, византійскихъ и русскихъ, такъ и съ главнѣйшими требованіями канона, изложеннаго въ греческомъ иконописномъ подлинникѣ. Сюжеты, имѣющіе спеціальное значеніе для извѣстнаго храма, каковы въ данномъ случаѣ факты изъ жизни св. Марка, ап. Петра и св. Климента, очевидно, не могли найти себѣ мѣста въ общемъ канонѣ, но они допускались всегда даже и въ Россіи, гдѣ византійскія иконографическія традиціи пользовались большею неприкосновенностію, чѣмъ въ самой Византіи, — для примѣра можемъ указать на цѣлую серію изображеній изъ жизни Кирилла Александрійскаго въ стѣнописяхъ Кіево-Кирилловскаго монастыря, также на многочисленныя спеціальныя росписи придѣловъ въ русскихъ храмахъ XVII вѣка.

Храмъ св. Марка не единственный примѣръ такого храма на Западѣ, гдѣ обнаруживается въ полной силѣ геній византійскій. Не мало такихъ памятниковъ въ южной Италіи и Сициліи, гдѣ даже до XIV в. преобладала византійская обрядность. Не говоря о свидѣтельствѣ Льва Остійскаго, подтверждающемъ оскудѣніе художественныхъ силъ въ Италіи и призывъ сюда византійскихъ художниковъ, отмѣтимъ лишь нѣкоторые изъ уцѣлѣвшихъ здѣсь памятниковъ: такова Солетская церковь св. Стефана, съ византійскою живописью 1347 г.; стѣны ея украшены изображеніями евангельскихъ событій: дѣтства Іисуса Христа, чудесъ и послѣднихъ дней земной жизни, событій изъ жизни Богоматери, св. Стефана и отдѣльными изображеніями мучениковъ и апостоловъ; на западной стѣнѣ — страшный судъ. Заслуживаетъ вниманія здѣсь то, что простыя изображенія расположены на нижнихъ частяхъ храма, сложныя — на верхнихъ; такъ и въ храмахъ византійскихъ и поздне-греческихъ, напр. аѳонскихъ. Композиціи сюжетовъ имѣютъ характеръ византійскій; въ числѣ ихъ замѣчательно въ алтарной апсидѣ изображеніе Спасителя въ длинныхъ бѣлыхъ одеждахъ, въ крестообразномъ нимбѣ, съ ангельскими крыльями, съ чашею въ рукѣ; надпись говоритъ, что это „Премуд-

---

[1]) На планѣ Онганіи куполъ *A*.
[2]) Пункты *B* и *C* по сторонамъ вестибула.
[3]) Куполъ *D*.
[4]) Куполы *E*, *F* и *G*.
[5]) Куполъ *H*.

рость слово Божіе“ *(ἡ ἁγ. σοφία ὁ λόγος τοῦ θεοῦ);* повыше еще два ангела съ кадильницами и факелами[1]). Подобное же изображеніе не такъ давно открыто было въ Александрійскихъ катакомбахъ[2]); здѣсь также ангелъ съ крыльями и надпись: *ουδι... σοφια* Іс. Хс. Смыслъ этого изображенія Диль опредѣляетъ на основаніи Ис. XI, 2, гдѣ говорится: „и почіетъ на немъ Духъ Божій, духъ премудрости и разума“. Но подробности изображенія не находятъ объясненія въ приведенномъ текстѣ. Чаша въ рукахъ ангела — софіи, кадильницы и факелы въ рукахъ другихъ ангеловъ напоминаютъ о совершеніи литургіи и безкровной жертвѣ, и потому вѣрнѣе видѣть здѣсь наглядное выраженіе мысли притчей Соломоновыхъ: „премудрость созда себѣ домъ... и раствори въ чаши своей вино и уготова свою трапезу“. (Притч. IX, 1—2). Трапеза эта и чаша, въ памятникахъ стариннаго русскаго искусства, какъ будетъ показано ниже, всегда истолковывается въ смыслѣ евхаристической жертвы. Изображеніе это должно быть принято во вниманіе при рѣшеніи давно уже поставленнаго вопроса о происхожденіи новгородскаго типа Софіи. Далѣе византійскія мозаики палатинской капеллы въ Палермо[3]), собора въ Чефалу, церкви Маріи адмиральской (Martorano) въ Палермо[4]), собора въ Монреалѣ[5]), собора на островѣ Торчелло, близъ Венеціи, XII в., — заключаютъ въ системѣ своего распредѣленія по различнымъ частямъ храма слѣды того же византійскаго вліянія, и если византійскій порядокъ соблюденъ здѣсь съ меньшею послѣдовательностію, чѣмъ въ Византіи, то это объясняется, главнымъ образомъ, особенностями архитектуры этихъ памятниковъ. Византійскій распорядокъ живописей сложился въ неразрывной связи съ архитектурою византійскаго храма. Постоянная повторяемость однѣхъ и тѣхъ же строительныхъ формъ повела къ тому, что съ этими формами срослись извѣстныя изображенія. Вотъ почему и въ упомянутыхъ сейчасъ храмахъ строго-византійская роспись удержалась по преимуществу въ алтарныхъ апсидахъ и куполахъ, представляющихъ собою болѣе или менѣе точное подобіе тѣхъ же частей въ храмахъ византійскихъ. Роспись куполовъ палатинской капеллы и Марторапы, апсидъ собора въ Чефалу и той же Марторапы вполнѣ византійская[6]). Сравнительно большею выдержанностію отличаются мозаическія росписи храмовъ византійскаго стиля XI—XII вв.

Замѣчательные образцы такой росписи представляютъ храмы въ монастырѣ *св. Луки, въ Фокидѣ,* XI в.[7]), и въ монастырѣ *Дафни,* близъ Аѳинъ. Мозаики перваго храма превосходно исполнены и сохранились въ хорошемъ состояніи. Въ алтарной апсидѣ — Богоматерь на тронѣ, въ синей одеждѣ и головномъ уборѣ, съ Младенцемъ Іисусомъ, Который благословляетъ десницею, а въ шуйцѣ держитъ свитокъ; въ тимпанѣ трехъ

---

[1]) Подробное описаніе въ ст. Диля „Peintures byzant. de l'Italie meridionale. Bull. de correspond. hellenique VIII, 1884, p. 264—281“. Сюжеты истолкованы Дилемъ не вездѣ правильно, напр. Вознесеніе на восточной сторонѣ.

[2]) См. ст. Вешера Notice sur une catac. chr. à Alexandrie. Bulletino di archeol. crist. 1865, agosto; cf. 1865, ottobre: simboli dell' eucaristia nelle pitture del ipogeo scoperto in Alessandria d'Egitto.

[3]) La capella palatina di San Pietro dipinta... da *Andrea Ferzi* ed illustrata dai professori *J. Cavalleri, Neli, Carini* 1875.

[4]) Опис. въ ст. г. Щукарева: Зап. Импер. русск. археол. общ. т. IV, 1, нов. сер.; стр. 50—67.

[5]) Gravina, il duomo di Monreale cf. Serra-di-Falco, Del duomo di Monreale.

[6]) Ожидаемъ подробнаго обслѣдованія этихъ росписей отъ одного изъ нашихъ спеціалистовъ по исторіи искусства.

[7]) L'église et les mosaiques du couvent de Saint-Luc en Phocide par *Ch. Diehl.* Paris, 1889.

верхнихъ оконъ — деисусъ[1]). Въ сводѣ алтаря — сошествіе Св. Духа на апостоловъ, въ той же композиціи, какъ въ Софіи константинопольской, съ изображеніемъ „племенъ и языковъ“[2]). На тріумфальной аркѣ — два архангела. Средняя часть храма: въ куполѣ — Пантократоръ, возлѣ котораго, пониже — Богоматерь, Іоаннъ Предтеча и четыре ангела; еще ниже, въ трибунѣ — пророки, а въ парусахъ сводовъ — благовѣщеніе, рождество Христово, крещеніе и срѣтеніе[3]); всѣ мозаики купола, видѣнныя Дидрономъ въ тридцатыхъ годахъ, теперь осыпались, за исключеніемъ трехъ послѣднихъ изображеній въ парусахъ сводовъ. Затѣмъ, арки, своды, стѣны и столбы украшены отдѣльными изображеніями святыхъ, преимущественно асктовъ и подвижниковъ, устроителей монашескаго житія: Ѳеодора Студита, Даніила Скитника, Ѳеоктиста, Максима, Нила и Досиѳея, Іоанникія и Сысоя, Луки *(ὁ γουρνικιώτης)* и Никопа Спартанскаго, Арсенія, Антонія, Иларія и Ефрема, Іоанна Климака, Макарія Египетскаго, Іоанна Колова, Евфимія, Саввы, Пахомія и Ѳеодосія, Григорія Чудотворца, св. Николая, Василія Великаго, Іоанна Златоуста, св. Димитрія, Ѳеодора Тирона, Христофора, Прокопія, Меркурія и проч. Въ тимпанахъ аркадъ, поддерживающихъ сводъ: Богоматерь съ Младенцемъ (вост.), неизвѣстный святой (зап.), три отрока въ огненной печи (сѣв.) и Даніилъ во рвѣ львиномъ (югъ.). Не забыты также и нѣкоторые изъ апостоловъ и самъ патронъ монастыря — св. Лука (въ тимпанѣ западной аркады). Въ лѣвой алтарной апсидѣ — святители: Кириллъ Александрійскій, Игнатій Богоносецъ, Григорій, просвѣтитель Арменіи, и неизвѣстный. Въ правой апсидѣ: Діонисій Ареопагитъ, Филоѳей, Іероѳей, Григорій Нисскій и др. Въ нарѳиксѣ: увѣреніе Ѳомы, сошествіе Іисуса Христа во адъ, Константинъ и Елена съ крестомъ, возлѣ нихъ свв. жены; въ аркадахъ апостолы и евангелисты; надъ дверью Спаситель (бюстъ) съ открытымъ Евангеліемъ, въ которомъ написано: *Ἐγώ εἰμὶ τὸ φῶς τοῦ κόσμου*... Далѣе святые Елпидифоръ, Анемподистъ, Акиндинъ, Пегасій; въ сводѣ четыре медаліонныя изображенія Богоматери въ видѣ оранты, Іоанна Предтечи, архангела Михаила и Гавріила; на стѣнѣ (в.) распятіе Спасителя, съ предстоящими, потомъ умовеніе ногъ и нѣсколько изображеній отдѣльныхъ святыхъ[4]). Посмотримъ па второй изъ названныхъ храмовъ.

Нѣкогда благоустроенный *дафнійскій храмъ* уже близокъ къ разрушенію. Мозаики, которыми были покрыты почти всѣ его внутреннія поверхности, осыпаются; отъ цѣльной мозаической росписи храма остались теперь одни фрагменты, которые, впрочемъ, даютъ понятіе о первоначальномъ планѣ росписи и характерѣ типовъ и сюжетовъ. Въ главной алтарной апсидѣ сохранилась часть мозаическаго изображенія Богоматери на тронѣ съ Младенцемъ и по сторонамъ ея архангеловъ Михаила и Гавріила съ жезлами. Нижнія части алтарной апсиды облицованы мраморомъ и мозаической росписи не имѣютъ. Направо отъ главной апсиды, въ діаконикѣ изображенія св. Николая (въ малой апсидѣ), св. Елевѳерія и Аѳанасія (въ аркѣ), а въ аркѣ возлѣ икопостаса — двухъ діаконовъ

---

[1]) Изображеніе Богоматери почти совершенно уничтожено; Диль ошибочно видитъ въ ней неизвѣстнаго святаго. Ibid. p. 71.

[2]) *Cf. Salzenberg,* Altchr. Baudenkmal. Pl. 25 и 31.

[3]) Дидронъ, а за нимъ Бойе невѣрно называютъ срѣтеніе обрѣзаніемъ. *Didron, Manuel,* p. 425, cf. Bayet, L'art byzantin, p. 144—145. Диль исправляетъ эту ошибку.

[4]) Подробности см. въ Ц. С. Диля.

Евпла и Лаврентія, въ видѣ прекрасныхъ юношей. Сводъ этой малой апсиды украшенъ древне-христіанскою монограммою имени Іисуса Христа, вѣроятно, уже утратившею къ тому времени свое первоначальное значеніе. Въ лѣвой (отъ зрителя) малой апсидѣ, гдѣ помѣщается жертвенникъ, Іоаннъ Предтеча въ видѣ суроваго аскета; возлѣ него, въ аркѣ, два святителя, Сильвестръ и Анѳимъ; въ сводикѣ та же монограмма, а въ аркѣ иконостасной — св. Руѳинъ и неизвѣстный. Въ средней части храма: въ куполѣ колоссальное изображеніе Господа Вседержителя, напоминающее Пантократора въ константинопольской Кахріе-Джами, съ благословляющею десницею: ликъ строгій, на лбу и около носа глубокія складки, густые темные волосы падаютъ на плечи; верхняя одежда синяя, а нижняя сѣрая, проложенная золотомъ. Ниже Вседержителя — рядъ пророковъ, среди которыхъ обращаютъ на себя вниманіе Іеремія — мужественный старецъ, Давидъ и Соломонъ въ діадимахъ. Подъ куполомъ, въ парусахъ сводовъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ обычно помѣщались и помѣщаются евангелисты, здѣсь находятся изображенія благовѣщенія (СВ), рождества Христова (ЮВ), крещенія (ЮЗ) и преображенія (СЗ). На сѣверо-западномъ столбѣ входъ въ Іерусалимъ, на юго-восточномъ — сошествіе во адъ и явленіе ангела св. женамъ у гроба Іисуса Христа; на юго-западномъ — увѣреніе Ѳомы, на сѣверо-восточномъ — распятіе Іисуса Христа. На южной стѣнѣ — медальонныя изображенія мучениковъ; на западной, надъ входомъ, успеніе Богоматери. Во внутреннемъ притворѣ отдѣльныя изображенія святыхъ: Акиндина, Елпидифора, Анемподиста и др.; во внѣшнемъ — тайная вечеря (восточн. стор.), введеніе во храмъ Пресвятыя Богородицы (тамъ же), срѣтеніе (южн. ст.) и явленіе Бога Аврааму въ видѣ трехъ странниковъ (сѣв. стор.). Съ отмѣченными двумя росписями греческихъ храмовъ слѣдуетъ сопоставить мозаическую роспись бывшаго *Храма Спасителя* въ загородномъ константинопольскомъ монастырѣ, превращеннаго въ мечеть Кахріе-Джами. Тѣ представляютъ образцы росписи храмовъ небольшихъ, этотъ — много-купольныхъ; циклы изображеній здѣсь полнѣе и шире, особенно въ притворахъ. Мозаики и фрески этого храма исполнены въ XI—XIV в. Въ области византійской иконографіи время это отмѣчается широкимъ распространеніемъ иконографическихъ цикловъ изъ жизни Богоматери и дѣтства Спасителя, явившихся, какъ думаютъ, подъ непосредственнымъ вліяніемъ памятниковъ письменности, распространенныхъ въ то время, и усилившагося почитанія Богоматери[1]). Первоначальное появленіе этихъ иконографическихъ цикловъ восходитъ въ отдаленной христіанской древности и первые слѣды его можно находить уже въ мозаикахъ Маріи Великой въ Римѣ и на равеннской каѳедрѣ Максиміана; но насколько распространены они были въ стѣнописяхъ византійскихъ храмовъ отъ VI до XI в. — сказать трудно. Въ разсматриваемомъ храмѣ они являются уже во всей полнотѣ ихъ развитія. Какой характеръ имѣла мозаическая роспись главныхъ частей этого храма — неизвѣстно, такъ какъ мозаики здѣсь отчасти заштукатурены, отчасти разрушены; уцѣлѣли онѣ въ четырехъ куполахъ, изъ которыхъ два находятся въ нарѳиксѣ: здѣсь, въ сводѣ праваго южнаго купола изображенъ Іисусъ Христосъ въ медальонѣ, съ книгою, а въ радіусахъ — праотцы[1]); въ сѣверномъ куполѣ Богоматерь съ божественнымъ Младенцемъ и по радіусамъ 16 про-

[1]) Н. П. Кондаковъ, Визан. церкви, стр. 184—185.
[2]) Тамъ же, табл. 42.

роковъ, согласно съ другими памятниками и греческимъ пкопописнымъ подлинникомъ. Около праваго купола сгруппированы изображенія, относящіяся къ чудесамъ Іисуса Христа: исцѣленіе тещи Симоновой, кровоточивая, исцѣленіе двухъ слѣпыхъ и глухонѣмого, исцѣленіе сухорукаго и прокаженнаго; на южной сторонѣ возвращеніе волховъ и входъ въ Іерусалимъ. Около сѣвернаго купола событія, относящіяся къ исторіи Богоматери: отходъ Іоакима въ пустыню, явленіе ангела Аннѣ, рождество Богородицы, вечеря іереевъ, ласканіе Богоматери родителями, введеніе во храмъ, Марія получаетъ пурпуръ для завѣсы іерусалимскаго храма, моленіе о жезлахъ, Іосифу вручаютъ жезлъ и Марію, благовѣщеніе, цѣлованіе Елизаветы и др. Во внѣшнемъ нароиксѣ главнѣйшее мѣсто принадлежитъ изображенію событій изъ жизни Іисуса Христа и чудесъ Его: явленіе Іисуса Христа народу, искушеніе, встрѣча Іисуса Христа съ Іоанномъ, бесѣда съ самаряпкою, исцѣленіе разслабленнаго и слѣпорожденнаго, воскрешеніе Лазаря и др.; также отдѣльныя изображенія святыхъ. Безъ сомнѣнія, мозаики эти представляютъ одно изъ любопытнѣйшихъ явленій въ исторіи византійской иконографіи. Ихъ размѣщеніе также представляетъ немаловажный интересъ въ исторіи храмовыхъ росписей. Совершенно ясно, что при украшеніи мозаиками внѣшняго притвора мысль мозаиста сосредоточена была главнымъ образомъ на чудесахъ и дѣтствѣ Іисуса Христа, при роспнсапіи же внутренняго нароикса на чудесахъ Іисуса Христа и сценахъ изъ протоевангелія; по частнѣйшее расположеніе сюжетовъ представляетъ здѣсь значительную разрозненность: событія, хронологическп слѣдовавшія одно за другимъ, поставлены въ разныхъ, отдаленныхъ одно отъ другаго, мѣстахъ и наоборотъ сближены событія разновременныя. Очевидно, что условія мѣста ставили сильныя затрудпенія вполнѣ яспому и послѣдовательному развитію идеп мозаиста, п онъ по необходимости долженъ былъ пожертвовать внѣшнимъ единствомъ росписи требованію полноты; основная мысль оказалась затемненною, но она не погибла. Остроумная догадка проф. Кондакова, что мозаики внѣшняго притвора прибавлены спустя нѣкоторое время послѣ окончательнаго устройства храма, ибо въ противномъ случаѣ онѣ должны были находиться во внутреннемъ притворѣ, а мозаики внутренняго притвора — во внѣшнемъ, заслуживаетъ вѣроятія, хотя ея значеніе и ослабляется отчасти общею невыдержанностію внѣшняго размѣщенія сюжетовъ, отчасти нѣкоторыми другими примѣрами византійскихъ росписей, гдѣ сюжеты евангельскіе также помѣщаются во внѣшнемъ нароиксѣ. Но при видѣ этихъ росписей нароиксовъ является другой не менѣе важный вопросъ: почему именно въ нароиксахъ помѣщены изображенія чудесъ Іисуса Христа и сцены, имѣющія связь съ источниками апокрифическими? Древнѣйшіе примѣры росписанія церквей, какъ церковь Маріи Великой въ Римѣ, церковь Аполлинарія Новаго въ Равеннѣ, св. Маркъ венеціанскій и др. показываютъ, что мѣсто для изображеній чудесъ Іисуса Христа и Его дѣтства отводилось въ средней части храма, но не въ притворѣ. Для объясненія этого необходимо предположить, что къ тому времени, когда расписывалась разсматриваемая церковь, убранство средней части храма опредѣлилось уже нѣсколько иначе, чѣмъ въ памятникахъ предшествовавшаго времени: здѣсь, по всей вѣроятности, помѣщались изображенія важнѣйшихъ праздниковъ православной церкви и сюжетовъ символическихъ, и для чудесъ уже не оставалось свободнаго мѣста; нѣчто подобное представляютъ и древнѣйшія росписи храмовъ русскихъ,

въ которыхъ чудеса по большей части исключаются изъ обычнаго цикла храмовыхъ изображеній. Явленіе это, конечно, имѣетъ свои причины въ общемъ направленіи тогдашняго византійскаго богословія, почерпавшаго свое содержаніе изъ источниковъ церковнаго преданія и развивавшаго тѣ части христіанскаго вѣроученія и морали, которыя находили внѣшнее выраженіе въ главнѣйшихъ церковныхъ праздникахъ. Церковная богослужебная практика и обрядъ притягивали къ себѣ вниманіе скорѣе, чѣмъ первоначальный источникъ истины. Съ другой стороны не всякое предапіе имѣло одинаковую цѣну въ глазахъ нашего мозаиста. Подробности сказаній о Богоматери и дѣтствѣ Іисуса Христа могли имѣть второстепенное значеніе для символики храма, и онъ помѣстилъ ихъ въ преддверіи, какъ событія, имѣющія лишь подготовительное значеніе къ факту основанія и славы церкви новозавѣтной. Фресковая роспись придѣла этой церкви, описанная проф. Кондаковымъ[1]), не смотря на кажущуюся разрозненность ея, заключаетъ въ себѣ однакожъ черты символическаго единства. Въ куполѣ знаменіе Пресвятой Богородицы и ангелы, въ парусахъ сводовъ — 4 евангелиста; подобная роспись встрѣчается и въ другихъ многокупольныхъ храмахъ — греческихъ и русскихъ. Въ тѣсной связи съ изображеніемъ Богоматери стоитъ изображеніе лѣствицы Іакова и купины Моисея, которыя, какъ видно изъ памятниковъ древней письменности, служили прообразами Богоматери, возводящей людей отъ земли къ небу и пребывающей Приснодѣвою, подобно неопалимой купинѣ Моисея. Въ алтарной апсидѣ — сошествіе Іисуса Христа во адъ и святители, какъ въ нѣкоторыхъ русскихъ храмахъ XVII в. Въ передней части средняго храма событія Евангелія: Іисусъ Христосъ у Марѳы и Маріи, положеніе Іисуса Христа въ гробъ, страшный судъ, рай и нѣсколько отдѣльныхъ изображеній пророковъ и святыхъ. Выборъ евангельскихъ сюжетовъ указываетъ, повидимому, на погребальное назначеніе придѣла[2]): сошествіе во адъ и изведеніе ветхозавѣтныхъ праведниковъ составляютъ залогъ всеобщаго воскресенія, равно какъ и воскрешеніе Лазаря (фреска уничтожена); положеніе Іисуса Христа во гробъ, страшный судъ, рай — указываютъ на кончину и загробную жизнь человѣка.

Глава III.

Древнѣйшія стѣнописи въ Россіи. Мозаики и фрески кіевскія.

Русская иконографія представляетъ собою продолженіе иконографіи византійской. Вмѣстѣ съ вѣрою Россія приняла отъ грековъ византійскую обрядность и вообще испытала на себѣ всѣ тѣ вліянія, которыя были неизбѣжны вслѣдствіе вновь возникшаго родства религіозныхъ исповѣданій. Византійское искусство и иконографія не могли составлять въ этомъ случаѣ исключенія: онѣ перешли въ Россію во всѣхъ своихъ главнѣйшихъ видахъ — и въ видѣ архитектуры, и мозаики, фресокъ, миніатюръ, эмали,

---

[1]) Тамъ же, стр. 191—194.
[2]) Тамъ же, стр. 192.

литейнаго дѣла и проч. и на первыхъ же порахъ заняли здѣсь господствующее положеніе. Русское самобытное искусство, начало котораго было положено еще въ эпоху, предшествовавшую христіанству, не могло представлять сильной конкурренціи этому чужеземному искусству. Мы знаемъ изъ новѣйшихъ раскопокъ, произведенныхъ въ разныхъ мѣстахъ, что народы, обитавшіе въ Россіи, были знакомы съ способами обработки металловъ и производствомъ изъ металла художественныхъ издѣлій. Но Византія, совмѣщая въ себѣ всю сумму техническихъ знаній Россіи, могла выставить немало новыхъ, неизвѣстнымъ туземцамъ. Особенно это нужно сказать относительно произведеній мозаическихъ, о которыхъ русскіе могли имѣть только смутныя и случайныя понятія, также фресковыхъ и вообще живописныхъ. Еще до сихъ поръ, несмотря на всѣ успѣхи современной русской археологіи, не удалось открыть въ Россіи ни одного образца живописи изъ эпохи, предшествовавшей христіанству. Но если мы даже допустимъ возможность открытія такихъ образцовъ въ будущемъ, все-таки напередъ можно сказать, что соперничество ихъ съ живописями Византіи было невозможно. Только спустя болѣе или менѣе долгое время, когда Россія успѣла уже усвоить себѣ всѣ пріемы, внесенные сюда новою школою учителей-византійцевъ, она могла выставить и своихъ собственныхъ работниковъ съ нѣкоторыми признаками національныхъ русскихъ идеаловъ. Затѣмъ слѣдуетъ обратить вниманіе и на другую сторону дѣла. Церковное искусство Византіи было искусствомъ іеротическимъ, не допускающимъ произвольныхъ измѣненій и вымысловъ, даже и въ томъ случаѣ, если бы нашлись въ Россіи охотники до такихъ измѣненій. Одно изъ основныхъ требованій, которое византійцы предъявляли къ церковной живописи, состояло въ томъ, чтобы изображеніе по возможности точно выражало религіозную идею, именно ту идею, которая была выработана византійскимъ богословіемъ; отсюда — правило, что сочиненіе иконъ должно принадлежать св. отцамъ, но не иконописцамъ, не художникамъ, на долю которыхъ оставалось одно лишь выраженіе готовой идеи въ образѣ. При такомъ положеніи дѣла весьма трудно ожидать, чтобы искусство живописи могло пойти и въ Россіи по пути свободнаго развитія. Византійцы въ вопросахъ религіознаго обряда вовсе не отличались тою широтою воззрѣнія и терпимости, которую иногда навязываютъ имъ ученые. Такимъ же точно образомъ они должны были поступать и въ отношеніи религіознаго искусства. Такъ они дѣйствительно и поступали и успѣли настолько привить къ русскому сознанію идею о неизмѣнности иконописныхъ византійскихъ традицій, что сами русскіе стали смотрѣть на всѣ измѣненія въ этомъ дѣлѣ, какъ на ересь. Извѣстный протестъ дьяка Висковатаго по поводу иконописныхъ работъ для московскаго Благовѣщенскаго собора, исполненныхъ псковскими мастерами, протестъ Стоглава противъ иконописныхъ вольностей и предписаніе идти по слѣдамъ лучшихъ древнихъ иконописцевъ, протесты большаго московскаго собора противъ нѣкоторыхъ иконографическихъ подробностей служатъ свидѣтельствами того, какъ глубоко проникнуты были русскіе люди иконописными традиціями Византіи и какъ они оберегали ихъ на дѣлѣ... Возможно ли послѣ того, чтобы византійцы на самыхъ первыхъ порахъ христіанства въ Россіи могли допустить свободное творчество въ русскомъ церковномъ искусствѣ? Такимъ образомъ ни подготовка русскихъ художниковъ, на первыхъ порахъ очень слабая, ни основной принципъ византійскаго цер-

ковнаго искусства не позволяютъ намъ говорить о самобытности русскаго церковнаго искусства по крайней мѣрѣ въ первый періодъ его существованія, — говоримъ это главнымъ образомъ объ искусствѣ живописи. Постараемся раскрыть это положеніе на основаніи лѣтописнымъ указаній, народныхъ преданій и главнымъ образомъ на основаніи уцѣлѣвшихъ до насъ памятниковъ византійскаго художества въ Россіи. Во-первыхъ, лѣтописи ясно и опредѣленно говорятъ намъ о греческихъ иконописцахъ, работавшихъ въ Россіи: греками украшены были первыя кіевскія церкви: Десятинная, Кіево-Софійскій соборъ и Кіево-Печерскій монастырь. Это были первые художники въ Россіи, положившіе здѣсь прочныя начала византійской художественной школы. Именъ этихъ греческихъ художниковъ мы не знаемъ. На сѣверѣ Россіи въ Новгородѣ, по сказанію лѣтописей, художествомъ занимались также греки: новгородская лѣтопись называетъ нѣкоторыхъ изъ нихъ по именамъ; таковы были: грекъ Петровичъ, Исаія и Ѳеофанъ, первый изъ нихъ въ 1196 году расписывалъ св. иконами церковь новгородскую пресвятой Богородицы на воротахъ; второй въ 1338 году — другую новгородскую церковь входа Господа въ Іерусалимъ; третій, грекъ Ѳеофанъ, въ 1378 году расписывалъ новгородскую церковь Господа Іисуса Христа на Ильинской улицѣ. Новгородскій софійскій соборъ расписанъ былъ также греками. Вообще, преданіе о работахъ греческихъ художниковъ въ Новгородѣ поддерживалось еще въ XVI и XVII столѣтіяхъ, какъ это видно изъ словъ московскаго Благовѣщенскаго собора священника Сильвестра (1554): „церкви (въ Новгородѣ) ставили великіе князья, а по иконописцевъ посылали по греческихъ, церкви подписывати и св. иконы писати“[1]), и изъ предисловій къ старинным русскимъ подлинникамъ[2]).

Начиная съ XIV столѣтія греческіе художники появляются и въ Москвѣ и работаютъ здѣсь вмѣстѣ съ русскими мастерами. Такъ въ 1343 году греческіе иконописцы митрополита Ѳеогноста расписывали живописью московскій Успенскій соборъ; въ слѣдующемъ затѣмъ 1344 году расписана была церковь Спаса на Бору; работа произведена была, правда, русскими мастерами, подъ руководствомъ Гойтана, Семена и Ивана; но эти руководители были учениками грековъ[3]). Въ Москвѣ также работалъ и тотъ грекъ Ѳеофанъ, который прежде былъ въ Новгородѣ: по переѣздѣ въ Москву онъ расписалъ здѣсь три церкви: рождества Богородицы (1395 г.), Архангельскій соборъ (1399 г.) и Благовѣщенскій соборъ (1405 г.), производя работу вмѣстѣ съ старцами Прохоромъ и Андреемъ Рублевымъ. Всѣ эти извѣстія, хотя и не очень многочисленныя, имѣютъ важное значеніе въ характеристикѣ древне-русскаго церковнаго искусства, но не столько сами по себѣ, сколько по связи съ другими основаніями, подтверждающими византійскій характеръ этого искусства. Строго говоря, ссылка на національность того или другого художника сама по себѣ доказываетъ очень немногое. Существуетъ не мало указаній на имена русскихъ художниковъ, работавшихъ въ области древнерусскаго искусства; но это доказываетъ только то, что эти лица, благодаря своимъ

---

[1]) Макарій, Археол. опис. церк. древн. въ Новгородѣ II, 16.
[2]) Сахаровъ, Изсл. о русск. иконоп. I, прилож., стран. 4.
[3]) Ровинскій, Истор. русск. иконопис. 137.

способностямъ и умѣнью, производили работы въ установившемся іеротическомъ стилѣ; то же нужно сказать и объ именахъ греческихъ художниковъ: по они будутъ имѣть свою важность въ виду слѣдующихъ основаній. Во-вторыхъ, общераспространенное древне-русское преданіе доселѣ сохраняетъ память о греческихъ иконахъ въ Россіи. Это преданіе, безъ сомнѣнія, не есть вымыселъ фантазіи, а имѣетъ свои основанія. Какъ въ Италіи особенное уваженіе простонародья къ византійскихъ иконамъ свидѣтельствуетъ о широкомъ распространеніи здѣсь нѣкогда византійскаго искусства, такъ точно и въ Россіи. Греческія или корсунскія иконы у насъ въ Россіи всегда пользовались особеннымъ уваженіемъ. Преданіе это отмѣчено неоднократно новгородскимъ лѣтописцемъ. Такъ подъ 1045 годомъ, разсказывая объ образѣ Спасовѣ въ новгородскомъ Софійскомъ соборѣ, лѣтописецъ передаетъ слѣдующее: „во святѣй Софіи премудрости Божіи въ великомъ Новѣ-градѣ во время божественной службы стоялъ Димитрій Ласкиревъ (грекъ) и призва софійскихъ священниковъ Прокопіа съ товарищами и воззрѣвъ на образъ милосердаго Спаса, иже и донынѣ стоитъ на правомъ клиросѣ на столѣ противо мѣста владычня; и вопросивъ ихъ Димитрій: вѣдомо ли вамъ про ту икону каковъ слухъ? Они же ему отвѣщали: слухъ, господинѣ, таковъ, что не одна та икона изъ Корсуня привезена греческаго письма. И Димитрій отвѣща: у насъ де въ мудрыхъ людяхъ слухъ идетъ, да и писаніе въ нашей греческой земли есть, что та икона прежде Владимірова крещенія бѣ въ Царѣ-градѣ, а письмо Мануила царя греческаго“. Важно для насъ въ этомъ разсказѣ то, что, по словамъ софійскихъ священниковъ, въ Новгородѣ существовало преданіе объ иконахъ, принесенныхъ туда изъ Корсуня, въ числѣ таковыхъ былъ и образъ Спасовъ. Далѣе: въ повѣсти о приходѣ царя Іоанна IV въ Новгородѣ въ 1570 году повѣствователь разсказываетъ, что царь, между прочимъ, „повелѣ взяти... и св. иконы чудотворныя корсунскія, письма греческихъ живописцевъ[1]). Заслуживаетъ здѣсь вниманія то, что корсунскія иконы считались въ Новгородѣ чудотворными и взяты были Иваномъ Васильевичемъ Грознымъ, какъ предметы особенно чтимые, а можетъ быть и цѣнные по своимъ художественнымъ достоинствамъ. Преданіе о корсунскихъ иконахъ еще до сихъ поръ уцѣлѣло въ Россіи, и корсунскихъ иконъ насчитываютъ у насъ свыше 40. Въ-третьихъ, всѣ уцѣлѣвшіе до насъ памятники древнерусскаго искусства носятъ на себѣ очевидные слѣды, обнаруживающіе ихъ византійскій характеръ. Возьмемъ ли кіевскія мозаики и фрески Новгорода, Старой Ладоги, Владиміра кляземскаго, древнія иконы, повсюду видимъ здѣсь и византійскую технику, и византійскіе художественные пріемы, и византійскую иконографію, и даже греческія подписи. Если такой именно характеръ проходитъ во всѣхъ открытыхъ доселѣ памятникахъ древне-русскаго художества, хотя бы выполненіе художественныхъ работъ принадлежало иногда и русскимъ мастерамъ, то мы необходимо должны признать, что это художество было преобладающимъ въ древней Россіи. И если присоединить къ этому извѣстія о греческихъ художникахъ, работавшихъ въ Россіи, и корсунскихъ иконахъ, то заключеніе о византійскомъ характерѣ древне-русскаго церковнаго искусства мы должны будемъ признать безспорнымъ. Такимъ характеромъ отличается оно въ періодъ

[1]) Новгор. лѣтоп. изд. Археогр. Ком. стр., 399; ср. 341.

времени отъ первоначальнаго появленія въ Россіи и до XVI—XVII в. Существенный характеръ этого искусства въ отмѣченный періодъ времени опредѣляется уже изъ его тѣсной зависимости отъ искусства византійскаго. Какъ въ церковномъ художествѣ Византіи канонизація художественныхъ формъ была итогомъ художественной исторіи, такъ и въ Россіи неподвижность и однообразіе составили отличительную черту его. Если въ искусствѣ западномъ мы видимъ постепенную смѣну періодовъ, сопровождающуюся постепеннымъ прогрессомъ въ области иконописной техники, и художественныхъ идеаловъ, примѣнительно къ росту западно-европейской цивилизаціи, то ничего подобнаго не встрѣчается въ искусствѣ древней Россіи. Напротивъ, въ продолженіе цѣлыхъ пятишести столѣтій мы видимъ здѣсь господство одного неизмѣннаго начала, исключающаго прогрессъ въ смыслѣ западномъ. Начало это точно формулировано отцами стоглаваго собора. Сущность его заключается въ томъ, что русскіе мастера всѣхъ мѣстъ и временъ должны писать иконы по образу и по подобію и по существу и по лучшимъ образцамъ древнихъ живописцевъ. Начало это исключаетъ собою возможность историческаго прогресса, такъ какъ оно подчиняетъ живопись одному неизмѣнному преданію и обрекаетъ живописца на работу копированія лучшихъ образцовъ. Иначе едва ли могло и быть. Прогрессъ въ области изобразительнаго искусства обыкновенно идетъ рука объ руку съ литературою и поэзіею, и если въ послѣднихъ такого прогресса не было, то трудно ожидать его и въ живописи. Эта мысль о тѣсной связи въ исторіи между литературою и поэзіею съ одной стороны и изобразительными искусствами съ другой — хорошо развита Ѳ. И. Буслаевымъ. Вмѣстѣ съ первыми проблесками освобожденія отъ средневѣковаго невѣжества въ лирикѣ трубадуровъ и миннезингеровъ, въ важныхъ и шутливыхъ разсказахъ труверовъ, въ народныхъ сценическихъ представленіяхъ, разыгрываемыхъ на городскихъ площадяхъ, въ богословскихъ преніяхъ и ересяхъ, наконецъ въ схоластикѣ университетскаго преподаванія, явился знаменитый въ исторіи архитектуры готическій стиль. Знаменитая эпоха пизанской скульптуры и Джіоттовой школы есть вмѣстѣ съ тѣмъ и эпоха великаго творца божественной комедіи. Какъ самъ Дантъ умѣлъ рисовать, такъ и его другъ и вмѣстѣ современный ему живописецъ Джіотто упражнялся въ сочиненіи стиховъ... И въ слѣдующихъ столѣтіяхъ на западѣ искусство, поэзія и наука идутъ рука объ руку .. Леонардо да Винчи (будучи художникомъ) любилъ механику и написалъ отличный трактатъ о живописи. Микель Анджело былъ не только скульпторъ, живописецъ и архитекторъ, но вмѣстѣ и писалъ сонеты и усердно занимался классическою археологіею“[1]). Сопоставленія эти показываютъ, что въ исторіи западнаго искусства прогрессъ художественный шелъ рядомъ съ прогрессомъ поэзіи, литературы и науки; это взаимодѣйствіе знаній и спасало художество отъ монотоннаго однообразія и слѣдованія по избитой колеѣ. Между тѣмъ въ Россіи до XVI—XVII вв. недоставало этихъ благопріятныхъ условій. „Русская литература даже въ первой половинѣ XVII в., по словамъ того же ученаго, стояла на той же самой ступени, что и въ XII в. Одни и тѣ же умственные интересы, погруженные въ безотчетное вѣрованіе, то же отсутствіе средствъ къ развитію, та же безыскусственность въ жизни, та же

[1]) Ѳ. И. Буслаевъ. Общ. пон. о русск. иконоп., стр. 18. Сборн. общ. древне-русск. иск. 1866 г.

письменность, тѣ же прологи... Положительно то же самое нужно сказать и о русскомъ иконописаніи. Русскіе живописцы временъ Іоанна Грознаго и даже Михаила Ѳеодоровича не сдѣлали ничего для живописи, что могло бы возвысить ее, напр. надъ мозаиками и фресками въ русскихъ церквахъ XI—XII столѣтій[1]). Итакъ, одно неизмѣнное начало въ нашей иконописи проходитъ чрезъ весь продолжительный періодъ времени отъ X до XVI в. Строгое подчиненіе этому началу повело къ тому, что наша старинная живопись сохранила въ неприкосновенной цѣлости тѣ иконографическіе сюжеты и формы, которые выработаны были въ Византіи, и слѣдовательно въ ней мы имѣемъ данныя для повѣрки и разъясненія преданій самой Византіи. Косность спасла наше искусство отъ этой тривіальности и распущенности, какими отличалось нѣкогда церковное искусство на Западѣ. Стремленіе къ оригинальности и освобожденію отъ древнихъ традицій составляетъ въ русскихъ памятникахъ до XVI в. явленіе рѣдкое. Но въ XVI и особенно въ XVII в. стремленіе къ новшествамъ уже составляетъ значительный противовѣсъ византизму, принимаетъ массовый характеръ и налагаетъ свою печать на всѣ русскія стѣнописи. Въ виду сказаннаго мы и раздѣляемъ всю совокупность русскихъ стѣнописей на двѣ группы:

1) Отъ XI до XVI в., 2) XVI—XVII в.

Въ трехъ главныхъ центрахъ началась и получила наибольшую полноту развитія религіозная жизнь нашихъ предковъ: въ Кіевѣ, Новгородѣ и Владиміро-Суздалѣ. Къ этимъ же центрамъ примыкаетъ и древне-русская художественная дѣятельность: здѣсь древнѣйшіе храмы, здѣсь и древнѣйшія стѣнописи.

Кіевъ. Лѣтописные источники сообщаютъ намъ, что древнѣйшіе кіевскіе храмы украшены были мусіею, стѣнописью, иконописью, произведеніями чеканнаго и литейнаго дѣла. О св. Владимірѣ лѣтописецъ замѣчаетъ, что онъ, задумавъ создать церковь св. Богородицы „пославъ приведе мастеры отъ грекъ и украси ю иконами, еже бѣ взялъ въ Корсуни“[2]). Къ тому же Кіеву относится извѣстіе печерскаго патерика о чудесномъ прибытіи греческихъ живописцевъ для расписанія Кіево-Печерской церкви. Вмѣстѣ съ греками работали въ Кіевѣ и ихъ ученики, русскіе, въ ряду которыхъ на первомъ мѣстѣ стоитъ имя преподобнаго Алимпія печерскаго. Всѣ важнѣйшіе храмы въ Россіи украшались, вѣроятно, стѣнописями, за исключеніемъ храмовъ деревянныхъ. Это былъ общепринятый византійскій обычай. Но если въ самой Византіи въ эпоху построенія древнѣйшихъ русскихъ храмовъ (X— XI вв.) преобладающимъ видомъ живописи была мозаика, то въ Россіи ее замѣнила живопись фресковая. Мозаика — роскошь доступная лишь для храмовъ богатыхъ, каковы были храмы княжескіе, соборные и монастырскіе; но даже и въ этихъ храмахъ на ряду съ мозаикою допускалась и фреска. Тѣ и другія сохранились въ *Кіево-Софійскомъ соборѣ,* представляющемъ собою древнѣйшій образецъ полной стѣнной росписи, отчасти мозаической, отчасти фресковой (XI в.), уже реставрированной и даже видоизмѣненной[3]). Въ лбѣ алтарной апсиды прежде всего обра-

[1]) Тамъ же, стр. 18.

[2]) Лавр. лѣт. 52.

[3]) Древности Росс. Государ. изд. Императ. Русск. Археол. Общ., вып. 1—4: полное изданіе всѣхъ мозаикъ и фресокъ; ср. также отдѣльныя изображенія въ изд. Прохорова, Христ. древности 1875—1877 г. Опис. мозаикъ. въ соч. митропол. *Евгенія* „Опис. Кіево-Соф. соб., стр. 42—45“; въ соч. прот. *Скворцова* „Опис. Кіево-Соф. соб.,

щаетъ на себя вниманіе колоссальное (около 7 аршинъ въ высоту) изображеніе Богоматери „Нерушимой стѣны“. Богоматерь изображена стоящею на ромбоидальномъ золотомъ подножіи; голова ея окружена нимбомъ и покрыта раззолоченнымъ покрываломъ, ниспадающимъ сзади и спереди. Нижняя одежда Богоматери состоитъ изъ лазурнаго хитона, опоясаннаго червленымъ поясомъ, съ бѣлымъ платкомъ; обувь красная. Руки Богоматери воздѣты кверху и имѣютъ голубыя поручи, украшенныя крестами. Это одно изъ самыхъ рѣдкихъ мозаическихъ изображеній Богоматери. Съ нимъ можетъ стать рядомъ лишь такое же изображеніе въ Гелатскомъ монастырѣ близъ Кутаиса[1]), устроенное, по мѣстному преданію, императоромъ Алексѣемъ Комниномъ для царя Давида Возобновителя (XI в.). Слѣдовательно, какъ кіевская, такъ и гелатская мозаика относятся къ одному и тому же времени, составляютъ произведеніе одного и того же греческаго художества и носятъ явные слѣды одного и того же византійскаго стиля; оба изображенія занимаютъ одно и то же мѣсто въ алтарѣ и имѣютъ близко-сходную иконографическую форму. А форма эта есть результатъ долголѣтняго богословско-художественнаго упраженія древне-христіанскихъ и византійскихъ художниковъ: она встрѣчается уже часто среди фресковыхъ изображеній римскихъ катакомбъ: это извѣстная и столь часто повторяемая въ первые вѣка христіанства „orante“ фигура женщины въ молитвенномъ положеніи; трудно еще усмотрѣть во всѣхъ этихъ катакомбныхъ фигурахъ изображеніе Богоматери, но важно уже то, что въ тѣхъ же катакомбахъ мы встрѣчаемъ перенесеніе этой формы на несомнѣнныя изображенія Богоматери; переносъ этотъ совпадаетъ со временемъ перваго обособленія византійской иконографіи въ особую самостоятельную систему. Отсюда беретъ свое начало цѣлый рядъ изображеній Богоматери, иногда съ Божественнымъ Младенцемъ, въ алтарныхъ апсидахъ храмовъ: въ церкви Петра Хризогона въ Равеннѣ, Софіи Константинопольской, въ капеллѣ Венанція при ваптистеріи Іоанна Латеранскаго въ Римѣ, въ церкви Богоматери (Maria in Porto) въ Равеннѣ, въ Софіи Солунской, св. Марка въ Венеціи, въ константинопольской базиликѣ Василія Македонянина (опис. въ цит. словѣ патр. Фотія), въ Дафни, въ церкви св. Луки въ Фокидѣ и др., въ русскихъ храмахъ: Спаса въ Нередицахъ, Кіево-Кириллова монастыря; въ церкви Спаса въ Полоцкѣ, воздвигнутый св. княгинею Евфросиніею; въ георгіевской церкви въ Старой Ладогѣ; въ кавказской церкви въ Аталѣ[2]). Въ храмахъ греческихъ и русскихъ XVI—XVII в. Богоматерь въ алтарной апсидѣ встрѣчается постоянно, хотя форма ея изображенія и обстановка уже измѣняются. Не считаемъ возможнымъ говорить здѣсь о различіи типовъ Богоматери, хотя бы это различіе и имѣло свою важность даже въ вопросѣ о выборѣ для того или другаго храма одного изъ этихъ типовъ, и констатируемъ лишь обычный фактъ изображенія Бого-

---

по обновленіи его въ 1843—1853 гг. Кіевъ 1854 г.“ (мозаики и фрески); въ соч. *Закревскаго* „Описаніе Кіева“, т. 2, стр. 790 и слѣд. (мозаики и фрески); Фундуклей, Обозр. Кіева въ отнош. къ древностямъ. Кіевъ 1847. *Крыжановскій,* Кіевскія мозаики, ст. въ Зап. Русск. Археол. Общ. т. VIII, стр. 235 и слѣд. — Прот. *П. Г. Лебединцевъ,* о св. Софіи кіевской (Труд. Кіев. Археол. Съѣзда I, 53 и слѣд.).

[1]) Богоматерь съ младенцемъ Іисусомъ на рукахъ; ноги ея на подножіи; справа ея — архангелъ Михаилъ, слѣва — архангелъ Гавріилъ, со свитками, въ которыхъ монограмма Іисуса Христа. См. *Gagarine,* Caucase pittoresque, Explic. des pl. VIII.

[2]) Кавказ. старина I, 23.

матери въ апсидѣ. Слѣдуетъ ли расширить значеніе разсматриваемаго типа Богоматери „Нерушимой стѣны“ (безъ I. X.) и видѣть въ немъ монументальное изображеніе церкви, въ отличіе отъ иконнаго типа Богоматери съ Младенцемъ на лонѣ, какъ полагаетъ проф. Кондаковъ[1]), или — изображеніе невещественнаго дома Софіи Премудрости Божіей, какъ догадывается г. Крыжановскій[2]), рѣшать не беремся; замѣтимъ впрочемъ, что одинъ изъ указанныхъ Н. П. Кондаковымъ признаковъ этого типа, именно „монументальныя фигуры при немъ апостоловъ, святителей и пр.“ въ памятникахъ древности встрѣчается одинаково въ связи съ тѣмъ и другимъ типомъ. Какъ понимать типъ этотъ въ сюжетѣ „Вознесеніе Господне“ — въ смыслѣ ли олицетворенія церкви, какъ полагаютъ Гримуаръ и А. И. Кирпичниковъ, объ этомъ скажемъ въ особомъ сочиненіи. Остановимся въ данномъ случаѣ на одномъ ближайшемъ значеніи разсматриваемаго изображенія: это есть образъ Богоматери, которому издревле усвоено наименованіе „Нерушимая стѣна“. Основаніе для наименованія заключается едва ли въ томъ, что изображеніе это, несмотря на многочисленныя бѣдствія, постигшія этотъ храмъ въ разныя времена, сохранилось цѣлымъ и невредимымъ. Вѣрнѣе думать, что величественное изображеніе на стѣнѣ, видимое въ храмѣ всѣми, при низкомъ иконостасѣ, вызывало въ памяти довольно распространенное въ памятникахъ письменности сравненіе Богоматери съ твердынею. Богоматерь-покровительница Константинополя; она надежнѣе крѣпостныхъ стѣнъ его, она, по выраженію церковныхъ пѣснопѣній, „Царствія нерушимая стѣна“ *(χαῖρε τῆς βασιλείας τὸ ἀπόρθητον τεῖχος* cf. *τεῖχος εἶ τῶν παρθένων)*; держава, стѣна и утвержденіе, нерушимая стѣна и предстательство, стѣна необоримая, стѣна недвижимая, стѣна прибѣжища, стѣна нерушимая, прибѣжище и покровъ; палата, которою сохраняется нерушимо градъ нашъ (Константинополь); всѣхъ городовъ и весей непобѣдимое хранилище и предградіе. Эти общеизвѣстныя уподобленія легко могли послужить поводомъ къ тому, чтобы усвоить изображенной *на стѣнѣ* Богоматери наименованіе „Нерушимой стѣны“. Мозаика эта имѣетъ такимъ образомъ большую важность для характеристики византійско-русскаго иконографическаго преданія; замѣчательна она и со стороны стиля. Не видно здѣсь ни излишней манерности, ни сильной наклонности къ аскетическимъ формамъ представленія, ни педантическаго увлеченія мелочами въ ущербъ цѣлому, характеризующихъ эпоху упадка византійскаго искусства; напротивъ изящество формы и глубина внутренняго содержанія — суть ея отличительные признаки.

Ниже Богоматери въ той же алтарной апсидѣ помѣщено мозаическое изображеніе тайной вечери по литургическому переводу. Въ центрѣ алтарной стѣны изображенъ престолъ, покрытый матеріею багрянаго цвѣта съ четырьмя золотыми наугольниками, съ бѣлыми и сѣрыми полосами, съ золотыми украшеніями въ видѣ круговъ и цвѣтовъ, образующихъ собою фигуру четвероконечнаго креста. На престолѣ изображены: крестъ золотой четвероконечный, дискосъ золотой съ частицами евхаристическаго хлѣба, звѣздица, губка, копіе въ видѣ небольшого ножа и родъ метелки. Надъ престоломъ — киворій или шатровая сѣнь, по древне-византійскому обычаю; по сторонамъ престола стоятъ

[1]) Визант. церкви 28.
[2]) Зап. Импер. археол. общ. VIII, 254.

два ангела въ двойныхъ хитонахъ — свѣтло-зеленомъ и сѣромъ, одинъ съ ораремъ; вьющіеся волосы ихъ украшены тороками; оба ангела держатъ въ рукахъ золотыя, украшенныя драгоцѣнными камнями, рипиды и такимъ образомъ представляютъ собою служащихъ діаконовъ. Далѣе по обѣимъ сторонамъ престола два раза изображенъ Спаситель въ золотомъ хитонѣ и голубомъ иматіи, съ крестообразнымъ, украшеннымъ драгоцѣнными камнями, нимбомъ; оба изображенія Іисуса Христа почти совершенно сходны между собою. Съ лѣвой стороны Спаситель держитъ въ правой рукѣ евхаристическій хлѣбъ; къ нему подходятъ шесть апостоловъ, въ наклонномъ положеніи, съ обращенными къ Спасителю руками; а передній изъ нихъ ап. Петръ (типъ съ курчавою бородою и волосами) сложилъ руки точно такъ, какъ слагаютъ ихъ русскіе православные христіане для принятія священническаго благословенія. Всѣ апостолы одѣты въ хитоны, иматіи и сандаліи, у всѣхъ короткіе волосы и золотые нимбы. Находящаяся вверху греческая надпись гласитъ: „*λάβετε φάγετε τοῦτο ἐστίν τὸ σῶμα μοῦ τὸ ὑπὲρ ὑμῶν κλώμενον εἰς ἄφεσιν ἁμαρτιῶν*“. Это причащеніе апостоловъ подъ видомъ хлѣба. Съ правой стороны престола изображенъ Спаситель съ чашею въ рукахъ, къ которой приближаются въ такомъ же видѣ, какъ и на предыдущей половинѣ картины, другіе шесть апостоловъ съ апостоломъ Павломъ во главѣ. Надпись вверху; „*πίετε ἐξ αὐτοῦ πάντες τοῦτο ἐστὶν τὸ αἷμα μοῦ τὸ τῆς καινῆς διαθήκης τὸ ὑπὲρ (ὑμῶν καὶ π)ολλῶν ἐ(κχυνόμε)νον εἰς ἄφε(σιν ἁμαρτιῶν)*“. Это причащеніе апостоловъ подъ видомъ вина. Древнѣйшій образецъ такого изображенія найденъ въ миніатюрахъ россанскаго Евангелія VI вѣка; съ тѣхъ поръ оно вошло въ обычное употребленіе и повторяется множество разъ на самыхъ разнообразныхъ памятникахъ древности. Въ византійскихъ и русскихъ мозаикахъ оно встрѣчается два раза — въ Софіи Кіевской и въ мозаикахъ *Кіево-Михайловскаго златоверхаго монастыря*. То и другое изображеніе въ общихъ чертахъ совершенно сходны между собою, но въ частностяхъ между ними замѣчается разница, а это доказываетъ, что Михайловская мозаика не была скопирована съ Софійской и, можетъ быть, сдѣлана другими мастерами. Наиболѣе замѣтная разница ихъ заключается во первыхъ въ томъ, что въ Михайловской мозаикѣ нѣтъ киворія надъ престоломъ, но есть другая подробность, которой нѣтъ въ Софійской: это алтарная преграда съ завѣсою предъ престоломъ, въ видѣ низкой стѣнки съ столбиками: важная археологическая подробность для исторіи нашего иконостаса; во вторыхъ, на Михайловской мозаикѣ Спаситель, при раздаяніи хлѣба, держитъ въ лѣвой рукѣ дискосъ, а въ Софійской этого дискоса нѣтъ; въ третьихъ, на престолѣ въ Михайловской мозаикѣ изображенъ одинъ только дискосъ, двугихъ утварей нѣтъ; въ четвертыхъ, въ Михайловской мозаикѣ надпись „пріимите ядите... и пійте отъ нея вси...“ сдѣлана по-славянски, тогда какъ въ Софійской по-гречески.

Въ нижней части алтарной апсиды изображенія святителей Василія Великаго, Іоанна Златоуста, Григорія Нисскаго, Григорія Чудотворца, св. Епифанія, Климента римскаго, Григорія Богослова, святителя Николая и по краямъ къ иконостасу свв. діаконы Стефанъ и Лаврентій. Итакъ въ мозаикахъ Кіево-Софійскаго алтаря данъ типичный образецъ алтарной росписи въ изображеніяхъ Богоматери, евхаристіи, святителей и діаконовъ.

Средняя часть храма украшена мозаикою и фрескою. Въ центральномъ куполѣ мозаическій Пантократоръ, недавно открытый, въ воронкѣ купола архангелы (сохра-

нился одинъ), ниже апостолы (сохранились Петръ и Павелъ)[1]). Въ парусахъ сводовъ евангелисты (сохранился Маркъ). На царской аркѣ медальонное изображеніе деисуса. На алтарныхъ столпахъ превосходное изображеніе благовѣщенія: на сѣверо-восточномъ столпѣ архангелъ Гавріилъ, на юго-восточномъ Богоматерь. Такое раздѣленіе этого сюжета ведетъ свое начало изъ глубокой византійской древности: его мы встрѣчаемъ уже въ миніатюрахъ сирійскаго евангелія VI в.[2]), гдѣ Богоматерь представлена по одну сторону портика, а архангелъ по другую. Затѣмъ оно проходитъ совершенно ясно въ обычныхъ изображеніяхъ на древне-русскихъ царскихъ дверяхъ въ иконостасѣ, причемъ Богоматерь изображается на одной половинкѣ дверей, а архангелъ на другой. Подробности этого изображенія въ кіевской мозаикѣ слѣдующія: архангелъ изображенъ въ моментъ движенія, одѣяніе его составляютъ — сѣрый хитонъ съ поручами и бѣловатый иматій; ноги обуты въ сандаліи, въ волосахъ — тороки; золотой нимбъ; правою рукою благословляетъ, въ лѣвой держитъ жезлъ; подлѣ головы греческая надпись: *ὁ ἀρχ. Γαβριήλ. Χέρε κεχαριτομένη ὁ κ̄ς̄ μετὰ σοῦ* (испорчена). Богоматерь представлена въ голубоватомъ хитонѣ съ золотыми поручами и такого же цвѣта головномъ покровѣ, въ золотомъ нимбѣ и красныхъ сапожкахъ; въ лѣвой рукѣ ея багряный матеріалъ для пряжи, въ правой — нитка съ веретеномъ; ноги покоятся надъ ромбоидальномъ подножіи. Подлѣ головы надпись — справа *ΜΡ ΘΥ* слѣва: *ἰδοῦ ἡ δούλη κοῦ γένυτο μυ κατὰ τὸ ῥῆμα σου*. Этотъ переводъ благовѣщенія, восходящій своимъ началомъ по крайней мѣрѣ къ V в. (мозаики Маріи Великой въ Римѣ) основанъ на древнемъ довольно распространенномъ преданіи, по которому Богоматерь въ моментъ благовѣщенія изготовляла завѣсу для іерусалимскаго храма. Въ памятникахъ византійскихъ и русскихъ онъ былъ переводомъ наиболѣе распространеннымъ, равно какъ довольно многочисленны и преданія о подробностяхъ событія благовѣщенія въ памятникахъ греческой, славянской и западно-европейской письменности. Въ купольныхъ аркахъ изображены были мученики по десяти въ каждой; изъ нихъ сохранились десять въ южной и пять въ сѣверной. Остальныя части храма покрыты фресковою живописью.

Фрески Кіево-Софійскаго собора, исполненныя вмѣстѣ съ сооруженіемъ его Ярославомъ Владиміровичемъ[3]), въ настоящее время уже реставрированы. Исторія этой реставраціи, разсказанная неоднократно[4]), убѣждаетъ въ томъ, что сюда внесены многія исправленія и дополненія, произвольныя толкованія сюжетовъ; такъ что въ настоящемъ видѣ памятникъ этотъ уже утратилъ значительную долю своей археологической цѣнности. Но если въ самомъ памятникѣ реставрація сгладила многіе слѣды древности и внесла въ роспись не мало новаго и произвольнаго, даже прямо невѣрнаго, то для насъ все-таки остается возможность ознакомленія съ археологическою стороною памятника отчасти по изданію его рисунковъ, исполненныхъ Ѳ. Г. Солнцевымъ, отчасти по описанію, сдѣланному очевидцемъ реставраціи прот. Скворцовымъ. Послѣдній, описывая эту роспись, выходитъ изъ предположенія, что она должна выражать собою идею Ипостасной

[1]) Изданы проф. Праховымъ въ Труд. Моск. Арх. Общ. 1887, III; тамъ же первосвященникъ Ааронъ съ сѣв. столпа царской арки.

[2]) *Biscioni*, Biblioth. Med. Laur. catal. cf. проф. Усовъ, Сир. Ев. (въ Труд. Моск. Арх. Общ. т. XI, вып. 2, табл. V), *Garrucci*, tav. 130.

[3]) Ц. С. прот. П. Г. Лебединцева.

[4]) Напр. прот. Скворцовымъ, Закревскимъ, Срезневскимъ, Прохоровымъ и др.

Премудрости Божіей. Какъ мозаическая евхаристія служитъ выраженіемъ мысли „объ уготованіи трапезы“ Премудростію, такъ на стѣнахъ храма представлены другія дѣла Премудрости; сюда относятся не только евангельскія событія, какъ славнѣйшія дѣла Софіи, но и явленіе Аврааму трехъ странниковъ, отдѣльныя лица, какъ рабы и служители Премудрости, Успеніе Богоматери, какъ прославленіе дома Премудрости Божіей, когда Пресв. Дѣва, одушевленный храмъ Бога Слова, призвана была украшать собою храмъ вѣчной славы[1]). Взглядъ слишкомъ широкій, и исходная точка зрѣнія автора не вѣрна. Авторъ идетъ по пути соображеній теоретическихъ и полагаетъ, что идея посвященія храма Софіи Премудрости Божіей должна была абсолютно господствовать во всѣхъ изображеніяхъ. Нельзя отрицать того, что посвященіе храма имѣло и имѣетъ вліяніе на подборъ изображеній для стѣнной росписи; но чѣмъ объяснить то, что многія изъ изображеній Кіево-Софійскаго собора повторяются не только въ храмахъ „Софіи“, но и вообще въ храмахъ въ честь Спасителя, Богоматери и святыхъ? Если повтореніе ихъ въ первыхъ двухъ можетъ быть еще, хотя съ большими натяжками, сведено къ Софіи въ виду недостаточно опредѣленнаго истолкованія идеи Софіи въ памятникахъ письменности, то повтореніе въ храмахъ, напр. въ честь Георгія, будетъ имѣть уже иное значеніе. Пусть опредѣленіе „Софія — премудрость“ относится къ Сыну Божію, а дѣло Сына Божія обнимаетъ собою весь міръ, всю церковь; но нельзя опускать изъ вниманія того, что это опредѣленіе частное, и къ нему, какъ таковому, невозможно сводить всю область богословствованія и въ частности весь кругъ христіанской иконографіи. Фресковыя изображенія здѣсь расположены въ слѣдующемъ порядкѣ. На сѣверной сторонѣ вверху подъ сводами Іисусъ Христосъ предъ первосвященникомъ, раздирающимъ свои одежды, и ап. Петръ возлѣ костра, ниже — сошествіе Спасителя въ адъ (Іисусъ Христосъ со свиткомъ, но безъ креста; Давидъ и Соломонъ направо отъ зрителя) и явленіе Спасителя тремъ свв. женамъ по воскресеніи (дѣйствіе среди двухъ скалъ, видны пальмы, свв. жены у ногъ Іисуса Христа). На южной сторонѣ: вверху распятіе Іисуса Христа среди двухъ разбойниковъ (предстоящіе: Іоаннъ Богословъ и 4 свв. жены; воины, одинъ съ копьемъ, другой съ губкою, третій съ длиннымъ мечомъ и щитомъ, Логинъ сотникъ; сцена оживленная); ниже увѣреніе Ѳомы (юный Ѳома простираетъ руку къ прободенному ребру Спасителя) и посольство апостоловъ на проповѣдь (Спаситель возлагаетъ руки на стоящихъ возлѣ Него апостоловъ). Здѣсь же съ западной стороны надъ аркою сошествіе Св. Духа на апостоловъ (апостолы расположены полукругомъ, евангелисты съ книгами, остальные со свитками, вверху стилизованное небо; нѣтъ ни Св. Духа, ни огненныхъ языковъ, ни фигуры космоса). На верхнихъ галлереяхъ также евангельскія событія: чудо въ Канѣ галилейской, тайная вечеря, столъ въ видѣ сигмы; схема обычная византійская), Іисусъ Христосъ въ домѣ Симона (?), явленіе Аврааму трехъ ангеловъ, жертвоприношеніе Авраама и три отрока въ вавилонской печи. Остальныя многоличныя изображенія въ средней части храма сдѣланы вновь. Единоличныя изображенія весьма многочисленны (до 108 поясныхъ и до 220 во весь ростъ) и представляютъ святыхъ разнаго званія, преимущественно мучениковъ[2]). Въ общихъ чертахъ планъ росписи таковъ: въ алтарѣ предметы,

[1]) Ц. С. стр. 39—46.

[2]) Детальный разборъ ихъ и сравненіе съ другими памятниками, особенно минологіями, представляетъ разно-

относящіеся къ евхаристіи, въ куполѣ представители небесной церкви, на стѣнахъ и сводахъ — событія Новаго Завѣта, особенно относящіеся къ голгооской жертвѣ, установленію евхаристіи и воскресенію; также отдѣльные святые, отчасти уцѣлѣвшіе отъ древней росписи, отчасти сдѣланные вновь.

Кромѣ главной алтарной апсиды, въ Кіево-Софійскомъ соборѣ паходятся на лицо еще четыре: въ сѣверной, ближайшей къ главной апсидѣ, представлены событія изъ исторіи ап. Петра[1]); въ южной — событія изъ жизни Богоматери: зачатіе (встрѣча и лобзаніе Іоакима и Анны у городскихъ воротъ), рождество Богородицы (сюжетъ скомпанованъ по образцу рождества Христова: св. Анна лежитъ въ постели, возлѣ нея три женскія фигуры съ сосудами въ рукахъ, внизу двѣ бабки омываютъ Богоматерь въ купели), введеніе во храмъ (въ сопровожденіи дѣвъ) и питаніе Богоматери ангеломъ (Богоматерь сидитъ на верхней ступенькѣ галлереи), далѣе неясный сюжетъ: Богоматерь стоитъ возлѣ портика съ вѣтвію въ рукѣ, предъ нею группа людей, среди которыхъ одно лицо въ епископскомъ омофорѣ и одна женщина; за Богоматерью внутри портика святитель. Одинъ изъ признаковъ этого изображенія — вѣтвь въ рукѣ Богоматери, повидимому, указываетъ на обрученіе Богоматери Іосифу (вѣтвь = расцвѣтшій жезлъ); но святительскіе омофоры не допускаютъ такого изъясненія; пусть въ памятникахъ византійскихъ анахронизмы встрѣчаются, напр. крестъ на столѣ въ изображеніи срѣтенія, но омофоръ съ крестами въ числѣ одеждъ ветхозавѣтныхъ лицъ даже и первосвященниковъ, явленіе странное: мы ни разу не встрѣчали подобныхъ аномалій и затрудняемся допустить, чтобы хорошій художнихъ Кіево-Софійскаго собора могъ позволить себѣ такую вольность. Болѣе вѣроятно предположеніе, что здѣсь художникъ имѣлъ въ виду представить предвозвѣщеніе апостоламъ объ успеніи Богоматери, при чемъ Богоматерь показала собраннымъ апостоламъ вѣтвь, принесенную Ей ангеломъ, какъ знакъ приближенія Ея кончины. Въ такомъ случаѣ епископы въ омофорахъ могутъ означать апостоловъ, въ частности епископъ, стоящій въ портикѣ, будетъ означать перваго епископа іерусалимской церкви Іакова. Допуская такое толкованіе, мы тѣмъ не менѣе сомнѣваемся въ правильности рисунка, изданнаго С.-Петербургскимъ археологическимъ обществомъ. Слѣдуютъ: обрученіе Богоматери (первосвященникъ бесѣдуетъ съ Богоматерью, въ сторонѣ Іосифъ съ посохомъ и народъ), благовѣщеніе въ двухъ иконописныхъ переводахъ — у источника (Богоматерь черпаетъ воду изъ бассейна и обращаетъ взоръ къ поясному ангелу, представленному въ стилизованномъ небѣ; скалистый ландшафтъ) и съ рукодѣльемъ (Богоматерь съ веретеномъ въ рукѣ стоитъ возлѣ палатъ, передъ нею въ смиренно-наклоненномъ положеніи благовѣствующій архангелъ), свиданіе Богоматери съ прав. Елизаветою (въ палатахъ обнимаются, изъ-за портьеры выглядываетъ служанка). Всѣ

сторонній интересъ. Здѣсь находится между прочимъ мученикъ Мама, памяти котораго посвященъ былъ въ Константинополѣ монастырь въ предмѣстьи, гдѣ останавливались русскіе гости, пріѣзжавшіе въ Константинополь. Замѣтимъ, что нѣкоторыя изображенія святыхъ Кіево-Соф. собора находятся также въ малоизвѣстной доселѣ Давидъ-Гареджійской минеѣ XII вѣка.

[1]) Здѣсь между прочимъ находится изображеніе ап. Петра, крестящаго въ сосудѣ женщину, въ сторонѣ воспріемники съ покрывалами и народъ. Сюжетъ этотъ въ изданіи СПБ. археолог. общества названъ крещеніемъ Пресв. Богородицы, что мало вѣроятно: во-первыхъ, крещеніе Богоматери совсѣмъ не извѣстно въ памятникахъ византійскаго и русскаго искусства; во-вторыхъ, Богоматерь не могла быть представлена обнаженною. Названное толкованіе, вѣроятно, основано на извѣстномъ преданіи, что Богоматерь крещена ап. Петромъ. Вѣрнѣе видѣть здѣсь крещеніе одного изъ членовъ семьи Корнилія.

эти изображенія представляютъ единство, всѣ относятся къ жизни Богоматери и повторяютъ темы, подробно развитыя въ протоевангеліи Іакова, а позднѣе въ гомиліяхъ Іакова о дѣвствѣ Богоматери. Но между миніатюрами гомилій и указанными сейчасъ изображеніями — большая разница какъ въ композиціяхъ, такъ отчасти и въ выборѣ сюжетовъ. Очевидно, что темы, ставшія весьма употребительными въ то время въ Византіи, варіировались въ художественной обработкѣ. — Въ крайнихъ алтарныхъ апсидахъ устроены придѣлы георгіевскій и архангело-михайловскій. Роспись ихъ имѣетъ характеръ спеціальный; въ первомъ — событія мученической кончины св. Георгія, во второмъ — явленія ангеловъ ветхозавѣтнымъ лицамъ: напр. Іакову, Іисусу Навину, Валааму и Захаріи. Въ основѣ этой росписи лежитъ мысль преданія, что во всѣхъ этихъ случаяхъ Божественнымъ вѣстникомъ былъ именно архистратигъ Михаилъ.

Въ западной части Кіево-Софійскаго собора, на лѣстницахъ, ведущихъ на хоры, уцѣлѣли живописи свѣтскаго характера: левъ, разтерзывающій какое-то животное, охота на тигра и кабана, ипподромъ съ дрессированными конями и всадниками, музыканты съ трубами, литаврами и цитрами, акробаты, грифоны, охота на льва, бѣлку, медвѣдя и оленя, битва рыцаря съ чудовищемъ, царскій дворецъ и т. п. Наклонность къ символическимъ толкованіямъ давала иногда поводъ видѣть здѣсь поучительные намеки на русское скоморошество и пляску, на занятія русскихъ людей охотою. Таково мнѣніе П. В. Павлова[1]), не имѣющее серьезныхъ основаній. Сементовскій видитъ здѣсь намеки на подвиги чудо-богатырей Владиміра, его сыновей и его ловчей дружины и аллегорическія изображенія[2]). Прохоровъ догадывался, что циклы эти имѣютъ византійское происхожденіе и указываютъ на византійскія забавы. Въ недавнее время Н. П. Кондаковъ изъяснилъ эти фрески въ смыслѣ игръ византійскаго цирка и зрѣлищъ ипподрома[3]). Во всякомъ случаѣ фрески эти не имѣютъ внутренней связи съ храмовою росписью; онѣ помѣщены въ качествѣ орнамента не въ самомъ храмѣ, но на лѣстницахъ; былъ ли здѣсь ходъ во дворецъ, какъ предполагалъ Прохоровъ, или только на хоры, — все равно. Подобнаго рода орнаментика допускалась и въ византійскихъ дворцахъ и храмахъ; у насъ въ Россіи также расписывались стѣны и своды лѣстницъ; въ храмахъ московскаго періода эта роспись входовъ имѣетъ уже религіозно поучительный характеръ за немногими исключеніями (роспись на лѣстницѣ колокольни при ц. Димитрія Солунскаго въ Новгородѣ).

Остатки стѣнной росписи недавно открыты также въ *Кіевскомъ Кирилловомъ монастырѣ*. Большая часть ихъ относится къ XII вѣку; нѣкоторыя къ XVII в.[4]). Въ алтарной апсидѣ Богоматерь, какъ нерушимая стѣна, евхаристія или *μετάδοσις*, какъ въ кіевскихъ мозаикахъ съ незначительною разницею въ положеніи Спасителя и ангеловъ съ рипидами, и два ряда святителей — во весь ростъ и погрудные въ медальонахъ. На столпахъ царской арки было представлено благовѣщеніе по тому же переводу и съ такимъ же размѣщеніемъ фигуръ, какъ въ мозаикахъ Кіево-Софійскаго собора,

---

[1]) Труды III-го археол. съѣзда, т. I, стр. 283 и слѣд.

[2]) Кіевъ, изд. 1881 г., стр. 95, 96.

[3]) Записки Импер. русск. археологическ. общества т. III, 3—4 нов. сер., стр. 287 и слѣд.

[4]) Опис. въ статьѣ проф. Прахова „Кіевскіе пам. виз.-русск. искусства“. Труды москов. археол. общ. № 1, 3, стр. 1 и слѣд.

ниже — срѣтеніе и два апостола, Петръ и Павелъ[1]). На стѣнахъ храма были праздники, изъ которыхъ уцѣлѣли отъ XVII в. изображенія рождества Христова и успеніе Богоматери: въ послѣднемъ при каждомъ апостолѣ, летящемъ на погребеніе Богоматери, находится ангелъ-руководитель, — подробность, повторяющаяся часто въ памятникахъ XVII в. Въ западной части храма страшный судъ въ древней византійско-русской схемѣ[2]). По мѣстамъ открыты отдѣльныя изображенія святыхъ. Придѣлъ св. Кирилла Акександрійскаго (съ южной стороны) имѣетъ спеціальную роспись, относящуюся къ дѣятельности знаменитаго александрійскаго іерарха: Богоматерь благословляетъ свв. Кирилла и Аѳанасія, св. Кириллъ исцѣляетъ бѣсноватыхъ, св. Кириллъ пишетъ заповѣдь Божію, учитъ церковь, проповѣдуетъ правую вѣру, учитъ на соборѣ (ефесскомъ), проклинаетъ еретиковъ; погребеніе св. Кирилла. Всѣ вообще фрески кирилловской церкви повреждены, но ихъ остатки прямо укызываютъ на источники византійскіе; какихъ-либо самобытныхъ русскихъ особенностей, предполагаемыхъ нѣкоторыми спеціалистами, мы здѣсь не находимъ.

Таковы представители храмовой росписи въ Кіевѣ. Неблагопріятныя условія исторической жизни не позволили здѣсь развить византійскія начала и на основѣ ихъ создать самобытную русскую церковную живопись. Попытки украшенія кіевскихъ храмовъ[3]) въ XVII в. привели лишь къ копированію съ аѳонскихъ образцовъ; но и такія попытки были здѣсь очень рѣдки. Болѣе значительное число стѣнныхъ росписей уцѣлѣло въ храмахъ новгородскихъ.

Глава IV.

Стѣнописи новгородскія.

Основныя начала византійскаго искусства и иконографіи проходятъ также и въ росписяхъ храмовъ повгородскихъ. Преобладающимъ видомъ росписи въ Новгородѣ была роспись фресковая. Что касается мозаическаго производства, то оно имѣло здѣсь слишкомъ ограниченное приложеніе; по крайней мѣрѣ здѣсь до сихъ поръ не извѣстно ни одного болѣе или менѣе значительнаго памятника древней мозаики, за исключеніемъ единственнаго остатка мозаическихъ украшеній въ алтарномъ полукружіи новгородскаго Софійскаго собора. Не легко допустить, чтобы ни въ памятникахъ вещественныхъ, ни въ памятникахъ древней письменности не сохранилось указаній на мозаику, если бы она была здѣсь извѣстна по крайней мѣрѣ настолько, насколько въ Кіевѣ; между тѣмъ какъ фресковыя росписи и письменныя извѣстія о нихъ сохранились въ значительномъ количествѣ. Объяснить это возможно трудностію и дороговизною производства мозаики[4]). Наличныя данныя не позволяютъ намъ согласиться съ тѣмъ мнѣніемъ, будто древне-

---

[1]) Всѣ эти изображенія сильно повреждены.

[2]) См. ниже о фрескахъ новгородскихъ и владимірскихъ.

[3]) Стѣнописи въ ц. Спаса на Берестовѣ.

[4]) Ср. *Е. Е. Голубинскій,* Истор. русск. ц. т. I, ч. 2, стр. 196.

русскіе мастера въ короткое время такъ хорошо ознакомились съ мозаическимъ дѣломъ, что даже превзошли самихъ грековъ. Мнѣніе это основано, впрочемъ, на памятникахъ — не сѣверныхъ, а кіевскихъ; тѣмъ не менѣе и въ этомъ объемѣ оно страдаетъ преувеличеніемъ. „Сравните, говоритъ проф. Праховъ, фрески и мозаики кіево-софійскія, греческія XI в. съ михайловскими мозаиками и кирилловскими фресками, русскими XII вѣка. Вы невольно остановитесь на той особенности, что въ живописи XII в. стиль прежде условный и нѣсколько деревянный уступаетъ мѣсто большей естественности, большей свободѣ. Взгляните на двѣ мозаики: евхаристію софійскаго алтаря и евхаристію михайловскаго алтаря и для примѣра сравните апостоловъ, подходящихъ справа къ I. Христу съ чашей. Вы неминуемо отдадите предпочтеніе михайловскому изображенію: сколько естественности въ движеніи и въ выраженіи благоговѣнія въ первой наклоненной фигурѣ, сколько благородной граціи во второй. Насколько фигуры выросли и стали стройны. Стиль колеблется, такъ какъ въ принесенныя Византіей формы русская фантазія, овладѣвъ ими, начинаетъ вносить живыя наблюденія: то-есть, на нашихъ глазахъ начинается тотъ органическій, творческій процессъ, который помогъ, напр. итальянцамъ, воспользовавшись всѣмъ, что могла дать имъ Византія, повести дѣло искусства — исканіе красоты внѣшней и внутренней жизни человѣка — далѣе и далѣе до феноменальнаго совершенства въ созданіяхъ XIV стол. Вѣкъ XI былъ для насъ вѣкомъ ученія, вѣкъ XII началомъ самостоятельной художественной дѣятельности; да, самостоятельной, такъ какъ русскій ученикъ византійскаго учителя уже началъ наблюдать дѣйствительность и вносить свои наблюденія въ искусство“ [1]). Отзывъ чрезвычайно лестный для русской культуры и искусства XII в.; но едва ли справедливый: онъ основанъ на сравненіи мозаикъ кіево-софійскихъ съ михайловскими, изъ которыхъ первыя признаются дѣломъ византійскихъ художниковъ, а вторые — русскихъ; однако на чемъ покоится предположеніе о михайловскихъ мозаикахъ, какъ произведеніи русскомъ? На славянской надписи „пріимите, ядите“ и т. д. Но извѣстно, что нѣкоторыя изъ византійскихъ мозаикъ Италіи и Сициліи имѣютъ латинскія надписи, тѣмъ не менѣе сами мозаики имѣютъ несомнѣнно византійское происхожденіе; на русскихъ иконахъ даже XVI и XVII вв. встрѣчаются греческія надписи, но иконы эти писались русскими иконописцами; на греческихъ иконахъ встрѣчаются надписи турецкія, на византійскихъ эмаляхъ грузинскія. Возможно предположить, что и въ мозаикахъ михайловскихъ славянская надпись сдѣлана грекомъ, тѣмъ болѣе, что 1) славянскій шрифтъ — греческій; 2) въ надписи этой допущены ошибки, болѣе свойственныя греку, чѣмъ, русскому; 3) нѣкоторыя буквы, — какъ замѣтилъ г. Крыжановскій сохраняютъ здѣсь прямо греческую форму“ [2]). Затѣмъ, если славянская надпись служитъ признакомъ русской работы, то на какую работу — греческую или русскую указываютъ греческія надписи въ мозаикахъ того же михайловскаго алтаря: *ὁ ἅγιος Δημήτριος, ὁ ἅγιος Στεφάνος?* Выходя изъ предположенія довольно шаткаго, А. В. Праховъ опускаетъ изъ виду то, что указанныя имъ преимущества русскаго памятника предполагаютъ не только наблюдательность и изученіе природы, но и долговременныя упражненія; гдѣ же слѣды этихъ

---

[1]) Цит. ст. стр. 24—25.

[2]) *Z*, *H* (ита), *N*.

упражненій? Почему эта русская школа мозаики проявила себя только въ единственномъ памятникѣ, почему не обнаружила себя такъ или иначе, если не въ Кіевѣ, то, напр. въ Новгородѣ или Владиміро-Суздалѣ? Спросъ вызываетъ производительныя силы и ведетъ къ прогрессу. Но если нѣтъ достаточныхъ основаній предполагать большой спросъ, то представляется болѣе вѣроятнымъ думать, что русскія мозаики исполнялись византійцами изъ византійскаго матеріала, хотя бы и при помощи русскихъ учениковъ. Нѣтъ нужды говорить о томъ, что въ Михайловскихъ мозаикахъ какъ композиціи, такъ и типы и техника имѣютъ характеръ византійскій. Но если такъ шло дѣло въ Кіевѣ, то тѣмъ болѣе въ отдаленномъ Новгородѣ трудно ожидать широкаго развитія мозаическзго производства; фреска была удобнѣе здѣсь во всѣхъ отношеніяхъ: ею украшены были важнѣйшіе новгородскіе храмы, начиная съ Софійскаго собора.

Нѣкоторыя свѣдѣнія о росписи новгородскаго *Софійскаго собора* сообщаетъ новгор. лѣтопись. „Въ лѣто 6553 (1045) заложи великій князь Владиміръ Ярославичъ... въ великомъ Новѣградѣ церковь каменную св. Софіи, при второмъ епископѣ Лукѣ и дѣлали ю семь лѣтъ и устроиша вельми прекрасну и велику... и устроивъ церковь, приведоша иконныхъ писцовъ изъ Царя-града и начаша подписывати во главѣ и написаша образъ Господа Бога и Спаса нашего Іис. Христа съ благословящею рукою. Во утрій день видѣ епископъ Лука образъ написанъ неблагословящею рукою; иконописцы же писаша по три утра, и на четвертое утро гласъ бысть отъ образа Господня иконнымъ писцомъ глаголющъ: писари, писари, о писари! не пишите Мя благословящею рукою, (напишите Мя сжатою рукою); Азъ бо въ сей руцѣ Моей сей великій Новградъ держу; а когда сія рука Моя распространится, тогда будетъ граду сему скончаніе. Мѣра тому Спасову образу: отъ вѣнца до пояса полъ 4 сажени, а около вѣнца 43 пяди, носу длина полъ 4 пяди, рука сжатая длань 6 пядей, устамъ полторы пяди, очи полъ 2 пяди, а простертая длань 8 пядей; подпись Іисусъ Христосъ по 14 пядей; архангели и херувимы надъ окны написаны стояще по 16 пядей, а пророцы написаны промежъ оконъ стоящіи по 18 пядей мѣрныхъ, а внутри главы кругомъ, гдѣ окна, 12 саженъ, а отъ Спасова образа ото лбу до мосту церковнаго 15 саженъ мѣрныхъ. А писали Спасова образа годишное время и болѣ[1])“. Извѣстіе это характеризуетъ обычные пріемы нашихъ лѣтописцевъ, когда идетъ рѣчь о памятникахъ искусства: лѣтописецъ отмѣчаетъ въ памятникѣ то, что особенно поражаетъ наблюдателя или грандіозностію размѣровъ, или блескомъ драгоцѣнныхъ матеріаловъ, или какимъ-либо чудесными событіями, сопровождавшими ихъ сооруженіе. Все это имѣетъ свою важность, но для насъ въ данномъ случаѣ гораздо важнѣе мимоходомъ брошенныя замѣчанія о цареградскихъ художникахъ и о размѣщенія изображеній въ куполѣ: изъ этихъ намековъ становится яснымъ, что въ куполѣ изображенъ былъ Паптократоръ, ниже надъ окнами купола архангелы, въ барабанѣ — пророки. О другихъ подробностяхъ первоначальнаго настѣннаго письма въ Софійскомъ соборѣ ничего не извѣстно. И если народное преданіе признаетъ существующія въ настоящее время стѣнописи собора, въ томъ числѣ и образъ Спасовъ, первоначальными, то ему нельзя придавать безусловной вѣры. Даже живописи верхнихъ

[1]) Лѣтопись новгород. церкв. изд. Археограф. Комм. стр. 181—182. Ср. *И. И. Срезневскій*, Свѣд. и замѣч. о малоизв. и неизв. пам. вып. XXXI, стр. 98. *Д. И. Прозоровскій*, Новгородъ и Псковъ, стр. 144.

частей собора не восходятъ ранѣе XVII в. здѣсь находятся уже изображенія новгородскихъ святителей XV—XVI в. и даже новгородскаго митрополита Авѳонія († 1653 г.), помѣщенное въ куполѣ ниже пророковъ[1]). Необходимо, впрочемъ, признать, что первоначальныя изображенія купола, отмѣченныя лѣтописцемъ, при передѣлкахъ не уничтожались, но лишь исправлялись.

Блестящій образецъ фресковой росписи представляетъ цер. *Спаса въ Нередицахъ близъ Новгорода*. Памятникъ этотъ, несмотря на свое высокое значеніе и художественно исполненные г. Мартыновымъ снимки, находящіеся теперь въ московскомъ Историческомъ музеѣ, доселѣ еще не обслѣдованъ.

Церковь Спаса Преображенія построена въ 1198 г. Въ новгородской лѣтописи подъ 6706 г. записано: „князь великій Ярославъ сынъ Владимерь, внукъ Мстиславль, заложи церковь камену во имя святаго Спаса Преображенія, въ Новѣгородѣ въ Нередицахъ. И начаша мастеры дѣлати Іюня въ 8 день, на память св. Ѳеодора, а скончаша мѣсяца Сентября“[2]). Въ такой короткій срокъ времэни, впрочемъ необычайный для того времени[3]), перковь могла быть построена только вчернѣ; росписаніе ея произведено было въ слѣдующемъ году: „въ лѣто 6707, — продолжаетъ лѣтописецъ, — написаша церковь святаго Спаса въ Нередицахъ“[4]). Это единственное извѣстіе въ лѣтописяхъ о настѣнномъ письмѣ Нередицкой церкви; дальнѣйшая исторія стѣнописи остается неизвѣстною. Подъ 1543 годомъ упоминается въ лѣтописи о Преображенской церкви, но о стѣнописяхъ ни слова: „въ лѣто 7051 бысть пожаръ въ Нередицахъ, въ монастырѣ у св. Спаса: да у Спаса святаго у каменной церкви верхъ сгорѣлъ до плечъ, да трапеза сгорѣла съ церковію Троица Святая, и иконы изъ нея вынесли“[5]). Пожаръ этотъ, какъ видно, не распространялся на всю церковь Спаса, но только повредилъ верхнія части ея до плечъ и потому фрески остались цѣлыми. Настоящій видъ ихъ, равно какъ и палеографическіе признаки ихъ подписей не позволяютъ признать ихъ произведеніемъ и даже реставраціею XVI вѣка. Тѣмъ не менѣе то, признанное въ настоящее время, положеніе, что онѣ уцѣлѣли безъ возобновленій въ томъ видѣ, какой имѣли до 1200 года, нельзя считать вполнѣ доказаннымъ. Положеніе это основывается прежде всего на свидѣтельствѣ лѣтописи, а затѣмъ подкрѣпляется и иными соображеніями: сюда относятся надписи, нацарапанныя на томъ же грунтѣ, на которомъ находятся фрески, и указывающія на XIII-е столѣтіе. На столбѣ, между діаконикомъ и алтаремъ (южная сторона столба), нацарапано: „въ лѣто 6787 (1279) мѣсяца октября 7 преставися рабъ Божій Кириллъ на память св. Сергія, а 9 день жена его преставися Оксинія. Господи, помози рабу Твоему Кириллу и Оксиніи“. Подобная же надпись, сдѣланная тѣмъ же шрифтомъ, находится на югозападномъ столбѣ церкви: „въ лѣто 6762 (1254) мѣсяца Генваря 29 преставися рабъ Божій Козьма Ивановичъ“. Если послѣдняя надпись можетъ означать мѣсто погребенія мірянина подлѣ югозапад-

---

[1]) *Макарій*, Археолог. опис. новгород. церкв. I, 57.

[2]) Новгор. лѣтоп. изд. Археогр. ком. стр. 13, ср. 197.

[3]) Ср. Каменная церковь Преображенія въ старой Русѣ построена въ 70 дней; тамъ же стр. 198; церковь Трехъ Отроковъ въ Новгородѣ построена въ четыре дня; церкви деревянныя строились иногда въ одинъ день (обыденныя); ср. *Е. Е. Голубинскій*, Исторія русск. ц., I ч. 2, стр. 80.

[4]) Новгор. лѣтоп., стр. 14.

[5]) Тамъ же, стр. 73.

наго столба церкви, то первая не можетъ имѣть такого значенія; допустить, чтобы женщина могла быть погребена въ алтарѣ или діаконикѣ мужскаго монастыря — слишкомъ трудно... Надпись, вѣроятно, сдѣлана для памяти кѣмълибо изъ почитателей умершихъ лицъ, можетъ быть лицомъ духовнымъ, мѣстнымъ монахомъ, и могла служить напоминаніемъ о времени кончины этихъ лицъ, нужнымъ для поминовенія на литургіи. Но какъ эта, такъ и другая надпись относятся уже къ XIII вѣку, даже ко 2-ой его половинѣ. Слѣдовательно онѣ не ручаются за то, что въ продолженіе слишкомъ 50 лѣтъ, протекшихъ отъ времени первоначальнаго написанія фресокъ, не было произведено здѣсь реставрацій: фрески по тѣмъ или другимъ причинамъ могли потребовать исправленія, и указанныя надписи могли быть нацарапаны не на первоначальномъ грунтѣ, но исправленномъ. Допустимъ даже, что это грунтъ первоначальный, тѣмъ не менѣе все-таки этимъ не исключается возможность исправленія фресокъ, состоявшаго, напр. просто въ освѣженіи красокъ, исправленіи испорченныхъ мѣстъ безъ поновленія цѣлаго грунта; исправленіе этого рода могло имѣть мѣсто даже спустя долгое время послѣ 1279 г. (дата второй надписи). Наконецъ, не нужно опускать изъ вниманія и того, что нацарапанныя на внутреннихъ стѣнахъ Нередицкой церкви многочисленныя надписи не были доселѣ никѣмъ провѣрены критически ни со стороны внутренняго содержанія, ни со стороны палеографической, что составляетъ одну изъ неотложныхъ частныхъ задачъ русской археологіи, а потому мы и не можемъ усвоить имъ рѣшающаго значенія въ вопросѣ о цѣлости первоначальныхъ Нередицкихъ фресокъ. Осторожность не излишняя въ виду соображеній, о которыхъ рѣчь ниже. Другимъ признакомъ цѣлости первоначальныхъ фресокъ служитъ, повидимому, изображеніе русскаго князя съ надписью на свиткѣ. Надпись издана и обслѣдована И. И. Срезневскимъ въ извѣстіяхъ И. Р. Археол. Общества[1]); текстъ ея слѣдующій:... „Въ о боголюбивый княже вторый Всеволодъ злыя обличая добрыя любя правыя кормя и вся церковныя чины и монастырскія лики милостивны имая, но милостивче кто твоя добродѣтели можетъ исчести, но даждь Богъ цесарствіе небесное съ всѣми святыми, угодшими ти въ безконечныя вѣки, аминь“[2]). Ученый издатель надписи съ полною достовѣрностію полагаетъ, что этотъ князь есть не кто иной, какъ Ярославъ Владиміровичъ, который построилъ Нередицкую церковь: видѣть въ этомъ изображеніи лицо какого-нибудь другаго князя, не имѣвшаго особенно близкаго отношенія къ Нередицкому монастырю, нѣтъ основаній. Князь держитъ въ рукахъ модель построенной имъ церкви: это обычная иконографическая форма для изображенія ктиторовъ въ храмахъ византійскихъ[3]), и даже грузинскихъ. Находящуюся при этомъ изображеніи надпись И. И. Срезневскій относитъ ко времени до 1200 года, — слѣдовательно, къ тому же времени, повидимому, нужно отнести и изображеніе князя. Не возражая противъ ученыхъ соображеній автора, основанныхъ на признакахъ письма, мы въ то же время не можемъ считать вопросъ этотъ окончательно рѣшеннымъ. Составитель надписи выражаетъ пожеланіе Ярославу царства небеснаго въ безконечные вѣки. Но такое пожеланіе возможно было только послѣ кончины Ярослава; при жизни же было естественно пожелать ему здравія и долгоденствія.

[1]) Изв. И. Р. А. О. 1863 г. т. IV, стр. 201—205.

[2]) Орѳографія не соблюдена.

[3]) Ср. еп. Екклезій въ ц. св. Виталія въ Равеннѣ; Ѳеодоръ Метохинъ въ Кахріе-Джами и др.

Такъ это и дѣлали русскіе писцы. Согласимся, что въ припискѣ на извѣстномъ Мстиславовомъ Евангеліи Алекса Лазаревъ выражаетъ пожеланіе царства небеснаго живому князю Мстиславу Владиміровичу, но форма этого пожеланія иная: Алекса желаетъ „наслѣдія царства небеснаго и долголѣтняго княжества“; здѣсь же буквально одно „царствіе небесное со всѣми святыми“. Рѣчь идетъ отъ составителя надписи и относится къ лицу, уже умершему; слѣдовательно, надъ этою надписью работала неизвѣстная рука не въ 1199 году, когда Ярославъ былъ живъ, но спустя нѣкоторое время. Время кончины Ярослава въ лѣтописяхъ не отмѣчено. Въ лѣтописи по архивскому списку, изданному археографическою коммиссіею, подъ 1214 годомъ, замѣчено, что Ярославъ засѣлъ въ Торжкѣ; издатели признаютъ въ этомъ Ярославѣ строителя Нередицкой церкви[1]). Онъ живъ былъ даже въ 1233 г., какъ видно изъ словъ: „Борисова чадь взяла Изборскъ изгономъ съ княземъ Ярославомъ Владиміровичемъ и съ нѣмци[2])“. Если вѣрно, что Ярославъ скончался послѣ 1233 года, то ясно, что разсматриваемую надпись нельзя относить къ концу XII вѣка. Въ 1199 году Ярославъ былъ еще живъ и въ томъ же году выведенъ Всеволодомъ изъ Новгорода[3]). Отнести надпись къ концу XII в. возможно только въ томъ случаѣ, если будетъ доказано, что Ярославъ въ томъ же 1199 г., то-есть, когда расписывалась Нередицкая церковь, скончался. Болѣе вѣроятнымъ представляется первое предположеніе — особенно въ виду слѣдующихъ соображеній. Покойный Прохоровъ, усмотрѣвъ на головѣ Ярослава подобіе татарской фески, усумнился относительно времени происхожденія этого изображенія и рѣшился отмыть верхній слой фрески, — предположеніе о фескѣ оказалось ошибочнымъ, но промывка привела къ важному открытію: въ изображеніи оказались слѣды поновленій; подъ верхнимъ изображеніемъ князя открылось другое первоначальное изображеніе. Если поновлено изображеніе князя, то, весьма вѣроятно, въ то же время передѣлана и надпись, въ которой реставраторъ могъ усмотрѣть слѣды анахронизмовъ: произойти это могло вскорѣ послѣ кончины Ярослава, когда преданіе объ его добродѣтеляхъ было еще свѣжо въ народной памяти. Но если потребовалась реставрація для изображенія князя, то возможно предположить ее и для остальныхъ стѣнописей храма; не легко понять, почему предпринята была реставрація одной фигуры; если фигура эта обветшала, то должны были къ тому времени обветшать и другія. Какъ произведена была реставрація? Полагаемъ, что весьма осторожно: это подтверждается съ одной стороны сравненіемъ изображенія Ярослава первоначальнаго съ подновленнымъ, съ другой — тѣмъ, что не смотря на тщательные поиски и наблюденія, слѣдовъ реставраціи въ священныхъ изображеніяхъ мы не нашли. Вѣроятно, фрески обновлены были по старымъ чертамъ. Время обновленія опредѣляется отчасти признаками палеографическими, которые указываютъ на XII—XIII вѣкъ, отчасти художественными и иконографическими. Ученый издатель надписи не видитъ съ палеографической точки зрѣнія препятствій отнести

---

[1]) См. указатель стр. 28. С. М. Соловьевъ, упомянувъ о томъ, что Ярославъ былъ въ Торжкѣ, относитъ это пребываніе ко времени до вторичнаго призыва Ярослава въ Новгородъ въ 1197—8 годахъ. Исторія Россіи т. 2, стр. 361—362. Съ другой стороны связанныя въ лѣтописи съ извѣстіемъ о пребываніи Ярослава въ Торжкѣ событія (страшный голодъ и задержаніе новгородцевъ) тотъ же историкъ соединяетъ съ именемъ Ярослава Всеволодовича, но не Владиміровича; ibid. 373—374.

[2]) *Погодинъ*, Изслѣд., замѣч. и лекціи по русск. исторіи, т. VI, № 188.

[3]) Лѣтопись, стр. 13.

Фототипія Шерер Набгольцъ и К° въ Москвѣ.

надпись къ XII вѣку; хотя замѣчаетъ, что „рисунокъ нѣкоторыхъ буквъ этой надписи не совсѣмъ тотъ, что въ книгахъ того времени“; во всякомъ случаѣ какъ надпись при изображеніи Ярослава, такъ и всѣ другія не позже XIII в. При изображеніяхъ святыхъ въ свиткахъ встрѣчаются греческія надписи; удержаны греческія вертикальныя надписи *ἅγιος*. Стиль и подробности костюмовъ, за исключеніемъ русскаго костюма Ярослава, стоятъ ближе къ греческимъ памятникамъ, чѣмъ въ фрескахъ владимірскихъ соборовъ Дмитріескаго и Успенскаго, и приближаются къ остаткамъ древнѣйшихъ фресокъ Кіево-Кирилловскаго монастыря. Въ виду сказаннаго мы склонны видѣть въ Нередицкихъ фрескахъ памятникъ XII в., возобновленный очень осторожно въ XIII в. Въ цѣломъ Нередицкія фрески представляютъ чрезвычайно отрадное явленіе въ ряду другихъ памятниковъ фресковой живописи. По обилію иконографическихъ сюжетовъ и типовъ, удовлетворительной сохранности и отсутствію новѣйшихъ исправленій онѣ превосходятъ всѣ извѣстные доселѣ памятники фресковой росписи въ Византіи и Россіи до XV в. Грунтъ весьма крѣпкій съ примѣсью пеньки, сообщающей ему особенную вязкость[1]). Стиль византійскій, сюжетъ и типы, за исключеніемъ кн. Ярослава, византійскіе; подписи вертикальныя, отчасти греческія, напр. *Ιω. προδρόμος;* краски довольно блѣдныя; въ средней части храма онѣ болѣе ярки и плотны, чѣмъ въ алтарѣ; фигуры правильныя византійскія, величественныя; выраженіе лицъ серьезное даже строгое; сильныхъ анатомическихъ погрѣшностей не замѣтно; но аскетическая тенденція обнаруживается повсюду: въ морщинахъ между бровями, около носа и особенно на лбу; въ алтарѣ фигуры крупнѣе и короче (6 головъ = около 38 вершковъ), чѣмъ въ средней части храма (8 головъ); всѣ святители въ фелоняхъ, съ короткими волосами. Медаліонныя изображенія въ аркахъ напомипаютъ соотвѣтствующія изображенія въ мозаикахъ Кіево-Софійскаго собора. Поврежденія коснулись отчасти фресокъ алтаря, гдѣ повреждены изображенія апостоловъ въ тайной вечери; особенно же верхнихъ частей — сводовъ, купола и стѣнъ. Это могло произойти прежде всего во время пожара, бывшаго здѣсь 12 мая 1543 года.

Обращаясь затѣмъ къ размѣщенію сюжетовъ въ Спасо-Нередицкой церкви, нужно замѣтить, что оно весьма типично. Въ куполѣ, согласно древнѣйшему византійскому обычаю, изображенъ Іисусъ Христосъ въ разноцвѣтномъ кругѣ (небесныя сферы), поддерживаемомъ ангелами; нѣсколько ниже изображены апостолы[2]) въ оживленныхъ позахъ: взоры ихъ обращены вверхъ къ Спасителю; иные въ движеніи, воздѣваютъ руки; жесты эти и позы находятъ свое объясненіе въ фрагментахъ надписи вокругъ купола: „вси языцы восплещите руками...“[3]) Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что живописецъ, изображая эту картину, держалъ въ памяти конкретный фактъ Вознесенія Спасителя на небо: за это ручается какъ характеръ иконографической композиціи, такъ и продолженіе псалма, изъ котораго заимствована надпись: „взыде Богъ въ воскликновеніи, Господѣ во гласѣ трубнѣ“[4]); текстъ этотъ и въ экзегетической литературѣ и въ памят-

---

[1]) То же самое и въ остаткахъ фресокъ Благовѣщенской церкви на Городищѣ близъ Новгорода.
[2]) Табл. II.
[3]) Пс. XLVI, 2.
[4]) Ст. 6.

никахъ византійской и русской иконографіи прилагался именно къ событію Вознесенія Господня. Ниже апостоловъ — пророки, а въ парусахъ сводовъ евангелисты; съ восточной и западной сторонъ на ребрахъ арокъ два изображенія Нерукотвореннаго образа. Слѣдовательно, въ убранствѣ купола мы имѣемъ изображеніе небесной церкви, подъ формами, почти неизмѣнно повторяющимися въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій. Въ зенитѣ алтарнаго свода изображенъ Іисусъ Христосъ *въ видѣ старца* съ сѣдою бородою и волосами; изображеніе это погрудное, въ медаліонѣ; Спаситель съ благословляющею десницею и свиткомъ въ шуйцѣ; глава Его украшена крестообразнымъ нимбомъ, въ которомъ написаны извѣстныя буквы *οων*; по сторонамъ изображенія — надпись:

Іс҃ Хс҃
ветъ дн҃ь
хы мъ
н н.

Надпись и атрибуты изображенія не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что здѣсь изображенъ именно Іисусъ Христосъ. Сѣдина въ волосахъ и бородѣ не можетъ быть признана случайною порчею первоначальнаго колорита, напр., сыростію грунта, потому что сосѣднія изображенія, стоящія въ одинаковыхъ условіяхъ, сохранили колоритъ въ своихъ темныхъ волосахъ. Сѣдина эта означаетъ то, что здѣсь Іисусъ Христосъ представленъ какъ ветхій деньми, что̀ прямо отмѣчено и въ надписи. Надпись даетъ прямо видѣть, что выраженіе „ветхій деньми“ живописецъ прилагалъ именно ко 2-му лицу Пресв. Троицы: это имѣетъ свою важность при оцѣнкѣ извѣстнаго опредѣленія собора 1667 г. объ изображеніяхъ Бога Отца. Здѣсь мы имѣемъ рѣдкую иконографическую форму, характеризующую отношеніе нашего искусства къ изображенію Бога Отца и къ толкованію таинственныхъ мѣстъ Св. Писанія. Извѣстное прор. Даніила „престоли поставишася и ветхій денми сѣде“[1]) истолковано здѣсь въ примѣненіи къ Сыну Божію, какъ истолковано оно и отцами московскаго собора[2]) $166^6/_7$ г. Возлѣ изображенія „ветхаго деньми“ представлены два архангела Михаилъ и Гавріилъ съ жезлами въ десницахъ и съ шарами, въ которыхъ начертанъ крестъ съ обычными надписями Іс҃. Хс҃. ника; далѣе по направленію ко лбу алтарной апсиды изображенъ украшенный перлами престолъ[3]), на которомъ находится Евангеліе; на Евангеліи — Св. Духъ; за престоломъ шестиконечный крестъ съ терновымъ вѣнкомъ, трость и копіе; надпись: „престолъ Господень Іс. Хс.“ — изображеніе довольно извѣстное въ памятникахъ византійскихъ[4]); по сторонамъ трона херувимъ и серафимъ въ одинаковыхъ формахъ съ ромбоидальными рипидами и надписями: „святъ, святъ, Господь“. Во лбѣ апсиды — Богоматерь[5]) въ пурпуровой мантіи и голубой туникѣ, съ бѣлымъ платочкомъ за поясомъ. Въ нѣдрахъ Ея медаліонное изображеніе Божественнаго Младенца съ благословляющею десницею, со свиткомъ въ шуйцѣ; руки Богоматери воздѣты, какъ въ кіево-софійскомъ изображеніи Нерушимой стѣны. Богоматерь стоитъ на подножіи, украшенномъ перлами;

---

[1]) Дан. VII, 9; ср. 13, 22.
[2]) Гл. 44.
[3]) Табл. I.
[4]) Ср Собр. визант. и русск. орнам. кн. *Гр. Гр. Гагарина,* табл. XIV и XXIV.
[5]) Табл. I.

Фототипія Шереръ Набгольцъ и Ко въ Москвѣ

Фототипія Шерер, Набгольцъ и № въ Москвѣ.

перлами украшены также Ея обувь, поручи и нимбъ Спасителя. Старческій типъ Богоматери и недостатокъ отчетливости въ исполненіи обличаютъ посредственнаго иконописца, копировальщика; но несомнѣнно, что цѣлый типъ этого изображенія близко стоитъ къ той византійской школѣ, которая создала кіевскую Нерушимую стѣну. Ниже Богоматери въ алтарной апсидѣ — раздаяніе Іисусомъ Христомъ св. хлѣба и чаши апостоламъ; еще ниже два ряда святителей, въ числѣ которыхъ можно разобрать по линіи С. В. Ю. Дометіана, Амфилохія, Власія, Ипатія, Лазаря, воскрешеннаго Спасителемъ и бывшаго, по преданію, епископомъ кипрскимъ, Іакова, Θе..., Григорія и Игнатія; всѣ они въ кресчатыхъ фелоняхъ съ Евангеліями въ рукахъ. На столпахъ возлѣ царскихъ вратъ св. діаконы Лаврентій (СВ) и Авивъ (ЮВ)[1]), съ кадилами и сіонами въ рукахъ; на главахъ ясно видна тонсура. Въ полукружіи жертвенника (съ сѣверной стороны алтаря) Богоматерь, а на стѣнахъ апостолы и св. мужи: Діонисій, Іаковъ Алфеевъ, Мина и др.; въ діаконикѣ однѣ св. жены[2]): муч. Христина въ роскошной діадимѣ съ драгоцѣнными привѣсками *(χρεμαστήρια)*, въ царскихъ одеждахъ, съ крестомъ въ правой рукѣ и простертою лѣвою дланью; св. Екатерина въ подобныхъ же одеждахъ, Агаѳія, Зиновія, Устинія и др., а въ полукружіи діаконика самъ Спаситель (?). Это распредѣленіе изображеній жертвенника и діаконика имѣетъ свое основаніе въ томъ, что первый никогда не былъ доступенъ для женщинъ: онъ есть мѣсто священнослужащихъ; наоборотъ въ діаконикъ допускались и діакониссы.

Въ средней части храма важнѣйшія мѣста заняты изображеніями двунадесятыхъ праздниковъ. На сѣверной стѣнѣ въ нижнемъ ряду между алтарными и средними столбами Введеніе Богоматери во храмъ[3]): первосвященникъ простираетъ руки къ идущей къ нему Богоматери, за которою слѣдуютъ Іоакимъ и Анна и группа дѣвъ съ вѣнками на головахъ. На заднемъ планѣ портикъ іерусалимскаго храма: здѣсь сидитъ Богоматерь, а ангелъ приноситъ Ей пищу; въ томъ же ряду ближе къ иконостасу Срѣтеніе[4]): Іосифъ держитъ въ рукахъ клѣтку съ птицами; впереди него Богоматерь держитъ Іисуса Христа, далѣе престолъ съ киворіемъ и Симеонъ Богопріимецъ, простирающій къ Спасителю руки, задрапированныя въ плащъ, за Симеономъ праведная Анна. Всѣ лица въ нимбахъ; нимбъ Іисуса Христа по обычаю крестообразный. Выше, въ слѣдующемъ ряду, по сторонамъ окна два пророка, надъ окномъ апостолы и, наконецъ, въ верхнемъ ряду по сторонамъ верхняго малаго окна распятіе: крестъ восьмиконечный; ноги Спасителя поставлены на поперечной косой балкѣ, тѣло въ изогнутомъ положеніи; титла не видно; также не видно ни адамовой главы, ни Голгоѳы; вверху два ангела; внизу съ одной стороны двѣ свв. жены, съ другой Іоаннъ Богословъ и воинъ; ближе къ иконостасу снятіе со креста: изображеніе стерто; можно различить только изображенія Іисуса Христа и Богоматери. Надъ этими изображеніями на сѣверномъ склонѣ церковнаго свода воскрешеніе Лазаря: Лазарь въ видѣ спелепутой муміи стоитъ возлѣ пещеры; Іисусъ Христосъ простираетъ къ нему руку; ближе къ иконостасу Воскресеніе

---

[1]) Табл. III.
[2]) Табл. IV.
[3]) Табл. V.
[4]) На той же табл.

Христово: Іисусъ Христосъ, повидимому, на вратахъ адовыхъ, по сторонамъ Его двѣ фигуры мужская и женская, означающія Адама и Еву; вверху подлѣ главы Іисуса Христа ангелъ. На восточномъ фасѣ сѣверозападнаго столпа Рождество Богородицы[1]): св. Анна на постели въ полулежачемъ положеніи, направо двѣ женщины съ сосудами, внизу двѣ женщины омываютъ Богоматерь въ купели; налѣво въ особомъ помѣщеніи за драпировкою стоитъ служанка. На южной стѣнѣ: внизу крещеніе Спасителя въ Іорданѣ[2]): Іисусъ Христосъ стоитъ въ водѣ съ благословляющею десницею, у ногъ Его восьмиконечный крестъ съ надписью **Іс. Хс.**[3]) Іоаннъ Предтеча возлагаетъ десницу на главу Іисуса Христа. На заднемъ планѣ — го́ры; сверху изъ-за горъ (слѣва) выставляются два ангела съ покрывалами въ рукахъ; съ правой стороны Спасителя еще два ангела съ такими же покрывалами; внизу съ лѣвой стороны группа людей сидящихъ: одинъ только что снялъ верхнее платье (кисть его правой руки еще въ рукавѣ), другой съ сумкою чрезъ плечо снимаетъ сапоги, третій бросился въ воду и плыветъ къ Іисусу Христу; изображенія Св. Духа нѣтъ. Гористый ландшафтъ оживленъ скудною растительностію. Надъ этимъ изображеніемъ вверху пророки и апостолы, надъ которыми еще изображеніе одного изъ праздниковъ (замазано). На той же южной стѣнѣ находится и вышеупомянутое изображеніе русскаго князя Ярослава Владиміровича[4]): князь представленъ въ видѣ пожилаго человѣка съ длинною сѣдоватою бородою; на плечахъ его накинутъ безрукавный княжескій узорчатый костюмъ съ застежкою на правомъ плечѣ; на головѣ его шапка съ мѣховымъ околышемъ, на ногахъ сапоги. Въ правой рукѣ онъ держитъ модель построеннаго имъ небольшого храма, имѣющаго видъ прямоугольника съ одною алтарною апсидою и византійскимъ куполомъ. Онъ подноситъ этотъ храмъ Спасителю, Который сидитъ на тронѣ и благословляетъ подносящаго. Мы уже замѣтили, что иконописецъ повторилъ въ этомъ изображеніи довольно распространенную въ византійской иконографіи схему; но для изображенія русскаго князя въ русскомъ костюмѣ, съ церковію, у него не могло быть готоваго византійскаго образца; намъ не извѣстны подобные образцы и въ памятникахъ русской иконографіи ранѣе XII в. Изображеніе княжескаго семейства въ изборникѣ Святослава имѣетъ иной характеръ. Поэтому въ описанномъ изображеніи мы видимъ одну изъ древнѣйшихъ попытокъ приспособленія добытыхъ знаній къ представленію русскихъ національныхъ сюжетовъ. Попытка, правда, очень слабая, тѣмъ не менѣе въ ней замѣтна наблюдательность и умѣнье въ передачѣ характерныхъ особенностей костюма. Продолженіе цикла праздниковъ находится на хорахъ. Здѣсь на западной стѣнѣ представлено Рождество Христово[5]): Богоматерь въ полулежачемъ положеніи; возлѣ Нея Іисусъ Христосъ въ ясляхъ, въ которыя смотрятъ волъ и оселъ; вверху звѣзда; налѣво три волхва, различныхъ возрастовъ, въ коронкахъ и одеждахъ, украшенныхъ драгоцѣнными камнями; позади волхвовъ Іосифъ сидитъ, повернувъ голову къ Богоматери; направо двѣ служанки омываютъ Іисуса Христа въ купели; надъ пещерою вверху четыре ангела по два съ той и другой стороны, внизу —

---

[1]) Табл. VI.
[2]) Та же табл.
[3]) На рисункѣ г. Мартынова крестъ переданъ не вполнѣ точно.
[4]) Табл. III.
[5]) Табл. IV.

Фототипія Шереръ [illegible] Москва

Фототипія Шереръ Набгольцъ и К° въ Москвѣ.

пастырь, къ которому обращается съ рѣчью ангелъ, стоящій вверху; одинокій козелъ изображаетъ стадо. Надъ этимъ изображеніемъ Св. Троица въ видѣ трехъ ангеловъ и принесеніе въ жертву Исаака[1]); на сводахъ надъ хорами съ сѣверной стороны лобзаніе Іудино, съ южной — неясный эпизодъ изъ исторіи страданій Іисуса Христа, какъ видно изъ остатка надписи... „како предается на смерть“...

Внизу на западной стѣнѣ страшный судъ. Въ срединѣ картины[2]) художникъ представилъ Христа Судію въ миндалевидномъ ореолѣ, съ простертыми дланями; по сторонамъ Его Богоматерь и Предтеча въ обычномъ молитвенномъ положеніи и 12 апостоловъ на престолахъ съ книгами въ рукахъ; позади апостоловъ 12 ангеловъ. По правую сторону апостоловъ два ангела — одинъ трубитъ внизъ, другой вверхъ; нѣсколько ниже мертвые встаютъ изъ гробовъ; Архангелъ Михаилъ свертываетъ небо, представленное въ видѣ свитка съ изображенными на немъ солнцемъ и лупою. Подъ тропомъ Спасителя уготованіе престола, подлѣ котораго направо Адамъ и Ева колѣнопреклоненные, а налѣво ангелъ съ праведными вѣсами и душою въ видѣ маленькой человѣческой фигуры; далѣе, налѣво[3]) семь отдѣльныхъ группъ праведниковъ: ликъ апостоловъ, ликъ пророковъ, мучениковъ, отцевъ въ кресчатыхъ фелоняхъ, черноризцевъ, свв. женъ и еще одна группа, въ которой находится и ап. Павелъ (?); впереди этой группы ап. Петръ съ ключомъ. Первыя шесть группъ обращены къ трону Спасителя, т.-е. къ центру картины, а послѣдняя направляется въ противоположную сторону, очевидно, къ раю. Рай изображенъ отчасти надъ этими группами, отчасти на южной стѣнѣ: въ уровень съ апостолами на престолахъ представлена Богоматерь также на престолѣ среди двухъ ангеловъ, рядомъ благоразумный разбойникъ съ перевязкою по чресламъ. Продолженіе картины рая на южной стѣнѣ: здѣсь среди деревьевъ изображенъ Авраамъ съ душою праведнаго на лонѣ, украшеннаго нимбомъ, подлѣ Авраама кучка другихъ душъ[4]). Адъ представленъ съ правой стороны[5]): рядомъ съ Адамомъ и Евою сидитъ на звѣрѣ сатана — огромный старикъ съ длинными усами и щетинистыми волосами; онъ держитъ на рукахъ Іуду; далѣе апокалипсическая жена блудница на звѣрѣ; въ рукахъ ея сосудъ, изъ котораго пьетъ обвившійся вокругъ нея змѣй. Продолженіе на сѣверной стѣнѣ: пять ящиковъ съ выставляющимися изъ нихъ человѣческими головами означаютъ мученія грѣшниковъ; ниже евангельскій богачъ въ огнѣ. Нельзя сказать, чтобы эта картина отличалась правильностію и послѣдовательностію въ расположеніи частей; по мѣстамъ недостаетъ въ ней симметріи; нѣкоторыя части, какъ напр. сатана съ Іудою поставлены не на своихъ мѣстахъ. Но въ отношеніи полноты частей и ихъ сохранности она представляетъ явленіе рѣдкое: это первый по древности образецъ *полной* картины страшнаго суда *въ стѣнописяхъ*[6]).

Кромѣ сложныхъ композицій, въ средней части храма разбросано на столпахъ и аркахъ немало отдѣльныхъ изображеній святыхъ: мучениковъ, мученицъ, преподобныхъ и столпниковъ. Роспись образцовая.

[1]) Ср. мозаики Виталія Равенскаго.
[2]) Табл. V.
[3]) Табл. VII.
[4]) На нашей таблицѣ нѣтъ этой части картины.
[5]) Табл. V.
[6]) Подроб. объясн. картины въ особ. соч. о стр. судѣ, помѣщ. въ III т. Трудовъ Одесскаго Археолог. Съѣзда.

Стѣнописи *въ церкви св. Георгія въ Старой Ладогѣ* исполнены, по всей вѣроятности, вмѣстѣ съ первоначальнымъ построеніемъ церкви въ XII в. Хотя прямыхъ указаній на то въ памятникахъ письменности нѣтъ, но во 1-хъ, нацарапанныя на стѣнахъ надписи, напоминающія своимъ шрифтомъ надписи Нередицкія[1]), во 2-хъ, орнаменты изъ плетеній и арабесокъ, напоминающіе орнаменты рукописей XII—XIII вв., въ 3-хъ, сухой византійскій стиль изображеній заставляютъ относить эту стѣнопись къ древнѣйшему періоду русскаго искусства. Въ рисункѣ и исполненіи обнаруживается тщательность и любовь къ дѣлу, но здѣсь уже выступаютъ ясно признаки сильнаго паденія византійскаго искусства: длинныя, худощавыя фигуры, оливковый цвѣтъ кожи, сухія изможденныя лица съ морщинами — недостатокъ, особенно рѣзко бросающійся въ глаза въ изображеніяхъ молодыхъ лицъ ангеловъ; по мѣстамъ неправильный рисунокъ. Тенденція къ неподвижнымъ монументальнымъ позамъ изрѣдка смѣняется попыткою изобразить движеніе, но попытка оканчивается неудачно: двигающіяся фигуры апостоловъ въ куполѣ поставлены въ неловкія танцовальныя позы и лишены подобающаго имъ величія. Со стороны художественной фрески эти стоятъ нѣсколько ниже Нередицкихъ, хотя это обстоятельство и не можетъ служить признакомъ ихъ позднѣйшаго происхожденія: различіе въ достоинствѣ памятниковъ зависитъ не всегда отъ различія эпохъ, но нерѣдко и отъ таланта и опытности исполнителей. Фрески Староладожскія такъ же, какъ и Нередицкія, имѣютъ характеръ византійскій какъ въ смыслѣ художественномъ, такъ и иконографическомъ.

Большая часть фресокъ Староладожской Георгіевской церкви разрушена въ 1780 г.; остаются лишь нѣкоторыя части, по которымъ, впрочемъ, возможно опредѣлить главнѣйшія черты первоначальной росписи ея: въ куполѣ сохранилось изображеніе Спасителя на тронѣ, въ видѣ блестящей радуги, въ кругѣ, означающемъ небесныя сферы, съ благословляющею десницею, со свиткомъ въ шуйцѣ. Кругъ, въ которомъ заключено изображеніе Спасителя, поддерживаютъ 8 ангеловъ въ разноцвѣтныхъ одеждахъ; ниже помѣщены 12 апостоловъ и среди нихъ Богоматерь съ воздѣтыми руками среди двухъ ангеловъ. Взятыя вмѣстѣ изображенія эти повторяютъ иконографическія формы сюжета Вознесенія Господня; но отъ конкретнаго факта мысль художника переносится здѣсь къ общей идеѣ церкви, предызображенной въ пророческихъ твореніяхъ ветхаго завѣта и потому ниже апостоловъ въ барабанѣ купола между окнами онъ изобразилъ пророковъ, среди которыхъ выдѣляются Давидъ въ видѣ старца и Соломонъ въ видѣ молодаго человѣка, въ діадимахъ и одеждахъ императоровъ византійскихъ, со свитками и благословляющими десницами (персты — указательный и мизинецъ простерты, остальные сложены воедино). Слѣдовательно размѣщеніе живописей купола въ Георгіевской церкви сходно съ Нередицкимъ. Въ алтарномъ полукружіи представлена была Тайная Вечеря, отъ которой сохранились лишь части престола, Спасителя и одного апостола; ниже святители въ кресчатыхъ фелоняхъ и омофорахъ, въ нимбахъ, съ короткими волосами, со свитками въ рукахъ; подъ ними другой рядъ святителей въ медаліонахъ — все это совершенно согласно съ росписями другихъ древнихъ храмовъ. Исключительное явленіе въ росписяхъ алтаря составляетъ изображеніе св. Георгія[2]). Св. Георгій представленъ

[1]) Изд. *Прохоровымъ*, Хр. др. 1872, 1.

[2]) Съ южной стороны алтаря.

+СТРАШЬН

здѣсь на бѣломъ конѣ, въ воинской кольчугѣ и красномъ развѣвающемся плащѣ, со щитомъ въ лѣвой рукѣ и копьемъ въ правой, съ тороками въ волосахъ. Внизу подъ конемъ св. Георгія страшный змѣй, готовый поглотить стоящую возлѣ него царевну; въ сторонѣ дворецъ, изъ котораго смотрятъ на страшную сцену царь и царица въ діадимахъ и придворные. Въ древнихъ стѣнописяхъ византійскихъ и русскихъ нѣтъ св. Георгія въ алтарѣ. По греческому подлиннику изображеніе его полагается внѣ алтаря въ пятомъ ряду въ полукружіи праваго клироса[1]). Появленіе его въ алтарѣ Георгіевской церкви объясняется посвященіемъ ея имени св. Георгія[2]). Надъ св. Георгіемъ прекрасное изображеніе двухъ архангеловъ съ копьями и державами. На сѣверной сторонѣ алтаря очистительная жертва Іоакима и Анны (оба стоятъ съ барашками въ рукахъ предъ первосвященникомъ; дѣйствіе происходитъ въ византійскихъ палатахъ, означающихъ, повидимому, дворъ храма Іерусалимскаго, ср. ниже фрески Николо-Липенскія). Затѣмъ въ алтарѣ и въ средней части храма сохранились отдѣльныя изображенія святыхъ: на южной стѣнѣ муч. Агаѳонъ и неизвѣстный мужъ ветхаго завѣта (Захарія?)

---

[1]) *ἔξωθεν εἰς τοὺς τρακοῦς ποίησον τοὺς μεγαλομαρτύρας ἐκ δεξιῶν μὲν τὸν ἅγιον Γεώργιον.*

[2]) Въ древнихъ памятникахъ византійскихъ, поздне-греческихъ и русскихъ изображеніе св. Георгія имѣетъ разнообразныя формы: чаще всего онъ изображался въ видѣ воина съ копьемъ и щитомъ; иногда художники представляли его во дворцѣ Діоклетіана среди стражи въ моментъ его вдохновенной рѣчи предъ императоромъ, или повергнутымъ въ темницѣ въ оковахъ. Пытки св. Георгія (колесованіе), мученическая кончина (обезглавленіе) и чудеса также находили свое выраженіе въ памятникахъ. Всѣ эти виды изображеній описаны въ греческихъ подлинникахъ; ср. русскіе подлинники СПБ. Дух. Акад. рукопись XVI в. № 1523; строгонов. лицевой подъ 23 апрѣля и др.; ср. икону XIV в. въ музеѣ Академіи Художествъ, изданную съ онущеніемъ нѣкоторыхъ подробностей Прохоровымъ въ Матеріалахъ для исторіи русскихъ одеждъ 1871 г. Изображеніе св. Георгія на конѣ, поражающаго змія, имѣетъ также, по всей вѣроятности, византійское происхожденіе: его мы встрѣчаемъ въ одной изъ пещерныхъ церквей Крыма (въ Эски-Керменѣ, рис. въ собр. прот. Ченурина), въ иконостасѣ церкви Ираклія — древняго Перинѳа (икона рѣзная, вѣка XV): тотъ и другой имѣютъ происхожденіе не западное; такова же и фреска староладожская и цепина Димитріевскаго собора во Владимірѣ, указанная П. П. Сахаровымъ (Зап. отд. русск. и слав. археол. т. I, стр. 70). Въ основѣ этого иконописнаго перевода лежитъ древнее, извѣстное почти у всѣхъ народовъ Европы, преданіе *(Снегиревъ,* Русск. простонар. праздн. III, 65 и слѣд.), по которому св. Георгій, явившись въ образѣ воина, поразилъ въ странѣ ливійской страшнаго змѣя, требовавшаго человѣческихъ жертвъ, и освободилъ царевну и всю страну отъ неумолимаго врага. Французскій ученый Клермонъ Ганно сопоставляетъ сказанія о св. Георгіи съ миѳологическими преданіями Египта, Финикіи, Греціи и Рима и находитъ между ними замѣтныя параллели, а изображеніе Георгія на конѣ сравниваетъ съ барельефомъ луврскаго музея, представляющимъ Горуса на конѣ, поражающаго копьемъ крокодила *(Clermont Ganneau,* Gorus et St. Georges). Но какъ бы близко ни сходились между собою тѣ и другія сказанія, во всякомъ случаѣ св. Георгій, какъ форма иконографическая, и Горусъ съ головою коршуна стоятъ далеко одинъ отъ другого; и нѣтъ достаточныхъ основаній предполагать, что формы Горуса послужили мотивомъ для изображенія св. Георгія. Ближайшимъ мотивомъ къ тому было сказаніе о чудѣ св. Георгія, и если для художника нуженъ былъ наглядный примѣръ изображенія „всадника, поражающаго чудовище“, то онъ могъ найти его въ памятникахъ древне-христіанскихъ. Въ лѣвомъ вридѣлѣ Успенскаго собора, въ Москвѣ, на стѣнѣ направо отъ входа, находится древній барельефъ, представляющій вооруженнаго, на бѣломъ конѣ, всадника, поражающаго чудовище. Барельефъ этотъ поврежденъ новѣйшею раскраскою; тѣмъ не менѣе но надписи видно, что это не Георгій, за котораго онъ принятъ, но имп. Константинъ: „императору цезарю Флавію“, говорится въ надписи, „Константину великому, отцу отечества, августу сенатъ и народъ римскій посвятили сіи тріумфальныя врата за то, что по внушенію свыше и по своему великодушію онъ освободилъ праведнымъ оружіемъ государство отъ тирана и его скопища“. Г. Снегиревъ видитъ въ этомъ символическомъ изображеніи указаніе на побѣду христіанства надъ язычествомъ (ср. Церк. истор. Евсевія III, 3); и въ такомъ случаѣ стоящая въ сторонѣ женская фигура можетъ быть признана олицетвореніемъ церкви (Памятн. моск. древн. 17—18). Видоизмѣненіе этой идеи представляютъ другіе памятники, на которыхъ тотъ же Константинъ Великій на конѣ поражаетъ уже не дракона, но Максентія: таковы изображенія на дискѣ Перузы (*Cahier,* Nouveau mélanges d'archéol. p., 82—83) и въ псалтири Лобкова (по изд. проф. Кондакова табл. XIV; (Ср. Bulletin de la Société archéol. de Limousin t. XXXI; Revue de l'art. chr. 1885, p. 232—233). Повтореніе первой группы съ дракономъ представляетъ изображеніе импер. Ѳеодосія, приведенное у Кайе (ibid.). Примѣры эти показываютъ, что изображеніе св. Георгія въ видѣ всадника, поражающаго змія, по своей иконографической сторонѣ не является одинокимъ, но входитъ въ цѣпь однородныхъ явленій древности.

съ колпачкомъ (заповѣди) на головѣ, въ правой рукѣ его восьмиконечный крестъ — символъ мученичества; прор. Даніилъ и неизв. воинъ (Георгій или Димитрій?); возлѣ ризницы св. Севастьянъ и неизв. мученикъ; за правымъ клиросомъ св. муч. Марія съ крестомъ и простертою дланью, за лѣвымъ св. Николай; возлѣ праваго клироса 4 ангела. На западной стѣнѣ страшный судъ, отъ котораго сохранились ангелы дориносящіе (7), апостолы на престолахъ (4) съ книгами, Богоматерь и Предтеча[1]). По этимъ остаткамъ можно заключить, что главная мысль росписи здѣсь сходна съ нередицкою.

Стѣнописи церкви св. Николая на Липнѣ близъ Новгорода, конца XIII вѣка, описанныя подробно Г. Д. Филимоновымъ[2]), и въ настоящее время уже обновленныя. Будучи весьма важны для исторіи алтарной преграды, онѣ не имѣютъ таковой важности въ вопросѣ о типахъ росписи: многочисленныя передѣлки и поправки храма, заложеніе старыхъ и пробитіе новыхъ дверей и оконъ должны были сопровождаться исправленіемъ и стѣнописей. Вотъ почему авторъ монографіи о Николо-Липенской церкви замѣчаетъ, что остатки *фресокъ* здѣсь исполнены не одною рукою и быть можетъ не въ одно время[3]); а архим. Макарій, вѣроятно, на основаніи остатковъ позднѣйшей исправленной стѣнописи, уже не фресковой, замѣчаетъ, что церковь украшена древнею иконописью, но *не фресковою*[4]).

Не мудрено, что позднѣйшіе исправители живописи, опустивъ изъ вида порядокъ древней росписи, замѣняли одни изображенія другими и такимъ образомъ нарушили цѣлость древней росписи. Къ сожалѣнію, въ свое время не было проведено границы между остатками древней стѣнописи и позднѣйшей; можетъ быть это не представлялось вполнѣ удобнымъ и въ то время, — тѣмъ болѣе невозможнымъ теперь. Отмѣтимъ лишь главнѣйшія изображенія по вышеуказанному описанію: въ куполѣ представленъ былъ Господь Вседержитель, въ трибунѣ купола архангелы и пророки, въ парусахъ сводовъ евангелисты, на лбахъ четырехъ арокъ деисусъ; на дугахъ арокъ и столбахъ пророки и свв. воины. На сѣверной стѣнѣ распятіе, снятіе съ креста, положеніе во гробъ, бесѣда съ Самарянкою и святители; на южной, повидимому, праздники... Все это согласно съ росписью Нередицкою; но роспись западной части, гдѣ представлены Спаситель, творящій чудо исцѣленія (?), знаменіе Богоматери, апостолы и святые, праздники и въ числѣ ихъ введеніе Богородицы въ храмъ[5]), уже напоминаетъ позднѣйшія греческія росписи. Въ алтарѣ за большою надпрестольною аркою сошествіе Св. Духа на апостоловъ, уцѣлѣвшее также въ росписи Успенской церкви с. Волотова и обычное въ алтарномъ сводѣ храмовъ афонскихъ XVII вѣка. Ниже преображеніе Господне и знаменіе Богородицы, неизвѣстныя въ древнѣйшихъ алтарныхъ росписяхъ. Надъ дверями, ведущими изъ алтаря въ жертвенникъ, введеніе во храмъ Пр. Богородицы, надъ другими, ведущими въ діаконникъ, срѣтеніе и крещеніе; въ сводѣ жертвенника знаменіе Богородицы. Въ восточной части храма на аркахъ и столбахъ возлѣ иконостаса находятся изображенія воскресенія Христова и другихъ праздниковъ и чудесъ; воскрешеніе

---

[1]) См. нашу ст. о Стр. Судѣ въ Труд. VI Археол. Съѣзда т. III, стр. 305—306.
[2]) Церковь св. Николая чуд. на Липнѣ. Москва, 1859 г.
[3]) Ibid. стр. 12.
[4]) Археолог. опис. церковн. древн. въ Новгор. I, 530.
[5]) Ibid. стр. 14.

Лазаря и другія неясныя изображенія[1]). На западныхъ фасахъ алтарныхъ столбовъ благовѣщеніе Пр. Богородицы, расположенное такъ же, какъ въ Кіево-Софійскомъ соборѣ. Воздерживаясь отъ выводовъ относительно цѣльной росписи въ этомъ храмѣ по вышеупомянутой причинѣ, не можемъ не отмѣтить ея сходства съ Нередицкою по отношенію къ куполу и сѣверной и западной стѣнамъ; благовѣщеніе на столбахъ также первоначальное. Росписи остальныхъ частей храма представляютъ значительныя уклоненія, объяснить которыя, по отсутствію самаго памятника, трудно.

Стѣнописи въ церкви с. Ковалева близъ Новгорода сдѣланы, какъ видно изъ записи надъ входными дверями внутри храма, повелѣніемъ раба Божія Аѳанасія Степановича въ 1380 году[2]). Въ куполѣ сохранились: Спаситель, ангелы, апостолы или пророки (нельзя разобрать); въ алтарномъ полукружіи мы разобрали подъ слоемъ извести нѣсколько святителей, изъ которыхъ одинъ держитъ свитокъ съ надписью: „Боже святый, почивая на святыхъ иже пресвятымъ гла...“ Это Василій Великій или св. Златоустъ, такъ какъ надпись свитка взята изъ молитвы трисвятаго, находящейся въ литургіяхъ этихъ двухъ святыхъ отцовъ. На сѣверной стѣнѣ средней части храма вверху снятіе со креста и положеніе въ гробъ (гробъ Іисуса Христа въ видѣ пещеры), ниже преображеніе Господне и „Предста Царица“; еще ниже три святые воина съ копьями. На южной стѣнѣ уцѣлѣли единоличныя изображенія; въ аркахъ возлѣ этой стѣны царь и царица въ діадимахъ; а на сводѣ воскрешеніе Лазаря; въ сѣверо-западной аркѣ двѣ мученицы съ крестами, въ коронахъ. Нѣсколько единоличныхъ изображеній находится также на стѣнахъ сѣверной (Моисей Муринъ и Ефросинъ къ СЗ углу) и западной (Никита великомученикъ, мученица, два столпника, въ числѣ которыхъ Симеонъ) и на столпахъ храма (на СЗ воинъ съ щитомъ, украшеннымъ гербомъ со львомъ, на Ю — преподобный со свиткомъ). Цѣльная роспись, насколько можно судить о ней по этимъ фрагментамъ, не представляла значительныхъ уклоненій отъ Нередицкой.

Стѣнописи Успенской церкви с. Волотова близъ Новгорода. Церковь построена въ 1352 году, какъ это видно изъ лѣтописи[3]), и росписана, вѣроятно, въ то же время[4]). Въ началѣ XVII вѣка она опустошена Шведами и въ 1630 г. исправлена; древнія стѣнописи ея также были исправлены въ это время. Какъ стѣнописи первоначальныя, такъ и позднѣйшія имѣютъ здѣсь своихъ представителей: отъ первыхъ сохранилось одно изображеніе въ алтарной апсидѣ: оно найдено подъ толстымъ слоемъ штукатурки и повреждено ударами кирки: по всей вѣроятности насѣчки эти сдѣланы были при возобновленіи древнихъ стѣнописей въ XVII в. для того, чтобы крѣпче держалась новая штукатурка; видѣть въ этой подробности слѣды шведскаго или литовскаго фанатизма нѣтъ основаній; остальныя наличныя стѣнописи Волотовской церкви относятся къ XVII в. Если сравнить между собою тѣ и другія, то окажется, что древнѣйшая стѣнопись выше по достоинству, чѣмъ позднѣйшая: рисунокъ ея отчетливѣе, фигуры правильнѣе,

---

[1]) Ibid. 15—16.

[2]) Греческій подлинникъ рекомендуетъ полагать здѣсь подобныя записи; онѣ встрѣчаются во многихъ греческихъ храмахъ.

[3]) Лѣт. по архивн. сборн. подъ 1352 г. ср. лѣтоп. новгор. церкв. Бож. подъ тѣмъ же годомъ.

[4]) Въ полн. собр. лѣтоп. подъ 6871 г. (1363) замѣчено: „и подписана бысть церковь св. Богородицы *на Волотовѣ*“; а въ лѣт. по архивн. сборн. *на Молотковѣ*.

краски лежатъ плотнѣе. Живопись позднѣйшая al secco, хотя въ общемъ придерживается старины, особенно въ размѣщеніи изображеній, но допускаетъ уже нѣкоторыя и новшества, какъ изображеніе жидовина Авфонія въ успеніи Богоматери. Она не высокаго достоинства и подходитъ по стилю къ другимъ памятникамъ XVI—XVII в. Поврежденія довольно значительны[1]). Въ центрѣ алтарной апсиды представленъ престолъ багрянаго цвѣта, украшенный со стороны зрителя четвероконечнымъ крестомъ съ драгоцѣнными камнями, наполняющимъ своею формою настѣнные кресты въ Константинопольской Софіи. На престолѣ дискосъ или потиръ (разобрать трудно); по сторонамъ престола два ангела съ круглыми рипидами и съ орарями, на которыхъ написано по-славянски ο ΑΓΙΟϹЪ; возлѣ ангеловъ два святителя въ кресчатыхъ фелоняхъ, въ амофорахъ, украшенныхъ черными крестами, съ развернутыми свитками: въ одномъ (съ лѣвой стороны) написано: „Господи Боже нашъ, живый на высокихъ, на смиренныя призираяй“; въ другомъ: „изрядно, о пресвятѣй, пречистѣй, преблагословеннѣй, славнѣй Владычицѣ нашей“... Первый изъ этихъ святителей — Іоаннъ Златоустъ, второй — Василій Великій, а не наоборотъ: это видно изъ того, что формула живый *на высокихъ — ὁ ἐν ὑψηλοῖς κατοικῶν* находится именно въ литургіи св. Златоуста, между тѣмъ какъ въ литургіи Василія Великаго вмѣсто нея поставлено *на небесѣхъ* живый — *ὁ ἐν οὐρανοῖς κατοικῶν;* а въ литургіи преждеосвященныхъ даровъ измѣнено начало и вмѣсто Господи Боже... читается „Боже единый благій и благоутробный, иже въ высокихъ живый“, слѣдовательно это не составитель литургіи преждеосвященныхъ даровъ. Вотъ единственный доселѣ остатокъ первоначальной Волотовской стѣнописи. Продолженіемъ ея служатъ въ алтарной апсидѣ, въ томъ же ряду, позднѣйшія изображенія святителей, въ числѣ которыхъ, повидимому, повторены древнія изображенія св. составителей литургій, со свитками: замѣчательно, что, при всемъ различіи шрифтовъ въ надписяхъ первоначальныхъ и позднѣйшихъ, орѳографія ихъ очень сходна; не служитъ ли это доказательствомъ того, что позднѣйшій иконописецъ копировалъ надписи со свитковъ первоначальныхъ? Рядъ святителей апсиды замыкаютъ изображенія четырехъ діаконовъ, по два на каждомъ изъ двухъ иконостасныхъ столбовъ: на всѣхъ свв. діаконовъ тонкіе въ видѣ лентъ орари съ надписями ΑΓΙΟϹЪ; двое изъ нихъ (съ лѣвой стороны) съ сіонами и кадилами и одинъ (съ правой), повидимому, съ книгой. Таковъ первый снизу рядъ изображеній. Выше евхаристія *(μετάδοσις):* налѣво Спаситель, стоя за престоломъ, подаетъ шести апостоламъ св. чашу, на право Онъ же подаетъ другимъ шести апостоламъ св. хлѣбъ; всѣ апостолы представлены, по обычаю, въ почтительно наклоненномъ положеніи; во главѣ группъ апп. Петръ и Павелъ. Позади апостоловъ съ лѣвой стороны, пѣснопѣвецъ въ чалмѣ (Іоаннъ Дамаскинъ?): онъ указываетъ на евхаристію; въ свиткѣ его написано: „пиво ново паче словесе азъ рече во царствіи + ХС другомъ испію яко Богъ святый есмь“... Съ правой стороны другой пѣснопѣвецъ со свиткомъ: „странствія владычня и безсмертныя трапезы на горнемъ мѣстѣ высокими умы вѣрніи пріидите воспримемъ въ шедш... слово отъ слово научившеся, его же величаемъ“. Очевидно,

---

[1]) Кстати замѣтить, что стѣны и столбы церкви испещрены многочисленными, нацарапанными остріемъ надписями разновременнаго происхожденія. Слѣдовало бы спеціалистамъ эпиграфики разобрать ихъ наравнѣ съ Нередицкими.

это Косьма Маюмскій, составитель канона на великій четвертокъ[1]). Любопытный, не встрѣчающійся въ другихъ памятникахъ, мотивъ въ изображеніи евхаристіи! Обращаетъ на себя вниманіе также и то, что дѣйствіе происходитъ въ палатахъ съ легкою драпировкою вверху. Во лбу алтарной апсиды Богоматерь на тронѣ съ Младенцемъ Іисусомъ, и по сторонамъ Ея два ангела. Въ аркѣ надъ пѣспотворцами Захарія (слѣва) со свиткомъ: „благословенъ Господь Богъ Израилевъ“[2]), и т. д. и неизвѣстный старецъ въ высокой коронообразной шапкѣ, съ сосудомъ въ правой рукѣ: между ними дорипосящій архангелъ въ медаліонѣ. Циклъ стѣнописей алтаря наполняется еще нѣсколькими отдѣльными изображеніями святителей, пророковъ и Іоакима и Анны (ср. Старо-Ладожскія фрески). На тріумфальной аркѣ въ медаліонѣ кисть руки, въ которой находятся праведныя души въ видѣ маленькихъ человѣчковъ[3]), два ангела и сошествіе Св. Духа па апостоловъ съ тою подробностію, что возлѣ головы извѣстной фигуры космоса, написано „λαος, γιλ“; подробность эта имѣетъ важность въ вопросѣ о значеніи самой фигуры космоса — о чемъ рѣчь будетъ въ другомъ мѣстѣ.

Средняя часть храма: въ куполѣ Господь Вседержитель, ниже ангелы, еще ниже пророки, или праотцы, въ парусахъ сводовъ евангелисты съ необычайными для стѣнописей символическими фигурами: кромѣ ев. Іоанна, диктующаго Прохору, всѣ остальные евангелисты имѣютъ своими символами женскія фигуры: одному евапгелисту (ю. з.) она шепчетъ на ухо, другому (с. з.) указываетъ на книгу, съ третьимъ (ю. з) бесѣдуетъ. Фигура эта есть олицетвореніе Софіи — Премудрости Божіей; въ памятникахъ византійской иконографіи она является не позже VI в.[4]). Въ аркахъ средней части храма медаліонные пророки со свитками; на сѣверо-восточномъ алтарномъ столбѣ благовѣщеніе Пр. Богородицы. Сѣверная стѣна: внизу бюсты святыхъ, выше успеніе Пр. Богородицы; затѣмъ, по направленію кверху, распятіе и положеніе во гробъ, воскресеніе, въ видѣ сошествія во адъ (сильно повреждено) и вознесеніе[5]). Южная стѣна: внизу бюстовыя изображенія святыхъ, выше образъ знаменія Пр. Богородицы, а по сторонамъ его два преподобныхъ: одинъ изъ нихъ (съ лѣвой стороны) держитъ въ рукахъ модель храма, крытаго по сводамъ съ византійскимъ куполомъ[6]), выше введеніе Богоматери во храмъ, въ сопровожденіи дѣвъ съ факелами въ рукахъ, еще выше крещеніе Спасителя, наконецъ, въ самомъ верху рождество Христово. Остальныя части сѣверной и южной стѣнъ покрыты отдѣльными изображеніями святыхъ, среди которыхъ на южной стѣнѣ (близъ ю.-з угла) выдѣляется только одна сложная композиція, представляющая пиръ знатныхъ гостей въ монастырѣ: за столомъ сидятъ три лица, изъ которыхъ одно въ высокой шапкѣ византійскаго сановника, съ кубкомъ въ лѣвой рукѣ, другое въ бѣлой шляпѣ (?) также съ кубкомъ; съ лѣвой стороны стола

---

[1]) Это тѣ самыя лица, которыя въ цит. соч. Г. Д. Филимонова названы припадающими святыми съ надписями „пиво ново“ и „страстей“ (ц. соч. стр. 59).

[2]) Лук. I, 68—69.

[3]) „Праведныхъ души въ рукѣ Божіи...“ изображеніе поставлено не на своемъ мѣстѣ, ср. ниже стѣнопись Успенскаго соб. во Владимірѣ.

[4]) Россанское Евангеліе.

[5]) Фигура Спасителя помѣщена уже въ аркѣ свода.

[6]) Г. Д. Филимоновъ предполагаетъ, что здѣсь изображено срѣтеніе; вѣрнѣе — это строители храма (архіеп. Моисей и Алексій) подносятъ Богоматери модель Волотовскаго храма.

монахъ, сидя у стола, отдаетъ приказаніе другому, стоящему возлѣ него монаху. Монахъ-слуга подаетъ на столъ блюдо. Картина эта характеризуетъ монастырскій бытъ и принадлежитъ къ числу немногихъ бытовыхъ картинъ въ русскомъ искусствѣ. На сѣверной стѣнѣ св. Зосима причащаетъ св. Марію Египетскую — сюжетъ заурядный въ стѣнописяхъ афонскихъ. Западная стѣна: знаменіе Богоматери надъ дверью, по сторонамъ ея — архангелъ и столпникъ, выше, въ двухъ рядахъ, двѣ неразобранныя сцены; внизу (ю.-з.) явленіе I. Христа Маріи Магдалинѣ; въ аркѣ, около западной стѣны — опять знаменіе, преображеніе и воскрешеніе Лазаря. На столбахъ храма: Іоаннъ Лѣствичникъ, агіосъ Евфимъ, агіосъ Варлаамъ, агіосъ Іоасафъ, агіосъ Никита, агіосъ Ѳеодоръ освященный и др.

Стѣнописи притвора XVII в. имѣютъ характеръ смѣшанный: однѣ изъ нихъ относятся къ евангелію, другія — къ прославленію Богоматери, третьи характера возвышенно-поучительнаго: съ восточной стороны притвора надъ входными: мироносицы у гроба Господня и явленіе I. Христа Маріи Магдалинѣ; по сторонамъ дверей два архангела. Въ сводѣ Похвала Пр. Богородицы, лѣствица духовная и „Премудрость созда себѣ домъ“ въ формахъ выразительныхъ: представлены палаты на семи столпахъ и предъ ними женская фигура съ жезломъ безъ нимба (олицетвореніе Премудрости); двое слугъ возлѣ Премудрости заколаютъ двухъ животныхъ; въ сторонѣ Соломонъ со свиткомъ: „Премудрость созда себѣ домъ“. Сюжетъ этотъ въ такихъ формахъ является въ нашихъ памятникахъ, какъ кажется, не ранѣе XVI в. и повторяется довольно рѣдко [1]). На западной сторонѣ притвора: мученики, мученицы, столпникъ и, наконецъ, надъ наружною дверью встрѣча Богоматери съ Елизаветою.

Роспись алтаря и средней части Волотовскаго храма повторяетъ несомнѣнно древній типъ византійско-русской росписи. Исправленіе ея въ XVII в. было лишь реставраціею живописи первоначальной: всѣ древнія изображенія остались на своихъ прежнихъ мѣстахъ и почти всѣ удержали свои древнія формы. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно сравнить въ алтарной апсидѣ изображенія святителей — первоначальныя и поновленныя: вторыя явно скопированы съ первыхъ. Характеръ росписи общій для храмовъ всѣхъ наименованій: лишь въ изображеніи успенія Богоматери на сѣверной стѣнѣ художникъ отмѣтилъ мысль о посвященіи храма въ честь успенія Пр. Богородицы.

Кромѣ описанныхъ стѣнописей, въ предѣлахъ древняго Новгорода было много и другихъ. Можно полагать, что всѣ болѣе или менѣе значительныя церкви были расписаны. Но отчасти время, отчасти неуваженіе къ родной старинѣ уничтожили ихъ. Лишь въ нѣкоторыхъ храмахъ уцѣлѣли небольшіе фрагменты ихъ и то сильно поврежденные, то переписанные вновь и даже съ перемѣною въ стилѣ и композиціяхъ, то, наконецъ, закрытые штукатуркою или забѣленные. Сюда относятся стѣнописи: въ церкви Благовѣщенія Пр. Богородицы, на Аркажѣ, близъ Новгорода XII в. [2]), въ церкви Ѳеодора Стратилата въ Новгородѣ, на торговой сторонѣ XIV в. [3]), въ жертвенникѣ церкви

[1]) Ср. Ипатьевскій образокъ въ моемъ Опис. Древностей Костр. Ипат. монастыря.

[2]) Изображеніе Спасителя около горняго мѣста въ алтарѣ; въ діаконикѣ въ 1883 году открыто было наше изображеніе іоаннесенія главы I. Крестителя Иродіадѣ.

[3]) Забѣлены въ недавнее время, но съ хоровъ южной стороны все-таки замѣтны еще фигуры святыхъ на одномъ изъ столбовъ, отдѣляющихъ алтарь отъ средней части храма. *Прохоровъ* въ Матеріалахъ для исторіи русск. одеждъ 1871 г. издалъ изображенія трехъ русскихъ князей и св. Варвары (?) изъ ц. Ѳеодора Стратилата.

Благовѣщенія Пр. Богородицы въ Городищѣ XIV в.[1]), въ Никольской церкви упраздненнаго Гостинопольскаго монастыря, на Волховѣ, ранѣе 1483 г. Неоднократно были возобновлены, въ послѣдній разъ въ 1850 году[2]). Эти остатки стѣнныхъ росписей не даютъ намъ ничего новаго по отношенію къ нашему вопросу. Въ частности роспись Гостинопольскаго алтаря, несмотря на ея исправленія, вполнѣ согласна съ древними алтарными росписями храмовъ Новгородскихъ. Насколько глубоко укоренились въ Новгородѣ древнія традиціи, видно изъ того, что въ позднѣйшихъ исправленныхъ росписяхъ куполовъ и трибуновъ въ храмахъ Спаса Преображенія, Димитрія Солунскаго, св. Климента неизмѣнно повторяются древніе мотивы и формы. Даже росписи храмовъ XVII в., не смотря на повсемѣстное преобладаніе въ то время иной московской росписи, удерживаютъ все еще старые новгородскіе пріемы. Такова стѣнопись обыденной церкви *въ Звѣринѣ монастырѣ*, исполненная въ XVII в. и въ недавнее время возобновленная. Если сравнить ее съ одновременными росписями Москвы, Ярославля, то нельзя не замѣтить между ними различія. Здѣсь нѣтъ той широты икопографическаго замысла, той свободы въ сочиненіи, того стремленія передать въ художественныхъ формахъ сложныя поучительныя мысли и событія, какими отличаются вышеупомянутыя росписи московскаго района. Стѣнная роспись — аксесуаръ храма, и архитектурныя формы послѣдняго оказываютъ вліяніе на характеръ росписи не только при ея первопачальномъ исполненіи, но и при позднѣйшихъ исправленіяхъ. Незначительные размѣры новгородскихъ храмовъ даже и въ XVII в. по необходимости стѣсняли объемъ художественнаго замысла и удерживали художественную мысль въ тѣхъ границахъ, какія намѣчены были для храмовой росписи въ древнемъ византійско-русскомъ преданіи. Въ росписи обыденной церкви XVII вѣка тотъ же рядъ святителей со свитками въ алтарной апсидѣ, тѣ же свв. діаконы на столпахъ алтаря, что и въ храмахъ древнѣйшихъ, и только изображеніе „Отечества“ въ центрѣ алтарной апсиды переноситъ мысль наблюдателя въ позднѣйшій періодъ XVII в. Роспись купола — копія съ росписей древнѣйшихъ: Пантократоръ, ангелы, херувимы, праотцы и пророки — таково его иконографическое содержаніе. На стѣнахъ сѣверной, южной и западной праздники; на столбахъ изображенія отдѣльныхъ святыхъ.

Та же самая роспись была принята и въ храмахъ *Псковскихъ*. Оставляя въ сторонѣ теоретическія соображенія объ единствѣ первоисточника церковнаго искусства для всей Руси, о церковной зависимости Пскова отъ Новгорода, о тѣснѣйшемъ родствѣ архитектурныхъ формъ въ храмахъ Новгородскихъ и Псковскихъ, обратимъ вниманіе на то, что говорятъ намъ по этому предмету точныя данныя. Изъ всѣхъ древнихъ росписей Пскова до насъ дошла лишь одна въ *Мирожскомъ монастырѣ* XII в.; но и она находится подъ нѣсколькими слоями бѣлилъ; тѣмъ не менѣе нѣкоторыя части этой росписи просвѣчиваютъ сквозь бѣлила и даютъ основанія надѣяться, что со временемъ, когда будутъ открыты они опытною рукою, передъ нами явится одна изъ лучшихъ копій

[1]) Нѣсколько ликовъ святыхъ.

[2]) Въ алтарной апсидѣ Богоматерь и Младенецъ на тронѣ и по сторонамъ ея два архангела колѣнопреклоненные — западное новшество; ниже тайная вечеря по литургическому переводу; въ куполѣ — Господь Вседержитель; до 180 отдѣльныхъ изображеній святыхъ помѣщены въ разныхъ мѣстахъ храма.

византійской стѣнописи. Неоднократно наблюдая мирожскія стѣнописи, мы замѣтили здѣсь слѣдующія изображенія: во лбѣ алтарной апсиды Деисусъ, отъ котораго сохранились Господь Вседержитель на тронѣ съ евангеліемъ и благословляющею десницею и по правую сторону Его І. Предтеча. Ниже евхаристія, въ которой можно видѣть ангела и Спасителя, подающаго святый хлѣбъ шести подходящимъ къ Нему апостоламъ; еще ниже два ряда святителей, одни во весь ростъ, другіе погрудные, въ строгихъ византійскихъ типахъ. На правой сторонѣ апсиды ангелъ (видно лицо и часть курчавыхъ волосъ). Въ трибунѣ купола — апостолы (?). На стѣнахъ храма — сѣверной, южной и западной замѣтны группы изображеній, но разобрать ихъ за бѣлилами невозможно; нельзя разобрать также и живописей на алтарныхъ столбахъ за иконостасомъ. На сводахъ западной части храма событія изъ жизни Богоматери[1]); въ сѣверозападной части сводовъ событія евангельскія. Единственный памятникъ настѣннаго письма во Псковѣ вполнѣ примыкаетъ такимъ образомъ къ однороднымъ древнѣйшимъ памятникамъ Новгорода.

Глава V.

Стѣнописи владиміро-суздальскія.

Если во владиміро-суздальской архитектурѣ нельзя отрицать замѣтнаго сходства съ архитектурою романскою, сложившеюся подъ вліяніемъ Византіи, если даже возможно было личное участіе западно-европейцевъ въ сооруженіи здѣшнихъ храмовъ, то ничего подобнаго не могло быть по отношенію къ владимірскимъ стѣнописямъ. Принципъ византійско-русской иконографіи, доколѣ онъ не былъ поколебленъ, требовалъ, чтобы стѣнописи исполнены были лицомъ православнымъ, знакомымъ съ православною іеротическою живописью. Даже въ XVI—XVII вв., когда началось сильное вторженіе западныхъ элементовъ въ русское искусство, и русское общество достаточно свыклось съ ними, раздавались голоса, протестующіе противъ „иконнаго воображенія“ невѣрныхъ ляховъ; самъ патріархъ Іоакимъ въ эпоху полнаго ослабленія древнихъ иконографическихъ традицій сильно, хотя и безуспѣшно, протестовалъ противъ печатныхъ листовъ нѣмецкихъ, распространяемыхъ лютеранами и писанныхъ не съ древнихъ подлинниковъ и безъ должнаго благоговѣнія. Тѣмъ болѣе въ періодъ владиміро-суздальскій нельзя было и думать о томъ, чтобы поручить внутреннее убранство храма иновѣрцу. Стѣнописи исполнялись здѣсь отчасти греками, отчасти ихъ учениками русскими; а потому и типъ храмовой росписи здѣсь долженъ быть тотъ же византійско-русскій. Церковь Покрова Пресв. Богородицы, на Нерли, близъ Боголюбова монастыря, построенная Андреемъ Боголюбскимъ въ 1165 г., сохранила единственный слѣдъ ея первоначальной византійской росписи въ изображеніи Господа Вседержителя въ куполѣ. Болѣе обширные циклы изображеній сохранились во владимірскихъ соборахъ Дмитріевскомъ и Успенскомъ, хотя и здѣсь нѣтъ полныхъ стѣнныхъ росписей.

---

[1]) Зачатіе Богоматери, жертва Іоакима и Анны, ширъ въ домѣ Іоакима, рождество Богородицы и срѣтеніе.

Отъ росписи *Дмитріевскаго собора* сохранилась часть изображенія страшнаго суда, открытая при возобновленіи собора въ 1837—1844 гг. У западной стѣны, подъ хорами, изображеніе Богоматери, сидящей на тронѣ и возлѣ Нея ангелъ съ жезломъ. По сосѣдству изображеніе Авраама, Исаака и Іакова, сидящихъ на престолахъ, и двѣ группы праведныхъ душъ въ видѣ дѣтей; въ нѣдрахъ Авраама праведная душа въ видѣ маленькаго человѣка въ нимбѣ[1]) и бѣлой сорочкѣ; въ сторонѣ благоразумный разбойникъ съ крестомъ. Всѣ эти изображенія помѣщены въ двухъ вертоградахъ съ роскошными деревьями, плодами, цвѣтами и птицами. По другую сторону той же арки, гдѣ находятся вертограды, представлена группа праведниковъ мужчинъ и женщинъ съ царицею въ діадимѣ, которыхъ ведетъ апостолъ Петръ въ рай. Рядомъ два ангела съ трубами: одинъ трубитъ въ землю, другой — въ море, призывая людей на страшный судъ. Затѣмъ у западной стѣны по обѣимъ сторонамъ большой средней арки надъ входомъ сохранились апостолы на престолахъ съ раскрытыми книгами въ рукахъ и ангелы дориносящіе. Очевидно, здѣсь мы имѣемъ одну часть цѣльной картины страшнаго суда, которая по принятому пріему распредѣленія живописей въ храмѣ помѣщалась именно въ западной части. Стиль и иконографія этой росписи имѣютъ характеръ византійскій. Заключеніе это остается въ силѣ, признаемъ ли мы, что роспись произведена непосредственно греками, вызваннымп кн. Всеволодомъ при построеніи собора въ 1194—1197 гг., или русскими учениками грековъ, работавшими по византійскимъ образцамъ. За исключеніемъ славянскихъ надписей, нѣтъ здѣсь ни одной черты, которая бы обнаруживала самобытно-русское происхожденіе росписи: композиціи и типы, положенія фигуръ и костюмы — все это имѣетъ свои прототипы въ уцѣлѣвшихъ доселѣ греческихъ образцахъ. Ученый издатель памятника гр. С. Г. Строгановъ видитъ здѣсь замѣчательныя отступленія отъ перешедшихъ въ Россію древнихъ греческихъ подлинниковъ и свободное отношеніе художника къ дѣлу[2]); мнѣніе это основано на невѣрной оцѣнкѣ греческаго подлинника Дидрома. Безъ сомнѣнія, между этимъ подлинникомъ и композиціею страшнаго суда въ Дмитріевскомъ соборѣ — значительная разница; но она означаетъ то, что составитель самаго подлинника отступаетъ отъ древнихъ образцовъ, а не наоборотъ. Признавая, тѣмъ не менѣе, дмитріевскую стѣнопись произведеніемъ греческихъ художниковъ, авторъ не совсѣмъ справедливъ по отношенію къ ихъ русскимъ ученикамъ: онъ полагаетъ, что въ произведеніяхъ русскихъ мастеровъ вообще замѣчается слишкомъ много принужденнаго, условленнаго и типическаго, что въ нихъ не унотребляется греческое слово „агіосъ“: съ послѣднимъ безусловно нельзя согласиться, такъ какъ терминъ этотъ на иконахъ русскаго происхожденія встрѣчается даже и въ XVI—XVII вв. весьма нерѣдко; нервое же предположеніе основано на немногихъ образцахъ новгородскихъ иконъ, о которыхъ неизвѣстно, писаны ли онѣ лучшими русскими иконописцами или посредственными. Нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что нѣкоторыя копіи русскихъ мастеровъ не уступали по достоинству греческимъ образцамъ, представляющимъ въ свою очередь копіи съ другихъ образцовъ, и самъ авторъ допускаетъ, что дмитріевская роспись могла быть исправлена пресловутымъ русскимъ иконъ-

[1]) Въ изд. Гр. Г. С. Строгонова она ошибочно названа Младенцемъ Іисусомъ. Дмитр. соб., стр. 11.
[2]) Ц. С. стр. 12.

никомъ Андреемъ Рублевымъ, — слѣдовательно, признаетъ за нѣкоторыми русскими мастерами такія же достоинства, какія усвояетъ и греческимъ. Вѣрно одно, что общее заключеніе о византійскомъ характерѣ дмитріевскихъ фресокъ не измѣняется существенно отъ того или другаго рѣшенія вопроса о національности художниковъ.

Стѣнописи Успенскаго собора во Владимірѣ. Построенный Андреемъ Боголюбскимъ Успенскій соборъ во Владимірѣ (1158—1160 гг.) украшенъ былъ „паче иныхъ церквей“ многоразличными драгоцѣнностями, въ томъ числѣ и живописью настѣнною. Когда-въ 1859 и 1880 открыты были въ этомъ храмѣ древнія живописи, то естественно явилось мнѣніе, что онѣ относятся къ времени первоначальнаго построенія собора, или по крайней мѣрѣ ко временамъ князя Всеволода. Однако едвали можно согласиться съ этимъ мнѣніемъ. Лѣтописныя справки показываютъ, что первоначальная стѣнопись не могла уцѣлѣть здѣсь до нашего времени, даже и подъ штукатуркою. Страшный бичъ русскихъ памятниковъ — пожаръ неоднократно опустошалъ и Успенскій соборъ[1]). „Въ 1185 г., по словамъ лѣтописи, погорѣ мало не весь городъ, и княжъ дворъ великій сгорѣ, и церквій числомъ 32 и соборная церковь св. Богородица златоверхая юже бѣ украсилъ благовѣрный князь Андрей. Загорѣся сверху, и что бяше внѣ и вну узорочій, и паникадила серебряная, и сосудъ златыхъ и серебряныхъ безъ числа, портъ шитыхъ золотомъ и жемчугомъ[2]), однимъ словомъ: все огонь взя безъ утеча[3])“. Въ 1237 году во время нашествія татаръ соборъ обгорѣлъ опять извнутри и снаружи. Вѣроятно, огонь не пощадилъ и живописей, если онъ уничтожалъ металлическія вещи. Изъ тѣхъ же источниковъ извѣстно, что въ 1408 г. соборъ росписанъ былъ знаменитымъ русскимъ иконописцемъ Андреемъ Рублевымъ вмѣстѣ съ Даниломъ иконникомъ[4]). По общепринятому обычаю, лица эти, вѣроятно, приноравливались къ уцѣлѣвшимъ до нихъ остаткамъ древнѣйшей живописи, но это приноровленіе не было равносильно точнѣйшей реставраціи древнѣйшаго письма. Въ виду этихъ данныхъ представляется болѣе вѣроятнымъ, что открытыя въ недавнее время стѣнописи составляютъ остатокъ росписи Рублева и его товарищей. Склоняясь къ этому второму предположенію, проф. Мансветовъ въ подтвержденіе его указывалъ въ уцѣлѣвшемъ памятникѣ на слѣдующіе признаки: въ нимбѣ Іисуса Христа находятся рѣдко встрѣчающіяся въ древнихъ вѣнцахъ греческія буквы *ωον*, при томъ и размѣщены онѣ иначе, чѣмъ въ памятникахъ XII—XIII вв.; именно *ωον*, между тѣмъ какъ въ древнѣйшихъ пишется *οων*[5]). Этотъ признакъ для опредѣленія сравнительной древности памятниковъ не можетъ быть признанъ надежнымъ. О. арх. Антонинъ первый указалъ на присутствіе этихъ буквъ въ нимбѣ, какъ на одинъ изъ признаковъ позднѣйшаго происхожденія памятника (не ранѣе XIII—XIV вв.[6]), а затѣмъ самъ отказался и совершенно резонно отъ этого поспѣшнаго заключенія[7]). Многочисленные памятники византійской миніатюры и мозаики заставляютъ

---

[1]) Ср. Истор. влад. каоедр. Усп. соб. свящ. *А. Виноградова.*
[2]) Ипат. лѣт. стр. 127.
[3]) Лавр. лѣт. стр. 166.
[4]) П. С. Р. Л. т. VIII, стр. 81—82; *Карамзинъ,* Ист. гос. росс. V, примѣч. 254.
[5]) Прибавл. къ Твор. отц. 1883 г. II, 546.
[6]) Зап. покл. св. горы 117.
[7]) Ibid. 303—304 примѣч.

относить появленіе этого признака къ болѣе раннему времени. Что касается различія въ размѣщеніи этихъ буквъ, то оно явилось еще въ Византіи, и отъ произвола художника зависѣло — принять то или другое изъ этихъ размѣщеній: истинный смыслъ отъ того не измѣнялся. Люди знакомые съ греческимъ языкомъ въ случаѣ размѣщенія ихъ $\omega\ ^{o}\ r$ читали сперва *о*, написано какъ бы на особой верхней строкѣ, потомъ *ωr*,— выходило то же самое *οωr*. Какое изъ этихъ размѣщеній древнѣе — сказать трудно; замѣтимъ лишь, что о. арх. Антонинъ въ рѣшеніи этого вопроса совершенно расходится съ проф. Мансветовымъ, и въ то же время ни одинъ изъ нихъ не приводитъ никакихъ основаній. Второй признакъ, указанный сперва С. А. Усовымъ, а потомъ И. Д. Мансветовымъ,— форма головныхъ уборовъ въ видѣ колпачковъ на волхвахъ и вельможахъ, изображенныхъ въ стѣнописяхъ Успенскаго собора, въ группѣ святыхъ идущихъ въ рай[1]), имѣетъ нѣкоторое значеніе: дѣйствительно, она преобладаетъ въ памятникахъ позднѣйшихъ, хотя и имѣетъ свой корень въ отдаленной христіанской древности. Третій признакъ позднѣйшаго происхожденія разсматриваемыхъ стѣнописей, по мнѣнію проф. Мансветова, состоитъ въ томъ, что здѣсь въ изображеніяхъ мучениковъ опущенъ крестъ въ лѣвой рукѣ и оставленъ только одинъ атрибутъ мученичества — простертая длань[2]). Признакъ этотъ безусловно не вѣренъ, такъ какъ съ одной стороны и въ памятникахъ древнѣйшихъ встрѣчаются нерѣдко мученики и мученицы съ однимъ атрибутомъ — крестомъ или простертою дланью, съ другой — въ памятникахъ позднѣйшихъ иногда являются оба атрибута въ приложеніи къ одному и тому же мученику. Изъ числа многихъ памятниковъ, подтверждающихъ это, укажемъ на лицевое евангеліе XII в., принадлежащее русскому Пантелеймонову монастырю на Аѳонѣ[3]), и строгоновскій лицевой подлинникъ XVII в.[4]). Болѣе вѣрнымъ признакомъ служитъ стиль росписи: стройныя фигуры изображенныхъ здѣсь святыхъ, тонкія черты лицъ, тщательность и чистота отдѣлки, а также головные уборы царицъ, идущихъ въ рай, напоминаютъ лучшую московскую иконопись XV—XVI вв. Слѣдуетъ обратить вниманіе также на найденное здѣсь изображеніе св. Авраамія. Если это Авраамій болгаринъ[5]), замученный въ Ордѣ и перенесенный во Владимірскій Княгининъ монастырь, то ясно, что стѣнопись собора произведена отнюдь не въ XII в., такъ какъ перенесеніе мощей св. Авраамія послѣдовало въ XIII в. Склоняясь, такимъ образомъ, къ предположенію о принадлежности нашихъ стѣнописей Андрею Рублеву, мы признаемъ за ними большую археологическую важность,— это наиболѣе крупный памятникъ древней стѣнной росписи во Владиміро-Суздальской области.

Въ верхнихъ частяхъ собора на стѣнахъ открыты изображенія праздниковъ: преображенія (С), сошествія св. Духа на апостоловъ, крещенія Спасителя (Ю), напоминающаго хорошіе образцы академической живописи, введенія Богоматери во храмъ и

---

[1]) Приб. къ Твор. св. отц. стр. 551.

[2]) Ibid. 552.

[3]) № 2. См. л. 196. Св. Димитрій съ однимъ аттрибутомъ — четвероконечнымъ крестомъ въ правой рукѣ; л. 206 муч. Евстратій съ простертою дланью и др.

[4]) См. изображеніе подъ 16 числомъ апрѣля.

[5]) Проф. Мансветовъ видитъ въ немъ Авраамія затворника 29 октября.

срѣтенія (3). Затѣмъ, если оставить въ сторонѣ орнаментъ лѣваго нефа (въ первомъ отъ западной стѣны сводѣ между двумя арками), отличающійся своеобразнымъ тономъ и преобладаніемъ цвѣтовъ голубого, краснаго и бѣлаго), (тогда какъ въ остальныхъ фрескахъ господствуютъ цвѣта желтый и блѣдносиній) и несомнѣнно относящійся къ поздпѣйшему времени, то всѣ главнѣйшія живописи будутъ примыкать къ западной части храма: расположены онѣ по западной стѣнѣ, аркамъ, сводамъ и столбамъ главнаго и праваго нефа. Почти всѣ онѣ составляютъ отдѣльныя части одной и той же картины страшнаго суда, разбросанной по разнымъ мѣстамъ. Недостатокъ мѣста почти всегда заставлялъ нашихъ мастеровъ разбивать эту сложную картину на отдѣльныя группы. Такъ случилось и здѣсь. Цѣлость картины отъ этого, безъ сомнѣнія, значительно пострадала: картина, разбитая на группы, отдаленныя одна отъ другой, не производитъ вдругъ цѣлостнаго впечатлѣнія на зрителя. Но для византійскихъ и русскихъ художниковъ представляли важность не столько единство и цѣльность впечатлѣнія, сколько глубина содержанія картины, богатства мысли; отъ того мы не находимъ у нихъ поразительныхъ, разсчитанныхъ на воображеніе, эффектовъ, которые столь обыкновенны въ живописи западной. Съ этой стороны разница между нашими и западными художниками особенно замѣтна въ воспроизведеніи картины страшнаго суда. Въ то время, какъ напр. Микель Анджело въ сикстинской капеллѣ представляетъ страшный судъ во всемъ его трагическомъ величіи, Христу усвояетъ формы Юпитера громовержца, однимъ мановеніемъ поражающаго грѣшниковъ, выслѣживаетъ до мельчайшихъ подробностей психологическія ощущенія лицъ, присутствующихъ на судѣ, — словомъ, воспроизводитъ весь процессъ суда изъ своего личнаго воображенія, примѣняясь главнымъ образомъ къ аналогичнымъ явленіямъ въ сферѣ обычной жизни, византійскіе и русскіе художники предпочитаютъ спокойное отношеніе къ сюжету, спокойныя сцены и положенія и свое личное творчество подчиняютъ установившемуся воззрѣнію на предметъ въ памятникахъ письменности. Каждая деталь въ ихъ изображеніяхъ имѣетъ свое историческое прошлое, свой точно опредѣленный смыслъ, изъясняемый путемъ сопоставленія памятниковъ художественныхъ и литературныхъ. Въ какихъ же формахъ выразилось воззрѣніе художника въ разсматриваемомъ памятникѣ? На западной стѣнѣ надъ входною аркою художникъ изобразилъ уготованіе престола *(ἑτοιμασία)*: на престолѣ евангеліе, восьмиконечный крестъ съ тростію и копіемъ; у подножія креста сосудъ, въ которомъ находится, вѣроятно, кровь распятаго Богочеловѣка, омывшая грѣхи человѣческаго рода; къ сосуду прикрѣплены вѣсы праведные; здѣсь же Адамъ и Ева въ колѣнопреклоненномъ положеніи, какъ виновники человѣческаго грѣхопаденія, вина которыхъ искуплена распятымъ Спасителемъ. По сторонамъ престола Богоматерь и Предтеча въ такомъ же точно положеніи, какъ обычно на иконахъ деисуса; за ними по одному ангелу съ жезлами и кругами со вписанными внутри буквами X[1]) и по одному евангелисту. Продолженіе картины съ сѣверной и южной сторонъ составляютъ апостолы на пресголахъ съ раскрытыми книгами, среди которыхъ узнаются четыре евангелиста по вписаннымъ на листахъ книгъ буквамъ: мт лк мр їω, и ангелы въ нѣсколько рядовъ съ жезлами: это одинъ изъ

[1]) Апокал. XXI гл.

главнѣйшихъ элементовъ древней картины страшнаго суда, перешедшій также и въ живопись позднѣйшую. Мысль этого изображенія заключается въ томъ, что апостолы, какъ ближайшіе провозвѣстники дарованнаго во Христѣ спасенія человѣческаго, будутъ соучастниками въ судѣ Господа надъ людьми. Центральная часть этого изображенія — Самъ Христосъ, представленный на сводѣ между арками, сѣдящимъ въ кругѣ, образованномъ изъ серафимовъ: строгая фигура Спасителя, задрапированная въ мантію, представлена въ рѣшающемъ моментѣ послѣдняго суда: правою рукою Спаситель дѣлаетъ жестъ, призывающій праведниковъ къ наслѣдію уготованнаго имъ царства небеснаго, лѣвая выражаетъ отверженіе грѣшниковъ. Подлѣ Спасителя — солнце, луна и звѣзды, утвержденныя въ небѣ, имѣющемъ форму полотна, свиваемаго двумя ангелами, въ соотвѣтствіи со словами псалма: „вся яко риза обветшаютъ и яко одежду свіеши я и измѣнятся“.

По сосѣдству съ изображеніемъ Спасителя представлены внутри арки въ кругѣ символическія фигуры 4-хъ царствъ: Македонскаго — въ видѣ грифона, Римскаго — въ видѣ крылатаго дракона, Вавилонскаго — въ видѣ медвѣдя и Антихристова — въ видѣ рогатаго звѣря. Такова обстановка страшнаго суда. Художникъ нарисовалъ намъ картину этого суда въ формахъ, созданныхъ византійско-русскою древностію согласно съ указаніями па этотъ предметъ въ ветхомъ и новомъ завѣтѣ и въ церковномъ преданіи. Отсюда онъ переходитъ къ изображенію самаго процесса суда; впрочемъ онъ не вдается здѣсь въ драматизмъ, которымъ любили щеголять западные художники, а останавливается лишь на предшествующемъ и послѣдующемъ моментахъ. Онъ представилъ двухъ ангеловъ, изъ которыхъ одинъ трубитъ внизъ, другой — вверхъ, созывая живыхъ и умершихъ па судъ. По звуку этихъ трубъ земля и море отдаютъ своихъ мертвецовъ. Земля изображена здѣсь въ видѣ женщины съ жезломъ въ правой рукѣ и гробомъ въ лѣвой; вокругъ нея воскресающія женщины въ бѣлыхъ однообразныхъ повязкахъ, представители царства звѣрей, птицъ и пресмыкающихся: левъ, слонъ, пеликанъ, змѣй. Рядомъ другое античное олицетвореніе — *моря* также въ видѣ женщины съ длинными распущенными волосами: правою рукою она держитъ оснащенный корабль, подлѣ котораго плаваютъ морскія рыбы. По звуку тѣхъ же трубъ возстаютъ лики святыхъ царей, представленныхъ здѣсь въ костюмахъ ветхозавѣтныхъ праведниковъ, и въ шапочкахъ, а одинъ въ діадимѣ; лики святыхъ мучениковъ въ мантіяхъ и хитонахъ, лики свв. святителей въ кресчатыхъ фелопяхъ съ короткими волосами, лики преподобныхъ въ нижнихъ одеждахъ, перетянутыхъ широкими поясами, мантіяхъ и одинъ въ клобукѣ въ видѣ колпака, наконецъ, лики свв. женъ, среди которыхъ выдѣляется фигура царицы въ царскомъ одѣяніи и вѣнцѣ и фигуры женъ преподобныхъ (?) въ клобукахъ... Судъ совершился; за нимъ слѣдуетъ блаженство праведниковъ и мученіе грѣшниковъ; послѣднихъ художникъ не изобразилъ, или же они не уцѣлѣли до насъ... Ап. Петръ съ ключомъ въ правой рукѣ ведетъ святыхъ въ рай: въ ряду святыхъ — цари ветхозавѣтный и новозавѣтный, святители, преподобные, царицы и др. праведныя жены; вдали ап. Павелъ, въ лѣвой рукѣ его свитокъ, въ которомъ написано: „придѣте со мною благіихъ“, правою указываетъ на мѣсто блаженства праведниковъ. Надпись: „идутъ святіи въ раі“. Тамъ благоразумный разбойникъ съ крестомъ въ лѣвой рукѣ, среди

райскихъ деревьевъ съ надписью: „благоразумный разбойникъ свѣтъ невечерній“. Самое блаженство праведниковъ представлено въ двухъ видахъ, отличающихся одинаково наивнымъ характеромъ: въ одномъ мѣстѣ изображена кисть правой руки, въ которой находятся праведныя души: очевидно художникъ понялъ буквально извѣстное библейское выраженіе „праведныхъ души въ рукѣ Божіи“; въ другомъ мѣстѣ онъ изобразилъ лоно Авраамово: на широкомъ возвышеніи сидятъ Авраамъ въ видѣ старца, Исаакъ въ видѣ зрѣлаго мужа и Іаковъ въ видѣ довольно молодого человѣка: послѣдніе два съ простертыми дланьями; у Авраама въ пазухѣ души праведныхъ въ видѣ мальчугановъ; рядомъ съ нимъ еще нѣсколько дѣтскихъ фигуръ, въ нимбахъ и бѣлыхъ сорочкахъ; кругомъ райскія деревья. Это изображеніе (т.-е. лоно) открыто было уже давно Ѳ. Г. Солнцевымъ и сохранилось лучше всѣхъ другихъ. Картина рая дополнена изображеніемъ Богоматери на тронѣ среди двухъ ангеловъ, открытымъ на стѣнѣ подъ сводомъ юго-западной части храма[1]).

Нѣсколько единоличныхъ изображеній въ разныхъ частяхъ храма совершенно стушевываются предъ этою замѣчательною картиною страшнаго суда.

Этимъ памятникомъ мы заключаемъ рядъ русскихъ стѣнописей древнѣйшаго періода[2]).

Обозрѣніе стѣнныхъ росписей въ уцѣлѣвшихъ доселѣ памятникахъ византійскихъ и русскихъ отъ VI до XV в. указываетъ въ нихъ съ одной стороны черты общія типическія, незамѣтно въ нихъ повторяющіяся, съ другой — черты измѣняемыя, происхожденіе которыхъ опредѣляется не существующимъ канономъ, но личными соображеніями и симпатіями лицъ, завѣдывавшихъ убранствомъ храма. Уже было замѣчено, что подъ канономъ мы разумѣемъ не какія-либо строго формулированныя и закрѣпленныя высшимъ авторитетомъ правила, въ родѣ напр. правилъ, изложенныхъ въ греческомъ подлинникѣ, по установленный преданіемъ и практикою обычай, выросшій на почвѣ господствовавшихъ символическихъ воззрѣній на храмъ и его составныя части. Закрѣпить всѣ художественныя формы въ строго опредѣленныя рамки и превратить художника въ копировальную машину слишкомъ трудно. Даже греческій подлинникъ XVII—XVIII в. не имѣетъ притязаній на такую деспотическую роль, и мы увидимъ ниже, что, несмотря на всеобщее употребленіе его, все-таки замѣчается нѣкоторое различіе въ размѣщеніи сюжетовъ въ греческихъ храмахъ XVII и XVIII в. Тѣмъ менѣе возможно было такое закрѣпленіе формъ въ періодъ византійскій. Оно имѣло свое мѣсто, но не было безусловнымъ и не убивало въ корнѣ индивидуальную мысль художника. Установленное теоритическою мыслею въ продолженіе вѣковъ символическое воззрѣніе на храмъ и его составныя части направляло мысль художниковъ на соотвѣтственныя художественныя темы; практика указывала и готовые образцы такого примѣненія церковнаго искусства, но не было точнѣйшей формулировки этого воззрѣнія, указанія на детали и способы художественнаго выраженія его, не было безусловнаго требованія, чтобы художникъ не могъ не переставить, ни ввести вновь *ни одного* изображенія. Было бы странно,

[1]) Снимки съ этихъ стѣнописей и объясненія въ цит. соч. о стр судѣ.

[2]) Фрагменты росписей въ ц. св. Евфросиніи въ Полоцкѣ, въ Юрьевой божницѣ въ г. Острѣ, Черниг. губ., и въ Звенигородскомъ соборѣ не прибавляютъ пока, съ нашей точки зрѣнія, ничего новаго къ тому, что дано въ другихъ памятникахъ, а потому оставляемъ ихъ въ сторонѣ.

если бы византійскій или русскій художникъ помѣстилъ въ алтарѣ страшный судъ, какъ напр. это сдѣлалъ Микель Анджело въ сикстинской капеллѣ, а евхаристію на западной стѣнѣ, или помѣстилъ бы Господа Вседержителя въ нижнемъ ярусѣ на столпѣ, а въ куполѣ — мученицу: это было бы не согласно съ символическимъ воззрѣніемъ на храмъ; но замѣнить изображеніе мученика сюжетомъ евангельскимъ и т. п. онъ могъ. Къ такимъ видоизмѣненіямъ, не нарушающимъ идеи цѣлаго, нерѣдко приходилось прибѣгать въ тѣхъ случаяхъ, когда художникъ хотѣлъ чѣмъ-либо отмѣтить въ стѣнописяхъ посвященіе храма имени того или другаго святаго. Пусть основныя черты росписи, хотя бы онѣ установились прежде всего въ храмахъ, посвященныхъ Спасителю, Богоматери, идеѣ Софіи Премудрости Божіей и т. п., приняты были также и къ храмамъ, посвященнымъ имени святыхъ, тѣмъ не менѣе эти послѣдніе если не въ цѣломъ, то въ частностяхъ имѣли свои отличія; быть можетъ отсюда, между прочимъ, объясняется различіе росписей въ храмахъ дафнійскомъ и св. Луки въ Фокидѣ. А въ памятникахъ позднѣйшихъ отъ XVI в. весьма нерѣдко можно встрѣтить въ этихъ послѣднихъ храмахъ и совершенно особый типъ росписи, всецѣло обусловленный спеціальною идеею посвященія. Какъ въ храмахъ византійскихъ, такъ и въ древне-русскихъ наибольшею типичностью отмѣчаются росписи алтаря и купола: зависитъ это отъ сравнительно большей важности этихъ частей въ смыслѣ теоретической символики, отчасти также и отъ устойчивости ихъ архитектурныхъ формъ, повторявшихся въ большей части храмовъ съ замѣчательнымъ однообразіемъ: къ устойчивымъ формамъ архитектуры легко прирастаютъ и устойчивыя формы иконографіи. Въ алтарной апсидѣ полагалось изображеніе Богоматери съ Предвѣчнымъ младенцемъ или безъ Онаго; евхаристія въ видѣ раздаянія Спасителемъ апостоламъ св. хлѣба и св. чаши, при чемъ присутствуютъ и ангелы служащіе съ рипидами; святители и діаконы. На столбахъ, отдѣляющихъ алтарь отъ средней части храма, благовѣщеніе Пресв. Богородицы; на аркахъ — Деисусъ. Въ куполѣ Господь Вседержитель, ангелы, апостолы, пророки и праотцы; въ парусахъ сводовъ, святители. На стѣнахъ храма и сводовъ главнѣйшіе праздники православной церкви; на западной стѣнѣ по большей части страшный судъ. На столбахъ и въ аркахъ отдѣльныя изображенія святыхъ мучениковъ, преподобныхъ столпниковъ. Относительно росписи притворовъ трудно сказать что-либо опредѣленное, потому что росписей ихъ мы имѣемъ слишкомъ мало. Опредѣляя отмѣченными изображеніями типическія черты византійско-русской росписи, нельзя замѣтить, что онѣ проходятъ съ особенною послѣдовательностью въ храмахъ русскихъ: говоримъ это, имѣя въ виду наличную сумму памятниковъ и не предрѣшая будущихъ выводовъ, когда число древнихъ византійскихъ памятниковъ въ рукахъ спеціалистовъ увеличится. Не даромъ же получило у насъ столь широкое распространеніе извѣстное символическое изъясненіе частей храма: верхъ церковный — глава Господня, главу бо церковную держитъ Христосъ, шею — апостолы, пазухи — евангелисты, а поясъ — праздници, двери же алтарю образъ Спасовъ[1]). Уже самая конкретная форма этого изъясненія свидѣтельствуетъ о томъ, что оно явилось результатомъ постояпной повторяемости однихъ и тѣхъ же изображеній на извѣст-

[1]) Рукоп. Соф. библ. № 1454, л. 33. Ср. Кормчая, о апостольстѣй, соборы; св. церкви толкъ.

ныхъ частяхъ храма, а не наоборотъ. Послѣдовательность, съ какою проходитъ намѣченная система росписи въ нашихъ храмахъ, видна изъ слѣдующей таблицы.

		Кіево-Софійскій соборъ.	Михайловск. монастырь.	Кирилловск. монастырь.	Новгор. Соф. соборъ.	Церк. Спаса въ Перед.	Цер Георгія въ Ладогѣ.	Церковь св. Николая на Липнѣ.	Церк. села Ковалева.	Церк. села Волотова.	Мирож мон. въ Псковѣ.	Усп. соборъ во Влад.	Дмитровск. соборъ.
Алтарь.	Богоматерь	+	?	+	?	+	?	?	?	+	?	?	?
	Евхаристія	+	+	+	?	+	+	?	?	+	+	?	?
	Святители	+	?	?	?	+	?	?	?	+	?	?	?
	Діаконы	+	?	?	?	+	?	?	?	+	?	?	?
Алтарные столпы.	Благовѣщеніе . .	+	?	+	?	?	?	+	?	+	?	?	?
Куполъ и трибунъ.	Пантократоръ . .	+	?	?	+	+	+	+	+	+	?	?	?
	Ангелы	+	?	?	+	+	+	+	+	+	?	?	?
	Апостолы	+	?	?	?	+	+	+	+	+	+	?	?
	Пророки	?	?	?	+	+	+	?	?	?	?	?	?
Сѣв. и южн. стѣны.	Евангеліе и праздники	+	?	+	?	+	?	+	+	+	?	+	?
Западн. стѣна.	Страшный судъ .	?	?	+	?	+	+	?	?	?	?	+	+
	и евангеліе . . .	?	?	?	?	+	?	+	?	+	?		
Столпы и арки	Единоличныя изображенія . . .	+	?	+	?	+	+	+	+	+	?	+	?

Частое повтореніе знака + показываетъ, что на соотвѣтственныхъ мѣстахъ храмовъ помѣщались одни и тѣ же изображенія. Знакъ ? означаетъ не отрицаніе или уклоненіе, но лишь то, что при настоящемъ положеніи нашихъ полуразрушенныхъ памяниковъ мы не можемъ сказать, какія изображенія находились на этихъ мѣстахъ.

Такъ какъ распредѣленіе стѣнописей въ храмахъ стоятъ въ тѣсной связи съ общимъ символическимъ истолкованіемъ храма и его частей, то возможно было бы ожидать прямыхъ разъясненій по нашему вопросу отъ древнихъ греческихъ литуристовъ, Софронія, патріарха іерусалимскаго (VII в.), Германа, патр. константинопольскаго (VIII в.) и Симеона, архіепископа солунскаго (XV в.), оставившихъ намъ въ своихъ трудахъ, между прочимъ, и толкованія о храмѣ и его принадлежностяхъ. Между тѣмъ ни одинъ изъ нихъ прямо не говоритъ о стѣнописяхъ и иконографіи. Симеонъ солунскій случайно отмѣтилъ иконографическія формы ангеловъ и опредѣлилъ значеніе нимба въ изображеніяхъ святыхъ[1]); но эти замѣтки стоятъ внѣ всякой связи съ общею символикою храма.

[1]) О божеств. храмѣ. Пис. отц. и учит. ц. относ. къ истолков. правосл. богослуж. т. III, стр. 152 — 154.

Ѳеодоръ Андидскій въ изъясненіи литургіи отмѣтилъ обширный циклъ евангельской иконографіи въ храмахъ[1]), какъ доказательство обширнаго символическаго значенія литургіи, обнимающаго всю земную жизнь Іисуса Христа, но не далъ указаній на распредѣленіе изображеній. Объясняется этотъ недочетъ, быть можетъ, тѣмъ, что корень символическихъ толкованій Софронія и Германа восходитъ къ той отдаленной эпохѣ, когда канонъ стѣнописей только еще зачинался. Симеонъ Солунскій, авторъ позднѣйшій, имѣлъ подъ руками всѣ средства къ восполненію этого недочета, но онъ, по его собственному признанію, остерегался вносить въ эту область личныя прибавки и соображенія, предпочитая собирать и излагать то, что говоритъ писаніе и св. отцы и что можно извлечь изъ ихъ богопросвѣщенныхъ мыслей[2]). Тѣмъ не менѣе, если не прямо, то косвенно, символическія изъясненія храма, предлагаемыя названными авторами, несмотря на присущій имъ субъективизмъ, уясняютъ намъ тѣ мотивы, которые управляли мысли художниковъ, расписывавшихъ храмы. Сравнивая тѣ и другія, находимъ очевидныя параллели во внутреннемъ содержаніи ихъ: это не означаетъ ни того, что художники руководились прямо изъясненіями названныхъ литургистовъ, имѣя ихъ подъ руками во время своихъ работъ, ни того, что сами литургисты составляли свои изъясненія подъ вліяніемъ стѣнописей; это указываетъ на единство общаго для тѣхъ и другихъ источника: символизмъ Софронія и Германа не составляетъ въ общемъ явленія исключительнаго; онъ былъ довольно распространенъ въ то время, какъ это видно изъ родственныхъ по духу древнихъ произведеній церковной письменности. Самый текстъ древнихъ литургій, обильный параллелями и символизмомъ, доставлялъ неисчерпаемый матеріалъ какъ для литуристовъ, такъ и для художниковъ: въ немъ дѣйствительно находятъ свое изъясненіе нѣкоторыя изъ такихъ подробностей церковныхъ росписей, о какихъ не упоминается въ символикѣ названныхъ литургистовъ.

Церковь есть образъ міра, состоящаго изъ существъ невидимыхъ и видимыхъ; ея алтарь — символъ первыхъ, средняя часть — вторыхъ; въ то же время обѣ эти части составляютъ нераздѣльное единство. Эта мысль, нереданная Максимомъ Исповѣдникомъ со словъ неизвѣстнаго старца[3]), проходитъ неоднократно въ средневѣковыхъ толкованіяхъ о храмѣ и литургіи. Его встрѣчаемъ мы и у натр. Софронія, который подобно Максиму Исповѣднику, считаетъ храмъ образомъ мысленнаго (алтарь) и чувственнаго (средній храмъ) міра[4]). Болѣе подробно излагается символическое воззрѣніе на храмъ въ твореніяхъ патр. Германа и Симеона Солунскаго. Церковь, говоритъ первый изъ нихъ, есть земное небо, въ которомъ живетъ и пребываетъ Пренебесный Богъ. Она служитъ напоминаніемъ распятія, погребенія и воскресенія Христова и прославлена болѣе Моисеевой скиніи свидѣнія: она предображена въ натріархахъ, основана на апостолахъ; въ ней-то истинное очистилище и святое святыхъ; она предвозвѣщена пророками, благоукрашена іерархами, освящена мучениками и утверждается престоломъ своимъ

[1]) ... начертанныя красками свящ. изображенія, въ которыхъ благочестивые созерцаютъ всѣ тайны воплощенія Христа Бога нашего, начиная отъ благовѣстія Пресв. Дѣвѣ арх. Гавріиломъ и кончая вознесеніемъ Господа и вторымъ Его пришествіемъ. Прав. Собес. 1884, I, 378.

[2]) Тамъ же II, 544.

[3]) Пис. отц. и учит. ц. I, 304—305.

[4]) Тамъ же, стр. 340—341.

на ихъ святыхъ останкахъ. Иначе: церковь есть Божественный домъ, гдѣ совершается таинственное животворящее жертвоприношеніе, гдѣ есть и внутреннѣйшее святилище, и священный вертепъ, и гробница, и душепитательная животворящая трапеза; гдѣ (найдешь) перлы божественныхъ догматовъ, коимъ училъ Господь учениковъ Своихъ[1]). Храмъ, по словамъ Симеона Солунскаго, есть домъ Божій, ибо освящаетъ божественною благодатію и священнодѣйственными молитвами[2]); вмѣстѣ съ тѣмъ онъ есть видимый міръ, а алтарь въ немъ есть небо въ видѣ полукружія[3]); вмѣстѣ съ тѣмъ, храмъ изображаетъ также и рай или райскіе дары, заключая въ себѣ не простое древо жизни, но самую жизнь священнодѣйствуемую и раздаваемую[4]); онъ есть прекрасная невѣста Христова, блистающая великолѣпіемъ[5]). Какъ символъ всего міра, храмъ раздѣляется на три части: алтарь служитъ символомъ пренебесныхъ и горнихъ (обителей), гдѣ находится и престолъ невещественнаго Бога; храмъ образуетъ этотъ видимый міръ: верхнія части его видимое небо, нижнія то, что находится на землѣ, и самый рай; внѣшнія же части — самыя низшія части земли... Св. алтарь принимаетъ въ себя іерарха, Который образуетъ Богочеловѣка Іисуса и обладаетъ Его силою; прочія священныя лица образуютъ апостоловъ и преимущественно самихъ архангеловъ и ангеловъ, каждый соотвѣтственно своей степени[6]).

Недостаточная устойчивость и опредѣленность приведенныхъ толкованій объясняется тѣмъ, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ субъективными размышленіями; рѣчь идетъ не о точности изъясненія, но о подобіяхъ и сравненіяхъ. Въ примѣненіи къ нашему вопросу возможно извлечь отсюда лишь слѣдующее. Алтарь — горній міръ и святилище съ животворящею трапезою; средній храмъ — видимый міръ. Церковь предвозвѣщена пророками, предоизображена патріархами, благоукрашена іерархами, освящена мучениками; въ ней — указанія на воплощеніе Іисуса Христа и искупленіе. Въ предѣлахъ этихъ мыслей и понятій вращаются и стѣнописи. Въ алтарѣ изображается установленіе евхаристіи, какъ основаніе для важнѣйшаго изъ совершаемыхъ въ алтарѣ священнодѣйствій; это установленіе воспоминается въ текстѣ древнихъ литургій. Самъ Спаситель, Великій Архіерей, по выраженію ап. Павла[7]), совершитель таинства. Пріемлющіе его — апостолы: они подходятъ къ Спасителю въ почтительно-наклоненномъ положеніи, со сложенными, какъ бы для припятія благословенія, руками, что совершенно согласно съ древнею литургическою практикою, о которой говоритъ св. Кириллъ Іерусалимскій въ 5-мъ тайноводственномъ поученіи: „подходи къ св. дарамъ... сдѣлавъ лѣвую руку престоломъ для правой... какъ бы съ видомъ поклона“. Но историческое событіе представляется здѣсь въ обстановкѣ, заимствованной изъ литургической практики: столъ имѣетъ видъ престола съ евхаристическими сосудами; возлѣ него два ангела съ рипидами, означающіе служащихъ діаконовъ: патр. Софроній и Германъ сравниваютъ діаконовъ съ ангельскими

---

[1]) Тамъ же стр. 357—358.
[2]) Тамъ же т. II, стр. 179.
[3]) Тамъ же 193.
[4]) Тамъ же 194.
[5]) Тамъ же 195.
[6]) Тамъ же 183—184, ср. 205.
[7]) Евр. VIII, 1 ср. Литург. Постановл. апост.

силами — служебными духами, а орари ихъ съ ангельскими крыльями; Симеонъ Солунскій уподобляетъ діаконскій стихарь свѣтлой одеждѣ ангеловъ,— самихъ діаконовъ ангеламъ, а орарь — херувимскимъ крыльямъ[1]). По Златоусту также діаконы служатъ образомъ ангеловъ, а орари означаютъ ангельскія крылья[2]). Въ этой подробности разсматриваемое изображеніе евхаристіи пріобрѣтаетъ идеальную черту. Изображеніе святителей въ алтарѣ занимаютъ вполнѣ подобающее имъ положеніе: они ближайшіе преемники апостоловъ; имъ принадлежитъ заслуга приведенія въ стройный порядокъ литургіи; алтарь во время священнослуженія составляетъ мѣсто епископовъ, какъ намѣстниковъ Христа, преимущественно предъ всѣми другими іерархическими лицами; было бы не послѣдовательно — отвести ихъ изображеніямъ какое-либо иное мѣсто, внѣ алтаря. Святымъ діаконамъ, какъ служащимъ епископамъ, отводится также мѣсто въ алтарѣ, преимущественно возлѣ алтарныхъ входовъ, наблюденіе за которыми лежало на ихъ обязанности. Всѣ вмѣстѣ они составляютъ небесную церковь; но въ этой церкви, въ этомъ небесномъ раѣ, высокое мѣсто принадлежитъ Богоматери, которая и является въ алтарной ансидѣ, какъ „высшая небесъ“. Глава церкви — Самъ Господь находится въ зенитѣ алтарнаго свода: это Ветхій деньми[3]), всегда сущій: „глава Его и власы бѣлы, какъ бѣлая волна, какъ снѣгъ, и очи Его, какъ пламень огненный, — такими чертами описывается Онъ въ апокалипсисѣ[4]); о Немъ идетъ рѣчь въ актахъ муч. Перпетуи, гдѣ подъ формою таинственнаго видѣнія даны ясные намеки на евхаристію[5]). Престолъ Господень[6]) окружаютъ дориносящіе ангелы и херувимы, какъ о томъ многократно говорится и въ церковныхъ пѣснопѣніяхъ, и въ древнихъ литургіяхъ[7]); въ волотовскихъ стѣнописяхъ онъ представленъ „огнезрачнымъ“[8]) и утвержденъ на полукругѣ, означающемъ небо. Значеніе изображеній праздниковъ въ нѣкоторыхъ храмахъ будетъ объявлено ниже; замѣтимъ здѣсь лишь, что сошествіе Св. Духа въ стѣнописяхъ волотовскихъ указываетъ на особенное присутствіе Св. Духа въ алтарѣ, во время совершенія безкровной жертвы: силою Его совершается пресуществленіе даровъ; къ Нему, какъ Освятителю, обращены многія молитвы литургіи[9]), при чемъ иногда прямо указывается на чудесное событіе пятидесятницы. — Средняя часть храма — церковь земная. Глава ея—I. Христосъ[10]), а потому Онъ изображается въ куполѣ. Церковь предвозвѣщена пророками, утверждена апостолами, а потому они и помѣщаются близъ Спасителя; посредствомъ четырехъ Евангелій распространено ученіе Христово по всѣмъ четыремъ

---

[1]) Пис. отц. т. I стр 272 и 367, ср. стр. 287, 393, 402, 281, 400, 405, 407—408; т. III стр. 15, 18, 19, 26 и др.

[2]) I. Злат. Бес. о Блудн. сынѣ.

[3]) Кромѣ ц. Спаса въ Нередицахъ, Онъ сохранился въ стѣнописяхъ ц. малой митрополіи близъ Аѳинъ. Зам. нокл. св. горы 7. То же изображеніе въ Парижск. Ев. № 74: ясную надпись „ὁ παλαιὸς ἡμερῶν“ Вагенъ считаетъ непонятною. Kunstwerke u. Künstler, III, 227.

[4]) Апокал. I, 14 ср. св. Кипріана кн. объ одеждѣ дѣвственницъ стр. 136, собр. литург. вост. и зап. I, 75.

[5]) Собр. др. лит. I, 74—76.

[6]) Дан. VII, 9.

[7]) Собр. др. лит. II, 62—63, 90, 120; ср. 17, 26—27; I, 161, 174.

[8]) Ср. тропарь Обрѣзанію: „на престолѣ огнезрачнѣмъ въ вышнихъ сѣдяй“...

[9]) Собр. др. лит. I, 127, 135, 149, 178; II, 168; III, 91.

[10]) Ефес. I, 22—23; V, 23.

странамъ свѣта, отсюда — въ четырехъ парусахъ — евангелисты. Распространенію и утвержденію церкви Божіей на землѣ много содѣйствовало мученичество и подвижничество; а потому на столпахъ церкви и отчасти на стѣнахъ изображаются мученики, столпники и др., бывшіе живыми столпами церкви Христовой. Они, равно какъ и апостолы, патріархи, пророки, евангелисты, воспоминаются въ древнихъ литургіяхъ[1]). Сущность вѣроученія церкви заключается въ Евангеліи, слѣдовательно, изображеніе на стѣнахъ храма важнѣйшихъ евангельскихъ событій, преимущественно тѣхъ изъ нихъ, которыя отмѣчены установленіемъ особыхъ праздниковъ, служитъ наглядным выраженіемъ этой вѣры, напоминаетъ о дѣйствіяхъ искупленія людей, поддерживаетъ и научаетъ жаждущихъ познанія истинной вѣры: это перлы Божественныхъ догматовъ, упоминаемыхъ патр. Гермогеномъ. Какъ выраженіе скончанія земной церкви и вмѣстѣ какъ поучительная картина, на западной стѣнѣ изображается страшный судъ. — Мы уже замѣтили, что относительно притворовъ трудно сказать что-либо опредѣленное по недостатку памятниковъ; тоже и относительно жертвенниковъ и діаконіковъ. Замѣтимъ впрочемъ, что изображеніе Богоматери въ жертвенникѣ Спасо-Нередицкой церкви находитъ свое объясненіе въ словахъ патр. Софронія: „какъ пресущественный Богъ, воспріявъ плоть отъ Дѣвы, во единой ипостаси явился совершеннымъ Богомъ и совершеннымъ человѣкомъ... такъ и новое тѣло (проскомидійный агнецъ) какъ бы изъ нѣкоего чрева и отъ кровей и отъ плоти дѣвственнаго тѣла т.-е. изъ цѣлаго хлѣба изсѣкается діакономъ или іереемъ[2])“; а изображеніе І. Предтечи (Дафни) вызвано евангельскимъ изреченіемъ: „се агнецъ Божій“ (Іоан. I, 29, 36), имѣющимъ связь съ приготовленіемъ въ жертвенникѣ проскомидійнаго агнца[3]). Вообще нужно замѣтить, что 1) послѣдовательность и однообразіе проходятъ лишь въ главнѣйшихъ частяхъ стѣнныхъ росписей; 2) росписи древнѣйшихъ православныхъ храмовъ отличаются простотою; въ нихъ нѣтъ замысловатыхъ сюжетовъ, которые бы могли вызывать недоумѣнія; даже ветхозавѣтный элементъ, несмотря на то, что онъ глубоко проникалъ и въ древнюю литературу и въ искусство, занимаетъ въ нихъ, если исключить куполъ, очень незначительное мѣсто[4]). Текстъ древнихъ литургій прямо вызвалъ художниковъ на сравненіе голгоѳской жертвы съ жертвами Авеля, Ноя, Авраама, Самуила, Мелхиседека и др., однако изображенія этого рода являются лишь въ видѣ исключенія въ немногихъ храмахъ (напр. въ ц. св. Виталія въ Равеннѣ). Новозавѣтный храмъ украшается ясными новозавѣтными изображеніями.

Глава VI.

Греческія стѣнописи XVI—XVIII вв.

Новая эпоха въ исторіи церковныхъ стѣнописей греческихъ и русскихъ начинается въ XVI в. Паденіе византійскаго искусства наступило еще гораздо раньше паденія

---

[1]) Собр. др. лит. I, 127; II, 71, 127, 210.

[2]) Пис. отц. I, 275; то же въ толкованіи Ѳеодора Андидскаго, стр. 384.

[3]) Ср. текстъ проскомидіи.

[4]) Кіево-соф. соб. росписи въ западныхъ храмахъ, исполненныя византійцами, здѣсь не имѣются въ виду.

византійской имперіи, и историческія обстоятельства до XVI в. совершенно не благопріятствовали его возрожденію. Даже на Аѳонѣ, который доселѣ признавался нѣкоторыми убѣжищемъ церковнаго искусства въ эту нору политическихъ неурядицъ, искусство живописи не находило болѣе или менѣе широкаго приложенія; кратко и довольно ясно раскрыто это епископомъ Порфиріемъ[1]). Оживленіе искусства наступаетъ для православнаго востока въ XVI в.: центромъ художественной дѣятельности становятся аѳонскіе монастыри, а рельефнымъ выраженіемъ новаго художественнаго движенія служатъ церковныя стѣнописи, уцѣлѣвшія отчасти до сихъ поръ. Аѳонская школа сосредоточила въ себѣ художественныя силы разныхъ мѣстностей Греціи, Македоніи, Кипра, слила ихъ въ одномъ горнилѣ, а затѣмъ широко распространила сферу своего художественнаго вліянія. Во главѣ этого новаго художественнаго движенія стоитъ имя знаменитаго художника Панселина.

На Аѳонѣ до сихъ поръ сохраняется намять о знаменитомъ Панселинѣ; имя его, какъ основателя новой художественной школы, занесено и въ греческій иконописный подлинникъ Діонисія Фурноаграфіота. Однако ни мѣстное преданіе, ни Діонисій, замѣтившій, что Панселинъ превзошелъ славою всѣхъ древнихъ и новыхъ живописцевъ, ничего не говорятъ ни объ особенностяхъ панселинова стиля, ни о характерѣ произведенной имъ въ области искусства реформы, ни даже о времени его жизни и дѣятельности: славное преданіе является для насъ так. обр. почти мертвымъ звукомъ. Церковная археологія, особенно въ лицѣ еп. Порфирія, далеко подвинула впередъ вопросъ о времени жизни Панселина[2]), признавъ его художникомъ XVI в.; но вопросъ объ его работахъ доселѣ не рѣшенъ. Многія произведенія приписываются кисти Панселина; въ томъ числѣ роспись протатскаго собора на Аѳонѣ, что подтверждаетъ еп. Порфирій видѣнною имъ въ этомъ соборѣ надписью, указывающею на Мануила Панселина. Надпись эта подвержена нѣкоторому сомнѣнію[3]); но если славный Панселинъ не есть вымыслъ праздной фантазіи, — а это несомнѣнно, если затѣмъ онъ оставилъ слѣды своихъ работъ въ стѣнописяхъ аѳонскихъ, что весьма вѣроятно въ виду общераспространеннаго аѳонскаго преданія, то изъ числа всѣхъ аѳонскихъ стѣнописей ему должны принадлежать лучшія: таковы прежде всего именно стѣнописи протатскаго собора. А если это справедливо, то въ протатскихъ стѣнописяхъ находится ключъ къ рѣшенію вопроса о художественной реформѣ Панселина.

Предшествовавшая Панселину эпоха упадка внесла сильное разложеніе въ область нѣкогда славнаго византійскаго искусства. Внутренняя жизнь его отлетѣла и внѣшнія формы омертвѣли. Чувство художественной красоты, необходимое условіе жизни искусства, измельчало, и на смѣну его явилась въ живописи тенденція дидактическая, которая рѣдко улаживается съ художественностію замысла, не нанося послѣднему сильнаго рѣшительнаго удара. Нравоучительныя картины, копіи, служатъ показателями

---

[1]) Зогрофич. лѣтопись Аѳона. Чтен. въ Общ. Любит. Дух. Просв. 1834; III, 217 и слѣд.

[2]) Письма къ архим. Антонину. Труды Кіев. Дух. Акад. 1867 г. №№ 10—11; ср. мнѣнія: Didron, Manuel d'Iconogr. Chr. Introduct; *Παρνασσός* 1881 (ст. Ламброса: *ὁ Ἰησοῦς τοῦ Πανσελήνου σ.* 445); Notes sur le peintre byzantin M. Panselinos: Revue archéol. Mai-juin 1884, p. 324—334.

[3]) См. ниже.

искусства этой эпохи. Панселинъ и его школа поняли ненормальность такого положенія дѣла и поставили своей задачей ввести въ одряхлѣвшее искусство дыханіе жизни. Задача очень широкая, требовавшая и сильныхъ талантовъ и хорошей подготовки. Въ Италіи задача эта была поставлена и рѣшена уже давно; и весьма вѣроятно, что Панселинъ знакомъ былъ съ произведеніями западной живописи; тѣмъ не менѣе онъ не сталъ на путь рабскаго подражанія западу. Иная среда требовала иной постановки дѣла. Панселинъ прямо и безповоротно рѣшилъ вопросъ о необходимости поднять элементъ красоты въ искусствѣ; но онъ зналъ, что церковное искусство восточной церкви имѣло свои іератическія формы, которыя оберегали заключенную въ нихъ религіозную мысль; радикальная ломка этихъ формъ, въ интересахъ художественной свободы, повела бы неизбѣжно къ нѣкоторому видоизмѣненію и этихъ мыслей. Религіозный консерватизмъ, составляющій одну изъ отличительныхъ чертъ восточной половины христіанства, требовалъ уваженія и къ иконографическимъ традиціямъ. Но въ такомъ случаѣ капитальная реформа въ искусствѣ была невозможна, и Панселинъ не могъ думать о ней. Его роль въ исторіи греческаго искусства близко подходитъ къ той роли, которую игралъ нашъ Симонъ Ушаковъ въ исторіи русской живописи. Тотъ и другой стремились внести въ искусство элементъ красоты; въ томъ и другомъ сознаніе ея необходимости было вызвано съ одной стороны крупными недостатками современной имъ дѣйствительности, съ другой — знакомствомъ съ произведеніями западныхъ художниковъ. Но между ними есть и различіе: нашъ русскій художникъ пошелъ далѣе греческаго и, заявляя неоднократно на словахъ о своемъ уваженіи къ древнему преданію, представилъ въ своихъ произведеніяхъ нѣсколько попытокъ разрушенія этихъ преданій. Художникъ греческій, водворяя въ искусствѣ красоту, остается все-таки консерваторомъ въ типахъ и сюжетахъ. Его искусство не поражаетъ оригинальною новостью замысла: все въ немъ такъ же просто, ясно, опредѣленно, какъ было и прежде, въ то же время красиво и величественно. Качества панселиновой живописи пришлись по душѣ даже и аѳонскимъ отшельникамъ, и вотъ почему протатская живопись доселѣ привлекаетъ къ себѣ всеобщее вниманіе агіоритовъ. Храмъ протатскій не великъ, но въ немъ обнаружила себя съ достаточною ясностію школа Панселина. Общій распорядокъ стѣнной росписи напоминаетъ старинные византійскіе пріемы. Композиціи изображеній въ своихъ основныхъ чертахъ тѣ же, что и въ древнихъ памятникахъ византійскихъ, то онѣ оживлены: слѣды оживленія замѣтны въ картинѣ крещенія Іисуса Христа, гдѣ присутствуетъ живописная группа ангеловъ; Богъ изрекаетъ Свое свидѣтельство (рука); море и Іорданъ, олицетворенные въ видѣ двухъ человѣческихъ фигуръ, сидящихъ на рыбахъ, возвращаются вспять; а вдали видна проповѣдь Іоанна Предтечи съ приближающимся къ нему Іисусомъ Христомъ; въ картинѣ молитвы въ саду геѳсиманскомъ представлена группа спящихъ учениковъ, къ которой приближается изъ-за горной скалы Іисусъ Христосъ: группа живописна, положенія фигуры естественны и разнообразны. Очень хорошо скомпанованы также: введеніе Богоматери во храмъ въ сопровожденіи дѣвъ, бесѣда съ самаряпкою, представленною въ видѣ красивой, молодой женщины съ распущенными волосами, съ кувшиномъ въ рукахъ. Красота отдѣльныхъ типовъ превосходитъ рѣшительно все, что мы знаемъ въ этомъ родѣ изъ эпохи упадка и возрожденія въ греческихъ стѣно-

писяхъ: всѣмъ извѣстно прекрасное изображеніе Младенца Іисуса „Недреманнаго ока“, неоднократно изданное въ качествѣ образца панселинова стиля; прекрасенъ великомученикъ Пантелеймонъ, таковы же св. Ѳеодоръ Тиронъ, Ѳеодоръ Стратилатъ въ воинскихъ доспѣхахъ, прекраснъ двѣнадцатилѣтній Іисусъ, поучающій въ храмѣ. Въ этой особенности данъ противовѣсъ недостатку красоты въ памятникахъ эпохи, предшествовавшей Панселину: для примѣра достаточно обратить вниманіе на передицкія и староладожскія копіи съ византійскихъ живописей, гдѣ стремленіе сообщить молодымъ лицамъ суровую важность убиваетъ красоту. Протатская живопись гармонически соединяетъ въ одномъ цѣломъ красоту и величіе. Разумная граница въ проведеніи этого начала соблюдена, и тамъ, гдѣ обычная красота не должна имѣть мѣста, какъ напр. въ типахъ старческихъ выступаетъ на первый планъ строгая внушительная важность: примѣромъ старческаго типа можетъ служить превосходное изображеніе св. Николая Чудотворца, въ которомъ видѣнъ строгій учитель и подвижникъ; формы его, однакожъ, чужды той утрировки, какой нерѣдко подвергался этотъ типъ въ произведеніяхъ ремесленнаго характера.

Переходя къ обозрѣнію аѳонскихъ стѣнописей, отмѣтимъ первоначально главнѣйшія типическія черты аѳонскихъ храмовъ, съ которыми тѣсно связано пастѣнное письмо. Обычная форма храма — прямоугольникъ, близкій къ квадрату, съ восточной стороны три полукружія: въ среднемъ, сравнительно болѣе обширномъ, помѣщается алтарь, налѣво жертвенникъ, направо діаконникъ. На сѣверной и южной стѣнахъ средняго храма глубокія полукруглыя ниши съ полусферическими сводами, гдѣ помѣщаются пѣвцы. Четыре столба, соединенные арками, своды, трибунъ и куполъ — обычны. Капитальная стѣна отдѣляетъ храмъ отъ притвора; послѣдній имѣетъ одинаковую широту съ церковнымъ корпусомъ, но въ длину гораздо менѣе его. Въ нѣкоторыхъ храмахъ (напр. въ Кутлумушѣ) притворы устроены съ трехъ сторонъ (С. З. Ю.), подобно притворамъ русскихъ храмовъ XVII в.[1]). Всѣ внутреннія поверхности этихъ частей обильно украшены настѣнною живописью: однѣ изъ живописей относятся къ XVI в., другія — къ XVII, XVIII и XIX вв. Болѣе древнихъ стѣнописей, за исключеніемъ ватопедскихъ мозаикъ, по нашему мнѣнію, на Аѳонѣ нѣтъ.

XVI-й вѣкъ.

1) *Стѣнопись собора Успенія Пресв. Богородицы въ Протатѣ*: несмотря на значительные слѣды поврежденій, общій характеръ росписи обнаруживается ясно. Въ алтарной апсидѣ Богоматерь на тронѣ съ Божественнымъ Младенцемъ среди двухъ ангеловъ; внизу святители, въ кресчатыхъ фелоняхъ со свитками. Въ жертвенникѣ (СВ) І. Христосъ, стоящій во гробѣ (?), ниже — святители; на стѣнахъ можно различить изображенія лѣствицы Іакова, купины Моисея и отдѣльныя фигуры святыхъ. Въ малой апсидѣ съ правой (ЮВ) стороны, гдѣ въ настоящее время устроенъ особый придѣлъ: Спаситель въ видѣ младенца въ чашѣ, стоящей на престолѣ подъ киворіемъ; по сто-

[1]) Объ архитектурѣ аѳонскихъ храмовъ даетъ свѣдѣнія альбомъ г. Клагтеса въ библіотекѣ Академіи Художествъ; ср. также рисунки въ Путешествіи Барскаго.

ронамъ престола два святителя. На стѣнахъ этого придѣла отдѣльные святые, по преимуществу святительскаго сана и среди нихъ два изображенія изъ Евангелія: исцѣленіе сухорукаго и явленіе І. Христа св. женамъ по воскресеніи *(χαίρετε)*. Судя по характеру изображеній, здѣсь былъ нѣкогда жертвенникъ.—Средняя часть храма[1]): на сѣверной стѣнѣ вверху изображенія святыхъ ветхаго завѣта; рядъ ихъ продолжается и на сѣверной стѣнѣ алтаря (пророки); ниже — сошествіе І. Христа во адъ и неизвѣстное сложное изображеніе; продолженіе этого ряда на сѣверной стѣнѣ алтаря составляютъ сошествіе Св. Духа на апостоловъ (съ фигурою Космоса въ видѣ царя) и увѣреніе ап. Ѳомы *(ἡ ψηλάφησις)*; на нижнихъ частяхъ сѣв. стѣны: Ѳедоръ Стратилатъ, Ѳедоръ Тиранъ, еще неизвѣстный воинъ, одинъ изъ христіанскихъ поэтовъ со свиткомъ и св. Лука. Въ аркахъ пророки со свитками и мученики. Южная стѣна: въ соотвѣтствіи съ сѣверною стѣною, здѣсь вверху помѣщены ветхозавѣтные праведники, они же и на южной стѣнѣ алтаря (въ числѣ ихъ одна женщина; можетъ быть, праматерь Ева?); ниже событія Евангелія: І. Предтеча проповѣдуетъ о Спасителѣ, крещеніе І. Христа, преображеніе, молитва въ саду Геѳсиманскомъ и взятіе І. Христа въ этомъ саду. Въ алтарѣ рождество Христово и тайная вечеря за столомъ въ видѣ сигмы. Въ аркахъ пророки. Въ двухъ нижнихъ рядахъ южной стѣны: св. Іоаннъ, апостолы, христ. поэтъ (І. Дамаскинъ?), Ефремъ Сиринъ, свв. Артемій, Меркурій и неизвѣстный воинъ. Западная стѣна: по сторонамъ дверей два ангела со свитками; надъ дверями „недреманное око“, выше успеніе Богоматери; возлѣ сѣверной стѣны І. Христосъ, поучающій народъ въ храмѣ Іерусалимскомъ; возлѣ южной — бесѣда І. Христа съ самарянкою. По угламъ (СЗ и ЮЗ) св. Пантелеймонъ, св. Николай и др. На восточной стѣнѣ, отдѣляющей алтарь отъ средней части храма, — по правую сторону иконостаса омовеніе ногъ и введеніе Богоматери во храмъ — въ двухъ моментахъ, по лѣвую — положеніе І. Христа во гробъ и благовѣщеніе, (подъ которымъ обозначенъ годъ сооруженія иконостаса 1685). На тріумфальной аркѣ: съ лѣвой стороны благовѣствующій архангелъ и пророкъ со свиткомъ, ниже ап. Павелъ, съ правой — Богоматерь, къ которой относится благовѣстіе архангела, и пророкъ Даніилъ, ниже ап. Петръ (?)[2]). На вершинѣ арки Нерукотворенный образъ. Такой мотивъ украшенія тріумфальной арки составляетъ обычное явленіе въ аѳонскихъ храмахъ. Расположеніе относящихся сюда изображеній будетъ ясно изъ слѣдующей схемы. (Ср. 219.)

Время исполненія протатскихъ стѣнописей опредѣлялось не одинаково. Нѣкоторые изъ спеціалистовъ относили ихъ къ X—XII вв. и сближали ихъ по времени происхожденія и характеру съ дафнійскими мозаиками и даже съ миніатюрами ватиканскаго минологія[3]); но еп. Порфирій доказалъ, что онѣ исполнены въ XVI в. Оставляя въ сторонѣ соображенія теоретическія, какъ не представляющія особенной важности, отмѣ-

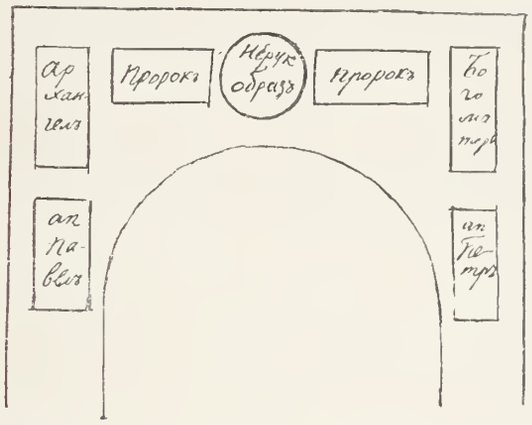
---

[1]) Храмъ не имѣетъ купола; однако, на основаніи этого едва ли возможно относить сооруженіе его ко времени, предшествовавшему Софіи Константинопольской: Зам. покл. св. горы 110; тѣмъ меньшую вѣроятность имѣетъ мнѣніе о сооруженіи его при Константинѣ Великомъ. Общій характеръ архитектуры указываетъ на позднѣйшее время.

[2]) Нѣкоторыя подробности у еп. Порфирія: Востокъ христ. II, 2, стр. 275—281; описанія не вездѣ точны.

[3]) Зам. покл. св. горы 115—117. Авторъ позднѣе отказался отъ этого предположенія: стр. 303—304 примѣчаніе.

тимъ лишь указаніе на этотъ предметъ въ житіи Θеоθана Аθонскаго (+1548 г.), изъ котораго видно, что карейскій храмъ расписанъ стараніемъ прота св. горы Серафима въ XVI в.[1]) Что касается надписи, прочитанной еп. Порфиріемъ надъ входомъ изъ жертвенника въ алтарь... *αμενου* (т.-е. *προϊσταμένου) τοῦ Μανουήλ (Πανσελήνου)*, указывающій на участіе Панселина въ росписи, то такой мы не могли найти; притомъ здѣсь и мѣсто для нея не подходящеее. Если дѣйствительно здѣсь была какая-либо надпись, въ настоящее время уже не замѣтная, то она ближе всего могла служить объясненіемъ къ одному изъ находящихся здѣсь изображеній; а для записей именъ художниковъ въ аθонскихъ храмахъ назначается другое мѣсто при входѣ.



Въ томъ же протатѣ уцѣлѣла въ алтарѣ придѣла Іоанна Предтечи роспись 1526 года. Въ апсидѣ Богоматерь, ниже престолъ, на которомъ лежитъ покрытый тканью Младенецъ Іисусъ *(μελισμός)* — агнецъ Божій, раздѣляемый вѣрующимъ[2]); по лѣвую сторону Іисусъ Христосъ, стоящій во гробѣ. На аркѣ возлѣ Богоматери благовѣщеніе; выше на стѣнахъ: встрѣча Богоматери съ Елизаветою и рождество Христово (съ пастырями и волхвами). Живопись средняго достоинства[3]), довольно сухая; преобладаютъ глубокіе тоны. Время ея исполненія обозначено въ особой надписи: *ἡστορίσθη ἐπὶ Γαβριήλου τοῦ πρότου καὶ Γερασίμου καὶ Μερκουρίου τῶν μοναχῶν τοῦ* ҂ζλд (7034=1526) *ἔτους* нд. ї д. Какъ по колориту, такъ и по характеру фигуръ стѣнопись эта стоитъ гораздо ниже панселиновой.

Стѣнописи въ лаврѣ св. Аθанасія. Въ алтарномъ полукружіи: Богоматерь „ширшая небесъ", по сторонамъ которой два ангела со свитками; надъ Нею въ сводѣ пророки со свитками пророчествъ, къ Ней относящихся. Ниже Богоматери литургія, точнѣе херувимская пѣснь: Іисусъ Христосъ, въ архіерейскомъ саккосѣ и омофорѣ, стоитъ возлѣ двухъ престоловъ, на которыхъ утверждены киворіи, здѣсь надпись: *ὁρῶν τὸ βῆμα τῆς τραπέζης κυρίου στῆθι τρέμων ἄνθρωπε καὶ νεύου κάτω* Χρ̃с *γὰρ ἔνδον θύεται καθ' ἡμέραν καὶ πᾶσα τάξις τῶν ἁγίων ἀγγέλων λιτουργικῶς προσκυνοῦσιν αὐτὸν ἐν φόβῳ.* Служащіе ангелы

[1]) Еп. Порфирій, Перв. Пут. въ аθон. мон. II, 2, стр. 273—274. Сн. Зам. пок. св. горы, стр. 303—304.

[2]) Въ литургіи ап. Іакова: *(ἱερεύς) ἄρχεται μελίζειν;* въ лит. І. Златоуста: *μελίζεται καὶ διαμερίζεται ὁ τοῦ Θεοῦ ἀμνός·*

[3]) Преосв. Порфирій относится къ ней слишкомъ строго, называя „невзрачною", ц. с. стр. 281.

съ литургическими сосудами, съ плащаницею совершаютъ великій входъ: онъ начинается у одного престола и оканчивается съ другой стороны у другаго; ниже святители. Въ сводѣ алтаря представлены лица и событія, по преимуществу имѣющія отношеніе къ жертвѣ алтаря: Сошествіе Св. Духа на апостоловъ (см. выше) и вознесеніе Іисуса Христа на небо въ видѣ живой сцены: оно напоминаетъ конецъ литургіи, когда священникъ показываетъ народу св. дары при произнесеніи словъ: „всегда, нынѣ и присно“... актъ этотъ символически означаетъ вознесеніе Спасителя на небо, въ чемъ убѣждаютъ произносимыя священникомъ слова: „вознесися на небеса Боже и по всей земли слава Твоя“. Тамъ же, какъ прообразъ новозавѣтнаго храма, представлена ветхозавѣтная скинія, въ которой предъ жертвенникомъ стоитъ съ кадиломъ Моисей (надпись *προφήτης Μοϋσῆς*); направо Моисей получаетъ скрижали закона. Подъ изображеніемъ сошествія Св. Духа — перенесеніе кивота завѣта въ Іерусалимъ съ музыкальною игрою на разныхъ струнныхъ инструментахъ, при чемъ царь Давидъ представленъ съ арфою въ рукахъ, а Оза, сынъ Аминадава, поверженнымъ на землю[1]). Сравненіе скиніи съ храмомъ, новаго Іерусалима — церкви — съ древнимъ и — таинства алтаря съ кивотомъ завѣта — такова мысль этихъ изображеній: здѣсь же, въ лицѣ Озы отмѣчена мысль о томъ, какъ опасно недостойному человѣку приступать къ алтарю. Въ жертвенникѣ — евхаристія по литургическому переводу, Іисусъ Христосъ стоящій во гробѣ, св. діаконъ Лаврентій, св. Петръ Александрійскій, предъ которымъ стоитъ Спаситель въ раздранномъ хитонѣ. Въ діаконникѣ лѣствица Іакова, святители. Средняя часть храма: въ куполѣ Пантократоръ на золотомъ фонѣ. На сѣверной стѣнѣ распятіе (ангелъ собираетъ кровь изъ ребра Іисуса Христа въ чашу), снятіе со креста, Іисусъ Христосъ на судѣ у Пилата, воскресеніе и еще нѣкоторыя чудеса Евангелія; внизу мученики. Южная стѣна: рождество Христово, избіеніе младенцевъ (прав. Елизавета съ младенцемъ Іоанномъ стоитъ возлѣ горы); 12-ти лѣтній Іисусъ въ храмѣ Іерусалимскомъ, крещеніе Іисуса Христа (съ олицетвореніями моря и Іордана), воскрешеніе Лазаря и входъ въ Іерусалимъ. Внизу мученики и изображеніе торжества православія (процессія съ иконами[2]). На западной стѣнѣ: успеніе Богоматери, тайная вечеря, по историческому переводу, въ видѣ возлежанія за столомъ; омовеніе ногъ, взятіе Іисуса Христа въ саду геѳсиманскомъ и отреченіе ап. Петра. На столпахъ храма къ востоку благовѣщеніе Пресв. Богородицы, безъ пророчествъ; на остальныхъ стѣнахъ воздвиженіе честнаго креста (сѣв.), ктиторы храма Никифоръ Фока и Іоаннъ Цимисхій съ моделью храма. Живопись притворовъ новая: во внутреннемъ притворѣ ветхій завѣтъ, во внѣшнемъ — вселенскіе соборы, апокалипсисъ, притчи Евангелія — лѣствица духовная.

Исторія этихъ стѣнописей темна. Мѣстное преданіе относитъ ихъ къ отдаленной эпохѣ византійскаго искусства. Одинъ изъ западныхъ ученыхъ старался подтвердить правдоподобность этого преданія[3]): онъ сравнивалъ лаврскія стѣнописи съ итальянскими мозаиками древне-христіанскаго періода и, замѣчая сходство между ними въ широтѣ контуровъ, относилъ первыя къ эпохѣ до раздѣленія церквей. Доказательство столь по-

[1]) 2 цар. VI.

[2]) См. замѣчанія еп. Порфирія: ц с. I, 1 стр. 206—207.

[3]) Papety, Les peintures byzant. et les couvents de l'Athos. Revue des deux mondes 1847; t. 18, p. 769 etc.

чтенной древности авторъ видѣлъ, между прочимъ, въ находящихся здѣсь изображеніяхъ римскихъ папъ Сильвестра и Льва Великаго, которыя, будто бы, могли быть помѣщены въ православномъ храмѣ только въ эпоху мира и полнаго согласія между церковію восточною и западною. Во всей этой аргументаціи, какъ справедливо замѣтилъ Милье[1]), воображеніе заступаетъ мѣсто дѣйствительности: широта контуровъ можетъ служить въ равной мѣрѣ признакомъ XVI вѣка; а изображенія римскихъ папъ, принятыхъ въ восточную агіологію, встрѣчаются часто въ памятникахъ греческихъ и русскихъ даже и въ XVII—XIX вв. Съ большею осторожностію отнесся къ этому памятнику Дидронъ. Провѣряя мѣстное преданіе о написаніи этихъ фресокъ Панселиномъ въ X в., онъ считаетъ его невѣроятнымъ, но допускаетъ, что онѣ могли быть написаны въ XIV в.[2]). Оставляя въ сторонѣ темныя преданія и предположенія, обратимъ вниманіе на запись объ исполненіи стѣнописей, находящуюся на западной стѣнѣ[3]): отсюда видно, что онѣ сдѣланы монахомъ Ѳеофаномъ въ 1535 году. Былъ ли этотъ Ѳеофанъ ученикомъ Панселина, какъ полагалъ Макарій Кидоніецъ[4]), сказать трудно. Но его мегалографія, отличающаяся изящными благородными формами, выдержанностію типовъ, строгимъ и благоговѣйнымъ выраженіемъ въ лицахъ, близко подходитъ къ стѣнописи протатской. Нѣкоторыя поновленія не вредятъ цѣльности впечатлѣнія. Мнѣніе автора замѣтокъ поклонника св. горы, будто лаврская стѣнопись ниже ватопедской достоинствомъ и послѣ карейской (=протатской) представляется вовсе не замѣчательной[5]), основано на первомъ впечатлѣніи. Согласимся, что она уступаетъ въ достоинствѣ живописи карейской; но ватопедская, по нашему мнѣнію, ниже лаврской. При сравнительной оцѣнкѣ ихъ необходимо прежде всего обратить вниманіе на то, что живопись ватопедская обнаруживаетъ сильную наклонность къ копированію западныхъ образцовъ и допускаетъ такіе сюжеты, какихъ православная древность не знала[6]). Уже по одному этому мы отдаемъ безусловное преимущество мегалографіи лаврской.

Въ лаврскомъ *параклисѣ св. Николая* стѣнопись исполнена рукою Фралга Кателлона изъ Ѳивъ, что въ Віотіи, въ 1560 году (надпись). Въ алтарной апсидѣ Богоматерь съ Божеств. Младенцемъ и евхаристія *(μετάδοσις);* ниже херувимская пѣснь, еще ниже святители (поновлены). Въ сводѣ алтаря сошествіе Св. Духа на апостоловъ съ космосомъ и вознесеніе Господне. Въ средней части храма: на сводѣ — событія послѣднихъ дней жизни Іисуса Христа; на стѣнахъ главнымъ образомъ жизнь и чудеса св. Николая[7]). Еп. Порфирій называетъ живопись „отмѣнною: колоритъ всей стѣнной живописи естественный, лица бѣлы — это образецъ иконнаго письма греко-ѳессалійскаго“. Въ какой мѣрѣ замѣчанія эти могутъ быть приложены къ первоначальной стѣнописи этого параклиса, сказать трудно. Въ настоящее время она заключаетъ въ себѣ, особенно въ средней части храма, слѣды сильныхъ подновленій, которыя измѣнили харак-

---

[1]) Archives des missions scientifiques 1865, p. 497.
[2]) Annales archéol. t. XXI, p. 36.
[3]) Текстъ ея въ цит. соч. еп. Порфирія I, 1, стр. 205; ср. также Annales archéol. t. XXI, p. 35.
[4]) Ц. с. еп. Порфирія 205.
[5]) Зам. покл. св. горы стр. 188.
[6]) См. о ней ниже.
[7]) Погребеніе св. Николая подробно описано еп. Порфиріемъ: ц. с. 208 – 209.

теръ иконографіи XVI в. Укажемъ для примѣра на изображеніе рождества Христова, гдѣ Богоматерь представлена спящею на колѣнахъ предъ Божественнымъ Младенцемъ — форма, заимствованная прямо съ западныхъ образцовъ и не встрѣчающаяся въ православной живописи XVI в. Весьма вѣроятно, что изъ того же западнаго источника проистекаютъ и другія, отмѣченныя выше, достоинства стѣнописи; а потому считать ее образцомъ ѳессалійскаго оригинальнаго иконнаго письма XVI в. нельзя.

Стѣнная живопись въ *лаврской трапезѣ* сдѣлана, кажется, одновременно съ стѣнописью собора тѣми же мастерами: она отличается тою же строгостью стиля, но имѣетъ темный колоритъ и повреждена сыростью[1]). Спеціальное назначеніе зданія требовало и своеобразной росписи, и нужно признать, что художникъ рѣшилъ свою задачу вполнѣ удовлетворительно. Въ полукружіи трапезы онъ помѣстилъ тайную вечерю по историческому переводу: на стѣнѣ яства, рыба и просфоры. Надъ нею благовѣщеніе Пресв. Богородицы въ трехъ моментахъ, выражающихъ душевное состояніе Богоматери: въ 1-й моментъ явленія ангела Богоматерь сидитъ съ веретеномъ въ рукахъ, потомъ она встаетъ и съ удивленіемъ простираетъ руки, наконецъ смиреннымъ наклоненіемъ головы выражаетъ покорность волѣ Божіей (се раба Господня, буди Мнѣ по глаголу твоему). На стѣнахъ трапезы — событія изъ исторіи мученичества, единоличныя изображенія преподобныхъ и нѣсколько событій изъ ветхаго завѣта (жертва Каина и Авеля, убіеніе Авеля); древо Іессея и возлѣ него древніе философы и сивиллы, съ ихъ пророчествами о Мессіи. На западной стѣнѣ превосходное изображеніе страшнаго суда, подробности котораго (звѣрь сатаны) напоминаютъ адъ Данта. Какъ евхаристія должна напоминать участникамъ трапезы о хлѣбѣ небесномъ, такъ мученія и преподобные — о подвигахъ христіанскихъ, а страшный судъ о наградахъ и наказаніяхъ въ будущей жизни. Если воздержаніе отъ пищи и подвижничество принадлежатъ къ числу важнѣйшихъ добродѣтелей монашества, то вполнѣ своевременно и умѣстно наглядное напоминаніе объ этомъ именно въ братской трапезѣ.

Стѣнописи соборнаго храма въ Кутлумушѣ. Въ алтарномъ полукружіи литургія: поставленъ престолъ, возлѣ котораго стоитъ Іисусъ Христосъ въ саккосѣ и омофорѣ и благословляетъ ангела съ кадиломъ въ рукахъ; за этимъ ангеломъ слѣдуетъ рядъ другихъ ангеловъ — съ рипидами, дискосомъ, потирами и плащаницею; ниже представленъ дважды Спаситель, къ Которому съ двухъ сторонъ подходятъ апостолы для принятія св. хлѣба и вина; ниже два ряда святителей — въ медальонахъ и въ ростъ со свитками. Въ сводѣ алтаря: Богоматерь среди ангеловъ, сошествіе Св. Духа съ космосомъ и вознесеніе Господне. Въ малой апсидѣ съ лѣвой стороны—ангелы съ рипидами, въ сводѣ Іисусъ Христосъ — на колесницѣ прор. Іезекіиля; на стѣнахъ святители и нѣсколько изображеній изъ ветхаго завѣта. Въ діаконникѣ по правую сторону алтаря: въ куполѣ Богоматерь и святители; на восточной сторонѣ купина Моисея (въ пламени Богоматерь). Средняя часть храма: въ куполѣ Пантократоръ, ниже ангелы съ копьями и среди нихъ Богоматерь и Іоаннъ Предтеча съ крыльями. Въ сводѣ евангельскія событія: избіеніе младенцевъ (съ Елизаветою и Іоанномъ Предтечею), сошествіе во адъ,

[1]) Во время нашего посѣщенія, во второй половинѣ августа, 1888 г. она исправлялась.

преображеніе въ трехъ моментахъ и друг. На сѣвер. стѣнѣ—Евангеліе, мученики и св. воины; то же и на южной; а на западной — успеніе Богоматери (съ жидовиномъ), восхожденіе Іисуса Христа на крестъ (*ἀνάβασις ἐπὶ σταυροῦ* — Іисусъ Христосъ восходитъ на крестъ по лѣстницѣ) и снятіе тѣла Іисуса Христа со креста. На восточной сторонѣ средней части храма возлѣ тріумфальной арки — благовѣщеніе Пресвятыя Богородицы: Богоматерь сидитъ съ веретеномъ, а пониже Ея налѣво служанка съ прялкою; ниже Ааронъ съ расцвѣтшимъ жезломъ и свиткомъ, въ которомъ написано: *ἐγὼ δὲ ῥάβδον βλαστήσασαν παρθένε;* подъ архангеломъ Моисей со свиткомъ: *ἐγὼ βάτον καιομένην εἶδον σέ κόρη.*

Преосвящ. Порфирій, упоминая неоднократно объ этихъ стѣнописяхъ, относитъ ихъ къ 1640 году[1]); но судя по надписи, находящейся внутри храма надъ входомъ, онѣ древнѣе на цѣлое столѣтіе; вотъ эта надпись: *ἀνιστορήθη ὁ πάνσεπτος καὶ ἱερὸς ναὸς οὗτος τοῦ Κυρίου καὶ Θεοῦ καὶ Σωτῆρος ἡμῶν Ἰῦ Χῦ διὰ συνδρομῆς τε καὶ δαπάνης τῶν... παροικούντων ἀδελφῶν ἡγουμενεύοντος Μαξίμου ἱερομονάχου... ἑπτακισχιλιαστοῦ τεσσαρακοστοῦ ὀγδοῦ* (7048=1540). Живопись, повидимому, поновлена, — быть можетъ одновременно съ расписаніемъ притвора въ половинѣ прошедшаго столѣтія; но крупныхъ отступленій отъ оригинала въ подновленіяхъ не видно. — Притворы расписаны въ 1744 году іеромонахомъ Исаіею; во внутреннемъ притворѣ изображенія смѣшаннаго характера: кончина мучениковъ, святителей и др., во внѣшнемъ: сошествіе во адъ съ драматическою подробностію низверженія сатаны, распятіе съ конными всадниками, какъ въ западныхъ картинахъ, и цѣлый рядъ изображеній на тему „хвалите Господа съ небесъ“, гдѣ представлены и знаки зодіака, звѣри, разные виды музыкальныхъ инструментовъ и плясокъ. Картина эта въ ряду стѣнописей греческихъ XVIII в. не составляетъ явленія исключительнаго[2]).

Стѣнописи въ дохіарскомъ соборѣ. Алтарь украшенъ изображеніями, относящимися къ жертвѣ новаго завѣта. По обычаю, въ апсидѣ Богоматерь, ниже литургія или херувимская пѣснь, еще ниже евхаристія (*μετάδοσις*), наконецъ два ряда святителей. На стѣнахъ алтаря: скинія свидѣнія (С), въ которой видны первосвященникъ за престоломъ и народъ; несеніе кивота завѣта (Ю) въ очень простыхъ формахъ (безъ Давида и музыки); въ сводѣ алтаря: пятьдесятница (съ космосомъ), вознесеніе Іисуса Христа на небо и нѣкоторыя чудеса. Въ жертвенникѣ: Іисусъ Христосъ, въ видѣ Младенца, на дискосѣ подъ покровомъ, святители, Петръ Александійскій, предъ которымъ Спаситель въ раздранномъ хитонѣ и др. Въ діаконникѣ Св. Троица и святители. — На сѣверной стѣнѣ средняго храма: умноженіе хлѣбовъ, укрощеніе бури, исцѣленіе разслабленнаго, мытарь и фарисей, сошествіе Іисуса Христа во адъ, воздвиженіе честнаго креста и др.; внизу — мученики. На южной: рождество Христово, срѣтеніе, искушеніе Іисуса Христа, чудо въ Канѣ, преображеніе, торжество православія и мученики. На западной: „недреманное око“, успеніе Богоматери, распятіе, событіе изъ жизни Іоанна Предтечи и дѣтства Богоматери (благословеніе ея тремя священниками и лас-

---

[1]) Ц. с. стр. 190, 195, также Зографич. лѣтоп. Аѳона стр. 220—221.

[2]) Ср. напр. нарѳиксъ параклиса Скоропослушницы возлѣ собора въ Дохіарѣ, росписъ. 1832 г. и др.

каніе родителями). На алтарныхъ столбахъ благовѣщеніе: возлѣ Богоматери, сидящей съ веретеномъ, прор. Исаія, возлѣ благовѣствующаго архангела Давидъ.

Внутренній нарѳиксъ: твореніе міра, древо Іессея, „Азъ есмь лоза, вы же — рождіе“, акаѳистъ Богоматери и сцены изъ исторіи мученичества (на сводѣ). Внѣшній нарѳиксъ: страшный судъ, „что ти принесемъ“, лѣствица духовная; чудесныя событія съ юношею, открывшимъ кладъ, потомъ потопленнымъ злыми монахами и спасеннымъ архангелами Михаиломъ и Гавріиломъ[1]). Живопись притворовъ не представляется особенно важною съ археологической точки зрѣнія, хотя ея исполненіе обнаруживаетъ искуспую руку. Иное дѣло роспись алтаря и средней части храма. Она исполнена, какъ видно изъ надписи, въ 1568 году[2]) усердіемъ воеводы Молдавовалашскаго Александра, при игуменѣ Ѳеофилѣ. Въ отзывахъ о сохранности ея спеціалисты расходятся: по мнѣнію автора Замѣтокъ поклонника св. горы, она остается съ той поры неприкосновенною[3]), а по замѣчанію Дюшена и Бэйе[4]), первоначальная живопись почти совершенно исчезла вслѣдствіе реставрацій. Но истина, какъ кажется, заключается въ срединѣ. Слѣды обновленій здѣсь замѣтны, тѣмъ не менѣе въ общемъ удержанъ древній характеръ живописи: не отличаясь красотою панселинова стиля, она даетъ рядъ композицій и типовъ, отличающихся строгимъ характеромъ; особенно характерны типы старческіе, напоминающіе послѣднюю эпоху византійской живописи. Западныхъ новшествъ почти нѣтъ; но Богоматерь въ изображеніи Рождества Христова представлена уже стоящею на колѣнахъ, въ чемъ мы видимъ слѣдъ реставраціи.

Параклисъ св. Георгія въ Ксенофѣ. Роспись отличается простотою и типичностію: апсида алтарная украшена изображеніями Богоматери, евхаристіи и святителей; сводъ евангельскими изображеніями — вознесенія, чудесъ Іисуса Христа (исцѣленіе слѣпаго, укрощеніе бури и др.) и сошествіе Св. Духа. На сѣверной стѣнѣ средняго храма страсти Христовы: Іисусъ Христосъ на судѣ предъ Каіафою, входъ въ Іерусалимъ, распятіе, положеніе во гробъ и сошествіе во адъ. На южной стѣнѣ рождество Христово (съ волхвами), срѣтеніе, крещеніе (съ олицетвореніями моря и Іордана и драконами плавающими), омовеніе ногъ и тайная вечеря; внизу мученики. На западной недремапное око, (ангелъ держитъ орудія страданій Іисуса Христа), напоминающее подобное же изображеніе въ протатскомъ католиконѣ; распятіе Іисуса Христа и успеніе Богоматери. На алтарныхъ столбахъ благовѣщеніе (около Богоматери Захарія и Іезекіиль; около архангела — Аввакумъ). Всѣ композиціи отличаются простотою въ духѣ древнихъ памятниковъ византійскихъ; нѣтъ здѣсь ни увлеченія западными образцами, ни тенденцій къ излишнему драматизму, — формы всюду благородныя. Въ виду этого, не можемъ согласиться съ авторомъ Замѣтокъ поклонн. св. горы, который называетъ

---

[1]) Сказаніе это передано подробно у Барскаго: Втор. посѣщ. Аѳ. горы; изд. 1887 г. стр. 283—286. Оно тѣмъ легче могло быть занесено въ стѣнописи, что, по преданію, часть чудесно найденныхъ денегъ употреблена была именно на стѣнную роспись храма въ честь Арх. Михаила и Гавріила.

[2]) Надпись приведена въ Mémoire sur une mission au mont Athos, par Duchesne et Bayet p. 309. Въ Зам. покл. св. горы, стр. 356 не точно поставленъ 1578 г.

[3]) Стр. 356.

[4]) Ц. с. стр. 310.

стѣнопись эту вообще не замѣчательною[1]). Исполнена она, какъ видно изъ надписи[2]), въ 1545 г.; никакихъ исправленій въ ней не видно: такая завидная участь выпала на долю лишь очень не многихъ аѳонскихъ памятниковъ. Нельзя не пожалѣть, что этому памятнику угрожаетъ сильная опасность отъ сырости.—Въ притворахъ сохранилась стѣнопись, исполненная монахомъ Ѳеофаномъ въ 1564 г.: въ нижнихъ частяхъ внутренняго притвора отдѣльныя изображенія св. мучениковъ и діаконовъ; въ верхнихъ — успеніе Богоматери, вознесеніе Іисуса Христа и вселенскіе соборы. Во внѣшнемъ нарѳиксѣ апокалипсисъ. Памятникъ отличается тою же простотою и отсутствіемъ признаковъ позднѣйшихъ исправленій, какъ и стѣнописи въ храмѣ св. Георгія; но и ему угрожаетъ та же опасность разрушенія отъ сырости. — Въ томъ же монастырѣ въ трапезѣ — очень хорошая стѣнопись 1562 года: на одной стѣнѣ написанъ акаѳистъ Богоматери, на другой—событія изъ жизни св. Георгія, а со стороны входа страшный судъ.

Таковы стѣнописи аѳонскія XVI вѣка. Къ нимъ слѣдуетъ присоединить стѣнную роспись въ Никольскомъ соборѣ Ставроникитскаго монастыря, исполненную въ 1546 г. Ѳеофаномъ и Симеономъ, но неудачно подновленную[3]). Къ тому же XVI в. относится роспись въ полуразрушенной церкви *св. Андрея въ Аѳинахъ (Ὁδὸς φιλοθέης)*: она сильно повреждена; однакожъ типъ росписи ясенъ: въ апсидѣ Богоматерь на тронѣ среди двухъ ангеловъ и пророковъ (свыше пророцы); ниже херувимская пѣснь и *μετάδοσις;* еще ниже святители во весь ростъ. На тріумфальной аркѣ благовѣщеніе; возлѣ апсиды на стѣнахъ—рождество Христово и сошествіе Св. Духа. Въ дверяхъ алтаря св. діаконы. Въ жертвенникѣ Еммануилъ и Іисусъ Христосъ, стоящій во гробѣ, а на стѣнахъ, чудеса Евангелія (исцѣленіе разслабленнаго, *χαίρετε)*; въ такой апсидѣ съ правой стороны архангелъ и святители. На западной стѣнѣ храма недреманное око и страсти Христовы.—Сходны съ этою живописью остатки живописи въ старой ираклійской церкви, гдѣ въ средней части изображены событія Евангелія, сверхъ того, мученическая кончина апостоловъ и нѣкоторыхъ мучениковъ, успеніе Богоматери, а въ апсидѣ — евхаристія и святители. Это собственно верхній слой стѣнописи, подъ которымъ замѣтны еще два болѣе древніе слоя; изъ нихъ первоначальный, насколько можно судить по изображенію св. Андроника въ юго-западной нишѣ, относится къ IX—X в.

XVII-й вѣкъ.

Стѣнописи собора въ Аѳоно-Иверскомъ монастырѣ принадлежатъ къ числу лучшихъ на Аѳонѣ, хотя и заключаютъ въ себѣ не мало новшествъ. Предложимъ сначала описаніе ихъ, которое даетъ возможность судить объ ихъ достоинствѣ. Въ сводѣ алтаря Богоматерь „высшая небесъ“, безъ Божественнаго Младенца, съ платочкомъ въ рукѣ; Она изображена на небѣ, усѣянномъ звѣздами, среди многоочитыхъ херувимовъ и шестокрилыхъ серафимовъ. Надпись: „*ἡ ὑψηλοτέρα τῶν οὐρανῶν*“. Всѣ остальныя поверхности алтаря и часть его свода заняты двумя сложными изображеніями — херувимской пѣсни

[1]) Стр. 360.

[2]) Надпись издана, съ соблюденіемъ палеографическихъ особенностей въ ц. с. Дюшеня и Бэйе стр. 307—308.

[3]) Еп. Порфирій, ц. с. II, 2, стр. 179.

и евхаристіи. Въ центрѣ апсиды Великій Архіерей — Іисусъ Христосъ — въ саккосѣ и омофорѣ; возлѣ Него ангелы — трое съ рипидами, одинъ со свѣщею и одинъ съ кадиломъ, херувимъ съ двумя свѣщами; далѣе на сѣверной части свода ангелы несутъ плащеницу и четыре ангела съ потирами въ рукахъ; на южной сторонѣ алтаря опять ангелы съ потирами, херувимъ съ дискосомъ на главѣ и два ангела съ рипидами. Это великій входъ небесной литургіи, совершаемой Самимъ Спасителемъ и ангелами; его формы заимствованы отъ обычной литургіи. Ниже евхаристіи: направо Спаситель, сидя, подаетъ шести апостоламъ чашу (*πίετε ἐξ αὐτοῦ πάντες*); налѣво Онъ, представленный во 2-й разъ въ томъ же положеніи, подаетъ другимъ шести апостоламъ св. хлѣбъ (*ἡ μετάδοσις τοῦ Κυρίου σώματος, λαβετε, φαγετε*). Въ связи съ этими двумя послѣдними группами поставлены два изображенія изъ ветхаго завѣта; за первою: два вола везутъ кивотъ завѣта, охраняемый двумя херувимами; Давидъ играетъ въ гусли; нѣсколько лицъ съ трубами, арфою, скрипкою; молнія, исходящая отъ кивота, поражаетъ Озу; за второю: несеніе кивота завѣта въ сопровожденіи двухъ царей[1]). Внизу алтарной апсиды рядъ святителей со свитками. Въ сѣверной части алтарнаго свода вознесеніе Господне (Спаситель на радугѣ, въ ореолѣ, поддерживаемомъ двумя ангелами; Богоматерь и апостолы въ оживленныхъ позахъ), сошествіе Св. Духа на апостоловъ (съ космосомъ, огненными лучами и языками) и пророки въ медаліонахъ, со свитками пророчествъ, относящихся къ этимъ событіямъ. Въ жертвенникѣ: Спаситель, лежащій во гробѣ, а на стѣнахъ жертвоприношеніе Авраама; Петръ Александрійскій (говоритъ: *τίς τοῦτον χειτόνα Σῶτερ διῆλεν*) и Іисусъ Христосъ въ раздранномъ хитонѣ (*ἄριος ὁ ἄφρων καὶ παγκάκιστος Πέτρε*). Въ діаконникѣ: Богоматерь = живоносный источникъ, Даніилъ во рвѣ львиномъ (здѣсь и Аввакумъ съ хлѣбами) и три отрока въ огненной пещи; внизу рядъ святителей.

Средняя часть храма. Въ куполѣ величественный образъ Господа Вседержителя, съ греческой надписью вокругъ: „Господи призри съ небесе, посѣти виноградъ сей“ и проч., ниже ангелы дориносящіе и среди нихъ Богоматерь съ воздѣтыми руками; между окнами купола пророки, въ парусахъ сводовъ евангелисты. На сводахъ и стѣнахъ Евангеліе: оно начинается на южной сторонѣ, продолжается на западной и сѣверной и оканчивается на восточной. Въ южномъ сводѣ рождество Христово: пещера, ясли, въ которыхъ лежитъ спеленутый Младенецъ; возлѣ яслей, по обычаю, волъ и оселъ; сверху съ голубаго неба исходитъ лучъ съ звѣздою и падаетъ въ ясли; Богоматерь предъ яслями на колѣнахъ; двѣ бабки: одна держитъ спеленутаго Младенца, другая наливаетъ воду въ сосудъ для омовенія Младенца; направо ангелъ является пастуху, стоящему въ шлянѣ (sic!) и въ сапогахъ; ниже пастушокъ играетъ на флейтѣ и возлѣ него стадо и собачка; налѣво пастухъ бесѣдуетъ съ Іосифомъ; тутъ же три волхва, разныхъ возрастовъ, скачутъ на коняхъ, а надъ ними шесть ангеловъ славословящихъ; сцена оживлена деревьями и травкою. Ниже избіеніе младенцевъ: Иродъ съ трона отдаетъ приказаніе, и воины съ усердіемъ, достойнымъ лучшей участи, исполняютъ его: одинъ пронзилъ ребенка пикою, другой схватилъ за ногу, тамъ перерѣзываютъ ребенку горло; несчастная мать съ ребенкомъ

[1]) Преосв. Порфирій отмѣчаетъ здѣсь еще изображеніе черепа и костей евр. пасхальнаго агнца, прообразовавшаго Агнца Христа. Ц. с. 253—254.

старается убѣжать, но ее хватаютъ, другая воздѣваетъ руки и умоляетъ о пощадѣ, третья падаетъ въ изнеможеніи; на землѣ груда дѣтскихъ труповъ спеленутыхъ и обнаженныхъ. Въ сторонѣ, въ разсѣлинѣ горы прав. Елизавета съ Іоанномъ Предтечею, котораго хочетъ пронзить пикою воинъ. Возлѣ избіенія младенцевъ 12-ти лѣтній Іисусъ въ храмѣ среди учителей; срѣтеніе, крещеніе Іисуса Христа (обнаженный Іорданъ съ урною, море — обнаженная фигура на драконѣ); преображеніе въ трехъ моментахъ и воскрешеніе Лазаря (Лазарь спеленутый стоитъ въ нещерѣ, толпа народа,— сцена оживленная). На южной стѣнѣ (полукруглая ниша) бракъ въ Канѣ галилейской (женихъ и невѣста въ царскихъ діадимахъ; направо возлѣ стола Спаситель стоитъ съ Богоматерью, предъ Ними шесть сосудовъ), умноженіе хлѣбовъ, хожденіе ап. Петра по водамъ... Внизу рядъ мучениковъ. Западный сводъ и стѣна: входъ въ Іерусалимъ, изгнаніе торговцевъ изъ храма, омовеніе ногъ, молитва въ саду Геѳсиманскомъ, судъ надъ Іисусомъ Христомъ и бичеваніе (Іисусъ Христосъ безъ терноваго вѣнка, въ нимбѣ); надъ входомъ успеніе Пресв. Богородицы (летящихъ апостоловъ сопровождаютъ ангелы). Сѣверный сводъ и стѣна: внизу мученики, затѣмъ: исцѣленіе разслабленнаго, вечеря въ домѣ Симона, мудрыя и неразумныя дѣвы, засохшая смоковница, несеніе креста (Симонъ несетъ крестъ), „радуйся царь іудейскій“ (Іисусъ Христосъ въ багряницѣ безъ вѣнца; воины скачутъ предъ Нимъ и бьютъ Его тростію), распятіе — крестъ съ титломъ I. N. R. I., подъ крестомъ Адамова голова, на которую надаетъ кровь изъ ранъ Іисуса Христа; предстоящіе — Іоаннъ Богословъ, св. жены и сотникъ; ангелъ принимаетъ въ золотой потиръ кровь изъ прободеннаго ребра Іисуса Христа; внизу мертвые встаютъ изъ гробовъ; воины дѣлятъ одежды Іисуса Христа; группа воиновъ съ копьями и знаменами; въ перспективѣ городъ Іерусалимъ; по сторонамъ Спасителя распяты два разбойника (душу благоразумнаго разбойника принимаетъ ангелъ, злонравнаго — дьяволъ); снятіе Іисуса Христа съ креста, положеніе во гробъ и воскресеніе въ видѣ сошествія Іисуса Христа во адъ. Восточный сводъ: явленіе ангела св. женамъ у гроба Господня (ангелъ въ золотыхъ одеждахъ сидитъ возлѣ пустаго гроба, направо воины стоятъ возлѣ запечатаннаго гроба), явленіе Іисуса Христа Маріи Магдалинѣ, Іисусъ Христосъ въ Эммаусѣ, явленіе Іисуса Христа ученикамъ на морѣ Тиверіадскомъ, явленіе 12-ти ученикамъ, чудесный ловъ рыбы, увѣреніе ап. Ѳомы. Столпы храма также покрыты свящ. изображеніями, среди которыхъ обращаютъ на себя вниманіе: на предалтарныхъ столнахъ благовѣщеніе (архангелъ со свиткомъ и за нимъ царь Давидъ; Богоматерь сидитъ также со свиткомъ, въ которомъ написано „*ἰδοὺ ἡ δουλὴ κυρίου, γένητο μοὶ κατὰ τὸ ῥῆμα σοῦ*, возлѣ Нея служанка съ распущенными волосами, съ прялкою въ лѣвой рукѣ; въ сторонѣ Соломонъ; дѣйствіе происходитъ въ палатахъ); на юговосточномъ столпѣ торжество православія (процессія съ иконами, въ которой участвуютъ императрица Ѳеодора и малолѣтній Михаилъ), на сѣверо-восточномъ воздвиженіе честнаго креста; за юговосточнымъ столпомъ изображено еще введеніе Богоматери во храмъ, ктиторъ храма, воевода угровалахійскій Михаилъ съ малолѣтнимъ сыномъ Радуломъ и др. При входѣ архан. Михаилъ и Гавріилъ. Притворы: во внутреннемъ притворѣ единоличныя изображенія[1]), во-второмъ сцены изъ исторіи мученичества — письмо дов. новое, въ третьемъ —

[1]) Здѣсь устроены два параклиса, роспись которыхъ имѣетъ спеціальный характеръ и несовременна росписи собора.

внѣшнемъ стѣнное письмо 1795 г., вселенскіе соборы, акаѳистъ и хваленіе Бога всею тварію[1]); но среди сравнительно новой работы уцѣлѣлъ при сѣверныхъ вратахъ одинъ древній и замѣчательно изящный триморфъ или деисусъ, дов. большихъ размѣровъ; по древнему преданію Христосъ Спаситель представленъ здѣсь именно таковымъ „образомъ и мѣрою“, какою Онъ явился на землѣ[2]).

По замѣчанію преосв. Порфирія, основанному, кажется, на изображеніи воеводы угровалахійскаго Михаила (1592—1610 г.), стѣнопись эта относится къ концу XVI или началу XVII в.; а въ 1842 г. она была возобновлена[3]). Онъ отзывается съ похвалою о живописи алтаря. Авторъ Замѣтокъ поклонника св. горы видитъ въ стѣнописяхъ кисть не плохую, но и не бойкую, порицаетъ въ художникѣ мало развитое чувство изящнаго и полагаетъ, что „эта косметика отцвѣтающей красоты обнаруживаетъ собою ясно послѣдніе годы великолѣпной имперіи византійской“[4]). Разсматривая этотъ памятникъ, мы пришли къ заключенію, что живопись носитъ на себѣ слѣды сильныхъ и, повидимому, разновременныхъ поновленій. Характеръ древности удержанъ болѣе въ алтарѣ, гдѣ правильныя фигуры, выразительныя лица, довольно нѣжный колоритъ, вообще надлежащее пониманіе красоты формъ и отсутствіе западничества ставятъ живопись въ рядъ лучшихъ стѣнописей аѳонскихъ. Удачны также единоличныя изображенія внутренняго притвора; превосходенъ типъ Пантоктатора въ куполѣ. Но художникъ предпочитаетъ сложныя композиціи, отступаетъ въ нихъ отъ древняго преданія, оживляетъ ихъ подробностями, отчасти имъ самимъ изображенными, отчасти заимствованными съ запада. Такихъ сложныхъ композицій распятія, какую мы имѣемъ здѣсь, Византія не знала даже въ эпоху упадка византійскаго искусства; латинское титло на крестѣ прямо заставляетъ видѣть здѣсь подражаніе западнымъ образцамъ; то же самое нужно замѣтить и относительно Богоматери на колѣнахъ и пастуха въ шляпѣ въ картинѣ рождества Христова. Стремленіе къ природѣ и оживленію сценъ ясно обнаруживается какъ въ той же картинѣ рождества Христова, такъ и въ позахъ лицъ на картинѣ вознесенія. Видно, что художникъ не желаетъ слѣдовать за древнимъ преданіемъ, хотя и не можетъ разорвать послѣднюю связь съ нимъ: онъ изображаетъ въ апсидѣ Богоматерь по древнему обычаю, но присоединяетъ къ ней колесницу Іезекіиля; изображаетъ евхаристію въ древнихъ формахъ, но Самого Спасителя представляетъ сидящимъ и такимъ образомъ разрушаетъ величественную важность картины. Такое отношеніе художника къ своему дѣлу указываетъ на эпоху полнаго ослабленія древнихъ иконографическихъ преданій, и если всѣ замѣченныя въ ней черты принадлежали живописи первоначальной, то она должна быть отнесена не ранѣе, какъ къ XVII вѣку.

Въ томъ же иверскомъ монастырѣ находится другой памятникъ стѣнописи XVII в.; въ церкви Богоматери *Вратарницы*. Стѣнопись исполнена въ 1683 году иждивеніемъ угровалахійскаго господаря Сербана Кантакузина[5]), а въ 1853 г. возобновлена[6]). Въ

---

[1]) Послѣднее описано Дидрономъ: Manuel d'iconogr. chr. p. 236 sq.

[2]) Сказаніе это у Барскаго, стр. 134—135.

[3]) Ц. с. I, 1 стр. 67.

[4]) Ц. с. стр. 56—57.

[5]) Ев. Порфирій, ц. с. стр. 261—262.

[6]) Запись на западной стѣнѣ.

алтарной апсидѣ Богоматерь ширшая небесъ *ἡ πλατυτέρα τῶν οὐρανῶν*, съ Божественнымъ Младенцемъ (бюстъ) въ пѣдрахъ, и чудеса Богоматери: это отступленіе отъ обычнаго порядка росписи объясняется парочнымъ посвященіемъ храма въ честь Богоматери. Въ сводѣ алтаря херувимская пѣснь (Великій Архіерей въ митрѣ = повшество), внизу святители. Въ малой сѣверной апсидѣ Іисусъ Христосъ, стоящій во гробѣ, Петръ Александрійскій и проч.; въ южной — лѣствица Іакова. Въ куполѣ храма Пантократоръ, ангелы, херувимы, серафимы и пророки; въ парусахъ сводовъ евангелисты. На южной сторонѣ: рождество Богородицы, благословеніе Богоматери іереями, Богоматерь учится ходить; введеніе Богоматери во храмъ, рождество Христово (Богоматерь на колѣнахъ, пастухъ приподымаетъ шляпу предъ ангеломъ), преображеніе въ трехъ моментахъ (разноцвѣтное небо). На западной: входъ въ Іерусалимъ (роскошный городъ, масса народа; въ перспективѣ два ученика Іисуса Христа выводятъ изъ селенія ослицу и осленка), снятіе Іисуса Христа съ креста, положеніе во гробъ и успеніе Богоматери. На сѣверной: воскресеніе Іисуса Христа (Іисусъ Христосъ вылетаетъ изъ гроба съ знаменемъ въ рукѣ = западное новшество), сошествіе во адъ (Іисусъ Христосъ въ 12-ти угольномъ ореолѣ стоитъ па желѣзныхъ вратахъ, изъ-подъ которыхъ выбѣгаютъ два демопа), явленіе Іисуса Христа Маріи Магдалинѣ (Марія Магдалина съ распущенными волосами = западное новшество) и чудеса Богоматери. Внизу — съ сѣверной и южной сторопъ, мученики. Въ паперти страшный судъ и еллинскіе философы съ хартіями, въ которыхъ написаны нѣкоторыя мысли ихъ, касающіяся воплощенія Іисуса Христа[1]). Обычный типъ росписи здѣсь выдержанъ; но къ нему присоединены подробности изъ жизни Богоматери и чудеса Ея въ виду особеннаго посвященія храма Отступленія въ сторопу запада въ иконографическихъ подробностяхъ могли явиться при первоначальномъ росписаніи храма.

Стѣнописи ватопедскаго собора описаны довольно подробно преосв. Порфиріемъ[2]), но опущены живописи алтаря и купола, исполненныя, по словамъ автора, позднѣе, чѣмъ живопись средняго храма; опущены также подробности и въ росписи средняго храма, а между тѣмъ онѣ важны въ рѣшеніи вопроса о древности этихъ фресокъ. Размѣщеніе изображеній въ алтарѣ подчинено обычному порядку, но сюда внесены подробности изъ жизни Богоматери, соотвѣтственно посвященію храма (храмъ во имя Благовѣщенія Пресв. Богородицы). Въ алтарномъ полукружіи Богоматерь съ Младенцемъ на тронѣ, ниже евхаристія и два ряда святителей. На сводѣ и стѣпахъ алтаря событія изъ жизни Богоматери, среди которыхъ обращаютъ на себя внимапіе жертва Іоакима и Анны (Іоакимъ съ двумя птичками и Анна стоятъ предъ престоломъ, за которымъ подъ киворіемъ первосвященникъ; паправо — опи удаляются), „что ти принесемъ“ (Богоматерь съ Божественнымъ Младенцемъ, волхвы съ дарами, пастыри, пустыня въ видѣ женщины съ пещерою, земля въ видѣ жепщипы съ яслями), коронованіе Богоматери (Іисусъ Христосъ въ епископскихъ одеждахъ возлагаетъ корону на главу Богоматери — сюжетъ западнаго происхожденія, хотя послѣднее и замаскировано греческими падписями: „*ὁ βασιλεὺς τῆς δόξης, ἡ κυρία τῶν ἀγγέλων*), вознесеніе Богоматери

[1]) Они приведены у Барскаго въ ц. с. 137—138.

[2]) Ц. с., стр. 46 и слѣд.

на небо (Богоматерь въ ореолѣ, несомомъ двумя ангелами, среди звѣздъ; снизу смотритъ на Нее Іоаннъ Богословъ,— сюжетъ западнаго происхожденія, скомпанованъ по образу вознесенія Господня) и благовѣщеніе Богоматери (безъ рукодѣлья). Въ боковыхъ апсидахъ помѣщены почти исключительно одни святители въ монументальныхъ позахъ, но среди нихъ въ юго-восточной апсидѣ находится благовѣщеніе *съ книгою*.

Въ куполѣ храма Пантократоръ въ звѣздномъ небѣ, ниже херувимская пѣснь (ангелы — іереи въ фелоняхъ), пророки; въ парусахъ сводовъ евангелисты. Южная сторона: молитва Іоакима и Анны и явленіе имъ ангеловъ, рождество Богородицы, рождество Христово (Богоматерь лежитъ, омовенія Младенца нѣтъ, на мѣстѣ повитухъ сидитъ пастушокъ и играетъ на флейтѣ, предъ нимъ большое стадо и деревья; въ сторонѣ безучастная фигура Іосифа), крещеніе Іисуса Христа (подробности напоминаютъ изображеніе Спасопередицкое; но море олицетворено въ видѣ женщины съ крыльями, сидящей на морскомъ звѣрѣ; Іорданъ — крылатый старикъ, полуобнаженный, въ красной шапкѣ, лежитъ небрежно, опираясь на урну; въ водѣ плаваютъ рыбы и люди; на берегу толпа народа съ жаромъ разсуждаетъ; вдали городъ), преображеніе, омовеніе ногъ и тайная вечеря. Западная сторона: воскрешеніе Лазаря (элементы древніе, но группа апостоловъ живописна, пещера натуральна; за апостолами городъ, изъ вратъ котораго выходитъ толпа народа), входъ въ Іерусалимъ (роскошный городъ и живописная толпа народа), сошествіе Св. Духа на апостоловъ (на мѣстѣ фигуры космоса представлена толпа, разсуждающая о чудѣ) и успеніе Богоматери (безъ жидовина). Сѣверная сторона: материнская нѣжность и благословеніе Богоматери іереями *(κολακία καὶ εὐλόγησις τῶν ἱερέων)*, введеніе Богоматери въ храмъ, положеніе Іисуса Христа во гробъ, распятіе Іисуса Христа (на крестѣ надпись *ὁ βασιλ. τ. δόξης,* подъ крестомъ Адамова голова; жены предстоящія поддерживаютъ ослабѣвшую Богоматерь; въ перспективѣ Іерусалимъ) и сошествіе во адъ. Нижнія части стѣнъ южной, западной и сѣверной заняты единоличными изображеніями святыхъ, преимущественно мучениковъ (бюсты). Восточная сторона: въ сводѣ вознесеніе Господне, а на предалтарныхъ столбахъ благовѣщеніе Пресв. Богородицы мозаическое XII—XIII в.

Внутренній нарѳиксъ: у дверей архангелы Михаилъ и Гавріилъ со свитками; Богъ Отецъ ветхій деньми; въ сводѣ благовѣщеніе (Богоматерь со свиткомъ, предъ Нею ваза съ цвѣтами), чудеса Богоматери, явленныя ватопедскому монастырю, первый и третій вселенскіе соборы, препод. Антоній Великій, Аѳанасій Великій; ктиторы — Аркадій, Гонорій, Ѳеодосій и Іоаннъ Кантакузинъ. Второй нарѳиксъ: надъ входомъ превосходный мозаическій деисусъ, а на столбахъ также мозаическое благовѣщеніе; на стѣнахъ евангельскія событія.

Вопросъ о древности этихъ росписей составляетъ камень претыканія для спеціалистовъ. Преосв. Порфирій приписываетъ роспись внѣшняго притвора, согласно мѣстному преданію, знаменитому Панселину[1]); но въ ней нѣтъ рѣшительно ни одного признака панселиновой кости, которую мы видимъ, вмѣстѣ съ авторомъ, въ Протатѣ; это работа очень новая и, кромѣ мозаикъ, не представляющая археологическаго интереса.

---

[1]) Ц. с. стр. 53.

Внутренній нарѳиксъ, какъ видно изъ надписи надъ дверями, возобновленъ недавно въ 1789 году[1]). Алтарь, по словамъ того же зпатока Лоона, расписанъ въ 1652 г. иждивеніемъ нѣкоего Ѳеодосія Пелопонезца; куполъ въ 1739 году. Въ доказательство этого преосв. Порфирій указываетъ на уцѣлѣвшія будто бы въ алтарѣ и куполѣ надписи[2]), которыхъ мы, признаемся, не замѣтили. Допустимъ, что это вѣрно, такъ какъ въ самомъ памятникѣ нѣтъ признаковъ, вызывающихъ на сомнѣнія. Остаются такимъ образомъ росписи средней части храма, относительно которыхъ спеціалисты также еще не пришли къ удовлетворительному соглашенію. Дидронъ, опустивъ изъ вида надпись въ нарѳиксѣ, относилъ нѣкоторыя изъ этихъ фресокъ, отличающихся, по его словамъ, блѣднымъ колоритомъ, прекраснымъ сочиненіемъ и величественнымъ характеромъ. къ XII вѣку[3]); Панти приписывалъ ихъ, также безъ достаточныхъ основаній, Панселину, не опредѣляя точно время жизни самого Панселина[4]). Преосв. Порфирій, на основаніи надписи (въ притворѣ) относитъ фрески ко времени царствованія Андроника Палеолога, именно къ 1312 году[5]); вмѣстѣ съ тѣмъ, обращая вниманіе на изображеніе Богоматери, поддерживаемой мироносицами, Маріи Магдалины терзающей свои волосы, Іоанна Богослова, рыдающаго у гроба Богоматери, царицы Елены съ распущенными волосами, онъ полагаетъ, что живописецъ былъ западный, но изъ школы, приготовившей Джіотто и Люини, которые еще придерживались восточнаго пошиба иконописанія, хотя и усовершили его... художникъ этотъ писалъ по образцамъ греческимъ... Къ XIV вѣку относитъ эти фрески и о. арх. Антонинъ[6]). Надпись, служащая основаніемъ къ тому, читается такъ: „расписанъ сей Божественный храмъ въ царствованіе Андроника Комнина Палеолога, православнѣйшаго царя, усердіемъ іеромонаха Арсенія въ 6820 (1312) г., индикта 16. Возобновленъ и исправленъ сей нарѳиксъ тщаніемъ и раченіемъ досточтимыхъ настоятелей сего всечестнаго монастыря, иждивеніемъ христолюбцевъ, рукою монаха Веніамина съ братіею его изъ страны Галатисты, въ 1819 г. (?), индикта 7, мая 16“[7]).

Надпись эта воспроизводитъ въ своей первой половинѣ надпись древнѣйшую. Въ существованіи этой надписи, бывшей здѣсь до послѣдней реставраціи нарѳикса, сомнѣваться нельзя; но была ли эта надпись первоначальною, сдѣланною въ 1312 году, или же исправленною неоднократно, подобно тому, какъ исправилъ ее послѣдній реставраторъ нарѳикса, рѣшить трудно; а потому остается доколѣ неяснымъ сохранились ли фрески храма отъ 1312 г., или же были исправлены и даже переписаны заново во времена позднѣйшія. Основаній для разъясненія этого нужно искать въ самыхъ фрескахъ. Уже преосв. Порфирій догадывался, что ватопедская живопись имѣетъ нѣкоторыя особенности западнаго происхожденія и въ виду этого обстоятельства съ одной

[1]) Годъ этотъ отмѣченъ нами на мѣстѣ; Бэйе въ приведенной имъ надписи ставитъ 1819 годъ (ц. с. стр. 305); преосв. Порфирій замѣчаетъ, что этотъ нарѳиксъ расписанъ въ 1760 г. Различіе это, впрочемъ, не очень важно: какую бы изъ этихъ датъ мы ни приняли, во всякомъ случаѣ роспись притвора не можетъ быть признана древнею.

[2]) Ц. с. стр. 46.

[3]) Annales archéol t. V, p. 153. Объ этой надписи въ нарѳиксѣ см. ниже.

[4]) Papety, Revue des deux mondes, 1-er juin 1847.

[5]) Ц. с. стр. 49—50.

[6]) Зам. покл. св. горы, стр. 80.

[7]) Греч. текстъ у Дюшеня и Бэйе ц. с., стр. 305.

стороны, а съ другой — въ виду опредѣленной даты въ приведенной надписи, полагалъ, что эта живопись сдѣлана въ 1312 году западнымъ художникомъ по греческимъ образцамъ. Соображеніе, повидимому, совершенно правильное: въ немъ находятъ свое примиреніе стиль и дата. Напротивъ, оставивъ въ сторонѣ предположеніе о западномъ художникѣ, необходимо было бы предположить, что въ XIV в. уже проникли въ византійскую живопись и слились съ нею, западные элементы, а предположить этого нельзя, если не игнорировать другіе византійскіе памятники того времени. Однакожъ, соображеніе это, на нашъ взглядъ, оставляетъ все-таки нѣкоторыя неясныя стороны въ предметѣ. Неясна прежде всего та изолированность, какая усвояется здѣсь ватопедскимъ фрескамъ. Неизвѣстная счастливая случайность приводитъ на Аѳонъ итальянскаго художника: онъ расписываетъ одну церковь и исчезаетъ какъ миражъ, оставивъ послѣ себя молчаливаго сфинкса, на котораго никто не обращаетъ вниманія: сами ватопедскіе иноки не усвояютъ особенной важности его творенію и не упоминаютъ его имени въ записи, на ряду напр. съ тѣмъ же іеромонахомъ Арсеніемъ; никто изъ аѳонскихъ художниковъ XIV, XV и даже XVI вѣка не обращается къ этимъ фрескамъ за какимъ бы то ни было руководствомъ, хотя несомнѣнно, онѣ должны были представлять для того времени явленіе выдающееся. Все идетъ своимъ чередомъ; состояніе упадка въ живописи продолжается, рутина и копированіе, пренебреженіе художественною красотою господствуютъ; наконецъ въ XVI в. является Панселинъ и производитъ извѣстную реформу въ живописи, дѣлаетъ одинъ шагъ въ сторону того направленія, какое проходитъ въ ватопедскихъ фрескахъ, а въ XVII столѣтіи аѳонскіе художники уже совсѣмъ близко подходятъ къ этимъ фрескамъ. Какая-то случайность и недостатокъ исторической послѣдовательности замѣчаются въ разсматриваемомъ объясненіи: оказывается, что и дѣло Панселина исполнено было ранѣе его по крайней мѣрѣ на 200 лѣтъ и проведено гораздо далѣе, такъ что всѣ усилія аѳонскихъ художниковъ XVI и XVII в. сводились къ тому, чтобы стать на ту художественную высоту, на которой стоялъ художникъ ватопедскій еще въ XIV в. Попробуемъ взглянуть на этотъ памятникъ съ другой стороны. Стѣнописи ватопедскія не отличаются тѣмъ величіемъ, строгостію стиля и простотою формъ, какія проходятъ въ стѣнописяхъ аѳонскихъ XVI в., въ частности въ стѣнописяхъ протата. Ихъ отличительную особенность составляютъ роскошь формъ, стремленіе къ натурализму въ положеніяхъ дѣйствующихъ лицъ и въ обстановкѣ, живописный характеръ иконографическихъ группъ, палатъ, въ противоположность поздневизантійской сухости и условности. Особенности эти явились подъ вліяніемъ запада. Оставляя въ сторонѣ роспись алтаря, гдѣ находятся между прочимъ, западные по формѣ и идеѣ сюжеты коронованія и вознесенія Богоматери на небо и благовѣщеніе Пресв. Богородицы съ книгою (въ южн. апсидѣ), обратимъ вниманіе лишь на нѣкоторыя детали въ стѣнописяхъ средней части храма: въ изображеніи рождества Богородицы представлены полныя красивыя служанки съ засученными рукавами; въ распятіи Іисуса Христа жены поддерживаютъ совершенно ослабѣвшую Богоматерь, какъ на нѣкоторыхъ картинахъ западныхъ художниковъ, въ благовѣщеніи — Богоматерь со свиткомъ и ваза съ цвѣтами указываютъ также на многочисленные западные образцы. Роскошныя, оживленныя картины крещенія Спасителя, гдѣ небрежно растянувшаяся фигура Іордана

напоминаетъ турецкаго пашу; входъ Господня въ Іерусалимъ съ роскошнымъ городомъ и живописною толпою, въ которой участвуютъ женщины съ малолѣтними дѣтьми на рукахъ,— указываютъ на возрожденіе греческаго искусства, подъ вліяніемъ запада, выразившееся въ оживленіи шаблонныхъ иконографическихъ темъ. Художникъ несомнѣнно знаетъ византійскія преданія, но онъ относится къ нимъ свободно: онъ опускаетъ повитухъ и омовеніе Младенца въ изображеніи рождества Христова, а въ изображеніи сошествія Іисуса Христа во адъ размѣщаетъ дѣйствующихъ лицъ иначе, чѣмъ то принято было въ византійской древности. Если мы остановимся на почвѣ сравнительнаго изученія памятниковъ, то должны будемъ признать, что указанныя подробности переносятъ нашъ памятникъ въ XVII вѣкъ. Въ нихъ нѣтъ ничего такого, чего нельзя было бы встрѣтить въ другихъ росписяхъ греческихъ и русскихъ того времени. Вліяніе Запада обнаруживается послѣдовательно и болѣе или менѣе однообразно въ эту новую эпоху греческаго и русскаго искусства; отсюда стремленіе къ красотѣ и свободное отношеніе къ традиціоннымъ формамъ. Но въ такомъ случаѣ, какое же значеніе имѣетъ надпись, указывающая на 1312 годъ? Мы нисколько не сомнѣваемся въ ея правдивости и увѣрены, что дѣйствительно въ 1312 г. ватопедскій храмъ былъ расписанъ, но эта роспись обновлена, равно какъ и запись, впослѣдствіи; эта-то обновленная роспись и сохранилась доселѣ. Характеръ обновленія указываетъ на позднюю эпоху греческаго искусства, отмѣченную вліяніемъ Запада. Художникъ, знакомый съ образцами западной живописи, удержалъ въ ватопедскомъ храмѣ первоначальныя темы и ихъ распредѣленіе по разнымъ частямъ храма: въ этомъ смыслѣ онъ былъ только реставраторомъ первоначальной росписи 1312 года; событія дѣтства Богоматери, составляющія одну изъ своеобразныхъ особенностей этой росписи по сравненію съ общимъ типамъ росписей, также не были сочинены имъ вновь; онѣ были, по всей вѣроятности, и въ живописи 1312 г.: аналогичный примѣръ представляетъ близкая по времени мозаическая роспись храма Спасителя въ Константинополѣ; но обновитель измѣнилъ стиль и подробности иконографическаго сочиненія сюжетовъ. Видѣть въ этомъ обновителѣ художника-итальянца нѣтъ достаточныхъ основаній.

Стѣнописи пантократорскаго собора. Несмотря на разновременное происхожденіе уцѣлѣвшихъ доселѣ изображеній, размѣщеніе ихъ въ храмѣ не представляетъ существенныхъ уклоненій отъ обычнаго типа. Въ алтарной апсидѣ Богоматерь „ширшая небесъ“ (надпись: *πλατυτέρα τῶν οὐρανῶν*), евхаристія и два ряда святителей. Въ сводѣ рождество Христово и крещеніе Іисуса Христа (новое). Въ боковыхъ апсидахъ: Спаситель стоящій во гробѣ (изобр. новое), Онъ же предъ Петромъ Александрійскимъ (С); — святители и Еммануилъ въ куполѣ (Ю). Въ куполѣ средней части храма Пантократоръ, великій входъ или херувимская пѣснь во всѣхъ подробностяхъ (Іисусъ Христосъ въ коронѣ), пророки и апостолы. На сѣверной и южной стѣнахъ: вверху Евангеліе, ниже патріархи, внизу мученики; на западной стѣнѣ: успеніе Богоматери и недремлющее око. Въ притворѣ ветхій завѣтъ, притчи, вселенскіе соборы и единоличныя изображенія.

Мѣстное преданіе приписываетъ древнѣйшія изъ уцѣлѣвшихъ въ храмѣ живописей Панселину: таковъ деисусъ въ притворѣ, Іоаннъ Предтеча за лѣвымъ купольнымъ столбомъ, Завулонъ, Антоній и нѣкоторыя другія изображенія. О. арх. Антонинъ полагаетъ,

что триморфъ или деисусъ тщетно приписывается Панселину[1]); напротивъ еп. Порфирій считаетъ это преданіе правдоподобнымъ и приписываетъ Панселину, сверхъ того, успеніе пресв. Богородицы[2]). На нашъ взглядъ триморфъ напоминаетъ руку художника, расписывавшаго протатскій храмъ. Кромѣ этихъ остатковъ, вся живопись переписана, по мнѣнію преосв. Порфирія, въ XVII в., а затѣмъ исправлена въ недавнее время.

Стѣнописи въ лаврскомъ параклисѣ св. Михаила исполнены, какъ видно изъ надписи, въ 7151 (1643 г.)[3]). Въ алтарѣ Богоматерь, евхаристія (фигура Іуды оригинальна: на плечахъ его сидитъ дьяволъ, съ нимъ начинается рвота) и святители; въ сводѣ алтаря вознесеніе Господне, сошествіе Св. Духа на апостоловъ и срѣтеніе. Куполъ средней части храма расписанъ обычно; на стѣнахъ сѣверной и южной — Евангеліе и мученія свв. Стефана, Ѳедора Тирона, Георгія, Кирика и Улиты; на западной стѣнѣ распятіе Іисуса Христа и райскія обители святыхъ.

Роспись въ небольшой церкви св. архангеловъ въ Зографѣ возобновлена въ 1692 г. Въ алтарѣ Богоматерь, Св. Троица, Іисусъ Христосъ, агнецъ Божій на дискосѣ; святители и діаконы; Петръ Александрійскій обычно; въ сводѣ алтаря праздники (рожд. Христово, крещеніе, вознесеніе). Въ куполѣ Пантократоръ и херувимская пѣснь; на стѣнахъ храма Евангеліе и мученики; надъ дверями успеніе пресв. Богородицы и недреманное око. Подъ куполомъ на восточномъ и западномъ ребрахъ арокъ нерукотворенный образъ, на южномъ — великаго совѣта ангелъ *(τῆς μεγάλης βουλῆς ἄγγελος)* со свиткомъ и благословляющею десницею; на сѣверномъ Іисусъ Христосъ.

XVIII вѣкъ.

Стѣнописи собора въ Каракаллѣ —1717 года, а въ притворѣ живопись исправлена въ 1750 году рукою монаха Серафима. Первыя стоятъ по достоинству выше, чѣмъ вторыя; въ этихъ послѣднихъ замѣтна наклонность къ щегольству обнаженными формами человѣческаго тѣла и къ реализму въ изображеніяхъ мученій — наклонность, справедливо порицаемая о. арх. Антониномъ[4]). Роспись средняго храма напоминаетъ росписи русскихъ храмовъ: нѣтъ здѣсь ни одного пустаго мѣста, не занятаго живописью; всѣ сложныя изображенія заключены въ особыя рамы, и цѣльные ряды ихъ, согласно съ указаніемъ греческаго подлинника, также отдѣлены одинъ отъ другаго очень замѣтными полосами. Лучшія фигуры — старцевъ преподобныхъ на западной стѣнѣ. Роспись алтаря: въ апсидѣ Богоматерь, евхаристія (съ тѣми же подробностями въ изображеніи Іуды, какъ въ лаврскомъ параклисѣ св. Михаила, но съ тою особенностію, что извергаемое Іудою имѣетъ огненный цвѣтъ), строгія фигуры святителей. Въ сводѣ алтаря вознесеніе и пятидесятница. Въ соотвѣтствіи съ изображеніями новозавѣтными помѣщены здѣсь ветхозавѣтные пророки, скинія свидѣнія съ Моисеемъ и Аарономъ, несеніе кивота завѣта и смерть Озы. Въ малой апсидѣ съ сѣв. стороны Іисусъ Христосъ

---

[1]) Зам. покл. св. горы. 76.
[2]) Ц. с., стр. 118.
[3]) У еп. Порфирія на стр. 221 поставленъ 1653.
[4]) Ц. с., стр. 154—155.

во гробѣ, Св. Троица ветхозавѣтная (возлѣ стола представлена корова, которую сосетъ теленокъ), жертвоприношеніе Авраама, Петръ Алекс. и др., — съ южной стороны Іисусъ Христосъ, агнецъ Божій на дискосѣ, который поставленъ на престолѣ съ киворіемъ, святители, три отрока въ пещи и др. Южная стѣна храма: рождество Христово. (Богоматерь на колѣняхъ), избіеніе младенцевъ виолеемскихъ (праведная Елизавета съ Іоанномъ), бракъ въ Канѣ галилейской, притча о дѣлателяхъ винограда, о впадшемъ въ разбойники (разбойники въ видѣ черныхъ демономъ съ крыльями); торжество православія; внизу мученики. Сѣверная сторона: притча о богатомъ и лазарѣ, положеніе Іисуса Христа во гробъ, воскресеніе, явленіе Іисуса Христа Маріи Магдалинѣ и ап. Ѳомѣ, Іисусъ Христосъ въ Эммаусѣ; воздвиженіе честнаго креста (возлѣ столпа). Западная сторона: недреманное око, успеніе Богоматери (апостолы летятъ на облакахъ), страсти Христовы (отчасти на сѣв. сторонѣ) — Іуда беретъ сребреники, смерть Іуды на сучкѣ, Іисусъ Христосъ исцѣляетъ Малха, поруганіе Іисуса Христа, бичеваніе, несеніе креста и распятіе; здѣсь же рождество Богородицы и благословеніе ея іереями; внизу единоличныя изображенія преподобныхъ. На предалтарныхъ столпахъ благовѣщеніе пресв Богородицы (Богоматерь съ веретеномъ, возлѣ Нея прор. Исаія со свиткомъ, въ которомъ написано извѣстное пророчество о рожденіи Мессіи отъ Дѣвы: *ἰδοὺ ἡ παρθένη* etc.; возлѣ архангела Давидъ со свиткомъ: *ἄκουσον θύγατερ* etc). Въ притворѣ мученія апостоловъ и мучениковъ, лѣствица духовная, виды подвижничества, единоличныя изображенія преподобныхъ и ктиторы. Во внѣшнемъ притворѣ апокалипсисъ.

Стѣнописи хиландарскаго собора. Богоматерь въ алтарной апсидѣ (безъ младенца) окружена медальонными изображенія пророковъ со свитками; подъ Нею евхаристія — съ тою особенностію, что съ обѣихъ сторонъ по 12 апостоловъ; ниже — событія, слѣдовавшія за воскресеніемъ Спасителя; еще ниже святители; въ сводѣ алтаря рождество Христово, вознесеніе (Богоматерь имѣетъ надпись **Μ̅ρ̅. Θ̅ῦ̅.**) и сошествіе Св. Духа. Въ двухъ боковыхъ апсидахъ: налѣво Св. Троца и святители, направо святители, Петръ Александрійскій съ Іисусомъ Христомъ и др. Куполъ храма имѣетъ обычную роспись, въ которую входитъ и литургія[1]). На южной сторонѣ храма эпизоды изъ исторіи страстей Христовыхъ, мученики (внизу) и крещеніе Спасителя, замѣчательное по своимъ иконографическимъ формамъ: надъ обычнымъ изображеніемъ Спасителя, стоящаго въ водѣ, находятся райскія двери, въ которыхъ видна группа ангеловъ; въ водѣ налѣво Іорданъ съ крыльями и рогами, съ урною; направо море въ видѣ женщины въ коронѣ, съ крыльями; она сидитъ въ коляскѣ, везомой рыбами. Съ лѣвой стороны Іоаннъ крститъ народъ: одни плаваютъ въ водѣ, другіе раздѣваются; въ сторонѣ рыбакъ ловитъ рыбу удочкою; красивый мостъ перекинутъ чрезъ Іорданъ; въ пролеты его съ шумомъ бѣжитъ вода; толпа народа стоитъ на мосту. Іоаннъ проповѣдуетъ народу и встрѣчаетъ приближающагося Спасителя; второй моментъ проповѣди: при чемъ Іисусъ Христосъ представленъ съ лопатою въ рукахъ (Матѳ. III, 12). Воины приходятъ взять Іоанна. На сѣверной сторонѣ продолженіе страстей Христовыхъ: снятіе съ креста, положеніе во гробъ, сошествіе во адъ и мученики; замѣчательно

[1]) Опис. Дидрономъ: Manuel d'iconogr. chr. p. 230 sq.

здѣсь изображеніе распятія: церковь, представленная въ видѣ человѣка въ коронѣ и поддерживаемая ангеломъ, принимаетъ кровь отъ прободеннаго ребра Іисуса Христа въ чашу, а направо синагога въ видѣ женщины удаляется прочь въ сопровожденіи ангела. На западной сторонѣ, кромѣ обычнаго успенія Богоматери, помѣщенъ цѣлый рядъ изображеній изъ жизни Богоматери: жертва Іоакима и Анны, зачатіе Богоматери, благословеніе іереевъ, обрученіе Богоматери съ Іосифомъ, совершаемое, какъ видно изъ надписи, Захаріею, при чемъ на жезлѣ Іосифа, согласно съ извѣстнымъ преданіемъ объ этомъ предметѣ, занесеннымъ въ апокрифы, представленъ голубь; благовѣщеніе у источника. Опущенныя здѣсь — рождество Богородицы и введеніе во храмъ перенесены на сѣверную и южную стороны храма. Всѣ изображенія снабжены надписями, заимствованными, повидимому, изъ апокрифическаго источника. На алтарныхъ столбахъ по обычаю благовѣщеніе (Богоматерь сидитъ съ вязальнымъ крючкомъ въ рукахъ, возлѣ Нея Давидъ, а возлѣ архангела Соломонъ). Во внутреннемъ притворѣ поучительныя событія изъ жизни преподобныхъ отцовъ, ктиторы храма; здѣсь же запись, указывающая на обновленіе живописи притвора въ 1804 году. Во внѣшнемъ притворѣ множество мелкихъ изображеній въ отдѣльныхъ рамкахъ, мученій святыхъ; здѣсь же опять ктиторы, а надъ дверями — недреманное око съ Богоматерью и двумя ангелами.

Стѣнописи лаврскаго параклиса пресв. Богородицы Вратарницы 1719 г. (надпись) напоминаютъ русскія стѣнописи XVIII в. Роспись алтаря: Богоматерь, херувимская пѣснь, евхаристія (Іуда отвернулся въ сторону и выплевываетъ св. дары) и святители въ апсидѣ, а въ сводѣ вознесеніе (Богоматерь съ надписью **Μ͞ρ. Θ͞υ.**), сошествіе Св. Духа, нѣкоторыя чудеса Евангелія и пророки. Въ куполѣ Пантократоръ и ангелы дориносящіе. На стѣнахъ храма сѣверной и южной — акафистъ въ честь Богоматери и мученики; на западной — недреманное око, успеніе Богоматери (съ жидовиномъ) и распятіе. Въ притворѣ обращаетъ на себя вниманіе живопись на тему: „хвалите Господа съ небесъ“ съ знаками зодіака[1]).

Въ параклисѣ Скоропослушницы въ Дахіарѣ стѣнопись 1744 г.: въ изображеніи литургіи въ сводѣ — находится не только Іисусъ Христосъ, совершитель жертвы, но и Богъ Отецъ, принимающій дискосъ; ниже — коронованіе Богоматери.

Въ Покровскомъ параклисѣ Хиландарскаго монастыря роспись 1740 года: типъ росписи обыкновенный, но заслуживаетъ вниманіе: въ алтарѣ изображеніе Св. Троицы въ образѣ человѣка съ тремя лицами, четырьмя глазами и шестью благословляющими руками; въ вѣнцѣ *οων*, а надъ изображеніемъ греч. надпись „Св. Троица“[2]); — въ нишѣ лѣваго алтарнаго окна — Спаситель въ зрѣломъ возрастѣ стоитъ въ чашѣ, изъ Его ребра и рукъ течетъ кровь, которую принимаютъ ангелы въ сосуды; изображеніе св. муч. Христофора съ собачьею головою въ нишѣ окна на сѣв. сторонѣ храма; въ притворѣ страшный судъ.

Стѣнописи собора въ Филовеескомъ монастырѣ 1752 года. Алтарное изображеніе Богоматери окружено пророками въ медальонахъ; ниже евхаристія (Іуда въ томъ же

---

[1]) Окис. еп. Порфиріемъ: Зографич. Лѣт. Аѳона. 223—224.

[2]) Подобныя изображенія бывали и у насъ въ Россіи въ XVIII в.; см. нашу ст. въ Зап. Импер. Русск Археол. Общ. нов. сер. т. III, вып. 2; сн. вып. 3—4, стр. 468.

положеніи, съ страшнымъ дьяволомъ на плечахъ, какъ въ лаврскомъ параклисѣ св. Михаила); внизу святители.

На сводѣ и стѣнахъ алтаря, кромѣ обычныхъ изображеній вознесенія и сошествія Св. Духа, находятся изображенія евангельскихъ чудесъ умноженія хлѣбовъ и чудеснаго лова рыба, символически указывающихъ, по объясненію нѣкоторыхъ древнихъ церковныхъ писателей, на евхаристію; здѣсь же изгнаніе торговцевъ изъ Іерусалимскаго храма и введеніе во храмъ пресв. Богородицы. Въ правой малой алтарной аспидѣ св. апостолы, въ лѣвой — положеніе во гробъ Іисуса Христа, засохшая смоковница и др. Средняя часть храма: въ куполѣ Пантократоръ, ниже литургія, въ которой совершителями таинства являются Богъ Отецъ и Богъ Сынъ въ митрахъ. На стѣнахъ храма послѣдовательно проведены четыре ряда изображеній: отдѣльныя изображенія мучениковъ, сложныя сцены изъ исторіи мученій, притчи евангельскія, событія и чудеса Евангелія; а въ сводахъ главнѣйшіе праздники; именно: на южной сторонѣ избіеніе младенцевъ, притча о милосердномъ самарянинѣ, притча о сѣятелѣ со всѣми подробностями, а рядомъ Самъ Іисусъ Христосъ, поучающій народъ съ лодки; крещеніе Іисуса Христа (въ водѣ драконы и рыбы; море въ видѣ обнаженной женщины съ флагомъ, на двухъ рыбахъ; сѣкира у корня дерева), преображеніе Господне въ трехъ моментахъ съ пророкомъ Давидомъ, который держитъ свитокъ съ словами: „Ѳаворъ и Ермонъ о имени Твоемъ возрадуются“; воскрешеніе Лазаря, входъ въ Іерусалимъ и тайная вечеря. Мученія святыхъ: Димитрія, Нестора, Ѳеодора Тирона, Ѳеодора Стратилата и Евстаѳія. На западной сторонѣ: кромѣ обычныхъ изображеній успенія Богоматери и недреманнаго ока (Богоматерь предъ спящимъ Спасителемъ и ангелъ на колѣнахъ[1]), притчи о богатомъ и Лазарѣ и о блудномъ сынѣ, молитва въ саду геосиманскомъ, Іисусъ Христосъ предъ Каіафою, предъ Пилатомъ, умывающимъ руки (сзади жена Пилата въ царской коронѣ), Іуда возвращаетъ сребреники; смерть Іуды. На сѣверной сторонѣ: чудеса Евангелія, поруганіе Іисуса Христа, несеніе креста, распятіе, воскресеніе (Іисусъ Христосъ вылетаетъ изъ гроба съ знаменемъ въ рукѣ), мученіе свв. Христофора, Меркурія, Артемія и Георгія. На алтарныхъ столбахъ благовѣщеніе пресв. Богородицы (возлѣ Богоматери прор. Исаія, возлѣ архангела Соломонъ). Во внутреннемъ притворѣ созданіе міра и грѣхопаденіе прародителей, страшный судъ, акаѳистъ Богоматери, мученики и преподобные, въ числѣ которыхъ Христоforъ съ собачьею головою. Во внѣшнемъ нарѳиксѣ апокалипсисъ. — Вся вообще стѣнопись, хотя и не утратила еще сполна всѣхъ древнихъ иконографическихъ формъ, исполнена въ стилѣ первыхъ итальянскихъ школъ и въ нѣкоторыхъ изображеніяхъ даетъ прямо копію съ западныхъ оригиналовъ.

Нѣтъ нужды останавливаться долго на другихъ аѳонскихъ стѣнописяхъ конца XVIII и XIX вв. Большая часть ихъ повторяетъ обычный типъ росписи и не представляетъ оригинальныхъ особенностей въ стилѣ; назовемъ Зографскій соборъ, типикарницу св. Саввы сербскаго, параклисы успенія пресв. Богородицы (1780 г.) и Іоанна Предтечи въ Зографѣ (1768 г.), параклисы ватопедскаго монастыря, Дмитріевскій, св. Безсре-

[1]) Надпись: *ἀναπεσὼν ἐκοιμήθη, ὡς λέων καὶ τίς δύναται ἐγειρεῖν αὐτόν*. Быт. XLIX, 9.

бренниковъ, пояса Богоматери, въ иверскомъ монастырѣ параклисъ Іоанна Предтечи, въ хиландарскомъ — рождества пресв. Богородицы. Въ росписяхъ нѣкоторыхъ *параклисовъ* отводится болѣе или менѣе видное мѣсто изображеніямъ, имѣющимъ ближайшее отношеніе къ посвященію храма въ честь того или другого святаго. Такъ, въ ватопедскомъ параклисѣ св. ап. Андрея Первозваннаго (1798 г.) въ обычную роспись внесено изображеніе этого апостола надъ западнымъ входомъ и нѣкоторыя событія изъ его жизни въ притворѣ; въ параклисѣ св. Николая (1780 г.) тамъ же изображенія евангельскихъ событій на стѣнахъ средней части храма замѣнены изображеніями событій и чудесъ св. Николая и Богоматери; въ филоѳеевскомъ параклисѣ Іоаннъ Предтечи (1776) большая частъ изображеній относится къ лицу Іоанна Предтечи, а въ параклисѣ архангельскомъ — къ архангелу Михаилу. Само собою понятно, что росписи братскихъ трапезъ, какъ напр. ватопедская (1785) имѣютъ свой особый характеръ; также и фіалы, устраиваемые на Аѳонѣ внутри монастырскихъ оградъ. *Въ фіалахъ* (Лавра, Филоѳеевскій монастырь) помѣщаются изображенія, относящіяся къ крещенію: крещеніе Іоанново, крещеніе Іисуса Христа, чудесный ловъ рыбы, хожденіе ап. Петра по водамъ, проповѣдь съ лодки, укрощеніе бури, исцѣленіе 38-ми лѣтняго разслабленнаго; погибель Фараона въ морѣ, какъ прообразъ новозавѣтнаго крещенія, изведеніе Моисеемъ воды изъ камня, руно Гедеона и др.[1]) Изъ всѣхъ этихъ росписей приведемъ *роспись зографскаго собора въ честь св. Георгія* (1817 г.), въ которой, при сохраненіи общаго типа, наиболѣе ясно и подробно выразились нѣкоторыя особенности размѣщенія изображеній, равно какъ и новыя черты въ самомъ сочиненіи сюжетовъ. Въ алтарномъ сводѣ Богоматерь „ширшая небесъ“, ниже евхаристія (Іисусъ Христосъ въ туникѣ и иматіи; апостолы подходятъ къ Нему съ скрещенными на груди руками), еще ниже рядъ святителей. Въ ту же алтарную апсиду введены два ряда евангельскихъ событій, преимущественно относящихся къ воскресенію Спасителя (ангелы у гроба Іисуса Христа; явленіе Іисуса Христа св. женамъ, Марія Магдалина у ногъ Іисуса Христа; Іисусъ Христосъ въ Эммаусѣ, увѣреніе Ѳомы). Въ сводѣ алтаря рождество Христово въ извѣстномъ иконописномъ переводѣ: „Слава въ вышнихъ Богу“, съ хорами ангеловъ, держащихъ свитокъ съ надписью, поклоненіемъ пастырей и волхвовъ; здѣсь же рождество Богородицы и введеніе Ея въ храмъ. Въ малой апсидѣ съ лѣвой стороны Евангеліе, святители и діаконы; въ другой, съ правой стороны, Іисусъ Христосъ, стоящій во гробѣ, три отрока въ огненной пещи, событія евангельскія, святители: Петръ, Алексій и діаконы. Средній храмъ: въ куполѣ Пантократоръ, литургія (Богъ Отецъ въ трехугольномъ нимбѣ, Св. Духъ, въ видѣ голубя, стоитъ на Евангеліи, лежащемъ на престолѣ), пророки, апостолы и евангелисты. Южная сторона: крещеніе Іисуса Христа (подъ ногами Іисуса Христа мелкія змѣи, замѣнившія драконовъ, отмѣченныхъ словами псалма „Стерлъ еси главы зміевъ, ты сокрушилъ еси главы зміевъ въ водѣ“), преображеніе, воскрешеніе Лазаря и другія евангельскія событія, ниже мученики. Здѣсь же возлѣ иконостаса находится весьма рѣдкое, если не единствен-

[1]) Описаны Дидрономъ: Annales archéol t. XVIII p. 200 etc.; cf, t. XXI, p. 80—89; сходными чертами описывается роспись фіаловъ и въ греч. подлинникѣ. Греч. изд., стр. 254—255.

ное, въ росписяхъ аѳонскихъ изображеніе русскихъ святыхъ: Владиміра и Ольги съ Евангеліемъ. Западная сторона: успеніе Богоматери (съ жидовиномъ), притчи евангельскія (о блудномъ сынѣ, о впадшемъ въ разбойники, о талантахъ), взятіе Іисуса Христа въ саду Геѳсиманскомъ; внизу преподобные и въ числѣ ихъ Іоаннъ Рыльскій. Сѣверная сторона: продолженіе Евангелія, гдѣ обращаютъ на себя вниманіе: распятіе Спасителя: Онъ, по западному обычаю, въ терновомъ вѣнцѣ; изъ ребра Его истекаютъ кровь (красная) и вода (бѣлая), кровь отъ язвъ ногъ падаетъ на Адамову главу; изнеможенную Богоматерь поддерживаютъ св. жены; толпы воиновъ и народа присутствуютъ при распятіи; мертвые встаютъ изъ гробовъ. Здѣсь же снятіе тѣла Іисуса Христа съ креста и положеніе во гробъ, торжество православія *(ἡ ἀναστήλωσις τῶν ἁγίων εἰκόνων)*, внизу мученики-воины: Прокопій, Евстаѳій, Артемій, Георгій. — Въ притворѣ апокалипсисъ, лѣствица духовная, лоно Авраамово и рядъ ктиторовъ монастыря: проигумены Порфирій и Евѳимій, Левъ Мудрый, Андроникъ Палеологъ, болгарскій царь Асень, воевода молдавскій Стефанъ и др. Вся вообще живопись посредственнаго достоинства, съ ясными и многочисленными слѣдами западнаго вліянія.

Стѣнописи аѳонскихъ храмовъ должны стоять въ тѣсномъ родствѣ съ современными имъ стѣнописями всей Греціи. Широкое значеніе аѳонской школы, на которое мы указали выше, необходимо должно было вести къ бо́льшему или меньшему однообразію въ характерѣ художественной производительности. Къ сожалѣнію, до настоящаго времени собрано еще слишкомъ мало матеріала для полной и всесторонней характеристики греческихъ стѣнописей разсматриваемаго періода. У насъ подъ руками находится впрочемъ одинъ примѣръ, который представляетъ блестящее подтвержденіе сходства аѳонскихъ росписей съ другими, — разумѣемъ знаменитый храмъ *„Παναγία Φανερομένη“ на Саламинѣ*. Уже давно роспись его обратила на себѣ вниманіе западныхъ ученыхъ, признавшихъ ее рѣдкимъ памятникомъ, и если замѣчаніе Пуквиля, будто въ этомъ храмѣ находится на лицо до 150,000 фигуръ, давно признано слишкомъ преувеличеннымъ, все-таки памятникъ, даже и при болѣе умѣренномъ счетѣ фигуръ (отъ 3530 до 3724), остается замѣчательнымъ, особенно для спеціалистовъ западныхъ, не знакомыхъ съ росписями нашихъ ярославскихъ храмовъ. Саламинскій храмъ расписанъ въ 1735 году аргосскимъ живописцемъ Георгіемъ Маркомъ при помощи трехъ учениковъ: Николая Венигелоса, Георгакиса и Антомиса (надпись на западной стѣнѣ храма[1]). Въ конхѣ алтаря Богоматерь „ширшая небесъ“ съ Божеств. Младенцемъ и по сторонамъ Ея архангелы Михаилъ (съ надписью *„δὲ προσκυνοῦμεν Δεσπότα)* и Гавріилъ *(καὶ τὸν ἐκ σοῦ τεχθέντα);* здѣсь же восемь пѣснопѣвцевъ церковныхъ и внѣ конхи 13 пророковъ со свитками пророчествъ, относящихся къ воплощенію Спасителя. Ниже Богоматери литургія или херувимская пѣснь и евхаристія; внизу святители: Діонисій Ареопагитъ, Петръ архіеп. аргоскій, Григорій Богословъ, Іоаннъ Златоустъ, Василій

[1]) Didron, Manuel d'iconogr. Chr. p. XIII, ср. ст. г. Лампакиса въ журн. *Ζωτὴρ. Τόμος δέκατος τεύχος Ζ΄καὶ Η σ.* 202 etc.

Великій, Аѳанасій Великій; Германъ патр. константинопольскій и Іаковъ братъ Божій. Въ жертвенникѣ Іисусъ Христосъ — Ангелъ великаго совѣта; въ діаконникѣ Мелхиседекъ. Въ куполѣ Пантократоръ съ благословляющею десницею и Евангеліемъ въ шуйцѣ; ниже ангелы и среди нихъ Богоматерь и Іоаннъ Предтеча, еще ниже двѣнадцать членовъ символа вѣры[1]) и 16 пророковъ, въ числѣ которыхъ Моисей. Въ сводахъ храма страсти Христовы, воскресеніе и слѣдующія за нимъ событія, нѣкоторые праздники господскіе и двадцать четыре изображенія на темы акаѳиста въ честь Богоматери. На стѣнахъ храма притчи евангельскія, а на западной стѣнѣ кромѣ нихъ страшный судъ[2]) и распятіе Спасителя; ниже сцены изъ исторіи мученичества; еще ниже медальонныя изображенія 70 апостоловъ и преподобныхъ женъ, наконецъ въ нижнемъ ряду мученики, преподобные и святители.

Глава VII.

Главныя черты греческой росписи.

Несмотря на видимое разнообразіе разсмотрѣнныхъ нами росписей, возможно найти въ нихъ типическія черты, неизмѣнно повторяющіяся во всѣхъ памятникахъ. Нѣкоторыя подробности повторяются лишь въ нѣкоторыхъ памятникахъ, наконецъ иныя свойственны лишь одному какому-либо памятнику. Большая часть иконографическихъ сюжетовъ въ стѣнописяхъ XVI—XVIII в. ведетъ свое начало отъ эпохи древнѣйшей и лишь допускаетъ нѣкоторыя уклоненія въ сочиненіи; другіе сюжеты явились вновь въ эту эпоху и составляютъ одну изъ главнѣйшихъ особенностей именно этихъ позднѣйшихъ росписей. Укажемъ наиболѣе часто повторяющіяся черты этихъ росписей и сопоставимъ ихъ съ требованіями греческаго подлинника: отсюда будетъ видно ихъ соотвѣтствіе съ одной стороны, а съ другой — уяснится на нѣкоторыхъ признакахъ позднее происхожденіе самаго подлинника.

Въ алтарѣ неизмѣнно повторяется Богоматерь „ширшая небесъ“, но къ Ней присоединяются въ этотъ періодъ пророки; ниже обычныя изображенія евхаристіи и святителей. Новостью разсматриваемаго періода является изображеніе литургіи. Сложилось оно на основѣ символическаго толкованія великаго входа, о чемъ говорятъ уже патр. Софроній, Германъ и Симеонъ Солунскій. Первый изъ нихъ въ образѣ архіерея, стоящаго во время херувимской пѣсни въ алтарѣ, видитъ Бога Отца, срѣтающаго Сына, въ рипидахъ — херувимовъ и серафимовъ, въ архидіаконѣ, несущемъ омофоръ, ангела[3]). По Герману, херувимская пѣснь предшествіемъ (во время совершаемаго при пѣніи ея входа) діаконовъ и представленіемъ (очамъ вѣрующихъ) рипидъ или изображеній серафимскихъ служитъ знаменіемъ вхожденія всѣхъ святыхъ и праведныхъ, совходящихъ

---

[1]) *Λαμπακης* l. c.

[2]) Опис. подробно Дидрономъ: Manuel d'iconogr. Chr. p. 269—275 not.

[3]) Пис. отц. и учит. ц. т. I, стр. 287.

Святому Святыхъ, въ предшествіи невидимо предтекущихъ херувимскихъ силъ, ангельскихъ воинствъ, безтѣлесныхъ сонмовъ и безплотныхъ чиновъ, которые воиютъ и дориносятъ великаго Царя Христа, шествующаго на таинственное жертвоприношеніе; съ ними вмѣстѣ предвходитъ и Духъ Святый. Великій входъ также указываетъ на перенесеніе тѣла Господня отъ краніева мѣста до гроба... Святая трапеза соотвѣтствуетъ погребенію Христову, когда Іосифъ, снявъ тѣло Христово со креста, обвилъ его плащаницею чистою и положилъ въ новомъ гробѣ[1]). Симеонъ Солунскій, по поводу великаго входа, замѣчаетъ, что участвующіе въ великомъ входѣ діаконы соотвѣтствуютъ чину ангеловъ и что при этомъ несутъ священный покровъ, который знаменуетъ нагаго и мертваго Іисуса[2]). Служащій архіерей означаетъ Самого Іисуса Христа. Ясно такимъ образомъ, почему въ изображеніи литургіи являются Іисусъ Христосъ Совершитель таинства, а иногда Богъ Отецъ и Св. Духъ; почему въ образѣ служащихъ діаконовъ и іереевъ представлены ангелы; почему наконецъ ангелы несутъ плащаницу, которой нѣтъ въ нашей современной практикѣ великаго входа. Въ сводѣ и на стѣнахъ алтаря — вознесеніе Господне, сошествіе Св. Духа, скинія и перенесеніе кивота завѣта: первыя два изображенія явились здѣсь, вѣроятно, еще въ византійскій періодъ, послѣднія не ранѣе XVI в. Въ какомъ отношеніи стоитъ вся эта роспись алтаря къ требованіямъ греческаго подлинника?

Въ настоящее время мы имѣемъ уже нѣсколько различныхъ *списковъ подлинника*, изъ которыхъ древнѣйшій не восходитъ ранѣе XVII в. Во всѣхъ спискахъ указаны нѣкоторыя правила размѣщенія изображеній въ храмѣ; но они не одинаково точны и опредѣленны: во всѣхъ находятся указанія на куполъ храма и его роспись и нѣкоторыя другія части храма; а по отношенію къ нѣкоторымъ частямъ дѣлаются лишь общія замѣчанія, напр. „на прочихъ мѣстахъ церкви помѣщаются“...[3]) или: „впѣ алтаря пишутся“...[4]) Кромѣ того, всѣ списки имѣютъ свои особенности въ объясненіи иконографическихъ сюжетовъ и надписей; всѣ прямо и рѣшительно предоставляютъ иконописцу нѣкоторую свободу по отношенію къ выбору единоличныхъ изображеній. Наиболѣе точный и полный, хотя въ то же время и позднѣйшій, списокъ Діонисія Фурноаграфіота, неоднократно уже изданный[5]) и находящійся въ обращеніи среди аѳонскихъ иконописцевъ доселѣ. Подлинникъ этотъ предлагаетъ механическое описаніе стѣнной росписи храма, начиная съ купола. Онъ не обращаетъ вниманія на символику храма, выражаемую его стѣнописью, и, имѣя въ виду единственно удобства иконописца, начинающаго роспись съ верхнихъ частей храма и опускающагося постепеннаго внизъ, смѣшиваетъ воедино росписи алтаря и средней части храма. Впрочемъ, несмотря на неясность терминологіи, возможно отдѣлить алтарныя изображенія отъ остальныхъ. „Внутри алтаря, въ срединѣ восточной апсиды подъ пророками[6]) (*ἔντοσ τοῦ ἱεροῦ βήμα-*

[1]) Тамъ же, стр. 392—393.

[2]) Ц. с. т. III, стр. 35.

[3]) Первая Іерус. рукоп. Ерминіи или наставл. въ живоп. искусствѣ. Труды Кіев. Д. А. 1867 г. т. III, стр. 174.

[4]) Вторая Іерус. рукоп. 1 вед. т. IV, стр. 471.

[5]) Было нѣсколько греческихъ изданій: послѣднее Аѳинское 1885 г. Анести Константинида *Ἑρμηνεία τῶν ζωγράφων*. Франц. изд. Дидрона Manuel d'iconogr. chr. Paris 1845; нѣмецкое Шефера: Das Handbuch der Malerei vom Berge Athos. Trier 1855. Дата на греческомъ изданіи „1458 г.“ невѣрна.

[6]) Разумѣется здѣсь рядъ пророковъ, проходящій чрезъ весь храмъ.

τος κάτωθεν τῶν προφητῶν τῶν ἄνωθεν καὶ τῆς ἀνατολικῆς ἀψίδος κατὰ μέσον), говоритъ подлинникъ,— пиши Св. Дѣву, сидящую на тронѣ съ Младенцемъ Христомъ; надъ главою Ея надпись: „Матерь Божія, высшая небесъ *(Μητὴρ Θεοῦ ἡ ὑψηλοτέρα τῶν οὐρανῶν)*“. По сторонамъ Ея два архангела Михаилъ и Гавріилъ въ молитвенномъ положеніи *(πρεσβείαν ποιοῦντες)*[1]). Подъ Богоматерью пиши Божественную литургію, какъ указано выше, именно: киворій *(κουβούκλιον)* и подъ нимъ престолъ, на которомъ св. Евангеліе; а на немъ Св. Духъ; Безначальный Отецъ, возсѣдающій на тронѣ[2]), благословляетъ обѣими св. руками и говоритъ въ свиткѣ: „изъ чрева прежде денницы родихъ тя“[3]). По правую сторону престола Христосъ въ архіерейскомъ облаченіи стоитъ, благословляя; предъ Нимъ чины ангеловъ, въ священническихъ одеждахъ стоятъ со страхомъ, образуя кругъ, простирающійся до правой стороны престола. Христосъ принимаетъ дискосъ съ главы ангела, облаченнаго въ діаконскія одежды; возлѣ стоятъ еще четыре ангела: двое кадятъ Христу и двое несутъ подсвѣчники. Позади ихъ другіе ангелы: одинъ несетъ лжицу, другой — копіе, третій — трость и губу, четвертый — крестъ, пятый — свѣщу[4]). Подъ литургіею пиши раздаяніе Господня тѣла и крови апостоламъ[5]) такимъ образомъ: налаты и престолъ, на которомъ дискосъ съ раздробленнымъ хлѣбомъ. За престоломъ, въ срединѣ Христосъ (видѣнъ до пояса = *φαινόμενος ἕως τὴν μέσην)* съ простертыми руками; въ правой держитъ Онъ хлѣбъ, въ лѣвой — чашу; предъ Нимъ раскрытое Евангеліе, въ которомъ направо написано: „пріимите ядите, сіе есть тѣло Мое“, а налѣво: „пійте отъ нея вси, сія есть кровь Моя“. По сторонамъ Спасителя 12-ть апостоловъ, въ наклоненномъ положеніи; они взираютъ на Христа; направо впереди пяти апостоловъ — Петръ простираетъ руки для принятія хлѣба отъ Христа. Іоаннъ во главѣ пяти апостоловъ съ лѣвой стороны, имѣя одну руку простертую, а другую — приложенную къ груди, приближаетъ свои уста къ краю потира. Іуда позади ихъ поворачивается назадъ; демонъ входитъ въ уста его[6]). Ниже евхаристіи святители въ медаліонахъ; подъ ними еще рядъ святителей, съ правой стороны св. Василій Великій, съ лѣвой — св. Златоустъ и другіе знаменитые епископы со свитками въ рукахъ[7]). На стѣнахъ алтаря, наряду съ евхаристіею, подлинникъ рекомендуетъ изображать введеніе Богоматери во храмъ, Моисея и Аарона въ скиніи, лѣствицу Іакова и несеніе кивота завѣта въ Іерусалимъ: всѣ эти изображенія, хотя не всегда и всѣ вмѣстѣ, находятся и въ стѣнописяхъ, съ тою разницею, что лѣствица Іакова здѣсь переносится въ жертвенникъ, или діаконникъ, составляющіе части алтаря. Алтарь знаменуетъ собою небо, а потому и лѣствица Іакова, соединявшая небо съ землею, является здѣсь вполнѣ умственною. Умѣстны также и прообразы новозавѣтной церкви — скинія и кивотъ завѣта[8]); но какимъ образомъ вошло въ нормальный типъ росписи введеніе Богоматери въ храмъ? Въ объясненіе этого нужно

---

[1]) По изд. Константинида, стр. 248.
[2]) Ср. соборъ въ Зографѣ.
[3]) Надписи этой мы не встрѣчали въ изображеніяхъ литургіи.
[4]) Описаніе картины въ подлинникѣ неполно; цит. изд., стр. 156.
[5]) Стр. 250.
[6]) Стр. 157.
[7]) Стр. 251.
[8]) Ср. стр. 407 въ изъясненіи литургіи Ѳеодора Андидскаго; то же у Симеона Солунскаго: нис. отц. II, 181—182.

указать на то, что, по древнему преданію, выраженному и въ церковныхъ пѣснопѣніяхъ[1]), Богоматерь вошла во Святое Святыхъ, предызображавшее алтарь христіанскаго храма. Быть можетъ, по связи съ этимъ чудеснымъ событіемъ, изображалась иногда въ алтарѣ и жертва Іоакима и Анны. Отдѣльно объ изображеніяхъ въ алтарѣ вознесенія Господня и сошествія Св. Духа подлинникъ не упоминаетъ, но онъ предполагаетъ ихъ въ группѣ евангельскихъ изображеній второго ряда, начинающихся въ алтарѣ, проходящихъ чрезъ всю церковь и оканчивающихся на другой сторонѣ алтаря.

Изображенія жертвенника и діаконника часто перемѣшиваются между собой въ памятникахъ, перехода изъ одного въ другой. Въ апсидѣ жертвенника чаще всего представляется Спаситель, стоящій во гробѣ, что̀ соотвѣтствуетъ назначенію жертвенника, гдѣ приготовляются дары для безкровной жертвы; иногда Ангелъ великаго совѣта (Саламинъ), Іисусъ Христосъ на колесницѣ Іезекіиля. Иногда находятъ себѣ здѣсь мѣсто и ветхозавѣтныя изображенія, имѣющія прообразовательное значеніе: жертвоприношеніе Авраама, жертва Маноя (Протатъ?), Св. Троица, лѣствица Іакова, купина Моисея, Петръ Александрійскій и святители. Въ діаконникѣ: Богоматерь, Еммануилъ, Св. Троица, архангелъ, лѣствица, Мельхиседекъ, Даніилъ и три отрока въ пещи, купина Моисея и святители, изъ числа ихъ Мельхиседекъ по праву долженъ бы былъ занять мѣсто въ жертвенникѣ. Объясняется ли это смѣшеніе тѣмъ, что, при одинаковости условій мѣстъ для росписи въ жертвенникѣ и діаконникѣ, иконописцы не всегда обращали строгое вниманіе на ихъ различное назначеніе, или тѣмъ, что иногда, по соображеніямъ мѣстнымъ, жертвенникъ становился діаконникомъ — и наоборотъ, сказать трудно. Греческій подлинникъ сходныя съ поименованными изображенія рекомендуетъ для двухъ полусферическихъ сводовъ по сторонамъ алтаря *(ἐντὸς δὲ τῆς φιάλης τοῦ βήματος τῆς προσκομιδῆς... εἰς τὴν δευτέραν δὲ φιάλην τοῦ ἱεροῦ)*[2]): налѣво Іисусъ Христосъ въ архіерейскихъ одеждахъ, сидящій на облакахъ и благословляющій; въ рукахъ Его Евангеліе, раскрытое на словахъ: „Азъ есмь Пастырь добрый“; надъ Нимъ надпись: **Іи҃с. Хс҃.** Ο ΜΕΓΑΣ ΑΡΧΙΕΡΕΥΣ; изображеніе сильно напоминаетъ западныя формы, а потому рѣдко встрѣчается въ аѳонскихъ стѣнописяхъ. Вокругъ Него, по подлиннику, херувимы и престолы, ниже рядъ епископовъ[3]), жертва Каина и Авеля, жертва Маноя, а въ полукружіи *(ἡμικύκλιον)* жертвенника снятіе Іисуса Христа съ креста (=положеніе во гробъ въ памятникахъ). Въ нижнемъ ряду св. Петръ Александрійскій съ хартіею, въ которой написано: „кто Твои ризы, Спасе, раздра“? Предъ нимъ Спаситель въ видѣ младенца съ хартіею: — Арій безстыдный и безчестный, Петре[4]); въ жертвенникѣ также *(ἐν δὲ ταῖς στοαῖς τοῦ ἱεροῦ)*

[1]) „Во святая святыхъ святая и непорочная святымъ Духомъ вводится“...

[2]) По видимому, здѣсь предполагается, что жертвенникъ и діаконикъ помѣщаются въ нишахъ того же алтаря, а не отдѣляются отъ него капитальными стѣнами.

[3]) Выборъ ихъ представляется иконописцу: *γράψον... οἵους βούλει ἱεράρχας*, p. 249.

[4]) Объясненіе этого изображенія находится въ житіи св. Петра Александрійскаго. Здѣсь разсказывается, что когда этотъ святитель, отлучившій Арія отъ церкви, вверженъ былъ за свою ревность къ вѣрѣ нечестивымъ царемъ Максиміаномъ въ темницу, явился ему однажды ночью во время молитвы Самъ Господь въ образѣ десятилѣтняго отрока: лицо Его сіяло, какъ солнце, такъ что невозможно было смотрѣть на Него; одѣтъ былъ Онъ въ бѣлый хитонъ, раздранный сверху до низу. Святитель спрашиваетъ: „кто Ти, Спасе, ризу раздра“? Спаситель отвѣчаетъ: „Арій безумный раздра Ми ю, яко раздѣли отъ Мене люди Моя, яже стяжахъ кровію Моею; но блюди, да не пріимеши его въ общеніе церковное, лукавая бо и враждебная мыслитъ на Мя и на люди Моя“ (Четь-Мин. св. Димитрія

помѣщаются св. діаконы. По другую сторону алтаря (въ діаконникѣ) по подлиннику изображаются: Богоматерь съ Божественнымъ Младенцемъ въ кругѣ, съ простертыми руками, съ надписью:

ΜΗΤΗΡ ΘΕΟΥ Η ΠΛΑΤΥΤΕΡΑ ΤΩΝ ΟΥΡΑΝΩΝ.

ниже святители, купина Моисея, три отрока въ огненной пещи, Даніилъ во рву львиномъ и Св. Троица ветхозавѣтная.

Средняя часть храма. Роспись купола сходна какъ по памятникамъ, такъ и по подлиннику, за исключеніемъ надписей при изображеніяхъ: Пантократоръ, ангелы съ Богоматерью (Μ̅ρ̅. Θ̅ῡ̅. *ἡ κυρία τῶν ἀγγέλων)* и Іоанномъ Предтечею, пророки и въ парусахъ сводовъ *(εἰς δὲ τὰς γωνίας τῶν ἀφίδων)* евангелисты; изрѣдка въ памятникахъ встрѣчается здѣсь изображеніе литургіи. Между евангелистами (на архивольтахъ сводовъ) съ восточной стороны нерукотворенный образъ, съ западной св. чрепіе[1]), съ правой стороны Іисусъ Христосъ съ Евангеліемъ, въ которомъ написано: „Азъ есмь лоза, вы же рождіе“; съ лѣвой Еммануилъ со свиткомъ: „Духъ Господень на мнѣ, его же ради помаза мя“. Отъ этихъ четырехъ изображеній, продолжаетъ подлинникъ, идутъ виноградныя вѣтви и достигаютъ до угловъ пандантивовъ; а въ этихъ вѣтвяхъ пишутся св. апостолы. Въ памятникахъ мы не встрѣчали этой подробности: апостолы встрѣчаются здѣсь иногда въ трибунѣ купола, но безъ всякихъ символическихъ украшеній изъ вѣтвей. Внутри арокъ свода, по подлиннику, пишутся пророки со свитками; то же и въ памятникахъ.

На стѣнахъ храма — южной, западной и сѣверной — главное мѣсто занимаютъ изображенія евангельскихъ событій; точнаго и правильнаго раздѣленія рядовъ здѣсь нѣтъ, но замѣчается послѣдовательность такого рода: на южной сторонѣ помѣщаются по преимуществу изображенія дѣтства Іисуса Христа, крещенія и преображенія, на западной начинаются страсти Іисуса Христа, а распятіе и слѣдующія за нимъ событія — на сѣверной. Притчи и чудеса, равно какъ и событія изъ жизни Богоматери въ храмахъ, посвященныхъ ея имени, встрѣчаются на всѣхъ трехъ стѣнахъ. На столбахъ храма — воздвиженіе честнаго креста, торжество православія; на столпахъ предъалтарныхъ или на тріумфальной аркѣ — благовѣщеніе Пресв. Богородицы. Сверхъ того на западной стѣнѣ успеніе Пресв. Богородицы и Недреманное Око; а въ нижнихъ частяхъ стѣнъ мученики, св. воины и христіанскіе поэты. Тѣ же самыя изображенія указаны и въ подлинникѣ, который говоритъ, что „въ верхнемъ ряду нужно изображать праздники, страсти Христовы и чудеса, послѣдовавшія за воскресеніемъ, во вто-

---

Рост. подъ 25 ноября). Древнѣйшій примѣръ такого изображенія находится въ греческой рукописи житій святыхъ XI вѣка, въ національной библіотекѣ въ Парижѣ (№ 580, ноябрь, листъ 2 об.): подъ ногами Іисуса Христа здѣсь виденъ скорченный человѣкъ, повидимому, Арій. Въ памятникахъ иконографіи русской изображеніе это входитъ, какъ составная часть, въ изображеніе 1-го вселенскаго собора (Ср. святцы XVII в. въ музеѣ Спб. Дух. Академіи). Оно повторяется также и въ русскихъ стѣнописяхъ (въ жертвенникѣ), но не ранѣе XVI—XVII в.

[1]) *Κεράμιον*. Дидронъ переводитъ: „св. сосудъ=le saint vase“; но этотъ переводъ былъ бы вѣренъ въ томъ случаѣ, если бы въ текстѣ употреблено было не *κεράμιον*, а *ποτήριον;* остроумный переводъ еп. Порфирія „чрепіе“ т.-е. отпечатокъ нерукотвор. образа на той черепичной плитѣ, которою закрытъ былъ этотъ образъ въ городской стѣнѣ. (Труд. Кіев. Д. А. 1867 г. т. III, стр. 168). Вѣроятность этого объясненія открывается изъ сопоставленія употребленныхъ здѣсь терминовъ *μανδύλιον* (образъ на полотнѣ) и *κεράμιον* (тотъ же образъ на черепицѣ). Въ стѣнописяхъ Нередицкихъ дѣйствительно находятся въ этихъ мѣстахъ два изображенія нерукотвореннаго образа.

ромъ — дѣянія и чудеса Іисуса Христа, и съ восточной стороны надъ двумя столпами — Благовѣщеніе Пресв. Богородицы съ двумя пророками Давидомъ и Исаіею; въ третьемъ — притчи Іисуса Христа, воздвиженіе честнаго креста и торжество православія *(ἀναστήλωσις τῶν εἰκόνων);* надъ дверями — успеніе Богоматери и прочіе богородичные праздники; въ четвертомъ ряду — мучениковъ, преподобныхъ и поэтовъ — *οἵους βούλει*, въ пятомъ — мучениковъ: Георгія, Димитрія, Константина и Елену, Антонія, Евѳимія и другихъ подвижниковъ и пѣснопѣвцевъ съ хартіями и подписями; въ дверяхъ — архангеловъ Михаила и Гавріила со свитками, а надъ дверью — Христа, въ видѣ трехлѣтняго младенца, спящаго на ложѣ и опирающагося главою на свою руку: предъ Нимъ съ умиленіемъ стоитъ Св. Дѣва; вокругъ Него сонмъ ангеловъ съ опахалами; подъ этою картиною — надпись о времени росписанія храма и лицахъ, потрудившихся въ этомъ дѣлѣ. Въ этой части подлинникъ такимъ образомъ совершенно согласенъ съ памятниками; это согласіе простирается также и на сочиненіе иконографическихъ сюжетовъ.

Обычными изображеніями нарѳикса по памятникамъ служатъ изображенія ветхаго завѣта, страшнаго суда, апокалипсиса, вселенскихъ соборовъ, хваленія Бога всею тварію, иногда акаѳиста въ честь Богоматери, языческихъ философовъ со свитками ихъ предсказаній о Христѣ и ктиторовъ; надъ дверями, ведущими въ храмъ, иногда деисусъ. Греческій подлинникъ, говоря о росписи притворовъ съ двумя куполами, рекомендуетъ въ одномъ изъ нихъ изображать Іисуса Христа съ сонмомъ ангеловъ и святыхъ, въ другомъ — Богоматерь съ пророками; на сводахъ — пѣснопѣвцевъ съ хартіями и мучениковъ, на стѣнахъ — акаѳистъ Богоматери; на восточной сторонѣ — деисусъ, на западной — вселенскіе соборы, на южной — ветхій завѣтъ и древо Іессея, а на сѣверной — притчи и небесную лѣствицу, внизу подвижниковъ и пѣснопѣвцевъ *οἵους βούλει*[1]). Указанія подлинника имѣютъ въ виду необычный типъ нарѳикса, отсюда ихъ отличіе по отношенію къ росписи верхнихъ частей (куполовъ); въ то же время, какъ видно изъ сопоставленія ихъ съ наличною суммою изображеній нарѳиксовъ по памятникамъ, они не исчерпываютъ сполна все иконографическое содержаніе нарѳиксовъ, хотя и согласны съ нимъ во многихъ пунктахъ. Наконецъ нельзя не замѣтить, что греческіе списки одного и того же подлинника Діонисія въ данномъ случаѣ различаются между собою: подлинникъ Константинида говоритъ объ изображеніи въ нарѳиксѣ символа вѣры и молитвы Господней, чего нѣтъ въ подлинникѣ Дидрона; кромѣ того первый говоритъ объ изображеніяхъ Евангелія[2]), между тѣмъ какъ второй — о ветхомъ завѣтѣ.

Греческій подлинникъ предлагаетъ еще нѣсколько свѣдѣній о росписи трапезъ и храмовъ съ крестообразными и цилиндрическими сводами и многокупольныхъ: этими свѣдѣніями мы воспользуемся ниже при обозрѣніи росписей въ русскихъ храмахъ XVI—XVIII вв. Здѣсь же въ заключеніи отдѣла замѣтимъ, что основная мысль храмовой росписи, явившаяся въ періодъ византійскій, удерживается въ росписяхъ сей-

[1]) Подлинникъ Константинида къ этому прибавляетъ: *ἐν δὲ τοῖς χοροῖς τοῦ καθολικοῦ κάτωθεν τῶν τάξεων γράψον τὸ σύμβολον τῆς πίστεως ἐν τῷ δεξιῷ· ἐν δὲ τῷ ἀριστερῷ τὴν κυριακὴν προσευχὴν* p. 254.

[2]) *Καὶ τὴν παράβασιν καὶ ἐξορίαν τοῦ Ἀδὰμ καὶ ἄλλα τινὰ ἐκ τοῦ Εὐαγγελίου.* Издатель комментируетъ это мѣсто ссылкою на притчи Іисуса Христа, имѣя въ виду, вѣроятно, переводъ Дидрона, гдѣ упомянуты „притчи“ (какія?); но по ходу рѣчи вѣрнѣе видѣть здѣсь ошибку и читать вмѣсто Евангелія „ветхій завѣтъ“.

часъ разсмотрѣннаго періода: видоизмѣняются и расширяются ея подробности введеніемъ новыхъ иконографическихъ сюжетовъ, измѣняется стиль и иконографія, но не исчезаетъ первоначальное зерно. Всѣ важнѣйшія особенности этой росписи, отличающія ее отъ древнѣйшей, нашли свое выраженіе и въ греческомъ подлинникѣ; даже особенности иконографическихъ композицій въ подлинникѣ тѣ же самыя, что и въ памятникахъ этого періода: укажемъ для примѣра на изображенія благовѣщенія съ двумя пророками, рождества Христова съ колѣнопреклоненными Богоматерью и Іосифомъ и съ ангелами, держащими свитокъ, распятія Іисуса Христа, гдѣ представляется крестъ съ латинскимъ титломъ и изнеможенная Богоматерь, воскресеніе Іисуса Христа въ видѣ вылета изъ гроба, изображеніе Петра Александрійскаго и Спасителя и проч. Признаки эти, встрѣчающіеся только на памятникахъ разсмотрѣннаго періода, не позволяютъ относить послѣднюю редакцію подлинника къ періоду древнѣйшему. И такъ какъ число этихъ особенностей въ памятникахъ растетъ постепенно и достигаетъ той полноты, въ какой передаетъ ихъ подлинникъ, не ранѣе XVII—XVIII в , то отсюда слѣдуетъ, что и подлинникъ, какъ отраженіе практики, не могъ явиться раньше того времени.

Глава VIII.

Стѣнописи русскія XVI—XVIII вв.

Оживленіе въ общемъ движеніи русскаго искусства въ XVI в. коснулось и русской иконографіи. Вызовъ въ Россію иностранныхъ художниковъ — грековъ и западноевропейцевъ, обмѣнъ мыслей и понятій перенесли въ Россію искру художественнаго движенія, охватившаго въ то время западъ. Нельзя говорить о русскомъ возрожденіи въ XVI в. въ обще-европейскомъ смыслѣ этого слова; но важно было уже и то, что въ это время явилась потребность разрушить узкія рамки, въ которыя заключена была художественная мысль подъ давленіемъ древнихъ традицій, унаслѣдованныхъ отъ Византіи, и проявить себя въ области свободнаго творчества. Это свободное отношеніе къ преданію, вначалѣ проявлявшееся довольно слабо, замѣтно крѣпнетъ въ XVII в. и переходитъ въ принципъ русской иконографіи къ концу XVIII вѣка. То же самое явленіе замѣчаемъ мы и въ движеніи церковнаго искусства въ Греціи въ соотвѣтствующій періодъ. Подъ какими вліяніями произошла эта перемѣна и въ какой степени и формѣ проявилась въ церковныхъ стѣнописяхъ?

Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что свободное отношеніе къ традиціоннымъ формамъ иконографіи павѣяно было извнѣ. Руководящая роль принадлежитъ въ этомъ случаѣ прежде всего западу. Нѣтъ нужды повторять общеизвѣстные факты вызова въ Россію западно-европейскихъ художниковъ; достаточно указать на тѣ, засвидѣтельствованные исторіею, факты, которые прямо обнаруживаютъ слѣды западныхъ вторженій въ русскую иконографію. Извѣстный дьякъ Висковатый, протестуя въ 1547 г. противъ новыхъ иконъ, написанныхъ, по приказанію государя, для московскаго Благовѣщенскаго

собора новгородскими и псковскими иконописцами[1]), говорилъ, что 1) многія изъ этихъ иконъ писаны не по старинѣ, 2) что нѣкоторыя изъ нихъ не имѣютъ подписей, составлявшихъ необходимую принадлежность древней иконы; 3) что одно и то же изображеніе писано различно на разныхъ иконахъ; 4) что въ палатахъ допущено изображеніе пляшущей женки. Откуда эти новшества? Заинтересованная въ дѣлѣ сторона въ лицѣ надзирателя живописи священника Сильвестра, отвѣчая на укоризны Висковатаго, говорила, что всѣ эти иконы писаны съ греческихъ переводовъ и старыхъ образцовъ и что здѣсь ни единой черты не приложено отъ своего разума, вопреки древнему преданію. То же подтвердили и прибывшіе въ то время въ Москву иноки аѳонопантелеймоновскаго монастыря, въ числѣ которыхъ былъ Евфимій иконникъ. Но это подтвержденіе было очень уклончиво: иноки сказали, что на Аѳонѣ пишутъ Господа Саваоѳа, Св. Троицу, ангеловъ, пророковъ, св. Софію, Еммануила, Богоматерь и великіе праздники, въ чемъ никто не сомнѣвался, но на вопросъ о новшествахъ ничего не отвѣтили. Между тѣмъ, если отмѣченныя Висковатымъ новшества и встрѣчались на Аѳонѣ, все же они по своему характеру ближе къ западу, чѣмъ къ Византіи: стремленіе къ разнообразію и отсутствіе подписей, какъ результатъ индивидуальности каждаго изображенія, суть основныя черты западной живописи. Затѣмъ Висковатый указывалъ на изображеніе распятаго Спасителя, покрытаго херувимскими крыльями, и, считая его западнымъ новшествомъ, объяснялъ суемудрымъ латинскимъ преданіемъ, будто тѣло Спасителя на крестѣ херувимы отъ срамоты покрывали. Объясненіе это не было опровергнуто даже и на соборѣ 1554 г., такъ какъ соборное замѣчаніе „два крила багряни по великому Діонисію описуются“ не можетъ быть признано удовлетворительнымъ и сколько-нибудь идущимъ къ дѣлу объясненіемъ. Тѣми же иконописцами написаны были иконы: „Единородный Сынъ Слово Божіе“ и „во гробѣ плотски“, скопированныя прямо съ западныхъ образцовъ[2]); изъ нихъ первая осуждена была впослѣдствіи большимъ московскимъ соборомъ. Явленіе это объяснить не трудно, если припомнить, что въ то время оживленныхъ сношеній съ западомъ появились уже въ Россіи западныя гравюры, равно какъ и нѣкоторые предметы церковной утвари, уцѣлѣвшіе по мѣстамъ (наприм., въ Новгородскихъ церквахъ) до сихъ поръ. — Дѣло Висковатаго служитъ единственнымъ памятникомъ письменности, изъ котораго мы узнаемъ о появленіи западныхъ новшествъ въ русской иконографіи XVI в. Конечно, не одинъ Висковатый недоволенъ былъ нововведеніями: у него были свои сторонники; недовольны были нововведеніями и нѣкоторые русскіе иноки[3]); наконецъ самое рѣшительное отрицаніе всякихъ нововведеній дано въ опредѣленіи Стоглава — писать иконы по древнимъ образцамъ[4]). Очевидно, что въ XVI столѣтіи, хотя въ принципѣ признавались безусловно истинными древнія иконографическія преданія, появлялись уже и западныя новшества. Впрочемъ свободное отношеніе къ преданію со стороны лишь

---

[1]) Текстъ розыска по дѣлу Висковатаго въ Чтен. Общ. Истор. и Древн. 1858, II. Ср. Ѳ. И. Буслаевъ, Истор. очерки, т. II, стр. 281.

[2]) Первое съ рисунка Чимабуэ, второе — Перуджино. Равинскій, Истор. Иконоп. Школъ стр. 15.

[3]) Филаретъ, Истор. русск. церкви, пер. 3-й стр. 200, примѣч. 252.

[4]) Объ этомъ подробно въ нашей ст. Хр. Чт. 1885 г. №№ 3—4.

нѣкоторыхъ лицъ было въ то время дѣломъ болѣе или менѣе случайнымъ. Въ XVII столѣтіи западное вліяніе на русскую иконографію значительно усилилось. Сознаніе важности художественнаго прогресса въ западной Европѣ не однократно уже и прежде заставило русскихъ обращаться къ ней за содѣйствіемъ; то же повторялось и въ царствованіе Алексѣя Михайловича, и на этотъ разъ западное вліяніе пустило у насъ особенно глубокіе корни. Самъ царь лично расположенъ былъ къ иконописанію. Заботясь о великолѣпіи храмовъ и ихъ украшеніи, онъ образовалъ царскую школу иконописцевъ и сталъ вмѣстѣ съ тѣмъ вызывать иностранныхъ художниковъ. Русскіе бояре нерѣдко также сочувственно относились къ западному искусству и иконографіи, позволяли иностранцамъ расписывать свои домовыя церкви и пріобрѣтали иконы западнаго стиля. О Хворостининѣ напр. извѣстно, что онъ принималъ латинскіе образа и держалъ ихъ у себя въ чести, упрекалъ москвичей въ томъ, что они придаютъ слишкомъ большую важность подписямъ на иконахъ и признаютъ икону истинною даже и въ томъ случаѣ, если надпись не соотвѣтствуетъ изображенію[1]). Увлеченіе проникало и въ другіе классы общества и вызвало извѣстное столкновеніе патріарха Никона съ народомъ. По словамъ діакона Павла, патріархъ хотѣлъ уничтожить распространившіяся въ народѣ школы, писанныя на манеръ франковъ и поляковъ, и принялъ къ тому репрессивныя мѣры; народъ возмутился[2])... Безъ сомнѣнія въ народныхъ протестахъ по этому поводу обнаружилась доля личнаго раздраженія противъ патріарха и его крутыхъ мѣръ. Въ дѣйствительности никто не оспаривалъ того, что отбираемыя и уничтожаемыя патріархомъ иконы написаны не по старинѣ, и слово патріарха объ ихъ западномъ характерѣ остается достовѣрнымъ. Можетъ быть поставленъ вопросъ о безошибочномъ различеніи иконы русской отъ западной, но только по отношенію къ отдѣльнымъ случаямъ. Въ цѣломъ и общемъ разграниченіе это не составляло труда для патріарха Никона. — Мѣры патріарха не привели къ желательнымъ послѣдствіямъ: западная живопись, особенно благодаря гравюрамъ, распространялась въ Россіи все болѣе и болѣе; на сторонѣ ея стояли многіе представители царской школы съ Симономъ Ушаковымъ во главѣ. Въ концѣ XVII в. патріархъ Іоакимъ горько жаловался на распространеніе въ Россіи нѣмецкихъ гравюръ, на которыхъ святые написаны въ нѣмецкомъ обликѣ и въ нѣмецкихъ костюмахъ, а не по древнимъ подлинникамъ, и наконецъ запретилъ ихъ распространеніе. Мѣра, какъ и слѣдовало ожидать, оказалась недѣйствительною. — О западныхъ новшествахъ въ нашей иконографіи говорится и въ нѣкоторыхъ другихъ памятникахъ русской письменности XVII в.[3]). Слѣды ихъ проходятъ и въ иконописныхъ подлинникахъ того времени[4]) и многократно и ясно обнаруживаются въ уцѣлѣвшихъ до насъ памятникахъ. Въ XVIII столѣтіи цѣлый рядъ распоряженій св. синода о недопущеніи въ Россію иностранныхъ дурныхъ изображеній, о рѣзныхъ и мѣдполитыхъ изображеніяхъ прямо или косвенно свидѣтельствуетъ о широкомъ рас-

---

[1]) Собр. госуд. грам. ч. III, стр. 331—332.

[2]) Подр. объ этомъ въ моногр. митр. Макарія о патр. Никонѣ.

[3]) Ср. моногр. Ю. Д. Филимонова „Симонъ Ушаковъ“ въ Сборн. Общ. Древне-Русск. Иск. 1873 г., см. Вѣстн. Общ. Др. Русск. Иск. 1874 г. № 1—3, отд. матеріаловъ, стр. 22 и др.

[4]) Рук. СПб. Публ. Библ. № 0. XIII, 4.

пространеніи западной иконографіи въ Россіи. И это происходило тѣмъ легче, что оффиціальные надзиратели за русскимъ иконописаніемъ, не зная древняго преданія, положительно разрушали его древнія основы и на мѣстѣ ихъ ставили личный произволъ и подражаніе западу. Таковъ былъ Алексѣй Антроповъ[1]).

Находясь въ общеніи съ западомъ, Россія не прерывала въ то же время и своихъ художественныхъ сношеній съ православнымъ востокомъ. Въ Москвѣ бывали греческіе художники, какъ Ѳеофанъ Гречинъ, работавшій при Іоаннѣ III; и другіе, прибывшіе въ Москву послѣ пріѣзда Софіи Палеологъ; въ XVII в. вызванъ былъ изъ Аѳонъ художникъ апостолъ Юрьевъ[2]). Иконы греческія, корсунскія пользовались глубокимъ уваженіемъ и считались художественными образцами для иконописцевъ. Аѳонъ и Іерусалимъ въ XVI и XVII вв. доставляли въ Россію, вмѣстѣ съ мощами, много рѣзныхъ и живописныхъ произведеній; Россія въ свою очередь также снабжала православный востокъ не только деньгами, соболями и драгоцѣнными подарками, но и иконами[3]). И если въ Россіи, даже въ настоящее время, нерѣдко можно встрѣтить и въ музеяхъ, и въ церквахъ и даже въ частныхъ рукахъ аѳонскіе рѣзные кресты XVI—XVIII вв., то и русскія иконы встрѣчаются часто и въ монастыряхъ Аѳона — какъ славянскихъ, такъ и греческихъ — и на Синаѣ, и въ Іерусалимѣ. Результатомъ этихъ живыхъ сношеній было то, что греческіе иконописцы познакомились съ нѣкоторыми подробностями техники московскихъ иконописцевъ и внесли ихъ въ греческій иконописный подлинникъ[4]), а русскіе иконописцы заимствовали не мало отъ грековъ. Эти два источника подвинули далеко впередъ русскую иконографію; они могли имѣть для Россіи значеніе продуктивное, пробуждать художественную мысль, которая, не оставляя вполнѣ древняго преданія, могла почерпать изъ этихъ источниковъ лишь то, что было нужно въ интересахъ художественной красоты; такое примиреніе этихъ вліяній съ преданіемъ находило себѣ мѣсто въ царской школѣ; но для массы русскихъ иконописцевъ, особенно въ XVIII в. источники эти стали лишь источниками механическаго заимствованія. Имѣя дѣло съ одними памятниками вещественными, не легко провести границу, между вліяніями западнымъ и греческимъ, тѣмъ болѣе, что и греческое искусство въ разсматриваемую эпоху носило на себѣ отпечатокъ западнаго вліянія; не легко также опредѣлить, гдѣ начинается самобытное русское творчество. Говоримъ это, имѣя въ виду лишь церковныя стѣнописи. Слѣды западнаго вліянія обнаруживаются здѣсь не только въ стремленіи къ красотѣ формъ, но и въ допущеніи обнаженныхъ тѣлъ (напр. въ изображеніи Сусанны), въ симметріи, замѣчаемой не только въ частныхъ композиціяхъ, но и въ цѣлой росписи, являющейся въ видѣ такъ называемаго столповаго письма, наконецъ прямо въ заимствованіи нѣкоторыхъ иконографическихъ сюжетовъ изъ западныхъ источниковъ, каковы многіе сюжеты ветхаго завѣта, особенно твореніе міра и пѣснь пѣсней, изображенія апокалипсическія, плоды страданій Христо-

---

[1]) О немъ см. нашу ст. въ Христ. Чт. 1887 г. № 1—2.

[2]) Ср. пам. моск. древн. Снегирева, стр. XVII, XXII, LXV; сн. истор. госуд. рос. Карамзина, 5-е изд. Эйнерлинга, т. V, стр. 138, 140 и примѣч. 254; также VI, 37 и др.

[3]) Сношенія Россіи съ востокомъ, passim.

[4]) *Πῶς νὰ δουλέυῃς Μοσχόβικα. Ἑρμηνεία τῶν ζωγράφων, σελ.* 39.

выхъ, коронованіе Богоматери и проч. и проч. Что касается цѣльной системы росписи, то она не могла зависѣть отъ западныхъ образцовъ по той простой причинѣ, что въ западныхъ храмахъ не было такихъ росписей, которыя могли бы быть пригодны для храмовъ русскихъ, отличающихся своеобразною архитектурою и таковымъ же внутреннимъ устройствомъ. Съ этой стороны ближайшимъ источникомъ могли служить для русскихъ греческія росписи, особенно храмовъ аѳонскихъ. И дѣйствительно, мы увидимъ ниже, что наши русскія росписи сходны съ аѳонскими именно въ тѣхъ частныхъ чертахъ, которыми отличаются аѳонскія стѣнописи отъ византійскихъ; напр. въ изображеніи великаго входа въ алтарѣ, Петра Александрійскаго, ветхаго завѣта и апокалипсиса въ притворахъ. Предположеніе о независимомъ происхожденіи ихъ въ храмахъ греческихъ и русскихъ представляется невѣроятнымъ. Находящійся въ нашемъ распоряженіи матеріалъ не позволяетъ также объяснить это сходство обратнымъ воздѣйствіемъ со стороны русскаго искусства на греческія стѣнописи, такъ какъ послѣднія предшествуютъ первымъ въ хронологическомъ порядкѣ. Но вотъ и конкретный фактъ, доказывающій съ очевидностію воздѣйствіе Аѳона. Въ Благовѣщенскомъ придѣлѣ ярославской Николонадѣинской церкви, на западной и сѣверной стѣнахъ представлено извѣстное аѳонское преданіе объ юношѣ, нашедшемъ кладъ: юноша объявляетъ о своемъ открытіи игумену; игуменъ посылаетъ вмѣстѣ съ юношею надежныхъ иноковъ въ лодкѣ за сокровищемъ; иноки возвращаются назадъ съ сокровищемъ и, желая присвоить его и избавиться отъ обличителя, бросаютъ юношу съ камнемъ въ море, объявляютъ игумену, что юноша обманулъ ихъ и скрылся; юноша, спасенный чудеснымъ образомъ, сообщаетъ игумену о зломъ умыслѣ иноковъ и изобличаетъ ихъ. Повѣсть эта связана съ исторіею аѳонскою дохіарскаго монастыря, гдѣ она изображена на стѣнахъ притвора, и ея появленіе въ росписяхъ ярославскихъ несомнѣнно указываетъ на вліяніе Аѳона. Къ сожалѣнію, мы лишены возможности въ настоящій разъ сравнить подробности изображеній этого событія въ храмахъ дохіарскомъ и Николо-надѣинскомъ. Указанными источниками исчерпывается большая часть иконографическаго и художественнаго содержанія нашихъ стѣнописей. Но русскіе художники не ограничивались лишь копированіемъ съ готовыхъ образцовъ, а вносили въ храмовыя росписи нѣчто оригинальное: пусть эти оригинальныя черты не многочисленны и касаются лишь подробностей храмовой символики, во всякомъ случаѣ онѣ рекомендуютъ съ хорошей стороны нѣкоторыхъ изъ нашихъ иконописцевъ, людей простыхъ, не получившихъ ни художественнаго, ни богословскаго, ни общаго образованія. Съ ними мы ознакомимся при разборѣ памятниковъ.

Памятники настѣннаго письма разсѣяны по всѣму лицу русской земли. Полагая, что цѣли научнаго обобщенія могутъ быть достигнуты посредствомъ распредѣленія ихъ по мѣстностямъ и группамъ и что даже и одна изъ такихъ группъ можетъ имѣть немаловажный интересъ, мы останавливаемся на группѣ памятниковъ московскаго района: московскихъ, ярославскихъ, вологодскихъ и проч., предполагая возвратиться къ другимъ группамъ, по мѣрѣ возможности, впослѣдствіи. Намѣченная нами группа — наиболѣе характерная: центръ ея въ Москвѣ, мастера — воспитанники московской школы. Памятники письменности удостовѣряютъ, что Москва въ XVII вѣкѣ собирала къ себѣ иконописцевъ преимущественно изъ этого района. Лишь только открывалась

какая-либо крупная работа, для которой единоличныя силы московскихъ мастеровъ были недостаточны, сейчасъ же вызывались въ Москву городовые иконописцы изъ Ярославля, Костромы, Вологды, Устюга, Романова, Кинешмы, Вязьмы, Переяславля, Новгорода, Пскова. Явленіе не случайное: оно показываетъ, что иконописное ремесло въ то время распространено было именно въ этихъ мѣстностяхъ, что̀ замѣчается даже и до настоящаго времени. Эти провинціальные иконописцы работали какъ въ Москвѣ, такъ и въ другихъ мѣстностяхъ средней и сѣверо-восточной Россіи, разнося, такимъ образомъ, московскіе иконописные пріемы по провинціямъ. Съ другой стороны и столичные московскіе иконописцы иногда выѣзжали въ провинціи для иконописныхъ работъ. Установившееся такимъ образомъ взаимообщеніе между Москвою и городами вело къ поднятію уровня художественныхъ знаній, усовершенствованію пріемовъ иконописанія, а главное къ объединенію этихъ пріемовъ, простирающемуся на технику и иконографію. Вотъ почему стѣнописи ярославскія сходны съ костромскими, романовскими, вологодскими и т. д. Стѣнописей XVI, особенно же XVII и XVIII вв. въ московскомъ районѣ довольно много; но въ то время, какъ въ самомъ центрѣ — Москвѣ онѣ подверглись по большей части передѣлкамъ, измѣнившихъ первоначальный видъ ихъ, въ другихъ городахъ сохранились лучше; наибольшее число ихъ находится въ Ярославлѣ.

Стѣнописи московскаго Успенскаго собора, исполненныя первоначально, вѣроятно, въ XV вѣкѣ[1]), были исправляемы нѣсколько разъ; послѣднее исправленіе относится къ 1875 году (запись). Тѣмъ не менѣе въ общемъ размѣщеніи изображеній проходитъ здѣсь тотъ же пріемъ, какой встрѣчаемъ въ русскихъ памятникахъ XVI в. Въ алтарѣ въ верхнемъ ряду литургія въ формахъ простыхъ, напоминающихъ литургію въ волотовскомъ храмѣ, — чуждыхъ той сложной и изысканной символики, какою отличается этотъ сюжетъ въ памятникахъ конца XVII и XVIII в.: представленъ, престолъ съ стоящимъ на немъ дискосомъ, на которомъ изображенъ Іисусъ Христосъ; три святителя — Василій Великій, Григорій Богословъ и Іоаннъ Златоустъ стоятъ возлѣ престола. Ниже — евхаристія, въ тѣхъ же формахъ, въ какихъ является она въ памятникахъ византійскихъ и древне-русскихъ; еще ниже — святители, діаконы и преподобные: изъ нихъ — діаконы явились здѣсь вопреки древнѣйшему пріему расписыванія храмовъ; мѣсто ихъ въ жертвенникѣ и діаконникѣ; мѣсто преподобныхъ въ средней части храма, какъ это и было въ первоначальной росписи Успенскаго собора: они помѣщены были здѣсь на алтарной стѣнѣ и сохранились доселѣ за деревяннымъ иконостасомъ. На западной сторонѣ алтаря ветхозавѣтная Троица и Троица новозавѣтная или Отечества. Въ сводѣ алтаря Введеніе во храмъ Пресв. Богородицы, какъ въ нѣкоторыхъ храмахъ аѳонскихъ. На сѣверной стѣнѣ алтаря дѣянія апостоловъ и возвѣщеніе ангела Богоматери объ успеніи: эти изображенія, не встрѣчающіяся въ алтарныхъ росписяхъ другихъ храмовъ, явились подъ вліяніемъ идеи посвященія храма[2]). Въ жертвенникѣ Іоаннъ Предтеча и агнецъ Божій — Іисусъ Христосъ на дискосѣ. Въ куполахъ: въ центральномъ Господь Вседержитель; въ св. Еммануилъ, въ сз. нерукотворенный образъ, въ юз. Іоаннъ

[1]) См. соображенія А. С. Павлова, И. Д. Мансветова и С. А. Усова по поводу вновь открытыхъ стѣнописей на предалтарной стѣнѣ въ трудахъ моск. археол. общ. т. IX и X.

[2]) Ср. роспись Усп. соб. въ Троице-Сергіевой лаврѣ.

Предтеча. На стѣнахъ храма Евангеліе, событія изъ жизни Богоматери и вселенскіе соборы; на западной стѣнѣ страшный судъ; въ сводахъ — важнѣйшіе праздники церкви; въ аркахъ — апостолы изъ числа 70-ти, на столпахъ — мученики разнаго званія.

Росписи другихъ московскихъ *соборовъ — Благовѣщенскаго и Архангельскаго* уклоняются отъ росписи Успенскаго собора. Въ Благовѣщенскомъ соборѣ: въ алтарной апсидѣ Богоматерь съ Младенцемъ и возлѣ нея два колѣнопреклонные ангела, ниже евхаристія и святители, на сѣверной стѣнѣ Евангеліе, на южной событія изъ жизни св. Василія, не встрѣчающіяся въ нормальной росписи: не объясняется ли появленіе ихъ здѣсь, особеннымъ уваженіемъ къ великому святителю, имя котораго носилъ самъ великій князь Василій Дмитріевичъ, украсившій соборъ (1405 г.)? Въ куполѣ храма Господь Вседержитель; на стѣнахъ событія евангелія, Успеніе Богоматери, чудеса архангела Михаила, мученики, части картины страшнаго суда, три отрока въ пещи, семь отроковъ ефесскихъ, апостолы... вообще какъ здѣсь, такъ и въ притворахъ храма роспись имѣетъ смѣшанный характеръ и не подчинена опредѣленному плану. Зависитъ это, быть можетъ, отъ разновременныхъ исправленій ея, при чемъ опускалось изъ виду цѣлое. О росписи древней можно будетъ судить лишь послѣ того, какъ будетъ окончено вскрытіе ея изъ-подъ штукатурки. — Въ росписи собора Архангельскаго отведено очень видное мѣсто символу вѣры и чудесамъ архангела Михаила; планъ не выдержанъ строго; допущены значительныя уклоненія даже въ росписи алтаря[1]). Полагаемъ, что въ первоначальной росписи (1509 г.) собора уклоненія эти не могли быть столь многочисленны и явились при позднѣйшихъ многочисленныхъ реставраціяхъ[2]), которыя, при всемъ желаніи реставраторовъ удержать старину, не могли быть точнымъ воспроизведеніемъ первоначальной росписи.

Памятники Ярославля доставляютъ матеріалъ для характеристики стѣнописей XVI в.; особенно же XVII и XVIII в. Первое по древности мѣсто среди нихъ принадлежитъ *стѣнописямъ собора Спасопреображенскаго монастыря*. Они исполнены, какъ видно изъ записи[3]). на столпахъ храма и западной стѣнѣ, московскими и ярославскими мастерами при Іоаннѣ Грозномъ и митрополитѣ Макаріи въ 1563 году. Возобновлены въ 1781 году; но это возобновленіе не стерло въ нихъ слѣдовъ древности. Цѣлость ихъ подтверждается тѣмъ, что, во 1-хъ, здѣсь послѣ реставраціи сохранились и сохраняются доселѣ на первоначальныхъ мѣстахъ тѣ же самые сюжеты, какіе указаны въ монастырскихъ описяхъ храма, составленныхъ до его реставраціи[4]); во 2-хъ, характеръ реставрированной живописи чуждъ того увлеченія западными пріемами, которое проявляется неизбѣжно во всѣхъ стѣнописяхъ XVIII вѣка. Если оставить въ сторонѣ алтарь, составляющій позднюю пристройку, то расположеніе изображеній въ этомъ храмѣ и иконографическія композиціи въ главномъ нельзя не признать сходными съ древнѣйшими стѣнописями Аѳона. Нѣтъ здѣсь ни тѣхъ признаковъ слишкомъ свободнаго обращенія съ древнимъ преданіемъ, ни того увлеченія пластическими и несвойственными

---

[1]) Подробное опис. прот. А. Лебедева: Арх. соборъ, стр. 193—230.

[2]) О нихъ въ ц. с. прот. Лебедева, стр. 38—58.

[3]) Запись приведена сполна въ опис. Спасопреобр. мон. архим. Владиміра, стр. 68—69.

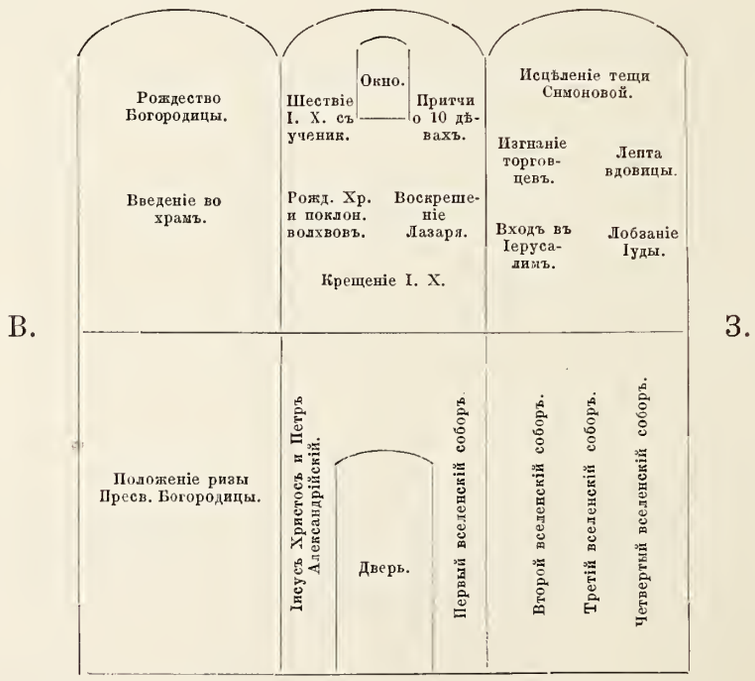
[4]) Ср. описи 1691 г. и 1727 г. тамъ же, стр. 24—26.

православному храму формами западной иконографіи, ни той сильной тенденціи къ сложнымъ дидактико-символическимъ темамъ, какими отличаются позднѣйшія ярославскія стѣнописи. Все здѣсь просто, величественно, согласно съ тѣми основными задачами, къ разрѣшенію которыхъ въ искусствѣ стремилась древняя церковь. Въ первопачальной алтарной апсидѣ, отъ которой уцѣлѣла верхняя часть въ видѣ полусвода надъ царскими вратами, представлена Богоматерь на византійскомъ тронѣ съ Младенцемъ Іисусомъ среди двухъ архангеловъ; возлѣ нея пророки со свитками пророчествъ, относящихся къ рожденію Мессіи. Въ лѣвой алтарной апсидѣ (первоначальной) — Іоаннъ Предтеча — аскетъ, съ суровымъ выраженіемъ въ лицѣ, съ изможденнымъ типомъ, съ выдавшимися ребрами. Въ правой апсидѣ Богъ Отецъ въ образѣ старца. Въ куполѣ Господь Вседержитель въ византійскомъ типѣ, ниже праотцы съ Богоматерью и отцы ветхозавѣтные (Рувимъ, Симеонъ, Левій, Іуда, Іосифъ, Веніаминъ...). Вокругъ Господа Вседержителя надпись:

„Боже святый, на высокихъ живый и на смиренныя призираяй (призри) на рабы твоя и благослови достояніе твое и освяти любящія благолѣпіе дому твоего“. Въ средней части храма главныя мѣста принадлежатъ изображеніямъ Евангелія, событій изъ жизни Богоматери, вселенскихъ соборовъ и сценъ эсхатологическаго характера, а именно: Въ сводѣ, какъ видно изъ нижеслѣдующей таблицы, помѣщены: Знаменіе Пресвятой Богородицы, Св. Троица (Отечество), Срѣтеніе Господне, Преображеніе, притча о мытарѣ и фарисеѣ, бесѣда съ самарянкою, исцѣленіе слѣпыхъ и разслабленнаго. Достойно замѣчанія то, что художникъ представляетъ здѣсь нѣкоторыя сцены Евангелія въ русской обстановкѣ: мытарь и фарисей молятся предъ иконою Спасителя въ русской церкви, съ русскими маковицами, исцѣленіе слѣпыхъ происходитъ также въ русской одноглавой церкви, — явленіе довольно обычное въ русской иконографіи XVI — XVIII вв.

Рядъ изображеній на южной стѣнѣ начинается съ рождества Пресв. Богородицы, находящагося въ сѣверо-восточной части храма, вверху подъ сводами; возлѣ него введеніе Богоматери въ храмъ; далѣе рождество Христово, поклоненіе волхвовъ, шествіе Іисуса Христа съ учениками, крещеніе Іисуса Христа, притча о десяти дѣвахъ, въ которой Спаситель представленъ сидящимъ на тронѣ, исцѣленіе тещи Симоновой, изгнаніе торговцевъ изъ іерусалимскаго храма, лепта вдовицы, воскрешеніе Лазаря, входъ Іисуса Христа въ Іерусалимъ, взятіе Іисуса Христа въ саду геѳсиманскомъ (Іуда лобызаетъ Іисуса Христа); въ нижнемъ ряду Спаситель — отрокъ на престолѣ и предъ Нимъ Петръ Александрійскій въ молитвенномъ положеніи[1]), положеніе ризы Пресв. Богородицы и первые четыре вселенскихъ собора.

Планъ росписи южной стѣны.



[1]) Въ храмахъ греческихъ изображеніе это пишется въ жертвенникѣ; здѣсь оно по сосѣдству съ алтаремъ. Дѣйствіе происходитъ въ храмѣ русской архитектуры.

На сѣверной стѣнѣ продолженіе Евангелія: исцѣленіе бѣсноватаго въ странѣ Гадаринской (въ сторонѣ стадо свиней, устремляющихся къ озеру), благословеніе дѣтей, прощеніе блудницы, исцѣленіе бѣсноватаго, бракъ въ Канѣ галилейской, воскресеніе Іисуса Христа въ видѣ сошествія во адъ, вознесеніе Господне и сошествіе Св. Духа на апостоловъ[1]), распятіе Іисуса Христа, снятіе Его съ креста и положеніе во гробъ; вселенскіе соборы (послѣдніе три); въ русскихъ храмахъ съ маковицами и даже съ колокольнею, на которой повѣшены колокола; здѣсь же одно изображеніе изъ ветхаго завѣта — Іовъ на гноищѣ (жена Іова подаетъ ему хлѣбъ на палкѣ), изображеніе сорока мучениковъ и трехъ святыхъ: Іоанна Дамаскина, св. Пафнутія и Александра Свирскаго: послѣдній написанъ при реставраціи собора; въ первоначальной живописи онъ не могъ быть, такъ какъ мощи его обрѣтены были въ 1641 году; вмѣстѣ съ нимъ написаны вѣроятно и Іоаннъ Дамаскинъ и Пафнутій (Боровскій?)

Планъ росписи сѣверной стѣны.

На западной стѣнѣ — страшный судъ. Таковъ единственный памятникъ настѣннаго письма XVI в. въ Ярославлѣ. Большая часть сохранившихся въ Ярославлѣ стѣнописей относится ко второй половинѣ XVII в. и къ первой половинѣ XVIII в. Едва ли найдется въ Россіи другой такой археологическій пунктъ, въ которомъ было бы сосредоточено столько матеріала для характеристики росписей церковныхъ XVII и XVIII вв. Обозрѣвая ярославскіе храмы, удивляешься обилію этого матеріала, замѣчаешь съ пер-

[1]) Перечисляетъ изображенія по горизонтальному направленію стѣны; хронологическій порядокъ событій здѣсь нарушенъ; рекомендуемые греческимъ подлинникомъ *ряды* изображеній также нарушены.

ваго раза, что весь онъ относится къ одной и той же эпохѣ и что эта эпоха была для Ярославля эпохою оживленной художественной дѣятельности. Причины, заключающіяся въ общемъ оживленіи нашего искусства въ XVII в., объясняютъ это явленіе лишь отчасти. Причина ближайшая заключается въ несчастномъ событіи, имѣвшемъ и свои благотворныя послѣдствія. 11 іюня 1658 года вспыхнулъ въ Ярославлѣ сильный пожаръ, истребившій почти весь городъ и 29 церквей. Памятники отдаленной старины погибли, но на смѣну ихъ явились новые: городъ возродился и, благодаря хорошимъ, бывшимъ подъ рукою, средствамъ — матеріальнымъ и художественнымъ, украсился великолѣпными храмами. Эти-то храмы, хорошо устроенные, и сохранились до сихъ поръ,— даже съ своими стѣнописями. Среди нихъ находятся такіе важные со стороны архитектуры и стѣннаго письма памятники, какихъ нѣтъ въ цѣлой Россіи; напр. церковь Іоанна Предтечи въ Толчковѣ.

Стѣнописи ярославскаго Успенскаго собора исполнены въ 1674 году стараніемъ ростовскаго и ярославскаго митрополита Іоны, какъ видно это изъ записи на внутреннихъ стѣнахъ храма; возобновлены въ 1852 году: объ этомъ свидѣтельствуетъ другая запись на откосахъ главнаго западнаго входа[1]). Въ росписи алтаря главное мѣсто принадлежитъ изображенію различныхъ моментовъ литургіи; въ алтарныхъ сводахъ херувимская пѣснь, именно: престолъ, возлѣ котораго стоятъ два ангела съ рипидами; великій входъ, въ которомъ участвуютъ — священникъ съ потиромъ, въ сопровожденіи двухъ ангеловъ, впереди діаконъ съ дискосомъ на головѣ и мальчикъ свѣщеносецъ; слова херувимской пѣсни: „яко до Царя всѣхъ подымемъ“ выражены въ образѣ Великаго Архіерея Іисуса Христа, представленнаго въ церкви среди ангеловъ и епископовъ. Пѣснь „достойно и праведно есть поклонятися Отцу и Сыну и Св. Духу, Троицѣ единосущной и нераздѣльнѣй“ представлена въ видѣ Св. Троицы, предъ которою внизу колѣнопреклоненный молящійся народъ. „Побѣдную пѣснь поюще, вопіюще, взывающе и глаголюще“: престолъ, на которомъ стоитъ Іисусъ Христосъ; вокругъ Него херувимы, серафимы, ангелы и народъ, — торжественный моментъ славословія Господа! „Святая святымъ“: священникъ и діаконъ стоятъ у престола, вокругъ котораго — ангелы, херувимы и народъ. „Со страхомъ Божіимъ и вѣрою приступите“: священникъ причащаетъ народъ. „Съ миромъ изыдемъ“: священникъ читаетъ заамвонную молитву, въ сторонѣ ангелъ и діаконъ — оба съ діаконскими орарями, а вверху изображеніе Св. Троицы. Всѣ эти моменты литургіи, какъ видно, выражены въ формахъ, заимствованныхъ изъ литургической практики, и сверхъ того истолкованы въ смыслѣ таинственномъ. Уже одно то, что группы изображеній представлены въ облакахъ, показываетъ, что это не есть лишь копія съ обыкновенной литургіи. Самъ Іисусъ Христосъ — Архіерей Великій и ангелы представляются служащими: это мы видѣли и въ храмахъ греческихъ; но тамъ мы еще не встрѣчали ни столь подробнаго развитія темы въ нѣсколькихъ моментахъ литургіи, ни обыкновенныхъ священниковъ и діаконовъ, участвующихъ въ литургіи вмѣстѣ съ Спасителемъ и ангелами: въ этихъ подробностяхъ мы видимъ слѣды вліянія одного доселѣ почти неизвѣстнаго литературнаго источника, о которомъ скажемъ

[1]) Въ этой надписи старая живопись названа греческою.

ниже. Обычное въ памятникахъ греческихъ и русскихъ изображеніе евхаристіи перенесено здѣсь на западную сторону алтаря и помѣщено рядомъ съ похвалою Богородицы. Святители размѣщены на стѣнахъ алтаря внизу подъ ангелами. Изображеніе Богоматери въ алтарной апсидѣ находится на лицо, но его подробности уже не тѣ, какія мы видѣли въ памятникахъ древнѣйшихъ: Богоматерь представлена въ русскомъ храмѣ, среди ангеловъ, пѣснопѣвцевъ, молящихся людей и райскихъ деревьевъ. Основная мысль этого изображенія и его подробности навѣяны церковною пѣснію: „о Тебѣ радуется, Благодатная, всякая тварь“. Если сравнить эту роспись алтаря съ древнѣйшими, напр., аѳонскими, то нельзя не видѣть, что хотя она не утратила своей основной мысли, но сдѣлала довольно рѣшительный шагъ въ сторону символико-дидактическаго истолкованія литургіи; направленіе это проходитъ и въ другихъ ярославскихъ стѣнописяхъ. Въ жертвенникѣ Успенскаго собора — агнецъ Божій — Іисусъ Христосъ на блюдѣ, которое держитъ Іоаннъ Предтеча; затѣмъ — малый входъ съ Евангеліемъ, при чемъ священнику, входящему въ церковь, сопутствуетъ ангелъ, замѣняющій служащаго діакона. Средняя часть храма: въ центральномъ куполѣ Господь Вседержитель, пророки, отцы и праотцы; въ ю-з. куполѣ Богоматерь, въ с-з. Еммануилъ; остальные два купола закрыты. Въ сводахъ храма праздники; на сѣверной стѣнѣ срѣтеніе, успеніе Пресв. Богородицы и акаѳистъ въ честь Богоматери, на южной — также часть акаѳиста, на западной страшный судъ съ ясными признаками повшествъ въ драматизмѣ сценъ и западно-европейскихъ костюмахъ грѣшниковъ, идущихъ въ муку вѣчную.

Стѣнописи Ильинской церкви въ Ярославѣ — рѣдкій памятникъ настѣнной росписи, сохранившейся доселѣ почти безъ исправленій. Время сооруженія храма и стѣнописей точно обозначено въ записи, сдѣланной вязью на западной внутренней стѣнѣ храма: „Благоволеніемъ Бога Отца Вседержителя и споспѣшествомъ Единороднаго Сына, Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, и содѣйствіемъ святаго и животворящаго Духа начата созидатися церковь во имя пресв. Богородицы честнаго Ея Покрова и св. пророка Иліи въ лѣто 7155 (1647 г.) мая въ 9 день; совершена же и освящена въ 158 году іюня въ 16 день, при державѣ государя, царя и великаго князя Алексѣя Михаиловича всея Россіи; зачата сія св. церковь стѣннымъ писаніемъ въ лѣто 7188 (1680) іюня въ 17 день, при державѣ благоч. госуд. царя и велик. князя Ѳеодора Алексѣевича... и при его благовѣрной царицѣ и вел. кн. Агаѳіи Симеоновнѣ, при свят. Іоакимѣ патріархѣ московскомъ и всея Россіи, и при митр. ростовскомъ и ярославскомъ создана сія св. церковь каменнымъ зданіемъ по обѣщанію ярославцевъ Вонифатія да брата его гостя Іоанникія Ивановыхъ дѣтей Скрипиныхъ, а подписана стѣннымъ письмомъ по обѣщанію Вонифатіевой жены Скрипина вдовы Улиты Макаровой дочери на поминовеніе своей души и прочихъ своихъ родителей, а совершися сія св. церковь во 189 году, сентября въ 8 день“[1]). Въ другой записи на южной стѣнѣ перечислены имена иконописцевъ, расписывавшихъ храмъ: „189 года сентября въ 8 день трудившіеся о Бозѣ изографы города Костромы Гурій Никитинъ,

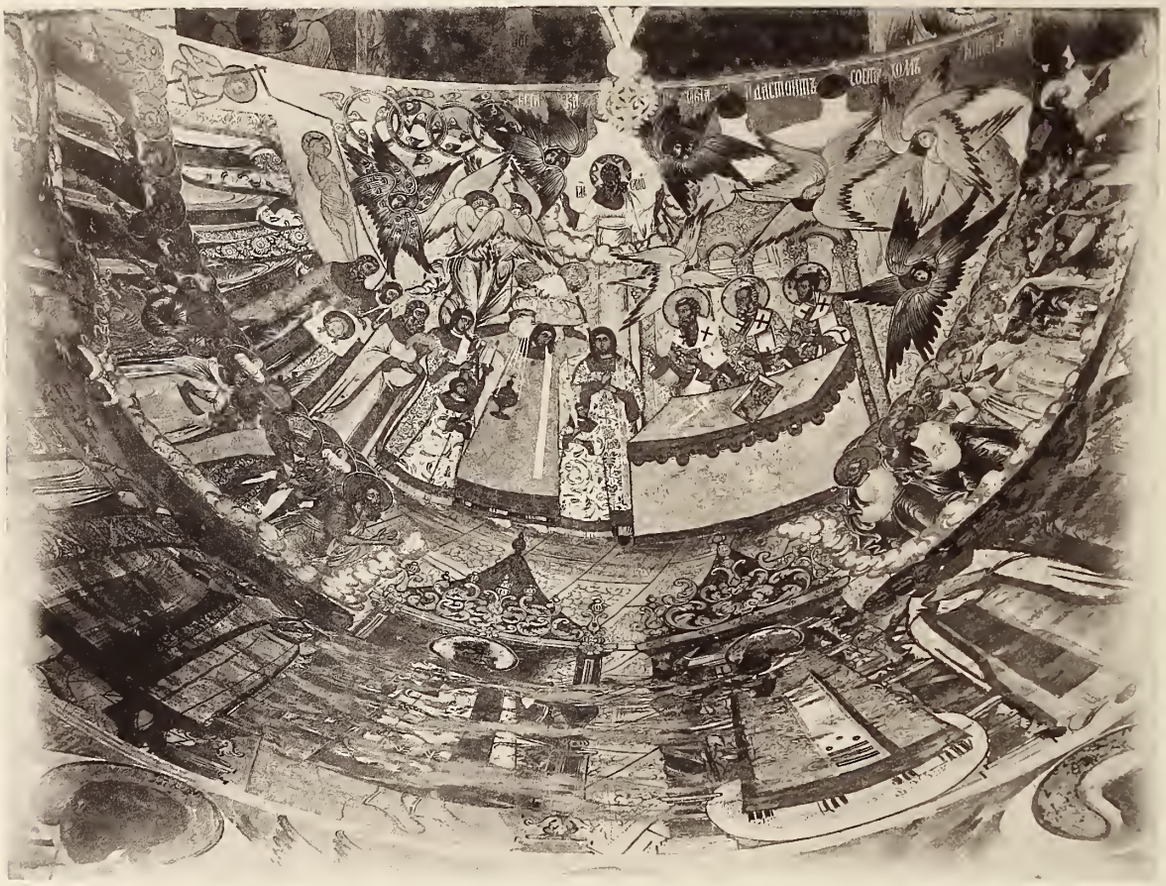
[1]) Въ указателѣ русскихъ иконописцевъ Ровинскаго ошибочно отнесена роспись къ 1651 году. Зап. импер. археол общ т. VIII, стр. 195. Въ путеводителѣ по г. Ярославлю (стр. 31) А. А. Титова также невѣрно замѣчено, что живопись сдѣлана до пожара 1658 г.

Сила Савинъ, да ярославецъ Дмитрій Семеновъ, Василій Кузминъ, Артемій Тимоѳеевъ, Петръ Аверкіевъ, Маркъ Назаровъ, Василій Мироновъ, Ѳома Ермиловъ, Тимоѳей Ѳедотовъ, Иванъ Петровъ, Иванъ Андреяновъ, Иванъ Ивановъ, Филиппъ Андреяновъ, Степанъ Павловъ". Лица эти, хотя не получившія художественнаго образованія, принадлежали къ числу хорошихъ иконописцевъ того времени. Изъ нихъ: Никитинъ, Савинъ, Козминъ, Тимоѳеевъ, Аверкіевъ, Назаровъ, Мироновъ, Ермиловъ и Филиппъ Андреяновъ съ товарищами росписали также Троицкій соборъ костромскаго Ипатьевскаго монастыря, какъ это означено въ надписи на сѣверной стѣнѣ этого послѣдняго храма. Никитинъ и Савинъ въ 1659 году, вмѣстѣ съ другими, дали поручную запись „быть у государевыхъ иконописныхъ дѣлъ съ московскими иконописцами"[1]); они же упомянуты въ росписи иконописцевъ, посланныхъ къ великому Государю въ Москву 12 мая 1650 года[2]); они же и М. Назарьевъ и В. Осиповъ снова вызваны были въ Москву къ великому государю въ 1666 году[3]). Никитинъ и М. Назарьевъ въ 1666 году работали въ московскомъ Архангельскомъ соборѣ и приписаны были къ первой статьѣ[4]); въ другой росписи того же года къ первой статьѣ отнесены Г. Никитинъ и П. Аверкіевъ, а М. Назарьевъ къ меньшей статьѣ[5]); всѣ они 21 іюля того же года отъ архангельскаго стѣнного письма посланы были въ Оружейную палату[6]); 2 августа М. Назарьевъ отправленъ былъ для работъ въ Успенскій соборъ[7]), а потомъ въ церковь Нерукотвореннаго Спасова Образа, что у Великаго Государя вверху[8]). Въ 1668 году Никитинъ, Аверкіевъ, Назарьевъ и Осиповъ получили жалованье за архангельское письмо, при чемъ Никитинъ отнесенъ къ первой статьѣ, Аверкіевъ ко второй, остальные къ третьей[9]). Въ томъ же 1668 году Никитину съ товарищами велѣно писать „образъ Пречистыя Богородицы Одигитріи съ акаѳистомъ самымъ добрымъ письмомъ" для антіохійскаго патріарха[10]), что и было исполнено[11]).

Никитинъ и Савинъ въ маѣ того же года высланы были для работъ въ переяславскій Даниловскій монастырь[12]). Въ 1670 г. Никитинъ и Савинъ снова вызваны были въ Москву[13]). Ярославецъ Тимоѳей Ѳедотовъ въ томъ же году отправленъ былъ для работъ въ Ростовъ къ митрополиту Іонѣ[14]). Стѣнное письмо и иконы въ ростовскомъ соборѣ при митр. Іонѣ писаны ярославскими и костромскими иконописцами[15]),

---

[1]) И. Е. Забѣлинъ, Матеріалы для истор. русск. иконопис. Временн. моск. общ. ист. и древн. кн. 7, стр. 23.
[2]) Тамъ же, стр. 33.
[3]) Тамъ же, стр. 63—64.
[4]) Тамъ же, стр. 66.
[5]) Тамъ же, стр. 67.
[6]) Тамъ же, стр. 70.
[7]) Тамъ же, стр. 71.
[8]) Тамъ же, стр. 74.
[9]) Тамъ же, стр. 88.
[10]) Тамъ же, стр. 92—93.
[11]) Тамъ же, стр. 94—95.
[12]) Тамъ же, стр. 96.
[13]) Тамъ же, стр. 116.
[14]) Тамъ же, стр. 118.
[15]) Тамъ же, стр. 122 и слѣд.



Фототипія Шереръ, Набгольцъ и К° въ Москвѣ.

въ числѣ которыхъ были Сила (Савинъ) да Гурій (Никитинъ)[1]). В. Осиновъ работалъ въ селѣ Коломенскомъ[2]). Эти немногія свѣдѣнія заставляютъ признать, что иконописцы, расписывавшіе Ильинскую церковь, принадлежали къ числу лучшихъ, отчасти первостатейныхъ, городовыхъ иконописцевъ XVII вѣка. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ этихъ данныхъ мы имѣемъ фактическое подтвержденіе того, что въ XVII в. Москва, представляя собою русскій художественный центръ, привлекала къ себѣ мѣстныя художественныя силы, растворяя ихъ въ общемъ горнилѣ и снова направляя въ провинціи. Однообразіе въ стилѣ и пріемахъ — естественный результатъ такого общенія; тѣмъ не менѣе сходство росписей въ различныхъ храмахъ далеко не доходитъ до полнаго тождества.

Роспись Ильинской церкви отличается сложностію и разнообразіемъ сюжетовъ, покрывающихъ, какъ бы колоссальною узорчатою пеленою, всѣ внутреннія поверхности храма. Нѣтъ здѣсь ни одного пустаго мѣста, не занятаго живописью: куполы и своды, стѣны, стопны, апсиды, откосы оконъ, входы носятъ на себѣ печать живописнаго искусства. Мертвыя массы зданія оживлены и языкомъ наглядныхъ образовъ вѣщаютъ о домостроительствѣ человѣческаго спасенія. Въ алтарной апсидѣ развернута превосходная картина совершенія безкровной жертвы, въ формахъ, навѣянныхъ отчасти церковною пѣснію „да молчитъ всякая плоть человѣча и да стоитъ со страхомъ и трепетомъ“[3]). Три святителя Василій Великій, Григорій Богословъ и Іоаннъ Златоустъ, литургисты православной церкви[4]), въ саккосахъ и омофорахъ, стоятъ за престоломъ, на которомъ видны крестъ и Евангеліе; надъ престоломъ киворій. Священники и діаконы совершаютъ великій входъ: впереди идутъ: діаконъ съ рипидою и мальчикъ со свѣщею, другой діаконъ съ дискосомъ на головѣ и кадиломъ въ рукѣ; еще діаконъ съ рипидою и мальчикъ со свѣщею, священникъ въ фелони съ потиромъ въ рукахъ, другой священникъ съ копіемъ и лжицею, третій съ Нерукотворенпымъ образомъ; три іерея несутъ плащаницу съ изображеніемъ лежащаго Спасителя[5]). Это одна сторона великаго входа — видимая; къ ней же относится и представленный назади храмъ съ московскими маковицами и внизу молящійся народъ, разнаго званія. Наряду съ этимъ здѣсь выражена и таинственная сторона: Богъ Отецъ[6]) въ облакахъ, соизволившій послать Сына Своего, по словамъ церковной пѣсни: „заклатися и датися въ снѣдь вѣрнымъ“. Его окружаютъ ангельскіе чины — начала и власти, многоочитые херувимы и шестокрылатые серафимы, закрывающіе лица и воспѣвающіе побѣдную пѣснь „аллилуія“. Внизу рядъ святыхъ, которымъ открыты двери рая голгоѳ-

---

[1]) Тамъ же, стр. 128. Не объ этомъ ли Гуріи костромитинѣ, искусномъ иконописцѣ, идетъ рѣчь въ сказаніи о сооруженіи Ѳеодоровской церкви въ Ярославлѣ (стр. 9, сн. стр. 15); дѣло происходило въ 1669 г., когда Гурій Никитинъ былъ дѣйствительно первымъ иконописцемъ въ Костромѣ. Не ошибочно ли названъ онъ въ этомъ сказаніи Гуріемъ Никифоровымъ (вм. Никитинъ)?

[2]) Тамъ же 119—120.

[3]) Табл. VIII.

[4]) Григорію Богослову приписывалось изъясненіе литургіи.

[5]) Въ изъясненіи литургіи, приписываемомъ св. Григорію (см. ниже), сказано, что діаконъ во время великаго входа означаетъ Іосифа, сопровождающаго тѣло Іисуса Христа ко гробу.

[6]) Изображеніе Бога Отца въ видѣ старца запрещено было большимъ моск. соборомъ 1667 г., но это запрещеніе, какъ не вполнѣ согласованное съ иконописнымъ преданіемъ, не имѣло должной силы: и прежде него, и послѣ изображеніе это допускалось въ иконописной практикѣ.

скою жертвою: среди нихъ Іоаннъ Предтеча, ветхозавѣтные цари въ коропахъ, волхвы въ восточныхъ шапкахъ, апостолы и преподобные; въ сторонѣ благоразумный разбойникъ съ крестомъ, вступившій въ рай прежде другихъ. Въ нижнемъ ряду съ одной стороны святители вселенской церкви: Сильвестръ, Леонтій, Василій Вел., Григорій Бог., Іоаннъ Злат., — съ другой святители церкви русской: Петръ, Алексѣй, Іона и Филиппъ — московскіе, Леонтій, Исаія, Игнатій и Іаковъ — ростовскіе; въ срединѣ между ними Самъ Спаситель въ коронѣ. По общей мысли, относящейся къ евхаристіи, какъ воспоминанію голгоѳской жертвы, роспись эта согласна съ древними росписями, но формы ея уже измѣнены. Въ алтарную апсиду введены изображенія молящихся людей, опущены — Богоматерь и раздаяніе апостоламъ св. хлѣба и чаши[1]) и проч. Особенно любопытны изображенія русскаго храма и русскихъ святителей. На западной сторонѣ алтаря представлены: купина Моисея[2]), въ которой виденъ образъ Богоматери (символическая форма, явившаяся въ Византіи), Нерукотворенный образъ, ангелъ подаетъ горящій уголь Исаіи.

Въ малой апсидѣ съ лѣвой стороны или жертвенникѣ: Богъ Отецъ, сидящій на херувимахъ, въ облакахъ, съ державою и благословляющею десницею; возлѣ Него четыре символа евангелистовъ, или колесница Езекіиля, ниже Духъ Св. въ видѣ голубя въ двухъ ореолахъ опускается на дискосъ, въ которомъ лежитъ агнецъ Божій — Іисусъ Христосъ. Надъ дискосомъ два ангела съ орудіями страданій: одинъ съ крестомъ, другой съ тростію и копьемъ, по сторонамъ дискоса Богоматерь съ крыльями[3]) и свиткомъ, въ которомъ написано: „Владыко Многомилостиве Господи Іисусе Христе, приклони ухо твое“... и Іоаннъ Предтеча также съ крыльями[4]) и свиткомъ: „азъ видѣхъ и свидѣтельствова, се агнецъ Божій, вземляй грѣхи міра“. За Богоматерью и Іоанномъ Предтечею ангелы съ рипидами; внизу діаконы. Всѣ эти изображенія прекрасно выражаютъ назначеніе жертвенника, гдѣ приготовляются дары для евхаристіи. Діаконы помѣщены здѣсь потому, что въ древности совершеніе проскомидіи относилось къ числу ихъ обязанностей.

Стѣнописи другой малой апсиды съ правой стороны представляютъ опять великій входъ, такъ какъ здѣсь устроенъ былъ алтарь особаго придѣла[5]). Иконографическія формы[6]) и основная мысль близко подходятъ къ изображенію главнаго алтаря, хотя и не тождественны съ нимъ. Изображенію дано названіе „нынѣ силы небесныя съ нами невидимо служатъ“. Въ пятикупольномъ русскомъ храмѣ возсѣдаетъ Царь славы и Великій Архіерей Іисусъ Христосъ въ епископскихъ одеждахъ — саккосѣ и омофорѣ, съ панагіею на груди, въ царскомъ вѣнцѣ; обѣими руками благословляетъ. По сторонамъ Его ангелы — одни въ діаконскихъ одеждахъ, другіе въ воинскихъ доспѣхахъ, съ державами въ рукахъ; среди нихъ два архангела (?) въ небольшихъ вѣнцахъ;

---

[1]) Въ это время оно помѣщалось надъ царскими вратами (икона).

[2]) Ср. греч. иконоп. подлинникъ.

[3]) Крылья=готовность къ ходатайству за міръ предъ Божественнымъ Сыномъ.

[4]) Объясненіе въ словахъ ев. Марка: „се Азъ посылаю ангела Моего предъ лицемъ твоимъ. I, 2; ср. прор. Малах. III, 1.

[5]) Теперь придѣлъ въ честь св. Варлаама хутынскаго.

[6]) Табл. VIII.

вверху — шестокрылатые серафимы. Ниже священники и діаконы, въ обычномъ порядкѣ, совершаютъ великій входъ, направляясь къ престолу, возлѣ котораго стоитъ святитель въ нимбѣ (Григорій Богословъ?). Ниже молящійся народъ, наконецъ святители въ монументальныхъ позахъ.

Пять куполовъ Ильинской церкви расписаны слѣдующимъ образомъ: въ центральномъ — отечество, а въ трибунѣ дориносящіе ангелы и пророки, въ юз. Іисусъ Христосъ — первосвященникъ и пророки; въ св. Еммануилъ, апостолы и святители, въ сз. Богоматерь и пророки, въ юз. Іоаннъ Предтеча и апостолы. Это распредѣленіе изображеній напоминаетъ прямо указанія греческаго подлинника: если храмъ имѣетъ пять куполовъ, то въ среднемъ пиши Пандократора, въ другомъ Ангела великаго совѣта, въ третьемъ Еммануила, въ четвертомъ Богоматерь съ Младенцемъ, въ пятомъ Іоанну Предтечу[1]). Въ сводахъ средней части Ильинскаго храма — праздники; именно: въ сѣверо-восточной части благовѣщеніе и крещеніе Іисуса Христа. Первое имѣетъ довольно сложныя формы, нерѣдко встрѣчающіяся на русскихъ иконахъ XVII в., — въ облакахъ на тронѣ Богъ Отецъ, Онъ посылаетъ стоящаго предъ Нимъ, съ благоговѣйнымъ вниманіемъ, арх. Гавріила къ пресв. Дѣвѣ, — это первый моментъ; далѣе архангелъ благовѣстникъ съ жезломъ и державою стоитъ возлѣ дверей ведущихъ въ храмину Богоматери и размышляетъ о своей великой миссіи, — это второй моментъ, наконецъ третій моментъ: архангелъ съ простертою десницею благовѣствуетъ пресв. Дѣвѣ о рожденіи Мессіи; сверху слетаетъ на главу Богоматери Св. Духъ въ видѣ голубя[2]). Дѣйствіе происходитъ въ роскошныхъ палатахъ шаблоннаго стиля; Богоматерь сидитъ съ пряжею въ рукахъ, а предъ Нею книга раскрытая: соединеніе этихъ двухъ подробностей (пряжа и книга) въ одномъ изображеніи явилось въ нашей иконографіи не ранѣе XVII в. и едва ли не обязано своимъ происхожденіемъ Симону Ушакову. Крещеніе Спасителя представлено въ древнихъ простыхъ иконографическихъ формахъ: Спаситель въ водѣ, со сложенными крестообразно на груди руками, на главу Его опускается Св. Духъ; съ лѣвой стороны Іоаннъ Предтеча, возлагающій на главу Его десницу, съ правой — три ангела съ пеленами въ почтительно наклоненномъ положеніи. Вверху проповѣдь Іоанна Предтечи: проповѣдникъ со свиткомъ, въ которомъ написано: „покайтеся, приближибося царствіе небесное“; толпа со вниманіемъ слушаетъ его. Въ юго-восточной части свода рождество Христово и срѣтеніе. Въ первомъ размѣщеніе фигуръ имѣетъ нѣкоторыя особенности въ сравненіи съ памятниками древнѣйшими: въ пещерѣ ясли, въ которыхъ лежитъ спеленутый Младенецъ, возлѣ Него сидитъ Богоматерь, направо задумчивая фигура Іосифа; три волхва предъ яслями; вверху ангелы, изъ которыхъ одинъ держитъ въ рукахъ звѣзду, приведшую волхвовъ на поклоненіе родившемуся Спасителю; внизу ангелъ возвѣщаетъ пастуху о рожденіи Іисуса Христа; въ сторонѣ осѣдланный мулъ волхвовъ. — Срѣтеніе въ роскошныхъ вычурныхъ палатахъ: Симеонъ держитъ Младенца, предъ нимъ Богоматерь, за которою проp. Анна со свиткомъ и Іосифъ, держащій въ рукахъ

---

[1]) Греч. изд. стр. 256.

[2]) Изображеніе это не нравилось въ XVIII в. оффиціальному надзирателю за иконописаніемъ, Антропову, и онъ хотѣлъ запретить его. См. объ этомъ въ цит. ст. Хр. Чт. 1887 г. № 1—2.

клѣтку съ двумя птичками (жертва). — Въ западной части свода вознесеніе Господне[1]). Спаситель возносящійся въ кругломъ облачномъ ореолѣ, несомомъ четырьмя ангелами; вокругъ — серафимы и трубящіе ангелы, внизу Богоматерь, св. жены, 12 апостоловъ и цѣлыя толпы народа, которымъ два ангела объявляютъ о будущемъ пришествіи Христовомъ. Характеристическіе признаки этого сюжета — ангелы трубящіе[2]) и оживленныя толпы народа — заимствованы иконописцемъ съ образцовъ западныхъ. Росписи стѣнъ храма относятся преимущественно къ ветхому завѣту и представляютъ событія изъ исторіи Иліи и Елисея; также дѣянія апостольскія.

Паперти съ трехъ сторонъ храма заключаютъ огромное разнообразіе иконографическихъ цикловъ. Въ сводѣ паперти съ западной стороны сложныя сцены изъ ветхаго завѣта, и среди нихъ коронованіе Богоматери; на западной стѣнѣ западной паперти — также ветхій завѣтъ, апокалипсисъ и поучительная исторія о Θеофилѣ; на восточной — сошествіе Св. Духа (надъ дверями, ведущими изъ паперти въ храмъ), страшный судъ, въ которомъ находится между прочимъ прекрасная картина рая или лона Авраамова[3]) на широкой скамейкѣ сидитъ Авраамъ-старецъ со свиткомъ, Исаакъ — среднихъ лѣтъ и Іаковъ — дов. молодой, напоминающіе соотвѣтствующія фигуры въ стѣнописяхъ Успенскаго собора во Владимірѣ; позади ихъ большая группа дѣтей, въ бѣлыхъ подпоясанныхъ сорочкахъ, и райскія деревья; все это обрамлено облаками; выше, на роскошномъ тронѣ среди облаковъ, Богоматерь и по сторонамъ Ея два ангела въ узорчатыхъ стихаряхъ съ орарями; на заднемъ планѣ опять райскія деревья[4]). На той же стѣнѣ страсти Христовы, въ центрѣ которыхъ помѣщенъ судъ надъ Іисусомъ Христомъ, неизвѣстный въ памятникахъ древне-греческихъ и русскихъ и перешедшій къ намъ въ XVII в. съ запада въ видѣ гравюры. На стѣнахъ и сводахъ западнаго входа апокалипсисъ и молитва Господня, скопированная съ западныхъ гравюръ. Въ паперти съ сѣверной стороны ветхій завѣтъ, начиная отъ сотворенія міра, апокалипсисъ, пѣснь пѣсней, часто повторяемая въ стѣнописяхъ XVII и XVIII вв. Иконографическія композиціи пѣсни пѣсней заимствованы изъ библіи Пискатора[5]), при чемъ допущены незначительныя измѣненія въ подробностяхъ. Встрѣчаются здѣсь и поучительныя историческія изображенія изъ византійской исторіи (Левъ Мудрый утоляетъ жажду слѣпца[6]). Особенно обильно украшенъ этими поучительными изображеніями, заимствованными изъ патерика, сѣверный входъ въ паперть: здѣсь раскинуты цѣлыя поэмы, отличающіяся сухимъ дидактическимъ направленіемъ. Въ сводѣ сѣвернаго входа — родословное древо русскихъ государей отъ св. Владимира до Іоанна и Петра Алексѣевичей[7]): сюжетъ скомпанованъ по образцу древа Іессея, заключающаго въ себѣ родо-

---

[1]) Табл. IX.

[2]) Допущеніе этой подробности находило оправданіе въ прокимнѣ утренняго Евангелія въ праздникъ Вознесенія: „взыде Богъ въ воскликновеніи, Господь во гласѣ трубнѣ“.

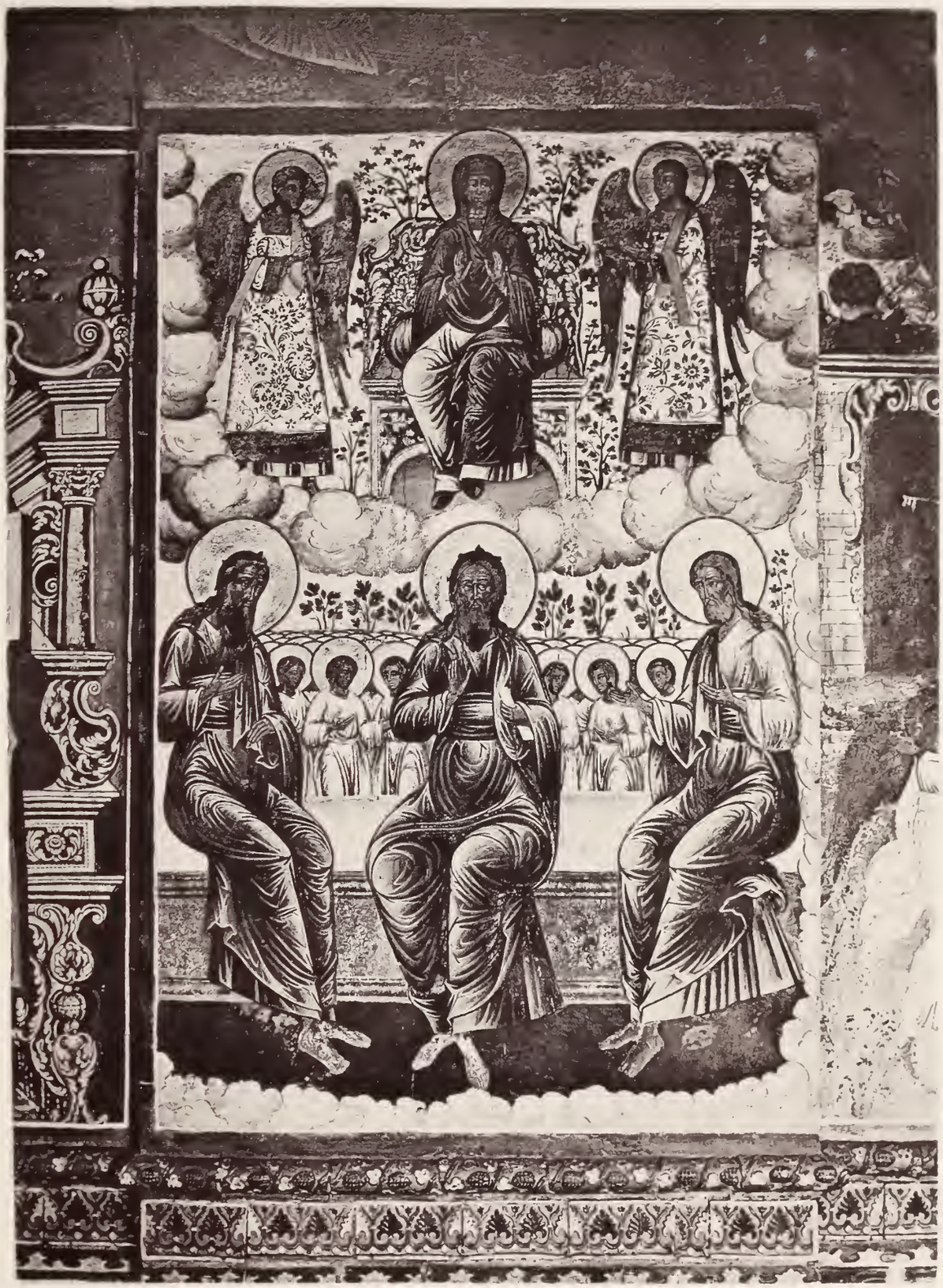
[3]) Табл. X.

[4]) Объясненіе см. въ нашей моногр. о страшномъ судѣ.

[5]) Ср. для образца гравюры Пискатора №№ 147—150. Theatrum biblicum. Anno 1674.

[6]) Ср. сказаніе о живоносномъ источникѣ: *ἡ ζωοδόχος πηγή Ὑπὸ εὐγένιου ἱερέως. σελ.* 16 etc.

[7]) Опис. въ ст. А. Виноградова: Сборн. археол. института кн. III, отд. 2, стр. 68—69; ср. изображеніе на соборной паперти въ Новоспасскомъ монастырѣ. Снегиревъ, Старина русск. земли I, 1, стр. 1—14.



Фототипія Шерер, Набгольц и К° въ Москвѣ

Фототипія Шерер Набгольцъ и К° въ Москвѣ.

словіе Іисуса Христа. Этимъ мотивомъ воспользовался Симонъ Ушаковъ при составленіи рисунка иконы Владимірской Богоматери[1]); онъ повторяется неоднократно въ памятникахъ русскихъ, но не ранѣе XVII в.

Въ юго-западной части южной паперти устроенъ придѣлъ въ честь положенія ризы Господней, а потому и роспись здѣсь имѣетъ оригинальный характеръ. Въ апсидѣ Богоматерь и пророки; въ восьмигранномъ сводѣ Св. Троица (Богъ Отецъ и Сынъ въ царскихъ коронахъ), Богоматерь и Іоаннъ Предтеча съ крыльями; въ сводахъ также нѣкоторыя событія евангелія, а на стѣнахъ исторія ризы Господней, ея перенесенія въ Москву при патріархѣ Филаретѣ и положеніе въ московскомъ Успенскомъ соборѣ. Композиціи самобытныя русскія. Здѣсь въ изображеніяхъ исцѣленія недужнаго ризою Господнею и положенія ея въ особомъ ковчегѣ въ Успенскомъ соборѣ видимъ самого царя Михаила Ѳеодоровича въ довольно высокой коронѣ, въ царскихъ одеждахъ: фигура мужественная, лицо выразительное, окаймленное широкою русскою съ просѣдью бородою[2]). Тѣми же типическими чертами отличается фигура патріарха: нижняя одежда его такая же узорчатая, какъ и одежда царя; на головѣ бѣлый клобукъ. Московскій Успенскій соборъ представляется въ видѣ пятиглаваго храма, но его оригинальныя архитектурныя формы переведены въ шаблонъ. Одежды святителей скопированы прямо съ натуры. — Въ томъ же предѣлѣ помѣщены изображенія, относящіяся къ исторіи нерукотвореннаго образа, восходящія своими корнями къ византійской древности[3]). Спеціальный характеръ имѣетъ роспись и въ другомъ придѣлѣ ильинской церкви, посвященномъ Гурію, Самону и Авиву: главное содержаніе ея заимствовано изъ жизнеописаній этихъ святыхъ. На алтарной каменной стѣнѣ, замѣняющей здѣсь высокій иконостасъ, представлены въ одномъ ряду — Богоматерь и пророки, въ другомъ верхнемъ — праотцы.

Стѣнописи ярославской церкви Іоанна Предтечи въ Толчковѣ — колоссальный памятникъ русскаго настѣннаго письма. Сдѣланы онѣ, какъ видно изъ записи на стѣнахъ храма, въ періодъ времени отъ 5 іюня 1694 года по 6 іюля 1695 г. Въ другой записи на южной стѣнѣ, перечислены имена 16-ти иконописцевъ, расписывавшихъ храмъ; но эти 16 лицъ едва ли могли въ теченіе однаго года исполнить столь крупную работу: у нихъ были помощники и чернорабочіе; сверхъ того сѣверный придѣлъ расписанъ уже послѣ въ 1700 года. Во главѣ иконописцевъ стоялъ Дмитрій Григорьевъ, — лицо довольно извѣстное по своей дѣятельности въ Москвѣ[4]). Въ цѣломъ мірѣ едва ли возможно найти другую, столь обширную по объему и замыслу стѣнопись, какъ это произведеніе русскихъ иконописцевъ; оно смѣло можетъ не только стать рядомъ, но

---

[1]) См. моногр. Ю. Д. Филимонова о Симонѣ Ушаковѣ.

[2]) Табл. XI, ср. изображеніе его на юго-восточномъ столпѣ Троицкаго собора въ костр. ипат. монастырѣ.

[3]) См. нашу ст. о гелатскомъ Евангеліи XII в. въ запискахъ отд. русск. и слав. археол. импер. русск. археол. общ. т. IV.

[4]) И. Е. Забѣлина, Матеріалы для исторіи иконоп., стр. 31, 67, 70. Имена остальныхъ иконописцевъ: Ѳеодоръ Игнатьевъ, Іоаннъ Ануфріевъ, Василій Никитинъ, Василій Игнатьевъ, Кондратъ Игнатьевъ, Іоаннъ Матоесвъ, Симеонъ Алексѣевъ, Дмитрій Іоанновъ, Симеонъ Іоанновъ, Іоаннъ Симеоновъ, Ѳедоръ Уваровъ, Матоей Сергѣевъ, Александръ Григорьевъ, Іаковъ Михаиловъ, Іаковъ Григорьевъ Ворона. Дополнит. свѣдѣнія о нихъ сообщены намъ Н. Д. Удальцовымъ.

даже превзойти знаменитыя стѣнописи саламинскія, о которыхъ сообщались западными учеными легендарныя извѣстія. Какъ видно уже изъ перечисленія именъ русскихъ иконописцевъ, преданіе объ участіи въ сооруженіи этого храма голландцевъ, мало вѣроятное само по себѣ, не имѣетъ отношенія къ живописи: можно положительно сказать, что всѣ стѣнописи въ старинныхъ русскихъ храмахъ, за исключеніемъ очень немногихъ домовыхъ церквей, исполнялись иконописцами православными, но не иновѣрцами. Совсѣмъ иное дѣло — иностранное западно-европейское вліяніе, которому подвергались русскіе православные иконописцы. Сильное въ Москвѣ, въ центральной русской школѣ, оно легко переходило въ провинціи и обнаруживалось въ церковныхъ стѣнописяхъ. Мы видѣли слѣды его въ ярославской Ильинской церкви. Въ стѣнописяхъ церкви Іоанна Предтечи вліяніе это ясно обнаруживается и въ западныхъ изображеніяхъ коронованія Богоматери (южная паперть), пѣсни пѣсней, и въ стремленіи къ природѣ и роскоши формъ, и въ иностранныхъ костюмахъ. Но это вліяніе не убиваетъ здѣсь ни исконнаго вліянія со стороны греческаго искусства, ни проблесковъ русской самобытности.

Русскій храмъ съ русскими маковицами въ изображеніи литургіи въ алтарѣ, острогъ въ видѣ ряда заостренныхъ бревенъ, поставленныхъ стоякомъ въ изображеніи темпицы Іоанна Предтечи, ростовскіе святители въ алтарной апсидѣ, русскіе князья въ малой сѣверо-восточной апсидѣ суть признаки русской самобытности. Въ цѣльной росписи преобладаютъ старинныя темы, но ихъ развитіе отличается необычайною широтою: здѣсь мы видимъ не только ветхій и новый завѣтъ, но и многочисленныя событія изъ церковной исторіи, поучительныя сцены изъ патериковъ и цвѣтниковъ, какихъ мы не встрѣчали въ иконографіи греческой и западной. Каково бы ни было художественное значеніе ихъ, во всякомъ случаѣ нельзя не видѣть здѣсь опытной руки мастера и богослова, знакомаго съ письменностію своего времени, съ православнымъ вѣроученіемъ въ его сущности и отличіяхъ протестантизма. Допустимъ даже, что мастеръ могъ пользоваться содѣйствіемъ и указаніями лицъ свѣдущихъ, получившихъ нѣкоторое богословское образованіе, и прежде всего мѣстнаго духовенства, которое, какъ видно изъ документовъ[1]), принимало близкое участіе въ построеніи храма, тѣмъ не менѣе требовалась большая опытность и доля таланта для того, чтобы перевести отвлеченные темы на образный языкъ искусства и сообщить имъ достойныя формы. Здѣсь, въ стѣнописяхъ этого храма, выступаетъ предъ нами цѣльная исторія божественнаго домостроительства, всѣ главныя основанія православной догматики и нравоученія — это обширнѣйшая дидактическая поэма.

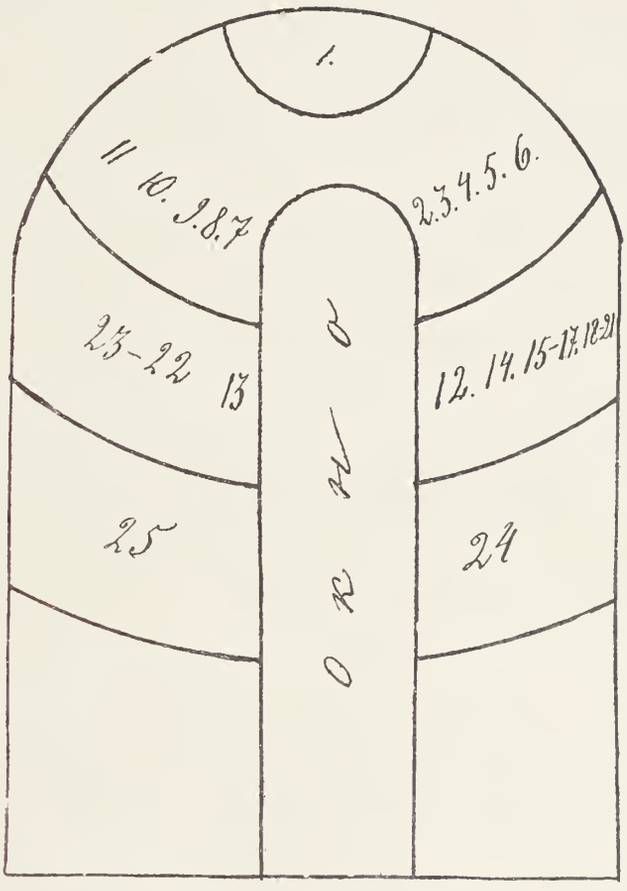
Стѣнописи алтаря имѣютъ литургико-символическій характеръ. На плафонѣ изображеніе церковной пѣсни „О тебѣ радуется благодатная всякая тварь“[2]). Центръ картины занимаетъ изображеніе Богоматери на тронѣ съ Младенцемъ — это „дѣвственная похвала“, которую окружаетъ „ангельскій соборъ“ въ видѣ ангеловъ съ шарами въ рукахъ. Надъ нею Богъ Отецъ въ облакахъ, благословляющій обѣими руками, и Св. Духъ. Ниже подъ облаками „человѣческій родъ“: ветхозавѣтные пророки, со свитками пророчествъ, Іоаннъ Предтеча, Давидъ, Соломонъ, Илія, Исаія, Захарія, святители и преподобные. Возлѣ

---

[1]) Опис. Предтеч. церкви. Ярославль 1881, стр. 8 и др.

[2]) Табл. XII.

Іоанна Предтечи двѣ группы дѣтей, означающихъ праведныя души, наслѣдовавшія рай; въ сторонѣ — благоразумный разбойникъ, первый изъ вошедшихъ въ рай въ новомъ завѣтѣ. Внѣшнее единство даютъ картинѣ расположенныя вверху райскія деревья („рай словесный“) и пятиглавый храмъ („освященный храме“). Композиція изображенія — русская; она явилась въ алтарномъ сводѣ вмѣсто древнѣйшаго изображенія Богоматери. Постоянное повтореніе ея въ стѣнописяхъ привело къ тому, что въ храмахъ, гдѣ не было стѣнописей, стали ставить за престоломъ икону Богоматери, а русскіе грамотѣи, наблюдая повсюду это явленіе, придумали для него объясненіе и на вопросъ: чего ради во всякой Божіей церкви во алтарѣ, на престолѣ (= за престоломъ) Пречистыя образъ поставляется, а не Христовъ и не инаго Святаго? отвѣчали: прежде бо всѣхъ введена бысть на престолъ и пребысть 12 лѣтъ (въ Іерусалимскомъ храмѣ) и питаема ангеломъ, яко голубица чтома“ [1]). Объясненіе произвольное, но оно имѣетъ



свою важность, какъ показатель господствовавшаго обычая — ставить въ алтарѣ икону Богоматери. Постоянное примѣненіе этого обычая съ очевидностію подтверждается также старинными описями церквей, гдѣ всегда упоминается и объ алтарномъ образѣ Богоматери. Роспись алтарной апсиды объяснимъ при помощи вышеприведеннаго плана.

[1]) Сборн. моск. синод. библ. XVII в. № 686, л. 327.

1. „О Тебѣ радуется“.

2. Св. Григорій въ саккосѣ и омофорѣ на тронѣ[1]; его окружаютъ св. епископы и діаконы. Надпись объясняетъ содержаніе изображенія: О святѣй литургіи отъ св. отецъ св. Григорій вопрошенъ бысть... О св. литургіи отвѣтъ данъ бысть. Дѣйствіе происходитъ въ храмѣ съ русскими маковицами.

3. Діаконъ съ ораремъ, въ стихарѣ, стоитъ предъ царскими вратами; возлѣ него — молящійся народъ. На заднемъ планѣ: ангелъ поражаетъ дьявола. Надпись: „егда діаконъ возглашаетъ, діаволъ зубы скрежетаніе (скрежещетъ?); тогда ангелъ Господень снидетъ съ неба, ввержетъ его въ огнь неугасимый“. Обстановка простая: храмъ съ маковицами; вмѣсто высокаго иконостаса одинъ простой деисусъ (Іисусъ Христосъ, Богоматерь и Іоаннъ Предтеча).

4. Священникъ у престола; по сторонамъ его ангелы, діаконъ и народъ. Надпись: „егда діаконъ предстоитъ въ пѣніи „Благослови душе моя Господа“, тогда Христосъ людемъ благодать и миръ подаетъ любящимъ Его“. Вверху, въ облакахъ, Св. Троица и ангелы.

5. Малый входъ: діаконъ идетъ съ Евангеліемъ, за нимъ священникъ; по сторонамъ молящійся народъ. Вверху — Спаситель на тронѣ, окруженный ангелами. Надпись: „возношеніе Евангелія“.

6. Чтеніе Апостола; за чтецомъ стоитъ ап. Павелъ. Вверху — Св. Троица. Надпись: „...миръ подаваетъ, во премудрости всѣхъ утверждаетъ“.

7. Чтеніе Евангелія: діаконъ читаетъ Евангеліе предъ престоломъ; народъ слушаетъ. Вверху — Св. Троица, ангелы и огненные херувимы. Надпись: „егда діаконъ св. Евангеліе читаетъ, тогда изъ устъ его пламень огненный исхождаетъ“.

8. „Иже херувимы тайно образующе и животворящей Троицѣ трисвятую пѣснь припѣвающе“: престолъ, возлѣ котораго ангелы съ рипидами, священникъ, діаконъ и народъ. Вверху — Св. Троица и херувимы.

9. „Всякое нынѣ житейское отложимъ попеченіе“: священникъ и діаконъ у престола; позади — великій входъ: діаконъ несетъ на головѣ дискосъ; по сторонамъ его два ангела съ рипидами; за ними священникъ съ потиромъ, поддерживаемый двумя ангелами. Св. Троица съ херувимами вверху обычно.

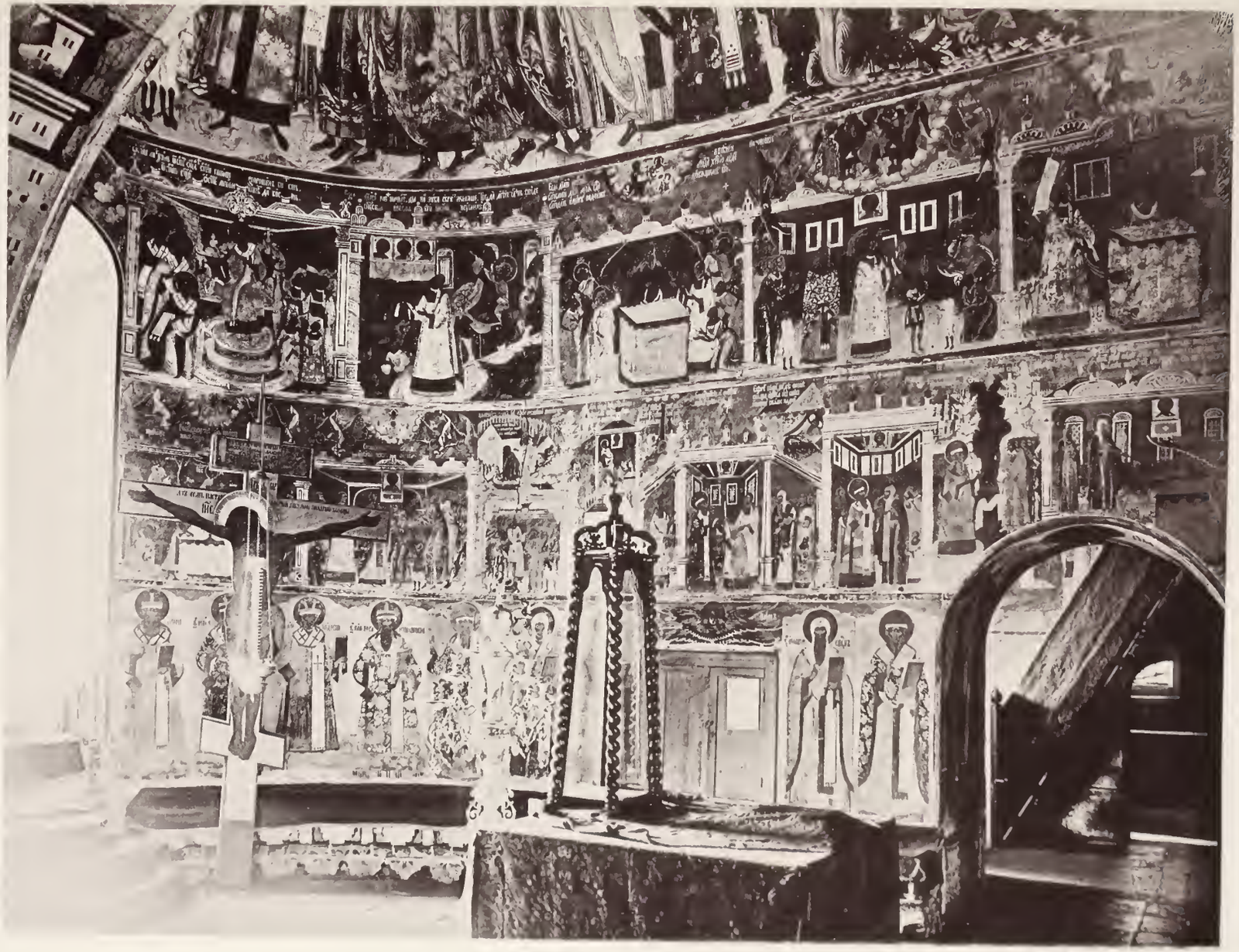
10. „Яко до Царя всѣхъ подымемъ“: Спаситель, въ царской коронѣ, въ саккосѣ и омофорѣ, возсѣдаетъ на возвышенномъ тронѣ; по сторонамъ Его ангелы въ святительскихъ шапкахъ и одеждахъ. Вверху — Св. Троица, внизу — колѣнопреклоненный народъ.

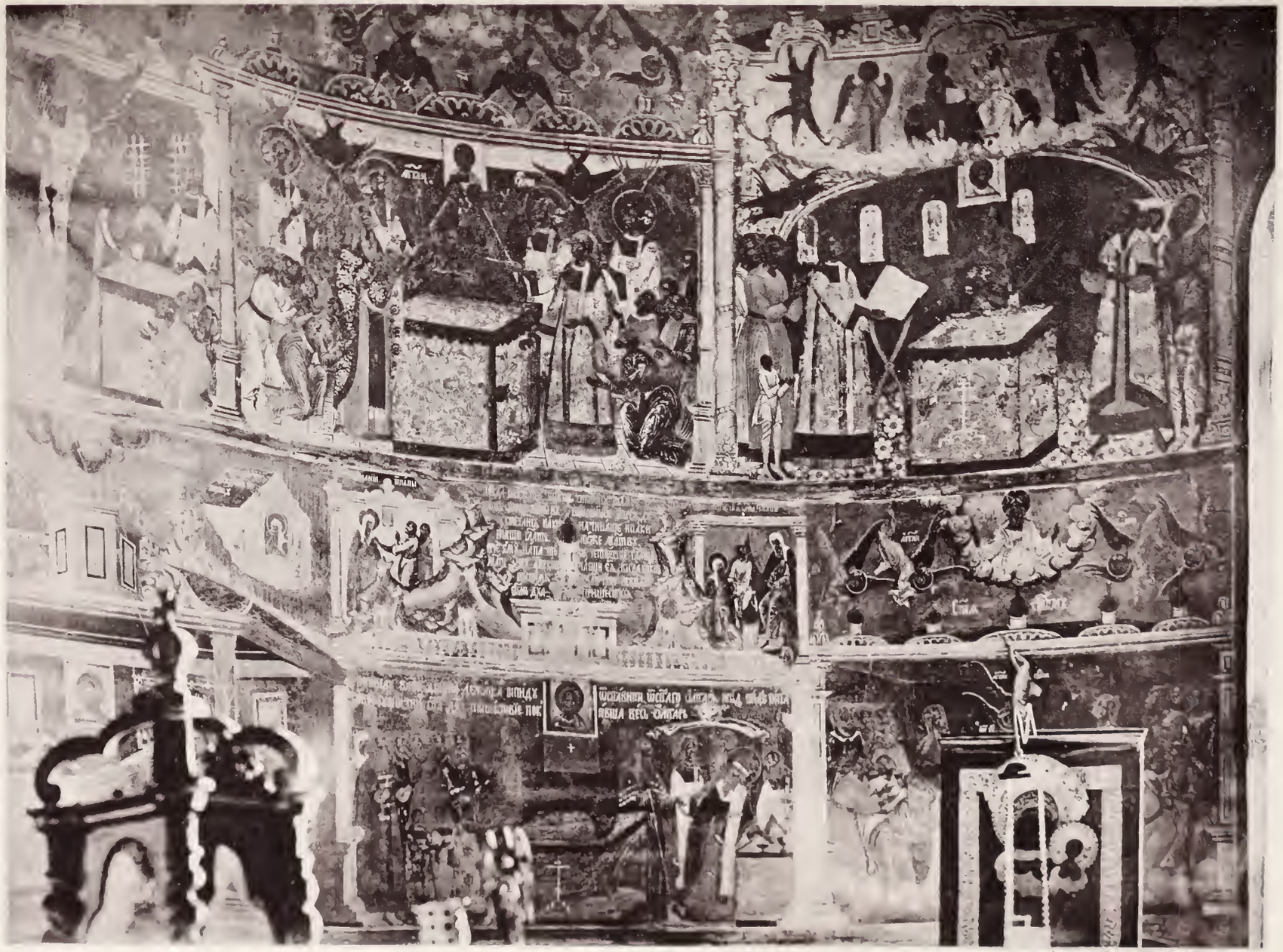
11. „Достойно и праведно есть поклонятися Отцу и Сыну и Св. Духу, Троицѣ единосущнѣй и нераздѣльнѣй“: ангелы — на облакахъ, вверху — Св. Троица, впизу — преклоняющійся народъ.

12. „Побѣдную пѣснь поюще, вопіюще, взывающе и глаголюще“: священникъ и діаконъ стоятъ предъ престоломъ: на престолѣ потиръ, въ которомъ стоитъ Отрокъ — Іисусъ Христосъ; по сторонамъ — народъ. Вверху — Богъ-Отецъ.

---

[1]) Табл. XIII и XIV.





13. „Святая святымъ“: возлѣ престола священникъ, діаконъ и народъ; на престолѣ чаша, въ которой лежитъ Іисусъ Христосъ — Отрокъ. Сверху слетаетъ ангелъ съ ножомъ въ рукѣ и касается имъ груди Іисуса Христа. Вверху — Богъ-Отецъ.

14. „Со страхомъ Божіимъ и вѣрою приступите“: священникъ причащаетъ народъ лжицею. Вверху — Св. Троица и парящіе ангелы.

Итакъ, здѣсь предъ нами символическое изъясненіе литургіи, приписанное Григорію Богослову, изложенное въ картинахъ съ надписями, отчасти стихотворными. Ничего подобнаго мы не встрѣчали ни въ древнѣйшихъ памятникахъ византійскихъ, ни въ памятникахъ русскихъ до XVII вѣка. Въ памятникахъ греческихъ XVI—XVIII вв. постоянно повторяемое изображеніе великаго входа близко подходитъ къ общему характеру разсмотрѣнныхъ изображеній, но оно уже по своему объему и замыслу. Единственный полный греческій памятникъ этого рода издалъ и описалъ Анжело-Май; онъ находится въ греческой рукописи 1600 года, происходящей изъ церкви Успенія Пресв. Богородицы въ Іосафатовой долинѣ и хранящейся въ настоящее время въ Ватиканской библіотекѣ[1]). Составляютъ ли эти миніатюры снимки съ стѣнной живописи — неизвѣстно. Здѣсь находится девять отдѣльныхъ изображеній, именно: 1) въ греческомъ храмѣ на каѳедрѣ возсѣдитъ св. Григорій Богословъ, окруженный монахами[2]); 2) начало литургіи (миромъ Господу помолимся); 3) малый входъ, 4) священникъ молящійся въ алтарѣ съ воздѣтыми руками, діаконъ и архангелы Михаилъ и Гавріилъ съ надписями: *(ἔφη Μιχαὴλ ὁ ἄρχων — σοφία καὶ ὁ Γαβριὴλ πρόσχωμεν);* вверху Іисусъ Христосъ благословляющій *(ὁ Δεσπότης ἔφη εἰρήνη πᾶσιν);* 5) чтеніе Евангелія: священникъ стоитъ предъ престоломъ, отъ котораго восходитъ къ небу огонь: *ἕκαστος λόγος τοῦ ἁγίου Εὐαγγελίου, ὡς πῦρ ἐγένετο καὶ ἔφθασεν μέχρι τοῦ οὐρανοῦ);* Архангелъ Михаилъ ввергаетъ дьявола въ огонь *(εἰς τὸ ἐξώτερον πῦρ);* 6) великій входъ: священника поддерживаютъ ангелы; 7) священникъ предъ престоломъ съ простертыми руками и позади его діаконъ; священника облекаетъ огонь *(πυρὸς φλὸξ ἔπεσεν ἐπὶ τὸν ἱερέα καὶ ἐγένετο ὁ ἱερεὺς φλογόπυρος ἀπὸ τῆς κορυφῆς ἕως τῶν ὀνύχων αὐτοῦ);* вверху Іисусъ Христосъ въ видѣ отрока; 8) священникъ раздаетъ евхаристію *(οἱ παριστάμενοι μεταλαμβάνουσι);* 9) ангелы возносятъ къ Богу церковныя приношенія *(ἐκκλησίας ἀπαρχαὶ εἰς τὸν οὐρανὸν ἀνερχόμεναι),* представленныя въ видѣ отрока Іисуса Христа. Оставляемъ въ сторонѣ подробности изображеній; такъ какъ и сказаннаго достаточно для того, чтобы видѣть близкое родство этихъ изображеній съ описанными стѣнописями алтаря Предтеченской церкви. Анжело-Май изъясняетъ эти изображенія на основаніи литургическихъ толкованій Софронія, Ѳеодора Андидскаго и др., отчасти также на основаніи личныхъ соображеній; при чемъ нѣкоторыя изъ объясненій имѣютъ характеръ случайный. Присутствіе здѣсь Григорія Богослова Анжело-Май объясняетъ тѣмъ, что этотъ св. отецъ былъ однимъ изъ составителей литургій[3]). Недостаточность этихъ объясненій зависѣла отъ того, что ученый кардиналъ

[1]) Angelo-Mai, Nova bibl. patrum, t. VI: рисунки и подробное описаніе; краткое опис. въ т. V; ср. также Migne, Patrol. Ser. gr. XCIX, col. 1689—1692; переводъ А. В. Горскаго въ Сборн. Общ. Древне-Русск. Иск. 1866 г. стр. 117—118.

[2]) Картина, вѣроятно, монастырскаго происхожденія?

[3]) Renaudotii, Liturg. orient. coll. p. XCVII. Но при такомъ объясненіи не понятно, почему здѣсь явился именно

не подозрѣвалъ существованія спеціальнаго ключа къ этимъ живописямъ: это изъясненіе литургіи, приписываемое св. Григорію Богослову. Къ сожалѣнію намъ не посчастливилось отыскать греческій оригиналъ этого слова ни въ библіотекахъ аѳонскихъ, ни въ римскихъ, ни въ парижской національной; но мы нашли нѣсколько славянскихъ списковъ его, относящихся къ XVI и XVII вв. Въ этихъ спискахъ изъясненіе литургіи прямо надписывается именемъ св. Григорія Богослова[1]). Въ однихъ изъ этихъ списковъ содержится пространное изъясненіе литургіи[2]), въ другихъ — краткое[3]); но это различіе подробностей и варіантовъ не имѣетъ важнаго значенія по отношенію къ нашему вопросу. Характеръ изъясненія литургіи во всѣхъ спискахъ одинаково символическій и напоминаетъ труды греческихъ литургистовъ; сходство съ изъясненіями патр. Софронія замѣчается даже и въ нѣкоторыхъ подробностяхъ; но это изъясненіе не отличается ни единствомъ внутренняго содержанія, ни глубиною мысли. Это сочиненіе объясняетъ намъ все содержаніе описанныхъ изображеній Предтеченской церкви и изображеній Анжело-Мая. Изображеніе (2-е) св. Григорія на тронѣ ясно изъ начальныхъ словъ сочиненія: иже есть въ первыя дни, како собрашася св. отцы къ Григорію Богослову и рѣша ему: Отче, укажи намъ о св. тайнѣ и о божественнѣй литургіи. И отвѣща имъ Святый и рече Григорій Богословъ: „слышите отцы святіи, да скажу вамъ, что есть святая божественная литургія“[4]). Слѣдующее изображеніе (3-е), какъ показываетъ самое мѣстоположеніе его среди другихъ, должно означать начало литургіи; но его подробности не совпадаютъ съ тѣмъ, что говоритъ о началѣ литургіи нашъ литературный источникъ: егда начнетъ іерей[5]) божественную службу „благослови Владыко“, тогда слетитъ ангелъ съ небесъ и станетъ въ дверехъ церковныхъ; тогда стойте со страхомъ[6]); слѣдуя этому толкованію, нашъ иконописецъ долженъ былъ добавить къ обычной обстановкѣ начала литургіи одного только ангела, какъ это и сдѣлалъ греческій иконописецъ въ картинахъ Анжело-Мая; между тѣмъ онъ изобразилъ ангела, поражающаго дьявола. Произошло это отъ случайной ошибки: иконописецъ изобразилъ здѣсь совсѣмъ другой моментъ, именно возглашеніе: „елицы оглашеніи изыдите“. Въ этомъ не останется никакого сомнѣнія, если сравнить подробности изображенія съ нашимъ памятникомъ письменности, въ которомъ сказано: егда рекутъ „елицы оглашеніи изыдите“, тогда станетъ въ дверехъ церковныхъ дьяволъ, имѣя въ зубѣхъ стрѣлу остру, очи поострени огненни и страшно скрежещетъ зубы своими на стоящихъ въ церкви. Егда рекутъ да никто отъ оглашенныхъ, тогда ангелъ слетитъ съ небеси, емлетъ бѣса и вержетъ его въ

Григорій Богословъ, а не Іоаннъ Златоустъ или Василій Великій, которымъ по преимуществу принадлежитъ составленіе литургій православной церкви?

[1]) Соф. библ. № 1468, л. 41 и слѣд.: „св. Григорія Богослова о св. и божественной литургіи“. Рукопись эта писана вскорѣ послѣ 1523 года: см. лѣтописецъ на листѣ 179; ср. № 901 рукопись XVII в. Ср. списокъ XVII вѣка въ московской синод. библ. № 686: имя св. Григорія здѣсь обозначено въ старинномъ оглавленіи.

[2]) Рукопись московской синод. библ. № 686, л. 293—326.

[3]) Списки соф. библ.

[4]) Соф. б. рукоп. № 901, л. I. Списокъ неисправный.

[5]) Очевидно, нужно читать „діаконъ“.

[6]) Рук. Соф. б. № 1468. Рукоп. синод. добавляетъ: въ той бо часъ бываютъ гласи отъ небеси, вопіюще... сотворите начатки церкви... Ср. бесѣд. Іоанна Златоуста на посланіе къ Ефес. когда видишь, что движется завѣса во вратахъ, тогда представляй себѣ, что низводится небо и нисходятъ ангелы.

огнь вѣчный, речетъ ему: „что здѣ стоиши окаянне, не имѣя одѣянія брачна“ [1]). Слѣдующее изображеніе (4-е) не имѣетъ объясненія въ нашихъ спискахъ; его ввелъ иконописецъ по личнымъ соображеніямъ; въ другихъ памятникахъ русскихъ, равно какъ и въ греческомъ, моментъ этотъ, согласно съ нашимъ памятникомъ письменности опущенъ; напротивъ, въ этомъ послѣднемъ находится изъясненіе антифоновъ [2]) и прокимна [3]), опущенное въ нашихъ стѣнописяхъ. Малый входъ (5) оставленъ нашимъ иконописцемъ безъ объясненія; въ памятникѣ греческомъ ангелы поддерживаютъ священника; то же самое и въ нашемъ литературномъ изъясненіи: егда идетъ іерей на выходъ, тогда ангелъ Господень слетитъ на святителя (vesp. = іерея), емлетъ его за десную руку (синод. покрываетъ крилами) и ведетъ во св. алтарь къ св. трапезѣ. Комментаріи къ этому изъясненію даетъ Софроній іерусалимскій, когда говоритъ, что послѣ трисвятаго архіерей восходитъ на сопрестоліе, поддерживаемый діаконами, какъ ангелами [4]). Въ изображеніи чтенія Апостола (6) имѣетъ характерное значеніе фигура ап. Павла. О ней говорится въ изъясненіи: „егда начнутъ чести Апостолъ, слушайте, какъ учитъ ап. Павелъ“ [5]). Въ изображеніи чтенія Евангелія замѣчателенъ пламень огненный, о которомъ говоритъ надпись, и огненные херувимы. Изъясненіе говоритъ: діаконъ выходитъ читать Евангеліе: се являетъ хотящій быти приходъ Сына Божія... Сопровождающіе діакона — служатъ образомъ небесныхъ силъ... Егда чтетъ діаконъ Евангеліе, Сынъ Божій невидимо приходитъ... въ той бо часъ отверзается покровъ церковный и словеса евангельская, яко пламень, до небесъ доходятъ [6]). Присутствіе ангеловъ въ изображеніяхъ (8—10) херувимской пѣсни согласно съ словами изъясненія: егда начнутъ пѣти иже херувимы, стойте со страхомъ, преклонше лица на землю, и молитеся... Тогда бо ангели и архангели, херувими и серафими невидимо (присутствуютъ) съ іереемъ, закрывающе крилами лица свои... И абіе видѣхъ два ангела, како слетѣста и крилома своима осѣниста іерея и несоста святая къ жертвеннику, глаголюще: блюди, како служиши божественнымъ тайнамъ. Пѣснь „достойно и праведно“, выраженная въ стѣнописяхъ (11), какъ совершенно ясная, не имѣетъ соотвѣтствующаго толкованія въ нашемъ памятникѣ письменности. Изображеніе „побѣдную пѣснь“ (12) соотвѣтствуетъ изъясненію: егда речетъ іерей побѣдную пѣснь, тогда... видѣхъ покровъ церковный отверстъ и небо являющееся и пламень огненъ грядущъ и по пламени множество ангелъ, и по ангелѣхъ видѣхъ лица добролѣныя... бѣ бо вѣщанія ихъ, яко пламень горящъ; и огненни ангели сташа окрестъ алтаря, а шестокрилатіи лица сташа окрестъ св. трапезы. *И отроча младо посредь ихъ,* и пламень огнемъ нападе на іерея. Изображеніе „Святая святымъ“ (13) согласно также съ изъясненіемъ: егда рекутъ святая

---

[1]) Соф. б. № 1468. Въ виду неисправности списка, исправляемъ текстъ его по рукописи синодальной.

[2]) Егда поютъ антифонъ „благо есть“, тогда ангелъ речетъ: „ублажитеся и укрѣпитеся“; егда поютъ: „Господь воцарися“, ангелъ Господень глаголетъ: „радуйтеся и веселитеся вси вѣрніи, яко Христосъ Богъ нашъ царствуетъ во вѣки; уже діаволъ связанъ трепещетъ“. Егда поютъ: „пріидете поклонимся“, ангелъ станетъ предъ царскими дверьми (рукоп. синод.), укрѣпитъ вся предстоящія въ церкви Духомъ Святымъ (Соф. № 1468).

[3]) Соф. № 1468: Егда ректъ прокименъ, тогда речетъ Михаилъ „премудрость“, а Гавріилъ речетъ: „вонмемъ“, а Самъ Христосъ речетъ: „миръ всѣмъ“. Буквально то же самое въ греческомъ памятникѣ Анжело-Мая.

[4]) Пис. отц. и учит. ц. т. I, стр. 281.

[5]) Соф. рукоп. № 1468.

[6]) Синод. рукоп. Въ греческомъ памятникѣ соотвѣтствіе съ изъясненіемъ полное.

святымъ, тогда видѣхъ ангела, имуща ножъ и отроча на руку его, и закла его и источи кровь его въ св. чашу, а тѣло его рѣжуще, кладуще горѣ на хлѣбъ, и бысть хлѣбъ тѣло Господа нашего Іисуса Христа[1]). Причащеніе мірянъ достойныхъ (14) соотвѣтствуетъ словамъ изъясненія: и сошедшеся достойніи людіе пріимаху св. тѣло и кровь. Въ изъясненіи отмѣчено также вознесеніе божественныхъ даровъ ангелами на небо, изображенное въ греческомъ памятникѣ Анжело-Мая.

Это сопоставленіе памятниковъ вещественныхъ съ письменными не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что между ними существуетъ близкое родство. Въ то же время отсюда становится ясно, что иконописецъ Предтеченской церкви руководился не тѣми изводами изъясненія, какія мы имѣемъ подъ руками. У него замѣтны свои особенности, какъ въ подробностяхъ изображеній, такъ и въ надписяхъ; и если эти особенности не относить къ личной изобрѣтательности иконописца, то необходимо допустить, что онъ пользовался другой редакціей нашего изъясненія, или же копировалъ съ готовыхъ рисунковъ, составленныхъ примѣнительно къ этой другой редакціи. Вѣрно лишь то основное положеніе, что между изъясненіемъ литургіи, приписываемымъ св. Григорію Богослову, и Предтеченскими стѣнописями существуетъ генетическая связь. Изъ нихъ — памятникъ письменности древнѣе и полнѣе по содержанію всѣхъ памятниковъ вещественныхъ; а потому въ вопросѣ объ ихъ взаимномъ отношеніи руководящее значеніе должно быть усвоено памятнику письменности.

На ряду съ этимъ памятникомъ, переносящимъ мысль и воображеніе въ міръ горній, иконописецъ пользуется, для росписи того же алтаря, еще другимъ, сроднымъ съ нимъ по духу: онъ изображаетъ чудесныя событія, записанныя въ лимонаряхъ или цвѣтникахъ. Составляя плодъ благочестивыхъ размышленій, по преимуществу отшельниковъ востока[2]), заключая въ себѣ множество назидательныхъ мыслей, изложенныхъ въ формѣ повѣствованій, отчасти легендарнаго характера, сборники эти, уже самою таинственностію разсказа, обращеніемъ къ высшимъ идеальнымъ интересамъ, къ сверхчувственному и чудесному, идеальною обрисовкою отшельническаго житія, удаленнаго отъ мірскихъ заботъ и огорченій, должны были обращать на себя вниманіе любителей назидательнаго чтенія и находить широкій доступъ въ средѣ книжныхъ людей. Значительное распространеніе ихъ въ Россіи въ XVII и XVIII вв. подтверждается многочисленными, дошедшими до насъ, списками и печатными изданіями ихъ. И если въ самой Византіи, располагавшей болѣе обширными средствами къ разграниченію между произведеніями письменности достовѣрными и сомнительными, все-таки проникали въ область церковныхъ стѣнописей элементы, имѣющіе сомнительное происхожденіе, то тѣмъ болѣе возможно это было у насъ въ Россіи. Переходя въ сознаніе читающихъ людей, содержаніе этихъ сборниковъ проникло, наконецъ, и въ росписи нашихъ храмовъ, въ видѣ

---

[1]) Ср. ссылку Анжело-Мая на Сурія, гдѣ біографъ Арсенія говоритъ, что преподобный видѣлъ вмѣсто хлѣба отроча заклаемое ангеломъ. Angelo-M. Nova-bibl. t. VI, p. 591, not. 3. Ср. также разсказъ въ Великомъ Зерцалѣ о мальчикѣ, видѣвшемъ какъ священникъ въ церкви рѣзалъ отроча, раздроблялъ его и раздавалъ народу. Рукопись Соф. библ. № 1509, гл. 90; ср. еще гл. 91.

[2]) Во главѣ ихъ лимонарь ставитъ преподобныхъ Іоанна и Софронія: Лимонарь сирѣчь цвѣтникъ, премудрыми киръ Іоанномъ, Софроніемъ и инѣми различными преподобными отцы сочиненъ.

назидательныхъ изображеній, приличныхъ, по соображенію иконописцевъ, православному алтарю.

Въ алтарной апсидѣ церкви Іоанна Предтечи помѣщенъ, между прочимъ, поучительный разсказъ объ оклеветанномъ пресвитерѣ (15—17): епископъ сидитъ на каѳедрѣ, предъ нимъ стоитъ священникъ въ однорядкѣ и двое злыхъ людей, которые представляютъ епископу ложный доносъ на пресвитера; надпись: насельницы епископу клевещутъ на іерея[1]). Темница, обнесенная тыномъ (острогъ): въ ней, за рѣшеткою окна, виденъ священникъ въ скуфьѣ; надпись: и повелѣ его всадити въ темницу. Однoглавая церковь съ колокольнею: въ ней священникъ стоитъ у престола съ кадиломъ и совершаетъ литургію; надпись: ангелъ изведе іерея изъ темницы и повелѣ сотворити святую литургію. Ангелъ снова приводитъ священника къ дверямъ темницы, гдѣ виденъ спящій сторожъ; надпись: „и паки ангелъ отведе его въ темницу, стражу не вѣдущу“. Основная тема этихъ изображеній заимствована изъ 108-й главы Лимонаря, гдѣ разсказъ объ оклеветанномъ пресвитерѣ передается слѣдующимъ образомъ:

„Въ восьми поприщахъ отъ Самійскаго города, въ одномъ селѣ былъ чудный пресвитеръ-дѣвственникъ. Злые люди оклеветали его предъ епископомъ, который и заключилъ его въ темницу. Здѣсь является пресвитеру благообразный юноша и говоритъ: „встань, иди въ свою церковь и соверши литургію“, и, отворивъ двери темницы, повелъ его. На разсвѣтѣ темничные стражи узнаютъ, что пресвитера нѣтъ въ темницѣ и доносятъ о томъ епископу. Епископъ посылаетъ своего довѣреннаго церковника въ означенную сельскую церковь, гдѣ онъ и нашелъ пресвитера, совершающаго литургію. Разгнѣванный епископъ рѣшаетъ на слѣдующій день вновь заключить священника въ темницу съ великимъ безчестіемъ; но тотъ же благообразный юноша снова является пресвитеру, беретъ его и возвращаетъ въ запертую темницу на прежнее мѣсто безъ вѣдома темничнаго стража. Епископъ узнаетъ объ этомъ, призываетъ къ себѣ пресвитера, который и разсказываетъ ему все случившееся. Епископъ уразумѣваетъ, что все это сдѣлано ангеломъ для обнаруженія добраго житія пресвитера и прославленія Бога, прославляющаго своихъ угодниковъ, и отпускаетъ пресвитера съ миромъ[2])“. Возлѣ этихъ изображеній находится рядъ другихъ: спящій человѣкъ и надъ нимъ огненный столбъ, посвященіе неизвѣстнаго лица въ іерархическій санъ, бесѣда святителя съ монахомъ и омофоръ въ огнѣ (18—20)[3]). Разъясненіе этихъ изображеній находимъ въ томъ же Лимонарѣ. Когда послѣ великаго землетрясенія въ Антіохіи нужно было возставить разрушенный городъ, призваны были работники изъ разныхъ мѣстъ. Надзирателемъ надъ ними поставленъ былъ благочестивый Ефремъ комесъ. Однажды во снѣ Ефремъ видитъ одного изъ своихъ работниковъ — спящаго и надъ нимъ огненный столбъ. Проснувшись, призываетъ этого работника и требуетъ, чтобы тотъ объяснилъ — кто онъ такой и откуда. Работникъ, подъ строжайшимъ секретомъ, сообщаетъ, что онъ былъ

---

[1]) Надписи эти, равно какъ и нѣкоторыя подробности изображеній, не замѣченныя нами при изученіи этихъ стѣнописей, провѣрены, по нашей просьбѣ, Н. Д. Удальцовымъ. При помощи этихъ объясненій и графическаго рисунка, приведеннаго выше, возможно различить подробности мелкихъ изображеній на нашихъ таблицахъ XIII—XIV.

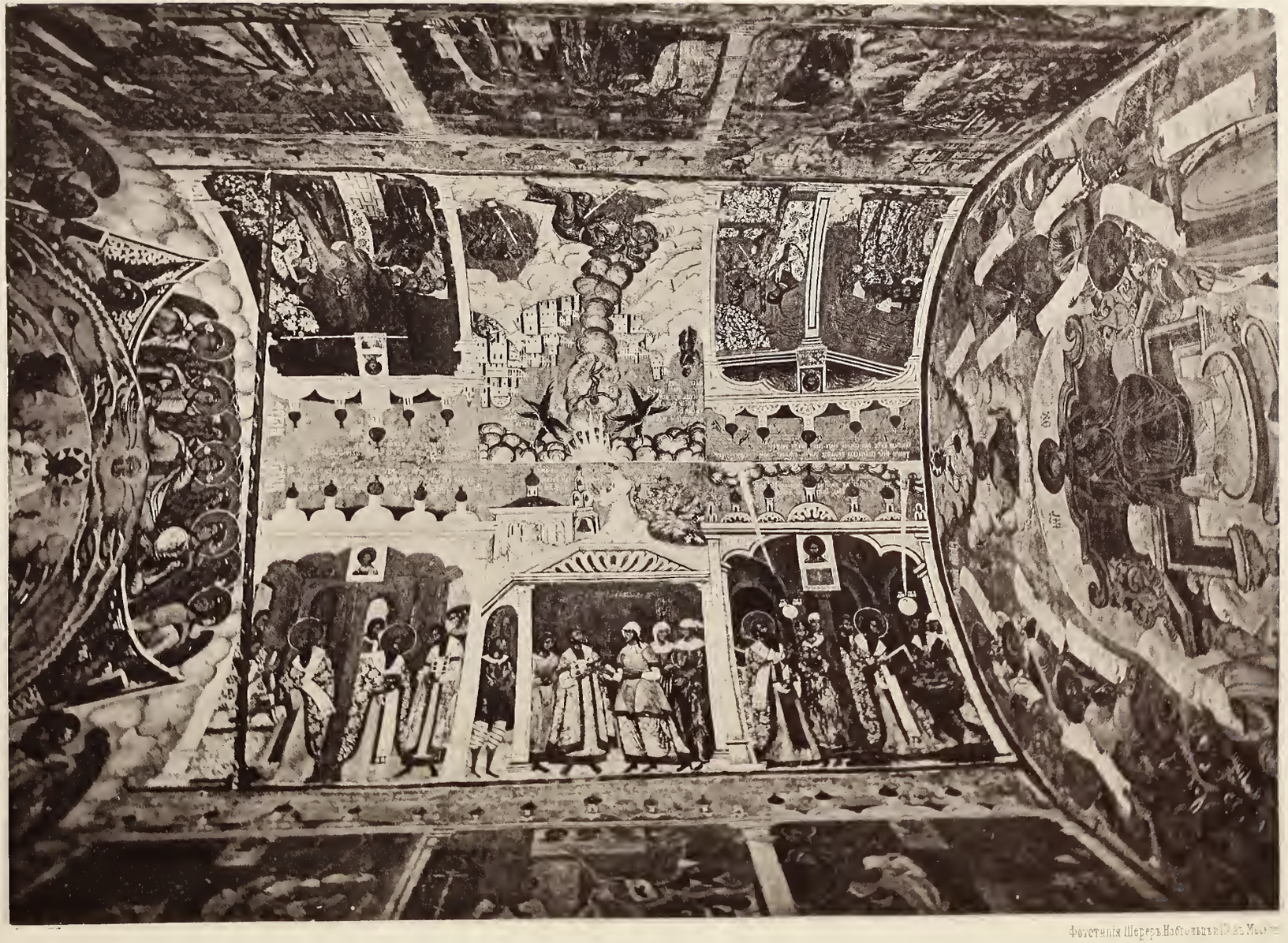
[2]) Лимонарь гл. 108.

[3]) Табл. XIII.

епископомъ въ одномъ городѣ, но для Бога оставилъ епископство и прибылъ въ незнакомыя мѣста, гдѣ и снискиваетъ себѣ пропитаніе своими трудами, при этомъ сообщаетъ Ефрему, что въ скоромъ времени онъ (Ефремъ) будетъ возведенъ на патріаршій престолъ Антіохіи. Предсказаніе исполнилось; Ефремъ сталъ патріархомъ: будучи ревнителемъ православной вѣры; онъ заботился объ обращеніи еретиковъ на путь истины. Однажды ему сообщили объ одномъ столпникѣ „во странахъ Іераполя, яко севиряномъ зловѣрнымъ пріобщается“; Ефремъ отправляется къ нему для увѣщанія и спрашиваетъ: что̀ могло бы убѣдить его въ чистотѣ соборной и апостольской церкви? Столпникъ предлагаетъ Ефрему зажечь костеръ и войти въ огонь вмѣстѣ съ нимъ: кто выйдетъ невредимъ, тотъ содержитъ правую вѣру. Желаніе столпника было исполнено, костеръ зажженъ; но въ рѣшительный моментъ малодушный столпникъ отказался вступить въ огонь. Тогда Ефремъ снимаетъ съ себя омофоръ и кладетъ его съ молитвою въ огонь. Чрезъ три часа дрова сгорѣли, но омофоръ остался невредимъ. Столпникъ, видя это чудо, проклялъ Севера и его зловѣріе, былъ принятъ въ православную церковь, пріобщенъ св. таинъ рукою божественнаго Ефрема и прославилъ Бога[1]). Слѣдующее изображеніе (21) представляетъ монаха, стоящаго въ церкви; предъ нимъ ангелъ возлѣ престола. Въ Лимонарѣ авва Леонтій разсказываетъ, что онъ, живя въ новой лаврѣ, однажды вошелъ въ церковь и увидѣлъ ангела, стоящаго по правую сторону алтаря. Объятый страхомъ, Леонтій возвратился въ келью и здѣсь услышалъ гласъ: „отнелѣ-же посвященъ бысть алтарь сей, мнѣ поручено бысть пребывать у него[2]). Слова эти находятся и въ надписи надъ изображеніемъ. На лѣвой сторонѣ алтарной апсиды изображено въ нѣсколькихъ моментахъ сказаніе объ оклеветанномъ епископѣ (22—23)[3]): два лица стоятъ предъ папою, на головѣ котораго бѣлый клобукъ, и клевещутъ на епископа; епископъ съ связанными руками стоитъ на колѣнахъ предъ папою; епископъ сидитъ въ темницѣ; гласъ съ небеси къ папѣ; епископъ совершаетъ проскомидію у жертвенника; вверху катапетасма, а въ отдаленіи народъ. Въ Лимонарѣ разсказъ аввы Ѳеодора объясняетъ эти изображенія во всѣхъ подробностяхъ. Въ небольшомъ городкѣ Ромулѣ, въ 30 поприщахъ отъ Рима: былъ добродѣтельный епископъ. Нѣкоторые изъ жителей городка оклеветали его предъ папою Агапитомъ, который и распорядился связать его и отправить въ темницу. Приближается св. недѣля, и папа „видитъ во снѣ нѣкоего глаголюща: въ сію недѣлю не проскомисай самъ, ни инъ никтоже отъ епископъ и презвитеровъ сущихъ во градѣ, но епископъ, егоже имаше въ темницѣ, той днесь да проскомисаетъ“. Видѣніе и гласъ повторяется три раза. Тогда папа призываетъ изъ темницы епископа и спрашиваетъ, что̀ онъ сдѣлалъ? Епископъ ничего не отвѣчаетъ, кромѣ: прости мя владыко, яко грѣшенъ есть. Наступаетъ время проскомисанія: оклеветанный епископъ становится у жертвенника, а возлѣ него папа и діаконы, и начинаютъ проскомидію: дойдя до конца молитвы возношенія, проскомисающій епископъ, вмѣсто того, чтобы окончить

---

[1]) Лимонарь гл. 36—37.
[2]) Тамъ же гл. 4.
[3]) Табл. XIV.



Фототипія Шерер Набгольцъ и К° въ Москвѣ

молитву, начинаетъ снова читать ее, затѣмъ читаетъ ее въ третій и четвертый разъ. Папа спрашиваетъ — что это значитъ, а епископъ отвѣчаетъ: прости мя св. папа, яко не видѣхъ по обычаю Св. Духа пришествія и сего ради не кончаю молитвы; но преподобный владыко, діакона сего, стоящаго близъ, иже держитъ рипидію, отстави отъ св. алтаря, яко азъ пе смѣю рещи ему... Папа удаляетъ діакона, епископъ видитъ Св. Духа, а катапетасма, лежавшая на алтарѣ (= престолѣ) сама собою подымается и покрываетъ папу, епископа, діаконовъ предстоящихъ и св. трапезу на три часа... Папа убѣдился, что епископъ былъ оклеветанъ напрасно[1]).

Въ нижнемъ ряду стѣнописей алтарной апсиды помѣщены святители: съ правой стороны — Аѳанасій Великій, Кириллъ, Петръ и Павелъ Александрійскій и ростовскіе святители — Игнатій, Исаія, Леонтій (24); съ лѣвой — Петръ, Алексѣй, Іона, Филиппъ, Кипріанъ и Фотій (25).

Въ жертвенникѣ, по лѣвую сторону алтаря: въ коихъ Агнецъ Божій І. Христосъ, лежащій на дискосѣ подъ звѣздицею; надъ Нимъ Св. Духъ и Богъ Отецъ; по сторонамъ дискоса Богоматерь и І. Предтеча, а на сводахъ и стѣнахъ распространенные въ рукописныхъ сборникахъ XVII в. разсказы о чудесахъ, относящихся къ пресуществленію св. даровъ. Св. Василій Великій въ пятиглавой церкви совершаетъ литургію[1]): онъ стоитъ предъ престоломъ, на которомъ находятся потиръ и дискосъ; по правую сторону престола — два діакона. Св. Василій выходитъ изъ алтаря съ чашею, въ которой видны св. дары; въ толпѣ народа, приближающагося къ святителю, виднѣется фигура еврея съ курчавою головою, одѣтаго въ цвѣтную одежду и роспашень; онъ простираетъ руку къ чашѣ. Надпись: „св. Василію Великому служащу св. литургію жидовинъ нѣкій видѣ яко отроча раздробляшеся въ рукахъ св. Василія и егда вси причащахуся и той иде и прія часть св. таинствъ“. Слѣдующая картина: жидовинъ стоитъ посреди своей комнаты и держитъ сосудъ, въ которомъ лежатъ двѣ частицы евхаристическаго хлѣба, имѣющія тѣлесный цвѣтъ; тутъ же жена жидовина съ распущенными и перевязанными бѣлою повязкою волосами, въ розовомъ платьѣ и синей курткѣ; она съ удивленіемъ разсматриваетъ частицы св. хлѣба; двѣ мужскія и двѣ женскія фигуры присутствуютъ при этомъ. Надпись: „иже воистину въ тѣло премѣнися, сохрани же останокъ, иде въ домъ и показа женѣ своей“. Далѣе: св. Василій въ храмѣ совершаетъ крещеніе надъ жидовиномъ и преподаетъ ему св. дары, при чемъ присутствуютъ жена и другіе члены семьи жидовина. Надпись: „наутріе же иде (жидовинъ) ко св. Василію и крестися со всѣмъ домомъ“. Итакъ, въ основѣ этихъ изображеній лежитъ разсказъ о томъ, какъ нѣкій жидовинъ, придя въ церковь, увидѣлъ въ рукахъ св. Василія вмѣсто просфоры отроча, подошелъ вмѣстѣ съ другими къ причащенію, получилъ часть и по возвращеніи домой, показалъ оную семейству своему. Чудо убѣдило жидовина въ истинѣ пресуществленія св. даровъ, и онъ крестился со всѣмъ своимъ семействомъ.

[1]) Сказаніе заимствовано изъ западныхъ источниковъ. Кромѣ дѣйствующихъ лицъ и мѣста дѣйствія, на это указываютъ: 1) названіе престола алтаремъ, 2) сближеніе проскомидіи и возношенія св. даровъ. Не излишне замѣтить, что переводчикъ сказанія, а за нимъ и иконописецъ неточно поняли мысль оригинала: въ оригиналѣ, какъ видно по характеру разсказа, рѣчь идетъ не о проскомидіи въ нашемъ смыслѣ, но объ освященіи даровъ.

[1]) Табл. XV.

На сѣверной сторонѣ жертвенника изображены повѣсти объ отрокѣ сынѣ — жидовина и о царѣ сарацинскомъ[1]). Въ пятиглавой русской церкви священникъ преподаетъ св. дары на лжицѣ мальчику; на заднемъ планѣ народъ; надпись: „единъ отрокъ отца жидовина иде во св. церковь и прія св. причащеніе усты токмо“. Тотъ же мальчикъ выкапываетъ яму, чтобы скрыть въ ней св. дары; на заднемъ планѣ городъ и священникъ въ однорядкѣ и скуфьѣ; налѣво священникъ стоитъ на колѣнахъ возлѣ ямы, выкопанной мальчикомъ; изъ ямы подымается огненный столбъ, въ которомъ виденъ прекрасный отрокъ — Іисусъ Христосъ; преступный мальчикъ стоитъ въ сторонѣ и съ изумленіемъ смотритъ на чудо. Надпись: „изыде вонъ и въ нѣкій долъ погребе часть тѣла Христова; и по извѣщенію пресвитеръ долъ оный очисти и се обрѣтеся отроча красно и во свѣтлости неизрѣченнѣй взятся на небо отъ руку пресвитерову“. Въ пятиглавой церкви священникъ въ фелони совершаетъ литургію: онъ стоитъ предъ престоломъ и копіемъ прободаетъ младенца, лежащаго на дискосѣ; надпись: „Амфилогъ царь сарацинскій въ Іерусалимѣ, пришедъ въ церковь Божію во время св. литургіи, видѣ яко священникъ Христа яко младенца зарѣзалъ“; въ сторонѣ стоитъ самъ Амфилогъ изумленный, въ бѣлой чалмѣ, въ красноватой подпоясанной одеждѣ съ желтымъ оплечьемъ и поручами. Нѣкоторыя второстепенныя подробности этой повѣсти помѣщены на южной сторонѣ жертвенника; здѣсь же нѣсколько неясныхъ изображеній съ стертыми надписями. Не ясны также нѣкоторыя изображенія средняго ряда на сѣверной стѣнѣ жертвенника: крещеніе неизвѣстнаго святаго епископомъ, постриженіе его или благословеніе на проповѣдь, святой отправляется на проповѣдь и креститъ людей. На западной сторонѣ жертвенника — похвала Пресв. Богородицы: въ центрѣ изображена Богоматерь на тронѣ, въ синей туникѣ и багряной верхней одеждѣ; надъ нею І. Христосъ Еммануилъ, выше Богъ Отецъ. Внизу волхвъ Валаамъ съ звѣздою въ лѣвой рукѣ и со свиткомъ въ правой; въ свиткѣ написано извѣстное пророчество Валаама о Мессіи: „возсіяетъ звѣзда“. Съ правой и лѣвой стороны изображенія пророковъ, предсказавшихъ рожденіе Спасителя отъ Дѣвы: Давида, Соломона, Гедеона, Исаіи, Іереміи, Езекіиля, Даніила, Софоніи и др.

Въ діаконикѣ (ю.-в.) подробно развита мысль о воскресеніи; здѣсь находятся: сошествіе І. Христа во адъ для изведенія оттуда ветхозавѣтныхъ праведниковъ, воскрешеніе Лазаря, воскрешеніе сына вдовы наинской, изображеніе Іоны — прообразъ воскресенія Христова[2]); а въ нижнихъ частяхъ діаконика по преимуществу святые русской церкви[3]), въ русскихъ узорчатыхъ костюмахъ: св. благовѣрный великій кн. Владиміръ въ царской коронѣ, св. кн. Ольга — въ коронѣ, свв. кн. Борисъ, въ видѣ зрѣлаго мужа съ окладистою бородою, и Глѣбъ, въ видѣ юноши. Внизу среди медаліонныхъ изображеній обращаетъ на себя вниманіе изображеніе препод. Максима Грека, съ большою бородою, а въ нишѣ окна: Благое молчаніе, въ видѣ ангела, съ скрещенными на груди руками[4]).

---

[1]) Табл. XV.

[2]) Ср. ниже роспись Воскресенскаго собора въ г. Борисоглѣбскѣ и Николонадѣинской церкви въ Ярославлѣ.

[3]) Табл. XVI.

[4]) По сторонамъ алтаря находятся два придѣла свв. Гурія и Варсонофія казанскихъ (с) и трехъ святителей, имѣющіе спеціальныя росписи.

Фототипія Шереръ, Набгольцъ и К° въ Москвѣ.

Въ центральномъ кунолѣ храма — Господь Вседержитель, а въ трибунѣ купола — праотцы ветхозавѣтные; въ кунолахъ побочныхъ — Богородица и І. Предтеча. Въ сводахъ — изображенія празднествъ православной церкви; съ сѣверо-восточной стороны — рождество Богородицы [1]), скомпанованное по образцу рождества Христова: св. Анна сидитъ на постелѣ, къ ней приближаются женщины съ подарками; внизу омовеніе новорожденнаго младенца; въ сторонѣ въ церемоніальной позѣ сидитъ на высокомъ тронѣ съ подножіемъ — Іоакимъ; благовѣщеніе [2]): Богоматерь на тронѣ съ рукодѣльемъ въ рукахъ, на главу Ея сходитъ Св. Духъ, предъ Нею ангелъ благовѣствующій; дѣйствіе происходитъ въ роскошныхъ палатахъ; вдали виденъ чрезъ открытую галлерею праведный Іосифъ въ нимбѣ, занятый столярною работою; вверху въ облакахъ Богъ Отецъ посылаетъ ангела благовѣстить Пресв. Дѣвѣ. Въ юго-восточномъ сводѣ рождество Христово, въ ю.-з. — крещеніе І. Христа, въ с.-з. — входъ І. Христа въ Іерусалимъ, въ обычныхъ византійскихъ формахъ. Въ западной части свода представлена довольно обычная въ росписяхъ ярославскихъ храмовъ, грандіозная картина „Премудрость созда себѣ домъ и утверди столновъ седмь“ [3]). Основная мысль изображенія дана въ этихъ словахъ книги притчей Соломоновыхъ (IX, 1); премудрость — І. Христосъ, домъ или храмъ — церковь, семь столновъ — семь таинствъ новаго завѣта [4]). Развита эта мысль слѣдующимъ образомъ: вверху представленъ Богъ Отецъ на тронѣ, въ облакахъ; подъ Нимъ подпись: „Премудрость созда себѣ храмъ“. У подножія Его Св. Духъ, отъ котораго идутъ лучи внизъ, по направленію къ сидящей на тронѣ съ простертыми дланями Богоматерь [5]) и стоящимъ возлѣ Нея ангеломъ; въ лучахъ обозначены надписями семь даровъ Св. Духа: премудрость, разумъ, совѣтъ, крѣпость, вѣдѣніе, благочестіе, страхъ Божій. Ниже колоннада изъ семи колоннъ, на архитравѣ которой написано: „и утверди столновъ седмь“. На среднемъ столбѣ — распятый Спаситель, надъ главою Котораго написано: „тѣло и кровь Господня“, а по сторонамъ: „и черпа въ чаши Своей вино и уготова Свою трапезу“. У подножія креста престолъ съ двумя чашами и возлѣ него Соломонъ въ царскихъ одеждахъ и коронѣ, съ книгою, въ которой написано: Премудрость созда и т. д. Всѣ столбы и престолъ утверждены на изящномъ кругломъ пьедесталѣ съ надписями: „ветхаго и новаго завѣта божественныя церкви основаніе мученическая кровь, апостоловъ проповѣдь, пророческое ученіе, камень вѣры Христосъ“, и „на семъ камени созда церковь Свою“. Въ особыхъ свиткахъ на столбахъ надписи: на срединѣ — причащеніе. 1-й (всел.) соборъ, на остальныхъ — крещеніе — 3-й соборъ, муропомазаніе — 2-й соборъ, покаяніе — 4-й соборъ, священство — 6-й соборъ, бракъ — 7-й соборъ, елеосвященіе — 5-й соборъ [6]). Надъ колоннадою надпись: „глава церкви — Христосъ“. По краямъ картины 10 группъ или ликовъ святыхъ на облакахъ: ликъ пустынножителей,

[1]) Табл. XVII.

[2]) Та же табл.

[3]) Табл. XVIII. Изрѣдка встрѣчается это изображеніе и на иконахъ XVII в. Ср. Вѣстн. Общ. Древне-Русск. Иск. 1874, I, стр. 16.

[4]) Для характеристики сюжета ср. распятіе съ таинствами въ русскихъ старинныхъ гравюрахъ: Ровинскій. Русск народн. карт. III, 357; ср. гравюру въ требникѣ Петра Могилы 1646 года.

[5]) Въ церковныхъ пѣснопѣніяхъ Богоматерь называется храмомъ, созданнымъ Премудростію, чертогомъ Слова, палатою Царя всѣхъ.

[6]) Надписи стерты; возстановляемъ ихъ на основаніи такого же изображенія въ Златоустовской церкви.

мучениковъ, мученицъ, преподобныхъ отецъ, ликъ св. праведныхъ (?), ликъ исповѣдниковъ, святителей, царей и князей, ликъ пророческій съ I. Предтечею во главѣ (въ свиткѣ его написано: „посла своя рабы созывающи...“) и ликъ апостольскій, во главѣ котораго ап. Павелъ со свиткомъ („и требующимъ ума рече: пріидите, ядите Мой хлѣбъ и пійте“). Подъ этими ликами внизу шесть группъ въ наклоненномъ положеніи, съ надписью: „собрани вси языцы“. Итакъ, здѣсь предъ нами вся церковь съ ея Главою, давшимъ Себя въ снѣдь вѣрнымъ.

Изображенія на стѣнахъ храма расположены правильными рядами: въ верхнихъ рядахъ на сѣверной, южной и западной стѣнахъ — Евангеліе, въ нижнихъ — событія изъ исторіи I. Предтечи, которому посвященъ храмъ; въ самомъ нижнемъ ряду на сѣверной и южной стѣнахъ — полныя святцы на цѣлый годъ, а на западной стѣнѣ — пѣснь пѣсней. Въ аркахъ — сошествіе Св. Духа, подвиги и чудеса апостоловъ[1]).

Роспись притворовъ Предтеченской церкви отличается чрезвычайнымъ разнообразіемъ. Здѣсь многочисленныя изображенія изъ ветхозавѣтной и новозавѣтной исторіи, начиная отъ созданія міра; многочисленныя поучительныя сцены изъ патериковъ, событія изъ церковной исторіи (житіе Андрея Юродиваго), апокалипсисъ; страшный судъ, въ которомъ обращаетъ на себя вниманіе отдѣленіе овецъ отъ козлицъ, грѣшники въ аду въ западно-европейскихъ костюмахъ, рай въ видѣ укрѣпленнаго, охраняемаго ангелами, города, внутри котораго множество населенныхъ обителей святыхъ; страсти Христовы, въ центрѣ которыхъ извѣстное изображеніе апокрифическаго суда надъ Іисусомъ Христомъ[2]) во всѣхъ подробностяхъ, съ надписями въ свиткахъ судей; гоненіе на церковь Божію, гдѣ церковь представлена въ видѣ корабля, кормчій — самъ Іисусъ Христосъ, гребцы и паруса — апостолы и патріархи; вооруженные баграми и луками, еретики древніе и новые (Кальвинъ, Лютеръ), съ дьяволомъ во главѣ, стараются ниспровергнуть корабль церкви[3]). Много также здѣсь единоличныхъ изображеній святыхъ; въ сѣверномъ притворѣ помѣщены таинства церкви, въ южномъ — коронованіе Богоматери и особенно замысловатое изображеніе — Плоды страданій Христовыхъ[4]): представленъ крестъ и на немъ распятый Спаситель, въ терновомъ вѣнкѣ, съ обычными надписями: въ нимбѣ — *ΩΟΝ* и вверху — I. Н. Ц. I.; на четырехъ оконечностяхъ креста написано: высота, широта, долгота, глубина. Внизу, подъ крестомъ — гора Голгоѳа и Адамова глава. Въ рукахъ Спасителя раздранные свитки (надписи стерты). Концы древа разцвѣли: отъ косой перекладины креста идутъ вверхъ и внизъ вѣтви, оканчивающіяся букетами: изъ одного букета выступаетъ (направо, внизъ) рука съ молотомъ и угрожаетъ аду, представленному въ видѣ наполненной демонами и грѣшниками огненной пасти, прикованной цѣпью къ нижнему концу креста; въ другомъ букетѣ, съ той же правой стороны, ангелъ съ двумя лѣстницами въ рукахъ (принадлежность распятія), въ букетѣ съ лѣвой стороны — ангелъ съ потиромъ въ рукахъ, въ который течетъ кровь

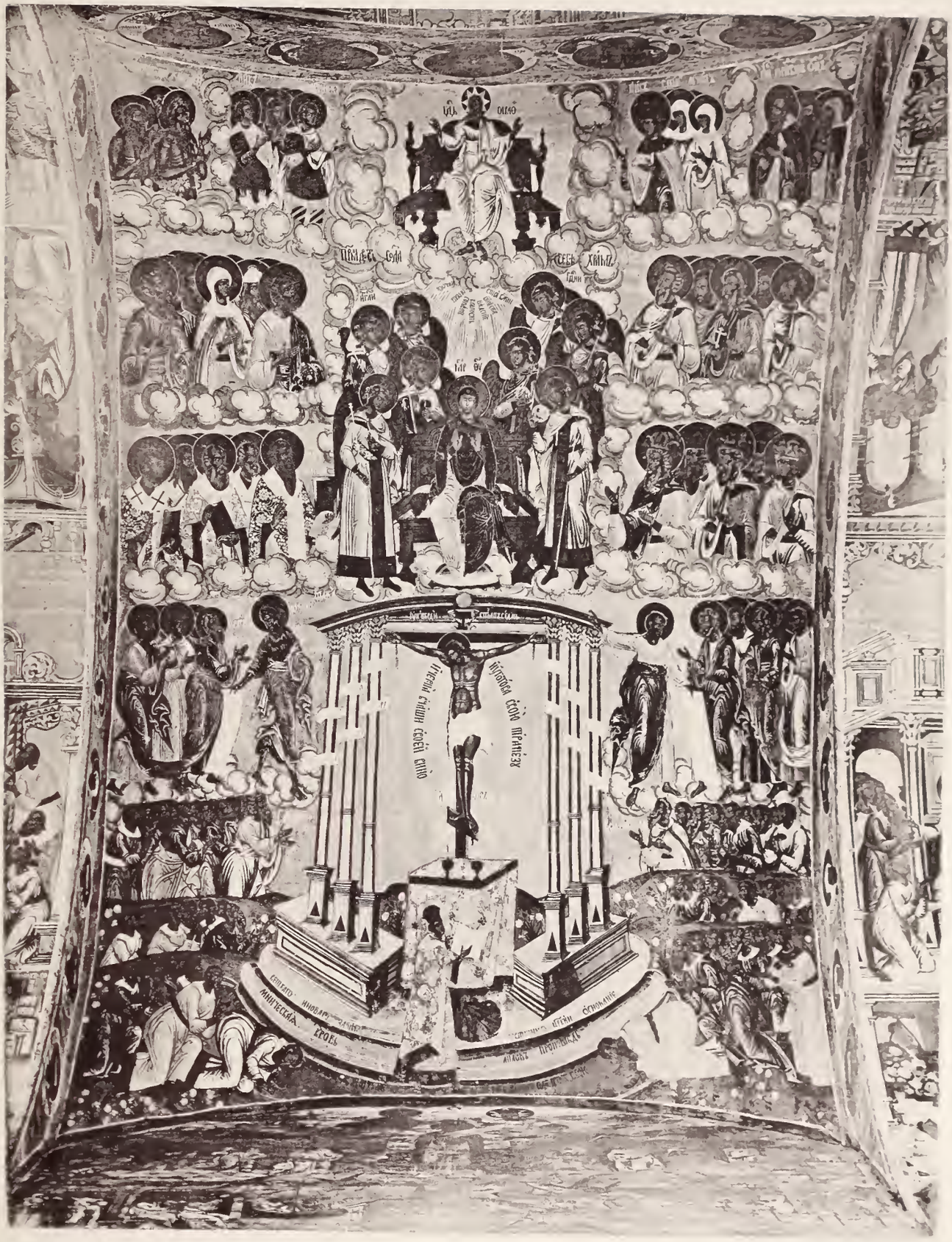
---

[1]) См. на табл. XVII ученіе и кончина апп. Петра и Андрея.

[2]) См. выше стѣнописи Ильинской церкви.

[3]) Ср. такое же изображеніе въ стѣнописяхъ церкви Іоанна Богослова въ Устюгѣ (копія въ музеѣ Спб. Дух. Академіи); также у Ровинскаго № 795.

[4]) Табл. XIX.



Фототипія Шерера Набгольца и К° въ Москвѣ

Фототипія Шерер, Набгольцъ и К° въ Москвѣ.

изъ прободеннаго ребра Іисуса Христа; тотъ же ангелъ держитъ въ другой рукѣ трость, копіе и другія орудія страданія. Отъ длинной поперечной балки креста идутъ многочисленныя вѣтви внизъ и вверхъ: направо — вѣтвь, идущая внизъ, съ букетомъ оканчивается рукою, которая, держа мечъ, поражаетъ сидящую на копѣ смерть; здѣсь надпись[1]):

Грѣховная смерть нынѣ упразднися
Прозябшимъ древомъ въ конецъ упразднися,
Добродѣтели тщитесь творити,
Злобный бо вамъ грѣхъ не имать вредити.

Налѣво — другая рука держитъ вѣнецъ надъ пятиглавою церковью, съ признаками московской архитектуры, съ маковицами: въ этой церкви изображены 4 евангелиста и надъ ними, въ закругленіяхъ стѣнныхъ фасъ, 4 символа евангелистовъ; около церкви (направо) мертвые встаютъ изъ гробовъ; надпись:

Изъ древа крѣстна вѣнецъ просіяетъ,
Терпящимъ въ церкви оный подаетъ,
И кто здѣ о страсти размышляетъ крестнѣ.
Пріиметъ вѣнецъ жизни непрелестнѣ.

Вѣтви, идущія вверхъ отъ этой балки, образуютъ 8 роскошныхъ букетовъ, въ которыхъ помѣщены орудія страданій, поддерживаемыя 8-ю ангелами, — копіе и трость, темница, столпъ съ бичами, двѣ руки святотатственныя, кружка (изъ которой Пилатъ умылъ руки, или сосудъ съ оцтомъ?), терновый вѣнецъ, хитонъ (?) и нерукотворенный образъ. Здѣсь, въ верхней части картины, представлены небесныя сферы, въ видѣ облаковъ съ солнцемъ, луною и четырьмя вѣтрами[2]), а вверху — рай, въ видѣ вертограда, въ которомъ находятся ангельскія силы, Господь Саваоѳъ съ державою и Св. Духъ. Отъ верхняго конца креста исходитъ вѣтвь, оканчивающаяся рукою, которая посредствомъ ключа отпираетъ райскія двери. Въ верхнихъ углахъ картины — надписи; налѣво:

Богъ Отецъ премилосердый
Залогъ даде людемъ твердый,
Въ любви посла въ міръ намъ Сына
Христа за благость Едина;
На крестѣ Сынъ терпѣ страсти,
Свободи міръ сей напасти;

направо:

Сынъ Іисусъ истощися,
Богъ человѣкъ намъ явися,
Въ любви Его всякъ снасется,
Вѣрный въ небо вознесется;
Христосъ отверзъ рай собою,
Идите въ оный правотою.

Изображеніе это встрѣчается и въ гравюрахъ, и на иконахъ; въ изданіи г. Ровинскаго указаны двѣ такія гравюры[3]): одна икона находится въ Тверскомъ музеѣ[4]),

---

[1]) Стертыя надписи воспроизводимъ на основаніи другихъ тождественныхъ памятниковъ.

[2]) На рисункѣ — круглыя темныя пятна.

[3]) Русск. народн. картинки III; 361—363; въ атласѣ рис. № 932

[4]) А. К. Жизневскій, Опис. Тверск. муз. стр. 51—53.

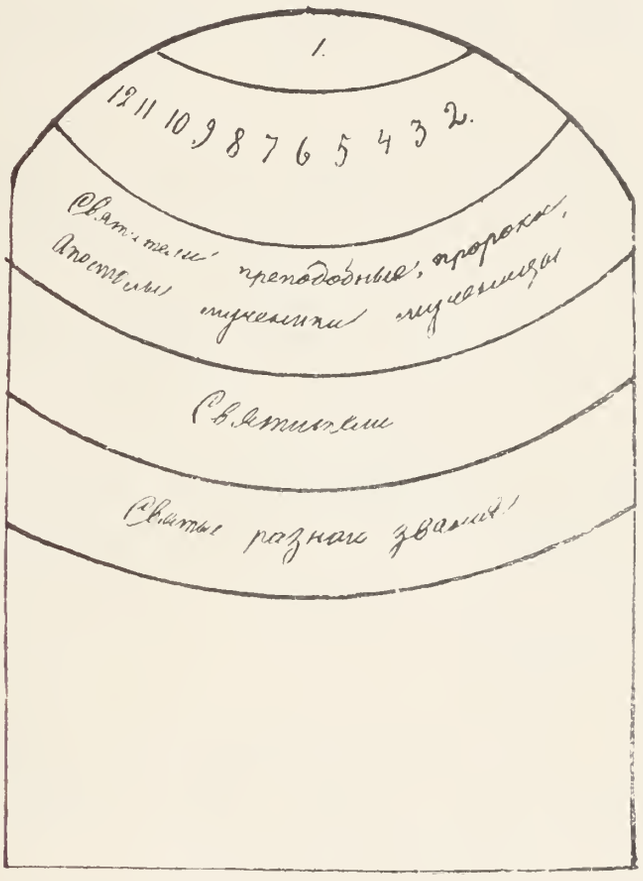
другая — на юго-западномъ столпѣ въ церкви св. Георгія (латышской) въ Псковѣ. Основная мысль картины ясна: Богъ Отецъ въ Своемъ предвѣчномъ совѣтѣ благоизволилъ послать въ міръ возлюбленнаго Сына. Спаситель претерпѣваетъ крестную смерть, побѣждаетъ діавола и смерть, созидаетъ церковь, утвержденную на св. Евангеліи, и отверзаетъ людямъ двери рая. Мотивъ картины — процвѣтшее древо креста — могъ быть внушенъ художнику многочисленными пѣснопѣніями православной церкви; многія детальныя формы картины были даны въ искусствѣ византійскомъ и древне-русскомъ; архитектурныя подробности храма явились подъ вліяніемъ наблюденія современной художнику русской дѣйствительности. Повидимому, отсюда одинъ шагъ до заключенія о русскомъ самобытномъ созданіи этого сюжета. Однакожъ, такое заключеніе было бы слишкомъ поспѣшно. Оставляемъ въ сторонѣ второстепенныя подробности картины, имѣющія западное происхожденіе (титло латинское, терновый вѣнецъ на главѣ распятаго Спасителя и др.), и посмотримъ, нѣтъ ли подобныхъ памятниковъ въ искусствѣ западномъ. Одинъ такой памятникъ мы нашли въ коллекціи Соммерара, въ парижскомъ музеѣ Клюни[1]): здѣсь та же самая идея, выраженная въ подобныхъ же формахъ. На первомъ планѣ — распятый Спаситель, подъ крестомъ — скелетъ (Адамъ?) и возлѣ него группа ветхозавѣтныхъ праведниковъ (въ числѣ ихъ Ной съ ковчегомъ); къ продольной балкѣ креста прикованъ сатана, которому угрожаетъ рука съ молоткомъ, исходящая отъ того же креста. Въ верхней части креста двѣ вѣтви, означающія прозябеніе крестнаго древа; отъ лѣваго конца креста опускается внизъ рука и возлагаетъ вѣнецъ на женщину: женщина олицетворяетъ церковь; она принимаетъ въ потиръ кровь изъ ребра Іисуса Христа; возлѣ нея четыре евангелиста; другая рука, съ правой стороны, поражаетъ синагогу, представленную въ видѣ женщины, сидящей на ослѣ, съ знаменемъ въ рукѣ, на которомъ изображенъ ракъ (символъ закоснѣнія?), съ завязанными глазами (нравственное ослѣпленіе іудеевъ); вверху — третья рука отпираетъ ключомъ двери рая. Не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что здѣсь та же самая основная мысль, что и въ нашемъ памятникѣ: силою креста поражается діаволъ, попирается смерть, устраняется сѣнь ветхаго завѣта, утверждается на четырехъ евангелистахъ церковь, питаемая кровію Іисуса Христа.

Русскій художникъ, знакомый съ этою или подобною ей западною картиною, справедливо разсудилъ, что нѣкоторыя детали ея не совсѣмъ понятны для русскихъ и потому постарался видоизмѣнить ихъ: олицетвореніе церкви онъ замѣнилъ пятиглавымъ храмомъ, олицетвореніе синагоги — смертью и дополнилъ картину рая подробностями, общераспространенными въ русской иконографіи XVII вѣка. Невозможно допустить, чтобы тождество идеи и сходство формъ въ памятникахъ русскомъ и западномъ было дѣломъ случайнымъ: между ними необходимо признать генетическую связь. Западная картина — оригиналъ, русская — подражаніе. Въ подтвержденіе этого достаточно указать на то, что въ Россіи это изображеніе явилось не ранѣе второй половины XVII в.; а картина Соммерара относится къ XV в. Если это опредѣленіе времени показалось бы

[1]) Картина находится въ первой нижней комнатѣ налѣво отъ входа подъ № 1695 (Catalogue et descr. des objets d'art, exposes au musée par Sommerard. Paris 1883). Издана Соммераромъ въ „Les arts au moyen Age, t. III, album 1-e sévie, pl. XXXVII; см. нашу табл. XX.

субъективнымъ, то вотъ другой памятникъ съ точною датою: Дидронъ нашелъ подобное изображеніе въ скульптурѣ тимпана западнаго входа въ главной церкви въ Ландсхутѣ (между Мюнхеномъ и Ратисбонномъ), относящееся къ 1435 году: тѣ же четыре руки креста — верхняя отпираетъ двери рая, другая поражаетъ дверь ада, третья сокрушаетъ идола и ниспровергаетъ корону синагоги, четвертая благословляетъ Мартина, патрона церкви[1]), — мотивъ тотъ же, что и въ разсмотрѣнныхъ картинахъ. Русскому художнику принадлежитъ честь приспособленія этого сюжета къ русскимъ понятіямъ, при помощи тѣхъ наличныхъ средствъ, какія доставляла ему русская иконографія XVII вѣка.

Стѣнописи Николонадѣинской церкви въ Ярославлѣ. Храмъ построенъ въ 1621 г. (запись у западнаго входа), а живопись, какъ видно изъ записей на сѣверномъ и южномъ столпахъ, сдѣлана въ 1640 году; она поновлена, но не утратила своего древняго характера. Роспись главнаго алтаря видна изъ слѣдующаго плана.



1) Въ сводѣ алтаря Богъ Отецъ въ образѣ старца, въ семиугольномъ нимбѣ, съ благословляющею десницею. Подъ Нимъ колесница Езекіиля (человѣкъ, ангелъ, птица и два колеса) и надпись, относящаяся къ росписи апсиды: „иже херувимы тайно образующе“. Въ зенитѣ алтарной апсиды великій входъ; 2) три святителя въ трегла-

[1]) Annales archéol. t. I, p. 22 etc.

вомъ русскомъ храмѣ, предъ престоломъ, на которомъ лежитъ Евангеліе; 3) церковникъ со свѣщею; 4) діаконъ съ кадиломъ и ладанницею; 5, 6) два діакона съ рипидами; 7) діаконъ съ дискосомъ на головѣ; на дискосѣ, подъ звѣздицею, вмѣсто св. хлѣба изображенъ Іисусъ Христосъ въ видѣ лежащаго младенца; 8—10) три священника въ фелоняхъ; 11, 12) два священника несутъ плащаницу съ изображеніемъ восьмиконечнаго креста, съ тростію и копіемъ. Въ аркѣ предъ алтарною апсидою — раздаяніе св. тѣла и крови въ двухъ оживленныхъ группахъ.

Въ жертвенникѣ: Іоаннъ Предтеча съ блюдомъ, на которомъ лежитъ Божественный Младенецъ („се Агнецъ Божій“); въ зенитѣ конхи — воздвиженіе честнаго креста (дѣйствіе происходитъ въ храмѣ съ тремя русскими маковицами; патріархъ держитъ крестъ надъ головою); ниже Іоанна Предтечи, въ аркѣ окна, Богъ Отецъ съ державою, Св. Духъ и Іисусъ Христосъ въ видѣ младенца на дискосѣ, подъ звѣдицею. На стѣнахъ жертвенника — страсти Христовы и святители.

Съ правой стороны алтаря, въ придѣлѣ, посвященномъ св. Михаилу Малеину: въ конхѣ — похвала Пресв. Богородицы; ниже — рождество Богоматери, успеніе и преподобные.

Въ куполѣ — Господь Вседержитель, съ надписью: „кто Богъ велій, яко Богъ нашъ“, и праотцы. Въ средней части храма — Евангеліе (въ аркахъ) и преимущественно чудеса св. Николая Чудотворца, которому посвященъ храмъ. Въ притворахъ — ветхій завѣтъ, начиная отъ сотворенія міра, и страшный судъ (въ нишѣ западнаго притвора). Въ сѣверномъ притворѣ устроенъ особый придѣлъ — Благовѣщенскій, расписанный изображеніями, относящимися къ жизни и чудесамъ Богоматери; здѣсь, между прочимъ, помѣщено въ сводѣ древо Іессея[1]) и аѳоно-дохіарская повѣсть объ юношѣ, нашедшемъ кладъ.

Стѣнописи Николомокринской церкви. Запись на западной стѣнѣ свидѣтельствуетъ, что стѣнописи устроены при Алексѣѣ Михаиловичѣ и ростовскомъ митрополитѣ Іонѣ въ 1673 году[1]). Въ алтарной апсидѣ главное мѣсто принадлежитъ изображенію великаго входа и святителей.

1) Три святителя въ храмѣ, украшенномъ тремя русскими маковицами.

2) Діаконы съ кадилами.

3) Діаконы съ рипидами.

4) Священникъ съ дискосомъ, на которомъ лежитъ Младенецъ І. Христосъ; надъ нимъ Св. Духъ и Богъ Отецъ на колесницѣ Езекіиля.

5) Два священника: одинъ съ потиромъ, другой съ крестомъ.

6) Священникъ съ нерукотвореннымъ образомъ.

7) Два священника: одинъ съ копіемъ, другой съ лжицею.

8) Два священника несутъ воздухъ или плащаницу, раздутую въ видѣ паруса.

9) Ликъ пророковъ.

10) Ликъ апостоловъ.

11) Святые разнаго званія.

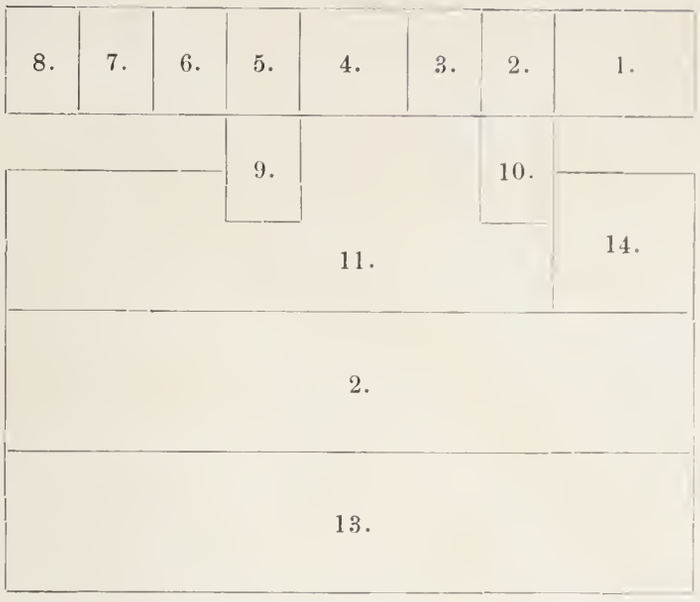
---

[1]) Опис. въ брош. А. Лебедева: Благовѣщенскій придѣлъ въ Николонадѣинскомъ храмѣ, стр. 6.

[2]) Въ путеводителѣ по Ярославлю А. А. Титова поставленъ 1667 годъ (стр. 57).

Фототипія Шереръ,Набгольцъ и К° въ Москвѣ.

12) Святители въ ростъ.
13) Святители въ медаліонахъ.
14) Группа людей, не принадлежащихъ къ лику святыхъ.



На западной стѣнѣ алтаря, надъ царскими вратами замѣчательное изображеніе евхаристіи[1]). Оно раздѣляется на двѣ части: на лѣвой сторонѣ Спаситель со свиткомъ въ рукѣ, въ туникѣ и иматіи, стоитъ за престоломъ подъ киворіемъ и подаетъ апостоламъ св. хлѣбъ; впереди всѣхъ ап. Петръ въ наклоненномъ положеніи, за нимъ остальные 11 апостоловъ въ оживленной группѣ; надпись: „пріимите, ядите, сіе есть тѣло Мое“; на правой сторонѣ Спаситель представленъ во второй разъ, также за престоломъ, украшеннымъ узорчатою матеріею, подъ киворіемъ; Онъ держитъ въ рукахъ кубышку, къ которой приближаются 12 апостоловъ; надпись: „пійте отъ нея вси, сія есть кровь Моя. На заднемъ планѣ обоихъ изображеній представлены палаты, означающія сіонскую горницу; въ срединѣ между двумя этими изображеніями ветхозавѣтная Троица, въ видѣ трехъ ангеловъ за столомъ. Въ этомъ изображеніи евхаристіи сохранился остатокъ древнѣйшей византійской росписи; но уже здѣсь измѣнены и формы его и мѣстоположеніе въ алтарѣ. Въ малой апсидѣ жертвенника І. Предтеча съ блюдомъ (се Агнецъ Божій), ниже престолъ, на которомъ лежитъ Агнецъ Іисусъ Христосъ съ литургическими сосудами, народъ приближается для причащенія и проч. Внизу преподобные и мученики. По лѣвую сторону жертвенника придѣлъ въ честь св. великомученицы Варвары: роспись алтаря этого придѣла напоминаетъ обычный типъ росписи, а въ средней части храма помѣщены изображенія, относящіяся къ св. великомуч. Варварѣ и Юліаніи. Въ малой апсидѣ по правую сторону алтаря: воскрешеніе Лазаря, дочери Іаира, сына вдовы наинской, съ воскресеніемъ І. Христа во главѣ; послѣднее

[1]) Табл. XXI.

представляетъ собою соединеніе древнихъ иконографическихъ формъ съ новыми западными[1]): въ нижней части картины I. Христосъ, въ блестящемъ ореолѣ, стоитъ на вратахъ адовыхъ; по сторонамъ Его на первомъ планѣ Адамъ и Ева встаютъ изъ своихъ гробницъ; Спаситель беретъ ихъ за руки; на заднемъ планѣ двѣ группы ветхозавѣтныхъ праведниковъ; надпись: „сниде Господь во адъ и изведе Адама и сущія съ нимъ“. Вверху — самый моментъ воскресенія въ формахъ, перешедшихъ къ намъ съ запада въ XVII в. ангелъ отваливаетъ круглый камень отъ гроба (наивная форма представленія), Спаситель, въ блестящемъ ореолѣ, поднялся на воздухъ и благословляетъ; стражи поражены чудомъ: одни падаютъ, другіе съ изумленіемъ смотрятъ на Воскресшаго, третьи разсуждаютъ между собою... мертвые возстаютъ изъ гробовъ. Надпись: „возстаніе Господа нашего I. Христа отъ гроба“. Скалистый ландшафтъ сообщаетъ внѣшнее единство картинѣ. Такое соединеніе двухъ моментовъ воскресенія въ одной картинѣ мы знаемъ по памятникамъ не ранѣе XVII в.[2]). Оно вызвано было желаніемъ выразить по возможности полнѣе евангельскій разсказъ о воскресеніи и такимъ образомъ восполнить недочетъ въ древнемъ византійско-русскомъ искусствѣ. Попытка не вполнѣ удачная; задача остается не разрѣшенною удовлетворительно до сихъ поръ.

Въ центральномъ куполѣ Господь Вседержитель и праотцы: Адамъ, Сиѳъ, Енохъ, Авраамъ; въ юго-восточномъ Господь Саваоѳъ и судіи израильскаго народа: Гедеонъ, Самуилъ... въ сѣверо-восточномъ I. Предтеча и пророки, въ сѣверо-западномъ Іисусъ Христосъ, Мельхиседекъ, въ юго-западномъ Богоматерь, Моисей и Ааронъ. Въ сводахъ Евангеліе: проповѣдь въ назаретской синагогѣ и лепта вдовицы (с.-в.), изгнаніе торговцевъ изъ храма и благословленіе дѣтей (ю.-в.); въ западной части свода „Премудрость созда себѣ домъ“ въ сокращенномъ иконографическомъ переводѣ. На сѣверной и южной стѣнахъ жизнь и чудеса св. Николая Чудотворца; сверхъ того на южной стѣнѣ внизу вселенскіе соборы, явившіеся здѣсь, можетъ быть, по связи съ преданіемъ объ участіи св. Николая въ засѣданіяхъ 1-го собора. Всѣ изображенія скомпанованы на одинъ манеръ. Вотъ для образца первый соборъ[3]): храмъ съ тремя маковицами; въ немъ на возвышенномъ тронѣ императоръ Константинъ Великій въ царскихъ одеждахъ, въ коронѣ, со скипетромъ, въ нимбѣ; возлѣ него святители — одни въ фелоняхъ, другіе въ саккосахъ, въ омофорахъ, трое въ епископскихъ шапкахъ древне-русскаго покроя; всѣ въ нимбахъ. Налѣво престолъ, на которомъ стоитъ Спаситель Отрокъ въ раздранныхъ одеждахъ, а предъ престоломъ на колѣняхъ Петръ Александрійскій — сцена, какъ мы видѣли, часто повторяющаяся въ стѣнописяхъ аѳонскихъ; направо въ темницѣ сидитъ безбожный Арій въ мірскихъ одеждахъ, съ разсѣвшимся чревомъ. Тамъ же Арій представленъ еще разъ въ группѣ святителей, возлѣ св. Николая, который поднимаетъ руку, чтобы ударить богохульника. Въ сторонѣ, въ портикѣ, зрители. Надпись: „первый вселенскій св. соборъ бысть въ лѣто 5840 (?) въ царство Константина... Св. отецъ числомъ бѣ 318, на Аріа еретика“. Очевидно, картина идеальная, но не историческая.

---

[1]) Табл. XXII.

[2]) См. акаѳистъ Симона Ушакова въ церкви Грузинской Богоматери въ Москвѣ: кондакъ 12 „благодать дати восхотѣвъ“.

[3]) Табл. XXIII.

Фототипія Шерер, Набгольцъ и К° въ Москвѣ

Таковы же изображенія и другихъ вселенскихъ соборовъ[1]). На западной стѣнѣ страшный судъ — картина обширная, отличающаяся пластичностію формъ. Стѣнописи папертей по своему содержанію относятся главнымъ образомъ къ ветхому завѣту: въ сѣверной паперти — твореніе міра, грѣхопаденіе человѣка, въ южной — исторія Іосифа, переходъ евреевъ чрезъ Красное море и погибель фараонова воинства, изведеніе воды изъ камня Моисеемъ, синайское законодательство, золотой телецъ и др. Въ западной паперти лѣствица духовная и два крунныя изображенія съ двухъ сторонъ главнаго входа въ средній храмъ. Одно представляетъ молитву Господню въ формахъ, павѣянныхъ лицевою библіею Пискатора[2]), другое символъ вѣры также по образу Пискатора. Чтобы видѣть, въ какомъ отношеніи стоитъ нашъ иконописецъ къ Пискатору, обратимъ вниманіе на символъ вѣры. Первый членъ представленъ въ нашихъ стѣнописяхъ въ видѣ Бога Отца въ облакахъ, солнца и луны, земли съ растеніями, птицами, животными и звѣрями, Адама и Евы. Очевидно, картина выражаетъ мысль, что Богъ есть Творецъ неба и земли: тѣ же элементы, съ добавленіемъ щита съ еврейскою и латинскою надписями („Отецъ“), и въ библіи Пискатора[3]). Второй членъ преображеніе Господне („свѣта отъ свѣта“): то же у Пискатора. Третій — Благовѣщеніе и поклоненіе волхвовъ: первое выражаетъ слова Символа — насъ ради человѣкъ и нашего ради спасенія сшедшаго съ небесъ и воплотившагося отъ Духа Свята; второе — и Маріи дѣвы и вочеловѣчшася (надпись); тоже почти у Пискатора: въ картинѣ Благовѣщенія поставлено на второмъ планѣ обожаніе Младенца Іосифомъ и Маріею или, что то же, рождество Христово[4]). Четвертый членъ — распятіе І. Христа, снятіе съ креста („страдавша“) и положеніе во гробъ („погребенна“): у Пискатора распятіе и положеніе во гробъ. Пятый членъ — сошествіе Іисуса Христа во адъ: то же у Пискатора. Шестой — вознесеніе тамъ и здѣсь. Седьмой — второе пришествіе Христово тамъ и здѣсь. Восьмой — сошествіе Св. Духа тамъ и здѣсь Девятый: пятиглавая церковь съ колокольнею; ан. Ананія раздаетъ народу хлѣбъ. У Пискатора также раздача хлѣба и въ отдаленіи вечеря любви, но пятиглаваго храма нѣтъ. Нашъ иконописецъ, слѣдуя по стопамъ Пискатора, ввелъ въ символъ то, чего въ нашемъ никеоцареградскомъ символѣ нѣтъ, именно „общеніе святыхъ“: у Пискатора оно вполнѣ умѣстно, такъ какъ онъ воспроизводитъ символъ апостольскій и въ изображеніи раздачи хлѣбовъ выражаетъ слова этого символа „Sanctorum communionem“. Десятаго члена въ нашихъ стѣнописяхъ нѣтъ: нѣтъ его и у Пискатора; пронускъ этотъ служитъ не къ похвалѣ русскаго иконописца; проповѣдь ап. Петра, помѣщенная на той же картинѣ не восполняетъ этого пропуска: православный иконописецъ долженъ былъ выдѣлить 10-й членъ и выразить точнѣе. Одиннадцатый членъ — воскресеніе мертвыхъ: то же у Пискатора. Двѣнадцатый — тамъ и здѣсь рай. Несмотря, впрочемъ, на эту, доходящую до крайностей, зависимость нашего иконописца отъ западнаго образца въ подборѣ сюжетовъ и раздѣленіи символа на члены, онъ все-таки старался удержать иконографическія формы, выработанныя древнею иконописною практикою: онъ

[1]) Ср. на той же табл. 2-й всел. соб.

[2]) Theatr. bibl. tab. 319—326.

[3]) Theatr. bibl. tab. 425 etc.

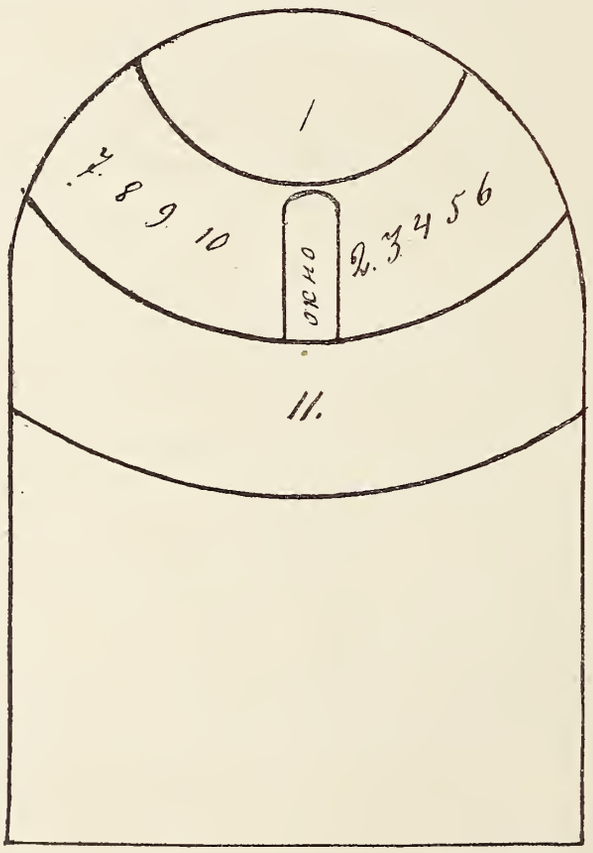
[4]) Не истолковалъ ли нашъ иконописецъ эту сцену въ смыслѣ поклоненія волхвовъ?

не измѣняетъ сочиненіе общеизвѣстныхъ сюжетовъ, не допускаетъ обнаженныхъ тѣлъ и живописныхъ фигуръ, эффектныхъ позъ и драматизма, отличающихъ картины Пискатора, и придерживается стиля иконописнаго.

На стѣнахъ и сводѣ западнаго входа (крыльцо) изображено откровеніе Іоанна Богослова въ формахъ, сходныхъ съ апокалипсисомъ Пискатора[1]).

Стѣнописи Θеодоровской церкви. Точныхъ записей о времени исполненія ихъ нѣтъ. По всей вѣроятности онѣ исполнены незадолго до освященія храма (1691 г.), когда по словамъ повѣсти о созданіи церкви Пресвятой Богородицы Θеодоровскія „каменный храмъ весь создася и всякимъ внѣшнимъ и внутреннимъ украшеніемъ изготовися въ алтари и во церкви“[2]). Повѣсть сообщаетъ, что иконы для храма изготовлялись ярославскими и костромскими иконописцами; отсюда возможно предположить, что имъ же поручены были и стѣнописи, тѣмъ болѣе, что въ роспись должны были войти спеціальныя изображенія, относящіяся къ исторіи иконы Θеодоровской Богоматери, знакомыя мѣстнымъ иконописцамъ по стѣнописяхъ костромского Успенскаго собора. Стѣнными изображеніями украшенъ алтарь и средній храмъ.

Стѣнописи алтаря близко подходятъ по своему содержанію къ соотвѣтствующимъ стѣнописямъ Предтеченской церкви, но не представляютъ уже той широты и разнообразія иконографическихъ цикловъ.



[1]) Theatr. bibl. tab. 472—478. Ср. Ѳ. И. Буслаева, Сводъ изображеній изъ лицевыхъ апокалипсисовъ.

[2]) Повѣсть о созданіи и проч. стр. 16. Въ путеводителѣ по Ярославлю (стр. 64) сооруженіе церкви отнесено къ 1687 году.

1) Въ сводѣ алтаря подробно развита пѣснь „О тебѣ радуется, благодатная".

2) Св. Григорій Богословъ на тронѣ; его окружаютъ епископы.

3) Начало литургіи — благослови Владыко: къ обычному изображенію этого момента, взятому съ патуры присоединено изображеніе ангела, поражающаго копьемъ пасть ада, въ чемъ нельзя не видѣть вліянія уже извѣстнаго намъ толкованія на литургію, приписываемаго св. Григорію Богослову.

4) Входъ съ Евангеліемъ.

5) Чтеніе Апостола: за чтецомъ стоитъ ап. Павелъ съ книгою, а за священникомъ царь и пророкъ Давидъ.

6) Чтеніе Евангелія.

7) Великій входъ, безъ таинственныхъ подробностей.

8) Яко да царя всѣхъ подымемъ: І. Христосъ — царь на тронѣ, утвержденномъ на облакахъ; возлѣ Него два ангела въ саккосахъ, омофорахъ и епископскихъ шапкахъ.

9) Достойно и праведно есть поклонятися Отцу и Сыну и Св. Духу: вверху Св. Троица, ниже ангелы и народъ.

10) Святая святымъ: на престолѣ чаша, въ которой подъ звѣздицею лежитъ Іисусъ Христосъ. Сверху слетаетъ ангелъ и, держа въ правой рукѣ ножъ (?), касается имъ груди Іисуса Христа.

11) Рядъ святителей.

На западной сторонѣ алтаря — тайная вечеря,— копія съ картины Леопардо-да-Винчи.

Въ жертвенникѣ по лѣвую сторону алтаря, соотвѣтственно его назначенію, росписи указываютъ главнымъ образомъ на необходимость и пользу поминовенія усопшихъ на литургіи; умѣстны здѣсь также и изображенія служителей проскомидіи діаконовъ, — равно какъ и изображеніе великаго входа, но уже совсѣмъ случайно изображенія изъ акаѳиста въ честь Богоматери. Слѣдующій планъ покажетъ, какъ размѣщены здѣсь эти разнохарактерныя изображенія.

1) Херувимская пѣснь: престолъ, возлѣ котораго три святителя и обычный великій входъ.

2) І. Христосъ Агнецъ Божій въ чашѣ, по сторонамъ Его Богоматерь и І. Предтеча.

3) Престолъ; священникъ и діаконъ поминаютъ усопшихъ. Особая надпись разъясняетъ, что поминовеніе усопшихъ на литургіи приноситъ послѣднимъ радость.

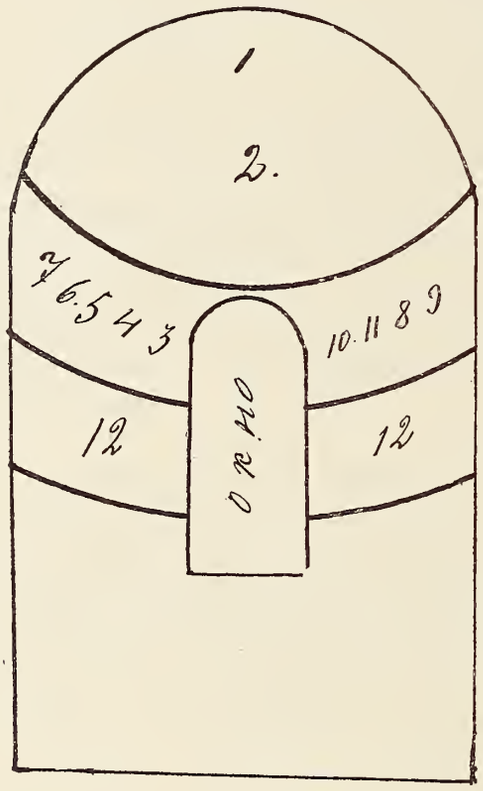
4) Кондакъ 11-й акаѳиста: пѣніе всякое побѣждается. Представлены І. Христосъ и святители.

5) Икосъ 10-й акаѳиста: стѣна еси дѣвамъ Богородице Дѣво. Представлена Богоматерь, держащая въ рукахъ омофоръ — эмблема покровительства вѣрнымъ, и по сторонамъ ея св. дѣвы.

6) Душа умершаго въ царскомъ вѣнцѣ сидитъ за столомъ, уставленнымъ яствами, среди райскихъ деревьевъ. Ниже — ангелъ несетъ душу внизъ; еще ниже — обнаженная душа сидитъ въ темномъ мѣстѣ. Надписи: 1) посажена душа та въ ангельски свѣтлѣ мѣстѣ, 2) и по совершеніи литургіи сноситъ ангелъ Господень душу облакомъ и обнажаетъ ее и сажаетъ въ прежнемъ мѣстѣ.

7) Ангелъ Господень сидитъ въ раю и записываетъ имена усопшихъ; ниже — душа въ темномъ мѣстѣ, предъ нею стоитъ ангелъ съ одеждою и вѣнцомъ въ рукахъ, предназначенными для облаченія праведной души.

8) Рай въ видѣ вертограда; ангелъ держитъ въ рукахъ обнаженную душу и показываетъ ей блаженства рая, или, какъ гласитъ надпись: „повелѣ Господь ангелу показати (душѣ) главную красоту“. Направо въ темномъ мѣстѣ мучатся грѣшныя души.



9) Ангелъ показываетъ душѣ мученія грѣшниковъ.

10) „Взбранной воеводѣ побѣдительная“: погибель непріятелей подъ стѣнами Константинополя.

11) Благовѣщеніе Пресв. Богородицы.

12) Св. діаконы, въ числѣ которыхъ Козьма и Даміанъ.

Изображенія, относящіяся къ судьбѣ умершихъ за гробомъ, повторяютъ основныя темы поучительныхъ статей, помѣщаемыхъ въ русскихъ синодикахъ XVII и XVIII вв. Въ синодикахъ приводятся свидѣтельства вселенскихъ учителей церкви о пользѣ поминовенія усопшихъ, объясняются молитвы поминовенія въ 3-й, 9-й, и 40-й день[1]),

---

[1]) Въ третій день человѣкъ измѣняетъ видъ, въ 9-й все тѣло разрушается и остается одно сердце, въ 40-й день разрушается сердце. Обратное явленіе происходитъ въ зачатіи младенца: въ 3-й день „живописуется сердце, въ 9-й составляется плоть, въ 40-й человѣкъ въ совершенный видъ воображается. Синодикъ рукон. Соф. библ. № 1552; ср. синоксарь мясопустной субботы и Камень вѣры Стефана Яворскаго; также слово Макарія Александрійскаго объ исходѣ души; Симеона Солунскаго (русск. перев. 538—539) и др.

въ особыхъ статьяхъ присоединяются соображенія о томъ, какъ ангелы записываютъ имена умершихъ, показываютъ имъ мученія грѣшниковъ и водворяютъ въ раю. Сказанія эти восходятъ своими корнями къ отдаленной христіанской древности, повторяются во многихъ сочиненіяхъ эсхатологическаго характера, между прочимъ, въ Великомъ Зерцалѣ и наконецъ находятъ наглядное выраженіе отчасти въ церковныхъ стѣнописяхъ, главнымъ же образомъ въ лицевыхъ синодикахъ[1]).

Въ діаконникѣ, по правую сторону алтаря: въ сводѣ — древо Іессея, на вершинѣ котораго Богоматерь, съ распущенными волосами, держитъ на рукахъ Младенца Іисуса. Внизу — созданіе Адама и Евы и рядъ апостоловъ изъ числа 70-ти.

Въ центральномъ куполѣ Господь Вседержитель, въ ю.-з. — I. Христосъ Первосвященникъ, въ с.-з. — св. Николай Чудотворецъ. Въ сводахъ праздники. Рождество Богородицы (с.-в.): св. Анна сидитъ на узорчатой постелѣ, возлѣ нея столъ съ яствами и двѣ женщины съ подарками; внизу направо двѣ женщины омываютъ новорожденную Богоматерь; а повыше — служанка объявляетъ Іоакиму о рожденіи Богоматери. Налѣво зачатіе Богоматери въ видѣ лобзанія Іоакима и Анны. Благовѣщеніе Пресв. Богородицы: Богъ Отецъ посылаетъ ангела благовѣстить Пресв. Дѣвѣ; ангелъ размышляетъ предъ дверьми дома Богоматери; ангелъ благовѣствуетъ Богоматери, которая стоитъ въ палатахъ, безъ рукодѣлья; на главу Богоматери сходитъ Св. Духъ; предъ нею Библія, раскрытая на словахъ прор. Исаіи: „се дѣва во чревѣ пріиметъ и родитъ сына“. Переводъ этотъ согласенъ съ описаніемъ событія благовѣщенія въ Четьихминеяхъ св. Димитрія Ростовскаго и имѣетъ связь съ древними преданіями объ этомъ событіи. Рождество Христово (ю.-в.) вмѣстѣ съ поклоненіемъ волхвовъ: Богоматерь сидитъ на тронѣ съ Младенцемъ; предъ нею три волхва съ дарами; внизу обычное омовеніе Младенца и Іосифъ, бесѣдующій съ пастухомъ; вверху — ангелы славословящіе, ангелъ объявляетъ пастухамъ радостную вѣсть; другой держитъ въ рукахъ звѣзду, отъ которой идутъ лучи на главу I. Христа; звѣзда эта означаетъ ту „умную силу“, которая, по словамъ Златоуста, привела волхвовъ въ Виѳлеемъ. У ногъ Богоматери волъ и оселъ. Срѣтеніе: Симеонъ, стоя въ храмѣ предъ престоломъ, держитъ въ рукахъ Младенца; предъ нимъ Богоматерь, свв. Анна и Іосифъ съ клѣткою, въ которой двѣ птички. Въ западной части сводовъ — „премудрость созда себѣ домъ“ въ тѣхъ же формахъ, какъ въ церкви I. Предтечи. Росписи стѣнъ и столповъ отличаются разнообразіемъ цикловъ. Храмъ посвященъ Ѳеодоровской Богоматери; но такъ какъ онъ построенъ вмѣсто бывшей здѣсь Никольской церкви, которая въ видѣ особаго зданія также продолжаетъ существовать доселѣ (отсюда названіе Николопенская-Ѳеодоровская церковь), то и въ росписи его находятся слѣды того и другого посвященія храма. Наибольшее мѣсто на стѣнахъ храма отведено Евангелію: оно занимаетъ верхнія части стѣнъ сѣверной, южной и западной. Евангельскіе сюжеты уклоняются явно отъ древнихъ композицій: всюду видно движеніе, мертвыя схемы оживлены. Особенно обращаютъ на себя вниманіе съ этой стороны страсти Христовы[2]), напоминающія многія миніатюры лицевыхъ рукописей страстей,

[1]) См. рукоп. Кирилл. библ. № 1430; ср. у Ровинскаго синодикъ Бунина и др. (III, 189 и слѣд.)

[2]) Нѣкоторыя изображенія изъ исторіи страстей на табл. XXIV.

весьма распространенныхъ у насъ въ XVII и XVIII вв. При видѣ этихъ оживленныхъ сценъ, напр. взятія І. Христа въ саду Геѳсиманскомъ, страшнаго испуга воиновъ, разбросанныхъ тамъ и сямъ въ художественномъ безпорядкѣ, Спасителя, вылетающаго изъ гроба съ знаменемъ въ рукѣ, изнеможенной Богоматери на землѣ, терноваго вѣнца на главѣ распятаго Спасителя,—невольно припоминаются западныя гравюры, оставившія глубокіе слѣды и въ нашихъ миніатюрахъ страстей, и въ иконахъ, и въ стѣнописяхъ. Стихотворныя подписи[1]) подъ изображеніями страстей указываютъ на совершенно свободное отношеніе иконописца и къ иконографическому преданію и къ тексту Евангелія, напр.:

Со креста со страхомъ пречистое тѣло снемше,
Ученицы сѣтуютъ пріемши.
Мати сына зрящи яко мертва на земли плачущи рыдаше.
И въ болѣзни своей вопіяше.

Или:

Христосъ отдается мертвой муцѣ;
Іуда лобзаетъ Христа, отдаетъ мучителемъ въ руцѣ.
Слышавше же (воины) гласъ Христовъ на землю падоша,
Ужасъ ихъ взятъ, стерпѣти не могша.

На сѣверной и западной стѣнахъ молитва Господня по Пискатору; на тѣхъ же стѣнахъ и южной въ нижнемъ ряду — исторія Влахернской иконы Богоматери[2]); кромѣ того на западной — сошествіе Св. Духа на апостоловъ въ формахъ, очевидно, западныхъ: триклиній, гдѣ происходитъ дѣйствіе, изображенъ въ стилѣ Возрожденія, Богоматерь и апостолы сложили руки на католическій манеръ, вверху вмѣстѣ съ огненными языками ангелы, внизу толпа народа. Память о посвященіи первоначальнаго храма св. Николаю выразилась въ одномъ нижнемъ рядѣ изображеній изъ жизни и чудесъ св. Николая на сѣверной стѣнѣ. Въ соотвѣтствіи съ этими изображеніями помѣщенъ на южной стѣнѣ рядъ изображеній, относящихся къ исторіи чудотворной иконы Ѳеодоровской Богоматери; циклъ этотъ рѣдко встрѣчается въ стѣнописяхъ[3]), и хотя не отличается обиліемъ характерныхъ бытовыхъ подробностей, все-таки представляетъ интересъ, какъ одна изъ попытокъ художественной разработки темъ, заимствованныхъ изъ русской исторіи. Великій князь Василій Ярославичъ[4]) костромской отправляется на охоту: его сопровождаетъ многочисленная свита, охотничьи собаки и любимый княжескій соколъ на рукѣ охотника. Предъ охотниками стоитъ вѣтвистое дерево и на немъ икона Богоматери. Князь сходитъ съ коня, простираетъ руки къ иконѣ, чтобы взятъ ее... Надпись объясняетъ картину такимъ образомъ: „во дни великаго князя Василія Георгіевича образъ Пресв. Богородицы принесенъ“. Великій князь Василій поѣхавъ со пси и видѣ

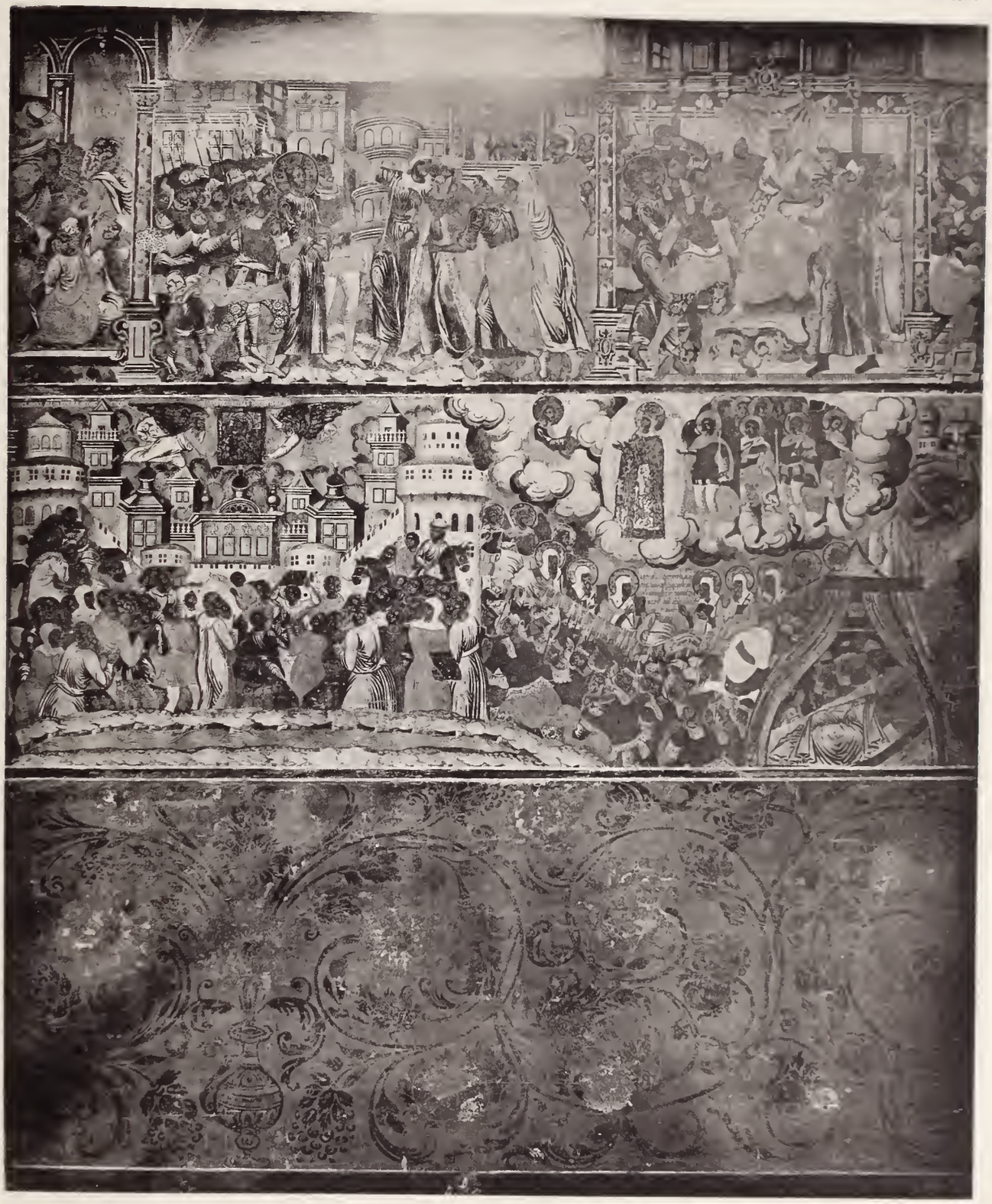
---

[1]) Ср. вирши подъ изображеніями страстей Христовыхъ у Пискатора (табл. 401 и слѣд.): въ нашемъ экземплярѣ славянскія стихотворныя надписи сдѣланы скорописью XVII в., ср. также у Ровинскаго № 871.

[2]) Табл. XXIV, гдѣ между прочимъ находится видѣніе Темиръ Аксака: онъ спитъ въ палаткѣ среди тѣлохранителей, а вверху Богоматерь на облакахъ молится Спасителю; возлѣ Нея ангелы въ воинскихъ одеждахъ; ниже святители. Надпись: „пріидс царь Темиръ Аксакъ на русскую землю, видѣ во снѣ Богородицу и множество ангелъ на воздусѣ и святителей молящихся“.

[3]) Ср. росписи притворовъ къ Костромскомъ Успенскомъ соборѣ.

[4]) Въ надписи названъ онъ Василіемъ Георгіевичемъ, какъ и въ нѣкоторыхъ древнихъ сказаніяхъ объ обрѣтеніи иконы Ѳеодоровской Богоматери. См. объ этомъ подробныя свѣдѣнія въ Историч описс. костр. Успенскаго собора свящ. П. Ѳ. Островскаго.



образъ Пресв. Богородицы... на древѣ сосновѣ хотя ея взяти, образъ же не дадеся. Слѣдующая картина представляетъ перенесеніе чудотворнаго образа духовенствомъ и множествомъ народа въ Костромской соборъ. Внѣшняя обстановка картины, какъ соборныя главы, одежды духовенства и бояръ взяты изъ быта XVII в., но архитектура собора не имѣетъ сходства съ дѣйствительностію и составляетъ роскошный вымыслъ фантазіи. Князь — мужчина среднихъ лѣтъ, съ широкою бородою, въ богатомъ княжескомъ костюмѣ. Чудеса отъ иконы Ѳеодоровской Богоматери въ нѣсколькихъ картинахъ: пожаръ въ Костромскомъ соборѣ, представленномъ въ видѣ московскаго кремля съ высокими башнями[1]); икона Богоматери чудеснымъ образомъ поднялась вверхъ, гдѣ держатъ ее два ангела; народъ — пѣшіе и конные — съ изумленіемъ смотрятъ на чудо; иные молятся.

Великій князь Василій побѣждаетъ татаръ: крѣность, изъ которой русскіе выбрасываютъ на непріятелей камни и стрѣляютъ изъ пищалей; изъ воротъ крѣности выступаютъ вооруженные всадники съ иконою Богоматери. Воины и кони татарскіе падаютъ.

Въ притворѣ Ѳеодоровской церкви стѣнописей нѣтъ.

Стѣнописи церкви Іоанна Златоуста въ Коровникахъ по своему стилю и иконографическому содержанію близко подходятъ къ предтеченскимъ. Храмъ построенъ въ 1654 г.; но его первоначальныя стѣнописи, если онѣ были, до насъ не дошли. Запись на южной стѣнѣ удостовѣряетъ, что существующія стѣнописи исполнены при импер. Аннѣ Іоанновнѣ въ 1732 году; другая запись на западной сторонѣ алтаря отмѣчаетъ ихъ возобновленіе въ 1836 году. Въ сводѣ апсиды алтарной: „О тебѣ радуется, благодатная, всякая тварь“; затѣмъ въ апсидѣ и на стѣнахъ алтаря литургія въ нѣсколькихъ моментахъ: „благослови владыко“, входъ съ Евангеліемъ, чтеніе изъ Апостола и Евангелія, ектенія объ оглашенныхъ, „достойно и праведно есть“. Всѣ эти изображенія представляютъ копію съ обыкновенной литургіи и чужды той символизаціи, какую мы видѣли напр. въ церкви Предтеченской. Изъ послѣдующихъ изображеній моментовъ литургіи только въ двухъ дано указаніе на таинственное значеніе ихъ, именно: въ изображеніи „пріимите, ядите, сіе есть тѣло Мое“ представленъ І. Христосъ лежащимъ въ чашѣ, а въ изображеніи „побѣдную пѣснь поюще...“ Онъ стоитъ въ чашѣ на престолѣ. Въ нижнемъ ряду алтарной апсиды изображены, по обычаю, святители. Въ проходѣ изъ алтаря въ жертвенникъ изображенъ престолъ, на которомъ херувимъ закалаетъ Божественнаго Агнца І. Христа длиннымъ ножомъ; около престола находятся священникъ, діаконъ, ангелы и Богоматерь. Надпись объясняетъ, что здѣсь представлено видѣніе Ефрема Сирина о братѣ нѣкоемъ, соблазнявшемся о раздробленіи просфоры. Въ жертвенникѣ на сводѣ Похвала Пресв. Богородицы, въ зенитѣ конхи „се агнецъ Божій“, ниже нѣсколько изображеній изъ синодика, относящихся къ судьбѣ души за гробомъ и изъясняющихъ пользу поминовенія усопшихъ на литургіи. Внизу — діаконы. Въ куполѣ храма — коронованіе Богоматери. Въ сводахъ: благовѣщеніе пресв. Богородицы, съ книгою, и вознесеніе Господне, съ трубящими ангелами (с.-в.); сошествіе во адъ, въ присутствіи апостоловъ (sic!), преображеніе и рождество Христово, вмѣстѣ

[1]) Табл. XXIV. Стѣна и башни, въ дѣйствительности, были здѣсь въ XVII в. деревянныя; см. ц.-с. Островскаго, стр. 33.

съ поклоненіемъ волхвовъ, представленныхъ въ царскихъ коронахъ (ю.-в.); премудрость созда себѣ домъ (з.)[1]. На стѣнахъ храма въ верхнихъ частяхъ — Евангеліе, ниже исторія чудотворной иконы Владимірской Богоматери (ср. стѣнописи Ѳеодоровской церкви): Евангелистъ Лука сидитъ и пишетъ икону Богоматери по образцу Богоматери, сидящей здѣсь же направо вверху[2]; направо онъ подноситъ Богоматери свое произведеніе. Въ особой картинѣ представлено перенесеніе иконы изъ Кіева во Владиміръ: духовенство, сидя въ просторномъ экипажѣ, держитъ на рукахъ св. икону, конные всадники и толпа народа сопровождаютъ икону, вдали го́ры и два города, вѣроятно, Кіевъ и Владиміръ. Внизу на землѣ неизвѣстный человѣкъ и женщина, разбитая стоящею здѣсь лошадью: подробности эти объясняются изъ сказанія о перенесеніи иконы, гдѣ говорится, между прочимъ, что на пути къ г. Владиміру конь, везшій повозку священника сбилъ съ себя слугу и переломилъ ему ногу, а жену священника топталъ ногами и, схвативъ зубами, тащилъ по землѣ до тѣхъ поръ, пока она испустила духъ[3]. По молитвѣ священника, жена его ожила, а слуга выздоровѣлъ. Такъ именно объяснено это и въ надписи надъ изображеніемъ: „сія святая икона везома ста близъ града Владиміра, ту жена іереева до смерти убіенная оживотворися“. Надпись эта, какъ видно, отмѣчаетъ и ту подробность, что, не доѣзжая до Владиміра, лошади, везшія икону, остановились. Это произошло, по словамъ сказанія, па берегу Клязьмы, гдѣ князь соорудилъ двѣ церкви[4]. По плѣненіи же Батыевѣ, читаемъ въ надписи надъ другимъ изображеніемъ, князь Василій съ патріархомъ (sic!) Кипріаномъ принесе изъ Владиміра всечестную икону въ царствующій градъ Москву; на картинѣ[5] представленъ Московскій Успенскій соборъ въ шаблонныхъ иконописныхъ формахъ; къ нему подходитъ торжественная процессія съ св. иконою; впереди митрополитъ Кипріанъ и великій князь Василій Дмитріевичъ, оба въ нимбахъ; затѣмъ и митрополитъ и князь представлены еще разъ, втѣстѣ съ народомъ, въ самомъ Успенскомъ соборѣ, гдѣ на видномъ мѣстѣ стоитъ икона Богоматери и предъ нею зажженная свѣча. Ниже этихъ изображеній на стѣнахъ (с.-ю.-з.) Златоустовскаго храма помѣщены жизнь и чудеса св. І. Златоуста[6]; на южной стѣнѣ разбросана по частямъ молитва Господня, а на западной нѣсколько изображеній изъ книги пѣснь пѣсней; но гораздо большаго вниманія заслуживаетъ въ Златоустовскомъ храмѣ изображеніе недреманнаго ока[7]: Спаситель въ видѣ прекраснаго отрока лежитъ на ложѣ, у изголовья стоитъ Богоматерь, у ногъ — ангелъ; другой ангелъ летитъ сверху съ орудіями страданій І. Христа — крестомъ, тростью и копіемъ; на заднемъ планѣ деревья; надпись: сей (!) не воздремлетъ, ниже уснетъ храняй Израиля. Въ стѣнописяхъ аѳонскихъ „Недреманное око“ — явленіе нерѣдко повторяющееся; нерѣдко оно и въ памятникахъ русскихъ — стѣнописяхъ, на иконахъ,

---

[1]) Описано выше, въ стѣнописяхъ Предтеченской церкви; тамъ же, табл. XVIII.
[2]) Табл. XXV.
[3]) Слава Пресв. Богородицы, ч. III, стр. 33.
[4]) Тамъ же, стр. 34.
[5]) Табл. XXV.
[6]) См. на той же табл.
[7]) Табл. XXVI.

Фототипія Шереръ [illegible] въ Москвѣ

СЕН НЕВОДЕМАГ ЖЕ УСПЕТЪ
ХРИНАН ІЗГАНЛА

воздухахъ [1]) и въ иконописныхъ подлинникахъ [2]). Варіанты его не имѣютъ особенной важности; гораздо важнѣе изъясненіе этого сюжета, встрѣчающееся въ нашихъ старинныхъ рукописныхъ сборникахъ: сказаніе о иконѣ недреманномъ оцѣ Господни, чесо ради пишутъ тако. Егда идяше Іисусъ отрочатемъ отъ Іерусалима въ свой градъ Назаретъ и съ Нимъ бяше и мати Его Марія, и хотяше Іисусъ открыти тайну Свою, якоже и Симеонъ Богопріимецъ прежде пророче: оружіе пройдетъ твою душу; и отъ путнаго шествія утружден и сѣде при пути и воздремався Іисусъ и хотяше возлещи и преклонься; и предстоящая Матерь Его видѣ два ангела, — одинъ одесную держаше крестъ, а другой ошуюю держаше трость и копіе; и восклонься Матерь вопроси Іисуса, глаголя: о чадо, не мимо иди рожденія тя, рцы ми, что сіе есть видѣніе, еже видится очима моима; и отвѣщавъ Іисусъ рече: о Мати, тайна сія есть великая, о мнѣ сбудеттися якоже Симеонъ пророче, еже оружіе пройдетъ твою душу, егда узриши мя на крестѣ распинаема и копіемъ въ ребра прободаема, и тогда сбудется пророченное слово: сей лежитъ на паденіе и востаніе многихъ во Израили, се ти речено о распятіи и востаніи моемъ [3]). Въ западной паперти Златоустовской церкви обращаютъ на себя вниманіе двѣ сложныя картины по сторонамъ входа: судъ надъ І. Христомъ и страшный судъ, въ которомъ, между прочимъ, находится внизу отдѣленіе овецъ отъ козлищъ, — символическая и рѣдко встрѣчающаяся форма отдѣленія праведниковъ отъ грѣшниковъ (ср. табл. 391 Пискатора). Остальныя изображенія и новы, и не многочисленны.

Стѣнописи Христорождественской церкви не имѣютъ точной даты. Построеніе церкви, какъ видно изъ записи [4]) на наружномъ карнизѣ, относится къ 1642 году; но живопись въ томъ видѣ, какъ она дошла до насъ, не можетъ быть отнесена къ тому времени. По сравненію съ другими ярославскими стѣнописями и обилію западныхъ новшествъ, она должна быть признана позднѣйшею, хотя и не совершенно новою [5]). Возможно притомъ предположить, что она была исправлена въ 1831 году при епископѣ Авраамѣ, вмѣстѣ съ передѣлкою самаго храма. Роспись алтаря даетъ намъ знакомое но смѣшанное иконографическое содержаніе: въ апсидѣ „О тебѣ радуется, благодатная“, ниже І. Предтеча съ блюдомъ, на которомъ лежитъ І. Христосъ (се агнецъ — обычное изображеніе жертвенника), по сторонамъ его святители, цари въ нимбахъ и народъ; тутъ же и благоразумный разбойникъ; ниже „яко до царя всѣхъ подымемъ“: представлено Отечество и ангелы — одни въ епископскихъ шапкахъ и омофорахъ, другіе

[1]) Шитый воздухъ XVII в. въ костромской воскресенской (на Дебрѣ) церкви; иконы: см. ст. О. И. Буслаева о моск. молельняхъ въ Сборн. общ. древне-русск. иск. 1866 г. отд. II, стр. 128; си. А. Виноградова — О символическ. иконахъ, стр. 25—26.

[2]) Подлинникъ лицевой Сійскаго монаст. въ музеѣ Общ. любителей др. письм. (л. 165); также сборная рукопись гр. Строганова: О. И. Буслаевъ, Очерки русск. нар. слов. II, 367.

[3]) Собр. рукоп. Бѣляева въ Моск. публ. музеѣ № 1549, рукоп. Кринъ XVII в., л. 492.

[4]) Лѣта 7150 году поставлена сія церковь во имя Рождества Господа Бога и Спаса нашего І. Христа при державѣ государя царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича, всея Русіи самодержца, при митрополитѣ Варлаамѣ Ростовскомъ и Ярославскомъ, а воздвигли сію церковь Анкидинъ, по прозванію Дружина, да Гурій Назарьевъ и дѣти по своихъ душахъ и по своихъ родителехъ, а совершили церковь сію послѣ отца своего Гурья Назарьева дѣти его Михаилъ и Андрей да Иванъ по своихъ душахъ и по родителехъ въ вѣчныхъ благъ. А совершена сія церковь и освящена осьмыя тысящи 152 году.

[5]) На западной стѣнѣ мы замѣтили слѣды стертой надписи, указывающей, повидимому, на 1682 годъ.

съ діаконскими орарями; въ рукахъ ангеловъ шары съ надписью „аллилуія“. Внизу два ряда святителей — вселенской церкви и русской. Евхаристія перенесена на западную сторону алтаря къ царскимъ вратамъ и получила видоизмѣненіе въ подробностяхъ: Спаситель причащаетъ апостоловъ посредствомъ лжицы. Въ жертвенникѣ (с.-в.) великій входъ, при чемъ присутствуютъ святые въ нимбахъ; се агнецъ, святители въ медаліонахъ; на стѣнахъ мученики, мученицы, преподобные, Петръ и Павелъ и др. Въ куполѣ Господь Вседержитель въ древнемъ типѣ, съ раскрытымъ Евангеліемъ, въ которомъ написано: „вся елика аще просите“... Вокругъ Спасителя надпись: „съ высоты призираяй убогія пріемля“... Въ сводахъ (с.-в.) благовѣщеніе пресв. Богородицы и введеніе во храмъ, (ю.-в.) рождество Христово (Божеств. Младенецъ не спеленатъ, но одѣтъ въ бѣлое покрывало) съ поклоненіемъ пастырей и Богоявленіе (вверху Богъ Отецъ) съ проповѣдью І. Предтечи; (з.) „премудрость созда себѣ домъ“ въ формахъ сокращенныхъ. На стѣнахъ сѣверной и южной, Евангеліе и событія изъ жизни Богоматери и дѣяній апостольскихъ; кромѣ того на сѣверной стѣнѣ изображены семь таинствъ церкви и молитва Господня. На западной стѣнѣ „Хвалите Господа съ небесъ“ — циклъ изображеній напоминающій стѣнописи Аѳона и русскія гравюры, и страшный судъ: общая схема и содержаніе этой послѣдней картины не представляетъ оригинальныхъ особенностей по сравненію съ другими памятниками XVII—XVIII в., рѣдкую особенность его представляютъ сирены въ раю въ видѣ двухъ женскихъ фигуръ съ крыльями, среди райскихъ деревьевъ[1]).

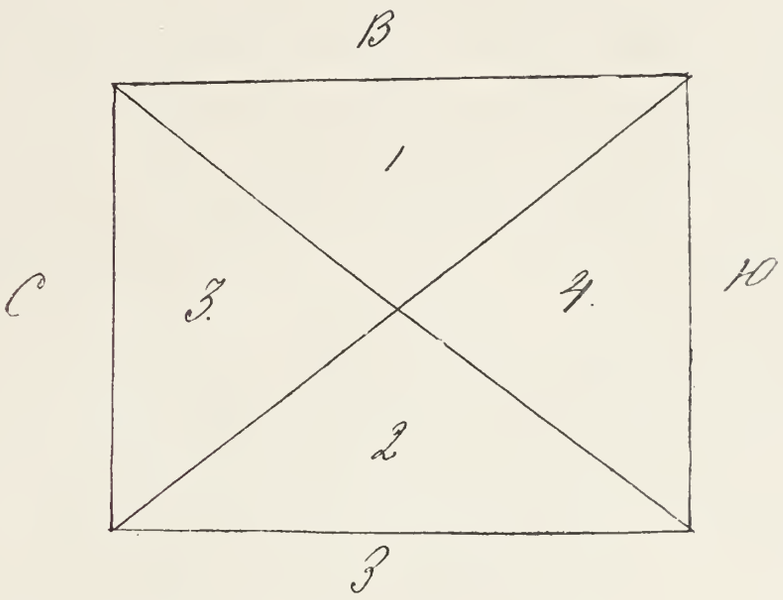
Стѣнописи Петропавловской церкви сдѣланы, вѣроятно, одновременно съ построеніемъ церкви въ 1691 году, но обнаруживаютъ слѣды поновленій. Богоматерь „честнѣйшую херувимъ“ въ алтарной апсидѣ представлена въ коронѣ; въ жертвенникѣ „се агнецъ“ и діаконы; въ діаконникѣ — древо Іессея и преподобные. Въ сводахъ — праздники и „премудрость созда себѣ домъ“; на стѣнахъ храма (с., ю., з.) Евангеліе, при чемъ на ряду съ евангельскими сценами помѣщенъ (ю.) и апокрифическій судъ надъ Іисусомъ Христомъ. Кромѣ того, на южной и западной стѣнахъ внизу — исторія Давида, а на западной — пѣснь пѣсней; на сѣверной — акаѳистъ Богоматери, гдѣ между прочимъ, находится и коронованіе Богоматери съ надписью: „радуйся, яко твоя радость во вѣкъ не скончается“; событія изъ жизни Никиты Столпника, переяславскаго чудотворца, помѣщенныя здѣсь потому, что въ Петровскомъ монастырѣ, на мѣстѣ котораго построена настоящая церковь, хранились вериги этого чудотворца, вынутыя изъ Волги; здѣсь же въ нишѣ — Недреманное Око въ обычныхъ формахъ, съ надписью въ свиткѣ херувима: „се не воздремлетъ, ниже уснетъ храняй Израиля“.

Стѣнописи Богоявленской церкви исполнены при патріархѣ Адріанѣ. Алтарь здѣсь не троечастный, какъ въ другихъ ярославскихъ храмахъ, но состоитъ изъ одного обширнаго помѣщенія, въ которомъ устроены и жертвенникъ и діаконникъ. Просторъ алтаря далъ возможность иконописцу широко развернуть картину литургіи: въ апсидѣ онъ изобразилъ „О тебѣ радуется“; по стѣнамъ алтаря: Григорій Бого-

[1]) Объясненіе ихъ въ нашей монографіи о страшномъ судѣ. Труды VI Археол. съѣзда въ Одессѣ т. III, стр. 351—354.

словъ и святители (з.), проскомидія (сходитъ ангелъ Господень) и „се агнецъ“ (с.); здѣсь же начало литургіи „благослови владыко“ и входъ съ Евангеліемъ; на другой сторонѣ (ю.) чтеніе Апостола съ надписью: „Христосъ Богъ миръ подаваетъ, во премудрости всѣхъ утверждаетъ“; благослови душе моя Господа съ надписью: „тогда Іисусъ Христосъ подаетъ благодать и миръ любящимъ Его“: надъ ю.-з. окномъ „Яко до царя“. Конецъ литургіи опять на с. стѣнѣ: „достойно и праведно (св. Троица, ангелы и народъ), побѣдную пѣснь (І. Христосъ стоитъ въ чашѣ на престолѣ), святая святымъ“ (І. Христосъ лежитъ въ чашѣ, ангелъ закалаетъ Его ножомъ), причащеніе міранъ и заамвонная молитва (ангелъ съ ораремъ стоитъ за престоломъ).

Сводъ храма крестообразный и состоитъ изъ четырехъ треугольныхъ лопастей, съ отдѣльнымъ изображеніемъ на каждой изъ нихъ:



1) Отечество: Богъ Отецъ и Сынъ возсѣдятъ на возвышенномъ тронѣ, вверху Св. Духъ, по сторонамъ Богоматерь и І. Предтеча въ молитвенномъ положеніи.

2) Успеніе Пресв. Богородицы въ формахъ обыкновенныхъ: внизу ангелъ отсѣкаетъ руки жидовина, вверху ангелы и херувимъ.

3) Вознесеніе Господне: Спаситель въ облачномъ ореолѣ, несомомъ ангелами, внизу Богоматерь, два ангела и двѣ оживленныя группы апостоловъ.

4) Воскресеніе Христово: Спаситель стоитъ на вратахъ адовыхъ, съ крестомъ въ лѣвой рукѣ, правою рукою беретъ Адама, возлѣ котораго Ева и другіе ветхозавѣтные праведники встаютъ изъ гробовъ; налѣво ангелъ сковываетъ сатану. Вверху І. Христосъ стоитъ съ крестомъ во гробѣ, въ которомъ видны погребальныя пелены, надъ Нимъ ангелы держатъ крестъ; группа ангеловъ стоитъ по правую сторону Іисуса Христа; ап. Петръ приникаетъ къ гробу І. Христа. На правой сторонѣ картины праведники ветхозавѣтные идутъ въ рай; І. Христосъ даетъ крестъ благоразумному разбойнику, который затѣмъ стоитъ у дверей рая; явленіе І. Христа ученикамъ на морѣ

Тиверіадскомъ (ап. Петръ плыветъ къ І. Христу, другіе апостолы тянутъ рыболовныя сѣти). Мы уже видѣли, что такое изображеніе воскресенія Христова часто встрѣчается на иконахъ XVII—XVIII вв.

На стѣнахъ храма евангельскія событія, въ ряду которыхъ, между прочимъ, находится изображеніе несенія креста съ Вероникою: Христосъ изнемогаетъ подъ бременемъ креста, за Нимъ стоитъ женщина съ Нерукотвореннымъ образомъ въ рукахъ; надпись: „ведоша же Іисуса на распятіе и даша Ему понести крестъ Его; и взя Іисусъ убрусъ... и отре потъ на лицѣ своемъ, и абіе вообразися образъ лица Его“. Эта версія сказанія о Нерукотворенномъ образѣ разработана была на западѣ и нерѣдко находила свое выраженіе въ памятникахъ западнаго искусства[1]).

Стѣнописи церкви св. Димитрія Солунскаго сдѣланы въ 1686 году при Іоаннѣ и Петрѣ Алексѣевичахъ, по благословенію Іоны, митрополита ростовскаго и ярославскаго (запись на западной стѣнѣ); возобновлены въ 1859 году. Въ алтарной апсидѣ главнаго храма — „О тебѣ радуется“, святители и мученики въ медаліонахъ; на западной стѣнѣ алтаря — св. Троица и символы евангелистовъ. Въ куполѣ — Господь Вседержитель съ Евангеліемъ, раскрытымъ на словахъ: „пріидите благословенніи Отца Моего“; вокругъ Пандократора: „пречистому Твоему образу, покланяемся благій...“ Въ сводахъ: с.-в. — рождество Богородицы и благовѣщеніе съ книгою; ю.-в. — рождество Христово и срѣтеніе; с.-з — введеніе во храмъ пресв. Богородицы и сошествіе Іисуса Христа во адъ; ю.-з. — преображеніе и крещеніе Іисуса Христа; зап. — вознесеніе Господне и распятіе. На стѣнахъ (с. и ю.) главнымъ образомъ Евангеліе, а внизу акаѳистъ Богоматери; на западной стѣнѣ страшный судъ, гдѣ грѣшники, идущіе въ муку вѣчную представлены съ выбритыми бородами и въ западно-европейскихъ костюмахъ[2]). Два придѣла въ этомъ храмѣ имѣютъ спеціальныя росписи: въ южномъ придѣлѣ, посвященномъ св. Димитрію Солунскому, событія изъ жизни великомученика (св. Димитрій укрѣпляетъ христіанъ въ вѣрѣ, воодушевляетъ Нестора на единоборство съ Ліемъ и др.), въ сѣверномъ придѣлѣ св. Георгія — страданія этого великомученика (колесованіе, влаченіе по землѣ; св. Георгій предъ Діоклитіаномъ и др.).

Стѣнописи Спасонагородской церкви, исполненныя въ 1693 году, не отличаются ни художественными достоинствами, ни хорошею сохранностію, но богаты иконографическимъ содержаніемъ. Въ жертвенникѣ и алтарѣ[3]) подробно изложена литургія: первая часть ея въ жертвенникѣ, вторая въ алтарѣ. Въ первомъ: „се агнецъ“ обычно; „св. Григорій вопрошенъ бысть о св. литургіи“, „въ проскомидіи ангелъ Господень сходитъ“ (ангелъ приближается къ жертвеннику), малый входъ (надпись: „іерей съ Евангеліемъ въ церковь исходитъ“), чтеніе Апостола (надъ чтецомъ Іисусъ Христосъ и сонмы ангеловъ, ап. Павелъ, надъ діакономъ Давидъ; надпись: „Христосъ Богъ нашъ миръ намъ подаваетъ, Гавріилъ и Михаилъ во премудрости всѣхъ утверждаютъ“), чтеніе Евангелія (надъ діакономъ Іисусъ Христосъ, ангелы и херувимы; надпись: „во Евангеліе Сынъ Божій сходитъ и шествіе всѣмъ подается“); въ срединѣ между поимено-

[1]) См. нашу ст. въ Христ. Чт. 1888 г. № 9—10 Ср. у Ровинскаго № 871.

[2]) Табл. XXVII.

[3]) Стѣнописи діаконика забѣлены.

ванными сейчасъ изображеніями помѣщена св. Троица и подъ Нею престолъ, священники, ангелы и народъ (надпись: „со страхомъ ангельскимъ благодать подается"), ектенія объ оглашенныхъ: діаволъ стоитъ возлѣ діакона, произносящаго ектенію, а направо ангелъ низвергаетъ діавола (надпись: „во оглашеніе ангелъ діавола свергаетъ"); внизу рядъ св. діаконовъ. Продолженіе литургіи въ алтарѣ; въ апсидѣ „О тебѣ радуется"; на сводахъ и стѣнахъ алтаря: престолъ, возлѣ котораго два ангела съ рипидами, надъ нимъ херувимы и Богъ Отецъ; предъ престоломъ священникъ съ служебникомъ, раскрытымъ на словахъ: никто же достоинъ... Это — начало молитвы при пѣніи херувимской пѣсни; „всякое нынѣ житейское": великій входъ — копія съ натуры; „достойно есть яко воистину": четыре ангела молятся у престола, въ сторонѣ колѣнопреклоненный народъ; святая святымъ: престолъ съ дискосомъ, на которомъ лежитъ Іисусъ Христосъ; надъ Нимъ Св. Духъ, Богъ Отецъ, ангелы и херувимы; внизу священникъ, діаконъ и народъ; дѣйствіе происходитъ въ одноглавой церкви; — причащеніе мірянъ (надпись: „со страхомъ Божіимъ и вѣрою приступите"); заамвонная молитва (за престоломъ стоитъ ангелъ съ ораремъ); — „буди имя Господне благословенно отнынѣ и до вѣка": священникъ и діаконъ стоятъ у престола, на которомъ двѣ чаши, Іисусъ Христосъ Отрокъ стоитъ на этихъ двухъ чашахъ. Внизу святители вселенскіе и русскіе въ ростъ, по обычаю. Объясненіе всѣхъ этихъ подробностей находится въ вышеприведенномъ Словѣ о литургіи, приписываемомъ св. Григорію Богослову. Въ аркѣ входа, ведущаго изъ алтаря въ жертвенникъ, помѣщены изображенія, какихъ мы не встрѣчали въ другихъ стѣнописяхъ; въ нихъ переданъ поучительный разсказъ о томъ, какъ одинъ юноша, за отсутствіемъ священника, заключеннаго по злобѣ діавола въ темницу, былъ крещенъ ангеломъ; здѣсь представлена темница и въ ней связанный священникъ; два діавола держатъ его (надпись: „господинъ же посла отрока, да призоветъ іерея, отрокъ же не обрѣте его и повѣда господину случившееся ему"); далѣе ангелъ въ іерейскихъ одеждахъ, съ требникомъ въ рукахъ, стоитъ предъ крещальною купелію, въ которой — юноша крещаемый, въ сторонѣ два воспріемника — мужчина и женщина (надпись: „нѣкоему юношѣ, крестившуся отъ ангела, невидимо іерею стоящу, связану по рукама"). Таковы стѣнописи жертвенника и алтаря.

Въ центральномъ куполѣ храма Господь Вседержитель, въ сѣверо-западномъ Іоаннъ Предтеча съ Божеств. Агнцемъ на бесѣдѣ, въ юго-западномъ Богоматерь съ Младенцемъ въ нѣдрахъ. Въ сводахъ праздники: введеніе во храмъ и благовѣщеніе (с.-в.), рождество Христово и крещеніе (ю.-в.), сошествіе Св. Духа и вознесеніе Господне (з.). На стѣнахъ — Евангеліе, а внизу — обращеніе Константина и Елены къ христіанству, исторія обрѣтенія креста Христова и построеніе храмовъ царицею Еленою на св. мѣстахъ: процессъ постройки — снимокъ съ русскаго плотничества: два плотника рубятъ деревянную церковь. Этотъ циклъ изображеній явился здѣсь потому, что одинъ изъ престоловъ храма посвященъ происхожденію честныхъ древъ креста Господня.

Стѣнописи Крестовоздвиженской церкви 1735 года, за исключеніемъ немногихъ изображеній, сдѣланныхъ вновь въ 1860—1865 гг. (Записи въ трапезѣ). Работали ярославскіе иконописцы[1]). Роспись въ своихъ главнѣйшихъ чертахъ согласна

[1]) Перечислены въ брош. А. Лебедева: Храмы Крестовоздвиж. прихода въ Ярославлѣ, стр. 36.

съ другими ярославскими росписями, и потому мы не можемъ принять заключенія г. Лебедева, будто она мало заключаетъ въ себѣ исторической связи[1]). Въ алтарномъ сводѣ — „О тебѣ радуется“, въ апсидѣ — Великій Архіерей Іисусъ Христосъ съ предстоящими Богоматерью и Іоанномъ Предтечею; на стѣнахъ важнѣйшіе моменты литургіи[2]); внизу — святители. Въ жертвенникѣ „се агнецъ Божій“, похвала Богородицы, „величитъ душа моя Господа“, пресвитеры и діаконы. Въ куполѣ св. Троица (Богъ Отецъ и Сынъ въ западныхъ коронахъ); въ сводахъ — праздники и „премудрость созда себѣ домъ“. На стѣнахъ (с., ю., з.) вверху евангельскія сцены и между прочимъ девять блаженствъ, встрѣчающихся въ иконографіи рѣдко[3]); страсти Христовы и страшный судъ отнесены, по обычаю, на западную стѣну; въ нижнихъ рядахъ стѣнъ (с., ю., з.): исторія креста Христова (4-й рядъ снизу), нерукотвореннаго образа (3-й рядъ), явленіе и чудеса иконы Казанской Божіей Матери (2-й рядъ); наконецъ въ самомъ нижнемъ ряду на сѣв. и южной стѣнахъ соборы — апостольскій и вселенскіе, а на западной — пѣснь пѣсней. — Очевидно, что общепринятый порядокъ росписей выдержанъ здѣсь довольно строго. Кромѣ общихъ изображеній, здѣсь введены въ роспись циклы спеціальные, какъ это мы видѣли и въ другихъ храмахъ; эпизоды изъ исторіи креста введены потому, что главный престолъ посвященъ воздвиженію честнаго креста, чудеса казанской иконы Богоматери потому, что здѣсь устроенъ придѣлъ въ честь этой иконы. Вселенскіе соборы, какъ внѣшнее выраженіе ученія церкви, имѣютъ связь съ Евангеліемъ и не составляютъ явленія слишкомъ рѣдкаго въ стѣнописяхъ; исторія нерукотвореннаго образа явилась, можетъ быть, по связи съ страстями Христовыми и изрѣдка также встрѣчается и въ другихъ стѣнописяхъ.

Притворъ расписанъ изображеніями изъ ветхаго завѣта въ 1860 — 1865 г.

Стѣнописи Варваринской церкви 1743 года (запись). Въ алтарной апсидѣ на мѣстѣ обычнаго изображенія: „О тебѣ радуется“ помѣщено западное изображеніе коронованія Богоматери; на стѣнахъ алтаря — таинства (крещеніе, мvропомазаніе и покаяніе), такъ же неизвѣстныя въ древней иконографіи; одни святители въ нижнихъ частяхъ алтаря напоминаютъ древнія росписи. Въ жертвенникѣ „се агнецъ Божій“ и указанія на необходимость поминовенія усопшихъ, заимствованныя изъ синодиковъ. Въ куполѣ Господь Вседержитель; на стѣнахъ храма, сѣверной и южной вверху, — евангельскія притчи, внизу — событія изъ жизни великомученицы Екатерины, которая считается покровительницею варваринскаго прихода; въ честь ея по сосѣдству построена теплая церковь; въ среднемъ ряду исторія иконы Знаменія Пресвятой Богородицы, введенная сюда потому, что строителемъ храма былъ новгородскій купецъ Симеонъ Добрыня (въ схимонашествѣ Сергій), которому особенно дорога была мѣстная новгородская святыня; въ честь Знаменія Богоматери посвященъ и самый храмъ; названіе же „варваринскій“ сохранилось отъ прежняго, стоявшаго здѣсь храма; о немъ напоминаетъ также особый придѣлъ въ честь Варвары Великомученицы въ настоящемъ храмѣ. — На западной стѣнѣ храма — пѣснь пѣсней. Въ цѣломъ росписи эти представляютъ,

---

[1]) Цит. брош. стр. 31.

[2]) Опис. въ нашей ст. Христ. Чт. 1888 г. № 1—2: Церк. Старина на Яросл. Археол. съѣздѣ.

[3]) Ср. у Пискатора табл. 311—318.

сравнительно съ другими, наибольшую сумму уклоненій отъ принятаго типа росписи, и обнаруживаютъ сильную наклонность къ формамъ западной иконографіи. Старинныя стѣнописи остальныхъ ярославскихъ церквей (Вознесенская, Воскресенская, церковь Св. Духа и др.) передѣланы въ недавнія времена и утратили всякое археологическое значеніе. Болѣе счастливая судьба выпала на долю двухъ храмовъ Романово-Борисоглѣбска.

Стѣнописи Крестовоздвиженскаго собора въ г. Романовѣ носятъ на себѣ печать XVII вѣка и, вѣроятно, исполнены вмѣстѣ съ построеніемъ храма въ 1658 году. Въ апсидѣ алтаря — „О тебѣ радуется“ и святители; на западной сторонѣ алтаря — св. Троица; въ крайней юго-восточной конхѣ — Похвала Пресвятой Богородицы. Въ куполахъ — Господь Вседержитель, Іоаннъ Предтеча и Богоматерь — Знаменіе. Въ сводѣ Евангеліе и Воздвиженіе Честнаго Креста. На южной стѣнѣ страсти Христовы (отъ тайной вечери до вознесенія Господня); на сѣверной — исторія креста, сцены изъ дѣяній апостольскихъ (обращеніе Савла, мученическая кончина архидіакона Стефана и др.); на западной — апокалипсисъ и вселенскіе соборы. Въ притворѣ — страшный судъ и ветхій завѣтъ (твореніе міра и человѣка, грѣхопаденіе, убіеніе Авеля, потопъ, эпизоды изъ исторіи Лота, Іосифа, Сусанны и т. д.). Еще ближе подходятъ къ росписямъ ярославскимъ *стѣнописи Воскресенскаго собора въ г. Борисоглѣбскѣ*, исполненныя, судя по записи[1]) на западной стѣнѣ, въ 1652 году. Въ алтарной апсидѣ изображенъ пятиглавый русскій храмъ и въ немъ великій входъ въ обычныхъ формахъ и порядкѣ; указаніе на таинственное значеніе его дано въ изображеніи на дискосѣ Самого Іисуса Христа вмѣсто св. хлѣба; внизу — святители. Евхаристія въ формѣ раздаянія св. хлѣба и чаши перенесена, вопреки древнѣйшему плану росписи, на западную сторону алтаря. Въ жертвенникѣ — „се агнецъ Божій“, въ діаконикѣ — воскресеніе Христово, воскрешеніе Лазаря, воскрешеніе мертвеца чрезъ прикосновеніе къ костямъ Елисея и воскрешеніе сына вдовы наинской; ниже епископы въ медаліонахъ. Въ сводахъ праздники и „Премудрость созда себѣ домъ“; на сѣверной и южной стѣнахъ — Евангеліе, кромѣ того на южной внизу вселенскіе соборы; на западной — страшный судъ полный, съ низверженіемъ демоновъ. Въ притворахъ и на лѣстницахъ роспись смѣшаннаго характера: наибольшее мѣстоотведено ветхому завѣту, но встрѣчаются здѣсь и событія новозавѣтныя изъ Евангелія, дѣяній апостольскихъ, молитва Господня, апокалипсисъ, изъ русской исторіи — крещеніе св. Владиміра и Россіи, и поучительныя изображенія религіозно-нравственнаго характера (ангелъ пріемлетъ душу умершаго праведника, ангелъ возстановляетъ спящую душу на молитву и т п.).

Стѣнописи Софійскаго собора въ Вологдѣ. Запись на внутреннихъ стѣнахъ храма показываетъ, что онѣ исполнены въ 1688 году[2]) ярославскими иконописцами Дмитріемъ Плехановымъ съ товарищами[3]); возобновлены въ 1848 — 1851 гг. съ сохраненіемъ всѣхъ главнѣйшихъ чертъ первоначальнаго столповаго письма. Это была реставрація

[1]) Запись приведена сполна въ ст. г. Лѣствицына: „Путеводитель по церквамъ г. Романова-Борисоглѣбска“, въ Яросл. Епарх. Вѣд. 1875 г. № 13, стр. 101.

[2]) Запись въ Опис. Вологод. Соф. соб. Н. И. Суворова, стр. 26—27.

[3]) Тамъ же 25—26, ср. прилож. 29.

старой стѣнописи, но не передѣлка ея на новый манеръ. Помимо сходства этого реставрированнаго памятника съ другими памятниками XVII вѣка, сохранность его подтверждается описью, сдѣланною до его реставраціи въ интересахъ точности этой послѣдней: здѣсь исчислены подробно тѣ самыя изображенія, которыя теперь находятся на лицо. Стиль живописи строгій, столповый, близко подходящій къ стилю стѣнописей первой половины XVII вѣка; композиціи просты, чужды той замысловатой символики, которою отличаются стѣнописи конца XVII и XVIII в. Въ алтарной апсидѣ „о тебѣ радуется, благодатная, всякая тварь“; на стѣнахъ алтаря — Софія премудрость Божія, которой посвященъ храмъ, „что тя наречетъ о благодатная“ и похвала Пресвятой Богородицы; внизу — ангелы, херувимы и святители, въ числѣ которыхъ московскіе митрополиты: Петръ, Алексѣй, Іона и др. Въ жертвенникѣ: Божественный Агнецъ Іисусъ Христосъ на дискосѣ, среди ангеловъ и херувимовъ, святые діаконы, страсти Христовы, святые епископы, мученики, Богоматерь среди ангеловъ и херувимовъ, поучительное изображеніе изъ синодика, выражающее мысль о пользѣ раздаянія милостыни по усопшимъ; въ куполѣ жертвенника — Іоаннъ Предтеча съ надписью „память праведнаго съ похвалами...“ и 8 пророковъ со свитками, между окнами. Въ юго-восточной апсидѣ: херувимская пѣснь или великій входъ въ формахъ простыхъ, взятыхъ съ натуры; ниже преподобные, епископы, херувимы и патріархи[1]); въ куполѣ — святая Троица и праотцы, съ надписью: „пріидите людіе тріипостасному божеству поклонимся...“ Средній храмъ: въ центральномъ куполѣ Господь Вседержитель, съ подписью: „пречистому Твоему образу покланяемся Благій...“ въ сѣверо-западномъ — Еммануилъ и пророки, въ юго-западномъ — Богоматерь — Знаменіе и пророки. Въ сводахъ храма праздники: рождество Богородицы, благовѣщеніе, успеніе, рождество Христово, срѣтеніе, богоявленіе, преображеніе, воскресеніе и вознесеніе Іисуса Христа на небо. На стѣнахъ сѣверной и южной — Евангеліе, акаѳистъ Богоматери[2]) и вселенскіе соборы; на западной — страшный судъ. На столпахъ храма вверху — мученики, внизу — русскіе князья: св. Владиміръ, Василій Ярославичъ, Константинъ Ярославичъ и др.

Росписи другой вологодской *церкви Іоанна Предтечи въ рощеньѣ* 1717 года[3]), уже не отличается ни строгостію иконописнаго стиля, ни строгимъ порядкомъ въ размѣщеніи изображеній. Въ алтарѣ, вопреки древнему обычаю, изображена молитва Господня; въ нѣкоторыхъ подробностяхъ она сходна съ молитвою Господнею у Пискатора, но не можетъ быть признана точною копіею съ послѣдней. Въ алтарномъ сводѣ представлено коронованіе Богоматери, при чемъ Богъ Отецъ и Сынъ сидятъ въ коронахъ; это — призываніе молитвы Господней. Первое прошеніе представлено въ центрѣ апсиды въ видѣ Великаго Архіерея, по сторонамъ котораго стоятъ ангелы съ рипидами и орарями. Второе: неизвѣстное лицо въ царской коронѣ, со скипетромъ, притягиваетъ къ себѣ посредствомъ веревки толпу людей: это, по всей вѣроятности, антихристъ или „грѣхъ міра сего“[4]), увлекающій людей въ свои сѣти; его власть надъ міромъ

---

[1]) Въ упомянутой описи означены еще изображенія, относящіяся къ жизни І. Предтечи.

[2]) См. цит. опись.

[3]) Запись въ Опис. церкви І. Предтечи Н. И. Суворова стр. 10; возобновлена стѣнопись въ 1859 году.

[4]) У Пискатора діаволъ, сидящій на земномъ шарѣ, держитъ людей въ цѣпяхъ, табл. 320.

побуждаетъ молить Бога, чтобы скорѣе наступили времена царства Божія. Третье: Спаситель съ крестомъ на плечахъ и группа людей также съ крестами[1]). Четвертое: архіерей причащаетъ священника, при чемъ присутствуетъ и народъ; здѣсь же міряпинъ молится предъ образомъ Іисуса Христа; на столѣ хлѣбъ и вино; смыслъ изображенія ясенъ самъ собою: хлѣбъ и вино выражаютъ мысль четвертаго прошенія о хлѣбѣ насущномъ, о чемъ долженъ молиться христіанинъ, а пріобщеніе указываетъ на символическое значеніе этого прошенія, изъявляемаго въ смыслѣ евхаристическомъ. Пятое прошеніе на южной стѣнѣ алтаря: представленъ ростовщикъ съ мѣшкомъ, наполненнымъ, вѣроятно, деньгами, и съ книгою, намекающею, быть можетъ, на долговые документы; должникъ кланяется ростовщику, который оказывается неумолимымъ; онъ ведетъ должника въ тюрьму, гдѣ сидятъ уже двое другихъ несчастныхъ. Шестое прошеніе: веселый пиръ съ женщинами, при неизбѣжномъ, въ подобныхъ случаяхъ, присутствіи діавола, а вверху — благочестивые люди направляются къ городу, означающему, повидимому, горній Іерусалимъ; они удаляются отъ искушеній, возбуждаемыхъ плотскими удовольствіями. Седьмое прошеніе тамъ же: группа падающаго ницъ народа; надъ нею ангелы и демоны. Славословіе на западной стѣнѣ алтаря: здѣсь изображены Богъ Отецъ, Сынъ, Богоматерь и Іоаннъ Предтеча: картина означаетъ вѣчное царство Божіе; колѣнопреклоненные люди — искатели и будущіе наслѣдники его.

Въ куполѣ храма — отечество; на сводѣ — символъ вѣры; на стѣнахъ: сѣверной — Евангеліе и акаѳистъ Богоматери; южной — Евангеліе, эпизоды изъ жизни Іоанна Предтечи и акаѳистъ Богоматери; западной — Евангеліе, жизнь Іоанна Предтечи и пѣснь пѣсней; на откосѣ южнаго окна, на клиросѣ, Недреманное око. Болѣе 60-ти единоличныхъ изображеній святыхъ вселенской и русской церкви размѣщены въ алтарѣ и средней части храма.

Отъ старинныхъ стѣнописей Спасской обыденной церкви въ Вологдѣ уцѣлѣли лишь нѣкоторыя изображенія изъ ветхаго завѣта въ притворѣ въ стилѣ и манерѣ западныхъ гравюръ.

Въ Ростовѣ Ярославскомъ заслуживаютъ вниманія стѣнописи въ *церкви Спаса на Сѣняхъ* въ кремлѣ XVII в. Въ главномъ и существенномъ онѣ близко подходятъ къ ярославскимъ: въ алтарѣ тѣ же изображенія: „о Тебѣ радуется“ и святителей, въ жертвенникѣ — „се агнецъ“, св. діаконы, „что тя наречетъ“, св. Софія премудрость Божія; въ діаконикѣ распятіе Спасителя, преподобные и похвала пресвятой Богородицы. Въ куполѣ храма — Богъ Отецъ (!), въ сводѣ — страсти Христовы, на стѣнахъ — чудеса Евангелія и послѣдніе дни земной жизни Іисуса Христа. Къ возвышенной солеѣ храма примыкаютъ изображенія праздниковъ господскихъ и богородичныхъ. Особенный интересъ представляетъ роспись каменной алтарной преграды; на ней изображены: евхаристія, по древнему переводу, крещеніе Іисуса Христа, срѣтеніе, рождество Богородицы и благовѣщеніе; выше — деисусъ, потомъ пророки, выше — праотцы, наконецъ распятіе; здѣсь, слѣдовательно, тѣ же самыя изображенія, что и въ четырехъярусныхъ деревянныхъ иконостасахъ. Такого же плана и характера роспись въ *церкви Іоанна*

[1]) Тоже у Пискатора табл. 321.

Богослова XVII в., съ тою особенностію, что здѣсь введены въ роспись изображенія, относящіяся къ жизни св. Іоанна Богослова. Каменная иконостасная стѣна украшена пятью рядами изображеній — праздниковъ (1-й и 3-й ряды), деисуса, пророковъ и праотцевъ съ распятіемъ вверху. Древнее преданіе о св. Аврааміи ростовскомъ нашло свое выраженіе въ сценѣ низверженія идола этимъ святымъ, на западной стѣнѣ. Въ папертяхъ, окружающихъ эту церковь съ трехъ сторонъ, помѣщены дѣянія апостоловъ, по связи съ посвященіемъ храма имени апостола Іоанна. *Воскресенская церковь* въ ростовскомъ кремлѣ, заключаетъ въ себѣ, между прочимъ, обширные циклы изображеній изъ ветхаго завѣта и апокалипсиса въ своихъ притворахъ. Сохранились старинныя росписи также въ церкви *Одигитріи*.

Въ Костромѣ старинныя стѣнныя росписи находятся въ *Ипатьевскомъ монастырѣ:* онѣ сдѣланы въ 1685 году тѣми костромскими иконописцами, которые расписывали Ильинскую церковь въ Ярославлѣ; въ *соборѣ Богоявленскаго монастыря* XVII в.[1]); въ Успенскомъ соборѣ 1775 г.; въ *Воскресенской церкви на Дебрѣ* XVII в. (передѣлана въ недавнее время) и въ церкви Іоанна Богослова, за рѣкою Костромою, 1735 года[2]). Въ нихъ выступаютъ предъ нами тѣ же художественныя силы, что и въ стѣнописяхъ ярославскихъ, съ тѣми же пріемами техническими, съ тою же практическою подготовкою и образованіемъ и потому отдѣльная характеристика ихъ, въ интересахъ цѣлаго, не представляется въ настоящій разъ существенно необходимою.

Разсмотрѣнные нами памятники стѣнной живописи позволяютъ установить съ достаточною опредѣленностію главнѣйшія типическія черты церковной росписи въ послѣдній періодъ древне-русскаго искусства. Древняя символика православнаго храма получила наибольшее развитіе въ послѣдній періодъ исторіи русскаго искусства. Особенною широтою иконографическихъ цикловъ отличаются русскія стѣнописи второй половины XVII в. Между тѣмъ какъ стѣнописи XVI в. близко стоятъ къ стѣнописямъ аѳонскимъ того же времени и сохраняютъ простоту замысла и строгость стиля, стѣнописи русскія XVII в. уходятъ далеко впередъ, и въ отношеніи свободной переработки древнихъ иконографическихъ темъ, широкаго пользованія западными источниками, символики алтаря превосходятъ даже греческія стѣнописи XVII — XVIII вв. Древнѣйшее изображеніе Богоматери въ алтарной апсидѣ удержало, за весьма немногими исключеніями, свое прежнее мѣсто, но осложнилось въ своихъ формахъ. Евхаристія перенесена на западную сторону алтаря, а иногда и совсѣмъ опущена; святители удержали тѣ же мѣста, какія занимали въ стѣнописяхъ византійскихъ; но среди святителей церкви вселенской выступаютъ, особенно во второй половинѣ XVII в., святители русскіе — фактъ, доказывающій, что уваженіе къ національнымъ святымъ, поколебленное справщиками славянскихъ миней, исключившими отсюда службы многимъ русскимъ святымъ, по отсутствію ихъ въ минеяхъ греческихъ, проникло уже глубоко въ русское сознаніе. Идея

[1]) Весь старинный соборъ обращенъ въ алтарь новаго собора.

[2]) Имена костромскихъ иконописцевъ, работавшихъ въ этой церкви (запись): Стефановскій попъ Ѳедоръ Логиновъ, съ дѣтьми Матоеемъ да Иваномъ, Яковъ Васильевъ, Егоръ Абрамовъ съ сыномъ Семеномъ, Алексѣй Григорьевъ съ братомъ Ѳедоромъ, Покровскій дьяконъ Ѳедоръ Григорьевъ съ сыномъ Иваномъ, Иванъ Алексѣевъ, Василій Ивановъ, Трофимъ Андреевъ, Леонтій Ѳедоровъ, Осипъ Даниловъ, Ѳедоръ Михайловъ, Семенъ Степановъ.

евхаристіи, главнымъ выраженіемъ которой въ памятникахъ древнѣйшихъ служило изображеніе раздаянія Спасителемъ святого хлѣба и чаши апостоламъ, выражается въ памятникахъ послѣдняго періода церковнаго искусства въ цѣломъ рядѣ изображеній, генетически связанныхъ съ толкованіемъ на литургію, приписываемымъ св. Григорію Богослову. Стремленіе къ наиболѣе полному и наглядному выраженію таинственнаго смысла литургіи приводитъ мысль русскихъ иконописцевъ къ чудеснымъ разсказамъ цвѣтника. Какъ въ разсказахъ этихъ, такъ и въ соотвѣтствующихъ имъ изображеніяхъ, нѣтъ цѣльнаго воззрѣнія на значеніе литургіи; здѣсь мы видимъ лишь случайный подборъ фактовъ, заимствованныхъ изъ частныхъ случаевъ жизни и приноровленныхъ къ требованіямъ воображенія и чувства. Вниманіе къ нимъ со стороны русскихъ иконописцевъ и помѣщеніе въ алтарѣ православнаго храма служатъ очевидными признаками широкаго распространенія цвѣтниковъ среди грамотныхъ людей и благосклоннаго отношенія къ нимъ представителей церкви; это будетъ тѣмъ болѣе ясно, если припомнимъ, что цвѣтникъ издавался неоднократно и что въ первый разъ онъ напечатанъ былъ во дворѣ Іова Борецкаго, митрополита кіевскаго.

Главнѣйшее изображеніе жертвенника — агнецъ Божій Іисусъ Христосъ указываетъ прямо на назначеніе жертвенника, въ которомъ приготовляется безкровный агнецъ для литургіи. Выборъ хлѣба и вина для евхаристіи и самое совершеніе проскомидіи въ древности возложены были на діаконовъ; даже и послѣ того, когда проскомидія получила видъ церковнаго чинопослѣдованія, совершеніе ея нерѣдко предоставлялось діакопамъ; отсюда въ стѣнописяхъ жертвенника явились св. діаконы. На проскомидіи, совершаемой въ жертвенникѣ, бываетъ, между прочимъ, поминовеніе усопшихъ; поэтому въ стѣнописяхъ его весьма умѣстны нерѣдко встрѣчающіяся здѣсь изображенія, доказывающія пользу поминовенія усопшихъ. Въ росписяхъ аѳонскихъ иногда встрѣчаются въ сводѣ алтаря изображенія, относящіяся къ идеѣ воскресенія; въ памятникахъ русскихъ они переносятся иногда въ діаконикъ; по большей же части въ нашихъ діаконикахъ устроены особые придѣлы, имѣющіе спеціальныя росписи.

Въ центральномъ куполѣ храма, согласно съ древнѣйшимъ обычаемъ, помѣщается въ разсматриваемую эпоху Господь Вседержитель; въ остальныхъ четырехъ, согласно съ греческимъ подлинникомъ, Еммануилъ, Богоматерь и Іоаннъ Предтеча; въ трибунѣ пророки и праотцы, въ парусахъ сводовъ — евангелисты. Въ сводахъ — праздники и Софія премудрость Божія. На стѣнахъ сѣверной и южной, а иногда и западной — Евангеліе и вселенскіе соборы. Посвященіе храма Богоматери или святому выражается введеніемъ въ роспись стѣнъ спеціальныхъ изображеній, относящихся къ Богоматери и святымъ. На западной стѣнѣ страшный судъ и пѣснь пѣсней. На столпахъ единоличныя изображенія мучениковъ, русскихъ князей и проч.

Росписи притворовъ имѣютъ характеръ смѣшанный: чаще всего повторяются здѣсь изображенія изъ ветхаго завѣта и апокалипсиса; иногда символъ вѣры и молитва Господня, согласно съ греческимъ подлинникомъ.

Особые придѣлы въ храмахъ имѣютъ спеціальныя росписи; такой же спеціальный характеръ замѣчается въ росписяхъ главныхъ храмовъ (не придѣловъ) Ильинскаго и Николо-Мокринскаго въ Ярославлѣ.

Если взять во вниманіе однѣ основныя, т.-е. наиболѣе повторяемыя черты этихъ стѣнописей, въ ихъ цѣломъ видѣ, то нельзя не примѣтить въ нихъ художественнаго выраженія идеи храма и его составныхъ частей. Личный произволъ строителей и иконописцевъ, недостаточное вниманіе къ основной идеѣ росписи, нерѣдко обнаруживающіеся въ памятникахъ, нарушаютъ иногда внѣшнюю гармонію росписи и введеніемъ случайныхъ изображеній въ общую систему, наносятъ ущербъ цѣльности впечатлѣній; но сравненіе памятниковъ между собою даетъ возможность выдѣлить отсюда явленія случайныя и установить по крайней мѣрѣ то общее положеніе, что стѣнная роспись не есть случайный конгломератъ личныхъ фантазій иконописцевъ. Въ ней есть нѣчто такое, что не зависитъ отъ личнаго произволенія и выражаетъ общепринятое символическое воззрѣніе на храмъ и его составныя части; воззрѣніе это остается все еще въ силѣ даже и въ эпоху свободнаго отношенія къ древнему иконописному преданію, когда видоизмѣняются техника и стиль, входитъ въ моду подражаніе западнымъ образцамъ, сочиняются новые сюжеты, — разумѣемъ XVII — XVIII в. Притворъ означаетъ ветхозавѣтную сѣнь, преддверіе церкви ново-завѣтной: въ немъ, въ фактахъ ветхозавѣтной исторіи, указаны пути Промысла, направляющаго человѣка въ новозавѣтное царство благодати. Но указанія эти все еще гадательны, обѣтованія и пророчества не вполнѣ ясны. Сѣнь закона еще не прешла, и новозавѣтная благодать не явилась. Еще болѣе темны судьбы церкви и міра, пророчески начертанныя въ апокалипсисѣ. Здѣсь въ притворѣ, предъ мысленнымъ взоромъ входящаго въ храмъ, открывается начало божественнаго домостроительства. Но вотъ онъ вступаетъ въ храмъ, изъ ветхаго завѣта переходитъ въ новый. Здѣсь предъ нимъ новозавѣтная церковь, основанная Іисусомъ Христомъ, просвѣтившимъ міръ свѣтомъ Своего евангельскаго ученія и чудесами и запечатлѣвшимъ непреложное существованіе церкви Своею смертію. Христосъ — Основатель и Глава церкви; вселенскіе соборы — раскрытіе и утвержденіе ея истины на землѣ. Наконецъ, алтарь переноситъ мысль христіанина въ горній міръ: онъ есть мѣсто совершенія безкровной жертвы, при которой присутствуетъ дѣйствительно Самъ Богъ съ небесными силами; онъ есть небо, къ которому приближается человѣкъ въ литургіи, совершаемой во имя искупительныхъ заслугъ Іисуса Христа.

Въ тѣсной связи съ стѣнными росписями стоитъ иконографическое содержаніе нашихъ старинныхъ иконостасовъ. Если росписи не составляютъ случайнаго конгломерата разнородныхъ и безсвязныхъ элементовъ, но выражаютъ понятіе о церкви, то и икопостасъ также, по мѣткому замѣчанію моск. митр. Филарета служитъ полнымъ выраженіемъ идеи вселенской церкви. Сравнивая между собою тѣ и другіе, нельзя не видѣть въ нихъ близкаго сходства не только по отношенію къ отдѣльнымъ элементамъ, но, что гораздо важнѣе, къ цѣльнымъ группамъ и рядамъ. Въ храмахъ новѣйшихъ, гдѣ составъ иконостаса и характеръ стѣнныхъ росписей во многомъ зависятъ отъ личнаго произвола и весьма нерѣдко страдаютъ отсутствіемъ цѣльной мысли, тѣ и другіе различны между собою; но въ церквахъ старинныхъ прямо бросается въ глаза то, что иконы икопостаса повторяютъ тѣ же самыя изображенія, какія находятся въ стѣнныхъ

росписяхъ. Это наше заключеніе основывается на сравненіи разсмотрѣнныхъ стѣнописей съ многочисленными старинными иконостасами Новгорода, Москвы, Ростова, Ярославля, Старой Русы и проч.; также со старинными описями церквей[1]), гдѣ отводится видное мѣсто описанію иконостасовъ. Въ нормальномъ полномъ иконостасѣ, кромѣ мѣстныхъ иконъ, выдѣляются нѣсколько цикловъ изображеній: 1) изображенія на царскихъ вратахъ и ихъ столбикахъ, 2) деисусъ, 3) праздники, 4) пророки и 5) праотцы. Надъ царскими вратами въ старинныхъ храмахъ и даже въ новыхъ обычно помѣщалось и помѣщается изображеніе тайной вечери. Въ храмахъ византійскихъ и древнѣйшихъ русскихъ его здѣсь не было; его первоначальное мѣсто — среди росписей алтарной апсиды, откуда оно, со введеніемъ высокихъ иконостасовъ, перепесено было на то мѣсто, какое занимаетъ теперь. Какими соображеніями вызвано было это перемѣщеніе, — объ этомъ скажемъ ниже. На царскихъ вратахъ издавна помѣщалось и помѣщается благовѣщеніе Пресв. Богородицы: на одной половинѣ ихъ Пресв. Дѣва съ рукодѣльемъ, на другой благовѣствующій архангелъ: тотъ же сюжетъ, въ томъ же иконографическомъ переводѣ, съ точно такимъ же размѣщеніемъ фигуръ въ древнихъ стѣнныхъ росписяхъ помѣщался на двухъ столбахъ, отдѣляющихъ алтарь отъ средней части храма. Введеніе глухихъ высокихъ иконостасовъ неизбѣжно повело къ удаленію этого сюжета съ его первоначальнаго мѣста, а царскія врата уже однимъ своимъ раздѣленіемъ на двѣ половины представляли новое удобное, по условіямъ иконографическаго сочиненія сюжета, мѣсто. На столбикахъ иконостаса обыкновенно изображались святители: Василій Великій, Григорій Богословъ, Іоаннъ Златоустъ, Аѳанасій Александрійскій, Кириллъ Алекс., Николай Чудотворецъ и др., и св. діаконы: Стефанъ, Евплъ, Прохоръ, Авивъ, Филиппъ, Лаврентій и др. Это тѣ самыя лица, которыя въ стѣнописяхъ занимали мѣсто въ нижнихъ рядахъ алтарнаго полукружія и на столбахъ иконостаса. Встрѣчаются и такіе экземпляры древнихъ царскихъ вратъ, гдѣ изображенія святителей (Василія Великаго и Іоанна Злат.) занимаютъ мѣсто благовѣщенія Пресв. Богородицы. Изображенія Богоматери и Спасителя на верхушкахъ названныхъ столбиковъ также могутъ быть поставлены въ связь съ соотвѣтствующими изображеніями алтаря. Такимъ образомъ видно, что на царскихъ вратахъ находятся изображенія алтарной апсиды и алтарныхъ столбовъ. Въ нѣкоторыхъ иконостасахъ XVII в. надъ царскими вратами, на мѣстѣ древнѣйшаго изображенія евхаристіи, встрѣчается изображеніе небесной литургіи или великаго входа[2]), гдѣ служащими являются ангелы; это то же самое изображеніе, которое нерѣдко видимъ въ алтарныхъ стѣнописяхъ XVII в. Первый рядъ иконостаса — деисусъ, въ составъ котораго входятъ изображенія Спасителя, Богоматери, I. Предтечи и апостоловъ, представляетъ собою въ сущности иконографическое содержаніе развернутаго центральнаго купола, хотя установить генетическую связь между ними не легко. Слѣдующій рядъ — праздники, прямо напоминаютъ рос-

---

[1]) Этимъ источникомъ пользовался еп. Макарій при описаніи новгородскихъ иконостасовъ. Археол. опис. церк. древн. въ Новгородѣ, ч. II, стр. 45 и слѣд.

[2]) Напр. въ придѣлѣ свв. Петра и Аѳанасія аѳонскихъ въ Новгор. Антоніевомъ монастырѣ. Кстати исправимъ невѣрное замѣчаніе еп. Порфирія, который считалъ эти изображенія дѣломъ у насъ невиданнымъ. Перв. путеш. I, 1, стр. 205.

писи храмовыхъ стѣнъ и сводовъ. Связующимъ звеномъ между тѣми и другими можетъ служить настѣнная живопись каменныхъ алтарныхъ преградъ въ храмахъ ростовскихъ: здѣсь вмѣсто праздничныхъ деревянныхъ иконъ представлены соотвѣтствующія изображенія на самыхъ стѣнахъ. Слѣдующій рядъ пророковъ съ Богоматерью въ центрѣ имѣетъ свои аналогіи, во-1-хъ, въ цѣломъ верхнемъ рядѣ изображеній пророковъ на сѣверной и южной стѣнахъ храма съ алтарнымъ изображеніемъ Богоматери во главѣ; во-2-хъ, въ изображеніяхъ одного изъ побочныхъ куполовъ. Рядъ праотцевъ съ св. Троицею въ центрѣ служитъ повтореніемъ части росписи того же главнаго купола послѣдней эпохи въ исторіи русскаго церковнаго искусства. Распятіе, какъ вѣнецъ иконостаса, явилось на смѣну простого креста, который былъ первоначально древнѣйшимъ украшеніемъ иконостаса. Въ нѣкоторыхъ русскихъ храмахъ внизу подъ мѣстными иконами встрѣчается рядъ изображеній, въ которыхъ выражается мысль о пользѣ поминовенія усопшихъ на литургіи: тѣ же самыя изображенія встрѣчаются и въ росписяхъ жертвенника. Если въ данномъ случаѣ возможно ставить вопросъ о вліяніи, то руководящее значеніе необходимо усвоить стѣнописямъ, такъ какъ ихъ установка въ храмахъ предшествуетъ въ хронологическомъ порядкѣ образованію нашихъ иконостасовъ. Стѣнописи могли прежде всего оказать вліяніе на сформированіе иконостасовъ. Едва ли возможно съ точностію рѣшить, въ какое время явились у насъ высокіе иконостасы[1]). Какихъ-либо распоряженій относительно введенія ихъ никогда не было; они образовались постепенно путемъ наслоеній, вызываемыхъ частными потребностями, въ однѣхъ церквахъ ранѣе, въ другихъ позднѣе, а потому точнаго однообразія ихъ не было даже и въ XVII вѣкѣ. Достаточно сравнить напр. иконостасы соборовъ московскаго — Успенскаго и новгородскаго — Софійскаго, чтобы видѣть въ нихъ нѣкоторое различіе, при соблюденіи общаго типа. Для уясненія процесса сформированія иконостаса предлагаемъ слѣдующія соображенія. Думаемъ, что начало высокихъ иконостасовъ положено было въ церквахъ деревянныхъ: стѣнописей въ нихъ не было, а между тѣмъ потребность изображеній, въ интересахъ символизаціи храма и молитвеннаго настроенія посѣтителей, должна была существовать неизбѣжно. Восполнить этотъ недостатокъ возможно было иконами, писанными на деревѣ; выборъ иконъ прямо опредѣляется иконографическимъ содержаніемъ стѣнописей, а ихъ мѣстоположеніе указывалось древнѣйшимъ и вѣрнымъ цѣлесообразнымъ обычаемъ ставить иконы на алтарной преградѣ. Столь же необходимы были подобные иконостасы и для тѣхъ каменныхъ храмовъ, въ которыхъ не было стѣнныхъ росписей. Вызванная необходимостью новая форма иконостаса встрѣтила горячее сочувствіе въ средѣ любителей и почитателей церковнаго благолѣпія; глазъ свыкся съ нею, и ее стали примѣнять даже и въ тѣхъ храмахъ, гдѣ были стѣнныя росписи. Практической необходимости для нея въ этихъ послѣднихъ не существовало; напротивъ высокій иконостасъ былъ здѣсь дѣломъ излиш-

---

[1]) Данныя для исторіи ихъ: Ю. Д. Филимоновъ, церковь св. Николая на Липнѣ; Е. Е. Голубинскій, Исторія иконостаса (Правосл. Обозр. 1872 г., II; ср. Истор. русск. ц. т. I, ч. 2); прот. П. Г. Лебединцевъ, о св. Софіи Кіевской (Труды III Археол. съѣзда I, 78 и слѣд.); Архим. Макарій, Археол. опис. церк. древн. Новгорода II, 36 и слѣд.

нимъ, такъ какъ онъ представлялъ собою лишь повтореніе того, что находилось въ стѣнописяхъ. Такое именно повтореніе представляютъ всѣ высокіе иконостасы во всѣхъ тѣхъ храмахъ, гдѣ находятся разсмотрѣнныя выше стѣнописи. Но уваженіе къ обычаю, однажды установленному, сила привычки не только допускаютъ это явленіе, но и возводятъ его на идеальную высоту, какъ выраженіе особеннаго благоговѣнія къ храму Божію. Явленія, связанныя между собою генетически, отдѣлились одно отъ другого и стали въ сознаніи народа независимыми.

GETTY RESEARCH INSTITUTE
3 3125 01498 4518